

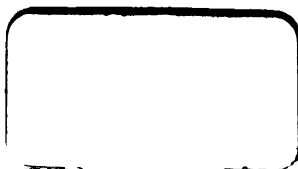
P Slav 176.25

www.libtool.com.cn

1869
4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.industry.com.cn

ВЪСТАНОВЛЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

1869

4

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-ая.

124

с АПРѢЛЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

4. 23/6/18

www.libtool.com.cn

www.libgen.com

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРА.

1869

4

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

с АПРѢЛЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. В. ДРОЗДОВЪ

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1869.

- I. — ОБРЫВЪ. — Романъ. — Часть четвертая. — I-XIV. — **Н. А. Гончарова**
- II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РЪЧИ ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — Глава первая. —
I. Путешествіе Екатерины на югъ; свиданіе Станислава Августа съ Екатериной
и Іосифомъ; проектъ союза Польши съ Россією. — II. Положеніе и виды Пруссіи;
партія въ Польшѣ; движеніе умовъ; приготовленіе къ сейму; избраніе маршала. —
III. — Открытіе сейма; прусскія внушенія; увеличеніе войска; уничтоженіе воен-
наго департамента; учрежденіе военной комиссіи. — IV. Арх. Викторъ Садков-
скій; усиленіе православія; страхъ крестьянскихъ бунтовъ; казни и преслѣдованія;
арестъ Садковского; нота Штакельберга. — **Н. И. Костомарова**
- III. — ВОСПОМИНАНІЯ О ВЪЛИНСКОМЪ. — I-XXI. — **И. С. Тургенева**
- IV. — РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ БЕНТАМА. — II. — **А. Н. Пыпина**
- V. — ПѢСНЯ О ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ. — Стих. гр. **А. К. Толстаго**
- VI. — РУССКІЕ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ. — I. — **К. К. Арсеньева**
- VII. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть вторая. —
Книга пятая. — XI-XXI. (Переводъ съ рукописи)
- VIII. — ЛАМАРТИНЪ. — Биографическій очеркъ. — **А. А. Полонскаго**
- IX. — КАССАЦИОННЫЕ ДЕПАРТАМЕНТЫ СЕНАТА. — I. — Гражданская практика. — **П. М.**
- X. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Сессія дворянства Петербургской губерніи. — Во-
просъ объ опекахъ. — Правительственный проектъ. — Всесословность и сословность. —
Городской элементъ въ общей опеке. — Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 г. —
Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. — Земледѣльческая ипотека
и баня. — Что такое почта? — Реформа во взглядѣ на умственное право обще-
ства. — Религіозныя разномыслія. — Дѣло Крынина. — Дѣло Большакова. . .
- XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Французскій законодательный курсъ. — Прус-
скіе парламенты. — Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. — Сѣверо-амери-
канскіе Штаты и избраніе новаго президента. — Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. —
Жизнь Гранта и его политическія идеи. — Билль Гладстона объ ирландской перени.
- XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — МИНИСТЕРСТВО НАРОДНАГО ПРО-
СВѢЩЕНІЯ И ЦЕРКОВЬ ВЪ ПРУССИИ. — **К.**
- XIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Мартъ. — Русская литература: Признаки
времени и письма о провинціи, **М. Салтыкова (Щедрина)**. — Сочиненія и пере-
воды **А. Н. Баженова**. — Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 62 гг.
Соч. **А. Подвысоцкаго**. — Виленскій сборникъ, **В. Кулина**. — **А. С-нъ**. — Система-
тический каталогъ русскимъ книгамъ въ кн. маг. **А. Ѳ. Базунова**. Состав, **В. И.**
Межовъ. — Огвѣтъ г. **Шуфа**, по поводу рецензій его историческаго учебника .
- XIV. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги. 7965
27

Объявленіе о русской книжной торговлѣ: А. Ѳ. Базунова.

НВ. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе многородныхъ подписчиковъ на прав-
подписки, помѣщенные ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоумѣ-
и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

1879. Oct. 6.

P Slav-176.25

www.libtool.com

Gift of

151.84

Eugene Schuyler,
U. S. Consul,
at Birmingham, Eng.

~~Slav-302~~

О Б Р Ы В Ъ

РОМАНЪ *).

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 20 1975

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Вѣра, разставшись съ Райскимъ, еще подождала, чутько вслушиваясь, не слѣдуетъ ли онъ за ней, и вдругъ бросилась въ кусты, раздвигая вѣтви зонтикомъ и скользя, какъ тѣнь, по знакомой ей тропинкѣ. Она пробралась въ развалившейся и полустигнувшей бесѣдѣ въ лѣсу, который когда-то составлялъ часть сада. Крыльцо отдѣлилось отъ нея, ступени разохлись, полъ въ ней осѣлъ, и нѣкоторыя доски провалились, а другія шевелились подъ ногами. Оставался только покривившійся на бокъ столъ, да двѣ скамьи, когда-то зеленныя, и уцѣлѣла еще крыша, заросшая мхомъ.

Въ бесѣдѣ сидѣлъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и кожаная сумка.

— Онъ подаль Вѣрѣ руку и почти втащилъ ее въ бесѣдку по сломаннымъ ступенямъ.

— Что такъ поздно?

— Братъ задержалъ, сказала она, поглядѣвъ на часы. — Впроя только четверть часа опоздала. Ну, что вы: ничего не глосъ новаго?

— А что должно случиться? спросилъ онъ: развѣ вы ждали?

— Не посадили ли на гауптвахту опять, или въ полицію? Я каждый день жду... www.100.com.cn

— Нѣтъ: я теперь сталъ осторожнѣе, послѣ того, какъ Райскій порисовался и свеливодушничалъ: взялъ на себя исторію о книгахъ...

— Вотъ этого я не люблю въ васъ, Маркъ...

— Чего «этого?»

— Какой-то сухости, даже злости ко всему, кромѣ себя. Братъ не рисовался совсѣмъ: онъ даже не сказалъ мнѣ. Вы не хотите оцѣнить доброй услуги...

— Я цѣню по своему.

— Какъ волѣъ оцѣнилъ услугу журавля: ну, чтобы сказать ему «спасибо» отъ души, просто, какъ онъ просто сдѣлалъ? Прямой вы волѣъ! заключила она замахнувшись ласково зонтикомъ на него. — Все отрицать, порицать, воситься на всѣхъ... Гордость это, или...

— Или чтò?

— То же рисовка, позированье, новый образъ воспитанія «грядущей силы...»

— Ахъ, вы насмѣшница, сказали онъ, садясь подлѣ нея: — вы еще молоды, не пожили, не успѣли отравиться всѣми прелестями добраго стараго времени. Когда я научу васъ человѣческой правдѣ?

— А когда я отъучу васъ отъ волчьей лжи?

— За словомъ въ карманъ не ходите: умница! Съ вами не скучно. Еслибъ еще къ этому...

Онъ почесалъ задумчиво голову.

— Въ полицію посадили! договорила она. — Кажется, только этого не достааетъ для вашего счастья.

— Не будь васъ, давно бы куда-нибудь уехали. Вы мѣшаете...

— Вамъ скучно жить мирно: бури хочется! А общали мнѣ, и другую жизнь, и чего-чего не общали! Я была такъ счастлива, что даже дома замѣтили экстазъ. А вы опять за свое!

Онъ взялъ ее за руку.

— Хорошенькая рука: сказали онъ, цѣлуя нѣсколько разъ и потянувшись поцѣловать ее въ щеку, но она отодвинулась.

— Опять! сказали онъ: скоро ли это воздержаніе кончится? Вы, должно быть, боитесь Успенскаго поста? Или бережете ласки для.....

— Не люблю я, когда вы такъ шутите! отдернувъ руку сказала она. — Вы это знаете.

— Тонъ нехорошъ?

— Да, непріятный. Прежде отучитесь отъ него, и вообще

отъ этихъ волчьихъ манеръ: это и будетъ первый шагъ въ человѣческой правдѣ.

— Ахъ вы барышня! дѣвочка! На какой еще азбукѣ сидите вы: на манерахъ да на тонѣ! Какъ медленно развиваетесь вы въ женщину: передъ вами свобода, жизнь, любовь, счастье—а вы разбираете тонъ, манеры! Гдѣ же человѣкъ, гдѣ женщина въ васъ?... Какая тутъ «правда!»

— Вотъ теперь какъ Райскій заговорили....

— А что онъ:— все страстенъ?

— Еще больше. Я не знаю, право, что съ нимъ дѣлать.

— Что? Дурачить, тянуть....

— Гадко, неловко, совѣстно, сказала она, качая головой.—И не умѣю я: это не мое дѣло!

— Совѣстно! Вы думаете, онъ не дурачить васъ?

Она покачала съ сомнѣніемъ головой.

— Нѣтъ, онъ, кажется, увлекается...

— Тѣмъ хуже: онъ ухаживаетъ, какъ за своей крѣпостной. Эти стихи, что вы мнѣ показывали, отрывки вашихъ разговоровъ— все это ясно, что онъ ищетъ развлечения. Надо его проучить...

— Лучше все открытъ ему—онъ уѣдетъ. Онъ говоритъ, что тайна поддерживаетъ въ немъ раздраженіе и что если онъ узнаетъ все, то успокоится и уѣдетъ...

— Вреть: не вѣрьте, хитрить. А лишь узнаетъ, то возненавидитъ васъ, или будетъ читать мораль, еще скажетъ, пожалуй, бабушкѣ.....

— Боже сохрани! перебила Вѣра, вздрогнувъ, — если ей скажетъ кто-нибудь другой, а не мы сами... Ахъ, скорѣе бы! Ухватить мнѣ развѣ на время?..

— Куда вы уѣдете! Надолго—нельзя и некуда, а не надолго—только раздражите его. Вы уѣзжали: что жъ вышло? Нѣтъ, одно средство: не показывать ему истины, а водить. Пусть поретъ горячку, читаетъ стихи, смотритъ на луну..... Вѣдь онъ неизлечимый романтикъ... Послѣ отрезвится и уѣдетъ...

Она вздохнула въ отвѣтъ. — Онъ не романтикъ, а поэтъ, артистъ. Я начинаю вѣрить въ него. Въ немъ много чувства, правды... Я ничего не скрыла бы отъ него, еслибъ у него у самого не было ко мнѣ того, что онъ называетъ страстью. Только чтобъ его немного охладить, я рѣшаюсь на эту глупую, двойную роль... Лишь отрезвится, я сейчасъ ему скажу первая все—и мы будемъ друзья...

— Да ну его! сказалъ Маркъ, взявъ ее опять за руку. — Мы не за тѣмъ сошлись, чтобъ заниматься имъ.

Онъ молча цѣловаль у ней руку. Она задумчиво отдала ее ему на волю.

— Ну—что же вы? спросила она, отряхивая задумчивость.

— А что?

— Что дѣлали, съ кѣмъ видѣлись это время? не проговорились ли опять чего-нибудь о «грядущей силѣ», да о «зарѣ будущаго», о «юныхъ надеждахъ?» Я такъ и жду каждый день: иногда отъ страха и тоски не знаю куда дѣться!

— Нѣтъ, нѣтъ, смѣясь сказала Марья: не бойтесь. Я бросилъ этихъ скотовъ: не стоить съ ними связываться.

— Ахъ, дай Богъ: умно бы сдѣлали! Вы хуже Райсеаго въ своемъ родѣ: вамъ бы нужнѣе былъ урокъ. Онъ артистъ: рисуетъ, пишетъ повѣсти. Но я за него не боюсь, а за васъ у меня душа не покойна. Вонъ у Лозгиныхъ младшій сынъ, Володя,—ему четырнадцать лѣтъ—и тотъ вдругъ объявилъ матери, что не будетъ ходить къ обѣдни.

— Что же?

— Высѣли: стали добираться—отчего? На старшаго показывать. А тотъ забрался въ дѣвичью, да горничнымъ цѣлый вечеръ проповѣдываль, что глупо ѣсть постное, что Бога нѣтъ и что замужъ выходить нелѣпно....

— Ахъ! съ ужасомъ произнесъ Марья.—Ужели это правда: въ дѣвичьей! А я съ нимъ цѣлый вечеръ, какъ съ путнымъ говорилъ, далъ ему книгъ и....

— Уже онъ въ книжную лавку ходилъ съ ними: «вотъ бы, говорить купцамъ, какими книгами торговали!...» Ну, если онъ проговорится, про васъ, Марья? съ глубокимъ и нѣжнымъ упрекомъ сказала Вѣра: то ли вы общали мнѣ всякій разъ, когда разставались и просили видѣться опять?

— Все это было давно: теперь я не связываюсь съ ними, послѣ того какъ общалъ вамъ: не браните меня, Вѣра! нахмуясь сказалъ Марья.

Онъ тяжело задумался.

— Еслибъ не вы, сказалъ онъ, взявъ ее опять за руку:—завтра бѣжалъ бы отсюда.

— А куда? Вездѣ все тоже: вездѣ есть мальчики, которымъ хочется, чтобъ поскорѣй усы выросли, и дѣвичьи тоже всюду есть... Вѣдь взрослые не стануть слушать. И вамъ не стыдно своей роли? сказала она, помолчавъ и перебирая рукой его волосы, когда онъ наклонился лицомъ къ ея руцѣ. — Вы вѣрите въ нее, считаете ее не шутя призваніемъ?

Онъ поднялъ голову.

— Роль, — какую роль: вспрыснуть живой водой мозги?

— А вы убѣждены, что это живая вода?

— Послушайте, Вѣра: я не Райскій, продолжалъ онъ, вѣтавъ со скамьи. — Вы женщина, и еще не женщина, а почка: васъ еще надо развернуть, обратить въ женщину. Тогда вы и узнаете много тайнъ, которыхъ и не снится дѣвичьимъ головамъ, и которыхъ растолковать нельзя: онѣ доступны только опыту.... Я зову васъ на опытъ, указываю, гдѣ жизнь и въ чемъ жизнь: а вы остановились на порогѣ и уперлись. Общались такъ много, а идете впередъ такъ туго — и еще учить хотите. А главное — не вѣрите!

— Не сердитесь, сказала она груднымъ голосомъ, отъ сердца, искренно: я соглашаюсь съ вами въ томъ, что кажется мнѣ вѣрно и честно, и если нейдѣ рѣшительно на эту вашу жизнь и на опытъ, такъ это потому, что хочу сама знать и видѣть, куда иду.

— То-есть хочу разсуждать!

— Чего же вы требуете: чтобъ я не разсуждала?

— Чего, чего! повторилъ онъ: во-первыхъ, я люблю васъ и требую отвѣта полнаго.... А потомъ вѣрите мнѣ и слушаетесь! Развѣ во мнѣ меньше пылу и страсти, нежели въ вашемъ Райскомъ, съ его поэзіей? Только я не умѣю говорить о ней поэтически, да и не надо. Страсть — не разговорчива... А вы не вѣрите, не слушаетесь!..

— Посмотрите, чего вы хотите, Маркъ, чтобъ я была глупѣе самой себя. Сами проповѣдывали свободу, а теперь хотите быть господиномъ, и топаете ногой, что я не покоряюсь рабски...

— Если у васъ нѣтъ довѣрія ко мнѣ, васъ одолеваетъ сомнѣніе, оставимъ другъ друга, сказалъ онъ: такъ — наши свиданія продолжаться не могутъ...

— Да, лучше оставимъ, сказала и она рѣшительно, — а я слѣпо никому и ничему не хочу вѣрить, не хочу! Вы уклоняетесь отъ объясненій, тогда какъ я только вижу во снѣ и наяву, чтобъ между нами не было никакого тумана, недоразумѣній, чтобъ мы узнали другъ друга и вѣрили... А я не знаю васъ и... не могу вѣрить!

— Ахъ, Вѣра! сказалъ онъ съ досадой. — Вы все еще, какъ цыцленокъ, прячетесь подъ юбки вашей насѣдки бабушки: у васъ ея понятія о нравственности. Страсть одѣваете въ какой-то фантастическій нарядъ, какъ Райскій... Чѣмъ бы прямо отъ опыта допроситься истины... и тогда повѣрили бы... говорилъ онъ, глядя въ сторону. — Оставимъ всѣ прочіе вопросы — я не трогаю ихъ. Дѣло у насъ прямое и простое: мы любимъ другъ друга... Такъ или нѣтъ?

— Что же, Маркъ, изъ этого?

— Ну, если мнѣ не вѣрите, такъ посмотрите кругомъ: весь вѣкъ живете въ полѣ и лѣсу и не видите этихъ опытовъ... Смотрите сюда, смотрите тамъ...

Онъ показалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ. Учитесь у нихъ: они не умничаютъ!

— Да, сказала она: смотрите и вы: вонъ, онѣ кружатся около гнѣздъ.

Онъ отвернулся.

— Вонъ одна опять полетѣла, вѣроятно за кормомъ...

— И къ зимѣ всѣ разлетятся! небрежно, глядя въ сторону, говорилъ онъ.

— А къ веснѣ воротятся опять въ то же гнѣздо, замѣтила она.

— Я вотъ слушаюсь васъ и вѣрю, когда вижу, что вы дѣло говорите, сказалъ онъ. — Васъ смущала рѣзкость во мнѣ, — я сдерживаюсь. Отыскалъ я старыя манеры и скоро буду, какъ Титъ Никоничъ, шаркать ножкой, кланяться и улыбаться. Не бранюсь, не ссорюсь, меня не слышать. Пожалуй, скоро ко всеобщей пойду... Чего еще!

— Все это шутки: — не того хотѣла я! сказала она, вздохнувъ.

— Чего-же?

— Всего! Если не всего, такъ многого! И до сихъ поръ не добилась, чтобъ вы поберегли себя... хоть для меня, перестали бы «вспрыскивать мозги» и остались здѣсь, были бы, какъ другіе... тихо добавила она.

— А если я дѣйствую по убѣжденію?

— Чего вы хотите, чего надѣетесь?

— Учю дураковъ!

— Чему? знаете ли сами? Тому-ли, о чемъ мы съ вами годъ здѣсь споримъ? вѣдь жить такъ нельзя, какъ вы говорите. Это все очень ново, смѣло, занимательно...

— Э! мы опять за то же! опять съ горы потянуло мертвымъ воздухомъ! перебилъ Маркъ.

— Вотъ и весь вашъ отвѣтъ, Маркъ — сказала она кротко: все прочъ, все ложь, — а что правда — вы сами не знаете... Отъ того я и недовѣрчива...

— У васъ рефлексія беретъ верхъ надъ природой и страстью, сказалъ онъ: вы барышня, за-мужъ хотите! Это не любовь!... Это скучно: мнѣ надо любви, счастья... твердилъ онъ, качая головой.

Вѣра вспыхнула.

— Еслибъ я была барышня и хотѣла только за-мужъ, то, конечно, выбрала бы для этого кого-нибудь другого, Маркъ! сказала она, вставая съ мѣста.

— Простите—я грубъ: извинился онъ, цѣлуя у ней руку.— Но вы сдерживаете чувство, медлите, чего-то допытываетесь, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться...

— Допытываюсь, кто и что вы, потому что не шучу чувствомъ. А вы на него смотрите легко, какъ на развлеченіе...

— Нѣтъ, какъ на насущную потребность, слѣдовательно тоже не шучу... Какія пути! Я не сплю по ночамъ, какъ Райскій.— Это пытка! Я никогда не думалъ, чтобъ раздраженіе могло зайти такъ далеко!

Онъ говорилъ почти съ злобью.

— Вы говорите, что любите, видите, что я люблю, я зову васъ къ счастью, а вы его боитесь...

— Нѣтъ, я только не хочу его на мѣсяцъ, на полгода...

— А на цѣлую жизнь и за гробомъ тоже? насмѣшливо спросилъ онъ.

— Да, на цѣлую жизнь: я не хочу предвидѣть ему конца, а вы предвидите и предсказываете: я и не вѣрю и не хочу такого счастья; оно не искренно и не прочно...

— Когда же я предсказывалъ?

— Много разъ: не нарочно, можетъ быть, а я не пропустила. «Что это за заглядыванье въ даль? твердили вы: что за филистерство — непременно отбѣивать себѣ счастье саженими да пудами? Хватай, лови его на лету, и потомъ, послѣ двухъ, трехъ глотковъ, бѣги прочь, чтобъ не опротивѣло, и ищи другого! Не давай яблоку свалиться, рви его скорѣй и завтра рви другое. Не кисни на одномъ мѣстѣ, какъ улитка, и не вѣшайся на одномъ сучкѣ. Виснуть на шеѣ другъ друга, пока виснется, потомъ разойтись»... Это все вы раскидали по своимъ проповѣдямъ. Стало быть, у васъ это сдѣлалось убѣжденіемъ...

— Ну, «стало быть»: такъ что же? Вы видите, что это не притворство! Отъ чего же не вѣрите?

— Отъ того, что вѣрю чему-то другому, лучше, вѣрнѣе, и хочу...

— Обратитъ меня въ эту вѣру?

— Да! сказала она: хочу—и это одно условіе моего счастья: я другого не знаю и не желаю...

— Прощайте, Вѣра, вы не любите меня: вы слѣдите за мной, какъ шпионъ, ловите слова, дѣлаете выводы... И вотъ, всякій разъ, какъ мы наединѣ, вы — или спорите, или пытаете

меня, — а на пунктѣ счастья мы все тамъ же, гдѣ были... Любите Райскаго: вотъ вамъ задача! Изъ него, какъ изъ куклы, будете дѣлать, что хотите: наряжать во всѣ бабушкины отрепья, или дѣлать изъ него каждый день новаго героя романа, и этому конца не будетъ. А мнѣ некогда, у меня есть дѣла...

— А, видите, дѣла? А любовь, счастье — забава?

— А вы хотѣли бы, по старому, изъ одной любви сдѣлать жизнь, гнѣздо — вонъ такое, какъ у ласточекъ: сидѣть въ немъ и вылетать за кормомъ? Въ этомъ и вся жизнь!

— А вы хотѣли бы на минуту влетѣть въ чужое гнѣздо и потомъ забыть его...

— Да, если оно забудется. А если не забудется — воротиться. Или прикажете принудить себя воротиться, если и не хочется? Это свобода? Вы какъ хотѣли бы?

— Я этого не понимаю — этой птичьей жизни, сказала она. — Вы, конечно, не серьезно указали воеругъ, на природу, на животныхъ...

— А вы — не животное: духъ, ангелъ — безсмертное созданіе? Прощайте Вѣра, мы ошиблись: мнѣ надо не ученицу, а товарища.

— Да, Маркъ, товарища, пылко возразила она: — такого же сильнаго, какъ вы — равнаго вамъ — да, не ученицу, согласна, — но товарища на всю жизнь! Такъ?

Онъ не отвѣчалъ на ея вопросъ, какъ будто не слыхалъ его. — Я думалъ, продолжалъ онъ, что мы скоро сойдемся и потомъ разойдемся или не разойдемся — это зависитъ отъ организмовъ, отъ темпераментовъ, отъ обстоятельствъ. Свобода съ обѣихъ сторонъ — и затѣмъ — что выпадетъ кому изъ насъ на долю: радость, ли обоимъ, наслажденіе, счастье, или одному радость, покой, другому мука и тревоги — это уже не наше дѣло. Это указала бы сама жизнь, а мы исполнили бы слѣпо ея назначеніе, подчинились бы ея законамъ. А вы вдалились въ анализъ послѣдствій, миновали опыты — и отъ того судите вверивъ и вкось, какъ старая дѣва. Вы не отдѣлялись отъ бабушки, губернскихъ франтовъ, офицеровъ и тупоумныхъ помѣщиковъ. А гдѣ правда и свѣтъ — еще не прозрѣли! Я ошибся! Спи, дитя! Прощайте! Постараемся не видаться больше...

— Да, постараемся, Маркъ! уныло произнесла она: мы счастливы быть не можемъ... Ужели не можемъ! всплеснувъ руками, сказала она. — Что намъ мѣшаетъ! Послушайте... остановила она его тихо, взявъ за руку. — Объяснимся до конца... Посмотримъ, нельзя ли намъ согласиться?..

Она замолчала и утонула въ задумчивости, какъ убитая.

Онъ ничего не отвѣчалъ, встрахнулъ ружье на плечо, вышелъ изъ бесѣды и пошелъ между кустовъ. Она оставалась неподвижная, будто въ глубокомъ снѣ, потомъ вдругъ очнулась, съ грустью и удивленіемъ глядѣла вслѣдъ ему, не вѣря, чтобы онъ ушелъ.

«Говорятъ: «кто не вѣритъ — тотъ не любитъ», думала она: я не вѣрю ему, стало быть... и я... не люблю его? Отъ чего же мнѣ такъ больно, тяжело... что онъ уходитъ? Хочется упасть и умереть здѣсь!..»

— Маркъ! сказала она тихо. Онъ не оглядывался.

— Маркъ! громче повторила она. Онъ шелъ.

— Маркъ! крикнула она и прислушивалась, не дыша. Маркъ быстро шелъ подъ гору. Она измѣнилась въ лицѣ и минутъ черезъ пять машинально повязала голову косынкой, взяла зонтикъ и медленно, задумчиво, поднялась на верхъ обрыва. «Правда и свѣтъ, сказалъ онъ, думала она, идучи: гдѣ же вы? Тамъ ли, гдѣ онъ говоритъ, куда влечетъ меня... сердце? И сердце ли это? И ужели я резонерка? Или правда здѣсь?..» говорила она, выходя въ поле и подходя къ часовнѣ. Молча, глубоко глядѣла она въ смотрящій на нее, задумчивый взоръ образа.

«Уже ли онъ не пойметъ этого никогда и не воротится—ни куда... къ этой вѣчной правдѣ... ни ко мнѣ: къ правдѣ моей любви? шептали ея губы: никогда! какое ужасное слово!»

II.

Она бродила дня четыре по рощѣ, ждала въ бесѣдѣ, но ничего не дождалась. Маркъ туда не приходилъ. «Постараемся не видаться больше»: это были его послѣднія слова. «Нельзя ли намъ согласиться?» отвѣчала она — и онъ не обернулся на эту надежду, на этотъ зовъ сердца. Отъ Райскаго она не пряталась больше. Онъ слѣдилъ за ней напрасно, ничего не замѣчалъ и впадалъ въ уныніе. Она не получала и не писала никакихъ таинственныхъ писемъ, обходилась съ нимъ ласково, но больше была молчалива, даже грустна.

Онъ чаще прежняго заставлялъ ее у часовни молящеюся. Она не тайлась, и даже однажды приняла его предложеніе проводить ее до деревенской церкви на гору, куда ходила одна, и во время службы и внѣ службы, долго молясь и стоя на колѣняхъ неподвижно, задумчиво, съ поникшей головой. Онъ тихо стоялъ сзади ея, боясь пошевелиться и вызвать ее изъ молитвеннаго сна, и наблюдалъ, онѣмѣвъ въ углу за колонной. По-

томъ молча подавалъ ей зонтикъ или мантилью. Она, не глядя на него, принимала его руку и, не говоря ни слова, опираясь иногда ему на плечо, въ усталости шла домой. Она пожимала ему руку и уходила къ себѣ.

А онъ шелъ мучиться сомнѣніями и страдалъ за себя и за нее: Она не подозрѣвала его тайныхъ мукъ, не подозрѣвала и того, какою страстно любовью охваченъ былъ онъ къ ней — какъ къ женщинѣ человѣкъ и какъ къ идеалу художникъ.

Не знала она и того, что рядомъ съ этой страстью, на которую онъ самъ напросился, которую она, по его настоянію, позволила питать, частію затѣмъ, что надѣялась этой уступкой угомонить ее, частію повинаясь совѣту Марка, чтобы отводить его глаза отъ обрыва и вмѣстѣ «проучить», слегка, дружески, добродушно посмѣявшись надъ нимъ, — не знала она, что у него въ душѣ все еще гнѣздилась и надежда на взаимность, на отвѣтъ, если не страсти его, то на чувство женской дружбы, хоть чего-нибудь. И какъ легко вѣрилось ему, — не смотря на очевидность ея постороннихъ мукъ, на таинственныя прогулки на дно обрыва, — потому что хотѣлось вѣрить. Безсознательно онъ даже боялся разувѣряться окончательно въ надеждѣ на взаимность. Вѣрить въ эту надежду было его счастьемъ — и онъ всячески подогрѣвалъ ее въ себѣ. Онъ, иначе, въ свою пользу, старался объяснить загадочность этихъ прогулокъ. «Эти выстрѣлы, думалъ онъ, значать, можетъ быть, что-нибудь другое: тутъ не любовь, а иная тайна играетъ роль. Можетъ быть, Вѣра несетъ крестъ какой-нибудь роковой ошибки: кто-нибудь покорилъ ея молодость и неопытность и держитъ ее подъ другимъ злымъ игомъ, а не подъ игомъ любви, что этой послѣдней и нѣтъ у нея, что она просто хочетъ тамъ выпутаться изъ какого-нибудь узла, завязавшагося въ раннюю пору дѣвческаго невѣдѣнія, что всѣ эти прыжки съ обрыва, тайны, синія письма — больше ничего, какъ отступленія — не передъ страстью, а передъ другой темной тюрьмой, куда ее загналъ фальшивый шагъ и откуда она не знаетъ, какъ выбраться... Что въ ней проговаривается любовь... къ нему... къ Райскому. Что она готова броситься къ нему на грудь и на ней искать спасенія...» Ему казалось иногда, что она обращала къ нему нѣмой, молящій взглядъ о помощи, или вопросительно глядѣла на него, какъ будто пытая, силенъ ли и воленъ ли онъ поднять, оправить ее, поставить на ноги, уничтоживъ невидимаго врага и вывести на прямой путь?

Такъ онъ мечталъ, волновался, падалъ въ бездну безнадёжности и опять выносила его волна на верхъ — и все отъ одного, небрежно брошеннаго ею слова: «люблю васъ...» Онъ вздраги-

валъ отъ счастья, нужды нѣтъ, что слово это сопровождалось русалочнымъ взглядомъ, что съ этимъ словомъ она исчезла съ обрыва. «Если не правда, зачѣмъ она сказала это: для шутки — жестокая шутка? Женщина не станетъ шутить надъ любовью къ себѣ, хотя бы и не раздѣляла ее. Стало быть — не вѣрить мнѣ.. и тому, что я чувствую въ ней, какъ я терзаюсь!»

Онъ мучился въ трескучемъ пламени этихъ сомнѣній, этой созданной себѣ пытки, и иногда рыдалъ, не спалъ ночей, глядя на слабый огонь въ ея окнѣ. «Не подозрѣваетъ, какое злое дѣло дѣлаетъ она со мной!» «Палачъ въ юбкѣ!» сквозь зубы шипѣлъ онъ. И вдругъ отрезвлялся, чуялъ ложь этого ея «васъ люблю», ложь своей пьяной увѣренности въ ея любви, ложь своего положенія.

Однажды въ сумерки опять онъ засталъ ее у часовни молящеюся. Она была покойна, смотрѣла свѣтло, съ тихой увѣренностью на лицѣ, съ какою-то покорностью судьбѣ, какъ будто примирилась съ тѣмъ, что выстрѣловъ давно не слышать, что съ обрыва ходить болѣе не нужно. Такъ и онъ толковалъ это спокойствіе, и тутъ же тотчасъ готовъ былъ опять вѣрить своей мечтѣ о ея любви къ себѣ. Она ласково подала ему руку и сказала, что рада его видѣть, именно въ эту минуту, когда у ней покойнѣе на сердцѣ. Она, въ эти дни, послѣ свиданія съ Маркомъ, вообще старалась казаться покойной и дома, за обѣдомъ, къ которому являлась каждый день, она брала надъ собой невѣроятную силу, говорила со всѣми, даже шутила иногда, старалась ѣсть. Бабушка ничего не видала: такъ казалось, по крайней мѣрѣ, не слѣдила за ней подозрительно, не видала косыхъ взглядовъ.

— Вѣра, ты простишь меня, если я заговорю... началъ робко Райскій у часовни.

— Все прошу, братъ; говорите, кротою отвѣчала она.

— Ты не можешь вообразить себѣ, какъ я счастливъ, что ты стала покойнѣе. Посмотри, какимъ миромъ сіяетъ у тебя лицо: гдѣ ты почерпнула этотъ миръ? Тамъ?—Онъ указалъ на часовню.

— Гдѣ же больше?

— Ты... не ходишь, кажется, больше туда? продолжалъ онъ, указывая къ обрыву.

Она покачала головой.

— И не пойду, тихо сказала она.

— Слава Богу—какое счастье! Куда ты теперь: домой? Дай руку мнѣ: Я провожу тебя.

Онъ взялъ ее подъ руку и они тихо пошли по тропинкѣ луга.

— Ты борешься... Вѣра, и отчаянно борешься: этого не скроешь..., шептала онъ.

Она шла съ поникшей головой. Это молчаніе дало ему надежду, что она выскажется до конца.

— Когда ты одолѣешь мучительную и опасную страсть... продолжалъ онъ и остановился, ожидая, не подтвердитъ ли она эти его намеки явнымъ признаніемъ.

— Что же, братъ, тогда? спросила она уныло.

— Ты выйдешь съ громаднымъ опытомъ, закаленная противъ всякихъ другихъ бурь...

— Куда и для чего я выйду?

— Для лучшей доли...

— Какой лучшей доли?

Онъ молчалъ, вспоминая, какую яркую картину страсти чертилъ онъ ей въ первыхъ встрѣчахъ и какъ усердно толкалъ ее подъ ея тучу. А теперь самъ не зная, какъ вывести ее изъ-подъ нея.

— Доли трезваго, глубокаго, разумнаго и прочнаго счастья, которое бы протянулось на всю жизнь...

— Я иначе счастья и не разумѣю, задумчиво сказала она и остановясь опустила лобъ на его плечо, какъ будто усталая. Онъ поглядѣлъ ей въ глаза: въ нихъ стояли слезы. Онъ не подозревалъ, что вложилъ палецъ въ рану, коснувшись главнаго пункта ея разлада съ Маркомъ, основной преграды къ «лучшей долѣ!»

— Ты плачешь... Вѣра, другъ мой! сказалъ онъ съ участіемъ.

Въ эту минуту раздался внизу обрыва выстрѣлъ и шипящимъ эхомъ прокатился по горѣ. Вѣра и Райскій оба вздрогнули. Она, какъ будто испугалась, подняла голову и на минуту отпѣпѣла, все слушая. Глаза у ней смотрѣли широко и неподвижно. Въ нихъ еще стояли слезы. Потомъ отняла съ силой у него руку и рванулась къ обрыву. Онъ за ней. Она остановилась на полудорогѣ, приложивъ руку къ сердцу, и опять слушала.

— Пять минутъ назадъ ты былъ тверда, Вѣра, говорилъ онъ, блѣдный, и тоже не менѣе ее взволнованный выстрѣломъ.

Она поглядѣла машинально на него, не слушая, и сдѣлала шагъ опять къ обрыву, но повернула назадъ и медленно пошла къ часовнѣ. «Да, да, шептала она: — я не пойду. Зачѣмъ онъ зоветъ: ужели въ эти дни совершился переворотъ?... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ...» Она стала на порогъ часовни на колѣни, закрыла руками лицо и замерла неподвижно. Райскій тихо подошелъ къ ней сзади.

— Не ходи, Вѣра... шепталъ онъ.

Она вздрогнула, но глядѣла напряженно на образъ: глаза его смотрѣли задумчиво, безстрастно. Ни одного луча не свѣтилось въ нихъ, ни призыва, ни надежды, ни опоры. Она съ ужасомъ выпрямилась, медленно вставая съ колѣнъ. Бориса она будто не замѣчала. Раздался другой выстрѣлъ. Она стремительно бросилась по лугу къ обрыву. «Что, ежели онъ возвращается... если моя «правда» взяла верхъ? Иначе, зачѣмъ зовешь?... О, Боже!» думала она, стремясь на выстрѣлъ.

— Вѣра! Вѣра! въ ужасѣ говорилъ Райскій, протягивая руки, чтобъ ей помѣшать. Она, не глядя на него, своей рукой устранила его руки и, едва касаясь ногами травы, понеслась по лугу, не оглянувшись назадъ и скрылась за деревьями сада, въ аллею, ведущей къ обрыву.

Райскій онѣмѣлъ на мѣстѣ. «Что это: тайна роковая, или страсть? спрашивалъ онъ: — или — и то, и другое?»

III.

Вѣра вечеромъ пришла къ ужину, угрюмая, попросила молока, съ жадностью выпила стаканъ и ни съ кѣмъ не сказала ни слова.

— Что ты такая скучная, Вѣрочка, — здорова ли? спросила бабушка сухо.

— Да, я не смѣлъ васъ спросить объ этомъ, вѣжливо вмѣшался Титъ Никоничъ: — но съ нѣкоторыхъ поръ (при этомъ Вѣра сдѣлала движеніе плечами) нельзя не замѣтить, что вы, Вѣра Васильевна, измѣнились... какъ будто похудѣли... и блѣдны немножко... Это къ вамъ очень, очень идетъ, любезно прибавилъ онъ: — но при этомъ надо обращать вниманіе на то: не суть ли это признаки болѣзни?...

— Да, у меня зубы немного болятъ, нѣхотя отвѣчала Вѣра. — Это скоро пройдетъ...

Бабушка глядѣла въ сторону и грустно молчала. Райскій, держа двумя средними пальцами вилку, задумчиво ударялъ ею по тарелкѣ. Онъ тоже ничего не ѣлъ и угрюмо молчалъ. Только Марѣинька съ Викентьевымъ ѣли все, что подавали, и безъ умолку болтали.

— Что вы этому шарикѣ пожелаете? спрашивала Марѣинька.

— Крысу за пазуху! безъ запинки отвѣчалъ Викентьевъ.

— Что вы это? Я бабушкѣ загадала... — И оба старались за-

душить неистовый хохотъ, справившись съ которымъ, Марейнька разсердилась на своего жениха «за дерзость» противъ бабушки.

— Позвольте посовѣтовать вамъ, Вѣра Васильевна, началъ Титъ Никоничъ, отвѣчая на возраженіе Вѣры: — не пренебрегать здоровьемъ. Теперь августъ: вечера становятся сыры. Вы дѣлаете продолжительныя прогулки — это прекрасно: ничто такъ не поддерживаетъ здоровья, какъ свѣжій воздухъ и моціонъ. Но при этомъ отнюдь не должно позволять себѣ выходить по вечерамъ съ открытой годовой, а равно и безъ ботинокъ на толстой подошвѣ. Особенно дамамъ при нѣжной комплексіи... Всего лучше при этомъ брать съ собой косыночку теплую... Я видѣлъ, только что привезли модныя, изъ легкаго козьяго пуха... Я уже пріобрѣлъ три... вамъ, Татьянѣ Марковнѣ и Марѣ Васильевнѣ... но безъ вашего позволенія не смѣлъ представить...

Бабушка съ ласковой грустью кивнула ему головой, Вѣра старалась улыбнуться, а Марейнька безъ церемоніи сказала: «ахъ, какой вы добрый Титъ Никоничъ — послѣ ужина я поцѣлую васъ: вы позволите?»

— Я не позволю, я ревнивъ! сказалъ Вибентьевъ.

— Васъ не спросятъ, отвѣчала Марейнька.

Титъ Никоничъ заливался застѣнчивымъ смѣхомъ.

— Къ вашимъ услугамъ, Марѣ Васильевна... сочту себя счастливымъ... приговаривалъ онъ. «Какая отмѣнная дѣвица!» въ полголоса добавилъ онъ, обращаясь къ Райскому: «это распускающаяся, такъ сказать, роза на стебельѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ коснуться!»

И чмокнулъ умиленно губами.

«Да, правда, роза въ полномъ блескѣ, подумалъ Райскій со вздохомъ: а та — какъ лилія, «до коей» уже, кажется, касается не вѣтерокъ, а ураганъ».

Онъ глядѣлъ на Вѣру. Она встала, поцѣловала руку у бабушки, вмѣсто поклона взглядомъ простилась съ остальными и вышла.

И другіе встали изъ-за стола. Марейнька подбѣжала къ Титу Никоничу и исполнила свое намѣреніе.

— Нельзя ли прислать косыночку завтра? шептала она ему: мы утромъ съ Николаемъ Андреичемъ на Волгу уйдемъ... она понадобится....

— Съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... говорилъ Титъ Никоничъ, шаркая: самъ завезу...

Она еще поцѣловала его въ лобъ и бросилась къ бабушкѣ. — Ничего, ничего, бабушка, говорила она, заминая вопросъ Татьяны Марковны о томъ, «что она тамъ шепчетъ Титу Никоничу?»

Но не замая. Титъ Никоничъ не могъ солгать Татьянѣ Марковнѣ и смягчая, извиняя всячески просьбу Марейники, передать бабушкѣ www.libtool.com.cn

— Попрошайка! упрекнула ее Татьяна Марковна: иди спать — поздно! А вамъ, Николай Андреичъ, домой пора. Съ Богомъ, покойной ночи!

— Я васъ завезу — по обыкновенію: у меня дрожки, сказалъ любезно Титъ Никоничъ.

Едва Вѣра вышла, Райскій ускользнулъ вслѣдъ за ней и тихо шелъ сзади. Она подошла къ рощѣ, постояла надъ обрывомъ, глядя въ темную бездну лѣса, лжащую у ея ногъ, потомъ завернулась въ мантилью и сѣла на свою скамью. Райскій издали далъ знать о себѣ кашлемъ и подошелъ къ ней.

— Я посижу съ тобой, Вѣра, сказалъ онъ: можно?

Она молча отодвинулась, чтобъ дать ему мѣсто.

— Ты очень печальна: ты страдаешь! сказалъ онъ.

— Зубы болятъ, отвѣчала она.

— Нѣтъ, не зубы — ты вся болишь: скажи мнѣ... что у тебя подѣлисъ горемъ со мной...

— Зачѣмъ? я съумѣю снести одна. Вѣдь я не жалуюсь.

Онъ вздохнулъ.

— Ты любишь несчастливо — кого? шепнулъ онъ.

— Опять «кого»? Да васъ, Боже мой! сказала она, съ нетерпѣніемъ повернувшись на скамьѣ.

— Къ чему этотъ злой смѣхъ и за что? чѣмъ я заслужилъ его? тѣмъ, что страстно люблю, глупо вѣрю и радъ умереть за тебя...

— Какой смѣхъ! мнѣ не до смѣха! почти съ отчаяніемъ сказала она, встала со скамьи и начала ходить взадъ и впередъ по аллеѣ. Райскій оставался на скамьѣ.

«А я все надѣялась... и падѣюсь еще... безумная! Боже мой! ломая руки, думала она. — Попробую бѣжать на недѣлю, на двѣ: избавиться этой горячки, хоть на время... вздохнуть! силъ нѣтъ!»

Она остановилась передъ Райскимъ.

— Братъ! сказала она: я завтра уѣду за Волгу, — пробуду тамъ, можетъ быть, долѣе обыкновеннаго...

— Этого только не доставало! горестно перебилъ ее Райскій, не давъ договорить.

— Я не простила съ бабушкой, продолжала она, не обращая вниманія на его слова: она не знаетъ, скажите вы ей, а я уѣду на зарѣ.

Онъ молчалъ, уничтоженный.

— Теперь и я уѣду, вслухъ подумалъ онъ.

— Напрасно, погодите... сказала она, съ примѣсью будто искренности: когда я немного успокоюсь... Она на минуту остановилась. — Я, можетъ быть, объясню вамъ... И тогда мы простимся съ вами иначе, лучше, какъ братъ съ сестрой, а теперь... я не могу!... Впрочемъ, нѣтъ! поспѣшно заключила, махнувъ рукой: уѣзжайте! Да окажите дружбу, зайдите въ людскую и скажите Прохору, чтобъ въ пять часовъ готова была бричка, а Марину пошлите ко мнѣ. На случай, если вы уѣдете безъ меня, прибавила она задумчиво, почти съ грустью, — проститесь теперь. Простите меня за мои странности.... (она вздохнула) и примите поцѣлуй сестры...

Она обѣими руками взяла его голову, поцѣловала въ лобъ и быстро пошла прочь.

— Благодарю васъ за все — сказала она, вдругъ обернувшись, издали: — теперь у меня нѣтъ силъ доказать вамъ, какъ я благодарна вамъ за дружбу... всего болѣе за этотъ уголокъ. Прощайте и простите меня!

Она уходила. Онъ былъ въ оцѣпенѣніи. Для него пусть былъ цѣлый міръ, кромѣ этого угла, а она посылаетъ его изъ него туда, въ безконечную пустыню! Невозможно за-живо лечь въ могилу!

— Вѣра! крикнулъ онъ, торопливо догнавъ ее. Она остановилась.

— Позволь мнѣ остаться, пока ты тамъ... Мы не будемъ видѣться, я надѣждать не стану! Но я буду знать, гдѣ ты, буду ждать, пока ты успокоишься и — по обѣщанію — объяснишь... Ты сейчасъ сама сказала... Здѣсь близко: можно перекинуться письмомъ...

Онъ поводилъ языкомъ по горячимъ губамъ и кидаль эти фразы торопливо и отрывисто, какъ будто боялся, что она уйдетъ сію минуту и пропадетъ для него навсегда.

У него была молящая мина, онъ протянулъ руку къ ней. Она молчала нерѣшительно, тихо подходя къ нему.

— Дай этотъ грошъ нищему... Христа ради! шепталъ онъ страстно, держа ладонь передъ ней: — дай еще этого рая и ада вмѣстѣ, дай жить, не зарывай меня живого въ землю!... едва слышно договаривалъ онъ, глядя на нее съ отчаяніемъ.

Она глядѣла ему во всѣ глаза и сдѣлала движеніе плечами, какъ будто чувствовала ознобъ.

— Чего вы просите! сами не знаете... тихо отвѣчала она.

— Христа ради! повторялъ онъ, не слушая ее и все держа протянутую ладонь. А она задумалась, глядя на него изрѣдка, то съ состраданіемъ, то недовѣрчиво.

— Хорошо, оставайтесь! прибавила потомъ рѣшительно — пишете ко мнѣ: только не проклинайте меня, если ваша «страсть», — съ небрежной ироніей сдѣлала она удареніе на этомъ словѣ — и отъ этого не пройдетъ. «А можетъ быть и пройдетъ... подумала сама, глядя на него: вѣдь это такъ, фантазія!»

— Все вынесу — всѣ казни!... Скорѣе бы не вынесъ счастья: а муки... дай ихъ мнѣ: онѣ — тоже жизнь! Только не гони, не удаляй: поздно!

— Какъ хотите! отвѣчала она разсѣянно, о чемъ-то думая. Онъ ожилъ, у него нервы заиграли. А она думала съ тоской: «зачѣмъ не онъ говоритъ это!»

— Хорошо, сказала она: такъ я уѣду не завтра, а послѣ завтра. — И сама будто ожива, и у самой родилась какая-то, не то надежда на что-то, не то замыселъ. Оба стали вдругъ довольны, каждый про себя и другъ другомъ.

— Позовите только Марину ко мнѣ теперь же — и покойной ночи!

Онъ съ жаромъ поцѣловалъ у ней руку, и они разошлись.

IV.

Вѣра, на другой день утромъ рано, дала Маринѣ записку и велѣла отдать кому-то, и принести отвѣтъ. Послѣ отвѣта она стала веселѣе, ходила гулять на берегъ Волги, и вечеромъ, попросившись у бабушки на ту сторону, къ Натальѣ Ивановнѣ, простилась со всѣми, и уѣзжая, улыбнулась Райскому, прибавивъ, что не забудетъ его.

Черезъ день пришелъ съ Волги утромъ рыбакъ и принесъ записку отъ Вѣры, съ нѣсколькими ласковыми словами. Выраженія: «милый братъ», «надежды на лучшее будущее», «рождающаяся искра нѣжности, которой не хотятъ дать ходу», и т. д. обдали Райскаго искрами счастья.

Онъ охмѣлѣлъ отъ письма, вытвердилъ его наизусть — и къ нему воротилась увѣренность къ себѣ, вѣра въ Вѣру, которая являлась ему теперь въ какомъ-то свѣтѣ правды, чистоты, граціи, нѣжности. Онъ забылъ свои сомнѣнія, тревоги, синія письма, обрывъ, бросился къ столу и написалъ коротенькій нѣжный отвѣтъ, отослать его къ Вѣрѣ, а самъ погрузился въ какія-то хаотическія ощущенія страсти. Вѣры не было передъ глазами, сосредоточенное, напряженное наблюденіе за ней раздробилось въ мечты, или обращалось къ прошлому, уже испытанному. Онъ — отъ мечтаній бросался къ пылливому исканію «ключей» къ ея тайнамъ.

Онъ смотритъ, ищетъ, освѣщаетъ темныя мѣста своего идеала, пытается собственный умъ, совѣсть, сердце, требуя опыта, наставленія — чего хотѣть и просить отъ нея, чего недостаетъ для полной гармоніи красоты? Прислушивался къ своей жизни, припоминалъ все, что оскорбляло его въ его прежнихъ, несостоявшихся идеалахъ. Вся женская грубость и грязь, прикрытая нарядами, золотомъ, брилльянтами и румянами, — густыми, грязными волнами опять протекла мимо его. Онъ припомнилъ свои страданія, горькія оскорбленія, вынесенныя имъ въ битвахъ жизни: какъ падали его модели, какъ падалъ онъ самъ вмѣстѣ съ ними, и какъ вставалъ опять, не отчаяваясь и требуя отъ женщинъ человѣчности, гармоніи красоты наружной съ красотой внутренней.

Ему предчувствіе говорило, что это послѣдній опытъ, что въ Вѣрѣ онъ или найдетъ, или потеряетъ уже навсегда свой идеалъ женщины, разобьетъ свою статую въ куски и потушитъ діогеновскій фонарь.

Онъ мучился тѣмъ, что видѣлъ въ ней, среди лучей, туманное пятно — ложь. Отчего эта загадочность, исчезаніе по цѣлымъ днямъ? таинственныя письма? прятанье, умалчиваніе, подъ которыми ползла, можетъ быть, грубая интрига, или крылась роковая страсть, или какая-то неуловимая тайна — что, наконецъ? «Своя воля, горда», говоритъ бабушка. — «Свободы хочу, независимости», подтверждаетъ она сама, а между тѣмъ, прячется и хитритъ! Гордая воля и независимость никого не боятся и открыто идутъ избраннымъ путемъ, презирая ложь и мышиную бѣготню и вынося мужественно всѣ послѣдствія смѣлки и своевольныхъ шаговъ! «Признайся въ нихъ, не прячься — и я поклонюсь твоей честности!» говорилъ онъ. У своевольныхъ женщинъ — свои понятія о любви, о добродѣтели, о стыдѣ, и онъ мужественно несуть тернія своихъ пороковъ. Вѣра проповѣдуетъ своеобразие понятій, а сама не слѣдуетъ имъ открыто, она скрывается, обманываетъ его, бабушку, весь домъ, весь городъ, цѣлый міръ!

Нѣтъ, это не его женщина! За женщину страшно, за челоѣчество страшно, — что женщина можетъ быть честной только случайно, когда любить, передъ тѣмъ только, кого любить, и только въ ту минуту, когда любить, или тогда наконецъ, когда природа отказала ей въ красотѣ, слѣдовательно — когда нѣтъ никакихъ страстей, никакихъ соблазновъ и борьбы, и нѣтъ никому дѣла до ея правды и лжи! «Ложь — это одно изъ проклятій сатаны, брошенное въ міръ....» говорилъ онъ. «Не можетъ быть въ ней лжи....» утѣшался потомъ, задумываясь, и умилялся, припоминая тонкую,

ую красоту ея лица, этого отраженія души. Какой правдой дышало оно! «Красота — сама сила: затѣмъ ей другая, непрочная сила — ложь!» — «Однако!» потомъ съ уныніемъ думалъ онъ, добираясь до правды: отчего вдругъ тутъ же, подъ носомъ, выросло у него это «однако»? Выросло оно изъ опытовъ его жизни, выглянуло изъ многихъ женскихъ знакомыхъ ему портретовъ, почти изъ всѣхъ любвей его.... Любвей!

Онъ залился заревомъ стыда и закрылъ лицо руками.

«Любви! встрѣчи безъ любви!» терзался онъ внутренно, «какое заклятіе лежитъ надъ людскими правами и понятіями! Мы, сильный полъ, отцы, мужья, братья и дѣти этихъ женщинъ, мы важно осуждаемъ ихъ за то, что соряютъ собою и валяются въ грязи, бѣгаютъ по кровлямъ.... Клянемъ — и развращаемъ въ тоже время! Мы не оглянемся на самихъ себя, снисходительно прощаемъ себѣ.... собачьи встрѣчи!... отерпыто, всенародно носимъ свой позоръ, свою нетрезвость, казня его въ женщинъ! Вотъ гдѣ оба пола должны довоспитаться другъ до друга, идти параллельно, не походя, одни — на собакъ, другія — на кошекъ, и оба вмѣстѣ — на обезьянъ. Тогда и кончится этотъ нравственный разладъ между двумя полами, эта путаница понятій, эти взаимные обманы, нареканія, измѣны! А то выдумали двѣ нравственности: одну для себя, другую для женщинъ!»

Онъ погрузился въ собственныя воспоминанія о раннихъ годахъ молодости — и легъ на диванъ. Долго лежалъ онъ, закрывъ лицо, и всталъ блѣдный, истерзанный внутренней мукой. «Какая перспектива грубости, лжи, какая отрава жизни! И цѣлые вѣка проходятъ, цѣлыя поколѣнія идутъ, утопая въ омутѣ нравственнаго и физическаго разврата — и никто, ничто не останавливаетъ этого мутнаго потока слѣпо-распутной жизни! Развратъ выработалъ себѣ свои обычаи, почти принципы, и царствуетъ въ людскомъ обществѣ, среди хаоса понятій и страстей, среди анархіи правовъ....»

Потомъ опять бросался къ Вѣрѣ, отыскивая тамъ луча чистоты, правды, незараженныхъ понятій, незлоупотребленнаго чувства, красоты души и тѣла, нераздѣльно-истинной красоты.

Онъ перебиралъ каждый ея шагъ, какъ судебный слѣдователь, и то дрожалъ отъ радости, то впадалъ въ уныніе, и выходилъ изъ омута этого анализа ни безнадежнѣе, ни увѣреннѣе, чѣмъ былъ прежде, а все съ той же мучительной неизвѣстностью, какъ купающійся человѣкъ, который, думая, что нырнулъ далеко, выплываетъ опять на прежнемъ мѣстѣ. Онъ старался оправдать ея загадочность поведенія съ нимъ, припоминая свой быстрый натискъ: какъ онъ вдругъ предъявилъ свои права на ея красоту,

свое удивленіе послѣдней, поклоненіе, восторги, воспоминалъ, какъ она, сначала небрежно, а потомъ энергически отмахивалась отъ его настояній, какъ живо смѣялась надъ его страстью, не вѣрила и не вѣрить ей до сихъ поръ, какъ удаляла его отъ себя, отъ этихъ мѣстъ, убѣждала уѣхать, а онъ напросился остаться! «Да, она права, а я виноватъ», думалъ онъ, теряясь въ соображеніяхъ. Потомъ онъ вспомнилъ, какъ онъ хотѣлъ усмирить страсть постепенно, поддаваясь ей, глядя ее по шерсти, какъ глядѣть злую собаку, готовую броситься, чтобы задобрить ее — и пятясь задомъ, уйти по-добру по-здорову: зачѣмъ она тогда не открыла ему имени своего идола, когда увѣрена была, что это мигомъ отняло бы всѣ надежды у него и страсть остыла бы мгновенно? Чего это ей стоило: ничего! Она знала, что тайна ея останется тайной, а между тѣмъ молчала и какъ-будто умышленно разжигала страсть. Отчего не сказала? Отчего не дала ему уѣхать, а просила остаться, когда даже онъ велѣлъ.... Егоръ принести съ чердака чемоданъ? Кокетничала — стало быть, обманывала его! И бабушкѣ не велѣла сказывать, честное слово взяла съ него, — стало быть, обманывается и ее и всѣхъ! «Она, она виновата!»

Онъ сталъ писать дневникъ. Поились волны поэзіи, импровизаціи, полныя, то нѣжнаго умиленія и поклоненія, то живой, ревнивой страсти и всѣхъ ея бурныхъ и горячихъ воплей, пѣсенъ, мукъ, счастья.

Самую любовь онъ обставлялъ всей прелестью декорацій, какою обставила ее человѣческая фантазія, осмысливая ее нравственнымъ чувствомъ и полагая въ этомъ чувствѣ, какъ въ разумѣ, «и можетъ быть, тутъ именно болѣе, нежели въ разумѣ», (писалъ онъ) бездну, отдѣлившую человѣка отъ всѣхъ не человѣческихъ организмовъ. «Великая любовь неразлучна съ глубокимъ умомъ: широта ума равняется глубинѣ сердца — отъ того крайнихъ вершинъ гуманности достигаютъ только великія сердца — они же и великіе умы!» проповѣдывалъ онъ. Измѣнялись краски этого волшебнаго узора, который онъ подбиралъ, какъ художникъ и какъ нѣжный влюбленный, измѣнялся безпрестанно онъ самъ, то падая въ прахъ къ ногамъ идола, то вставая и грома хохотомъ свои муки и счастье. Не измѣнялась только нигдѣ его любовь къ добру, его здравый взглядъ на нравственность. «Вѣруй въ Бога, знай, что дважды два четыре, и будь честный человѣкъ, говорить гдѣ-то Вольтеръ», писалъ онъ: «а я скажу — люби женщина кого хочешь, люби по земному, но не по кошачьи только и не по расчету, и не обманывай любовью!

«Честная женщина! — писалъ онъ — требовать этого, зна-

читать требовать всего, — да, это все! Но не требовать этого, значить тоже ничего не требовать: оскорблять женщину, ея человеческую натуру, творчество Бога, значить, прямо и грубо отказывать ей въ правахъ на равенство съ мужчиной, на что женщины справедливо жалуются. «Женщина—вѣнецъ созданія,—да, но не Венера только. Кошка хоту кажется тоже вѣнцомъ созданія, Венерой кошачьей породы: женщина—Венера, пожалуй, но осмысленная, одухотворенная Венера, сочетаніе красоты формъ съ красотой духа, любящая и честная, т. е. идеалъ женскаго величія, гармонія красоты!»

Все это глубокомысліе сбывалъ Райскій въ дневникъ, съ надеждой прочесть его при свиданіи Вѣрѣ, а съ ней продолжалъ мѣняться коротенькими, дружескими записками.

Отъ пера онъ бросался къ музыкѣ и забывался въ звукахъ, прислушиваясь самъ съ любовью, какъ они пѣли ему его же страсть и гимны красотѣ. Ему хотѣлось бы поймать эти звуки, формулировать въ стройномъ созданіи гармоніи. Изъ этихъ волнъ звуковъ очерчивалась у него въ фантазіи какая-то музыкальная поэма: онъ силился уловить тайну созданія и три утра бился, изведя толстую тетрадь нотной бумаги. А когда сыгралъ на четвертое утро написанное, вышла... полька-редова, но такая мрачная и грустная, что онъ самъ разливался въ слезахъ, играя ее. Онъ удивился такому скудному результату своихъ роскошныхъ импровизаций, положенныхъ на бумагу, и со вздохомъ сознался, что одной фантазіей не одолѣешь музыкальной техники. «Что если и съ романомъ выйдетъ у меня тоже самое?...» задумывался онъ. Но теперь еще — не до романа: «это послѣ, послѣ, а теперь — Вѣра на умѣ, страсть, жизнь, не искусственная, а настоящая!»

Онъ ходилъ по дому, по саду, по деревнѣ и полямъ, точно сказочный богатырь, когда былъ въ припадкѣ счастья, и столько силы носилъ въ своей головѣ, сердцѣ, во всей нервной системѣ, что все цвѣло и радовалось въ немъ. Мысль его плодотворна, фантазія производительна, душа открыта для добра, дѣятельности и любви — не къ одной Вѣрѣ, но общей любви ко всякому живому созданію. На все льются лучи его мягкости, ласки, заботы, вниманія. Онъ чутко понимаетъ потребность, не только другого, ближняго, несчастнаго, и спѣшитъ подать руку помощи, утѣшенія, но входитъ даже въ положеніе—вонъ этой ползущей букашки, которую бережно сажаетъ съ дорожки на кустъ, чтобъ уберечь отъ ноги прохожаго. Онъ бы написалъ Рафаэлеву Мадонну въ эти минуты счастья, еслибъ она не была уже написана, изваявъ

бы Милосскую Венеру, Аполлона Бельведерскаго, создать бы снова храмъ Петра!

Въ моменты мукъ, напротивъ, онъ былъ худъ, блѣденъ, боленъ, не ѣлъ, и ходилъ по полямъ, ничего не видя, забывая дорогу, спрашивая у встрѣчныхъ мужиковъ, гдѣ Малиновка, на право или на лѣво? Тогда онъ былъ сухъ съ бабушкой и Марейнкой, грубъ съ прислугой, не спалъ до разсвѣта, а если и засыпалъ, то труднымъ, болѣзненнымъ сномъ, продолжая и во снѣ переживать пытку.

Иногда онъ оглядывался вокругъ себя, какъ будто спрашивая глазами у всѣхъ: «гдѣ я и что вы за люди»? Марейнка немного стада бояться его, онъ, большею частію, запирался у себя наверху, и тамъ — или за дневникомъ, или ходя по комнатѣ, говоря самъ съ собой, или опять за фортепіано, выбрасывалъ, какъ онъ живописно выражался, «пѣну страсти». Егорка провѣртѣлъ щель въ деревянной, оклеенной бумагой перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора, и подглядывалъ за нимъ.

— Ну, дѣвки, покажу я вамъ диковину, въ тѣатръ не надо ходить! сказалъ онъ, плюнувъ сэвзозъ зубы въ сторону: пойдѣте, Пелагея Петровна, къ барину, къ Борису Павловичу, въ щелку посмотрѣть, какъ онъ тамъ «дѣвствуесть»...

— Некогда мнѣ: гладить надо, сказала та, грѣя утюгъ.

— Ну, вы, Матрена Семеновна?

— А кто-жъ комнату Марѣи Васильевны уберетъ? Ты, что ли?

— Что за чортъ — не дозовешься ни одной! сказалъ съ досадою Егорка, опять плюя сэвзозъ зубы: а я тамъ вертѣлъ, вертѣлъ буравомъ!

— Покажи мнѣ, что тамъ такое! напрашивалась любопытная Наталья, одна изъ плетельщицъ кружевъ у Татьяны Марковны.

— Вы — распрекрасная дѣвица, Наталья Ѳадеевна, сказалъ Егорка нѣжно: словно — барышня! Я бы — не то-что въ щелку далъ вамъ посмотрѣть, руку и сердце предложилъ бы вамъ — только.... рожу бы вамъ другую!...

Прочія дѣвки засмѣялись, а та обидѣлась.

— Ругатель! сказала она, уходя изъ комнаты: право, ругатель!

— А то вы, договаривалъ Егорка ей въ слѣдъ, больно ужъ на тятеньку своего смахиваете съ рыла-то, на Ѳаддея Ильича! — И захихикалъ.

Однако онъ убѣдилъ первыхъ двухъ пойти и посмотрѣть. Всѣ смотрѣли по очереди въ щель.

— Глядите, глядите, какъ заливается: плачетъ никакъ? говорилъ Егорка, толкая то одну, то другую въ щели.

— Взаправду плачетъ, сердечный! сказала жалостно Матрена.

— Да не хохочетъ ли?—И такъ хохочетъ! Смотрите, смотрите!

Всѣ трое присѣли и всѣ захихикали.

— Экъ его разбираетъ! говорилъ Егорка: врѣзамшись, должно быть, въ Вѣру Васильевну....

Пелагея ткнула его кулакомъ въ бокъ.

— Что ты врешь, поганецъ! замѣтила она со страхомъ: врѣ, да не смѣй трогать барышень! Вотъ узнаетъ барыня.... Пойдемте прочь!...

А Райскій и плакалъ и смѣялся чуть ли не въ одно и тоже время, и все искренно «дѣйствовалъ», т. е. плакалъ и смѣялся больше художникъ, нежели человѣкъ, повинаясь нервамъ. Онъ въ чистыхъ формахъ все выливалъ образъ Вѣры, и черта его бессознательно и непритворно, чертилъ и образъ своей страсти, отражая въ ней, иногда наивно и смѣшно, и все, что было свѣтлаго, честнаго въ его собственной душѣ, и чего требовала его душа отъ другого человѣка и отъ женщины.

— Что ты все пишешь тамъ? спрашивала Татьяна Марковна: драму или все романъ, что ли?

— Не знаю, бабушка: пишу жизнь—выходить романъ; пишу романъ, выходить жизнь. А что будетъ окончательно — не знаю.

— «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало», замѣтила она, и почти вѣрно опредѣлила этой пословицей значеніе писанья Райскаго. У него уходило время, сила фантазіи разрѣшалась естественнымъ путемъ, и онъ не замѣчалъ жизни, не зналъ скуки, никуда и ничего не хотѣлъ. — Зачѣмъ только ты пишешь все по ночамъ? сказала она. — Смерть—боюсь... Ну, какъ заснешь надъ своей драмой! И шутка ли: до свѣта! вѣдь ты изведешь себя. Посмотри, ты иногда желтъ, какъ переспѣлый огурецъ.....

Онъ смотрѣлся въ зеркало и самъ поражался переменѣй въ себѣ. Желтыя пятна легли на вискахъ и около носа, а въ черныхъ густыхъ волосахъ появились замѣтныя сѣдины. — «Зачѣмъ я брюнетъ, а не блондинъ? ропталъ онъ. — Десятью годами раньше состарѣюсь!»

— Ничего, бабушка, не обращайтесь вниманія на меня, отвѣчалъ онъ: дайте свободу... Не спится: иногда и радъ бы, да не могу.

— И онъ «свободу», какъ Вѣра! — Она вздохнула. — Далась имъ эта свобода: точно бабушка ихъ въ кандалахъ держитъ! Писалъ

бы, да не по ночамъ, прибавила она: а то я не сплю покойно. Въ которомъ часу ни поглядишь, а все огонь у тебя...

— Гучаюсь, бабушка, что пожара не сдѣлаю, хоть самъ сгорю весь...

— О, типунъ тебѣ на языкъ! перебила она сердито, кропая что-то сама иглой надъ приданнымъ Марейнъки, хотя тутъ хлопотали около разложенныхъ столовъ десять швей. Но она не могла видѣть другихъ за работой, чтобъ и самой не пристать тутъ же, какъ Викентьевъ не могъ не засмѣяться и не заплакать, когда смѣялись и плакали другіе.

— Не дразни судьбу, не накликай на себя! прибавила она. Помни: «языкъ мой — врагъ мой!»

Онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и бросился къ окну, а потомъ въ дверь и скрылся: «мужикъ идетъ съ письмомъ отъ Вѣры!» сказалъ онъ, уходя.

«Вишь какъ: точно родному отцу обрадовался! А сколько свѣчей изводитъ онъ съ этими романами да драмами: по четыре свѣчки за ночь!» разсуждала экономная бабушка шепотомъ.

V.

Райскій получилъ нѣсколько строкъ отъ Вѣры. Она жаловалась, что скучаетъ тамъ, и дѣйствительно, по нѣкоторымъ фразамъ, видно было, что ее тяготитъ уединеніе. Она писала, что желаетъ видѣть его, что онъ ей нуженъ, и впереди будетъ еще нужнѣе, что «безъ него она жить не можетъ» — и иногда записка разрѣшалась въ какой-то смѣхъ, который, какъ русалочное щекотанье, производилъ въ немъ зудъ и боль.

Но не смотря на этотъ смѣхъ, таинственная фигура Вѣры манила его все въ глубину его фантастической дали. Вѣра шла будто отъ него въ туманъ покрывала: онъ стремился за ней, касался покрывала, хотѣлъ отереть ея тайны и узнать, что это за Изида передъ нимъ. Онъ только что коснется покрывала, какъ она ускользнетъ, уйдетъ дальше. Онъ блаженствовалъ и мучился двойными радостями и муками, и человѣка, и художника, не зная самъ, гдѣ является одинъ, когда исчезаетъ другой и когда оба смѣшиваются.

Получая изрѣдка ея краткія письма, гдѣ дружескій тонъ смѣшивался съ ядовитымъ смѣхомъ надъ его страстью, надъ стремленіями къ идеаламъ, надъ игрой его фантазіи, которою онъ нерѣдко сверкалъ въ разговорахъ съ ней, онъ самъ заливался ис-

кренимъ смѣхомъ и потомъ почти плавать отъ грусти и отъ безсилія разсказать себя, дать ключъ къ своей натурѣ.

«Не понимаетъ, бѣдная, ропталъ онъ, что казнить—за фантазію: это все равно, что казнить человѣка за то, что у него тѣнь велика: зачѣмъ покрываетъ цѣлое поле, растетъ выше зданія! И не вѣрить страсти! Посмотрѣла бы она, какъ этотъ удавъ тянется передо мной, сверкая изумрудами и золотомъ, когда его грѣетъ и освѣщаетъ солнце, и какъ блѣднѣетъ, ползя во мракѣ, шипя и грозя острыми зубами?» Пусть бы пришли сюда знатоки и толкователи такъ называемыхъ тайнъ сердца и страстей, и выложили бы тутъ свои понятія и философію, добытую съ досокъ Михайловскаго театра. «Нельзя любить, когда оскорблено самолюбіе». — «Любовь—это эгоизмъ à deux» — «любовь проходить когда не раздѣлена» и т. п. сыплютъ они свои сентенціи. — «А вотъ она, эта страсть, говорилъ онъ: — не угодно ли попробовать! Меня толкаютъ, смѣются — а я все люблю, и какъ люблю! Не какъ «сорокъ тысячъ братьевъ» — (мало отпустилъ Шекспиръ) а какъ всѣ люди вмѣстѣ! Всѣ образы любви ушли въ эту мою любовь! Я люблю, какъ Леонтій любить свою жену, простодушной, чистой, почти пастушеской любовью, люблю сосредоточенной страстью, какъ этотъ серьезный Савелій, люблю какъ Вивентьевъ, со всею веселостью и рѣзвостью жизни, люблю, какъ любить, можетъ быть, Тушинъ, удивляясь и поклоняясь втайнѣ, и люблю, какъ любить бабушка свою Вѣру — и наконецъ еще какъ никто не любитъ, люблю такою любовью, которая дана Творцомъ и которая, какъ океанъ, омываетъ вселенную...» «А если сократить все это въ одно слово, — вдругъ отрезвившись на минуту заключилъ онъ — то выйдетъ: «люблю, какъ художникъ», т. е. всею силою необузданной... или разнузданной фантазіи!» Его увлекалъ процессъ писанья, какъ процессъ неумышленнаго творчества, гдѣ передъ его глазами, пестрымъ узоромъ, неслись его собственныя мысли, ощущенія, образы. Листки эти однако мѣшали ему забывать Вѣру, чего онъ искренно хотѣлъ, и питали страсть, т. е. воображеніе. «А она не пойметъ этого: печально думалъ онъ: — и сочтетъ эти, ею внушенныя и ей посвящаемыя произведенія фантазіи — за любовную чепуху! Ужели и она не пойметъ: женщина! А у ней, кажется, уши такія маленькія, умныя!»

Когда онъ отрывался отъ дневника и трезво жилъ день, другой, Вѣра опять стояла безукоризненна въ его умѣ. Сомнѣнія, подозрѣнія, оскорбленія сами по себѣ были чужды его натурѣ, какъ и доброй, честной натурѣ Отелло. Это были случайныя иска-

женія и опустошенія, продукты страсти и неизвѣстности, бросающей на все ложныя и мрачныя краски.

Однажды въ ея запискѣ, послѣ дружескихъ, нѣжно-насмѣшливыхъ изліяній, была слѣдующая приписка послѣ словъ: «ваша Вѣра»: «Другъ и братъ мой! Вы научили меня любить и страдать. Вы подѣлились со мной силами души своей, вложили, кажется, въ меня и самую вашу нѣжную, любящую душу... И вотъ эта нѣжность ваша внушаетъ мнѣ смѣлость подѣлиться съ вами добрымъ дѣломъ. Здѣсь есть одинъ несчастный, изгнанный изъ родины... На немъ тяготѣетъ подозрѣніе правительства... Ему некуда преклонить голову, всѣ отъ него отступились, одни по равнодушію, другіе по боязни. Вы любите ближняго и не можете быть равнодушны, еще менѣе можете бояться добраго, чистаго, святаго дѣла. У него нѣтъ ни гроша денегъ, ни платья, а на дворѣ осень... Я не прибавляю къ этому ничего: здѣсь все правда, каждое слово: ваша Вѣра не солжетъ вамъ. Если сердце ваше, въ чемъ я не сомнѣваюсь, скажетъ вамъ, что надо дѣлать, то пошлите ваше пособіе на имя дѣячихи Секлетей Бурдалаховой, дойдетъ вѣрно: я сама буду наблюдать. Но сдѣлайте такъ, чтобы бабушка не замѣтила ничего, и никто въ домѣ. Можетъ быть — и весьма естественно — вы затруднитесь, какъ велика должна быть сумма, то рублей трехъ сотъ, даже двухъ сотъ двадцати — будетъ довольно ему на цѣлый годъ. Да еслибъ вы прислали пальто и жилетъ изъ осенняго трико, — (видите, какъ я вѣрю въ нѣжность вашей души вообще, и въ любовь ко мнѣ въ особенности, что я даже и мѣрку прилагаю, которую снялъ съ него деревенскій портной!) то этимъ вы защитите бѣдняка и отъ холода. Затѣмъ я уже не смѣю напоминать о тепломъ одѣялѣ — это бы значило употреблять во зло вашу доброту и слабость ко мнѣ: это до другого раза! Къ зимѣ бѣдный изгнанныкъ уйдетъ вѣроятно отсюда, благословляя васъ, а съ вами и... меня немножко. Я бы не тревожила васъ, но вы знаете, всѣ мои деньги у бабушки, а я ей открыться не могу».

«Что такое? Что это такое!» почти закричалъ Райскій отъ изумленія, дочитавъ этотъ post-scriptum, и ворочая глазами вокругъ, мысленно искалъ ключа. «Не она, не она!» вслухъ произнесъ потомъ и вдругъ легъ на диванъ: съ нимъ сдѣлался припадокъ истерическаго смѣха. Это было въ кабинетѣ Татьяны Марковны. Тутъ были Викентьевъ и Марѣинька. Послѣдніе оба сначала заразились смѣхомъ и дружно аккомпанировали ему, потомъ сдержались, начиная пугаться раскатовъ хохота. Особенно Татьяна Марковна испугалась: она даже достала какихъ-то капель и налила на ложечку. Райскій едва унялся.

— Выпей капель, Борюшка.

— Нѣтъ, бабушка! ~~дайте~~ мнѣ не капель, а денегъ рублей триста...

И опять завалился смѣхомъ. Бабушка отказала было: — «скажи, зачѣмъ, кому? Не Маркуше ли? Взыщи прежде съ него восемьдесятъ рублей» — и пошла, и пошла! Въ другое время онъ бы про себя наслаждался этой экономической чертой бабушки и не преминулъ бы добродушно подразнить ее. Но тутъ его жгли внутренніе огни нетерпѣнія, поглощали возрастающій интересъ комедіи. Онъ чуть не въ драку полѣзъ съ нею, и послѣ отчаянной схватки, поторговавшись съ часъ, выручилъ отъ нея двѣсти двадцать рублей, не доторговавшись до трехъ сотъ, лишь бы скорѣе кончить. Онъ запечаталъ ихъ и отослалъ на другой же день. Между тѣмъ отыскалъ портного и торопиль сшить теплое пальто, жилетъ и купилъ одѣяло. Все это отослано было на пятый день.

«Слезами и сердцемъ, а не перомъ, благодарю васъ, милый, милый, милый братъ», получилъ онъ отвѣтъ съ той стороны: — «не мнѣ награждать за это: небо наградитъ за меня! Моя благодарность — пожатіе руки и долгій, долгій взглядъ признательности! Какъ обрадовался вашимъ подаркамъ бѣдный изгнанныкъ: онъ все «смѣется» съ радости и одѣлся въ обновки. А изъ денегъ сейчасъ же заплатилъ за три мѣсяца долгу хозяйкѣ и отдалъ за мѣсяцъ впередъ. И только на три рубля осмѣлился купить сигаръ, которыми не лакомился давно, а это — его страсть...» — «Пошлю завтра ящикъ», думалъ Райскій и послалъ, — между прочимъ потому, что «вѣдь просить тотъ, у кого нѣтъ.... говорилъ онъ: — богатый не попросилъ бы». — Ему вдругъ пришло въ голову — послать ловкаго Егорку послѣдить, кто беретъ письма у рыбака, узнать, кто такая Секлетей Бурдалахова. Онъ уже позвонилъ, но когда явился Егоръ — онъ помолчалъ, взглянуть на Егора, покраснѣлъ за свое намѣреніе и махнулъ ему рукой, чтобы онъ шелъ вонъ. «Не могу, не могу!» шепталъ онъ съ непреодолимымъ отвращеніемъ. «Спрошу у ней самой — и посмотрю, какъ и что скажетъ она — и если солжетъ: прощай Вѣра, а съ ней и всякая вѣра въ женщинъ!»

Слѣдя за ходомъ своей собственной страсти, какъ медикъ за болѣзнью, и какъ будто снимая фотографію съ нея, потому что искренно переживалъ ее, онъ здраво заключалъ, что эта страсть — ложь, миражъ, что надо прогнать, разсѣять ее! Но какъ: что надо теперь дѣлать? спрашивалъ онъ, глядя на небо съ облаками, углубляя взглядъ въ землю — что велить долгъ? — отвѣчай же уснувшій разумъ, освѣти мнѣ дорогу, дай перепрыгнуть черезъ этотъ

плакающей костеръ!» «Бросить все и бѣжать прочь!» отозвался покойно разумъ. Да, да — брошу и бѣгу, не дожусь ея, рѣшилъ онъ, и тутъ только замѣтилъ приложенный къ ея письму клочокъ бумаги съ припиской Вѣры: «Не пишите больше, я въ четвергъ буду сама домой: меня привезетъ лѣсничій!» Онъ обрадовался.

— А! вотъ и пробный камень. Это сама бабушкина «судьба» вмѣшалась въ дѣло и требуетъ жертвы, подвига — и я его совершу. Черезъ три дня видѣть ее опять здѣсь... О, какая нѣга! Какое солнце взойдетъ надъ Малиновкой! Нѣтъ, убѣгу! Чего мнѣ это стоитъ: никто не знаетъ! И ужели не найду награды: потеряннаго мира? Скорѣй, скорѣй прочь!.. сказала онъ рѣшительно и кликнулъ Егора, приказавъ принести чемоданъ.

И надо было бы тотчасъ же бѣжать, т. е. забывать Вѣру. Онъ и исполнилъ часть своей программы. Поѣхалъ въ городъ кое-что купить въ дорогу. На улицѣ онъ встрѣтилъ губернатора. Тотъ упрекнулъ его: что давно не видать? Райскій отозвался нездоровьемъ и сказалъ, что уѣзжаетъ надняхъ. — Куда? спросилъ тотъ. — Да мнѣ все равно, мрачно отвѣтилъ Райскій: здѣсь... я усталъ, хочу развлечься, теперь поѣду въ Петербургъ, а тамъ въ свое имѣніе, въ Р—ую губернію, а можетъ быть и за границу... — Не удивительно, что вы соскучились, замѣтилъ губернаторъ, — сидя на одномъ мѣстѣ, удаляясь отъ общества... Нужно развлеченіе... Вотъ не хотите ли со мной прокатиться: я послѣ завтра отправляюсь осматривать губернію...

«Послѣ завтра будетъ среда, мелькнуло соображеніе въ головѣ у Райскаго: а она возвращается въ четвергъ... Да, да, судьба вытаскиваетъ меня... Не лучше ли бы уѣхать дальше... совсѣмъ отсюда... для полнаго подвига?»

— Посмотрите мѣстность: продолжалъ губернаторъ, есть красивыя мѣста — вы поэтъ, наберетесь свѣжихъ впечатлѣній... Мы и по Волгѣ верстѣ полтора ста спустимся...

— А если я приму? отвѣчалъ Райскій, у котораго, рядомъ съ намѣреніемъ бороться со страстью, пріютилась надежда не разставаться вполнѣ хоть съ тѣми мѣстами, гдѣ присутствуетъ она, его безподобная, но мучительная красота! «Поѣдемте, я вашъ спутникъ», рѣшилъ онъ окончательно. Губернаторъ ласково хлопнулъ рукой по его ладони и повелъ къ себѣ, показалъ экипажъ, удобный и покойный — сказалъ, что и кухня поѣдетъ за нимъ и карты захватить: «въ пиветъ будемъ сражаться! прибавилъ онъ: и мнѣ веселѣе ѣхать, чѣмъ съ однимъ секретаремъ, которому много будетъ дѣла.»

Райскому стало легче уже отъ одного намѣренія переименовать мѣсто и обстановку. Что-то постороннее Вѣрѣ, какъ облако, стало

между нимъ и ею. Давно бы такъ, и это глупѣйшее состояніе кончилось бы! «Вотъ почти и нѣтъ никакихъ бѣсовъ!» говорилъ онъ, возвращаясь къ себѣ. Онъ подтвердилъ Егоркѣ готовить платье, бѣлье, сказавши, что ѣдетъ съ губернаторомъ.

Намѣренія его преодолѣть страсть были искренни, и онъ подумывалъ уже не возвращаться вовсе, а къ концу губернаторской прогулки вытребовать свои вещи изъ дому и уѣхать, не повидавшись съ Вѣрой. На этомъ бы и остановиться ему, отвернуться отъ Малиновки навсегда, или хоть на долго, и не оглядываться — и все потонуло бы въ пространствѣ, даже не такой дали, какую предполагалъ Райскій между Вѣрой и собою, а двухъ-трехъ сотъ верстъ, и во времени — не годовъ, а пяти-шести недѣль, и осталось бы развѣ смутное воспоминаніе отъ этой трескотни, какъ отъ кошмара. Райскій зналъ это по прежнимъ, хотя и не такимъ сильнымъ опытамъ, но послѣдній опытъ всегда кажется не похожимъ чѣмъ-нибудь на прежніе, и притомъ подъ свѣжей страстью дымится свѣжая рана, а времени ждать долго. Райскій зналъ и это и не лукавилъ даже передъ собою, а хотѣлъ только утѣмить чѣмъ-нибудь невыносимую боль, т. е. не вдругъ удаляться отъ этихъ мѣстъ и не влечь сразу непреодолимой дали между ею и собою, чтобы не вдругъ оборвался этотъ нервъ, которымъ онъ такъ связанъ былъ, и съ живой, полной прелести стройной и нѣжной фигуры Вѣры, и съ воплотившимся въ ней его идеаломъ, живущимъ въ ея образѣ, вопреки таинственности ея поступковъ, вопреки его подозрѣніямъ въ ея страсти къ кому-то, вопреки наконецъ его грубымъ предположеніямъ въ ея женской распушенности; въ ея отношеніяхъ... къ Тушину, въ которомъ онъ болѣе всѣхъ подозрѣвалъ ея героя. «А можетъ быть, и другой, другіе»... злобно думалъ онъ.

Онъ свои художніческія требованія переносилъ въ жизнь, мѣшая ихъ съ общечеловѣческими, и писалъ послѣднюю съ натуры, и тутъ же, невольно и безсознательно приводилъ въ исполненіе древнее мудрое правило, «познавалъ самого себя», съ ужасомъ вглядываясь и вслушиваясь въ дикіе порывы животной, слѣпой натуры, самъ писалъ ей казнь и чертилъ новые законы, разрушалъ въ себѣ «ветхаго человѣка» и создавалъ новаго. И если ужасался, глядясь самъ въ подставляемое себѣ безпощадное зеркало зла и темноты, то и неимоверно былъ счастливъ, замѣчая, что эта внутренняя работа надъ собою, которой онъ требовалъ отъ Вѣры, отъ живой женщины, какъ человѣкъ, и отъ статуи, какъ художникъ, началась у него самого не съ Вѣры, а давно, прежде когда-то, въ минуты такого же раздвоенія натуры на реальное и фантастическое. Онъ, съ біеніемъ сердца и

трепетомъ чистыхъ слезъ, подслушивалъ, среди грязи и шума страстей, ~~подземную тихую~~ работу, въ своемъ человѣческомъ существѣ, какого-то таинственнаго духа, затихавшаго иногда въ трескъ и дымъ нечистаго огня, но не умиравшаго и просыпавшагося опять, зовущаго его, сначала тихо, потомъ громче и громче, къ трудной и нескончаемой работѣ надъ собой, надъ своей собственной статуей, надъ идеаломъ человѣка. Радостно трепеталъ онъ, вспоминая, что не жизненные приманки, не малодушные страхи влекли его къ этой работѣ, а влеченіе искать и создавать красоту въ себѣ самомъ. Духъ манилъ его за собой, въ свѣтлую, таинственную даль, какъ человѣка и какъ художника, къ идеалу чистой человѣческой красоты. Съ тайнымъ, захватывающимъ дыханіемъ ужасомъ счастья видѣлъ онъ, что работа чистаго генія не рушится отъ пожара страстей, а только останавливается, и когда минуетъ пожаръ, она идетъ впередъ, медленно и туго, но все идетъ — и что въ душѣ человѣка, независимо отъ художественнаго, таится другое творчество, присутствуетъ другая живая жажда, кромѣ животной, другая сила, кромѣ силы мышцъ. Пробѣгая мысленно всю нить своей жизни, онъ припоминалъ, какія нечеловѣческія боли терзали его, когда онъ падалъ, какъ медленно вставалъ опять, какъ тихо чистый духъ будилъ его, звалъ вновь на нескончаемый трудъ, помогая встать, ободряя, утѣшая, возвращая ему вѣру въ красоту правды и добра и силу — подняться, идти дальше, выше.... Онъ благоговѣйно ужасался, чувствуя, какъ приходятъ въ равновѣсіе его силы, и какъ лучшія движенія мысли и воли уходятъ туда, въ это зданіе, какъ ему легче и свободнѣе, когда онъ слышитъ эту тайную работу и когда самъ сдѣлаетъ усиліе, движеніе, подастъ камень, огня и воды.

Отъ этого сознанія творческой работы внутри себя, и теперь пропадала у него изъ памяти страстная, язвительная Вѣра, а если приходила, то затѣмъ только, чтобъ онъ съ мольбой звалъ ее туда же, на эту работу тайнаго духа, показать ей священный огонь внутри себя и пробудить его въ ней, и умолять беречь, лелѣять, питать его въ себѣ самой. Тогда казалось ему, что онъ любилъ Вѣру такой любовью, какою никто другой не любилъ ее, и самъ смѣло требовалъ отъ нея такой же любви и къ себѣ, какою она не могла дать своему идолу, какъ бы страстно ни любила его; если этотъ идолъ не носилъ въ груди такихъ же силъ, таеого же огня и, слѣдовательно, такой же любви, какая была заключена въ немъ и рвалась къ ней.

Съ другой, жгучей и разрушительной страстью, онъ искренно и честно продолжалъ бороться, чувствуя, что она не раздѣлена

Вѣрою, и слѣдовательно не можетъ разрѣшиться, какъ разрѣшается у двухъ, взаимно любящихъ честныхъ натуръ, въ тихое и покойное теченіе, словомъ, въ счастье, въ которомъ, очистившись отъ животнаго бѣшенства, она превращается въ человѣческую любовь.

Онъ теперь уже не звалъ болѣе страсть къ себѣ, какъ прежде, а проклиналъ свое внутреннее состояніе, мучительную борьбу и написалъ Вѣрѣ, что рѣшился бѣжать ея присутствія. Теперь, когда онъ сталъ уходить отъ нея, она будто пошла за нимъ, все подъ своимъ таинственнымъ покрываломъ, затрогивая, дразня его, будила его сонъ, отнимала книгу изъ рукъ, не давала ѣсть.

Дня черезъ три онъ получилъ коротенькую записку, съ вопросомъ: «Гдѣ онъ? что не возвращается? Отъ чего нѣтъ писемъ?» Какъ будто ей не было дѣла до его намѣренія уѣхать, или она не получила его письма. Она звала его домой, говорила что она воротилась, что «безъ него скучно», Малиновка опустѣла, всѣ повѣсили носъ, что Марейнька собирается ѣхать гостить за Волгу, къ матери своего жениха, тотчасъ послѣ дня своего рожденія, который будетъ на слѣдующей недѣлѣ, что бабушка останется одна и пропадетъ съ тоски, если онъ не принесетъ этой жертвы... и бабушкѣ, и ей....

«Да, знаю я эту жертву», думалъ онъ злобно и подозрительно: «въ домѣ, безъ меня и безъ Марейньки, замѣтнѣе будутъ твои скачки съ обрыва, дикая коза! Надо сидѣть съ бабушкой долѣе, обѣдать не въ своей комнатѣ, а со всѣми—понимаю! Не будетъ же этого! Не дамъ тебѣ торжествовать—довольно! Сброшу съ плечъ эту глупую страсть, и никогда ты не узнаешь своего торжества!»

Онъ написалъ ей отвѣтъ, гдѣ повторилъ о своемъ намѣреніи уѣхать, не повидавшись съ нею, находя, что это единственный способъ исполнить ея давнишнее требованіе—оставить ее въ покоѣ и прекратить свою собственную пытку. Потомъ разорвалъ свой дневникъ и бросилъ по вѣтру клочки, вполнѣ разочарованный въ произведенія своей фантазіи. Куры бросились со всѣхъ сторонъ къ окну губернаторской квартиры въ уѣздномъ городѣ, принявъ за какую-то куриную манну эти, какъ снѣгъ, посыпавшіеся обрывки бумажки, и потомъ медленно разошлись, тоже разочарованные, поглядывая вопросительно на окно.

На другой день къ вечеру онъ получилъ коротенькій отвѣтъ отъ Вѣры, гдѣ она успокоивала его, одобряя намѣреніе его уѣхать, не повидавшись съ ней, и изъявила полную готовность помочь ему побѣдить *страсть* (слово было подчеркнуто) и для того она сама, вслѣдъ за отправленіемъ этой записки, уѣз-

жасть въ тотъ же день, т. е. въ пятницу, опять за Волгу. Ему же совѣтовала ~~прійхать~~ проститься съ Татьяной Марковной и со всѣмъ домомъ, иначе внезапный отъѣздъ удивилъ бы весь городъ и огорчилъ бы бабушку.

Райскій почти обрадовался этому отвѣту. У него отлегло отъ сердца, и онъ на другой день, т. е. въ пятницу послѣ обѣда, легко и весело выпрыгнулъ изъ кареты губернатора, когда они вѣхали въ слободу близъ Малиновки, и поблагодарилъ его превосходительство за удовольствіе пріятной прогулки. Онъ, съ дорожнымъ своимъ мѣшкомъ, быстро пробѣжалъ ворота и явился въ домъ.

VI.

Марейнька первая, Викентьевъ второй, и съ ними дворовыя собаки, выскочили встрѣтить его, и всѣ, до Пашутки вѣлючительно, обрадовались ему почти до слезъ, такъ что и ему, не смотря на хмѣль страсти, едва не заплакалось отъ этой теплоты сердечнаго приѣма. «Ахъ, зачѣмъ мнѣ мало этого счастья—зачѣмъ я не бабушка, не Викентьевъ, не Марейнька: зачѣмъ я — Вѣра въ своемъ родѣ?» думалъ онъ и боязливо искалъ Вѣру глазами.

— А Вѣра уѣхала вчера! сказала Марейнька съ особенной живостью, замѣтивъ конечно, что онъ тоскливо оглядывался вокругъ себя.

— Да, Вѣра Васильевна уѣхала, повторилъ и Викентьевъ.

— Барышни нѣтъ! сказали и люди, хотя онъ ихъ и не спрашивалъ. Ему бы радоваться, а у него сердце упало.

«И весело имъ, что уѣхала, улыбаются: имъ это ничего!» думалъ онъ, проходя къ Татьянѣ Марковнѣ въ кабинетъ.

— Какъ я ждала тебя, хотѣла эстафету посылать! сказала она съ тревожнымъ лицомъ, выславъ Пашутку вонъ и затворяя кабинетъ. Онъ испугался, ожидая какой-нибудь вѣсти о Вѣрѣ.

— Чтѣ такое случилось?

— Твой другъ, Леонтій Ивановичъ....

— Ну?

— Боленъ.

— Бѣдный! Чтѣ съ нимъ? Я сейчасъ поѣду.... Опасно?

— Погоди, я велю лошадь заложить, а пока скажу, отъ чего: въ городѣ ужъ всѣ знаютъ. Я только для Марейньки секретничаю. А Вѣра ужъ узнала отъ кого-то...

— Чтѣ съ нимъ случилось?

— Жена уѣхала.... шепотомъ сказала Татьяна Марковна,

нахмурившись: онъ и слегъ. Кухарка его третьяго дня и вчера два раза прибѣгала за тобой...
www.vostoklib.ru

— Куда уѣхала?

— Съ французомъ, съ Шарлемъ укатила! Того вдругъ вызвали въ Петербургъ зачѣмъ-то. Ну, вотъ и она.... «Меня, говорить, встаети проводить до Москвы М-г Charles». И какъ схитрила: «хочу, говорить, повидаться съ родными въ Москвѣ», и выманила у мужа видъ для свободнаго проживанія.

— Ну, такъ чтожъ за бѣда? сказалъ Райскій: ея сношенія съ Шарлемъ не секретъ ни для кого, кромѣ мужа: посмѣются еще, а онъ ничего не узнаетъ. Она воротится....

— Ты не дослушалъ. Письмо прислала мужу, гдѣ просить забыть ее, говорить, чтобъ не ждалъ, не воротится, что не можетъ жить съ нимъ, зачахнетъ здѣсь....

Райскій пожалъ плечами.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, дура! горевалъ онъ. — Бѣдный Леонтій! Мало ей самой было негласнаго скандала—нѣтъ, захотѣла публичнаго!... Сейчасъ поѣду; ахъ, какъ мнѣ жаль его!

— И мнѣ жаль, Борюшка. Я хотѣла сама съѣздить къ нему — у него честная душа, онъ, какъ младенецъ! Богъ далъ ему ученость, да остроты не далъ.... закопался въ свои книги! У кого онъ тамъ на рукахъ?... Да вотъ чтó: если за нимъ нѣтъ присмотру, перевези его сюда — въ старомъ домѣ пусто, кромѣ Вѣриной комнаты.... Мы его тамъ пока помѣстимъ.... Я на случай велѣла приготовить двѣ комнаты.

— Что вы за женщина, бабушка! я только-что подумалъ, а вы ужъ и велѣли!...

Онъ пошелъ на минуту къ себѣ. Тамъ нашелъ онъ письма изъ Петербурга, между ними одно отъ Аянова, своего пріятеля и партнера Надежды Васильевны и Анны Васильевны Пахотиныхъ, въ отвѣтъ на нѣсколько своихъ писемъ къ нему, въ которыхъ просилъ извѣстій о Софѣ Бѣловодовой, а потомъ забылъ. Онъ вскрылъ письмо и увидалъ, что Аяновъ пишетъ, между прочимъ, о ней, отвѣчая на его письмо. «Когда опомнися!» подумалъ онъ, «тогда у меня еще было свѣжо воспоминаніе о ней, а теперь я и лицо ея забылъ! Теперь даже Секлетей Бурдалахова интереснѣе для меня, потому только, что напоминаетъ Вѣру».

Онъ не читалъ писемъ, не вскрылъ журналовъ и поѣхалъ къ Козлову. Ставни сѣраго домика были закрыты, и Райскій едва достучался, чтобъ отперли ему двери. Онъ прошелъ прихожую, потомъ залу, и остановился у кабинета, не зная, постучать, или войти прямо. Дверь вдругъ тихо отворилась, передъ нимъ явился Маркъ Волоховъ, въ женскомъ капотѣ и въ туф-

ляхъ Козлова, нечесанный, съ невыспавшимся лицомъ, блѣдный, худой, съ злыми глазами, какъ будто его всего передернуло.

— Насилу васъ принесла нелегкая! сказалъ онъ съ досадою, вполголоса:— гдѣ вы пропадали? Я другую ночь почти не сплю совсѣмъ.... Днемъ тутъ ученики вертѣлись, а по ночамъ онъ одинъ....

— Чтò съ нимъ?

— Чтò: развѣ вамъ не сказали? Ушла коза-то! Я обрадовался, когда услышалъ, шелъ поздравить его, гляжу— а на немъ лица нѣтъ! Глаза помутились, никого не узнаеть. Чуть горячка не сдѣлалась: теперь, кажется, проходитъ. Чѣмъ бы плакать отъ радости, уродъ убивается горемъ! Я лекаря-было привелъ, онъ прогналъ, а самъ ходитъ, какъ шальной.... Теперь онъ спитъ, не мѣшайте. Я уйду домой, а вы оставайтесь, чтобъ онъ чего не натворилъ надъ собой въ припадкѣ тупоумной меланхоли. Никого не слушаетъ— я ужъ хотѣлъ побить его....

Онъ плюнулъ съ досады.— На кухарку положиться нельзя— она идіотка. Завтра вечеромъ я смѣню васъ.... прибавилъ онъ.

Райскій съ изумленіемъ поглядѣлъ на Марка и подалъ ему руку.

— За чтò такая милость? спросилъ Маркъ желчно, не давая руки.

— Благодарю, что не кинули моего бѣднаго товарища....

— Ахъ, очень приятно! сказалъ Маркъ, шаркая обѣими туфлями и ерѣпко трясая за руку Райскаго:— я давно искалъ случая услужить вамъ....

— Что это, Волоховъ, вы, какъ клоунъ въ циркѣ, все выворачиваете себя наизнанку!... съ неудовольствіемъ сказалъ Райскій.

— А вы все рисуетесь въ жизни и рисуете жизнь! ядовито отвѣчалъ Волоховъ.— Ну, на кой чортъ мнѣ ваша благодарность? Развѣ я для нея, или для кого-нибудь другого, пришелъ къ Козлову, а не для него самого?

— Ну, хорошо, Маркъ Ивановичъ, сказалъ Райскій:— Богъ съ вами и съ вашими манерами: сила не въ нихъ и не въ моей рисовкѣ! Вы сдѣлали доброе дѣло...

— Опять похвала!

— Опять. Это моя манера говорить— чтò мнѣ нравится, чтò нѣтъ. Вы думаете, что быть грубымъ— значитъ быть простымъ и натуральнымъ, а я думаю, чѣмъ мягче человекъ, тѣмъ онъ больше человекъ. Очень жалѣю, если вамъ не нравится этотъ мой «рисункъ», но дайте мнѣ свободу рисовать жизнь по своему.

— Хорошо, сахарничайте, какъ хотите! сквозь зубы проворчалъ Маркъ. www.libtool.com.cn

— Леонтья я перевезу къ себѣ: тамъ онъ будетъ какъ въ своей семьѣ, сказалъ Райскій, и если горе не пройдетъ, то онъ и останется навсегда въ тихомъ углу....

— Вотъ теперь дайте руку, сказалъ Маркъ серьезно, схвативъ его за руку: это дѣло, а не слова! Козловъ разсохнется и служить уже не можетъ. Онъ останется безъ угла и безъ куска... Славная мысль вамъ въ голову пришла!

— Не мнѣ, а женщинѣ пришла эта мысль, и не въ голову, а въ сердце, — сказалъ Райскій, — и потому теперь я не приму вашей руки.... Бабушка выдумала это....

— Экая здоровая старуха, эта ваша бабушка! сказалъ Маркъ: — я когда-нибудь къ ней на пирогъ приду. Жаль, что старой дури набито въ ней много!... Ну, я пойду, а вы присматривайте за Козловымъ, — если не сами, такъ посадите кого-нибудь. Вонъ третьяго дня ему мочили голову и вѣдѣли на ночь сырой капустой обложить: я заснулъ нечаянно, а онъ, въ забытьи, всю капусту съ головы потаскалъ да съѣлъ.... Прощайте! я не спалъ и не ѣлъ самъ. Авдотья меня тутъ какой-то бурдой изъ кофе потчивала....

— А вотъ что: не хотите ли подождать? Я сейчасъ кучера пошлю домой за ужиномъ, сказалъ Райскій.

— Нѣтъ, я поужинаю ужъ дома.

— Можетъ быть... у васъ денегъ нѣтъ?... робко предложилъ Райскій и хотѣлъ достать бумажникъ.

Маркъ вдругъ засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ — у меня теперь есть деньги.... сказалъ онъ, глядя загадочно на Райскаго. — Да я еще въ баню до ужина пойду. Я весь выпачкался, не одѣвался и не раздѣвался почти. Я, видите ли, живу теперь не у огородника на квартирѣ, а у одной духовной особы: сегодня суббота — тамъ баню топятъ: я схожу въ баню, потомъ поужинаю и лягу ужъ на всю ночь.

— Вы похудѣли — и какъ-будто нездоровы! замѣтилъ Райскій, глаза у васъ....

Маркъ вдругъ нахмурился, и лицо у него сдѣлалось еще злѣе прежняго.

— А вы на мой взглядъ еще нездоровѣе! сказалъ онъ. — Посмотритесь въ зеркало: желтыя пятна, глаза ввалились совсѣмъ...

— У меня разныя безпокойства....

— И у меня тоже, сухо замѣтилъ Волоховъ. — Прощайте.

Онъ ушелъ, а Райскій тихо отворилъ дверь къ Леонтью и подошелъ на цыпочкахъ къ постели.

— Кто тутъ? спросилъ слабо Козловъ.

— Здравствуй, Леонтій, — это я! сказалъ Райскій, взявъ за руку Козлова и сядя въ кресло подлѣ постели.

Козловъ долго всматривался, потомъ узналъ Райскаго, проворно спустилъ ноги съ постели и сѣлъ, глядя на него.

— А тотъ ушелъ? спросилъ онъ:—я притворился спящимъ. Тебя давно не видать, заговорилъ Леонтій слабымъ голосомъ, съ промежутками. — А я все ждалъ — не заглянетъ ли, думаю. Лицо стараго товарища, продолжалъ онъ, глядя близко въ глаза Райскому и положивъ свою руку ему на плечо, — теперь только одно не противно мнѣ....

— Меня не было въ городѣ, отвѣчалъ Райскій:—я сейчасъ только воротился и узналъ, что ты боленъ....

— Врутъ, я не боленъ. Я притворился.... тише сказалъ онъ, опуская голову на грудь и замолчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ голову и разсѣянно глядѣлъ на Райскаго.

— Что, бишь, такое я хотѣлъ сказать тебѣ?...

Онъ всталъ и пошелъ неровными шагами по кабинету.

— Ты бы легъ, Леонтій, замѣтилъ Райскій, — ты боленъ....

— Я не боленъ, почти съ досадою отвѣчалъ Козловъ. — Что это вы всѣ, точно сговорились, наладили: боленъ, да боленъ. А Маркъ и лекаря привелъ и сидитъ тутъ, точно боится, что я кинусь въ окно, или зарѣжусь....

— Ты, однако, слабъ, насилу ходишь — право, лягъ....

— Да, слабъ, это правда, наклонясь черезъ спинку стула къ Райскому и обнявъ его за шею, шепталъ Леонтій. Онъ положилъ ему щеку на голову, и Райскій вдругъ почувствовалъ у себя на лбу и на щекахъ горячія слезы. Леонтій плакалъ. — Это слабость, да.... всхлипывая говорилъ Леонтій, но я не боленъ.... я не въ горячкѣ.... врутъ они.... не понимаютъ.... Я и самъ не понималъ ничего.... Вотъ, какъ увидѣлъ тебя.... такъ слезы льются, сами прорвались.... Не ругай меня, какъ Маркъ, и не смѣйся надо мной, какъ всѣ они смѣются.... Я вижу, у нихъ злой смѣхъ на лицахъ, у этихъ сердобольныхъ посѣтителей!...

Райскаго самого душили слезы, но онъ не далъ имъ воли, чтобъ не растревлять еще больше тоски Леонтя.

— Я понимаю и уважаю твои слезы, Леонтій! сказалъ онъ, насилу одолѣвая себя....

— Ты добрый, старый товарищъ.... ты и въ школѣ не смѣялся надо мной.... Ты знаешь, отъ чего я плачу? Ты ничего не знаешь, что со мной случилось?...

Райскій молчалъ.

— Вотъ я тебѣ покажу.... Онъ пошелъ къ бюро, вынулъ изъ ящика письмо и подалъ ему.

Райскій пробѣжалъ глазами письмо отъ Ульяны Андреевны, о которомъ ужъ слышалъ отъ бабушки.

— Уничтожь его, сказалъ онъ:—пока оно цѣло, ты не успокоишься....

— Какъ можно! съ испугомъ сказалъ Леонтій, выхватывая письмо и пряча его опять въ ящикъ. — Вѣдь это единственныя ея строки ко мнѣ, — другихъ у меня нѣтъ.... Это одно только и осталось у меня на память отъ нея.... добавилъ онъ, глотая слезы.

— Да, такое чувство заслуживало лучшей доли... тихо сказалъ Райскій. — Но, другъ Леонтій, прими это, какъ болѣзнь, какъ величайшее горе.... Но все же не поддавайся ему — жизнь еще длинна, ты не старъ...

— Жизнь кончилась, перебилъ Леонтій — если.....

— Если что?

— Если она.... не воротится.... шепнулъ онъ.

— Какъ, ты хотѣлъ бы.... ты принялъ бы ее теперь!...

— Ахъ, Борисъ, и ты не понимаешь! почти съ отчаяніемъ произнесъ Козловъ, хватаясь за голову и ходя по комнатѣ. — Боже мой! Твердятъ, что я боленъ, страдаютъ мнѣ, водятъ лекарей, сидятъ по ночамъ у постели — и все-таки не угадываютъ моей болѣзни и лекарства, какое нужно, а лекарство одно...

Райскій молчалъ. Козловъ подошелъ къ нему большими шагами, взялъ его за плеча и сильно трясъ, шепталъ въ отчаяніи: «Ея нѣтъ — вотъ моя болѣзнь. Я не боленъ, я умеръ: и настоящее мое, и будущее — все умерло, потому что ея нѣтъ! Поди, возьми ее, приведи сюда — и я воскресну!... А онъ спрашиваетъ, принялъ ли бы я ее! Какъ же ты романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простого дѣла!..

Райскій видѣлъ, что Козловъ взглянулъ наконецъ и на близкую ему жизнь тѣмъ же сознательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на жизнь древнихъ, и что утѣшить его нечѣмъ.

— Теперь я понимаю, замѣтилъ онъ: но я не зналъ, что ты такъ любилъ ее. Ты самъ шутилъ, бывало: говорилъ, что привыкъ къ ней, что измѣняешь ей для своихъ грековъ и римлянъ...

Козловъ горько улыбнулся.

— Вралъ, хвасталъ, не понималъ ничего, Борисъ! сказалъ онъ: — и не случись этого... я никогда бы и не понималъ. Я думалъ, что я люблю древнихъ людей, древнюю жизнь, а я просто любилъ.... живую женщину, и любилъ и книги, и гимназію, и древнихъ, и новыхъ людей, и своихъ учениковъ.... и тебя са-

мого.... и этотъ—городъ, вотъ съ этимъ переулкомъ, заборомъ и съ этими рябинами—потому только—что ее любилъ! А теперь это все опротивѣло: я бы готовъ хоть къ полюсу уѣхать... Да, я это недавно узналъ: вотъ какъ тутъ корчился на полу и читалъ ея письмо....

Райскій вздохнулъ.

— А ты спрашиваешь, принялъ ли бы я ее! Боже мой! Какъ принялъ бы—и какъ любилъ бы—она бы узнала это теперь... сказалъ онъ. У него опять закапали слезы.

— Знаешь что, Леонтій: я къ тебѣ съ просьбой отъ Татьяны Марковны, сказалъ Райскій.

Леонтій ходилъ взадъ и впередъ, пошатываясь, шлепая туфлями, съ всклокоченной головой, и не слушалъ его.

— Бабушка проситъ тебя переѣхать къ намъ, продолжалъ Райскій: ты здѣсь одинъ пропадешь съ тоски.

Козловъ услышалъ и понялъ, но въ отвѣтъ махнулъ только рукой.

— Спасибо ей—она святая женщина! Что я буду такимъ уродомъ носить свое горе по чужимъ угламъ....

— Это не чужой уголъ. Леонтій: мы съ тобой братья. Наше родство сильнѣе родства крови...

— Да, да, виновать, горе одолѣло меня! ложась въ постель, говорилъ Козловъ, и взявъ за руку Райскаго: прости за эгоизмъ. Послѣ.... послѣ.... я самъ притащусь, попрошусь смотрѣть за твоей библіотекой... когда ужъ надежды не будетъ....

— А у тебя есть надежда?

— А что? вдругъ шепотомъ спросилъ Козловъ, быстро сядя на постели и подвигая лицо къ Райскому: ты думаешь, что нѣтъ надежды?...

Райскій молчалъ, не желая ни лишать его этой соломенки, ни манить его ею напрасно.

— Я, право, не знаю, Леонтій, что сказать: я такъ мало слѣдилъ за твоей женою, давно не видалъ.... не знаю хорошо ея характера....

— Да, ты не хотѣлъ немного заняться ею... Я знаю, ты далъ бы ей хорошій урокъ... Можетъ быть, этого бы и не было...

Онъ вздохнулъ глубоко.

— Нѣтъ, ты знаешь ее,—прибавилъ онъ: ты мнѣ намекалъ на француза, да я не понималъ тогда... мнѣ въ голову не приходило... Онъ замолчалъ.—А если онъ броситъ ее? почти съ радостью вдругъ сказалъ онъ немного погодя, и въ глазахъ у него на минуту мелькнулъ какой-то лучъ.—Можетъ быть, она вспомнить... можетъ быть....

— Можетъ быть.... нерѣшительно сказалъ Райскій.

— Постой..... что это... Кто-то будто ѣдетъ сюда.... заговорилъ Леонтій, привставая и глядя въ окно. Потомъ опустился и повѣсилъ голову. Мимо оконъ проѣхала телѣга, гдѣ мужикъ, въ чувашской рубашкѣ, съ красными обшивками, стоя махалъ возжей.

— Я все жду.... все думаю, не опомнится ли? мечталъ онъ: и ночью пробовалъ вставать, да этотъ разбойникъ Маркъ, точно желѣзной ручищей, повалить меня и велить лежать. «Не воротится, говоритъ, лежи смирно!» Боюсь я этого Марка.—Онъ вѣпросительно поглядывалъ на Райскаго.

— А ты, какъ думаешь, шепталъ онъ: ты лучше знаешь женщинъ—что онъ смыслить! Есть надежда.... или....

— Если и есть, то во всякомъ случаѣ не теперь, сказалъ Райскій: развѣ послѣ когда-нибудь....

Козловъ глубоко вздохнулъ, медленно улегся на постели и положилъ руки съ локтями себѣ на голову.

— Завтра я перевезу тебя къ намъ,—сказалъ ему Райскій,—а теперь прощай. Ужѣ къ ночи, я, или приду самъ, или пришлю кого-нибудь побыть съ тобой.

Леонтій не смотрѣлъ и не слыхалъ, что Райскій говоритъ и какъ онъ вышелъ.

Райскій воротился домой, отдалъ отчетъ бабушкѣ о Леонтѣѣ, сказавши, что опасности нѣтъ, но что никакое утѣшеніе теперь не поможетъ. Оба они рѣшили послать на ночь Якова смотрѣть за Козловымъ, при чемъ бабушка отправила цѣлый ужинъ, чаю, рому, вина—и Богъ знаетъ, чего еще.

— Зачѣмъ это? онъ ничего не ѣстъ, бабушка, сказалъ Райскій.

— А какъ тотъ.... опять придетъ?

— Кто тотъ?

— Ну, кто—Маркушка: я чаю, ѣсть захочетъ. Вѣдь ты говоришь, что засталъ его тамъ....

— Ахъ, бабушка! я сейчасъ поѣду и скажу Марку...

— Сохрани тебя Господи! удержала она его: на смѣхъ подниметь....

— Нѣтъ—поклонится. Это не Нилъ Андреичъ, онъ понимаетъ васъ....

— Не надо мнѣ его поклоновъ, а чтобъ былъ сытъ—и Богъ съ нимъ! Онъ пропащій! А что... о восьмидесяти рубляхъ не поминаетъ?

Райскій махнулъ рукой, ушелъ къ себѣ въ комнату и сталъ дочитывать письмо Аянова и другія, полученныя имъ письма изъ Петербурга, вмѣстѣ съ журналами и газетами.

www.libtool.com.cn VII.

«Что сдѣлалось съ тобой, любезный Борисъ Павловичъ? писалъ Аяновъ: въ какую всероссійскую щель заползъ ты отъ нашего вѣчно-мокраго, но вѣчно-юнаго Петербурга, что отъ тебя два мѣсяца нѣтъ ни строки? Ужъ не женился ли ты тамъ на какой-нибудь стерляди? Забрасывалъ сначала своими повѣстями, т. е. письмами, а тутъ вдругъ и пропалъ, такъ-что я не знаю, не переѣхалъ ли ты изъ своей трущобы — Малиновки, въ какую-нибудь трущобу — Смородиновку, и получишь ли мое письмо?»

«Новостей много, слушай только... Поздравь меня: геморрой наконецъ у меня открылся!! Мы съ докторомъ такъ обрадовались, что бросились другъ другу въ объятія и чуть не зарыдали оба. Понимаешь ли ты важность этого исхода: на воды не надо ѣхать! Поясницѣ легче, а къ животу я прикладываю холодные компрессы: у меня, вѣдь ты знаешь — *pletora abdominalis*.....»

— Вотъ какими новостями занимается! подумалъ Райскій и читалъ дальше.

«Олинька моя хорошеетъ, преусиѣваетъ въ благочестіи, благоправіи и наукахъ, институтскому начальству покорна, къ отцу почтительна, и всякій четвергъ спрашиваетъ, скоро ли пріѣдетъ другой баловникъ, Райскій, поправлять ея рисунки и совать ей въ другую руку другую, сверхъ-штатную коробку конфетъ.....»

— Вотъ животное: только о себѣ! шепталъ опять Райскій, читая черезъ нѣсколько строкъ ниже.

«...Кого женился наконецъ на своей Eudoxie, за которой чуть не семь лѣтъ, какъ за Рахилью, ухаживалъ, — и уѣхалъ въ свою тьму-тараканскую деревню. Горбуна сбыли за границу, вмѣстѣ съ его вѣдьмой, и теперь въ домѣ стало поживѣе. Стали отворять окна и впускать свѣжій воздухъ и людей, — только кормятъ все еще северо»...

— Что мнѣ до нихъ за дѣло! съ нетерпѣніемъ ворчалъ Райскій, пробѣгая дальше письмо: о кузинѣ ни слова, а мнѣ и о ней-то не хочется слышать!

«...на его мѣсто, — шепотомъ читалъ онъ дальше, — прочать въ министры князя И. В., а товарищемъ И. Б. — а... Женщины подняли гвалтъ... П. П. проигралъ семьдесятъ тысячъ... Х — ie уѣхали за границу... Тебѣ скучно: вижу, что ты морщишься — спрашиваешь — что Софья Николаевна (началь живѣе читать Райскій): сейчасъ, сейчасъ, я берегъ вѣсти о ней pour la bonne bouche...»

— На силу добрался, — сказалъ Райскій — ну, что она?

«Я старался и безъ тебя, какъ при тебѣ, и служилъ твоему дѣлу вѣрой и правдой, т. е. два раза игралъ съ милыми «барышниками» въ карты, такъ что братецъ ихъ, Николай Васильевичъ, прозвалъ меня женихомъ Анны Васильевны, и такъ разгулялся однажды на счетъ будущей нашей свадьбы, что былъ вытолканъ обѣими сестрицами въ спину и не получилъ ни гроша субсидіи, за которой было явился. Но за то занялъ триста рублей у меня, а я поставилъ эти деньги на твой счетъ, такъ какъ надежды отыграть ихъ у моей нареченной невѣсты уже болѣе нѣтъ. Внемли, блѣднѣй и трепещи!

«Играя съ тетками, я служилъ, говорю, твоему дѣлу, т. е. пробужденію страсти въ твоей мраморной кузинѣ, съ тою только разницею, что безъ тебя это дѣло пошло было въ прокъ. Итальянецъ, графъ Милари, должно быть служить по этой же части, т. е. развиваетъ страсти въ женщинахъ, и едва ли не успѣшнѣе тебя. Онъ повадился ѣздить въ тѣ же дни и часы, когда мы играли въ карты, а Николай Васильевичъ не нарадовался, глядя на свое семейное счастье».

«Папашу оставляли въ покоѣ, занимались музыкой, играли, пѣли — даже не брали гулять, потому что (я говорю тебѣ это по секрету, и весь Петербургъ не иначе, какъ на ухо, повторяетъ этотъ секретъ) когда карета твоей кузины являлась на островахъ, являлся тогда и Милари верхомъ, или въ коляскѣ, и ѣхалъ подлѣ кареты. Софья Николаевна еще больше похорошѣла, потомъ стала задумываться, немного вышла изъ своего «олимпійскаго» спокойствія и похудѣла... Она (бери спиртъ и нюхай!) сдѣлала... un faux pas! Я добивался, какою именно, и получалъ такіе отвѣты, даже отъ ея кузины Катринъ, изъ которыхъ ничего не сообразишь: все двойки да шестерки, ни одного короля, ни дамы, ни туза, ни даже десятки нѣтъ... все фосски!»

«Я началъ уже самъ сочинять ихъ романъ: думалъ, не застали ли ихъ гдѣ-нибудь уединенно-гуляющихъ, или перехватили письмо, въ коемъ сказано: «люблю-молъ тебя» — или раздался преступный поцѣлуй среди дуэтовъ Россини и Беллини. Нѣтъ, играли, пѣли, мѣшая намъ играть въ карты (мимоходомъ замѣчу, что и безъ нихъ игра вязалась плохо. Вообще, я терпѣть не могу лѣта, потому что лѣтомъ карты сквозять), такъ что Надежда Васильевна затыкала даже уши ватой... А въ городѣ и пошло, и пошло! Мезенскіе, Хатьковы, и Мышинскіе, и всѣ, — больше всѣхъ кузина Катринъ, тихо, съ сдержанной радостью, шептали: «Sophie a poussé la chose trop loin, sans se rendre compte des suites...» и т. д. Какая это «chose», спрашивалъ я, и на ухо, и въ слухъ, того, другого — и не получая опредѣлитель-

наго отвѣта, самъ сталъ шептать, когда зайдетъ рѣчь о ней. «Oui, говорилъ я — elle a pousse la chose trop loin sans se rendre compte... Elle a fait un faux pas...»

«И пожму значительно плечами, когда спросятъ, какой «pas»?»

«Такимъ образомъ всплыло на горизонтъ легкое облачко и стало надъ головой твоей кузины. А я все служилъ да служилъ дѣлу, не забывая дружеской обязанности, и все ѣздилъ играть въ тетрамъ. Даже сблизился съ Милари и сталъ условливаться съ нимъ, какъ, бывало, съ тобой, приходите въ одни часы, чтобъ обоимъ было удобнѣе...»

— Какой осель! — сказалъ съ досадой Райскій, бросивъ письмо: — онъ думалъ, что угождаетъ мнѣ!..

«А ты, за службу и дружбу мою, читалъ дальше Райскій, — пришли, или привези мнѣ къ зимѣ, съ Волги, отличной свѣжей игры боченокъ-другой, да стерлядей въ аршинъ: я подѣлюсь съ его сіятельствомъ, моимъ партнеромъ, министромъ и милостивцемъ...»

Райскій читалъ ниже:

«Такъ мы и переѣхали цѣлой семьей на дачу, на Каменный Островъ, т. е. онъ заняли весь домъ В., а я двѣ комнаты неподалеку. Николай Васильевичъ поселился въ особомъ павильонѣ...»

«Дѣла шли своимъ чередомъ, какъ вдругъ однажды, передъ началомъ нашей вечерней партіи, когда Надежда Васильевна и Анна Васильевна наряжались къ выходу, а Софья Николаевна поѣхала гулять, взявши съ собой Николая Васильевича, чтобъ завести его тамъ гдѣ-то на дачу, — доложили о пріѣздѣ княгини Олимпиады Измайловны. Обѣ тетки поворчали на это неожиданное разстройство партіи, но однако пустили меня погулять, наказавши черезъ часъ вернуться, а княгиню приняли. Несчастные мы всѣ трое: ни тетушки твои, ни я — не предчувствовали, что намъ не играть больше! Княгиня встрѣтилась со мной на лѣстницѣ и несла такое торжественное, важное лице вверхъ, что я даже не осмѣлился осведомиться о ея нервахъ. Черезъ часъ я прихожу, меня не принимаютъ. Захожу на другой день — не принимаютъ. Черезъ два, три дня — тоже самое. Обѣ тетки больны, «барыня», т. е. Софья Николаевна нездорова, не выѣзжаетъ и никого не принимаетъ: такіе отвѣты получалъ я отъ слугъ. Я толкнулся во флигель къ Николаю Васильевичу — дома нѣтъ, а между тѣмъ его нигдѣ не видно: ни на *pointe*, ни у Излера, куда онъ хаживалъ *инкогнито*, какъ онъ говорить. Я — въ городъ, въ клубъ — къ Петру Ивановичу. Тотъ ужъ издали, изъ-за газетъ, лукаво выглянулъ на меня и улыб-

нулся: «знаю, знаю, зачѣмъ, говорить: что, дверь захлопнулась, оброкъ прекратился?..» Отъ него я добился только — сначала, что кухня твоя — а *poussé la chose trop loin... qu'elle a fait un faux pas...* а потомъ — что послѣ визита княгини Олимпиады Измайловны, этой гонительницы женскихъ пороковъ и поборницы добродѣтелей, тетки разомъ слегли, въ окнахъ опустили сторы, Софья Николаевна сидитъ у себя запершись, и всѣ обѣдаютъ по своимъ комнатамъ, и даже не обѣдаютъ, а только блюда приносятся и уносятся нетронутыя, — что трогаетъ ихъ одинъ Николай Васильевичъ, но ему запрещено выходить изъ дома, чтобъ какъ-нибудь не проболтался, что графъ Милари и носа не показываетъ въ домъ, а ѣздитъ старый докторъ Пертовъ, бросившій давно практику и въ молодости лечившій обѣихъ барышень (и бывшій ихъ любовникомъ, по словамъ старой, забытой хроники — прибавлю въ скобкахъ). Наконецъ, Петръ Ивановичъ сказалъ, что весь домъ, кромѣ Николая Васильевича, тайнѣ готовится уѣхать на такія воды, какихъ старики не запомнятъ, и располагаютъ пробыть года три за границей.

«Я однако добился свиданія съ Николаемъ Васильевичемъ: написалъ ему записку и получилъ приглашеніе отобѣдать съ нимъ «вечеромъ» наединѣ. Онъ прежде всего попросилъ быть скромнымъ на счетъ обѣда. Въ домѣ постъ теперь: «*on est en pénitence* — бульонъ и цыпленокъ готовятъ на всѣхъ — *et ma pauvre Sophie n'ose pas descendre me tenir compagnie*» — жалуется онъ горько и жуется въ недоумѣніи губами — «*et nous sommes enfermés tous les deux...* Я велѣлъ для васъ сдѣлать обѣдъ, только не говорите!» прибавилъ онъ боязливо, улетая перепелокъ, и чуть не плакалъ о своей бѣдной Софьѣ. Наконецъ, я добился, что къ прежнему облачку, къ этому искомому мною *x* — т. е. *que Sophie a poussé la chose trop loin*, прибавился наконецъ и фактъ — она, о ужасъ! *a fait un faux pas*, именно — отвѣчала на записку Милари! Пахотинъ показалъ мнѣ эту записку, съ яростью ударяя кулакомъ по столу. «*Mais dites donc, dites, qu'est ce qu'il y a là? à propos de quoi* — всѣ эти охи, и ахи, и флаконы со спиртомъ, и этотъ отъѣздъ? *et tout ce remue-ménage? Voilà ce que c'est que d'être vieilles filles!*» Онъ топалъ, бѣгалъ по кабинету и прохлаждалъ себя, такая бисевиты въ шампанское и глотая какія-то дижестивныя пилюли вслѣдъ затѣмъ. «И что всего грустнѣе, говорилъ онъ, что бѣдняжка Sophie убивается сама: «*Oui, la faute est à moi, твердитъ она, je me suis compromise: une femme qui se respecte ne doit pas pousser la chose trop loin... se permettre.*» — «*Mais qu'as tu donc fait, mon enfant?*» спрашиваю я — «*j'ai fait un faux pas...*

твердитъ она: — огорчила тетокъ, васъ, папа!...» «*Mais pas le moins du monde, говорю я — и все напрасно. Et elle pleure, elle pleure... cette pauvre enfant: Ce billet... Посмотрите эту записку!*» А въ запискѣ изображено слѣдующее: Venez, comte, je vous attends entre huit et neuf heures, personne n'y sera et surtout n'oubliez pas votre portefeuille artistique. Je suis etc: S. B. Николай Васильевичъ пораженъ прежде всего въ родительской нѣжности. «*Le nuage a grossi grâce à ce billet, потому что... кажется... (на ухо шепнулъ мнѣ Пахотинъ) entre nous soit dit, Sophie... n'était pas tout-à-fait insensible aux hommages du comte, mais c'est un gentilhomme et elle est trop bien élevée pour pousser les choses... jusqu'à un faux pas...*»

«И только, Борисъ Павловичъ! Какъ мнѣ ни грустно это, т. е. что «только» и что я не могу тебѣ сообщить чего-нибудь повеселѣе, какъ напримѣръ, въ родѣ того, что кузина твоя, одѣвшись въ темную мантилью, ушла изъ дома, что на углу ждала ее и умчала куда-то наемная карета, что потомъ видѣли ее съ Милари возвращающуюся блѣдной, а его торжествующимъ, и разстающихся гдѣ-то на перекресткѣ и т. д.»

«Но здѣсь хватаются и за соломенку: всячески раздуваютъ искру — и изъ записки дѣлаютъ слона, вставляютъ туда другія фразы, даже нѣжное *ты*, но это не клеится, и все вертится на одной и той же редакціи; т. е. «*que Sophie a poussé la chose trop loin, qu'elle a fait un faux pas*»..... Я усердно помогаю дѣлу со своей стороны, лукаво молчу и не обличаю, не говорю, что тамъ написано. За мной ходятъ, видя, что я знаю. К. Р. и жена два раза звали обѣдать, а М. поднаиваетъ меня въ клубѣ, не проговорюсь ли. Мнѣ это весело и я молчу.»

«Черезъ двѣ недѣли онѣ ѣдутъ. И вотъ тебѣ развязка романа твоей кузины! Да, я забылъ главное — слона: Николай Васильевичъ былъ поставленъ сестрицами своими «*dans une position très-délicate*»: объясниться съ графомъ Милари и выпросить назадъ у него эту роковую записку. Онъ говоритъ, что у него и подагра, и нервы, и тикъ, и ревматизмъ, все поднялось разомъ, когда онъ объяснялся съ графомъ. Тотъ тонко и лукаво улыбался, выслушавъ просьбу отца, и сказалъ, что на другой день удовлетворить ее, и сдержалъ слово, прислалъ записку самой Бѣловодовой, съ учтивымъ и почтительнымъ письмомъ. «*Mais comme il riait sous cape, ce comte (il est très-fin), quand je lui débitais toutes les sottises réflexions de mes chères soeurs... vieilles chiennes!*».... отвернувшись добавилъ онъ и разбилъ со злости фарфоровую куклу на каминѣ.»

«Вотъ тебѣ и драма, любезный Борисъ Павловичъ: годится ли въ твой романъ? Пишешь ли ты его? Если пишешь, то сократи эту драму въ двухъ слѣдующихъ словахъ. Вотъ тебѣ ключъ или «le mot de l'énigme», какъ говорятъ здѣсь русскіе люди, притворяющіеся неумѣющими говорить по-русски и воображающіе, что говорятъ по-французски. Кузина твоя увлеклась по своему, не покидая гостиной, а графъ Милари добивался свести это на большую дорогу—и—говорять (это папа разболталъ), что между ними бывали живые споры, что онъ бралъ ее за руку, а она не отнимала, у ней даже глаза туманились слезой, когда онъ, недовольный прогулками верхомъ у кареты и пріемомъ при теткахъ, настаивалъ на болѣе свободѣ,—звалъ въ паркъ вдвоемъ, являлся въ другіе часы, когда тетки спали, или бывали въ церкви, и не успѣвая, не показывая глазъ по недѣлѣ. А кузина волновалась, «prenant les choses au sérieux» (я не перевожу тебѣ здѣшняго языка, а передаю въ оригиналѣ, такъ какъ оригиналъ всегда ярче перевода). Между тѣмъ графъ серьезныхъ намѣреній не обнаруживалъ и наконецъ.... наконецъ.... вотъ гдѣ ужасъ: узнали, что онъ изъ «новыхъ» и своимъ прежнимъ правительствомъ былъ — «mal vu», и «эмигрировалъ» изъ отечества въ Парижъ, гдѣ и проживалъ, а главное, что у него тамъ, подъ голубыми небесами, во Флоренціи, или въ Миланѣ, есть какая-то нареченная невѣста, тоже кузина.... что вся его фортуна («fortune» — въ оригиналѣ) перейдетъ въ его родъ изъ того рода, также какъ и виды на карьеру. Это провѣдала княгиня черезъ князя Б. П.... И твоя Софья страдаетъ теперь вдвойнѣ: и отъ того, что оскорблена внутренно—гордости ея красоты и гордости рода нанесенъ ударъ — и отъ того, что сдѣлала.... un faux pas, и можетъ быть, также немного и отъ того чувства, которое ты старался пробудить—и успѣлъ, а я, по дружбѣ къ тебѣ, поддержалъ въ ней.... Что будетъ съ ней теперь—не знаю: драма ли, романъ ли—это уже докончи ты на досугѣ, а мнѣ пора на вечеръ къ В. И. Тамъ ожидаетъ меня здоровая и серьезная партія съ серьезными игроками.»

«Прощай—это первое и послѣднее мое письмо, или, пожалуй, глава изъ будущаго твоего романа. Ну, поздравляю тебя, если онъ будетъ весь такой! Бабушкѣ и сестрамъ своимъ кланяйся, нужды нѣтъ, что я не знаю ихъ, а онѣ меня, и скажи имъ, что въ такомъ-то городѣ живетъ твой пріятель, готовый служить, какъ выше показано.» — *И. Аяновъ.*

Райскій сунулъ письмо въ ящикъ, а самъ, взявъ фуражку, пошелъ въ садъ, внутренно сознаваясь, что онъ идетъ взглянуть на мѣста, гдѣ еще вчера ходила, сидѣла, скользя, можетъ быть, какъ змѣя, съ обрыва внизъ, сверкая красотой, какъ ночь—Вѣра, все она, его мучительница и идолъ, которому онъ еще лихорадочно дочитывалъ про себя—и молитвы, какъ идеалу, и шепталъ проклятія, какъ живой красавицѣ, кидая мысленно въ нее каменья.

Онъ обошелъ весь садъ, взглянулъ на ея закрытыя окна, подошелъ къ обрыву и погрузилъ взглядъ въ лежащую у ногъ его пропасть тихо шумящихъ кустовъ и деревьевъ. Аллеи представлялись темными корридорами, но открытыя мѣста, поблекшія цвѣтники, огородъ, все пространство сада, лежащее передъ домомъ, освѣщалось косвенными лучами выплывшей на горизонтъ луны. Звѣзды сильно мерцали. Вечеръ былъ ясенъ и свѣжъ. Райскій посмѣтрѣлъ съ обрыва на Волгу; она сверкала вдали, какъ сталь. Около него, тихо шелестя, летѣли съ деревьевъ увядшіе листья. «Тамъ она теперь», думалъ онъ, глядя за Волгу:—и ни одного слова не оставила мнѣ! Задушевное, сказанное ею груднымъ шепотомъ «прощай» примирило бы меня со всей этой злостью, которую она такъ щедро излила на мою голову! И уѣхала: ни слѣда, ни воспоминанія!» горевалъ онъ, склонивъ голову, идучи по темной аллеѣ.

Вдругъ въ плечо ему слегка впились чьи-то тонкіе пальцы, какъ когти хищной птицы, и въ ухѣ раздался сдержанный смѣхъ.

— Вѣра! въ радостномъ ужасѣ сказалъ онъ, задрожавъ и хватая ее за руку. У него даже волосы поднялись на головѣ.— Ты здѣсь, не за Волгой!...

— Здѣсь, не за Волгой! повторила она, продолжая смѣяться, и пропустила свою руку ему подъ руку.— Вы думали, что я отпущу васъ, не простясь? Да, думали? Признавайтесь!....

— Ты колдунья, Вѣра. Да, сію минуту я упрекалъ тебя, что ты не оставила даже слова! говорилъ онъ растерянный, и отъ страха, и отъ неожиданной радости, которая вдругъ охватила его.

— Да какъ же это ты?... Въ домѣ всѣ говорили, что ты уѣхала вчера....

Она иронически засмѣялась, стараясь поглядѣть ему въ лицо.

— А вы и повѣрили! Я готовила вамъ сюрпризъ: велѣла сказать, что уѣхала.... Признавайтесь, вы не повѣрили, притворились?...

— Ейбогу, нѣтъ.

— Побожитесь еще! говорила она, торжествуя и наслаждаясь его волненіемъ, и опять засмѣялась раздражительнымъ смѣхомъ. — Не оставила двухъ словъ, а осталась сама: что лучше? Говорите же! прибавила она, шая и заигрывая съ нимъ.

Онъ былъ въ недоумѣніи. Эта живость рѣчи, быстрыя движенія, насмѣшливое кокетство — все казалось ему неестественно въ ней. Сквозь живой тонъ и рѣзвость онъ слышалъ будто усталость, видѣлъ напряженіе скрыть истощеніе силъ. Ему хотѣлось взглянуть ей въ лицо, и когда они подошли къ концу аллеи, онъ вывелъ — было ее на лунный свѣтъ.

— Дай мнѣ взглянуть на тебя: что съ тобой Вѣра? Какая ты рѣзвая, веселая!... замѣтилъ онъ робко.

— Что смотрѣть — нечего! съ нетерпѣніемъ перебила она, стараясь выдернуть свою руку и увлекая его въ темноту. Она встряхивала головой, небрежно поправляя сползавшую съ плечъ мантилью.

— Веселая — отъ того, что вы здѣсь, подлѣ меня....

Она прижалась плечомъ къ его плечу.

— Что съ тобой, Вѣра? въ тебѣ какая-то переменна! прошептала Райскій подозрительно, не раздѣляя ея бурной веселости.

— Пойдемте, пойдемте, что за смотръ такой — не люблю!... живо говорила она, едва стоя на мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что руки у ней дрожатъ и что вся она трепещетъ и бьется въ какой-то непонятной для него тревогѣ.

— Да говорите же что-нибудь, рассказывайте, гдѣ были, что видѣли, помнили-ли обо мнѣ? А что страсть? все мучаетъ — да? Что это у васъ, точно языкъ отнялся? куда дѣвались эти «волны поэзіи», этотъ «рай и геенна?» давайте мнѣ рай! Я счастья хочу, «жизни»!..

Она говорила бойко, развязно, трогая его за плечо, не стояла на мѣстѣ отъ нетерпѣнія, ускоряла шагъ.

— Да что это вы идете, какъ черепаха! Пойдемте къ обрыву, спустимся къ Волгѣ, возьмемъ лодку, покатаемся!... продолжала она, таща его съ собой, то смѣясь, то вдругъ задумываясь.

— Вѣра, мнѣ страшно съ тобой: ты... не здорова! печально сказалъ онъ.

— А что? спросила она вдругъ, останавливаясь.

— Откуда вдругъ у тебя эта развязность, болтливость? ты, такая сдержанная, сосредоточенная!

— Я очень обрадовалась вамъ, братъ: все смотрѣла въ окно, прислушивалась къ стуку экипажей... сказала она, и наклонивъ

голову, въ раздумѣ, тише пошла подлѣ него, все держа свою руку на его плечѣ и по временамъ сжимая сильно, какъ птица когти, свои тонкія пальцы.

Ему отъ чего-то было тяжело. Онъ уже не слушалъ ея раздражительныхъ и кокетливыхъ вызововъ, которымъ въ другое время готовъ былъ вѣрить. Въ немъ въ эту минуту умоляла собственная страсть: онъ болѣлъ духомъ за нее, вслушиваясь въ ея лихорадочный лепетъ, стараясь вглядѣться въ нервную живость движеній и угадать: чтò значило это волненіе.

— Что вы такъ странно смотрите на меня: я не сумасшедшая! говорила она, отворачиваясь отъ него. На него напалъ ужасъ. «Сумасшедшіе почти всегда такъ говорятъ! подумалъ онъ: спѣшать увѣрить всѣхъ, что они не сумасшедшіе!» Онъ самъ испытывалъ нетрезвость страсти — и мучился за себя, но онъ давно зналъ, и страсти, и себя, и то не всегда могъ предвидѣть исходъ. Теперь, видя Вѣру, упившеюся этого недуга, онъ вздрагивалъ за нее. Она какъ будто теряетъ силу, слабѣетъ. Спокойствія въ ней нѣтъ больше: она собираетъ послѣднія силеньки, чтобъ замаскироваться, уйти въ себя — это явно: но и въ себѣ ей уже тѣсно — чаша переполняется, и волненіе выступаетъ наружу. «Боже мой, чтò съ ней будетъ! въ страхѣ думалъ онъ: а у ней нѣтъ довѣрія ко мнѣ. Она не высказывается, хочетъ бороться одна! кто охранить ее?...» «Бабушка!» шепнулъ ему какой-то голосъ.

— Вѣра! ты нездорова: ты бы поговорила съ бабушкой... серьезно сказалъ онъ.

— Тише, молчите, помните ваше слово! сильнымъ шепотомъ сказала она. — Прощайте теперь! Завтра пойдемъ съ вами гулять, потомъ въ городъ, за покупками, потомъ туда, на Волгу... всюду! Я жить безъ васъ не могу!.. прибавила она почти грубо, и сильно сжавъ ему плечо пальцами.

— Чтò съ ней! думалъ онъ. Но послѣднія ея слова, этотъ грубо-кокетливый вызовъ, обращенный прямо къ нему и на него, заставили его подумать и о своей защитѣ, напомнили ему о его собственной борьбѣ и о намѣреніи бѣжать.

— Я уѣду, Вѣра, сказалъ онъ вслухъ: я измученъ, у меня нѣтъ силъ больше, я умру... Прощай! зачѣмъ ты обманула меня? зачѣмъ вызвала? зачѣмъ ты здѣсь? чтобъ наслаждаться моими муками?.. Уѣду,пусти меня!

— Уѣзжайте, сказала она, отойдя отъ него на шагъ. — Егорка еще не успѣлъ унести чемоданъ на чердакъ!..

Онъ быстро пошелъ, ожесточенный этой умышленной пыткой, этимъ издѣваніемъ надъ нимъ и надъ страстью. Потомъ

оглянулся. Шагахъ въ десяти отъ него, выступивъ немного на лунный свѣтъ, она, какъ бѣлая статуя въ зелени, стоитъ неподвижно и слѣдить за нимъ съ любопытствомъ, уйдеть онъ, или нѣтъ.

«Что это? что съ ней? съ ужасомъ спрашивалъ онъ: зачѣмъ я ей? Воткнула ножъ, смотреть, какъ течетъ кровь, какъ бьется жертва! что она за женщина?»

Ему припомнились всѣ жестокия, историческія, женскія личности, жрицы кровавыхъ культовъ, женщины революціи, купавшіяся въ крови, и все жестокое, что совершенно женскими руками, съ Юдифи до леди Макбетъ включительно. Онъ пошелъ, и опять обернулся. Она смотритъ неподвижно. Онъ остановился. «Какая красота, какая гармонія во всей этой фигурѣ! Она — страшна, гибельна мнѣ!» думалъ онъ, стоя, какъ вѣопанный, и не могъ оторвать глазъ отъ стройной, неподвижной фигуры Вѣры, облитой луннымъ свѣтомъ. Онъ чувствовалъ эту красоту нервами: ему было больно отъ нея. Онъ не-хотя впился въ нее глазами. Она пошевелилась и сбѣжала ему призывный знакъ головой. Проклиная свою слабость, онъ медленно, шагъ за шагомъ, пошелъ къ ней. Она уползла въ темную аллею, лишь только онъ подошелъ, и онъ поспѣдовалъ за ней.

— Что тебѣ нужно, Вѣра, зачѣмъ ты не даешь мнѣ покоя? Черезъ часъ я уѣду!.. рѣзко и сухо говорилъ онъ, и самъ не-хотя шелъ къ ней.

— Не смѣйте, я не хочу! сильно схвативъ его за руку, говорила она: вы — «рабъ мой», должны мнѣ служить... Вы тоже не-давали мнѣ покоя!

Дрожь страсти вдругъ охватила его: онъ чувствовалъ, что колѣни его готовы склониться и голосъ пѣлъ внутри его: «да, рабъ, повелѣвай!..» И онъ хотѣлъ упасть и зарыдать отъ страсти у ея ногъ.

— Вы мнѣ нужны, шептала она: вы, просили мучъ, казни — я дамъ вамъ ихъ! «Это жизнь!» говорили вы: — вотъ она — мучайтесь, и я буду мучаться, будемъ вмѣстѣ мучаться... «Страсть прекрасна: она кладетъ на всю жизнь долгій слѣдъ, и этотъ слѣдъ люди называютъ счастьемъ!..» Кто это проповѣдывалъ? А теперь бѣжать: нѣтъ! оставайтесь, вмѣстѣ кинемся въ ту бездну! «Это жизнь, и только это!» говорили вы — вотъ и да-вайте жить! Вы меня учили любить, вы преподавали страсть, вы развивали ее...

— Ты гибнешь Вѣра! въ ужасѣ сказалъ онъ, отступая.

— Можетъ быть, говорила она, какъ будто отряхивая хмѣль отъ головы. — Такъ что же? что вамъ? не все ли равно? вы этого

хотѣли! «Природа влагааетъ только страсть въ живые организмы», твердили вы: «страсть прекрасна!..» Ну вотъ она—любуйтесь!..

Она забирала сильными глотками свѣжій, вечерній воздухъ.

— Но я же и остерегалъ тебя: я называлъ страсть «волкомъ...» защищался онъ, съ ужасомъ слушая это явное, беззащитное признание.

— Нѣтъ, она злѣе, она—тигръ. Я не вѣрила, теперь вѣрю. Знаете ту картину, въ кабинетѣ стараго дома: тигръ скалитъ зубы на сидящаго на немъ амура. Я не понимала, что это значитъ, бессмыслица — думала, а теперь понимаю. Да — страсть, какъ тигръ, сначала дать сѣсть на себя, а потомъ рычить и скалитъ зубы...

У Райскаго въ душѣ шевельнулась надежда добраться до таинственнаго имени: кто! Онъ живо ухватился за ея сравненіе страсти съ тигромъ.

— У насъ на сѣверѣ нѣтъ тигровъ, Вѣра, и сравненіе твое невѣрно — сказалъ онъ. — Мое вѣрнѣе: твой идолъ — волкъ!

— Bravo, да, да! смѣясь нервически перебила она: настоящій волкъ! какъ ни корми, все къ лѣсу глядитъ!

Потомъ вдругъ смолкла, какъ будто въ отчаяніи.

— Всѣ вы звѣри — прибавила потомъ со вздохомъ: онъ — волкъ...

— Кто онъ? тихо спросилъ Райскій.

— Тушинъ—медвѣдь, продолжала она, не отвѣчая ему: русскій, честный, смысленный медвѣдь...

«А! такъ это не Тушинъ!» подумалъ Райскій.

— Положи руку на его мохнатую голову, говорила она—и спи: не измѣнить, не обманеть... будетъ вѣкъ служить...

— А я кто? вдругъ немного развеселясь спросилъ Райскій.

Она близко и лукаво поглядѣла ему въ глаза и медлила отвѣтомъ.

— Вижу, хочется сказать «осель»: скажи Вѣра, не церемонься.

— Вы? осель? заговорила она язвительно, ходя медленно вокругъ него и оглядывая его со всѣхъ сторонъ.

— Право осель! наивно подтвердилъ Райскій: вижу, какъ ты мудришь надо мной, терплю и хлопаю ушами.

— Какой вы осель! Вы—лиса, мягкая, хитрая: заманить въ западню... тихо, умно, изящно... Вотъ я васъ!..

Онъ молчалъ, не понимая ее.

— Да говорите же, что молчите! дергая его за рукавъ сказала она.

— Есть средство противъ этихъ волковъ...

— Какое?

— Мнѣ—уѣхать, а тебѣ — не ходить вонъ туда... Онъ показалъ на обрывъ.

— Дайте мнѣ силу не ходить туда! почти крикнула она... — Вотъ вы то же самое теперь испытываете, что я: да? Ну, попробуйте завтра усидѣть въ комнатѣ, когда я буду гулять въ саду одна... Да нѣтъ, вы усидите! Вы сочинили себѣ страсть, вы только умѣете краснорѣчиво говорить о ней, завлекать, играть съ женщиной! Лиса, лиса! вотъ я васъ за это, постоите: еще не то будетъ! съ принужденнымъ смѣхомъ, и будто шутя, но горячо говорила она, впуская опять ему въ плечо свои тонкіе пальцы. Онъ въ страхѣ слушалъ ее.

— Ты за этимъ дождалась меня? помолчавъ спросилъ онъ: чтобъ сказать мнѣ это?..

— Да, за этимъ! Чтобъ вы не шутили впередъ съ страстью, а научили бы, что мнѣ дѣлать теперь — вы, учитель!... А вы подожгли домъ, да и бѣжать! «Страсть прекрасна, люби, Вѣра, не стыдись!» Чья это проповѣдь: отца Василья?

— Я разумѣлъ раздѣленную страсть, тихо оправдывался онъ. — Страсть прекрасна, когда обѣ стороны прекрасны, честны — тогда страсть не зло, а дѣйствительно величайшее счастье на всю жизнь: тамъ нѣтъ и не нужно лжи и обмановъ. Если одна сторона не отвѣчаетъ на страсть, она не будетъ напрасно увлекать другую, или когда наступитъ охлажденіе, она не поползетъ въ темнотѣ, отравляя измѣной жизнь другому, а смѣло откроется и нанесетъ честно, какъ сама судьба, одинъ явный и неизбежный ударъ — разлуку.... Тогда бурь нѣтъ, а только живительный огонь...

— Страсти безъ бурь нѣтъ, или это не страсть! сказала она. — А кромѣ честности и нечестности, другого разлада, другихъ пропастей развѣ не бываетъ? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія. — Ну вотъ, я люблю, меня любятъ: никто не обманываетъ. А страсть рветъ меня... Научите же теперь, что мнѣ дѣлать?

— Бабушкѣ сказать... говорилъ онъ, блѣдный отъ страха: позволь мнѣ, Вѣра... отдай мое слово назадъ...

— Боже сохрани! молчите и слушайте меня! А! теперь «бабушкѣ сказать!» Стращать, стыдить меня!.. А кто велѣлъ не слушаться ее, не стыдиться? Кто смѣлся надъ ея моралью?

— Ты скажи мнѣ, что съ тобой, Вѣра: ты, то проговариваешься, то опять уходишь въ тайну: я въ потемкахъ, я не знаю ничего... Тогда, можетъ быть, я найду и средство... Я готовъ умереть за тебя, если нужно...

— Вы не знаете, что со мной, вы въ потемкахъ: подите сюда! говорила она, уводя его изъ аллеи, и выйдя изъ нея, оста-

новила. Луна свѣтила ей прямо въ лицо. — Смотрите, что со мной! www.libtool.com.cn

У него упало сердце. Онъ не узналъ прежней Вѣры. Лицо блѣдное, исхудалое, глаза блуждали, сверкая злымъ блескомъ, губы сжаты. Съ головы, изъ-подъ косынки, выпадали въ беспорядкѣ на лобъ и виски двѣ-три пряди волосъ, какъ у цыганки, закрывая ей, при быстрыхъ движеніяхъ, глаза и ротъ. На плечи небрежно накинута была атласная, обложенная бѣлымъ пухомъ мантилья, едва державшаяся слабымъ узломъ шелкового шнура.

— Что? отряхивая волосы отъ лица, говорила она: узнаете вашу Вѣру? гдѣ эта «красота», которой вы пѣли гимны? — Она съ жалостью улыбнулась, закрыла на минуту лицо рукой и вздрогнула плечами.

— Что я могу сдѣлать, Вѣра? говорилъ онъ тихо, вглядываясь въ ея исхудавшее лицо и больной блескъ глазъ. — Скажи мнѣ: умереть....

— Умереть, умереть: за чѣмъ мнѣ это? Помогите мнѣ жить, дайте той прекрасной страсти, отъ которой «тянутся какіе-то лучи на всю жизнь...» Дайте этой жизни... гдѣ она? Я, вромѣ огрызающагося тигра, не вижу ничего... Говорите, научите, или воротите меня назадъ, когда у меня еще была сила! А вы — «бабушкѣ сказать!» уложить ее въ гробъ и меня съ ней!... Это, что-ли, средство? — Или учите не ходить туда, къ обрыву... Поздно!

— Скажи мнѣ, кого ты любишь, всѣ обстоятельства, има!...

— Кого? — васъ! сказала она съ злобой, отряхивая опять пряди отъ лица и небрежно натягивая мантилью на плеча.

Онъ боялся сказать слово, боялся пошевелиться, стоялъ, сложивъ руки назадъ, прислонясь къ дереву. Она ходила взадъ и впередъ торопливыми, неровными шагами. Потомъ остановилась и перевела духъ.

— Да, она сумасшедшая! шепталъ онъ въ ужасѣ.

Она сѣла на скамью, утихла и задумалась.

— Что это со мной? будто немного опомнившись, про себя сказала она.

— Ты, Вѣра, сама бредила о свободѣ, ты тайлась, и отъ меня, и отъ бабушки, хотѣла независимости. Я только подтверждалъ твои мысли: онѣ и мои. За что же обрушиваешь такой тяжелый камень на мою голову? тихо оправдывался онъ. — Не только я, даже бабушка не смѣла приступить къ тебѣ....

Она молча глубоко вздохнула, потомъ подошла къ нему и прижавшись головой къ его плечу, слабо заговорила.

— Да.... да, не слушайте меня! У меня, просто, нервы раз-

строены. Какая страсть: никакой страсти нѣтъ! Я шутила, какъ вы.... со мной...

— Ты все еще думаешь, что я шутилъ! тихо сказалъ онъ. Она старалась улыбнуться, взяла его за руку.

— Прижмите руку къ моей головѣ: говорила она крото: видите, какой жаръ..... Не сердитесь на меня, будьте снисходительны въ бѣдной сестрѣ! Это все пройдетъ.... Докторъ говоритъ, что у женщинъ часто бываютъ припадки.... Мнѣ самой гадко и стыдно, что я такъ слаба....

— Что же съ тобой, бѣдная Вѣра? скажи мнѣ.....

— Ничего.... Вы только проводите меня домой, помогите взойти на лѣстницу — я боюсь чего-то... Я лягу.... простите меня: я встревожила васъ напрасно..... вызвала сюда: вы бы уѣхали и забыли меня. У меня, просто, лихорадка..... Вы не сердитесь?... ласково сказала она.

Онъ поспѣшно подалъ ей руку, тихо вывелъ изъ сада, провѣлъ черезъ дворъ и довелъ до ея комнаты. Тамъ зажегъ ей свѣчу.

— Позовите Марину, или Машу, чтобъ легли спать тутъ въ моей комнатѣ.... Только бабушкѣ ни слова объ этомъ!... Это просто раздраженіе.... Она перепугается.... придетъ....

Онъ боязливо, задумчиво слушалъ ее.

— Что вы все молчите, такъ странно смотрите на меня! говорила она, безпокойно слѣдя за нимъ глазами.—Я, Богъ знаетъ, что наболтала въ бреду.... это чтобъ подразнить васъ.... отмстить за всѣ ваши насмѣшки.... прибавила она, стараясь улыбнуться.— Смотрите же, бабушкѣ ни слова! Скажите, что я легла, чтобъ завтра пораньше встать и попросите ее.... благословить меня заочно.... Слышите?

— Да, да, слышу, разсѣянно отвѣчалъ онъ, пожалъ ей руку и позвалъ къ ней Машу.

IX.

Райскій на другой день съ любопытствомъ ждалъ пробужденія Вѣры. Онъ забылъ о своей собственной страсти, воображеніе робко молчало и ушло все въ наблюденіе за этой ползущей въ его глазахъ, какъ «удавъ», по его выраженію, чужой страстью, выглянувшей изъ Вѣры, съ своими острыми зубами. Онъ былъ задумчивъ, угрюмъ, избѣгалъ вопросительныхъ взглядовъ бабушки, проклиная слово, данное Вѣрѣ не говорить никому, всего меньше Татьянѣ Марковнѣ, чѣмъ и поставленъ былъ въ фальшивое положеніе.

А Татьяна Марковна не разъ ужъ заговаривала съ нимъ о ней. www.libtool.com.cn

— Что-то съ Вѣрой не ладно! говорила она, качая головой.

— Что такое? спрашивалъ небрежно Райскій, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Не хорошо! хуже, нежели намереніи; ходитъ хмурая, молчитъ, иногда, кажется, будто слезы у нея на глазахъ. Я съ докторомъ говорила, тотъ опять о нервахъ поетъ. Дѣвичьи припадки, что ли?.... Бабушка не кончала рѣчи и грустно задумывалась.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ Вѣры. Наконецъ она пришла. Дѣвушка принесла за ней теплое пальто, шляпку и ботинки на толстой подошвѣ. Она, поздоровавшись съ бабушкой, попросила кофе, съ аппетитомъ съѣла нѣсколько сухарей и напомнила Райскому просьбу свою побывать съ ней въ городѣ, въ лавкахъ, и потомъ погулять вмѣстѣ въ паркѣ и въ рощѣ.

Она какъ будто ничего: изъ вчерашняго только замѣтна была несвойственная ей развязность въ движеніяхъ и излишняя торопливость рѣчи, казавшаяся натанутой. Очевидно было, что она крѣпится и маскируетъ разстроенность духа или нервъ. Она даже вдавалась въ подробности о нарядахъ съ Полиной Карповной, которая неожиданно явилась въ кабинетъ бабушки, съ какими-то общанными выкройками новаго фасона платья для приданнаго Марейники, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ узнать о возвращеніи Бориса Павловича. Она все хотѣла, во чтобы то ни стало, видѣться съ нимъ наединѣ и все выбирала удобную минуту съѣсть подлѣ него, увѣряя всѣхъ, и его самого, что онъ хочетъ что-то сказать ей безъ свидѣтелей. Она дѣлала томные глаза, ловила его взглядъ и раза два начинала тихо: «Je comprends: dites tout! — du courage!

— Ну тебя къ чорту! думалъ онъ, хмурясь и отодвигаясь отъ нея.

Наконецъ Вѣра надѣла пальто, взяла его подъ руку и сказала: «пойдемте!» Крицкая порывалась — было идти съ ними, но Вѣра уклонилась, сказавъ: «Мы идемъ пѣшкомъ и на долго съ братомъ, а у васъ, милая Полина Карповна, длинный шлейфъ, и вообще нарядный туалетъ — на дворѣ сыро»....

И ушли. Райскій молчалъ, наблюдая Вѣру, а она старалась казаться въ обыкновенномъ расположеніи духа, дѣлала бѣглыя замѣчанія о погодѣ, о встрѣчавшихся знакомыхъ, о томъ, что вонъ этотъ домъ, еще мѣсяцъ тому назадъ, былъ сѣрый, запущенный, съ обвалившимися карнизами, а теперь вонъ какъ свѣжо смотритъ, когда его оштукатурили и выкрасили въ желтый цвѣтъ. Упомянула, что къ зимѣ за-ново отдѣлаютъ залу собранія, что

гостинный дворъ покроешь желѣзомъ, остановилась посмотрѣть, какъ ровняютъ улицу для бульвара. Она вообще казалась довольной, что идетъ по городу, замѣтивъ, что эта прогулка была необходима и для того, что ее давно не видитъ никто, и Богъ знаетъ, что думаютъ, точно будто она умерла. Райскій—ни слова не отвѣчалъ на весь этотъ развязный лепетъ, подъ которымъ слышались ему совсѣмъ другія рѣчи.

— Можетъ быть, я дурно дѣлаю, что лишаю васъ общества Полины Карповны? замѣтила она, напрасно стараясь вывести его изъ молчанія.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечомъ.

— Я шучу, сказала она, мѣняя тонъ на другой, болѣе искренній.—Я хочу, чтобъ вы провели со мной день, и нѣсколько дней до вашего отъѣзда, продолжала она почти съ грустью.—Не оставляйте меня, дайте побыть съ вами.... у меня такая тоска, еслибъ вы знали.... Вы скоро уѣдете — и никого около меня!...

— Я боюсь, Вѣра, что я совершенно бесполезенъ тебѣ, именно потому, что ничего не знаю. Вижу только, что у тебя какая-то драма, что наступаетъ или наступила катастрофа....

Она вздрогнула.

— Что ты? заботливо спросилъ онъ.

— Свѣжо на дворѣ, плечи забнутъ! сказала она, пожимая плечами. — Какая драма! нездорова, не весела, осень на дворѣ, а осенью человѣкъ, какъ всѣ звѣри, будто уходитъ въ себя. Вонъ и птицы уже улетаютъ — посмотрите, какъ журавли летятъ! говорила она, указывая высоко надъ Волгой на кривую линію черныхъ точекъ въ воздухѣ. — Когда кругомъ все дѣлается мрачно, блѣдно, уныло, — и на душѣ становится уныло.... Не правда ли?

Она сама знала, что его не легко было обойти такимъ объясненіемъ, и говорила такъ, чтобъ не говорить правды. Онъ молчалъ, стараясь отыскать другой, настоящій ключъ.

— Вѣра, я хотѣлъ тебя спросить... началъ онъ.

— Что такое? съ безпокойствомъ перебила она и не дождавшись отвѣта, прибавила: хорошо, спросите, только не сегодня, а погода нѣсколько дней.... Однако—что такое?

— О письмахъ, которыя ты писала ко мнѣ...

— Да: что же такое?

— Помнишь, ты писала, что раздѣляешь мой взглядъ на честность...

Она подумала и, казалось, старалась вспомнить.

— Да..... да..... какъ же, какъ же..... писала..... такъ что же? Онъ глядѣлъ на нее пристально.

— Ты ли писала это письмо?

— Кто же? вдругъ сказала она съ живостью: конечно я... Послушайте, прибавила она потомъ: оставимъ это объясненіе, какъ я просила, до другого раза. Я больна, слаба... вы видѣли, какой припадокъ былъ у меня вчера. Я теперь даже не могу всего припомнить, что я писала, и какъ-нибудь перепутаю...

— Хорошо, пусть до другого раза! со вздохомъ сказалъ онъ.... Скажи, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ я тебѣ? Зачѣмъ ты удерживаешь меня? Зачѣмъ хочешь, чтобъ я остался, чтобъ пробылъ съ тобой эти дни?

Она сильно оперлась рукой на его руку и прижалась къ его плечу, умоляя глазами не спрашивать.

— Вѣдь не любишь же ты меня въ самомъ дѣлѣ. Ты знаешь, что я не вѣрю твоей кокетливой игрѣ, — и настолько уважаешь меня, что не станешь увѣрять серьезно.... Я, когда не въ горячкѣ, вижу, что ты издѣваешься надо мной: зачѣмъ и за что?

Она сильно сжала его руку и молила опять глазами не продолжать.

— По крайней мѣрѣ, о себѣ я вправѣ спросить, зачѣмъ я тебѣ? Ты не можешь не видѣть, какъ я весь истерзанъ, и страстью, и этимъ градомъ ударовъ сердцу, самолюбію.....

— Да, самолюбію... повторила она разсѣянно.

— Положимъ, самолюбію: оставимъ споръ о томъ, что такое самолюбіе и что — такъ-называемое — сердце: но ты должна сказать, зачѣмъ я тебѣ? Это мое право — спросить, и твой долгъ — отвѣчать прямо и откровенно, если не хочешь, чтобъ я счелъ тебя фальшивой, злой...

Она шла съ поникшей головой, а онъ ждалъ отвѣта.

— Оставимъ теперь это.....

— И это оставимъ? Нѣтъ, не оставляю? съ вспыхнувшей злостью сказалъ онъ, вырвавъ у ней руку: ты, какъ кошка съ мышью, играешь со мной — я больше не позволю, довольно! Ты можешь откладывать свои секреты до удобнаго времени, даже вовсе о нихъ не говорить: — ты вправѣ, а о себѣ я требую немедленнаго отвѣта. Зачѣмъ я тебѣ? Какую ты роль дала мнѣ и зачѣмъ, за что?

— Вы сами выбрали эту роль, братъ, кротою возразила она, склоняя лицо внизъ. — Вы просили не удалять васъ....

Онъ, въ безсильной досадѣ на ея справедливый упрекъ, отшатнулся отъ нея въ сторону и мѣсилъ широкими шагами грязь по улицѣ, а она шла по деревянному тротуару.

— Не сердитесь, братъ, подите сюда! Я не затѣмъ удержала

вась, чтобъ оскорблять — нѣтъ! шептала она, призывая его къ себѣ... Подите сюда, ко мнѣ.

Онъ опять подаль ей руку.

— Я прошу васъ только не говорить мнѣ объ этомъ теперь, не тревожить меня — чтобъ со мной не случилось опять вчерашняго припадка... Вы видите: я едва держусь на ногахъ... Посмотрите на меня, возьмите мою руку....

Онъ взялъ руку — она была блѣдна, холодна, синія жилки на ней видны явственно. И шея, и талія стали у ней тоньше, лицо потеряло живые цвѣта и сквозилось грустью и слабостью. Онъ опять забылъ о себѣ: ему стало жаль только ее.

— Я не хочу, чтобъ дома замѣтили это... Я очень слаба... поберегите меня.... молила она, и даже слезы показались въ глазахъ.—Защитите меня... отъ себя самой... Ужѣ, въ сумерки, часовъ въ шесть послѣ обѣда, зайдите ко мнѣ — я..... скажу вамъ, зачѣмъ я васъ удержала....

— Виновать, Вѣра: я тоже самъ не свой, говорилъ онъ, глубоко тронутый ея горемъ, пожимая ей руку: — я вижу, что ты мучаешься — не знаю, чѣмъ.... Но — я ничего не спрошу, я долженъ бы падить твое горе — и не умѣю, потому что самъ мучаюсь. Я приду ужѣ: располагай мною....

Она отвѣчала на его пожатіе сильнымъ пожатіемъ руки.

— Скажу, если въ силахъ буду сказать.... прошептала она. У него замерло сердце отъ тоски и предчувствія.

Они прошли по лавкамъ. Вѣра дѣлала покупки для себя и для Марейники, также развязно и словоохотливо разговаривая съ купцами и съ встрѣчными знакомыми. Съ нѣкоторыми даже останавливалась на улицѣ и входила въ мелочныя, будничныя подробности, зашла къ какой-то своей крестницѣ, дочери бѣдной мѣщанки, которой отдала купленного на платьѣ ей и малюткѣ ситцу и одѣяло. Потомъ охотно приняла предложеніе Райскаго навѣстить Козлова.

Когда они входили въ ворота, изъ калитки вдругъ вышелъ Маркъ. Увидя ихъ, онъ едва кивнулъ Райскому, не отвѣчая на его вопросъ: «что Леонтій?» и почти не взглянувъ на Вѣру, бросился по переулку скорыми шагами. Вѣра вдругъ будто выросла на минуту къ землѣ, но тотчасъ же оправилась и также скорыми шагами вбѣжала на крыльцо, опередивъ Райскаго.

— Чтѣ съ нимъ? спросилъ Райскій, глядя вслѣдъ Марку: — не отвѣчалъ ни слова, и какъ бросился! Да и ты испугалась: не онъ ли ужѣ это тамъ стрѣляетъ?... Я видалъ его тамъ съ ружьемъ.... добавилъ онъ шутя.

— Онъ самый! сказала Вѣра развязно, не оборачиваясь и входя въ комнату Козлова.

«Нѣтъ, нѣтъ, думалъ Райскій: оборванный, бродящій цыганъ—ея идолъ, нѣтъ, нѣтъ! Впрочемъ почему «нѣтъ»? Страсть жестока и самовластна: она не покоряется человѣческимъ соображеніямъ и уставамъ, а покоряетъ людей своимъ неизвѣданнымъ капризамъ! Но Вѣрѣ негдѣ было сблизиться съ Мареомъ. Она боится его, какъ всѣ здѣсь!»

Козловъ по вчерашнему ходилъ, пошатываясь, какъ пьяный, изъ угла въ уголъ, угрюмо молчалъ съ неблизкими и обнаруживалъ тоску только при Райскомъ, слабѣлъ и падалъ духомъ, жалуюсь тихимъ ропотомъ, и все вслушивался въ каждый проѣзжавшій экипажъ по улицѣ, подходилъ къ дверямъ въ волненіи и возвращался въ отчаяніи.

На приглашеніе Райскаго и Вѣры переѣхать къ нимъ, онъ молчалъ, едва вслушиваясь, или скажетъ: «да, да, только послѣ, погода недѣли двѣ... три...»

— Послѣ свадьбы Марейники, сказала Вѣра.

— Послѣ свадьбы, послѣ свадьбы! подтвердилъ Леонтій. — Да, благодарю, а теперь я поживу здѣсь.... Покорно благодарю.... — Онъ вдругъ взглянулъ на Вѣру, и какъ будто удивился, видя ее. — Вѣра Васильевна! сказалъ онъ, глядя на нее въ смущеніи. — Борисъ Павловичъ, началъ онъ, продолжая глядѣть на нее: ты знаешь, кто еще читалъ твои книги и помогалъ мнѣ разбирать ихъ?....

— Кто? спросилъ Райскій.

Но Козловъ уже былъ въ другомъ углу комнаты и прислушивался. Потомъ вдругъ отворилъ форточку и высунулъ голову. — Чей это голосъ?... женщины! говорилъ онъ съ испугомъ, наостривъ уши и открывъ глаза.

«Ни-токъ, нитокъ! холста!» доносился пронзительный женскій крикъ издали. Козловъ съ досадою захлопнулъ форточку.

— Кто же читалъ книги? повторилъ Райскій.

Но Козловъ не слышалъ вопроса, сѣлъ на постель и повѣсилъ голову. Вѣра шепнула Райскому, что ей тяжело видѣть Леонтя Ивановича, и они простились съ нимъ.

— Я что-то хотѣлъ сказать тебѣ, Борисъ Павловичъ, задумчиво говорилъ Козловъ, да вотъ забылъ....

— Ты говорилъ, что книги мои читалъ еще кто-то...

— Да вотъ кто! вдругъ сказалъ Леонтій, указывая на Вѣру. Райскій взглянулъ на Вѣру, но она задумчиво смотрѣла въ окно и таяла его за рукавъ.

— Пойдемте, пойдемте! говорила она, порываясь на улицу.

Они воротились домой. Вѣра передала нѣкоторыя покупки бабушкѣ, другія велѣла отнести къ себѣ въ комнату и позвала опять Райскаго гулять по рощѣ, по полю, и спуститься къ Волгѣ, на песокъ. «Пойдемте туда!» говорила она, указывая какой-нибудь бугоръ, и едва доходили они туда, она тащила его въ другое мѣсто — или взглянуть съ какой-нибудь высоты на круто заворотившуюся излучину Волги, или шла по песку, гдѣ вязли ноги, чтобъ подойти поближе къ водѣ. Она всматривалась въ даль, указывала Райскому какое-нибудь плывущее судно, иногда шла неровными, слабыми шагами, останавливалась, переводя духъ, и отряхивая пряди волосъ отъ лица.

— Зачѣмъ ты утомляешь себя, ты слаба, Вѣра? сказалъ онъ.

— Мнѣ все будто пить хочется: я воздуха хочу! говорила она, оборачиваясь лицомъ въ ту сторону, откуда былъ вѣтеръ.

«Да, она перемогаетъ себя, собираетъ послѣднія силы!» говорилъ онъ, проводивъ ее наконецъ домой, гдѣ ихъ ждали къ обѣду. «Ужѣ, ужѣ!» твердилъ онъ и ждалъ шести часовъ вечера, когда стемнѣетъ. Послѣ обѣда онъ уснулъ въ залѣ отъ усталости и проснулся, когда только-что пробило шесть часовъ и стало смеркаться. Онъ пошелъ къ Вѣрѣ, но ея не было дома. Марина сказала, что барышня ко всенощной пошла, но только не знала, въ какую церковь, въ слободѣ, или въ деревенскій приходъ, на гору. Въ слободской церкви Райскій пересмотрѣлъ всѣхъ и выучилъ наизусть фizioномію каждой старухи, отыскивая Вѣру. Но ея не было, и онъ отправился на гору.

Тамъ въ церкви толпилось по угламъ и у дверей нѣсколько стариковъ и старухъ. За колонной, въ сумрачномъ углу, увидѣлъ онъ Вѣру, стоящую на колѣняхъ, съ наклоненной головой, съ накинутаю на лицо вуалью. Онъ сталъ сзади, за другой колонной.

Пока она молилась, онъ стоялъ, погруженный въ мысль о ея положеніи, въ чувство нѣжнаго состраданія къ ней, особенно со времени его возвращенія, когда въ ней такъ замѣтно выказалось обезсиліе въ тяжелой борьбѣ.

Видя это страданіе только-что разцвѣтающей жизни, глядя, какъ мнетъ и жметъ судьба молодое, виноватое только тѣмъ созданіе, что оно пожелало счастья, онъ про себя ропталъ на суровые, никого не щадящіе законы бытія, налагающіе тяжесть креста и на плечи злодѣя, и на эту слабую, едва распустившуюся лилію. «Хоть бы красоты ея пожалѣлъ... пожалѣла... пожалѣло... кто? зачѣмъ? за что?» думалъ онъ и невольно поддавался мистическому влеченію вѣрить какимъ-то таинственнымъ, подготовляемымъ въ человѣческой судьбѣ минутамъ, сближеніямъ, встрѣ-

чашь, наводящимъ челоѣка на роковую идею, на мучительное чувство, на преступное желаніе, нужное зачѣмъ-то, для цѣли, невѣдомой до поры-до времени самому челоѣку, отъ котораго только непреклонно требуется борьба. Въ другія, напротивъ, минуты—казалось ему—являются также, невидимо кѣмъ-то подготовляемые случаи, будто нечаянно отводящіе отъ какого-нибудь рокового событія, шага, или увлеченія, перешагнувъ черезъ которые, челоѣкъ перешагнулъ глубокую пропасть, замѣчая ее уже тогда, когда она осталась позади.

Вглядываясь въ ткань своей собственной, и всякой другой жизни, глядя теперь въ только-что початую жизнь Вѣры — онъ яснѣе видѣлъ эту игру искусственныхъ случайностей, какіе-то блуждающіе огни злыхъ обмановъ, ослѣпленій, заранее разставленныхъ пропастей, съ промахами, ошибками, и рядомъ тоже будто случайные исходы изъ запутанныхъ узловъ...

«Что дѣлать? рваться изъ всѣхъ силъ въ этой борьбѣ съ разставленными капканами, и все стремиться къ чему-то прочному, безмятежно-покойному, къ чему стремятся вонъ и тѣ простые души?» Онъ оглянулся на молящихся стариковъ и старухъ. «Или бессмысленно купаться въ мутныхъ волнахъ этой, безцѣльно текущей жизни!

«Гдѣ же ключъ къ уразумѣнію сознательнаго пути?»

Онъ взглянулъ на Вѣру — она не шевелилась въ своей молитвѣ и не сводила глазъ съ креста..

«Бѣдная!» съ грустью думалъ онъ, вышелъ и сѣлъ на паперть, въ ожиданіи Вѣры. Она молча подала ему руку. Они пошли съ горы.

— Вы были въ церкви? спросила она.

— Да, былъ, отвѣчалъ онъ.

Они тихо сошли съ горы по деревнѣ и по большой луговинѣ къ саду, Вѣра склоня голову, онъ — думая объ обѣщанномъ объясненіи и ожидая его. Теперь желаніе выдти изъ омута неизвѣстности—для себя, и положить, однимъ прямымъ объясненіемъ, конецъ собственной пыткѣ, — отступило на второй планъ. Онъ чувствовалъ, что на немъ одномъ лежалъ долгъ стать подлѣ нея, освѣтить ей путь, помочь распутать ей самой какой-то роковой узелъ, или перешагнуть пропасть, и отдать ей, если нужно, всю свою опытность, умъ, сердце, всю силу. Она и сама звала его за этимъ, въ чемъ вполонину утромъ созналась, и если не созналась вполнѣ, то конечно отъ свойственной ей осторожности и—можетъ быть, еще остатокъ гордости мѣшалъ ей признать себя побѣжденной. Онъ радъ броситься ей на помощь, но не знаетъ ничего, и даже не имѣетъ права раздѣлить ни съ кѣмъ своихъ опасеній.

Но еслибъ даже она и возвратила ему его слово и онъ повѣрилъ бабушкѣ всѣ свои догадки и подозрѣнія на счетъ Вѣры: повело ли бы это къ желаемому исходу? Едва ли: вся практическая, но устарѣвшая мудрость бабушки разбилась бы объ упрямство Вѣры, которой умъ былъ смѣлѣе, воля живѣе, чѣмъ у Татьяны Марковны, и притомъ Вѣра развита. Ей по плечу современныя понятія, пробивающіяся въ общественное сознаніе: очевидно, она черпнула гдѣ-то другихъ идей, даже знаній, и стала неизмѣримо выше круга, гдѣ жила. Какъ ни старалась она таиться, но по временамъ проговаривалась какимъ-нибудь, нечаянно брошеннымъ словомъ, именемъ авторитета въ той или другой сферѣ знанія. И языкъ измѣняетъ ей на каждомъ шагу; самый образъ проявленія самоволія мысли и чувства, — все, что такъ неожиданно поразило его при первой встрѣчѣ съ ней, весь складъ ума, наконецъ, характеръ, — все давало ей такой перевѣсъ надъ бабушкой, что изъ усилія Татьяны Марковны — выручить Вѣру изъ какой-нибудь бѣды, не вышло бы ровно ничего. Бабушка могла предостеречь Вѣру отъ какой-нибудь практической крупной ошибки, защитить ее отъ болѣзни, отъ грубой обиды, вырвать, съ опасностью собственной жизни, изъ огня: но что она сдѣлаетъ въ такой неосязаемой бѣдѣ, какъ страсть, если она есть у Вѣры? Бабушка, безспорно умная женщина, безошибочный знатокъ и судья крупныхъ и общихъ явленій жизни, бойкая хозяйка, отлично управляетъ своимъ маленькимъ царствомъ, знаетъ людскіе нравы, пороки и добродѣтели, какъ они обозначены на скрижаляхъ Моисея и въ Евангеліи, но едва ли она знаетъ ту жизнь, гдѣ игра страстей усложняетъ людскія отношенія въ такую мелкую ткань и окрашиваетъ въ такія цвѣта, какіе и не снятся никому въ мирныхъ деревенскихъ затишьяхъ. Она — дѣвчушка! Если въ молодости любовь, страсть, или что-нибудь подобное, и было извѣстно ей, такъ это, конечно — страсть безъ опыта, какая-нибудь нераздѣленная, или заглохшая отъ неудачи подъ гнетомъ, любовь: не драма — любовь, а лирическое чувство, разыгравшееся въ ней одной и въ ней угасшее и погребенное, не оставившее слѣда и не положившее ни одного рубца на ея ясной жизни. Гдѣ же ей знать или вспомнить эту борьбу, подать другому руку, помочь обойти эту пропасть? Она не вполнѣ и повѣрила бы страсти: ей надо факты. Выстрѣлы на днѣ обрыва и прогулки туда Вѣры — конечно факты, но бабушка только противъ этихъ фактовъ и могла бы принять мѣры, т. е. разставила бы домашнюю полицію съ дубинами, подкараулила бы любовника и нанесла бы этимъ еще новый ударъ Вѣрѣ. Не пускать Вѣру изъ дому, — значитъ обречь на заключеніе, т. е. унижить, оскорбить ее, по-

саягнувъ на ея свободу. Татьяна Марковна поняла бы, что это морально, да и физически невозможно. Вѣра не вынесла бы грубой неволи и обжала бы и отъ бабушки, какъ убѣгала за Волгу отъ него, Райскаго, словомъ — нѣтъ средствъ: Вѣра выросла изъ круга бабушкиной опытности и морали, думаль онъ, и та только раздражить ее своими наставленіями, или, пожалуй, опять заговорить о какой-нибудь Кунигундѣ — и насмѣшить. А Вѣра потеряетъ и послѣднюю искру довѣрія къ ней. Нѣтъ, отжилъ этотъ авторитетъ: онъ годился для Марейники, а не для независимой, умной и развитой Вѣры. Средство или ключъ къ ея горю, если и есть — въ рукахъ самой Вѣры, но она никому не ввѣряетъ его, и едва теперь только, когда силы измѣняются, она обронить намекъ, слово, и опять въ испугѣ отниметъ и спрячется. Очевидно — она не въ силахъ одна разсѣчь своего гордіева узла, а гордость, или привычка жить своими силами — хоть погибать, да жить ими — мѣшаетъ ей высказаться!

Онъ думаль все это, идучи молча подлѣ нея и не зная, какъ вызвать ее на полную откровенность — не для себя уже теперь, а для ея спасенія. Наконецъ, онъ рѣшилъ подойти стороной: нельзя-ли ему самому угадать что-нибудь изъ ея отвѣтовъ на нѣкоторые прежніе свои вопросы, поймать имя, остановить ее на немъ и облегчить ей признаніе, которое самой ей сдѣлать, повидимому, было трудно, хотя и хотѣлось, и даже общала она сдѣлать, да не можетъ, надо помочь ей хитростью. Она теперь разстроена и — можетъ быть — оплошаетъ и обмолвится.

Онъ вспомнилъ, какъ напрасно добивался онъ отъ нея источника ея развитія, спрашивая о ея воспитаніи, о томъ, кто могъ имѣть на нее вліяніе, откуда она почерпнула этотъ смѣлый и свободный образъ мысли, нѣкоторые знанія, увѣренность въ себѣ, самообладаніе. Не у французенки же въ пансіонѣ! Кто былъ ея руководителемъ, собесѣдникомъ, когда кругомъ никого нѣтъ? — Такъ думаль онъ подвести ее къ признанію.

— Послушай, Вѣра, я хотѣлъ у тебя кое-что спросить, началъ онъ равнодушнымъ голосомъ: сегодня Леонтій упомянулъ, что ты читала книги въ моей библіотекѣ, а ты никогда ни слова мнѣ о нихъ не говорила. Правда это?

— Да, нѣкоторыя читала: что-же?

— Съ кѣмъ же читала: съ Козловымъ?

— Иныя — да. Онъ объяснялъ мнѣ содержаніе нѣкоторыхъ писателей. Другихъ я читала одна, или со священникомъ, мужемъ Наташи...

— Какія же книги ты читала съ священникомъ?

— Теперь я не помню... Св. отцовъ, напримѣръ. Онъ намъ съ Наташей объяснялъ, и я многимъ ему обязана... прибавила она задумчиво. — Спинозу читали съ нимъ... Вольтера...

Райскій засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? спросила она.

— Какой переходъ отъ св. отцовъ къ Спинозѣ и Вольтеру! Тамъ въ библиотекѣ всѣ энциклопедисты есть. Ужели ты ихъ читала?

— Нѣтъ: куда же всѣхъ! Николай Ивановичъ читалъ кое-что и передавалъ намъ съ Наташей...

— Какъ это вы до Фейербаха съ братіей не дошли... до социалистовъ и матеріалистовъ?...

— Дошли, съ слабой улыбкой сказала она: опять - таки не мы съ Наташей, а мужъ ея. Онъ просилъ насъ выписывать мѣста, отмѣчалъ карандашомъ.

— Зачѣмъ?

— Хотѣлъ, кажется, возражать и напечатать въ журналѣ, не знаю....

— Въ библиотекѣ моего отца нѣтъ этихъ новыхъ книгъ: гдѣ же вы взяли ихъ? съ живостью спросилъ Райскій и наострилъ ухо.

Она молчала.

— Ужъ не у того ли изгнанника, находящагося подъ присмотромъ полиціи, которому ты помогала? Помнишь, ты писала о немъ?...

Она, не слушая его, шла и молчала задумчиво.

— Вѣра, ты не слушаешь?

— А? нѣтъ, я слышу... очнувшись, сказала она: гдѣ я брала книги? Тутъ... въ городѣ, то у того, то у другого...

— Волоховъ раздавалъ эти же книги, замѣтилъ онъ.

— Можетъ быть, и онъ... Я у учителей брала....

«Не учитель ли какой-нибудь, въ родѣ Мг-Шарля»? свергнуло у него въ умѣ.

— Что же Николай Ивановичъ говоритъ о Спинозѣ и объ этихъ всѣхъ авторахъ?

— Много — всего не припомнишь...

— Напримѣръ? добивался Райскій.

— Онъ говоритъ, что это «попытки гордыхъ умовъ уйти въ сторону отъ истины,» вотъ какъ эти дорожки бѣгутъ въ сторону отъ большой дороги и опять сливаются съ ней же...

— Еще что?

— Еще? — что еще? Теперь забыла. Говоритъ, что всѣ эти «попытки служить истинѣ, очищаютъ ее какъ огнемъ, что это не-

избѣжная борьба, безъ которой побѣда и царство истины не было бы прочно...» И мало ли что онъ еще говорил!..

— А гдѣ «истина»: онъ не отвѣчалъ на этотъ Пилатовъ вопросъ?

— Вонъ тамъ, сказала она, указывая назадъ на церковь:— гдѣ мы сейчасъ были... Я это до него знала...

— Ты думаешь, что онъ правъ?.. спросилъ онъ, стараясь хоть мелькомъ заглянуть ей въ душу.

— Я не думаю, а вѣрю, что онъ правъ. А вы? повернувшись къ нему, спросила она съ живостью.

Онъ утвердительно наклонилъ голову.

— Зачѣмъ же меня спрашиваете?

— Есть невѣрующіе: я хотѣлъ знать твое мнѣніе....

— Я въ этомъ, кажется, не скрывалась отъ васъ: вы часто видите мою молитву....

— Да, но я желалъ бы слышать ее: скажи, о чемъ ты молишься, Вѣра?

— О невѣрующихъ... тихо сказала она.

— А я думалъ — о своей тревогѣ, объ этой бурѣ.... говорилъ онъ, пристально глядя ей въ лицо.

— Да... въ этомъ — и моя тревога, и моя буря!.. шептала она. Онъ не слыхалъ.

Проходя мимо часовни, она на минуту остановилась передъ ней. Тамъ было темно. Она, съ медленнымъ, затаеннымъ вздохомъ, пошла дальше, къ саду, и шла все тише и тише. Дойдя до стараго дома, она остановилась и знакомъ головы подозвала къ себѣ Райскаго.

— Послушайте, что я вамъ скажу.... тихо и нерѣшительно начала она, какъ будто преодолевая себя.

— Говори, Вѣра...

— Вы сказали.... еще тише начала она.... что самое вѣрное средство противъ... «бури...» это не ходить туда... Она показала къ обрыву.

— Да: вѣрнѣе этого нѣтъ...

— Я хотѣла просить васъ... Она остановилась, держа его за бортъ пальто.

— Я жду, Вѣра, шепталъ и онъ, съ легкой дрожью нетерпѣнія и, можетъ быть, тяжелаго предчувствія.—Вчера я ждалъ только для себя, чтобъ унять боль: теперь я жду для тебя, чтобъ помочь тебѣ—или снести твою ношу, или распутать какой-то трудный узелъ, можетъ быть спасти тебя....

— Да, помогите.... сказала она, отирая платкомъ выступившія слезы: я такъ слаба... нездорова... силъ у меня нѣтъ...

— Не поможетъ ли лучше меня бабушка? Откройся ей, Вѣра: она женщина, и твою горе, можетъ быть знакомо ей...

Вѣра, зажавъ глаза платкомъ, отрицательно качала головой.

— Нѣтъ, она не такая... она ничего этого не знала....

— Что же я могу сдѣлать?.. скажи все...

— Не спрашивайте меня, братъ: я не могу сказать всего. Сказала бы все, и бабушкѣ, и вамъ.... и скажу когда-нибудь.... когда пройдетъ.... а теперь пока не могу...

— Какъ же я могу помочь, когда не знаю, ни твоего горя, ни опасности? Откройся мнѣ, и тогда простой анализъ чужого ума разъяснить тебѣ твои сомнѣнія, удалить, можетъ быть, затрудненія, выведетъ на дорогу.... Иногда довольно взглянуть ясно и трезво на свое положеніе, и уже отъ одного сознанія становится легче. Ты сама не можешь: дай мнѣ взглянуть со стороны. Ты знаешь, два ума лучше одного.

— Никакіе умы, никакой анализъ — не выведутъ на дорогу, слѣдовательно и говорить бесполезно! почти съ отчаяніемъ сказала она.

— Какъ же я могу помочь тебѣ?

Она близко глядѣла ему въ глаза глазами, полными слезъ.

— Не покидайте меня, не теряйте изъ вида, шептала она. — Если услышите.... выстрѣлъ оттуда.... (она показала на обрывъ), — будьте подлѣ меня... не пускайте меня — закройте, если нужно, удержите силой... Вотъ до чего я дошла! съ ужасомъ сама прошептала она, закинувъ голову назадъ въ отчаяніи, какъ будто удерживала стонъ, и вдругъ выпрямилась. — Потомъ... тихо начала опять: — никогда объ этомъ никому не поминайте, даже мнѣ самой! Вотъ все, что вы можете сдѣлать для меня: за этимъ я удержала васъ! Я жалкая эгоистка: не дала вамъ уѣхать! Я чувствовала, что слабѣю... У меня никого нѣтъ, бабушка не поняла бы... Вы одинъ... Простите меня!

— Ты хорошо сдѣлала.... съ жаромъ сказалъ онъ. — Ради Бога, располагай мною — я теперь все понялъ и готовъ навсегда здѣсь остаться, лишь бы ты успокоилась....

— Нѣтъ: черезъ недѣлю выстрѣлы прекратятся навсегда... прибавила она, отирая платкомъ слезы.

Она схватила обѣ его руки и, не оглядываясь, ушла къ себѣ, взбираясь на крыльцо тихими, неровными шагами, держась за перилы.

www.libtool.com.cn X.

Прошло дня два. По утрамъ Райскій не видалъ почти Вѣру наединѣ. Она приходила обѣдать, пила вечеромъ вмѣстѣ со всѣми чай, говорила объ обыкновенныхъ предметахъ, иногда только казалась утомленною.

Райскій по утрамъ опять началъ вносить замѣтки въ программу своего романа, потомъ шелъ навѣщать Козлова, заходилъ на минуту къ губернатору, и еще къ двумъ, тремъ лицамъ въ городѣ, съ которыми успѣлъ покороче познакомиться. А вечеръ проводилъ въ саду, стараясь не терять изъ вида Вѣру, по ея просьбѣ, и прислушиваясь къ каждому звуку въ рошѣ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ у обрыва, ходилъ по аллеямъ, и только къ полуночи у него прекращалось напряженное, томительное ожиданіе выстрѣла. Онъ почти желалъ его, надѣясь, что своею помощью сразу навсегда отведетъ Вѣру отъ какой-то бѣды.

Но вотъ два дня прошли тихо: до конца назначеннаго срока, до недѣли, было еще пять дней. Райскій рассчитывалъ, что въ день рожденія Марейньки, послѣ завтра, Вѣрѣ неловко будетъ оставить семейный кругъ, а потомъ, когда Марейнька на другой день уѣдетъ съ женихомъ и съ его матерью за Волгу, въ Колчино, ей опять неловко будетъ оставлять бабушку одну—и такимъ образомъ недѣля пройдетъ, а съ ней минуетъ и туча. Вѣра за обѣдомъ просила его зайти къ ней вечеромъ, сказавши, что дастъ ему порученіе.

Она выходила гулять, когда онъ пришелъ. Глаза у ней были, казалось, заплаканы, нервы видимо упали, движенія были вялы, походка медленна. Онъ взялъ ее подъ руку, и такъ какъ она направлялась изъ сада къ полю, онъ думалъ, что она идетъ къ часовнѣ, повелъ ее по лугу и по дорожкѣ туда. Она молча шла за нимъ, въ глубокой задумчивости, отъ которой очнулась у порога часовни. Она вошла туда и глядѣла на задумчивый ликъ Спасителя.

— Мнѣ кажется, Вѣра, у тебя есть помощь сильнѣе моей: и ты напрасно надѣялась на меня. Ты и безъ меня не пойдешь туда.... тихо говорилъ онъ, стоя на порогѣ часовни.

Она сдѣлала утвердительный знакъ головой, и сама, кажется, во взглядѣ Христа искала силы, участія, опоры, опять призыва—но взглядъ этотъ, какъ всегда, задумчиво-покойно, какъ будто безучастно смотрѣлъ на ея борьбу, не помогая ей, не удерживая ее... Она вздохнула.

— Не пойду, сказала она тихо, отводя глаза отъ образа.

Райскій не прочелъ на ея лицѣ, ни молитвы, ни желанія. Оно было подернуто задумчивымъ выраженіемъ усталости, равнодушія, а можетъ быть, и тихой покорности.

— Пойдемъ домой: ты легко одѣта, сказалъ онъ. Она повиновалась. — А что же порученіе: какое? спросилъ онъ.

— Да, припомнила она и достала изъ кармана портъ-монне. — Возьмите у золотыхъ дѣлъ мастера Шмита porte-bouquet: я еще на той недѣлѣ выбрала подарить Марейнѣ въ день рожденія, — сказала она, — только велѣла вставить нѣсколько жемчужинъ, изъ своихъ собственныхъ, и вырѣзать ея имя. Вотъ деньги.

Онъ спряталъ деньги.

— Это не все. Въ самый день ея рожденія, послѣ завтра, пораньше утромъ — вы можете встать часовъ въ восемь?...

— Еще бы: я, пожалуй, и спать не лягу совсѣмъ....

— Зайдите вотъ сюда — знаете большой садъ — въ оранжерею, къ садовнику. Я ужъ говорила ему: выберите понаряднѣе букетъ цвѣтовъ и пришлите мнѣ, пока Марейнѣ не проснулась.... Я полагаюсь на вашъ вкусъ....

— Вотъ какъ: я дѣлаю успѣхи въ твоемъ довѣріи, Вѣра! сказалъ, смѣясь, Райскій: вкусу моему вѣришь и честности — даже деньги не боялась отдать....

— Я сдѣлала бы это все сама, да не могу.... силъ нѣтъ.... устаю, прибавила она, стараясь улыбнуться на его шутку.

Онъ на другой день утромъ взялъ у Шмита porte-bouquet и обдумывалъ, изъ какихъ цвѣтовъ долженъ быть составленъ букетъ для Марейнѣ. Однихъ цвѣтовъ нельзя было найти въ позднюю пору, другіе не годились. Потомъ онъ выбралъ дамскіе часы съ эмалевой доской, съ цѣпочкой, подарить отъ себя Марейнѣ, и для этого зашелъ къ Титу Никоничу и занялъ у него двѣсти рублей до завтра, чтобы не воевать съ бабушкой, которая безъ боя не дала бы ему промотать столько на подарокъ, и кромѣ того, пожалуй, выдала бы заранѣе его секретъ. У Тита Никонича онъ увидѣлъ роскошный дамскій туалетъ, обшитый розовой кисеей и кружевами, съ зеркаломъ, увитымъ фарфоровой гирляндой изъ амуровъ и цвѣтовъ, артистической, тонкой работы, съ Севрской фабрики.

— Что это? Гдѣ вы взяли такую драгоценность? говорилъ онъ, рассматривая группы амуровъ, цвѣты, краски, — и не могъ отвести глазъ. — Какая прелесть!

— Марѣ Васильевнѣ! любезно улыбаясь, говорилъ Титъ Никоничъ: — я очень счастливъ, что вамъ нравится — вы знатокъ. Вашъ вкусъ мнѣ порукой, что этотъ подарокъ будетъ благосклонно принятъ дорогой новорожденной къ ея свадьбѣ. Какая

отмѣнная дѣвица! Поглядите: эти розы, можно сказать, суть ея живое подобіе! Она будетъ видѣть въ зеркалѣ свое плѣнительное личико, а купидоны ей будутъ улыбаться....

— Гдѣ вы достали такую рѣдкость?

— До завтра прошу у васъ секрета отъ Татьяны Марковны и отъ Марѣи Васильевны тоже, сказалъ Титъ Никонычъ.

— Вѣдь это больше тысячи рублей надо заплатить! И гдѣ здѣсь достать?...

— Пять тысячъ рублей ассигнаціями мой дѣдъ заплатилъ въ приданое моею родительницѣ. Это хранилось до сихъ поръ въ моей вотчинѣ, въ снальнѣ покойницы. Я въ прошедшемъ мѣсяцѣ подъ секретомъ велѣлъ доставить сюда; на рукахъ несли полтора ста верстъ, шесть человекъ попеременно, чтобъ не разбилось. Я только новую кисею велѣлъ сдѣлать, а кружева, тоже старинныя: изволите видѣть — пожелтѣли. Это очень цѣнится дамами, тогда какъ.... добавилъ онъ съ усмѣшкой, — въ нашихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны.

— Чтѣ бабушка скажетъ? замѣтилъ Райскій.

— Безъ грозы не обойдется, я сильно тревожусь, сказалъ Титъ Никонычъ:—но можетъ быть, по своей добротѣ, простить меня. Позволяю себѣ вамъ открыть, что я люблю обѣихъ дѣвицъ, какъ родныхъ дочерей, прибавилъ онъ нѣжно: обѣихъ на колѣняхъ качалъ, грамотѣ вмѣстѣ съ Татьяной Марковной обучалъ; это — какъ моя семья. Не измѣните мнѣ, шепнулъ онъ: скажу конфиденціально, что и Вѣрѣ Васильевнѣ въ одинаковой мѣрѣ взялъ смѣлость изготovitъ въ свое время, при ея замужествѣ, равный этому подарокъ, который, смѣю думать, она благосклонно приметъ....

Онъ показалъ Райскому массивный серебряный столовый сервизъ на двѣнадцать человекъ, старой, и тоже артистической работы.

— Вамъ, какъ брату и другу ея, открою, шепталъ онъ, что я, вмѣстѣ съ Татьяной Марковной, пламенно желаю ей отличной и богатой партіи, коей она вполне достойна: мы замѣчаемъ, — еще тише зашепталъ онъ, — что достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ кавалеръ, Иванъ Ивановичъ Тушинъ — безъ ума отъ нея — какъ и слѣдуетъ быть....

Райскій вздохнулъ и вернулся домой. Онъ нашелъ тамъ Викентьева съ матерью, которая пріѣхала изъ-за Волги ко дню рожденія Марѣиньки, Полину Карповну, двухъ, трехъ гостей изъ города и — Опенкина. Послѣдній разливалъ волны семинарскаго краснорѣчія, переходя нерѣдко въ плаксивый тонъ и обращая къ Марѣинькѣ пожеланія, по случаю предстоящаго брака. Ба-

бушка не рѣшилась оставить его къ обѣду-при «хорошихъ гостяхъ» и поручила Викентьеву напоить за завтракомъ, что тотъ и исполнилъ отчетливо, такъ-что въ трехъ часахъ Опенкинъ былъ готовъ совсѣмъ и спалъ крѣпкимъ сномъ въ пустой залѣ стараго дома. Гости часовъ въ семь разъѣхались. Бабушка съ матерью жениха зарылись совсѣмъ въ приданое и вели нескончаемый разговоръ въ кабинетѣ Татьяны Марковны.

А женихъ съ невѣстой, обѣжавъ разъ пять садъ и рошу, ушли въ деревню. Викентьевъ несъ за Марейнѣйкой цѣлый узелъ, который, пока они шли по полю, онъ выдалъ вверхъ и ловилъ на-лету. Марейнѣйка обошла каждую избу, попрощалась съ бабами, ласкала ребятишекъ, двумъ изъ нихъ вымыла рожицы, нѣкоторымъ матерямъ дала ситцу на рубашенки дѣтямъ, да двумъ дѣвочкамъ постарше, на платья, и двѣ пары башмаковъ, сказавъ, чтобъ не смѣли ходить босоногія по лужамъ. Полоумной Агашкѣ дала какую-то изношенную душегрѣйку, которую выпросила въ дворнѣ у Улиты, обѣщаясь, по возвращеніи, сдѣлать ей новую, на-строга приказавъ Агашкѣ не ходить въ одномъ платьѣ по осеннему холоду и сказала, что пришлетъ «коты» носить въ слякоть. Безногому старику Силычу оставила рубль мѣдными деньгами, которые тотъ жадно подобралъ, когда Викентьевъ, съ грохотомъ и хохотомъ, выворачивая карманы, выбросилъ ихъ на лавку. Силычъ, дрожащими отъ жадности руками, началъ заворачивать ихъ въ какіе-то хлопья и тряпки. Но Марейнѣйка погрозила, что отниметъ деньги и никогда не придетъ больше, если онъ станетъ прятать ихъ, а выпрашивать луговицу на обѣдъ и просить на паперти милостыню. «Красавица ты наша, Божій ангелъ, награди тебя Господь!» провожали ее бабы съ каждаго двора, когда она попрощалась съ ними недѣли на двѣ. А мужики ласково и лукаво улыбались молча: «балуетъ барышня», какъ-будто думали они: «съ ребятишками, да съ бабами возится: ишь какой пустякъ носить имъ! Почто это нашимъ бабамъ и ребятишкамъ?» И небрежно разсматривали ситцевую рубашонку, какой-нибудь поясокъ, или маленькіе башмаки.

XI.

Вечеромъ новый домъ сіялъ огнями. Бабушка не знала, какъ угостить свою гостью и будущую родню. Она воздвигла ей парадную постель въ гостиной, чуть не до потолка, походившую на катафалкъ. Марейнѣйка, въ своихъ двухъ комнатахъ, цѣлый вечеръ играла, пѣла съ Викентьевымъ — наконецъ они затихли

за чтеніемъ какой-то новой повѣсти, безпрестанно прерываемомъ замѣчаніями Викентьева, его шалостями и рѣзвостью.

Только окна Райскаго не были освѣщены: онъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда и не возвращался къ чаю. Луна освѣщала новый домъ, а старый прятался въ тѣни. Въ окнахъ Вѣры, часу въ седьмомъ, едва замѣтно свѣтилъ огонь, но и тотъ погасъ. На дворѣ, въ кухнѣ, въ людскихъ, долѣе обыкновеннаго не ложились спать люди, у которыхъ въ гостяхъ были пріѣхавшіе съ барыней Викентьевой изъ-за Волги, кучеръ и лакей. На кухнѣ долго не гасили огня, готовили ужинъ, и отчасти завтрашній обѣдъ.

Вѣра съ семи часовъ вечера сидѣла въ бездѣйствіи, сначала въ сумеркахъ, потомъ при слабомъ огнѣ одной свѣчи, облокотясь на столъ и положивъ на руку голову, другой рукой она задумчиво перебирала листы лежавшей передъ ней книги, въ которую не смотрѣла. Глаза ея устремлены были куда-то далеко отъ книги. На плеча сверху накинута была большая шерстяная платокъ, защищавшій ее отъ свѣжаго, осенняго воздуха, который въ открытое окно наполнялъ комнату. Она еще не позволяла вставить у себя рамъ и подолгу оставляла окно открытымъ.

Спустя полчаса, она медленно встала, положила книгу въ столъ, подошла къ окну и оперлась на оба локтя, глядя на небо, на новый, свѣтившійся огнями черезъ всѣ окна, домъ, прислушиваясь къ шагамъ ходившихъ по двору людей, потомъ выпрямилась и вздрогнула плечами отъ холода.

Она стала закрывать окно, и только затворила одну половину, какъ среди тишины раздался подъ горой выстрѣлъ.

Она вздрогнула и быстро опустилась на стулъ и опустила голову. Потомъ встала, глядя вокругъ себя, мѣняясь въ лицѣ, шагнула къ столу, гдѣ стояла свѣча, и опять остановилась. Въ глазахъ былъ испугъ и тревога. Она нѣсколько разъ трогала лобъ рукой и сѣла было къ столу, но въ ту же минуту встала опять, быстро сдернула съ плечъ платокъ и бросила въ уголъ за занавѣсъ, на постель, еще быстрѣе отворила шкафъ, затворила опять, ища чего-то глазами по стульямъ, на диванѣ — и не найдя что ей нужно, сѣла на стулъ, повидимому, въ изнеможении. Наконецъ глаза ея остановились на висѣвшей на спинкѣ стула пуховой косынкѣ, подаренной Титомъ Никоничемъ. Она бросилась къ ней, стала торопливо надѣвать одной рукой на голову, другой въ ту же минуту отворяла шкафъ и доставала оттуда съ вѣшалокъ, съ лихорадочной дрожью, то то, то другое пальто. Мелькомъ взглянувъ на пальто, попавшееся ей въ руку, она съ досадой бросала его на полъ и хватала другое, бросала

опять поправшееся платье, другое, третье, и искала чего-то, перебирая одно за другимъ все, что висѣло въ шкафѣ, и въ тоже время стараясь рукой завязать косынку на головѣ.

Наконецъ бросилась къ свѣчкѣ, схватила ее и освѣтила шкафъ. Тамъ, съ жесточеннымъ нетерпѣніемъ, взяла она мантилью на бѣломъ пуху, еще другую, черную, шелковую, накинула первую на себя, а на нее шелковую, отбросивъ пуховую косынку прочь. Не затворивъ шкафа, она перешагнула черезъ кучу брошеннаго на полъ платья, задѣла свѣчку, и скользнувъ изъ двери, не заперевъ ее, какъ мышь, неслышными шагами спустилась съ лѣстницы. Она провралась по окраинѣ двора, закрытой тѣнью, и вошла въ темную аллею. Она не шагала, а неслась: едва мелькалъ темный ея силуэтъ, гдѣ нужно было перелѣзать свѣтлое пространство, такъ что луна будто не успѣвала освѣтить ее. Она, миновавъ аллею, умѣрила шагъ, и остановилась на минуту перевести духъ у канавы, отдѣлявшей садъ отъ рощи. Потомъ перешла канаву, вошла въ кусты, мимо своей любимой скамьи, и подошла къ обрыву. Она подобрала обѣими руками платье, чтобъ спуститься... Передъ ней, какъ изъ земли, выросъ Райскій и сталъ между ею и обрывомъ. Она оваменѣла на мѣстѣ.

— Куда, Вѣра? спросилъ онъ.

Она молчала.

— Пойдемъ назадъ! сказалъ онъ, взявъ ее за руку. Она не дала руки и хотѣла миновать его.

— Вѣра: куда, зачѣмъ?

— Туда... въ послѣдній разъ: свиданіе необходимо — проститься... шептала она со стыдомъ и мольбой. — Пустите меня, братъ... Я сейчасъ вернусь, а вы подождите меня... одну минуту... Посидите, вотъ здѣсь, на скамьѣ...

Онъ, молча, крѣпко взялъ ее за руку и не выпускалъ.

— Пустите, мнѣ больно! говорила она, ломая его и свою руку. Онъ не пускалъ. Между ними завязалась борьба.

— Вы не сладите со мной, говорила она, сжимая зубы и съ неестественной силой вырывая руку, наконецъ вырвала и метнулась было въ сторону, мимо его. Онъ удержалъ ее за талию, подвелъ къ скамьѣ, посадилъ и сѣлъ подлѣ нея. — Какъ это грубо, дико! съ тоской и злостью сказала она, отворачиваясь отъ него почти съ отвращеніемъ.

— Не этой силой хотѣлъ бы я удержать тебя, Вѣра, сказалъ онъ.

— Отъ чего удержать? спросила она почти грубо.

— Можетъ быть — отъ гибели...

— Развѣ можно погубить меня, если я не хочу?

— Ты не хочешь, а я гибнешь...

— А если я хочу погибнуть?

Онъ молчалъ.

— И никакой гибели нѣтъ: мнѣ нужно видѣться, чтобъ... разстаться...

— Чтобъ разстаться — не надо видѣться...

— Надо — и я увижусь, рѣшительно сказала она: — часомъ или днемъ позже — все равно. Всю дворню, весь городъ зовите, хоть роту солдатъ: ничѣмъ не удержите!..

Она откинула черную мантилью съ головы на плечи и судорожно передергивала ее. Выстрѣлъ повторился. Она рванулась, но двѣ сильныя руки за плеча посадили ее на лавку. Она посмотрѣла на Райскаго съ ногъ до головы и трахнула головой отъ ярости.

— Какой же награды потребуете вы отъ меня за этотъ добродѣтельный подвигъ? шипѣла она. Онъ молчалъ и изъ подлбья стерегъ ея движенія. Она съ злостью засмѣялась.

— Пустите! сказала она мягко, немного погодя. Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Братъ! заговорила она черезъ минуту нѣжно, кладя ему руку на плечо: — если когда нибудь вы горѣли, какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія... когда счастье просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ... Припомните, братъ, такую минуту... когда у васъ оставалась одна послѣдняя надежда... искра... вотъ это — моя минута!.. Она пройдетъ — и все пройдетъ съ ней...

— И слава Богу, Вѣра! Опомнись, приди въ себя немного: ты сама не пойдешь! Когда больные горячкой мучатся жаждой и просятъ льду — имъ не даютъ. Вчера, въ трезвый часъ, ты сама предвидѣла это и указала мнѣ простое и самое дѣйствительное средство — не пускать тебя — и я не пушу...

Она стала на колѣни подлѣ него.

— Не заставляйте меня проклинать васъ всю жизнь потомъ! умоляла она. — Можетъ быть тамъ меня ждетъ сама судьба...

— Твоя судьба — вонъ тамъ: я видѣлъ, гдѣ ты вчера искала ее, Вѣра. Ты вѣришь въ провидѣніе: другой судьбы нѣтъ...

Она вдругъ смолкла и поникла головой.

— Да, сказала она покорно — да, вы правы: я вѣрю... Но я тамъ допрашивалась искры, чтобъ освѣтить мой путь — и не допросилась. Что мнѣ дѣлать? — я не знаю... Она вздохнула и медленно встала съ колѣнъ.

— Не ходи! говорилъ онъ.

— Именемъ той судьбы, въ которую вѣрю, я искала счастья! Можетъ быть, она и посылаетъ меня теперь туда... можетъ быть... я необходима тамъ, продолжала она, выправившись и сдѣлавъ шагъ къ обрыву. — Чтѣбы ни было, не держите меня долѣе, я рѣшилась. Я чувствую, моя слабость миновала. Я владѣю собой, — я опять сильна! Тамъ рѣшится не моя одна судьба, но и другого человѣка: на васъ ляжетъ отвѣтственность за эту пропасть, которую вы роете между нимъ и мною. Я не утѣшусь никогда, буду васъ считать виновникомъ несчастья всей моей жизни... и его жизни! Если вы теперь удержите меня, я буду думать, что мелкая страстишка, самолюбіе безъ правъ, зависть — помѣшали моему счастью и что вы лгали, когда проповѣдывали свободу...

Онъ поколебался и отступилъ отъ нея на шагъ.

— Это голосъ страсти, со всѣми ея софизмами и изворотами! сказалъ онъ вдругъ опомнившись. — Вѣра, ты теперь въ положеніи іезуита. Вспомни, какъ ты просила вчера, послѣ своей молитвы, не пускать тебя... А если ты будешь проклинать меня за то, что я уступилъ тебѣ: на кого тогда падетъ отвѣтственность?

Она опять упала духомъ и уныло склонила голову.

— Кто онъ, скажи? шепнулъ онъ.

— Если скажу — вы не удержите меня? вдругъ спросила она съ живостью, хватаясь за эту, внезапно явившуюся надежду вырваться — и спрашивала его глазами, глядя близко и прямо ему въ глаза.

— Не знаю, можетъ быть...

— Нѣтъ, дайте слово, что не удержите меня — и я назову...

Онъ колебался. Въ эту минуту раздался третій выстрѣлъ. Она рванулась, но онъ успѣлъ удержать ее за руку.

— Пойдемъ, Вѣра, домой, къ бабушкѣ сейчасъ! говорилъ онъ настойчиво, почти повелительно. — Открой ей все...

Но она, вмѣсто отвѣта, начала биться у него въ рукахъ, вырываясь, падая, вставая опять.

— Если... вамъ было когда-нибудь хорошо въ жизни, то пустите!.. Вы говорили: «люби, страсть прекрасна!» задыхаясь отъ волненія, говорила она и порывалась у него изъ рукъ: — вспомните... и дайте мнѣ еще одну такую минуту, одинъ вечеръ... «Христа ради»... шептала она, протягивая руку: — вы тоже просили меня, Христа ради, не удалять васъ... я не отказала... помните? Подайте и мнѣ эту милостыню!.. Я никогда не упрекну васъ... никогда... вы сдѣлали все — мать не могла бы сдѣлать

больше — но теперь оставьте меня — я должна быть свободна... И вот пусть Тотъ, кому мы молились вчера, будетъ свидѣтелемъ, что это послѣдній вечеръ... послѣдній! Я никогда не пойду съ обрыва больше: вѣрьте мнѣ — я этой клятвы не нарушу! Подождите меня здѣсь, я сейчасъ вернусь, только скажу слово...

Онъ выпустилъ ея руку.

— Чтò ты говоришь, Вѣра! шепталъ онъ въ ужасѣ: — ты не помнишь себя, куда ты?

— Туда... взглянуть одинъ разъ... на «волка».. проститься.... услышать его... можетъ быть... онъ уступитъ...

Она бросилась къ обрыву, но упала, торопясь уйти, чтобъ онъ не удержалъ ее, хотѣла встать и не могла: привстала и опять упала на колѣни, повторяя: «туда, въ послѣдній разъ...»

Она протягивала руку къ обрыву, дѣлая шагъ, падая и глядя умоляющими глазами на Райскаго.

Онъ собралъ нечеловѣческія силы, задушилъ вопль собственной муки, поднялъ ее на руки: «ты упадешь съ обрыва, тамъ круто... шепнулъ онъ — я тебѣ помогу...»

Онъ почти снесъ ее съ крутизны и поставилъ на отлогомъ мѣстѣ, на дорожкѣ. У него дрожали руки, онъ былъ блѣденъ.

Она быстро обернулась къ нему, обдала его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, благодарности — вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку и крѣпко прижала къ губамъ... «Братъ! вы великодушны: Вѣра не забудетъ этого!» сказала она, и взвизгнувъ отъ радости, какъ освобожденная изъ кѣтки птица, бросилась въ кусты.

Онъ сѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и съ ужасомъ слушалъ шумъ раздвигаемыхъ ею вѣтвей и трескъ сухихъ прутьевъ подъ ногами.

XII.

Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ ждалъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и фуражка. Самъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ доскамъ. Когда онъ ступалъ на одинъ конецъ доски, другой привскакивалъ и падалъ со стукомъ. «О, чортова музыка!» съ досадой на этотъ стукъ сказалъ онъ и сѣлъ на одну изъ скамей близъ стола, положилъ локти на столъ и впустилъ обѣ руки въ густые волосы. Онъ курилъ папироску за папироской; зажигая спичку, онъ освѣщалъ себя. Онъ былъ блѣденъ и казался взволнованнымъ, или озлобленнымъ. Послѣ каждаго выстрѣла онъ прислушивался нѣсколько минутъ, потомъ

шелъ по тропинкѣ, приглядываясь къ кустамъ, повидимому, ожидая Вѣру. И когда ожиданія его не сбывались, онъ возвращался въ бесѣдку и начиналъ ходить подъ «чортову музыку», опять бросался на скамью, впуская пальцы въ волосы, или ложился, на одну изъ скамей, кладя, по-американски, ноги на столъ.

Послѣ третьяго выстрѣла онъ прислушался минутъ семь, но не слыша ничего до того нахмурился, что на минуту какъ будто постарѣлъ, медленно взялъ ружье и нѣхотя пошелъ по дорожкѣ, повидимому съ намѣреніемъ уйти, но замедлялъ однако шагъ, точно затрудняясь идти въ темнотѣ. Наконецъ пошелъ рѣшительнымъ шагомъ — и вдругъ столкнулся съ Вѣрой. Она остановилась и приложила руку къ сердцу, съ трудомъ переводя духъ.

Онъ взялъ ее за руку — и въ ней тревога мгновенно стихла: она старалась только отдышаться отъ скорой ходьбы и отъ борьбы съ Райскимъ, а онъ, казалось, не могъ одолѣть въ себѣ сильно охватившаго его чувства — радости исполнившагося ожиданія.

— Еще недавно, Вѣра, вы были такъ аккуратны: мнѣ не приходилось тратить пороку на три выстрѣла... сказалъ онъ.

— Упрекъ — вмѣсто радости! отвѣчала она, вырывая у него руку.

— Это я — такъ только, чтобъ начать разговоръ: а самъ одурѣлъ совсѣмъ отъ радости, какъ Райскій...

— Не похоже! Еслибъ было такъ, мы не видѣлись бы уеградой, въ обрывѣ... Боже мой! — Она перевела духъ.

— А сидѣли бы рядомъ тамъ, у бабушки, за чайнымъ столомъ, и ждали бы, когда насъ обвѣнчаютъ!

— Такъ что же?

— Что напрасно мечтать о томъ, что невозможно: вѣдь бабушка не отдала бы за меня...

— Отдала бы: она сдѣлаетъ, что я хочу. У васъ только это препятствіе?

— Мы опять заводимъ эту нескончаемую полемику, Вѣра? Мы сошлись въ послѣдній разъ сегодня — вы сами говорите. Надо же кончить какъ-нибудь эту томительную пытку и сойти съ горячихъ угольевъ.

— Да, въ послѣдній разъ... Я клятву дала, что больше здѣсь никогда не буду! шептала она чуть слышно.

— Стало быть время дорого. Мы разойдемся навсегда, если... глупость, т. е. бабушкины убѣжденія разведутъ насъ. Я уйду черезъ недѣлю: разрѣшеніе получено, вы знаете. Или ужъ сойдемся и не разойдемся больше...

— Никогда? тихо спросила она. —

Онъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія.

— Никогда! повторилъ онъ съ досадою: — какая ложь въ этихъ словахъ: «никогда», «всегда»... Конечно «никогда»: годъ, можетъ быть, два... три... Развѣ это не — «никогда»? Вы хотите безсрочнаго чувства? Да развѣ оно есть? Вы пересчитайте всѣхъ вашихъ голубей и голубокъ: вѣдь никто безсрочно не любить. Загляните въ ихъ гнѣзда — что тамъ? Сдѣлаютъ свое дѣло, выведутъ дѣтей, а потомъ воротятъ носы въ разныя стороны. А только отъ тупоумія сидятъ вмѣстѣ...

— Довольно, Маръ: я тоже утомлена этой теоріей о любви на срокъ! съ нетерпѣніемъ перебила она. — Я очень несчастлива: у меня не одна эта туча на душѣ — разлука съ вами! Вотъ ужъ годъ я скрытничая съ бабушкой — и это убиваетъ меня, и ее еще больше: я вижу это. Я думала, что на дняхъ эта пытка кончится: сегодня, завтра, мы наконецъ выскажемся вполнѣ: искренно объявимъ другъ другу свои мысли, надежды, цѣли... и...

— Что потомъ? спросилъ онъ, слушая внимательно.

— Потомъ я пойду къ бабушкѣ и скажу ей, вотъ кого я выбрала... на всю жизнь. Но... кажется... этого не будетъ... мы напрасно видимся сегодня: мы должны разойтись! — съ глубокимъ уныніемъ, шепотомъ, досказала она и поникла головой.

— Да, если воображать себя ангелами, то, конечно, вы правы, Вѣра: тогда — на всю жизнь. Вонъ и этотъ сѣдой мечтатель, Райскій, думаетъ, что женщины созданы для какой-то высшей цѣли...

— Для семьи созданы онѣ прежде всего. Не ангелы: пусть такъ — но и не звѣри! Я не волчица, а женщина!

— Ну, пусть для семьи: что же? Въ чемъ тутъ помѣха намъ? Надо кормить и воспитать дѣтей? Это уже не любовь, а особая забота, дѣло нянекъ, старыхъ бабъ! Вы хотите драпировки: всѣ эти чувства, симпатіи, и прочее — только драпировка, тѣ листья, которыми, говорятъ, прикрывались люди еще въ раю...

— Да, люди! сказала она.

Онъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Пусть драпировка, продолжала Вѣра: — но вѣдь и она, по вашему же ученію, дана природой, а вы хотите ее снять. Если такъ, зачѣмъ вы упорно привязались ко мнѣ, говорите, что любите — вонъ измѣнились, похудѣли?.. Не все ли вамъ равно, съ вашими понятіями о любви, найти себѣ подругу тамъ въ Слободѣ, или за Волгой въ деревнѣ? Что заставляетъ васъ ходить цѣлый годъ сюда, подъ гору?

Онъ нахмурился.

— Видите свою ошибку, Вѣра: «съ понятіями о любви», говорите вы: а дѣло въ томъ, что любовь не понятіе, а влеченіе, потребность, оттого она, большею частію, и слѣпа; но я привязанъ къ вамъ не слѣпо: ваша красота, и довольно рѣдкая — въ этомъ Райскій правъ — да умъ, да свобода понятій — и держатъ меня въ плѣну долѣе, нежели со всякой другой!

— Очень лестно! сказала она тихо.

— Эти «понятія» васъ губятъ, Вѣра. Не будь ихъ, мы сошлись бы давно и были бы оба счастливы, продолжалъ онъ.

— На время, а потомъ — явится новое увлеченіе, уступить ему — и такъ далѣе?..

Онъ пожалъ плечами.

— Не мы виноваты въ этомъ, а природа: и хорошо сдѣлала. Иначе, если останавливаться надъ всѣми явленіями жизни подолгу — значитъ надѣвать пуды на ноги... значитъ, жить «понятіями»... замѣтилъ онъ. — Природу не передѣлаешь!

— Понятія эти — правила, спорила она. — У природы есть свои законы: вы же учили: а у людей правила!

— Вотъ гдѣ мертвечина и есть, что изъ природнаго влеченія дѣлають правила и сковываютъ себя по рукамъ и ногамъ. Любовь — счастье, данное человѣку природой... Это мое мнѣніе...

— Счастье это ведетъ за собой долгъ, сказала она, вставъ со скамьи: это мое мнѣніе...

— Это выдумка, сочиненіе, Вѣра: поймите хаосъ вашихъ «правиль и понятій»! Забудьте эти «долги» и согласитесь, что любовь прежде всего — влеченіе... иногда неодолимое...

Онъ тоже всталъ и обнялъ ее за талію.

— Такъ-ли? Съ этимъ трудно не согласиться — упрямая... красавица, умница... нѣжно шепталъ онъ.

Она тихо освободила талію отъ его рукъ.

— А то выдумали — «долгъ»!

— Долгъ, повторила она настойчиво: — за отданные другъ другу лучшіе годы счастья платить взаимно остальную жизнь...

— Чѣмъ это — позвольте спросить? Варить супъ, ходить другъ за другомъ, сидѣть съ глазу на глазъ, притворяться, впасть на правилахъ, да на долгъ около какой-нибудь щедушной, слабонервной подружки, или разбитого параличомъ старика, когда силы у одного еще крѣпки, жизнь зоветъ, тянетъ дальше!... Такъ, что-ли?

— Да, — удержаться, не смотрѣть туда, куда «тянетъ»! Тогда не надо будетъ и притворяться, а просто воздерживаться, «какъ

отъ рюмки», говорить бабушка, и это правда... Такъ я понимаю счастье и такъ желаю его!

— Ну, дѣло плохо, когда дошло до цитать бабушкиной мудрости. Вы хвастайтесь ей: скажите, какъ крѣпши ея правила въ васъ...

— Нечѣмъ хвастаться! уныло говорила она: — да, сегодня, отсюда, я пойду къ ней и... похвастаюсь!

— Чтѣ-же вы ей скажете?

— Все, чтѣ было здѣсь... чего она не знаетъ...

Она сѣла на скамью и, обловотившись на столъ, склонила лицо на руки и задумалась.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Вы не поймете зачѣмъ, потому что не допускаете долга... А я давно въ долгу передъ ней...

— Все это мораль, подергивающая жизнь плесенью, скукой!... Вѣра, Вѣра — не любите вы, не умѣете любить...

Она вдругъ подошла къ нему и съ упрекомъ взглянула ему въ лицо.

— Не говорите этого, Маркъ, если не хотите привести меня въ отчаяніе! Я сочту это притворствомъ, желаніемъ увлечь меня безъ любви, обмануть...

И онъ всталъ со скамьи.

— Не говорите и вы этого, Вѣра! Не сталъ бы я тутъ слушать и читать лекціи о любви. И еслибъ хотѣлъ обмануть, то обманулъ бы давно — стало быть не могу...

— Боже мой! Изъ чего вы бьетесь, Маркъ: какъ уродуете свою жизнь! сказала она всплеснувъ руками.

— Послушайте, Вѣра, оставимъ споръ. Вашими устами говорить таже бабушка, только, конечно, иначе, другимъ языкомъ. Все это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, гдѣ не авторитеты, не заученныя понятія, а правда пробивается наружу.....

— Правда — гдѣ она? скажите наконецъ!... Не позади ли насъ? Чего вы ищете!

— Счастья! я васъ люблю! Зачѣмъ вы томите меня, зачѣмъ боретесь со мной и съ собой, и дѣлаете двѣ жертвы?

Она пожала плечами.

— Странные упреки! Поглядите на меня хорошенько — мы нѣсколько дней не видѣлись: какова я? сказала она.

— Я вижу, что вы страдаете, и тѣмъ это нелѣпѣе! Теперь и я спрошу: зачѣмъ вы ходили и ходите сюда?

Она почти враждебно посмотрѣла на него.

— За чѣмъ я не раньше почувствовала... ужасъ своего по-

ложения—хотите вы спросить? Да, этотъ вопросъ и упрекъ давно мы должны бы были сдѣлать себѣ оба, и тогда, отвѣтивъ на него искренно другъ другу и самимъ себѣ, не ходили бы больше. Поздно... шептала она задумчиво: впрочемъ, лучше поздно чѣмъ никогда. Мы сегодня должны одинъ другому отвѣтить на вопросъ, чего мы хотѣли и ждали другъ отъ друга...

— Позвольте же мнѣ высказаться рѣшительно, продолжать онъ. — Я хочу вашей любви и отдаю вамъ свою, вотъ одно «правило» въ любви: правило свободнаго размѣна, указанное природой. Не насиловать привязанности, а свободно отдаваться впечатлѣнію и наслаждаться взаимнымъ счастьемъ—вотъ «долгъ и законъ», который я признаю — и вотъ мой отвѣтъ на вопросъ, «зачѣмъ я хожу?» Жертвъ надо? И жертвы есть, — по мнѣ это не жертвы, но я назову вашимъ именемъ: я останусь еще въ этомъ болотѣ, не знаю сколько времени, буду тратить силы вотъ тутъ — но не для васъ, а прежде всего для себя, потому что въ настоящее время это стало моей жизнью — и я буду жить, пока буду счастливъ, пока буду любить. А когда охладѣю—я скажу и уйду—куда поведетъ меня жизнь, не унося съ собой никакихъ долговъ, правилъ и обязанностей. Я всѣ ихъ оставляю тутъ, на днѣ обрыва! Видите, я не обманываю васъ: я высказываюсь весь. Скажу и уйду! И вы имѣете право сдѣлать тоже. А вонъ тѣ мертвецы лгутъ себѣ и другимъ — и эту ложь называютъ «правилами». А сами потихоньку дѣлаютъ тоже самое — и еще ухитрились себѣ присвоивать это право, а женщинамъ не давать его! Между нами должно быть равенство. Рѣшите, честно это, или нѣтъ?

Она покачала отрицательно головой.

— Софизмы! Честно взять жизнь у другого и заплатить ему своею: это правило! Вы знаете, Марья—и другія мои правила...

— Ну, дошли! теперь пойдетъ! Правило, камнемъ повиснуть на шею другъ друга...

— Нѣтъ, не камнемъ! горячо возразила она. — Любовь налагаетъ долгъ, буду твердить я, какъ жизнь налагаетъ и другіе долги: безъ нихъ жизни нѣтъ. Вы стали бы сидѣть съ дряхлой, слѣпой матерью, водить ее, кормить — за что? Вѣдь это нечесло — но честный человѣкъ считаетъ это долгомъ, и даже любить его!

— Вы разсуждаете, а не любите, Вѣра!

— А вы увертываетесь отъ моей правды! Разсуждаю, потому что люблю, я женщина, а не животное и не машина!

— У васъ какая-то сочиненная и придуманная любовь...

какъ въ романахъ... съ надеждой на безконечность... словомъ— безсрочная! Но честно ли то, что вы требуете отъ меня, Вѣра? Положимъ, а бы не назначать любви срока: скача и играя, какъ Вивентьевъ, подать бы вамъ руку навсегда—чего же хотите вы еще? Чтобъ «Богъ благословилъ союзъ»: говорите вы, т. е. чтобъ пойти въ церковь — да противъ убѣжденія — дать публично исполнить надъ собой обрядъ... А я не вѣрю ему и терпѣть не могу поповъ: логично ли, честно ли я поступлю?..

Она встала и накинула черную мантилью на голову.

— Мы сошлись, чтобъ удалить всѣ препятствія къ счастью, — а вмѣсто того только увеличиваемъ ихъ! Вы грубо касаетесь того, что для меня свято. За чѣмъ вы вызвали меня сюда: я думала, вы уступили старой, испытанной правдѣ и что мы подадимъ другъ другу руки навсегда... Всякій разъ съ этой надеждой сходила я съ обрыва... и всякій разъ ошибалась! Я повторю, что говорила давно: у насъ, Марь... (слабымъ голосомъ оканчивала она) и убѣжденія, и чувства разные! Я думала, что самый умъ вашъ скажетъ вамъ... гдѣ настоящая жизнь — и гдѣ ваша лучшая роль...

— Гдѣ?

— Въ сердцѣ честной женщины, которая любитъ, и что роль друга такой женщины...

Она махнула безотрадно рукой. Ей хлынули слезы въ глаза.

— Живите вашей жизнью Марь — я немогу... у ней нѣтъ корня...

— Ваши корни подгнили давно, Вѣра!

— Пусть такъ! болѣе и болѣе слабѣя говорила она, и слезы появились уже въ глазахъ. — Не мнѣ спорить съ вами, опровергать ваши убѣжденія умомъ и своими убѣжденіями нельзя. У меня ни ума, ни силъ не станетъ. У меня оружіе слабо — и только имѣетъ ту цѣну, что оно мое собственное, что я взяла его въ моей тихой жизни, а не изъ книгъ, не по наслышеѣ...

•Она сдѣлала движеніе, но она заговорила опять. — Я думала побѣдить васъ другой силой... Помните, какъ все случилось: — присѣвши на минуту на свамью, говорила она задумчиво: — мнѣ сначала было жалко васъ. Вы здѣсь одни, васъ не понималъ никто, всѣ убѣгали. Участіе привлекло меня на вашу сторону. Я видѣла что-то странное, распущенное. Вы не дорожили ничѣмъ — даже приличіями, были небрежны въ мысляхъ, неосторожны въ разговорахъ, играли жизнью, сорили умомъ, никого и ничего не уважали, ни во что не вѣрили, и учили тому же другихъ, напрашивались на непріятности, хвастались удалью. Я изъ любопытства слѣдила за вами, позволила вамъ приходить

къ себѣ, брала у васъ книги, — видѣла умъ, какую-то силу, знанія... Но все это шло стороной отъ жизни... Потомъ... я забрала себѣ въ голову (какъ я каюсь въ этомъ!), что... Я говорила себѣ часто: сдѣлаю, что онъ будетъ дорожить жизнью... сначала для меня, а потомъ и для жизни, будетъ уважать, сначала опять меня, а потомъ и другое въ жизни, будетъ вѣрить... мнѣ, а потомъ... Я хотѣла, чтобъ вы жили, чтобъ стали лучше, выше всѣхъ... ссорилась съ вами за беспорядочную жизнь... — Она вздохнула, какъ будто перебирая въ памяти весь этотъ годъ. — Вы поддавались моему... вліянію... И я тоже поддавалась вашему: ума, смѣлости, захватила было нѣсколько... софизмовъ...

— И на понятный дворъ: бабушки страшно стало! Чтожъ не бросили тогда меня, какъ увидали софизмы? Софизмы!

— Поздно было. Я горячо приняла къ сердцу вашу судьбу... Я страдала не за одинъ этотъ темный образъ жизни, но и за васъ самихъ, упрямо шла за вами, думала, что, ради меня... вы поймете жизнь, не будете блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ... думала, что выйдетъ...

— Вице-губернаторъ, или совѣтникъ хорошій...

— Что за дѣло до названія — выйдетъ человѣкъ нужный, сильный...

— Благонамѣренный, всему покорный: еще что?

— Еще — другъ мнѣ на всю жизнь: вотъ что! Я увлекалась своей надеждой... и вотъ куда увлеклась!.. тихо добавила и оглядѣвшись вздрогнула. — И что приобрѣла этой страшной борьбой? то, что вы теперь бѣжите отъ любви, отъ счастья, отъ жизни... отъ своей Вѣры! сказала она, придвигаясь къ нему и кладя руку на плечо. — Не бѣгите: поглядите мнѣ въ глаза, слышите мой голосъ: въ немъ правда! Не бѣгите, останьтесь, пойдемъ вмѣстѣ туда, на гору, въ садъ... Завтра здѣсь никого не будетъ счастливѣе насъ... Вы меня любите... Маркъ! Маркъ... слышите? посмотрите прямо на меня...

Она наклонилась къ его лицу и близко поглядѣла ему въ глаза.

Онъ быстро всталъ со скамьи.

— Дальше, Вѣра, отъ меня!.. сказалъ онъ, вырывая руку и трясая головой, какъ косматый звѣрь. Онъ сталъ шагать въ трехъ отъ нея. — Мы не договорились до главнаго — и когда договоримся, тогда я не отскочу отъ вашей ласки и не убѣгу изъ этихъ мѣстъ... Я бы не бѣжалъ отъ этой Вѣры, отъ васъ. Но вы навязываете мнѣ другую... Если у меня ее нѣтъ? — что мнѣ дѣлать — рѣшайте, говорите, Вѣра!

— А если эта вѣра у меня есть — что мнѣ дѣлать? спросила она.

— Легче разстаться съ какими-то заученными убѣжденіями, чѣмъ приобрести ихъ, у кого ихъ нѣтъ...

— Эти убѣжденія, — сама жизнь: я уже вамъ говорила, что живу ими и не могу иначе жить... слѣдовательно...

— Слѣдовательно... повторилъ онъ, и оба встали, обоимъ тяжело было договаривать, да и не нужно было.

Она хотѣла опять накинуть шелковую мантилью на голову и не могла: руки съ мантилей упали. Ей оставалось уйти, не оборачиваясь. Она сдѣлала движеніе, шагъ, и опустилась опять на скамью.

«Гдѣ взять силы — нѣтъ ея — ни уйти, ни удержать его: все кончено! думала она. — Еслибъ удержала — что будетъ? не жизнь, а двѣ жизни, какъ двѣ тюрьмы, раздѣленные вѣчной рѣшеткой...

— Мы оба сильны, Вѣра, и отъ того оба мучаемся, — сказалъ онъ, — отъ того и расходимся...

Она отрицательно покачала головой.

— Еслибъ я была сильна, вы не уходили бы такъ отсюда, — сказала она тихо, — а пошли бы со мной туда, на гору, не украдкой, а смѣло — опираясь на мою руку. — Пойдемте: хотите моего счастья и моей жизни? заговорила она, вдругъ ослѣпившись опять надеждой и подходя къ нему. — Не можетъ быть, чтобъ вы не вѣрили мнѣ: не можетъ быть тоже, чтобъ вы и притворялись — это было бы преступленіе! съ отчаяніемъ договорила она. — Что дѣлать, что дѣлать, Боже мой! Онъ не вѣритъ, нейдетъ! какъ вразумить васъ!

— Для этого нужно, чтобъ вы были сильнѣе меня, а мы равны, — отвѣчалъ онъ упрямо, — отъ того мы и не сходимся, а боремся. Намъ надо разойтись, не рѣшая боя, или покориться одинъ другому навсегда... Я могъ бы овладѣть вами — и овладѣлъ бы всякой другой, мелкой женщиной, не пощадилъ бы ее. Тѣ, что въ другой было бы жеманствомъ, мелкимъ страхомъ, или тупоуміемъ, то въ васъ — сила, женская крѣпость. Теперь тумана нѣтъ между нами: мы объяснились — и я воздамъ вамъ должное. Вы хорошо вооружены природой, Вѣра. Старыя понятія, мораль, долгъ, правила, вѣра — все что для меня не существуетъ, живетъ въ васъ крѣпко. Вы не легки въ вашихъ увлеченіяхъ, вы боретесь отчаянно и соглашаетесь признать себя побѣжденной на условіяхъ, равныхъ для той и для другой стороны. Обмануть васъ — значить украсть. Вы отдаете все, и за

побѣду надъ вами требуете всего же. А я всего отдать не могу — но я уважаю васъ...

Голова ея приподнялась и по лицу на минуту свернулось лучъ гордости, почти счастья, но въ ту же минуту она опять поникла головой. Сердце билось тоской передъ неизбежной разлукой и нервы упали опять. Его слова были прелюдией прощанія.

— Мы высказались... отдаю рѣшеніе въ ваши руки! проговорилъ глухо Марѣъ, отойдя на другую сторону бесѣдки и слѣдя отсюда пристально за нею. — Я васъ не обману даже теперь, въ эту рѣшительную минуту, когда у меня голова идетъ кругомъ... Нѣтъ, не могу — слышите, Вѣра: безсрочной любви не общаю, потому что не вѣрю ей, и не требую ее и отъ васъ, вѣнчаться съ вами не пойду. Но люблю васъ теперь больше всего на свѣтѣ!.. И если вы послѣ всего этого, что говорю вамъ — кинетесь ко мнѣ... значитъ вы любите меня и хотите быть моею...

Она глядѣла на него большими глазами и чувствовала, что дрожить. «Что онъ такое: іезуитъ... или въ самомъ дѣлѣ непреклонная честность говорить въ немъ теперь и ставить ее въ опасное положеніе?» мелькнуло въ ней лучъ сомнѣнія.

— Навсегда вашей? спросила она тихо — и сама испугалась повисшей надъ ней тучи. Скажи онъ — «да», она забыла бы о непроходимой «разности убѣжденій», дѣлавшихъ изъ этого «навсегда» — только мостикъ на минуту, чтобъ перебѣжать пропасть, и за тѣмъ онъ рухнулъ бы самъ въ ту же пропасть. Ей стало страшно съ нимъ. Онъ молчалъ. Потомъ всталъ съ мѣста. — Не знаю! сказалъ онъ съ тоской и досадой: — я знаю только, что буду дѣлать теперь, а не заглядываю за полгода впередъ. Да и вы сами не знаете, что будетъ съ вами. Если вы раздѣлите мою любовь, я останусь здѣсь, буду жить тише воды, ниже травы... дѣлать, что вы хотите... Чего же еще? Или... уѣдемъ вмѣстѣ!.. вдругъ сказалъ онъ, подходя къ ней.

Передъ ней будто свернула молнія. И она бросилась къ нему и положила ему руку на плечо.

Ей неожиданно отворились двери въ какой-то рай. Цѣлый міръ улыбнулся ей и звалъ съ собой.... «Съ нимъ, далеко гдѣнибудь....» думала она. Нѣга страсти стукнулась тихо къ ней въ душу. «Онъ колеблется, не можетъ оторваться: и это теперь... Когда она будетъ одна съ нимъ... тогда, можетъ быть, онъ и самъ убѣдится, что его жизнь только тамъ, гдѣ она....» Все это пѣлъ ей какой-то тихій голосъ.

— Вы рѣшились бы на это? спросилъ онъ ее серьезно.

Она молчала, опустивъ голову.

— Или боялись бы бабушки?

Она очнулась.

— Да, это правда: еслибъ не рѣшилась, то потому только, что боялась бы ее... шептала она.

— Таѣъ не подходите же ко мнѣ близко, сказалъ онъ, отодвигаясь:— старуха бы не пустила....

— Ахъ, нѣтъ: пустила и благословила бы, а сама бы умерла съ горя! вотъ чего боялась бы я!... Уѣхать съ вами! повторяла она мечтательно, глядя долго и пристально на него: а потомъ?

— А потомъ... не знаю Затѣмъ это «потомъ»?

— И вдругъ васъ «потянетъ» въ другую сторону, и вы уйдете, оставивъ меня, какъ вещь....

Отчего, какъ «вещь»? Можно разстаться друзьями....

— Разстаться! Разлука стоитъ у васъ рядомъ съ любовью! Она безотрадно вздохнула. — А я думаю, что это крайности, которыя никогда не должны встрѣчаться.... одна смерть должна разлучить.... Прощайте, Марья! вдругъ сказала она, блѣдная, почти съ гордостью. — Я рѣшила.... Вы никогда не дадите мнѣ того счастья, какого я хочу. Для счастья не нужно уѣзжать: оно здѣсь.... Дѣло кончено!...

— Да — скорѣе же вонъ отсюда! Прощайте, Вѣра... говорилъ и онъ не своимъ голосомъ.

И оба встали съ мѣста, оба блѣдные, стараясь не глядѣть другъ на друга. Она искала, при слабомъ проникавшемъ сквозь вѣтви лунномъ свѣтѣ, свою мантилью. Руки у ней дрожали и брали не то, что нужно. Она хваталась даже за ружье. Онъ стоялъ, прислонясь спиной къ одному изъ столбовъ бесѣдки, не бравъ ничего и мрачно слѣдилъ за нею. Она наконецъ отыскала блѣлую мантилью и никакъ не могла накинуть ее на другое плечо. Онъ машинально помогъ ей. Она въ темнотѣ искала ступенекъ ногой — онъ шагнулъ изъ бесѣдки прямо на землю, подаль ей руку и помогъ сойти. Оба пошли молча по дорожкѣ, все замедляя шагъ, какъ-будто чего-то другъ отъ друга ожидая. Обоихъ мучила одна и та же мысленная работа: изобрѣсти предлогъ замедленія.

Оба понимали, что каждый съ своей точки зрѣнія правъ — но оба все-таки безумно втайнѣ надѣялись, онъ — что она перейдетъ на его сторону, а она — что онъ уступитъ, и оба понимали, что надежда была нелѣпа, что никто изъ нихъ не могъ, хотя бы и хотѣлъ, внезапно переродиться, залучить къ себѣ, какъ шапку надѣтъ, другія убѣжденія, другое міросозерцаніе, раздѣлить вѣру, или отрѣшиться отъ нея. Но ихъ убивало сознаніе, что это послѣднее свиданіе, послѣдній разъ, что черезъ пять минутъ они будутъ чужіе другъ другу навсегда. Имъ хотѣлось

задержать эти пять минутъ, уложить въ нихъ все свое прошлое—и—еслибъ можно было—заручиться какой-нибудь надеждой на будущее! Но потомъ оба сознавали, что будущаго нѣтъ, что впереди ждала, неизбѣжная, какъ смерть, одна разлука!

Они долго шли до того мѣста, гдѣ ему надо было перескочить черезъ низенькій плетень на дорогу, а ей взбираться, между кустовъ, по тропинкѣ на гору, въ садъ. Она, наклонивъ голову, стояла у подъема на обрывѣ, какъ убитая. Она припоминала всю жизнь и не нашла ни одной такой горькой минуты въ ней. У ней глаза были полны слезъ. Теперь ея единственнымъ счастьемъ на мигъ было бы — обернуться, взглянуть на него хоть разъ и поскорѣе уйти навсегда, но уходя, измѣрить хотя глазами—что она теряла. Ей было жаль этого уносящагося вихря счастья, но она не смѣла обернуться: это было бы все-равно, что сказать *да* на его роковой вопросъ, и она въ тоскѣ сдѣлала шага два на крутизну.

Онъ шелъ къ плетню, тоже не оборачиваясь, злобно, непокорнымъ звѣремъ, уходящимъ отъ добычи. Онъ не лгалъ: онъ уважалъ Вѣру, но уважалъ противъ воли, какъ въ сраженіи уважаютъ непріятеля, который отлично дерется. Онъ проваливалъ «городъ мертвецовъ», «старыя понятія», оковавшія эту живую, свободную душу. Его горе было не трогательное, возбуждающее участіе, а злое, неуступчивое, вызывающее новые удары противника за непокорность. Даже это было не горе, а свирѣпое отчаяніе. Онъ готовъ былъ изломать Вѣру, какъ ломаютъ чужую драгоценность, съ проклятіемъ: «не доставайся никому!» Такъ, по собственному признанію, сдѣланному ей, онъ и поступилъ бы съ другой, но не съ ней. Да она и не далась бы въ ловушку—стало быть, надо бы было прибѣгнуть къ насилію и сдѣлаться въ одну минуту и на одну минуту разбойникомъ. Притомъ, одна матеріальная побѣда, обладаніе Вѣрой, не доставило бы ему полного удовлетворенія, какъ доставило бы надъ всякой другой. Онъ, уходя, злился не за то, что красавица-Вѣра ускользаетъ отъ него, что онъ теряетъ добычу, что онъ тратилъ на нее время, силы, забывалъ «дѣло». Онъ злился отъ гордости и страдалъ сознаніемъ своего безсилія. Онъ одолѣлъ воображеніе, пожалуй—такъ-называемое сердце Вѣры, но не одолѣлъ ея ума и воли. Въ этой области она обнаружила непреклонность, равную его настойчивости. У ней былъ характеръ и она упрямо вырабатывала себѣ изъ старой «мертвой» жизни, вѣрную, живую жизнь — и была и для него также, какъ для Райскаго, какой-то прекрасной статуей, дышащей самобытною жизнью, живущей своимъ, не заемнымъ умомъ, своей гордой волей. Она была выше другихъ жен-

щинъ. Онъ это видѣлъ, гордился своимъ успѣхомъ въ ея любви, и тутъ же падалъ, сознавая, что, какъ онъ ни бился развивать Вѣру, давать ей свой свѣтъ, но кто-то другой, ея вѣра, по ея словамъ, да какой-то попъ изъ молодыхъ, да Райскій съ своей поэзіей, да бабушка съ моралью, а еще болѣе — свои глаза, свой слухъ, тонкое чутье и женскіе инстинкты, потомъ воля — поддерживали ея силу и давали ей оружіе противъ него, противъ его правды, и окрашивали старую, обывновенную жизнь и правду въ такіе здоровые цвѣта, передъ которыми казалась и блѣдна, и пуста, и фальшива, и холодна — та правда и жизнь, какую онъ добывалъ себѣ изъ новыхъ, казалось бы — свѣжихъ источниковъ. Его новыя — правда и жизнь не тянули къ себѣ ея здоровую и сильную натуру; а послужили только къ тому, что она разобрала ихъ по клочкамъ и осталась вѣрнѣе своей истинѣ.

И вотъ она уходитъ, не оставивъ ему никакого залога побѣды, кромѣ минувшихъ свиданій, которыя исчезнуть, какъ слѣды на пескѣ. Онъ проигрывалъ сраженіе, терялъ ее, и уходя понималъ, что никогда не встрѣтитъ другой, подобной Вѣры. Онъ сравнивалъ ее съ другими, особенно «новыми» женщинами, изъ которыхъ многія такъ любострастно поддавались жизни по новому ученію, какъ Марина своимъ любвамъ — и находилъ, что это — жалкія, пошлыя, и болѣе падшія созданія, нежели всѣ другія падшія женщины, уступавшія воображенію, темпераменту, и даже золоту, а тѣ будто бы принципу, котораго часто не понимали, въ которомъ не убѣдились, повѣривъ на-слово, слѣдовательно уступали чему — нибудь другому, чему простоудшно уступала, напримѣръ, жена Козлова, только лицемѣрно или тупо прикрывали это принципомъ. Онъ шелъ медленно, сознавая, что за спиной у себя оставлялъ навсегда то, чего уже никогда не встрѣтитъ впереди. Обмануть ее, увлечь, обѣщать «безсрочную любовь», сидѣть съ ней годы, пожалуй — жениться.... Онъ содрогнулся опять при мысли употребить грубый, площадной обманъ — да и не поддастся она ему теперь. Онъ топнулъ ногой и вскочилъ на плетень, перекинувъ ноги на другую сторону. «Посмотрѣть, что она? Ушла, гордое созданіе! Что жалѣть: она не любила меня, иначе бы не ушла.... Она резонерка....» думалъ онъ, сидя на плетнѣ. «Взглянуть одинъ разъ.... что онъ — и отвернуться навсегда....» колебалась и она, стоя у подъема на крутизну.

Еще прыжокъ: плетень и канава скрыли бы ихъ другъ отъ друга навсегда. За оградой — разсудокъ и воля заговорятъ сильнѣе и одержать окончательную побѣду. Онъ обернулся.... Вѣра стоитъ у подъема на крутизну, какъ-будто не можетъ взойти на нее... Наконецъ она сдѣлала, съ очевиднымъ утомленіемъ, два,

три шага и остановилась. Потомъ.... тихо обернулась назадъ и вздрогнула. Маркъ сидѣлъ еще на плетнѣ и глядѣлъ на нее....

— Маркъ, прощай! вскрикнула она—и сама испугалась собственнаго голоса: такъ было въ немъ много тоски и отчаянія.

Маркъ быстро перекинулъ ноги назадъ, спрыгнулъ и въ нѣсколько прыжковъ очутился подлѣ нея. «Побѣда! побѣда!» вопило въ немъ. «Она возвращается, уступаетъ!»

— Вѣра! произнесъ и онъ такимъ голосомъ, какъ-будто простоналъ.

— Ты воротился.... навсегда?... Ты понялъ наконецъ.... о, какое счастье!... Боже, прости....

Она не договорила.

Она была у него въ объятіяхъ. Поцѣлуй его зажалъ ея вошь. Онъ поднялъ ее на грудь себѣ, и опять, какъ звѣрь, помчался въ бесѣдку, унося добычу....

Боже, прости ее, что она обернулась!...

XIII.

Райскій сидѣлъ цѣлый часъ, какъ убитый, надъ обрывомъ, на травѣ, положивъ подбородокъ на колѣни и закрывъ голову руками. Все стонало въ немъ: онъ страшной мукой платилъ за свой великодушный порывъ, страдая, сначала за Вѣру, потомъ за себя, кляня себя за великодушіе. Неизвѣстность, ревность, пропавшія надежды на счастье, и впереди все тѣ же боли страсти, среди которой онъ не зналъ ни тихихъ дней, ни ночей, ни одной минуты отдыха! Засыпалъ онъ мучительно, трудно. Сонъ не сходилъ, какъ другъ, къ нему, а являлся, какъ часовой, смѣнить другой мукой муку бдѣнія. Когда онъ открывалъ глаза утромъ, передъ нимъ стоялъ уже призракъ страсти, въ видѣ непреклонной, злой и холодной къ нему Вѣры, отвѣчающей смѣхомъ на его требованіе открыть ему имя, имя—одно, что могло нанести рѣшительный ударъ его горячкѣ, сдѣлать спасительный переломъ въ болѣзни и дать ей легкій исходъ.

«Но что она неидетъ!» вдругъ, оглянувшись, сказалъ онъ. Онъ посмотрѣлъ на часы. «Она ушла въ девятомъ часу, а теперь скоро одиннадцать! Она велѣла подождать, сказала, что вернется сейчасъ: дологъ этотъ часъ!... Что она? гдѣ она?» въ тревогѣ повторялъ онъ.

Онъ взобрался на верхъ обрыва, сѣлъ на скамью и сталъ прислушиваться, не идетъ ли? Ни звука, ни шороха: только шумѣли падающіе мертвые листья. «Велѣла ждать и забыла, — а

я жду!» говорилъ онъ, вставая со скамьи и спускаясь опять шага три съ обрыва и все прислушиваясь. «Боже мой! Ужели она до поздней ночи остается на этихъ свиданіяхъ? Да кто, что она такое, эта моя статуя, прекрасная, гордая Вѣра? Она тамъ, можетъ быть, хохочетъ надо мной, вмѣстѣ съ нимъ.... Кто онъ? Я хочу знать—кто онъ?» въ ярости сказалъ онъ вслухъ. «Имя, имя! Я ей—орудіе, ширма, покрывка страсти.... Какой страсти?»

Имъ овладѣло отчаяніе, тождественное съ отчаяніемъ Марка. Пять мѣсяцевъ женщина таится, то позволяя любить, то отталкивая, смѣется въ лицо... «За что такая казнь за увлеченіе? Что она дѣлаетъ со мной? Не имѣю ли я право, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, отнять у нея ея секретъ и огласить таинственное имя?»

Онъ быстро сбѣжалъ съ крутизны и остановился у кустовъ, прислушиваясь. Ничего не слышно. «Это, однако... гадѣо... говорилъ онъ: украсть секретъ....» И самъ вступилъ въ чащу кустовъ: «такъ гадѣо... что...»

И воротился шага три назадъ. «Воровство»! шепталъ онъ, стоя въ нерѣшимости и отирая потъ платкомъ съ лица. «А завтра опять игра въ загадки, опять русалочные глаза, опять злобно, съ грубымъ смѣхомъ, брошенное мнѣ въ глаза: «васъ люблю». Конецъ пытке — узнаю!» рѣшилъ онъ и бросился въ кусты. Онъ крался, какъ воръ, ощупью, проклиная каждый хрустнувшій сухой пруть подъ ногой, не чувствуя ударовъ вѣтвей по лицу. Онъ ползъ на удачу, не зная мѣста свиданій. Отъ волненія онъ садился на землю и переводилъ духъ.

Угрызеніе совѣсти на минуту останавливало его: потомъ онъ опять ползъ, разрывая сухіе листья и землю ногтями... Онъ миновалъ бугоръ, насыпанный надъ могилой самоубійцы и направлялся къ бесѣдкѣ, глядя, слушая по сторонамъ, не увидитъ ли ее, не услышитъ-ли голоса.

Между тѣмъ въ домѣ у Татьяны Марковны все шло своимъ порядкомъ. Отужинали и сидѣли въ залѣ, позѣвывая. Вагутинъ разсыпался въ вѣжливостяхъ со всѣми, даже съ Полиной Карповной, и съ матерью Викентьева, шаркая ножкой, любезничая и глядя такъ на каждую женщину, какъ будто готовъ былъ всѣмъ ей пожертвовать. Онъ говорилъ, что дамамъ надо стараться дѣлать «пріятности.» «Гдѣ Мг Борисъ?» спрашивала ужъ въ пятый разъ Полина Карповна, и до ужина, и послѣ ужина, у всѣхъ. Наконецъ обратилась съ этимъ вопросомъ и къ бабушкѣ. «Богъ его знаетъ — бродить гдѣ-нибудь: въ гости, въ городъ ушелъ, должно быть; и никогда не скажетъ куда — такая вольница! не знаешь, куда лошадь послать за нимъ!»

Яковъ сказалъ, что Борисъ Павловичъ «гуляли въ саду до поздняго вечера».

Про Вѣру сказали тоже, когда послали ее звать къ чаю, что она не придетъ. А ужинать просила оставить ей, говоря, что приплетъ, если захочетъ ѣсть. Никто не видалъ, какъ она вышла, кромѣ Райскаго.

— Скажи Маринѣ, Яковъ, чтобы барышнѣ, какъ спросить, не забыли разогрѣть жаркое, а пирожное отнести на ледникъ, а то распустится,—приказывала бабушка.—А ты, Егорка, какъ Борисъ Павловичъ вернется, не забудь доложить, что ужинъ готовъ, чтобъ онъ не подумалъ, что ему не оставили, да не легъ спать голодный.

— Слушаю-съ, сказали оба.

— Полунощники, право, полунощники! съ досадою и съ тоской про себя замѣтила бабушка: шатаются объ эту пору: холудъ эдакой...

— Я пойду въ садъ, сказала Полина Карповна: можетъ быть Mr Boris недалеко. Онъ будетъ очень радъ видѣться со мной... Я замѣтила, что онъ хотѣлъ мнѣ кое-что сказать... таинственно прибавила она. — Онъ вѣрно не знаетъ, что я здѣсь.

— Зналъ, отъ того и ушелъ, шепнула Миронька Викентьеву.

— Я—вотъ чтó сдѣлаю, Марѳа Васильевна: побѣгу впередъ, сяду за кустъ и объяснюсь съ ней въ любви голосомъ Бориса Павловича... предложилъ было ей, тоже шепотомъ, Викентьевъ.

— Она, пожалуй, испугается и упадетъ въ обморокъ, тогда бабушка дастъ вамъ знать! Чтó выдумали! отвѣчала она, удерживая его за рукавъ.

— Я пойду на минуту, позвольте, я приведу бѣглеца... настаивала Полина Карповна.

— Идите, Богъ съ вами, сказала Татьяна Марковна — да глазъ не выколите: вонъ темнота какая! хоть Егорку возьмите, онъ проводить съ фонаремъ...

— Нѣтъ, я одна: не нужно, чтобъ намъ мѣшали.,.

— Напрасно! вѣжливо замѣтилъ Титъ Никоничъ, — въ эти сырые вечера отнюдь не должно позволять себѣ выходить послѣ восьми часовъ вечера...

— Я не боюсь... сказала Крицкая, надѣвая мантилью.

— Я бы не смѣлъ останавливать васъ, замѣтилъ онъ: но одинъ врачъ—онъ живетъ въ Дюссельдорфѣ, чтó близъ Рейна... я забылъ его фамилію—теперь я читаю его книгу и, если угодно, могу доставить вамъ... Онъ предлагаетъ отмѣнныя гигиеническія правила... И онъ совѣтуетъ...

Онъ не кончилъ, потому что Полина Карповна ушла, сказавъ ему только, чтобъ онъ подождать и отвезъ ее домой.

— Съ полнымъ удовольствіемъ, съ полнымъ удовольствіемъ! говорилъ онъ, кланаясь ей вслѣдъ и затворяя за ней двери во дворъ и саду.

XIV.

Немного спустя послѣ этого разговора, надъ обрывомъ, въ глубокой темнотѣ, послышался шумъ шаговъ между кустами. Трещали сучья, хлестали сильно задѣваемые вѣтви, осыпались листы и слышались торопливые, широкіе скачки—взбравшагося на крутизну, будто раненаго, или испуганнаго звѣря. Шумъ все ближе, ближе, наконецъ изъ кустовъ выскочилъ на площадку передъ обрывомъ Райскій, но болѣе изстуженный и дикій, чѣмъ раненый звѣрь. Онъ бросился на скамью, выпрямился и сидѣлъ минуты двѣ неподвижно, потомъ всплеснулъ руками и закрылъ ими глаза.

«Во снѣ это, или на яву! шепталъ онъ точно потерянный. Нѣтъ, я ошибся, не можетъ быть! Мнѣ почудилось!»... Онъ всталъ, опять сѣлъ, какъ будто во что-то вслушиваясь, потомъ положилъ руки на колѣни и разразился нервическимъ хохотомъ.

«Какія тутъ еще сомнѣнія, вопросы, тайны! сказалъ онъ и опять захохоталъ, качаясь отъ смѣха, взадъ и впередъ. «Статуя! чистота! красота души! Вѣра—статуя! А онъ!... И пальто, которое я послалъ «изгнаннику» валяется у бесѣдки! и пари свое онъ взыскалъ съ меня, двѣсти двадцать рублей, да прежнихъ восемьдесятъ... да, да! это триста рублей!.. Севлетея Бурдалахова!»

Онъ захохоталъ снова, какъ будто застоналъ. Потомъ вдругъ замолчалъ и схватился за бока. «О, какъ больно здѣсь!» стоялъ онъ. «Вѣра-кошка! Вѣра-тряпка, слабонервная, слабосильная, изъ тѣхъ падшихъ, жалкихъ натуръ, которыхъ поражаетъ пошлая, чувственная страсть — обыкновенно къ какому-нибудь здоровому хаму!..

«Пусть такъ — она свободна, но какъ она смѣла ругаться надъ человѣкомъ, который имѣлъ неосторожность пристраститься къ ней, надъ братомъ, другомъ!.. съ яростью шипѣлъ онъ: о, мщеніе, мщеніе!»

Онъ вскочилъ и въ мучительномъ раздумьѣ стоялъ. Какое мщеніе? Бѣжать къ бабушкѣ, схватить ее и привести сюда, съ

толпой людей, съ фонарями, освѣтитъ позоръ и сказать: «вотъ змѣя, которую вы двадцать три года грѣли на груди!..»

Онъ махнулъ рукой и приложилъ ее къ горячему лбу: «Подлю, Борисъ! шепталъ онъ себѣ: и не сдѣлаешь ты этого! это было бы мщеніе не ей, а бабушкѣ, все равно что твоей матери!..»

Онъ уныло опустилъ голову, потомъ вдругъ поднялъ ее и съ бѣшенствомъ прыгнулъ къ обрыву.

«А тамъ совершается торжество этой тряпичной страсти — да, да: эта темная ночь скрыла поэму любви! онъ презрительно засмѣялся. — «Любови!» повторилъ онъ. Маркъ! блудящій, огонь, бунтъ, трактирный либераль! Ахъ! сестрица, сестрица! ужъ лучше бы вы придержались одного своего поклонника, ядовито шепталъ онъ: рослаго и красиваго Тушина! у того — и лѣса, и земли, и воды, и лошадьми править, какъ на олимпійскихъ играхъ, а этотъ!»

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ. «Это наша «партія дѣйствія», шепталъ онъ, — да, изъ кармана показываетъ кулакъ полиціимейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ да дьячихамъ о нелѣпности брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы, верадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слаонервныхъ умищъ... Погибай же ты, бѣдная самка, тутъ на днѣ обрыва, какъ тотъ бѣдный, самоубійца! Вотъ тебѣ мое прощаніе!»...

Онъ хотѣлъ плюнуть съ обрыва — и вдругъ окаменѣлъ на мѣстѣ. Противъ его воли, вопреки ярости, презрѣнія, въ воображеніи — тихо поднимался со дна обрыва и вставалъ передъ нимъ образъ Вѣры, въ такой обольстительной красотѣ, въ какой онъ не видалъ ее никогда! У ней глаза горѣли, какъ звѣзды, страстью. Ничего злого и холоднаго въ нихъ, никакой тревоги, тоски: одно счастье глядѣло лучами яркаго свѣта. Въ груди, въ рукахъ, въ плечахъ, во всей фигурѣ струилась и играла полная, здоровая жизнь и сила. Она примирительно смотрѣла на весь міръ. Она стояла на своемъ пьедесталѣ, но не бѣлой, мраморной статуей, а живою, неотразимо-плѣнительной женщиной, какъ то поэтическое видѣніе, которое снилось ему однажды, когда онъ, подъ обаяніемъ красоты Софьи, шелъ къ себѣ домой и видѣлъ женщину-статую, сначала холодную, непробужденную, потомъ видѣлъ ея пробужденіе, преображеніе изъ статуи въ живое существо, около котораго заиграла и заструилась жизнь, зазелѣнѣли деревья, заблестали цвѣты, разлилась теплота... И вотъ она, эта живая женщина, передъ нимъ! Въ глазахъ его совершился актъ пробужденія Вѣры, его статуи, отъ дѣвческаго сна. Ледъ и огонь холодили и жгли его грудь, онъ надрывался отъ мукъ и —

все не могъ оторвать глазъ отъ этого неотступнаго образа красоты, сіяющаго теперь гордостью и смотрящаго съ любовью на весь міръ. и съ дружеской улыбкой протягивающей руку и ему... «Я счастлива!» слышитъ онъ ея шепотъ.

У ногъ ея, какъ отдыхающій левъ, лежалъ безмолвно торжествуя, Маркъ, на головѣ котораго покоилась ея нога... Райскій вздрогнулъ, стараясь отрезвиться.

Его гналъ отъ обрыва ужасъ «паденія» его сестры, его красавицы, подбошеннаго цвѣтка, а ревность, бѣшенство, и болѣе всего — новая, неотразимая красота пробужденной Вѣры, влекли опять къ обрыву, на торжество любви, на этотъ праздникъ, который, кажется, торжествовалъ весь міръ, вся природа. Ему слышались голоса, порханье и пѣнье птицъ, лепетъ любви и громадный, страстный вздохъ, огласившій будто весь садъ и все побережье Волги... Онъ въ ужасѣ стоялъ, окаменѣлый, надъ обрывомъ, то вглядываясь мысленно въ новый, пробужденный образъ Вѣры, то терзаясь нечеловѣческими муками, и шепталъ блѣдный: «мщеніе, мщеніе!»

А кругомъ и внизу все было тихо и темно. Вдругъ, въ десяти шагахъ отъ себя, онъ замѣтилъ силуэтъ приближающейся къ нему отъ дома человѣческой фигуры. Онъ сталъ смотрѣть.

— Кто тутъ? съ злостью спросилъ онъ.

— Это я... я...

— Кто? повторилъ онъ еще злѣе.

— Mr. Boris, это я... Pauline.

— Вы! Чтò вамъ надо здѣсь?

— Я пришла... я знаю... вижу... вы хотите давно сказать... шептала Полина Карповна таинственно: но не рѣшаетесь... Du courage! здѣсь никто не видитъ и не слышитъ... Espérez tout...

— Чтò сказать — говорите!..

— Que vous m'aimez... о, я давно угадала... n'est-ce pas? Vous m'avez fui... mais la passion vous a ramenée ici...

Онъ схватилъ ее за руку и потащилъ къ обрыву.

— Ah! de grâce! Mais pas si brusquement... qu'est-ce que vous faites... mais laissez donc!... завопила она въ страхъ и не на шутку испугалась.

Но онъ подтащилъ ее къ крутизнѣ и крѣпко держалъ за руку.

— Любви хочется! говорилъ онъ въ изступленіи: вы слышите, сегодня ночь любви... Слышите вздохи... поцѣлуй? это страсть играетъ, да, страсть, страсть!... Я люблю васъ, люблю, люблю! шепталъ онъ съ яростью, обнявъ и вертя ее, какъ въ вихрѣ, и самъ вертясь съ нею, не помня себя...

— Пустите, пустите! пищала она не своимъ голосомъ: я упаду, мнѣ дурно...

Онъ пустилъ ее, руки у него упали, онъ перевелъ духъ. Потомъ взглянулъ на нее пристально, какъ будто только сейчасъ замѣтилъ ее.

— Прочь, гадина! крикнулъ онъ, толкнувъ ее въ плечи. Она упала на траву, а онъ, какъ дикій, бросился бѣжать отъ нея, отъ обрыва, черезъ весь садъ, цвѣтникъ, и выбѣжалъ на дворъ.

На дворѣ онъ остановился и перевелъ духъ, оглядываясь по сторонамъ. Онъ услыхалъ, что кто-то плещется у колодезя: Егорка, должно быть, дѣлалъ ночной туалетъ, полоскалъ себѣ руки и лицо. «Принеси чемоданъ», сказалъ онъ: «завтра уѣзжаю въ Петербургъ». И самъ налилъ себѣ изъ жолоба воды на руки, смочилъ глаза, голову—и скорыми шагами пошелъ домой.

Онъ выбѣгалъ на крыльцо, ходилъ по двору въ одномъ сюртукѣ, глядѣлъ на окна Вѣры и опять уходилъ въ комнату, ожидая ея возвращенія. Но въ темнотѣ видѣть дальше десяти шаговъ ничего было нельзя и онъ избралъ для наблюденія бесѣдку изъ акацій, бѣсясь, что нельзя укрыться и въ ней, потому что листья облетѣли. До свѣта онъ сидѣлъ тамъ, какъ на угольяхъ—не отъ страсти: страсть какъ будто въ воду канула. И какая страсть устояла бы передъ такимъ «препятствіемъ!» Нѣтъ, онъ старалъ неодолимымъ желаніемъ взглянуть Вѣрѣ въ лицо, новой Вѣрѣ, и хоть взглядомъ презрѣнія заплатить этой «самкѣ» за ея позоръ, за зло, за оскорбленіе, нанесенное ему, бабушкѣ, всему дому, «цѣлому обществу, наконецъ человѣку, женщинѣ!»

«Люби открыто, не крадь довѣрія, наслаждайся счастьемъ и плати жертвами, не играй уваженіемъ людей, любовью семьи, не лги позорно и не унижай собой женщины!» думалъ онъ. «Да, взглянуть на нее, чтобъ она въ этомъ взглядѣ прочла себѣ приговоръ и казнь—и уѣхать навсегда!» Онъ трясся отъ лихорадки нетерпѣнія, ожидая, когда она воротится. Онъ, какъ барсъ, выскочилъ бы изъ засады, загородилъ ей дорогу и бросилъ бы ей этотъ взглядъ, сказалъ бы одно слово... Какое?

Онъ чесалъ себѣ голову, трогалъ лицо, сжималъ и разжималъ ладони, и корчился въ судорогахъ, въ углу бесѣдки. Вдругъ онъ вскочилъ, отбросилъ отъ себя прочь пледъ, въ который прятался, и лицо его озарилось какою-то злобно-торжественной радостью, мыслью, или намѣреніемъ. «Это сама судьба подсказала», шепталъ онъ и побѣждалъ къ воротамъ. Онѣ были еще заперты: онъ поглядѣлъ кругомъ и замѣтилъ огонекъ лампы въ комнатѣ Савелья. Онъ постучалъ въ окно его, и когда тотъ отворилъ, ве-

лѣлъ принести ключъ отъ калитки, выпустить его и не запирасть. Но прежде забѣжалъ къ себѣ, взялъ купленный имъ *porte-bouquet* и бросился въ оранжерею, къ садовнику. Долго стучался онъ, пока тотъ проснулся, и оба вошли въ оранжерею. Начи-
нало разсвѣтать. Онъ окинулъ взглядомъ деревья, и злая улыбка освѣтила его лицо. Онъ указывалъ, какіе цвѣты выбрать для бу-
кета Марейнъки: въ него вошли всѣ, какіе оставались. Садов-
никъ сдѣлалъ букетъ на славу.

— Мнѣ нуженъ другой букетъ.... сказалъ Райскій нетвер-
дымъ голосомъ.

— Этакій же? спросилъ садовникъ.

— Нѣтъ.... изъ однихъ померанцевыхъ цвѣтовъ.... шепталъ
онъ и самъ поблѣднѣлъ.

— Такъ-съ: вѣдь одна барышня-то у Татьяны Марковны
невѣста! догадался садовникъ.

— Есть у тебя стаканъ воды... спросилъ Райскій.— Дай пить!

Онъ съ жадностью выпилъ стаканъ, торопя садовника сдѣлать
букетъ. Наконецъ тотъ кончилъ. Райскій щедро заплатилъ ему,
и завернувъ въ бумагу оба букета, осторожно и торопливо по-
несъ домой. Нужно было узнать, не вернулась ли Вѣра во время
его отлучки. Онъ велѣлъ разбудить и позвать къ себѣ Ма-
рину и послалъ ее посмотреть, дома ли барышня, или «ужъ
вышла гулять». На отвѣтъ, что «вышла», онъ велѣлъ Марейнъ-
кинъ букетъ поставить къ Вѣрѣ на столъ и отворить въ ея ком-
натѣ окно, сказавши, что она поручила ему еще съ вечера это
сдѣлать. Потомъ отослалъ ее, а самъ занялъ свою позицію въ
бесѣдѣ и ждалъ, замирая—отъ удалявшейся, какъ буря страсти,
отъ ревности, и будто еще отъ чего-то.... жалости, кажется.... Но
пока еще обида, и долго переносимая пытка, заглушали все че-
ловѣческое въ немъ. Онъ злобно душилъ голосъ жалости. И «доб-
рый духъ», печально молчалъ въ немъ. Не слышно его голоса:
тихая работа его остановилась. Бѣсы вторглись и рвали его
внутренность. Райскій положилъ щеку на руку, смотрѣлъ около
и ничего не видѣлъ, кромѣ дорожки къ крыльцу Вѣры, чувство-
валъ только ядъ лжи, обмана.

«Мнѣ надо застрѣлить эту собаку, Марка, или застрѣлиться
самому: да, что-нибудь одно изъ двухъ, но прежде сдѣлаю вотъ
это третье».... шепталъ онъ. Онъ, какъ святыню, обѣими руками,
держалъ будетъ померанцевыхъ цвѣтовъ, глядя на него съ на-
слажденіемъ, а самъ все оглядывался черезъ цвѣтникъ—къ тем-
ной аллеѣ, а ее все нѣтъ!

Совсѣмъ разсвѣло. Пошелъ мелкій дождь, стало грязно. «Не
послать ли имъ два зонтика?» думалъ онъ съ безотрадной улыбкой,

лаская букетъ и нюхая его.... Вдругъ издали увидѣлъ Вѣру—и до того потерялся, испугался, ослабѣлъ, что не могъ, не только выскочить, «какъ барсъ», изъ засады и загородить ей путь, но долженъ былъ самъ крѣпко держаться за сѣмью, чтобъ не упасть. Сердце билось у него, колѣнки дрожали, онъ приковалъ взглядъ къ идущей Вѣрѣ и не могъ оторвать его, хотѣлъ встать—и тоже не могъ: ему было больно даже дышать.

Она шла, наклонивъ голову, совсѣмъ закрытую черной мантией. Видны были только двѣ блѣдныя руки, державшія мантию на груди. Она шагала не торопливо, не поворачивая головы по сторонамъ, осторожно обходя образовавшіяся небольшія лужи, медленными шагами вошла на крыльцо и скрылась въ стѣнахъ. Съ Райскаго какъ будто сняли кандалы: онъ, блѣдный, выскочилъ изъ засады и спрятался подъ ея окномъ.

Она вошла въ комнату, погруженная точно въ сонъ, не замѣтила, что платье, которое, уходя, разбросала на полу, уже прибрано, не видала ни букета на столѣ, ни отвореннаго окна. Она машинально сбросила съ себя обѣ мантии на диванъ, сняла грязныя ботинки, ногой достала изъ-подъ постели атласныя туфли и надѣла ихъ. Потомъ, глядя не около себя, а куда-то вдаль, опустилась на диванъ, и въ изнеможеніи, закрывъ глаза, оперлась спиной и головой къ подушкѣ дивана и погрузилась будто въ сонъ.

Черезъ минуту ее пробудилъ глухой звукъ чего-то упавшаго на полъ. Она открыла глаза и быстро выпрямилась, глядя вокругъ. На полу лежалъ большой букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ, брошенный снаружи въ окно. Она, кинувъ бѣглый взглядъ на него, поблѣднѣла, какъ смерть, и не поднявъ цвѣтовъ, быстро подошла къ окну. Она видѣла уходившаго Райскаго и оцѣпенѣла на минуту отъ изумленія. Онъ обернулся, взгляды ихъ встрѣтились. «Великодушный другъ... «рыцарь»... прошептала она и вздохнула съ трудомъ, какъ отъ боли, и тутъ только замѣтивъ другой букетъ на столѣ, назначенный Марейнѣ, взяла его, машинально поднесла къ лицу, но букетъ выпалъ у ней изъ рукъ и она сама упала безъ чувствъ на коверъ.

И. Гончаровъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I*).

Путешествіе Екатерины на югъ. — Свиданіе Станислава Августа съ Екатериною и Іосифомъ. — Проектъ союза Польши съ Россією.

Въ сосѣдствѣ съ Польшею возникали важныя замыслы, происходили приготовленія къ великому перевороту. Екатерина съ большимъ рвеніемъ принялась за свою давнюю мысль освобожденія восточныхъ христіанъ отъ мусульманской власти. Ослабѣло вліяніе Панина, державшагося союза съ Пруссіей; предприимчивый и смѣлый Потемкинъ поддерживалъ въ императрицѣ намѣреніе рѣшить судьбу Востока. Еще въ 1782 году заключенъ былъ тайный договоръ съ Іосифомъ II о взаимномъ дѣйствіи противъ турокъ. Замышляли уничтожить турецкую имперію. Россія пріобрѣтала себѣ только берега Чернаго моря. Іосифъ II отмежевывалъ себѣ полосу, начиная отъ Хотина, съ маленькою землею для прикрытія Галиціи и Буковины, часть Валахіи по правому берегу Алюты, а отъ устья этой рѣки, противъ Никополиса, по теченію Дуная до Бѣлграда, лѣвый берегъ его, съ странствомъ въ три мили на правомъ берегу, и слѣдовательно,

*) См. выше, февр. 685; мар. 154—224 стр.

города: Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ; отъ Бѣлграда, по самой прямой и кратчайшей линіи, до залива Дрины въ Адриатическомъ морѣ; слѣдовательно, часть Сербіи, Босніи и Герцеговину, да еще къ тому и венеціанскія владѣнія въ Далмаціи, съ прилежащими островами. Венецію хотѣли вознаградить Критомъ, Кипромъ и еще кое-чѣмъ изъ Архипелага; вдобавокъ императоръ хотѣлъ пріобрѣсти въ Италіи, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ морской портъ; затѣмъ, изъ остальной Валахіи и Молдавіи предполагали составить государство, подъ именемъ Дакии, для раздѣленія границъ трехъ имперій. Изъ всѣхъ прочихъ турецкихъ владѣній предполагали возстановить греческую имперію и на престолъ ея посадить великаго князя Константина, внука Екатерины. Россія обязывалась оставить новосозданную имперію въ совершенной отъ себя независимости; Константинъ ни въ какомъ случаѣ не могъ получить русской короны, и никогда двѣ имперіи, російская и греческая, не должны быть соединены подъ единою властью.

Собирали силы. Ожидали удобнаго времени, предоставляя туркамъ самимъ начать непріязненные дѣйствія. Разрывъ былъ на волосѣхъ въ 1787 году, когда императрица предприняла путешествіе въ южную Россію, куда приглашала на свиданіе и союзника своего, Иосифа II.

Это путешествіе совершалось со всѣмъ блескомъ, обычнымъ XVIII вѣку. Императрица ѣхала до Кіева цѣлый мѣсяць январь. Каждая перемѣна лошадей требовала ихъ до 500 штукъ подъ экипажи, сопровождавшіе государыню; для этого, изъ отдаленныхъ провинцій Россіи, стогнали ямщиковъ и лошадей. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ рассчитано было останавливаться государынѣ для ночлега, обѣда, или завтрака—построены были дворцы, со всѣми внутренними удобствами, богатою мебелью и коврами по лѣстницамъ. Свита и прислуга императрицы такъ обильно угощалась, что всѣ были постоянно на-веселѣ. Ночью, отъ станціи до станціи, на извѣстныхъ разстояніяхъ, зажигались смоляныя бочки; если же государынѣ приходилось вѣзжать ночью въ какой-нибудь городъ, то народъ становился на протяженіи версты или двухъ по обѣимъ сторонамъ дороги, съ зажженными свѣчами. Городскіе обыватели обязаны были красить крыши и стѣны домовъ, и заборы, и часто терпѣли черезъ то убытки и нужду; иная семья должна была нѣсколько дней голодать, истративъ деньги на покраску и поправку своего дома и заборовъ къ пріѣзду государыни. Въ разныхъ мѣстахъ устраивались триумфальныя ворота. Дворянство спѣшило представляться государынѣ въ своихъ блестящихъ мундирахъ. Нужно было, чтобы все носило

признаки удовольствія, обилія, роскоши; народъ заставляли пѣть пѣсни; только дурно одѣтыхъ, нищихъ и голодныхъ гоняли прочь, чтобы они своимъ видомъ не нарушали общей милой картины; а нищихъ и голодныхъ на Руси въ то время было множество, по причинѣ неурожая. Такъ, шествуя въ торжественномъ величїи, императрица прибыла 29 января въ Кіевъ. Тамъ встрѣтило ее, при звугѣ колоколовъ, духовенство, за отсутствіемъ больного, въ то время, митрополита Самуила, предшествуемое переяславскимъ епископомъ Викторомъ, кіевскій генераль-губернаторъ, фельдмаршалъ Румянцевъ, множество дворянъ и вся кіевская магдебургія со своими средневѣковыми отличіями. Въ Кіевѣ императрица рѣшилась остаться до весны въ нарочно-устроенномъ для нея деревянномъ дворцѣ. Съ нею были могучій Потемкинъ, тогдашній ея фаворитъ Мамоновъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Чернышевъ, канцлеръ Безбородко, оберъ-камергеръ Шуваловъ, извѣстный весельчакъ и острякъ своего времени оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, гофмаршалъ князь Барятинскій, генераль-адъютантъ князь Ангальтъ, генераль Левашевъ и иностранные посланники, австрійскій — графъ Кобенцель, англійскій — Фицъ-Гербертъ и французскій — графъ Сегюръ. Туда съѣхалось нѣсколько знатныхъ иностранцевъ, искавшихъ расположенія Екатерины и службы у нея: принцъ де-Линъ, оставившій записки объ этомъ времени, принцъ Нассау-Зигенъ, славный своими путешествіями по свѣту и приключеніями, испанецъ Миранда и пр. Тихій, уединенный Кіевъ вдругъ зашумѣлъ невиданною жизнью: придворные балы, фейерверки, всевозможныя свѣтскія увеселенія. Туда съѣхались польскіе паны и наперерывъ съ русскими щеголяли великолѣпіемъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своей свиты и прислуги. У одного Щенскаго Потоцкаго было въ Кіевѣ болѣе двухсотъ прислуги шляхетскаго происхождения.

И король Станіславъ-Августъ отправился на свиданіе съ императрицею. Это свиданіе условлено было въ Каневѣ, послѣ открытія плаванія по Днѣпру.

Послѣднія событія должны были внушать королю, что для него и для Польши не было иного пути, кромѣ отдаться всецѣло Россіи и устроить тѣмъ или другимъ способомъ соединеніе съ этою державою. Хотя договоръ Екатерины съ Іосифомъ и заключенъ былъ втайнѣ, но всѣ уже соображали, что между Россіею и Турціею произойдетъ разрывъ скоро. Король и люди его партіи рассчитывали, что если когда, то именно при такихъ обстоятельствахъ, союзъ съ Россіею можетъ быть для Польши полезенъ. Принять участіе въ турецкой войнѣ, помогать Россіи

въ ниспроверженіи оттоманской имперіи, вслучаѣ успѣха, значило дать Польшѣ возможность возвратить потерянное къ себѣ уваженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставить Россію въ необходимость, ради собственныхъ выгодъ, содѣйствовать укрѣпленію Польши: для Россіи тогда выгодно будетъ, если Польша образуетъ у себя значительное войско; оно послужитъ къ увеличенію ея собственныхъ силъ; равнымъ образомъ, Россія никакъ не станетъ препятствовать внутреннему устроенію Польши, коль скоро поляки подадутъ ей увѣренность въ томъ, что они навсегда примкнутъ къ ней и будутъ съ нею въ союзѣ и соединеніи. Тогда Польша могла бы избавиться отъ притязаній и покушеній со стороны Пруссіи и Австріи: первая не была бы настолько сильна, чтобы не уважать Россіи и Австріи; вторая, удовольствовавшись пріобрѣтеніями насчетъ Турціи, при помощи Россіи, связанная съ послѣднею взаимными выгодами, едва ли пошла бы наперекоръ своей союзницѣ. Лучшее для Польши было зависѣть отъ одной державы, чѣмъ отъ трехъ разомъ. Сама по себѣ война могла быть полезна для Польши; для новообразованнаго войска она была бы школою; король, получивъ начальство надъ войскомъ, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ силу для обузданія своевольныхъ магнатовъ и для укрѣпленія власти. Наконецъ, война, оконченная счастливо, могла даровать Польшѣ территориальныя пріобрѣтенія и загладить потери перваго раздѣла: можно было надѣяться, что Польшѣ возвратится Галиція, если Австрія удовлетворится за нее пріобрѣтеніями отъ Турціи, и заставить и Пруссію отдать взятое у Польши, или какимъ-нибудь инымъ способомъ замѣниться понесенныя Польшею отъ Пруссіи утраты. Такъ помышляли, въ то время, король и его партія. Примкнуть къ Россіи казалось наиболѣе подходящимъ дѣломъ уже и потому, что, по первому раздѣлу, Россіи достались земли, о которыхъ Польша менѣе могла сожалѣть, чѣмъ о тѣхъ, которыя достались Австріи и Пруссіи. Въ то время король и его партія не прочь были, въ крайнемъ случаѣ, не только отъ временнаго союза, но и отъ вѣчнаго соединенія съ Россіею. Они уже опасались, чтобы Польша, находясь въ неопредѣленной зависимости отъ трехъ державъ, вслучаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній, не сдѣлалась примирительною жертвою для водворенія между ними согласія. Если случился одинъ раздѣлъ, то могъ случиться и другой и и третій, пока Польшу не раздерутъ до конца. Въ такомъ случаѣ, значительная часть ея должна была достаться Россіи, и тогда ужъ нельзя будетъ помышлять о какихъ-нибудь договорахъ: надобно будетъ отдаваться на милость побѣдителей; такъ лучше же было предупредить возможность раздѣла и, отрѣзав-

лись отъ Пруссіи и Австріи, цѣликомъ отдаться Россіи, уличивъ время, когда Россія могла дорожить дружбою съ Польшею; тогда можно, соединившись съ нею, сохранить государственную цѣлость. Не даромъ Жанъ-Жакъ Руссо, идолъ тогдашнихъ модныхъ мечтателей, за нѣсколько времени предъ тѣмъ говорилъ полякамъ: «Скоро будетъ опять война между Россіею и Турціею; васъ будутъ звать; не колебайтесь: идите смѣло; не упускайте случая сдѣлать улучшенія въ своемъ отечествѣ.»

Подъ такими соображеніями король и его партія склонялись тогда къ союзу и, если неизбежно будетъ, къ соединенію съ Россіею; они только этимъ путемъ надѣялись избавиться и отъ ненавистной оппозиціи, которая не переставала строить козни.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 28 февраля и останавливался въ разныхъ мѣстахъ. Обыватели являлись къ нему на поклонъ. Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, онъ прибылъ въ Каневъ и тамъ оставался до мая, ожидая свиданія съ русскою императрицею. Въ маленькомъ Каневѣ у него образовался временно дворъ. Съ нимъ были паны, его сторонники: Мнишекъ съ женою, королевскою племянницею, Дзѣдушицкій, правитель его собственной канцеляріи, Тышкевичъ, женатый на другой его племянницѣ, генералъ Комаржевскій, Плятеръ, польскій посланникъ въ Петербургъ Деболи и племянники короля—Іосифъ и Станиславъ. Близъ него былъ и Штакельбергъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ окружавшихъ короля пановъ ѣздили въ Кіевъ представляться императрицѣ и опять возвращались къ королю. Король, черезъ Штакельберга, заранѣе сообщилъ императрицѣ на письмѣ свои желанія подъ титуломъ: *Souhaits de roi*, и ждалъ отвѣта.

Оппозиція успѣла забѣжать впередъ, увивалась около русскаго двора въ Кіевѣ, лѣзла изъ кожи, чтобы пріобрѣсть вниманіе и милость государыни. Кромѣ Браницкаго и Щенскаго Потоцкаго тамъ были Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, жившіе у Браницкаго въ домѣ, двое Любомирскихъ—Михаилъ и Іосифъ, Северинъ Потоцкій, Бнинскій, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, Мошинскій и другіе. Екатерина была очень милостива къ Браницкому и женѣ его, но не подавала ему надеждъ на свою помощь въ борьбѣ съ королемъ. Самъ Потемкинъ, хотя любилъ Браницкаго до слабости, но вмѣсто того, чтобъ принимать со вниманіемъ и участіемъ его наговоры на короля, дружески совѣтовалъ ему помириться съ Станиславомъ-Августомъ и не раздражать его болѣе. Когда Браницкій вздумалъ было упрямиться, Потемкинъ кричалъ на него и даже махалъ ему подъ носомъ кулакомъ. Въ другой разъ, при Браницкихъ, у Потемкина случился нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ; жена Браницкаго

стала съ нимъ обходиться не любезно. Потемкинъ схватилъ свою племянницу за носъ и подвелъ къ Штакельбергу.

Браницкаго хотѣли во что бы то ни стало помирить съ королемъ, дѣлали ему внушенія, правоученія, а все-таки дорожили имъ и ласкали его; многое прощали ему, потому что вѣрили въ его готовность служить покорно Россіи и берегли его на случай. Но рекомендація и заступничество этого самаго Браницкаго ни къ чему не послужили другимъ членамъ оппозиціи; Игнатій Потоцкій имъ самимъ представленъ былъ императрицѣ: Екатерина отвернулась отъ него и не сказала ему ни одного слова. Такой пріемъ глубоко огорчилъ его самолюбіе. Императрица считала его человѣкомъ пустымъ, безчестнымъ, со зловредными понятіями. Его никуда не приглашали. Также дурно принять былъ Сапѣга, хотя Браницкій усиленно добивался, чтобъ императрица почтила его вниманіемъ. Императрица возненавидѣла этихъ двухъ господъ. Угождая своей государынѣ, Потемкинъ, когда пріѣзжалъ къ Браницкому обѣдать, то заранѣе объявлялъ, что не хочетъ встрѣчаться съ Потоцкимъ и Сапѣгою. Игнатія онъ называлъ мерзавцемъ (*scélérat*), а Казимира-Нестора лгунишкою и другимъ нелестнымъ именемъ (*ce prince menteur et pisseur*). Разсерженный Игнатій обратился къ французскому посланнику Сегюру, поддѣлывался въ нему разными способами и наговаривалъ ему на своего короля: онъ увѣрялъ Сегюра, будто король прибылъ на свиданіе съ императрицею нарочно для того, чтобъ возбуждать ее на Турцію. Эти обстоятельства объясняютъ, почему эти два пана, Потоцкій и Сапѣга, впоследствии дышали такою злобою противъ Россіи. Другіе члены оппозиціи также не удостоились милостей императрицы; Бнинскій думалъ-было выпросить себѣ булаву полнаго гетмана, но на него такъ сурово посмотрѣли, что онъ убѣжалъ изъ Кіева. Только Щенсный Потоцкій, хотя и находился въ оппозиціи, былъ принятъ лучше. Государыня изумительно умѣла узнавать людей, подмѣчать ихъ слабыя стороны, оцѣнивать ихъ способности и умѣнье быть ей полезными. Щенсный понравился Екатеринѣ. Она сразу сообразила, что изъ этой личности, тщеславной и высокомерной, но вмѣстѣ прямой и сердечной, бѣдной разсудкомъ и богатой имѣніями и деньгами, можно все сдѣлать, если ее приласкать. Она не только обласкала Щенснаго, но надавала ему двусмысленныхъ надеждъ. «На васъ, не на кого другого, я полагаю упованіе спасенія Польши»—говорила она. У Потоцкаго закружилась голова отъ такого счастья, и онъ былъ долго внѣ себя отъ восторга. Михаилъ Чапскій рассказываетъ, что, впоследствии, вспоминая о свиданіи съ Екатериною, онъ восклицалъ:—«Что за

женщина! Боже мой! Что́ это за женщина! Она осыпала дарами своихъ любимцевъ, а я бы отдалъ половину своего состоянія, чтобъ быть ея любимцемъ!»

Паны королевской партіи, представляясь въ Кіевѣ государынѣ, удостоились отъ нея ласковаго приѣма. Епископа Нарушевича, историка, Екатерина особенно полюбила, какъ человѣка ученаго и назначила ему пенсію въ тысячу пять сотъ рублей; отъ которой онъ, въ послѣдствіи, какъ говорятъ, отказался. Большое вниманіе было оказано коронному маршалку Мнишку и женѣ его. Императрица пожаловала этой дамѣ орденъ св. Екатерины и, когда пригласила ее вмѣстѣ съ мужемъ къ столу, то приказала Браницкой уступить высшее мѣсто Мнишковой, какъ племянницѣ польскаго короля. Также ласково были приняты племянники короля, Понятовскіе.

Съ Потемкинымъ король видался, еще не доѣхавъ до Канева, въ Хвостовѣ, куда также приѣзжалъ и Браницкій. Оставшись наединѣ съ Потемкинымъ, Станиславъ-Августъ сталъ ему жаловаться на Браницкаго и на всю оппозицію. — «Вы, конечно, слышали—говорилъ онъ—что́ я перенесъ въ послѣдніе годы понапрасну. Я не мстителенъ и не хочу дѣлать вреда никому, но долженъ стараться, чтобъ не дѣлали вреда странѣ моей и не преслѣдовали близкихъ мнѣ людей и вѣрныхъ моихъ слугъ.»

— Я считаю—сказалъ Потемкинъ—надворнаго маршала Игнатія Потоцкаго самымъ негоднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Русскій воевода Щенсный Потоцкій — подъ властію у жены, а она большая интригантка. Гетманъ же Браницкій, право, добрый человѣкъ, полезный вашему величеству; да вотъ бѣда, что онъ поддается дурнымъ людямъ; хотъ онъ и обѣщалъ мнѣ исправиться, однако, я боюсь—онъ опять попадетъ въ сѣти.

— Да—сказалъ король—человѣкъ онъ военный, а выгнать изъ службы иностранцевъ и старыхъ инвалидовъ, все только для того, чтобы мнѣ досадить и обидѣть тѣхъ, кто мнѣ вѣренъ.

— Правда—сказалъ Потемкинъ—это очень не хорошо; но я его буду отводить отъ дурныхъ связей.

Болѣе нечего было говорить королю. Онъ ясно видѣлъ, что Потемкинъ желаетъ поставить въ границы буйство Браницкаго, но не пожертвуетъ имъ для короля.

Король обратилъ рѣчь на соединеніе съ Россією и сказалъ:

— Вы приобретете себѣ вѣковую славу и благодарность потомства, если будете содѣйствовать соединенію въ политическую связь русскихъ и поляковъ, двухъ народовъ и безъ того уже близкихъ между собою по вѣрѣ, языку и коренному происхожденію.

Потемкинъ, съ видимымъ сочувствіемъ, слушалъ слова короля и обѣщалъ содѣйствовать его желанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ навелъ разговоръ на соединеніе церквей—любимый свой конекъ. Въ молодости, думая вступить въ монашество, и мечтая о достиженіи архіерейскаго сана, Потемкинъ до смерти удержалъ охоту толковать о церковныхъ вопросахъ. Заговоривъ теперь объ уніи, Потемкинъ сказалъ королю:

«О происхожденіи св. Духа никто ничего не понимаетъ; а вотъ, что касается до главенства папы, такъ нужно побольше снисходительности со стороны папы. Къ сожалѣнію, нашъ уніатскій архіепископъ Лисовскій просилъ папу дозволить уніатамъ приблизиться своими обрядами къ нашимъ, но папа не соглашался, и сказалъ: надобно поддерживать то средостѣніе, которое насъ отдѣляетъ другъ отъ друга. Папа пѣтушится, выставляется, дурачится, объ существенномъ не помышляетъ.»

Король, какъ правовѣрный католикъ, защищалъ папу и началъ жаловаться на православнаго переяславскаго епископа и случаго архимандрита Садковскаго, называлъ несправедливыми его безпрестанныя жалобы на притѣсненія, оказываемыя православнымъ католиками и уніатами отбираниемъ у нихъ церквей, и просилъ назначить съ обѣихъ сторонъ комиссаровъ для разсмотрѣнія: къ какому исповѣданію принадлежитъ та или другая церковь? Король показывалъ на Садковскаго, что онъ насильно принуждалъ къ православію поселившихся въ польскихъ владѣніяхъ старообрядцевъ и требовалъ, чтобъ Садковскій произнесъ присягу на вѣрность Рѣчи-Посполитой.

Потемкинъ нашелъ послѣднее требованіе короля справедливымъ.

Браницкій съ досадою увидѣлъ, что тотъ, на кого онъ единственно полагалъ надежды, обходится съ королемъ почтительно. По выраженію короля, онъ сталъ тогда похожъ на мокраго волка. Но Браницкій не думалъ съ королемъ мириться и разсчитывалъ, что рано-ли поздно Станиславъ-Августъ, по своей измѣнчивой натурѣ, доведетъ Россію до того, что она будетъ нуждаться въ Браницкомъ, какъ въ орудіи противъ короля.

Въ Каневѣ къ Станиславу-Августу пріѣзжали русскіе сановники: сынъ фельдмаршала Румянцова, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералы Левашевъ, Шуваловъ и канцлеръ Безбородко. Послѣдняго представилъ королю Штагельбергъ и сказалъ: «рѣдкое событіе: подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!» Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціею, и спросилъ объ этомъ у Без-

бородко. «Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ»,—сказалъ Безбородко.

«Вамъ—сказалъ король—должны быть извѣстны мои и моего народа желанія приносить пользу Россіи; и теперь заявляю это искреннее желаніе и ожидаю приглашенія и соглашенія».

Канцлеръ отвѣчалъ: «намѣренія вашего величества вполне извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени привести ихъ въ исполненіе».

Этотъ отвѣтъ привелъ короля въ робость, по собственному его признанію.

Въ его запискѣ, представленной императрицѣ, была просьба о дозволеніи собрать конфедерованный сеймъ для возможности, посредствомъ большинства голосовъ, провести такіе законы и постановленія, которыхъ нельзя провести посредствомъ единогласія ни за что. Король не посмѣлъ тогда распространяться объ этомъ съ Безбородкомъ, а только сказалъ:

— Пока, я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранить себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ; при всемъ моимъ искреннѣйшемъ желаніи, я не могу сдѣлать ничего.

Безбородко отвѣчалъ: «Противъ этого уже приняты и впередъ будутъ принимаемы надлежащія мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непріятностей»!

На другой день король разговаривалъ съ Безбородкомъ при Штагельбергѣ. Штагельбергъ сказалъ ему:

— Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать! Что же касается до союза съ Россіею, то это такая вещь, которая мнѣ особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполне устроить.

— Я съ своей стороны—сказалъ Безбородко—буду совѣтовать государынѣ собрать сконфедерованный сеймъ.

Императрица смотрѣла на конфедерованный сеймъ какъ на обоюдо-острое орудіе. Большинство могло послужить и въ пользу и во вредъ ея планамъ, смотря потому, какъ это большинство составитъ. Притомъ же, прежде чѣмъ допускать конфедерованный сеймъ для устроенія большинства голосовъ, нужно было сообразить и окончательно условиться, для какого рода договора Польши съ Россіею потребуется большинство голосовъ. Станиславу-Августу Екатерина мало довѣряла, полагамъ вообще еще менѣе. У ней на то были важныя основанія. Дѣйствительно, король предлагалъ союзъ съ Россіею, но неопредѣленно, не выясняя, какой именно союзъ долженъ заключиться: то казалось,

онъ готовъ былъ на вѣчное политическое соединеніе съ Россією, то какъ будто хотѣлъ съ нею союза только на случай предстоящей войны. Съ русской стороны подозрѣвали, что онъ теперь ѣдетъ въ Россію для того, чтобъ получить отъ государыни право расширить свою власть, увеличить войско и взять его подъ свою команду, чтобъ имѣть возможность осуществлять свои планы, которые непременно пошли бы въ разрѣзъ съ видами Россіи.

Станислава-Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подбѣзаетъ къ императрицѣ съ цѣлю упрочить преемничество престола за своимъ племянникомъ. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ безусловно.

Вниманіе русскаго двора къ панамъ королевской партіи достаточно показывало, однако, членамъ оппозиціи, что Россія не намѣрена мирволить послѣдней. Это подбѣйствовало на Щенскаго Потоцкаго. Онъ явился къ королю, почтительно извинился передъ нимъ за прошлое и приглашалъ короля къ себѣ въ гости въ Тульчинъ. Король обѣщалъ. Императрица послала Станиславу-Августу письменный отвѣтъ на его *Souhaits de roi*, но король нискому не показывалъ его и держалъ у себя въ шкапулѣ.

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ 8-го мая, наконецъ, дождался Еватерины. Императрица прибыла въ Каневъ, въ великолѣпной галерѣ, въ сопровожденіи другихъ шести галеръ, на которыхъ помѣщались ея сановники и придворные. Безбородко и князь Барятинскій отправились къ королю приглашать его. Съ ближайшими особами своей партіи—Мнишкомъ, Тышкевичемъ, Комаржевскимъ, Нарушевичемъ, Шидловскимъ, Моравскимъ, Бышевскимъ и Киркоромъ и съ двумя иностранными министрами Уйсвортсомъ и Мэсоннэ, король отправился къ государынѣ на десяти-весельномъ суднѣ, при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣловъ.

Свиданіе было не долгое. Король обѣдалъ съ императрицею, потомъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго, вечеромъ воротился къ государынѣ, вмѣстѣ съ ней крестилъ ребенка у графа Тарновскаго, вмѣстѣ съ нею смотрѣлъ, какъ другіе—Штапельбергъ, Мамоновъ и Потемкинъ, играли въ карты, участвовалъ въ веселомъ разговорѣ, слушалъ любезныя остроты принца де-Линь; наконецъ, императрица дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

— Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?

Потемкинъ отвѣчалъ: «нѣтъ».

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему.

— Уже поздно; я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ.

Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

— Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; рассчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству—сказала Екатерина.

Этимъ окончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подѣ тѣмъ предложомъ, что она не успѣла ее прочитатъ.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ. Бѣдный король!—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ де-Линь — за три мѣсяца онъ истратилъ три милліона злотыхъ, только ради того, чтобы повидать императрицу въ продолженіи трехъ часовъ. Въ утѣшеніе ему, Безбородко, относительно поданной имъ записки, сказалъ: «будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся, только не нужно разслаблять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобъ не возбудить противъ себя сосѣдей».

Поляки приводятъ одну изъ поданныхъ королемъ записокъ императрицѣ въ такомъ видѣ:

«Благодарность короля къ императрицѣ и обязанности его по отношенію къ отечеству, побуждаютъ его представить, какъ важно, чтобы два народа — русскій и польскій — были между собою навѣки соединены охранительнымъ союзомъ. Пока въ Европѣ господствуетъ миръ, и Россія ни съ кѣмъ не ведетъ войны кромѣ Порты, до тѣхъ поръ настоящее состояніе Польши мало вредитъ Россіи. Но положеніе поляковъ до крайности невыносимо, по причинѣ частыхъ утѣсненій, испытываемыхъ отъ могущественныхъ сосѣдей; а оно тотчасъ измѣнится, какъ только Польша соединится съ Россіею формальнымъ союзомъ. Когда же начнется въ Европѣ война, или Порты получить помощь отъ какаго-нибудь сосѣда Польши, тогда Россія поздно пожалѣетъ, что не обратила вниманія на представленныя королемъ предложенія. Сосѣдъ Польши, поссорясь съ Россіею, создастъ себѣ въ Польшѣ партію, и эта партія станетъ препятствовать всѣмъ соглашеніямъ, какія бы пожелала Россія учинить съ польскимъ королемъ и народомъ.

«Чтобы предотвратить такого рода печальныя событія, вред-

ныя для обоихъ государствъ (тѣмъ болѣе, что Польша въ такомъ случаѣ подверглась бы всѣмъ ужасамъ междоусобной войны) неизбѣжно заключить поскорѣ формальный союзъ и заблаговременно сдѣлать Польшу полезною для Россіи въ каждомъ случаѣ. Для этого необходимо:

«1) Подготовить себѣ вѣрное вліяніе пріобрѣтеніемъ несомнѣннаго большинства. Это намѣреніе требуетъ времени и средствъ, потому что, послѣ раздѣла, каждый изъ сосѣдей сталъ имѣть на нее вліяніе, по мѣрѣ богатства и ловкости особъ, сдѣлавшихся разомъ подданными двухъ государствъ, сопредѣльныхъ между собою, и по мѣрѣ связей, которыя легко могутъ найти для себя подданные этихъ двухъ государствъ. Но такъ какъ Россія можетъ быть по опыту убѣждена въ неизмѣнности правилъ короля, постоянно привязаннаго къ системѣ исканія блага для себя и для своего народа единственно въ союзѣ съ нею, то это государство не должно было бы препятствовать его вліянію на страну, напротивъ, должно допустить, чтобъ нѣкоторые неумѣстные учрежденія, производящія гибельную безурядицу, были устранены, а королю возвращено было данное ему, по силѣ условій принятія короны (*Pacta conventa*), право выбора и назначенія особъ на разныя государственныя должности. Россіи легче будетъ соглашаться съ однимъ королемъ, чѣмъ отдѣльно съ особами, которыя прибѣгаютъ въ ней съ своими заявленіями только для того, чтобъ имѣть за собою ея сильную рекомендацію для достиженія своихъ превратныхъ цѣлей.

«2) Такъ какъ формированіе войска требуетъ времени, то нужно, чтобъ Россія пожелала помочь поставить его на приличную степень. Что касается до числа войска, до управленія имъ и обученія его, то каждая изъ трехъ провинцій: Великая Польша, Малая Польша и Литва могли бы поставить, по крайней мѣрѣ, по двѣнадцати тысячъ, усиливая уже существующіе корпусы и включая сюда королевскіе полки и артиллерію: это увеличило бы количество войска, годнаго къ бою, до тридцати шести тысячъ, исключая батальонъ полиціи, скарбовыхъ, трибунальскихъ компаній и проч., которые всѣ не содержатъ въ себѣ болѣе четырехъ или нивакъ не болѣе пяти тысячъ и не могутъ причисляться къ военной силѣ.

«При такомъ положеніи дѣлъ, Польша могла бы обязаться, въ силу своего союза съ Россіею, доставлять двадцать пять или тридцать тысячъ войска на время войны, съ условіями насчетъ жалованья. Фондъ на снаряженіе этого войска и на его содержаніе въ мирное время можетъ быть придуманъ и найденъ въ Польшѣ, еслибъ только Россія позволила искать его на конфе-

www.libtool.com.cn

дерованномъ сеймѣ, потому что на сеймѣ вольномъ никакъ нельзя этого сдѣлать. Хотя трактатомъ 1775 года и дозволяется Польшѣ на вольномъ сеймѣ большинствомъ голосовъ возвысить поборы до суммы 33 милл., однако, опытъ показалъ какъ нельзя лучше, что всѣ усилія къ этому обращаются въ ничто и противъ этого отыскиваютъ тысячи предлоговъ и поводовъ, которые самая форма вольныхъ сеймовъ подаетъ зложелателямъ. Если же выраженное мною и не заслуживаетъ принятія, то пусть, по крайней мѣрѣ, эта записка останется памятникомъ добрыхъ мыслей короля и желанія быть полезнымъ для Россіи сосѣдомъ. Такія чувствованія, кажется, заслуживаютъ того, чтобъ остатокъ дней его былъ избавленъ отъ непріятностей. Это совершенно въ рукахъ императрицы.»

Изъ этой записки, однако, мы узнаемъ не все, что предлагалъ Екатеринѣ Станиславъ-Августъ, заискивая покровительства и союза. Саксонскій министръ доносилъ своему правительству, будто въ Каневѣ были дѣйствительно постановлены условія между королемъ и императрицею, по которымъ Польша заключала съ Россіею наступательный и оборонительный союзъ, обязывалась доставлять, въ случаѣ каждой войны, двѣнадцать тысячъ войска, съ платою со стороны Россіи этому войску жалованья, Россія же обѣщала давать Польшѣ ежегодно сто тысячъ червонцевъ; король, при этомъ, имѣлъ право перемѣнять министровъ, утверждать и не утверждать опредѣленія сеймовъ, могъ увеличить свои доходы на два милліона; его долги должны быть заплачены, а его роднымъ даны староства и пр. Намъ, однако, кажется, что Эссенъ сообщилъ невѣрные слухи; по крайней мѣрѣ, послѣдующія событія ни мало не показываютъ, чтобъ въ Каневѣ заключено было что-нибудь подобное. Гельбигъ, саксонскій министръ въ Петербургѣ, увѣряетъ, будто въ Каневѣ король хлопоталъ, чтобы преемникомъ ему былъ племянникъ его Станиславъ. И на это нѣтъ никакихъ подтвержденій. По ходу послѣдующихъ обстоятельствъ кажется, что Станиславъ-Августъ, желая, во что бы то ни стало, приобрести полное довѣріе императрицы и найти въ ней опору противъ всякихъ враждебныхъ движеній на будущее время, предлагалъ ей тѣснѣйшее соединеніе Польши съ Россіею и соглашался, чтобы, на случай его кончины, Екатерина назначила ему преемникомъ одного изъ своихъ внуковъ. По крайней мѣрѣ, въ 1792 году, когда король открыто просилъ Екатерину дать Польшѣ въ короли великаго князя Константина, онъ, по этому поводу, просилъ также императрицу вспомнить о томъ, что онъ подалъ ей на письмѣ въ Каневѣ на галерѣ. При этомъ, онъ замѣчалъ, что въ то время, когда онъ писалъ это, то-есть

www.libtool.com.cn
въ 1792 году, исполненіе такого плана удобнѣе, чѣмъ было прежде. Къ этому какъ нельзя болѣе подходить и загадочныя слова Безбородки о томъ, что не слѣдуетъ, до поры до времени, разглашать какихъ-то намѣреній, чтобъ не возбудить сосѣдей. Была ли приведенная нами записка послана прежде свиданія, или же во время свиданія подана императрицѣ, утвердительно рѣшить нельзя, но только въ это время со стороны Станислава-Августа было предлагаемо не только то, что находится въ этой запискѣ, а еще и другое, что онъ держалъ въ большомъ секретѣ. Въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находились дѣла Россіи, отъ императрицы можно было ожидать только того, что она сдѣлала: она похвалила Станислава Августа за изъявленія дружбы и оставила исполненіе его предположеній до будущаго времени. Еще война съ Турціею не начиналась, а въ видахъ императорскихъ дворовъ не было самымъ дѣлать вызова; дожидались, чтобъ Турція сама начала, формальный же союзъ съ Польшею, съ условіями о войнѣ, былъ бы явною воинственною выходкою противъ Турціи. Еще менѣе императрица расположена была раздражать Европу: преждевременный союзъ съ Польшею встревожилъ бы не только прусскаго короля, но самаго союзника Екатерины, Иосифа II, и вообще скорѣе принесъ бы Россіи вредъ, чѣмъ пользу. Въ искренность короля, какъ выше сказано, императрица не вѣрила, да кромѣ того король, если бы даже поступалъ искренно, то въ этомъ дѣлѣ не значилъ всего. Нужно было еще удостовѣриться въ расположеніи поляковъ; Екатерина же знала, что, по первомъ оглашеніи такого союза, враждебныя Россіи силы тотчасъ возстанутъ противъ нея всю Польшу.

Оставивши Каневъ, Станиславъ-Августъ въ Корсунѣ встрѣтился съ Іосифомъ, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна. Свиданіе происходило на почтовомъ дворѣ. Іосифъ, чрезъ королевскаго племянника Станислава Понятовскаго, далъ знать королю, что желаетъ пріѣхать къ нему. Увидавши въ первый разъ польскаго короля, нѣмецкій императоръ обнялъ его, какъ давняго знакома. Двери за ними заперли. Іосифъ сѣлъ на канапѣ по лѣвую руку отъ Станислава-Августа. Разговоръ продолжался часъ съ четвертью. Польскій король старался наговорить ему какъ можно болѣе любезностей.

— Я бы могъ, говорилъ Іосифъ — воспользоваться моимъ саномъ для того, чтобъ имѣть побольше удовольствій, но я предпочелъ посвятить себя благу моего отечества и потомства. Отъ этого я сталъ нововводителемъ и много предразсудковъ пришлось мнѣ побѣждать. Главное уже сдѣлано, но еще довольно затрудненій предстоить мнѣ преодолевать.

www.libtool.com.cn

Польскій король при этомъ, по собственному его выраженію, подкадиль ему.

— И вы также, продолжалъ императоръ — хотѣли тоже дѣлать, положили много хорошихъ началъ, но обстоятельства для васъ были противны и ужасны; меня особенно удивляетъ распространенное опасеніе насчетъ проектовъ, которые вамъ приписываютъ.

— Позвольте мнѣ увѣрить васъ, сказалъ польскій король — что эти опасенія притворны; есть двѣ причины ихъ выдумывать. Первая, чтобъ имѣть благовидный предлогъ оправдывать несправедливую ненависть и козни противъ меня; вторая — нужны видимыя причины всякій разъ, когда обращаются къ вамъ за помощью.

— Я сомнѣвался въ этомъ, сказалъ Іосифъ. — Надобно согласиться, что ходитъ невѣроятное множество живыхъ слуховъ, опасныхъ потому, что они внушаютъ безпокойство и недовѣріе. Вамъ сообщали объ нихъ, вѣроятно, въ послѣднее время.

— Такъ какъ вы объ этомъ говорите, сказалъ Станиславъ Августъ — то я не отрицаю, мнѣ сообщали много такого, что мнѣ было чувствительно, и только вы можете меня освободить отъ этихъ непріятностей.

Императоръ съ живостію взялъ короля за руку, потрясъ ее и сказалъ:

— Даю вамъ честное слово, и вы можете повторить его цѣлому свѣту: я ничего не хочу отъ Польши; понимаете — ничего, — ни одного деревца. Впрочемъ, императрица должна была уже васъ увѣрить.

Поговоривъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, о воспитаніи женскаго пола, насчетъ чего императоръ обѣщалъ прислать свой уставъ, Іосифъ опять навелъ разговоръ на дѣла Польши.

— Я не хотѣлъ, сказалъ онъ — отнимать у Польши ни одного дюйма земли, но Россія и покойный прусскій король свазали мнѣ: мы рѣшились взять себѣ по куску Польши; предлагаемъ тоже и вамъ, если угодно вамъ сойтись съ нами, а не хотите, такъ мы будемъ воевать съ вами. Нечего дѣлать; надобно было брать нашу долю; и вы бы на моемъ мѣстѣ также поступили.

Польскій король не сталъ ему возражать и промолчалъ.

— Зачинщикъ всему дѣлу прусскій король, продолжалъ императоръ.

Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что прусскій король себя выражаетъ отъ этого. Разговоръ перешелъ къ другимъ пред-

метамъ. Когда императоръ сѣлъ уже въ карету, Станиславъ-Августъ подбѣжалъ къ ней и закричалъ:

— Дайте мнѣ ~~еще~~ ^{еще} разъ вашу руку.

— Отъ всего сердца! сказалъ Іосифъ и протянулъ ему изъ кареты руку.

Многіе польскіе паны представлялись въ разныхъ мѣстахъ Іосифу. Былъ въ числѣ ихъ и Игнатій Потоцкій. Іосифу онъ не понравился; нѣмецкій императоръ отвернулся отъ него также, какъ и русская императрица, и сказалъ: *c'est un brouillon!* Отвергнутый, оскрамленный двумя монархами, пораженный въ самое сердце, Потоцкій рѣшился всецѣло отдаться третьему, но послѣ того, какъ придется и отъ третьяго испытать еще что-нибудь похуже, чѣмъ отъ двухъ первыхъ, ему ничего не останется, какъ сдѣлаться демократомъ.

Станиславъ-Августъ отправился въ Тульчинъ. Щенный Потоцкій принялъ короля съ такимъ радушіемъ, что, казалось, миръ между ними водворился. Щенный сказалъ: «На память радостнаго приѣзда ко мнѣ короля моего, я увольняю отъ подданства здѣшній городъ и отдаю его въ юрисдикцію ассессорскаго суда». «А я — сказалъ королевскій племянникъ — по этому поводу увольняю не только отъ панщины, но и отъ всякаго оброка двадцать пять новобрачныхъ въ Корсуни».

Король подъ вліяніемъ приѣма, оказаннаго ему Щеннымъ Потоцкимъ, писалъ къ своимъ пріятелямъ: «Я всегда былъ того мнѣнія, что русскій воевода добрый человѣкъ, честный и желаетъ добра отечеству; мы съумѣемъ его приголубить къ себѣ».

Въ Тульчинѣ во время приѣзда короля произнесъ присягу на вѣрность архіерей Викторъ Садовскій.

Послѣ примиренія съ Потоцкимъ оставалось королю примириться съ Чарторыскими; люблинскій подворморій Длускій хотѣлъ устроить это примиреніе и обратился къ королю. Станиславъ-Августъ сказалъ ему: «Послѣ прошедшаго сейма я принялъ князя Адама любезно; онъ съ своей стороны это понялъ. Но пришла княгиня съ суровымъ видомъ, и я напрасно старался смягчить ее. Я все сдѣлалъ съ моей стороны; теперь спокойно и терпѣливо буду ждать времени, когда они опомнятся и сами поймутъ, что на меня не за что дуться. Но напрашиваться самому — мнѣ неудобно и нѣтъ пользы. Знаю, что князь Адамъ лично не желалъ мнѣ зла, какъ и я ему, но вижу, что ему трудно освободиться изъ сѣтей женскаго пола.» Король жаловался, что Чарторыская оговариваетъ его передъ императоромъ, въ службѣ котораго находился ея мужъ.

Король надѣлся, что уже разувѣрилъ въ свою пользу Іосифа, что Екатерина была къ нему милостива, что, наконецъ, Потем-

кинъ, которымъ его страдали, расположенъ въ нему и теперь уже не страшны ему враги. Правда, съ Браницкимъ ему не удалось сойтись: въ Каневѣ король говорилъ съ нимъ очень дружелюбно и пытался возстановить прежнее согласіе, которое когда-то между ними было. «Вы меня знаете тридцать лѣтъ — говорилъ ему Станиславъ-Августъ — я не мстителенъ и не завистливъ; я лучше люблю вспоминать о томъ добрѣ, которое мнѣ когда-то оказывали, чѣмъ о томъ злѣ, которое мнѣ причиняли въ послѣдствіи, даже если и не перестаютъ его причинять. Князь Потемкинъ желаетъ, чтобъ вы со мною сблизились, мое сердце не заперто для васъ. Рѣшеніе зависитъ отъ вашего поведенія.» Браницкій отвѣчалъ королю, какъ послѣдній выражался, сеймовымъ слогомъ, запирался во многомъ, что ему король ставилъ въ вину, и сказалъ: въ Польшѣ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе и стоять за свободу и справедливость. «Я король, — сказалъ ему Станиславъ-Августъ — я вамъ протянулъ руку, я вамъ отворилъ двери, вы не хотите входить. Теперь мнѣ говорить съ вами нечего болѣе. Пусть вашъ дядя, вашъ отецъ будетъ судьей вашего поведенія.» Обратившись послѣ того къ Потемкину и рассказавши ему о разговорѣ своемъ съ Браницкимъ, король получилъ такой отвѣтъ: — «Я думаю, Потоцкій и Чарторыйская его околдовали, онъ ихъ боится и не смѣетъ дѣлать и говорить такъ, какъ слѣдуетъ. Извините, простите, государь, я вамъ обещаю, что исправлю его.»

И на этомъ обѣщаніи основывался пова Станиславъ-Августъ.

II

Положеніе и виды Пруссіи.—Партія въ Польшѣ.—Движеніе умовъ.—Приготовленія къ сейму.—Избраніе маршала ¹⁾.

Лѣтомъ 1787 г., война между Россіею и Турціею вспыхнула. Подстрекаемая французскимъ и прусскимъ послами, Турція объявила ее Россіи и начала свои непріязненные дѣйствія тѣмъ, что русскаго посланника Булгакова засадила въ Семибашенный замокъ. Иосифъ объявилъ Турціи войну въ февралѣ 1788 года.

Война эта взволновала Европу. Шведскій король Густавъ III объявилъ Россіи войну.

Пруссія заключила союзъ съ Англіею и Голландіею противъ замысловъ Россіи и Австріи. Пруссійскій главный министръ Герцъ-

¹⁾ См. выше, Источники: №№ 12, 18, 36, 81, 109, 96, 100, 58, 80, 118, 23.

бергъ, управлявшій, по смерти Фридриха II, дѣлами при слабости и женолюбивости преемника его Фридрихъ-Вильгельмъ II, не имѣлъ намѣренія вводить Пруссію въ дѣйствительную войну съ кѣмъ бы то ни было и предпочиталъ дѣйствовать интригами, пугать Россію и Австрію, но не выступать противъ нихъ рѣшительно и всегда показывать имъ желаніе сойтись, но не иначе, какъ съ особенными выгодами для Пруссіи. Пруссія съ Портою вступала въ союзъ, но не думала ей помогать оружіемъ, а только наблюдала, чтобъ Россія и Австрія не взяли у Турціи слишкомъ много; за уступки, которыя Турція сдѣлаетъ Россіи и Австріи, и вообще за пріобрѣтенія, которыя получаютъ каковыя бы то ни было образомъ двѣ послѣднія державы, Пруссія хотѣла захватить что-нибудь для себя. Это желанное пріобрѣтеніе для Пруссіи могло быть только въ Польшѣ. Ближайшіе виды Пруссіи были на Гданскъ и Торунь съ ихъ округами: овладѣвъ этими городами, которые держали въ рукахъ своихъ польскую торговлю, Пруссія соединяла свои владѣнія, раздѣляемыя полосой земли, принадлежавшею Польшѣ. Это было первичное и самое скромное желаніе; даже Пруссія предполагала сдѣлать это пріобрѣтеніе, выговоривши отъ Австріи уступку для Польши отнятой Галиціи. Но при болѣе успешныхъ прусская дипломатія имѣла въ виду пріобрѣсти насчетъ Польши и поболѣе. Нужно было только вооружить поляковъ противъ Россіи, и тѣмъ самымъ привязать Польшу къ Пруссіи и отдать ее въ распоряженіе послѣдней. Такимъ образомъ, когда Россія и Австрія искали расширенія своихъ предѣловъ, подвергаясь опасностямъ и непостоянству войны, наживая себѣ новыхъ враговъ, Пруссія составляла планъ получить пріобрѣтенія болѣе мирнымъ и спокойнымъ образомъ: другіе будутъ тратить милліоны и жизнь своихъ поданныхъ, — Пруссія будетъ работать съ малыми издержками. Но императрица русская поняла этотъ расчетъ и рѣшилась противоdѣйствовать прусской дипломатіи въ Польшѣ своею дипломатіею, однако не доходить до открытой вражды съ Пруссіею, и всегда была готова сойтись съ нею на обоюдныхъ условіяхъ, если будетъ необходимо.

Въ то время, когда польскій король, вслѣдствіи канѣвскаго свиданія, началъ готовить своихъ пановъ въ мысли о союзѣ съ Россіею, прусскій министръ въ Польшѣ Бухгольцъ и генералъ Гольцъ стали вооружать поляковъ противъ Россіи и налегли на оппозиціонную партію: это имъ было подручно, послѣ того какъ братья Потоцкіе и Сапѣги кипѣли злобою за оскорбленія, нанесенныя въ Кіевѣ ихъ самолюбію. Екатерина знала все и поняла, что такого рода политика со стороны Пруссіи, въ послѣдствіи, принесетъ Россіи, вмѣсто вреда, пользу. Когда министръ Іосифа, Кау-

ницѣ, предлагалъ Россіи дѣлать въ Польшѣ то же, что дѣлаетъ Пруссія: вооружать поляковъ противъ Пруссіи и обѣщать имъ возвращеніе земель, отнятыхъ Пруссіею по первому раздѣлу, Екатерина не согласилась на это. Король Станиславъ-Августъ, въ виду предстоявшаго сейма, послалъ къ императрицѣ проектъ о главныхъ предметахъ совѣщаній на этомъ сеймѣ, и въ этомъ проектѣ предлагалъ отобрать отъ Пруссіи земли, захваченныя по первому раздѣлу, такъ какъ прусскій король явно намѣревается дѣлать приобрѣтенія насчетъ Польши. На польскіе совѣты Екатерина еще меньше поддавалась, чѣмъ на австрійскіе. По этому поводу, императрица писала Штакельбергу: «Не надобно отнюдь возбуждать жадности въ другихъ такою же съ своей стороны; не отрицаю: быть можетъ, прусскій король хочетъ еще распространить свои предѣлы насчетъ Польши, но мы не желаемъ заключать съ Польшею договоровъ, предосудительныхъ для прусскаго короля». Отстраняясь отъ возможности поссориться съ Пруссіею изъ-за Польши, императрица, не позволяла и внутри Польши чего-нибудь такого, что могло ослабить зависимость Польши отъ Россіи. Польскій король, въ томъ же проектѣ, указывалъ на необходимость пересмотра правленія, составленнаго послѣ 1772 года. Императрица, по этому поводу, писала Штакельбергу: «Пусть этотъ сеймъ занимается сперва только дѣлами союза съ Россіею.» Выгоды Россіи требовали допустить въ Польшѣ радикальныя измѣненія только послѣ того, когда можно было увѣриться, что Польша связана съ Россіею настолько, что перемѣны въ ней не повлекутъ за собою возможности сдѣлаться орудіемъ враговъ Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ императрица понуждала скорѣе сформировать польское войско, чтобъ послать его дѣйствовать противъ турокъ вмѣстѣ съ русскимъ, и обѣщала на него триста тысячъ червонцевъ, уплачивая эту сумму по пятидесяти тысячъ въ годъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время открытія сейма, Бухгольцъ усилилъ свою дѣятельность и разжигалъ въ полякахъ вражду къ Россіи: онъ объяснялъ имъ, что союзъ съ Россіею не можетъ состояться и навлечетъ на Польшу бѣду; Пруссія не допуститъ Польшу до этого союза и начнетъ, въ случаѣ упорства поляковъ, дѣйствовать противъ нихъ энергическими мѣрами. Внутреннія прусскаго министра поддерживалъ и англійскій Гальсъ. Они оба увѣряли поляковъ, что въ Европѣ уже составилъ тайный союзъ противъ поползновеній двухъ императорскихъ дворовъ. Англія, Швеція, Голландія, Порта, Пруссія и нѣмецкіе владѣтели образовали этотъ союзъ для поддержанія равновѣсія въ Европѣ. Къ этому союзу слѣдуетъ приступить Польшѣ; теперь-то ей пришла такая пора, какой до сихъ поръ не бывало—

выбитыя изъ-подъ русской опеки и возвратить себѣ прошлое значеніе и независимость; прусскій король — ближайшій сосѣдъ Польши и искреннѣйшій ея другъ; онъ ей поможетъ; онъ станетъ ее защищать, еслибъ Россія вздумала оказать противъ нея какія-нибудь насильственные дѣйствія. Обстоятельства давали вѣру прусскимъ внушеніямъ. Поляки соображали, что Россія не выиграетъ въ предпринятой войнѣ: у ней одна только союзница Австрія, а за турокъ, какъ ихъ увѣрили, заступится вся Европа. Уже шведскій король и началъ войну съ Россіей; уже силы Россіи раздѣлены, и она должна вести войну на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ своего государства. Уже первыя военныя дѣйствія обоихъ императорскихъ войскъ не представляли много блеска. Іосифъ II, начавши самъ лично воевать противъ турокъ, оказался плохимъ полководцемъ; генералы у него были не превосходные, и войско, сражавшееся на берегахъ Дуная, терпѣло отъ болѣзней и дурныхъ распоряженій. Русскія силы имѣли у себя геніальнаго Суворова, но послѣ блестящей побѣды подъ Кинбурномъ, началась продолжительная и въ высшей степени изнурительная для войска осада Очакова. Все подавало надежду полякамъ, что война съ Турціею не послужитъ къ усиленію Россіи, а потому теперь-то и слѣдуетъ имъ пользоваться тѣмъ. Россія не въ состояніи обратить своего оружія для удержанія Польши въ зависимости; слѣдуетъ не терять удобнаго времени и расположенія Европы, свергнуть съ себя гарантію Россіи, уничтожить постановленія и учрежденія, навязанныя ею, создать военную силу, устроить государственный механизмъ и гражданскій порядокъ, сдѣлать, однимъ словомъ, Польшу благоустроенною державою, которая бы, впослѣдствіи, могла выдержать борьбу за свою независимость противъ покушеній Россіи. Но слабой, истощенной Польшѣ нуженъ союзникъ: этотъ союзникъ, сильный, благородный, великодушный и безкорыстный, явился полякамъ въ особѣ прусскаго короля. Игнатій Потоцкій, братъ его Станиславъ, Чарторыскіе, Сапѣга сдѣлались корифеями партіи, обращавшей взоры упованія на Пруссію. Къ нимъ присталъ старый Станиславъ Малаховскій, человекъ очень богатый, не бойкаго разсудка, но добродушный и честный, а послѣднее составляло большую рѣдкость между польскимъ панствомъ. Онъ искренно желалъ добра своему отечеству и былъ готовъ на всякія реформы; не смотря на его старыя лѣта, въ немъ было много юношеской живости; по своей доброй натурѣ, онъ довѣрился всему, что слышалъ отъ прусскаго министра и, вслѣдъ за братьями Потоцкими, началъ видѣть въ прусскомъ королѣ спасителя Польши. Передъ тѣмъ онъ, какъ и братъ его, который сдѣлался канцлеромъ,

не былъ врагъ Россіи и даже горячо говорилъ за союзъ съ нею, находилъ полезнымъ, еслибъ два близкіе славянскіе народа соединились во-едино; но ему успѣли представить въ черномъ цвѣтѣ деспотизмъ и коварную политику Россіи, которая не допуститъ ни за что полезныхъ измѣненій въ Польшѣ: и такъ, онъ склонился на прусскую сторону. Братъ его остался навсегда сторонникомъ Россіи. На Станислава Малаховскаго мѣтили, какъ на будущаго маршала сейма, не только люди расположенные къ Пруссіи, но и пріязненные къ Россіи, даже самъ русскій посланникъ, который долго не зналъ о перемѣнѣ убѣжденій и склонностей Малаховскаго и долго считалъ его преданнымъ человекомъ.

Бывшая оппозиція раздѣлилась. Браницкій, Ржевускій, Щенный Потоцкій не пристали къ прусской партіи. Браницкій кричалъ о возрожденіи отечества, поддѣлывался къ патріотамъ, говорилъ о необходимости произвести радикальныя измѣненія, но держался императрицы, ибо разсчиталъ, что судьба Польши и, слѣдовательно, его собственная, зависитъ отъ нея. У него была большая партія, партія эгоистовъ, подобныхъ ему, у которыхъ первую цѣлю въ жизни было пожить весело, какими бы средствами ни пріобрѣталось такое житье; свои узкіе виды для нихъ были дороже отечества, и потому они лѣзли туда, гдѣ чуяли силу и гдѣ ожидали для себя выгоды. Эгоисты часто видятъ вещи прямо, чѣмъ тѣ, которые способны увлекаться идеями: эгоисты чувствуютъ, гдѣ имъ будетъ лакомо и чутьемъ идутъ туда, какъ звѣри на запахъ добычи. Отъ этого люди продажныя, преданные себѣ самимъ, склонялись къ Россіи, какъ будто предчувствуя, что такъ ли или иначе повернутся въ Европѣ обстоятельства, а для Польши сильнѣе Россіи не будетъ державы. Польскіе историки и публицисты называютъ этого рода людей русскою, или какъ они выражаются, московскою партіею. Собственно, партіею назвать ихъ нельзя. Это были люди, думавшіе только о своихъ выгодахъ и готовые служить и Россіи, и Пруссіи и кому угодно, но такихъ въ Польшѣ было безчисленное множество. Изъ нихъ были люди стоявшіе на высокой степени государственнаго саношничества, и они получали отъ Россіи деньги, но также точно готовы были получить ихъ отовсюду.

Щенный Потоцкій не принадлежалъ къ разряду такихъ людей. Его любящая и поэтическая душа увлеклась величественнымъ образомъ Екатерины; онъ полюбилъ ее и благоговѣлъ предъ нею; онъ вѣрилъ въ нее, въ ея благодушіе, и искренно думалъ, что она только можетъ спасти его отечество. Щенный желалъ Польшѣ добра, но допускалъ для ея возрожденія только то, что сходилось съ его традиціями и предразсудками. Подобно ему, думали

www.libtool.com.cn

обыватели стараго покроя: по ихъ понятіямъ, Рѣчь-Поснолѣтая должна была не вводить что-нибудь новое, а поправлять старое, воскресить забытое; ихъ идеалы были не впереди, а назади; они хотѣли не сотворить изъ Польши европейское государство въ современномъ вкусѣ, а воротить ее къ тому блестящему періоду старинныхъ доблестей и добродѣтелей, которыми, по ихъ живому мнѣнію, полна была польская исторія. Впрочемъ, кромѣ Щенснаго Потоцкаго, который былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденія, хотя и превратнаго, трудно различить, кто принадлежалъ къ такому разряду консерваторовъ, а кто былъ просто продажнымъ и безчестнымъ эгоистомъ.

Король, его братья, родственники и кружокъ болѣе или менѣе ему преданныхъ людей, составляли въ Польшѣ партію, которую противники окрестили именемъ дворской. Это были люди, которые находили, что вся бѣда Польши происходитъ отъ дурного воспитанія, отъ ослабленія монархической власти и безпорядковъ въ управленіи. Эти люди, поэтому, заботились о воспитаніи, думали усилить королевскую власть, ограничить произволъ пановъ, установить законность, уничтожить *liberum veto*. Партія эта въ то время рассчитывала, что Польшѣ единый исходъ — быть въ союзѣ съ Россією, и потому она хотѣла угождать Екатеринѣ съ тѣмъ, чтобъ заслужить съ ея стороны вниманіе и получить отъ нея дозволеніе произвести въ Польшѣ перемѣны. Они думали, что избирательное правленіе для Польши источникъ бѣдствій, хотѣли ввести наслѣдственное, и, чтобъ склонить къ этому Екатерину, готовы были утвердить его за такимъ домомъ, за какимъ угодно будетъ ей. Однимъ словомъ, цѣль ихъ была вести Польшу къ благоустройству въ дружбѣ съ Россією. Нельзя сказать, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ любили Россію и искренно были ей преданы, напротивъ, каждый изъ принадлежавшихъ къ этой партіи всегда готовъ былъ отшатнуться отъ Россіи, еслибъ только предстояла возможность и Россія перестала имъ быть опасною; такъ многіе изъ нихъ и поступили въпослѣдствіи. Люди этой партіи, какъ и король самъ, вообще не могли похвалиться твердостью, напротивъ, отличались легкомысліемъ и поверхностною податливостію въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ, а кромѣ того всѣ, болѣе или менѣе, соразмѣряли свои политическія убѣжденія съ своими личными выгодами. Между ними по уму, дарованію, отличались Іоакимъ Хребтовичъ, Кицинскій, генералъ Комаржевскій. Два послѣдніе занимали видное мѣсто между людьми этой партіи при дворѣ. Братъ короля, примасъ Михаилъ Понатовскій, по знатности занимаемаго имъ сана, стоялъ виднѣе всѣхъ. Намѣренія этой партіи сходились съ видами прогресси-

ство, уклонившихся въ Пруссію, но разница между ними была та, что одни хотѣли опираться на Пруссію, возбуждавшую поляковъ противъ Россіи, а другіе пока до времени держались Россіи.

Въ августѣ 1788 г. разосланы были универсалы на сеймики для выбора пословъ, на предстоящій сеймъ, который заранѣе объявлялся конфедерованнымъ. Императрица, въ видахъ заключенія союза съ Россіею, согласилась, чтобъ онъ былъ конфедерованъ. Король и его партія хотѣли, также какъ и прусская партія, чтобъ маршаломъ предстоящаго сейма былъ Малаховскій. Его считали столько же честнымъ, сколько податливымъ, и чрезъ него надѣялись имѣть вліяніе на сеймъ; сеймовый маршалъ былъ важное лицо: онъ давалъ движеніе работамъ на сеймѣ, направлялъ пренія, соблюдалъ порядокъ, имѣлъ право прекращать засѣданія. Соперникомъ Малаховскаго былъ Щенскій Потоцкій. Уже въ самомъ взглядѣ на конфедерованіе сейма видно было, какъ будетъ вести сеймъ тотъ и другой, сдѣлавшись маршаломъ. Щенскій Потоцкій не хотѣлъ знать никакихъ другихъ формъ, кромѣ тѣхъ, которыя оставили предки; онъ желалъ составленія конфедераціи, такъ какъ она составлялась въ былыя времена, то-есть, составить конфедераціи по воеводствамъ и повѣтамъ и потомъ соединить ихъ въ одну общую. При такомъ устройствѣ конфедераціи, сообразно древнему обычаю, прекратились бы всѣ суды, перемѣнились бы должностныя лица; всѣ должны были произнести присягу конфедераціи. Отъ нея бы зависѣло все управленіе страны, правосудіе, финансы, войско. Противники его замѣчали, что поступить такимъ образомъ—значить умышленно возбудить мятежъ и беспорядки. Цѣль конфедераціи была ни болѣе, ни менѣе, какъ только устранить единогогласіе и допустить рѣшеніе дѣлъ посредствомъ большинства голосовъ, и поэтому нужно было выбрать обычнымъ образомъ на сеймикахъ пословъ на сеймъ; эти послы съѣдутся въ Варшаву, и тамъ тотчасъ объявятъ сеймъ сконфедерованнымъ, не дѣлая никакихъ перемѣнъ въ ходѣ управленія, оставляя власть по прежнему во всѣхъ текущихъ отправленіяхъ. Малаховскій только съ этимъ условіемъ соглашался принимать званіе сеймоваго маршала. Щенскій Потоцкій говорилъ, что онъ не иначе сдѣлается маршаломъ сейма, какъ тогда, когда избранъ будетъ единогогласно. Всѣ партіи, по извѣстному обычаю, принялись дѣйствовать на сеймикахъ и готовить себѣ силу на будущемъ сеймѣ. Штагельбергъ узналъ тогда, что Пруссія разослала своихъ агентовъ по Великой Польшѣ для внушенія на сеймикахъ полякамъ мысли о томъ, что теперь пришла пора освободиться отъ московскаго ига, что ни-

какъ не слѣдуетъ заключать договора съ Россією, а надлежитъ заключить союзъ съ прусскимъ королемъ—онъ истинный другъ Польши и защитникъ: нечего полякамъ бояться Москвы; пусть она нападаетъ на Польшу—прусскій король защититъ ее. Императрица писала Штакельбергу: «Берлинскій дворъ составляетъ противъ насъ партію въ Польшѣ; слѣдуетъ и намъ отложить всякое уваженіе и искать утвердить нашу силу въ Польшѣ, воспользоваться тѣмъ расположеніемъ, какое теперь многіе имѣютъ.» Императрица приказывала своему министру увѣрять поляковъ, что Россія хочетъ тѣсной связи съ Польшею, но вмѣстѣ и сохраненія за нею независимости въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ; Россія не иначе вмѣшается въ польскія дѣла, какъ только тогда, когда Польша сама этого захочетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Штакельбергу поручалось указать полякамъ на непристойность дѣйствій прусскаго короля, увѣрять ихъ, что Пруссія ихъ обманываетъ и хочетъ посорить Польшу съ Россією, чтобъ изъ этой ссоры извлечь себѣ выгоды въ ущербъ Польшѣ.

Въ Польшѣ приготовлялись къ сейму съ великими ожиданіями. Небывалое волненіе умовъ сдѣлалось въ польскомъ обществѣ. Одна за другою появлялись книжечки, съ размышленіями, соображеніями и воззваніями о необходимости приступить къ кореннымъ реформамъ, исправить злоупотребленія, отмѣнить устарѣлыя учрежденія и замѣнить ихъ иными, сообразными съ требованіями вѣка; книжечки эти распространялись всѣми способами.

Видное мѣсто между этими книжечками занимало въ свое время напечатанное два года предъ тѣмъ сочиненіе Сташица: «Размышленія о жизни Яна Замойскаго». Авторъ говоритъ меньше всего о Замойскомъ, но распространяется о воспитаніи, судопроизводствѣ, избраніи королей, сеймахъ, исполнительной власти, о торговлѣ, правахъ сословій, военной силѣ, доходахъ и расходахъ, о системѣ податей, вообще о всѣхъ предметахъ общественнаго устроенія, возбуждавшихъ тогда вопросы и пренія, излагаетъ недостатки и злоупотребленія, бывшія въ Польшѣ по всѣмъ этимъ частямъ, представляетъ планы и соображенія объ ихъ исправленіи. Онъ врагъ избирательнаго правленія. Оно можетъ быть хорошо только у дикихъ и отъ нихъ получило начало; въ наше время, при избирательномъ правленіи короны могутъ быть раздаваемы только деньгами, хитростями и кознями—говоритъ онъ. По его мнѣнію, надобно было ввести въ Польшѣ наследственное правленіе и вручить корону какому-нибудь изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царствующихъ домовъ. Если ужъ никакъ нельзя ввести наследственности, то пусть, по крайней мѣрѣ, из-

бирають въ вѣролы изъ своихъ, а не изъ чужихъ, и въ такомъ случаѣ предлагать такой оригинальный способъ: выбирать воеводъ большинствомъ голосовъ, и изъ всѣхъ воеводъ сеймъ пусть большинствомъ выберетъ третью часть въ кандидаты на королевское достоинство, а изъ нихъ, когда умретъ король, выбирается ему преемникъ жребіемъ. Увеличить войско онъ думалъ посредствомъ учрежденія военныхъ поселеній: слѣдовало освободить отъ панщины королевскихъ и панскихъ хлоповъ и надѣлить ихъ землею извѣстной пропорціи, и за эту землю водворенный на ней поселянинъ обязанъ ходить на ученіе и втеченіи пятидесяти лѣтъ числиться въ военномъ званіи; вмѣсто прежнихъ подстаростъ, экономовъ и комиссаровъ управляли бы ими офицеры. Онъ допускалъ мѣщанъ и крестьянъ къ участию въ дѣлахъ государственныхъ и давалъ имъ право посылать пословъ на сеймы и вообще уничтожалъ сословное различіе гражданскихъ правъ. Картину печальнаго состоянія крестьянъ въ то время Сташицъ изображаетъ, заставляя крестьянина рассказывать собственную біографію. Указывая на кучу книгъ, содержащихъ законы Рѣчи-Посполитой, польскій крестьянинъ говоритъ: «Въ этой кучѣ только нѣсколько тысячъ жителей находятъ для себя правосудіе, а нѣсколькимъ милліонамъ нѣтъ въ нихъ спасенія, и я изъ ихъ числа. Я сохранялъ Божіи заповѣди, жилъ по правиламъ религіи, считалъ свою судьбу волею Провидѣнія — меня гоняли на тяжелыя работы, посылали въ путь по дурнымъ дорогамъ, я терялъ свои заработки, и ни на кого не жаловался; никто мнѣ не могъ оказать правосудія, кромѣ моего пана, а я его не видалъ и никто изъ его подданныхъ не знавалъ его лично. Мой панъ запутался въ долгахъ и продалъ свое имѣніе шляхтичу. Новый владѣлецъ былъ намъ хуже тираномъ, чѣмъ прежніе экономы; онъ не зналъ надъ собой господина. Было у меня два сына: одинъ получилъ землю, другой безъ земли, безъ хлѣба остался и ушелъ учиться ремеслу. Панъ страдалъ меня суровыми наказаніями и приказывалъ доставить ему моего сына; меня посадили въ тюрьму и не выпускали, пока я не заплатилъ нѣсколько сотъ злотыхъ за моего сына. Меня, по этому, сочли богачемъ, и надѣясь взять съ меня еще болѣе, приказали забить въ колодку и держали до тѣхъ поръ, пока я не доставлю своего сына. Я жаловался на несправедливое обращеніе со мною: это сочли дерзостью, велѣли забрать у меня изъ дома все, мучили меня, ковали въ кандалы и замирали въ хлѣбъ. Я убѣжалъ изъ тюрьмы, но мнѣ нѣтъ правосудія въ здѣшнемъ краѣ: кто меня мучитъ, тотъ же мнѣ единственный судья. Въ вашихъ законахъ человѣкъ моего званія не находитъ обороны болѣе, чѣмъ скотъ.» По отношенію къ сосѣдямъ,

Сташицъ благоволяетъ къ реформамъ Іосифа II, Россіи предсказываетъ внутреннія потрясенія на томъ основаніи, что тамъ народъ находился почти въ такой же неволѣ, какъ въ Польшѣ, а о бранденбургскомъ домѣ отзывается съ ненавистью: вспоминаетъ козни Фридриха II, впусценіе въ Польшу фальшивой монеты, насилія отъ прусскихъ войскъ и раздѣлъ Польши, котораго главнымъ виновникомъ признаетъ прусскаго короля. Сочиненіе Сташица вызвало противъ себя появленіе толстой книжечки подъ названіемъ «Размышленія надъ размышленіями». Авторъ проводитъ ту мысль, что корень зла надобно искать не въ учрежденіяхъ, а въ деморализаціи, и думаетъ, что многія учрежденія сами по себѣ не дурны и совсѣмъ не были бы вредны, еслибъ исправились нравы. Онъ сторонникъ избирательнаго правленія. «Многіе кричатъ противъ него — говоритъ онъ — толкуютъ о превосходствѣ наслѣдственнаго, а я питаю къ послѣднему прирожденное омерзѣніе; я не хочу считать выше себя того, кто не имѣетъ надо мною ни физическаго; ни нравственнаго превосходства, безгласнаго копронима, обернутаго въ пурпурныя пеленки. Кому изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царственныхъ домовъ отдавать польскую корону, когда они всѣ выродились и испортились? Высокомѣріе, упрямство, нетерпѣливость стали ихъ врожденными качествами; едва ли между ними найдется одна личность, которая бы обладала внутреннимъ сознаніемъ челоѣчности. Говорятъ, элекціи нашихъ королей порождали междоусобія, безпорядки, кровопролитія. Но въ другихъ краяхъ споры за наслѣдство производили еще больше кровопролитій.» Онъ никакъ не соглашается допустить къ сеймамъ не-шляхетскія сословія. «Если, — говоритъ онъ, — эти земледѣльческія поселенія съ кучами крытыхъ соломою хижинъ, называемыя у насъ городами, допустить къ публичнымъ совѣщаніямъ, то отъ этой толпы, забитой неволею и нищетою, незнающей даже своихъ мѣстныхъ интересовъ, не имѣющей никакого понятія о политическихъ и гражданскихъ правахъ, можно ожидать не разумныхъ размышленій, а рабскаго молчанія, либо скотскаго мычанія. Мало-по-малу предводители кружковъ будутъ усиливать свои партіи ихъ голосами». Авторъ противится и освобожденію крестьянъ на томъ основаніи, что они не приготовлены къ принятію свободы. «Дать — говоритъ онъ — свободу народу, забитому и униженному до скотоподобія, значитъ большую часть полезныхъ тружениковъ пустить бродяжничать, красть и разбойничать». Онъ требуетъ подготовки даже и для того, чтобы замѣнить панцину оброкомъ. «Были примѣры — говоритъ этотъ публицистъ — что этихъ бѣдняковъ увольняли отъ панцины, а потомъ нужно было воротиться снова къ

панщинѣ, потому что хлопь не хотѣлъ давать легкаго оброка и совсѣмъ опускался, такъ что нужно было владѣльцу спасать его отъ гибели.» Такими благовидными аргументами отстаивали обыватели свою власть надъ рабочею силою хлопа. Достоинъ замѣчанія, что этотъ публицистъ дѣлается защитникомъ бранденбургскаго дома противъ Сташица. Нѣ за что, по его мнѣнію, нападать на него такъ ожесточенно за то, что онъ хочетъ распространить свои владѣнія; всѣ такъ поступали, когда могли; сама польская Рѣчь-Посполитая въ былыя времена не чужда была подобныхъ стремленій.

Очень важное значеніе въ ряду появившихся тогда брошюръ имѣли письма анонима къ будущему маршалу предстоявшаго сейма, вышедшія въ свѣтъ перваго августа 1788 года. Авторъ ихъ—извѣстный Гуговъ Коллонтай, коронный референдарій. Здѣсь съ обильною риторикою излагаются совѣты, какъ вести сеймъ и какаго рода измѣненія и улучшенія предстоить сдѣлать въ Польшѣ. Письма эти важны потому, что многое, предначертанное Коллонтаемъ, дѣйствительно было постановлено на сеймѣ такъ, что письма эти въ извѣстной степени были и программою дѣйствій сейма. Только въ совѣтахъ, какъ вести себя на сеймѣ, авторъ совершенно не имѣлъ успѣха: на переکورъ нравоученіямъ Коллонтая, послы отличались въ послѣдствіи тѣми именно пороками, отъ которыхъ онъ ихъ предостерегалъ: Коллонтай убѣждалъ ихъ не предаваться хвастливой и безплодной болтовнѣ, не лѣниться, не отвлекаться отъ главныхъ вопросовъ и не развлекаться мелочами, не заирать самолюбія товарищей, не заводить изъ-за этого ссоръ и не проводить ночей на пирахъ и на балахъ. Коллонтай не является сторонникомъ ни Россіи, ни Пруссіи, а хочетъ, чтобы Рѣчь-Посполитая опиралась сама на себя. Онъ предполагаетъ увеличить войско до 60,000, именно, до того числа, до котораго сеймъ, намѣтивъ число крупнѣйшее, долженъ былъ спуститься; онъ требуетъ также увеличенія податей и при этомъ предлагаетъ простѣйшую систему налоговъ. По его плану, Рѣчь-Посполитая должна представлять федерацію изъ воеводствъ, которыя слѣдуетъ, какъ только возможно, округлить и сдѣлать похожими одно на другое по величинѣ, раздѣливъ каждое на четыре повѣта. Каждое воеводство должно на своемъ сеймикѣ выбирать себѣ судей и должностныхъ лицъ. На этихъ сеймикахъ выбираются и послы на великій сеймъ: имъ даются инструкціи, отъ которыхъ они не должны отступать; они только органы націи, передатчики воли ея, а не самобытные законодатели. Мелкая шляхта не допускается на сеймики, и этимъ отнимается у богатыхъ и знатныхъ пановъ возможность воровать сеймиками; тамъ

могутъ участвовать и подавать голоса только тѣ, которые владѣютъ землею не менѣе $7\frac{1}{2}$ волокъ (до 150 нашихъ десятинъ), или платятъ до 500 злот. налога съ капитала. Кромѣ шляхты допускались на сеймики представители 'разныхъ корпорацій и уполномоченные отъ городовъ. Сеймъ долженъ быть соединительнымъ центромъ федераціи воеводствъ и состоятъ изъ двухъ Избъ: въ высшей были сенаторы и послы отъ шляхетства изъ воеводствъ (по два сенатора и по четыре посла отъ каждого воеводства); во второй, низшей—послы городовъ, но выбранные не самими городами, а на воеводскихъ сеймикахъ, гдѣ были уполномоченные отъ городовъ (по три посла отъ каждого воеводства). Для крестьянъ Коллонтай вымышлялъ трибуновъ, числомъ трехъ: одинъ изъ нихъ былъ бы маршаломъ низшей Избы. Ихъ обязанность была заступаться за интересы простого сельскаго народа; они выбирались шляхетскими послами на сеймъ изъ особъ шляхетскаго званія. Понятно, что въ случаѣ столеновенія шляхетскихъ интересовъ съ крестьянскими, эти лица могли быть плохими заступниками послѣднихъ. Мѣщане хоть и допускались на сеймъ, но Коллонтай хотѣлъ поставить ихъ такъ, чтобъ шляхетство имѣло надъ ними преимущество; такимъ образомъ, послы городскіе выбирались не въ самыхъ городахъ, не безъ участія шляхетства, были въ числѣ меньшемъ противъ числа пословъ шляхетскаго званія, и, сверхъ того, низшая Изба была отстранена отъ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ, наприм. выбора министровъ и посланниковъ къ иностраннымъ дворамъ, заключенія договоровъ и всякихъ сношеній съ иностранными державами. Возведеніе въ шляхетское достоинство было также дѣломъ одной высшей Избы. Послы выбирались на шесть лѣтъ. Сеймъ дѣлался постояннымъ: на него возлагали не только законодательство, но и наблюденіе надъ исполненіемъ законовъ. Единогласіе уничтожалось; всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; королевское достоинство было наследственно, но всѣ должностныя лица выборные, какъ по государственному управленію, такъ и по воеводствамъ. Прежній постоянный совѣтъ уничтожался, а вмѣсто него около короля составлялся совѣтъ изъ министровъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находилось пять правительственныхъ комиссій: скарбовая, войсковая, заграничная (иностранныхъ дѣлъ), полицейская и эдукаціонная. Коллонтай уязвлялъ на злоупотребленія, происходившія при раздатѣ королевщинъ въ староства, и совѣтовалъ всѣ такія имѣнія пустить въ продажу, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить старостинскіе и градскіе суды, замѣнивъ ихъ общими для всѣхъ земскими: мѣра эта, какъ известно, была въпослѣдствіи предпринята сеймомъ. Коллонтай

врагъ титуловъ и вѣнцескихъ и графскихъ, но особенно ненавидѣть тѣхъ, которые нѣкогда получили начало въ придворной службѣ и въ послѣднее время не имѣли ровно никакого смысла, но щеготали суетность и тщеславіе. «Не понимаю — говорить онъ, — какъ честолюбіе свободного обывателя можетъ плѣняться титуломъ честника (czesnik), мечника, крайчаго, подчашаго, ловчаго, пивничнаго, кухмистра. Все это или награды невольникамъ за ихъ службу, или занятія частныхъ лицъ, приспособительно къ ремесламъ и заработкамъ. Честникъ долженъ подавать кушанья ¹⁾, мечникъ оправлять саблю, ловчій смотрѣть за псарнею, крайчій кроить и шить платье, подчасій и пивничный наблюдать надъ погребомъ и напитками, кухмистеръ готовить яства и т. д. Въ другихъ странахъ такія должности относятся только ко двору государя, а у насъ каждое воеводство, каждая земля, каждый повѣтъ, да еще къ тому отдѣльно, Корона и Литва, имѣютъ свои такого рода почетные чины. Уничтожимъ эти подобія и памятники монархической власти, не оставляя слѣда для узурпатора и приманки для тѣхъ, которыхъ низкій вкусъ влечетъ къ тому, чтобы получить значеніе въ воеводствѣ по признакамъ значенія при дворѣ!» Но Коллонтай, при своей нелюбви къ неравенству въ высшемъ сословіи, стоитъ, однако, за преимуществу шляхетства: его будущая Польша все-таки шляхетская Рѣчь-Посполита, только онъ хочетъ открыть къ шляхетству болѣе правильный доступъ: воинъ, получившій на сраженіи раны или отличившійся храбростію, гражданинъ спасшій жизнь ближнему или оказавшій какую-нибудь пользу отечеству, должны были награждаться допущеніемъ къ шляхетскому достоинству. Коллонтай заступаетъ за хлоповъ: — «Нашъ земледѣлецъ — говоритъ онъ — въ шляхетскихъ имѣніяхъ сдѣлался вещью владѣльца и вопреки очевидному гласу природы, пересталъ быть личностію. Онъ отданъ на произволъ пана, связанъ легалью неволею, сравненъ со скотомъ, запроданъ въ руки жида, погруженъ въ пьянство, въ невѣжество, въ нищету... Если почему, то по состоянію подданныхъ нашихъ можно сообразить, что такое польская свобода; и это-жъ меня убѣдитъ, чтобы человѣкъ, который знаетъ и любить преимущества свободы, который содрогается предъ насиліемъ и беззаконіемъ, съ холоднымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на порабощеніе равнаго ему человѣка?» Но Коллонтай, однако, представляетъ крестьянину личную свободу — и только. «Хлопъ — говоритъ онъ — не требуетъ большихъ жертвъ. Не требуетъ онъ напраснаго міроуправленія (gminowładstwa), онъ желаетъ только есте-

¹⁾ Частовать, частовать (малорос.).

ственного и гражданскаго правосудія. Отдадимъ ему то, что мы у него святотатственно похитили, въ чемъ мы нарушили божественное и человѣческое право, отдадимъ ему свободу его личности и его рукъ, и этотъ трудолюбивый народъ, который насъ кормитъ, обрабатываетъ наши поля, удвоитъ охоту къ труду и, привязавшись вѣрно къ землѣ, обогатитъ наше общество, увеличитъ наши доходы, полюбитъ отечество, сознаетъ, что оно истинное его отечество, тогда какъ теперь онъ едва разнится отъ скота». Коллонтай приглашаетъ сеймъ обратить особенное вниманіе на русскія земли, гдѣ такъ часто происходили явленія, которыхъ одно воспоминаніе приводило въ ужасъ поляковъ. Онъ совѣтуетъ припомнить гадачскій договоръ, который нарушила Рѣчь-Посполитая, и поправить ошибки предковъ въ этомъ отношеніи. Ему нравится въ этомъ памятникѣ XVII вѣка особенно то, что тогда постановлено было завести для Руси два университета. Коллонтай хочетъ, чтобы приняты были мѣры къ образованію русскаго духовенства, которое, съ своей стороны, будетъ стараться о просвѣщеніи народа.

Такой смыслъ имѣли эти письма одного изъ первыхъ виновниковъ переворота, наступившаго въ послѣдующее время.

Люди консервативной партіи выпускали также съ своей стороны брошюры. Изъ нихъ нельзя не обратить вниманія на одну подъ названіемъ: «Соображенія о политическихъ обстоятельствахъ по поводу обывательскаго задора»; она замѣчательна по вѣрному взгляду на вещи и благоразумному предвѣдѣнію будущаго.

«Всѣ наши сосѣди—говоритъ авторъ—занились войною, которая теперь въ самомъ разгарѣ ведется въ отдаленныхъ странахъ; только одинъ изъ сосѣдей сохраняетъ спокойствіе, нигде не вмѣшивается, а выжидаетъ, пока другіе ослабѣютъ. Но этотъ сосѣдъ не утратилъ желанія увеличивать свои владѣнія, онъ только поступаетъ осторожно (авторъ разумѣетъ Пруссію). Можно ли допустить, чтобъ, въ то самое время, когда чужая политика соарбѣтъ въ грозномъ для насъ образѣ, мы сдѣлались орудіемъ собственной нашей гибели, по причинѣ нашего безразсуднаго увлеченія? Торопливый задоръ взялъ у насъ верхъ надъ видами спасительной политики. Мы слѣдуемъ за побужденіями той непріязни и ожесточенія, которая вибрило въ насъ вліяніе чуждой власти, вмѣшивавшейся въ наше внутреннее управленіе (авторъ разумѣетъ Россію); но мы не обращаемъ вниманія на то, что эта власть хочетъ только нашей политической слабости, а не гибели; напротивъ, для нея, болѣе чѣмъ для кого другого, нужно наше существованіе; мы поддаемся сердечному отвращенію къ ней и слушаемъ подущеній нашихъ прирожденныхъ непріятелей (нѣмцевъ); мы отвергаемъ все, что эта власть, во взаимному

нашему интересу, можетъ намъ присовѣтовать, отвергаемъ всѣ способы, которые она хочетъ подавать намъ для нашего сохраненія; для насъ всѣ другія опасности не кажутся страшными, и мы обратимся всецѣло къ тому, чтобъ ей показать, какъ глубоко врѣзалась въ наше сердце память тѣхъ обидъ, которыя она намъ причинила, и насильно навязанной намъ зависимости. Что же ей, запутанной теперь въ войны съ разными сторонами, останется предпринять? Она отречется отъ мысли беречь насъ для своей пользы, и гнѣвъ противъ насъ и необходимость выпутаться изъ войны продиктуютъ ей иные виды: она или отдастъ насъ на жертву другимъ, или же съ охотою приметъ предлагаемую ей долю нашего отечества. До сихъ поръ отъ полнаго завоеванія насъ охраняетъ единственно то, что чужіе до этого не допускаютъ. Несчастные мы: будемъ знать, что торгъ идетъ не съ нами, а объ насъ!»

Кромѣ печатныхъ брошюръ, знатные паны, имѣвшіе по всей Польшѣ большія связи и кліентства, писали письма къ обывателямъ, указывали на многозначительность настоящаго времени, излагали важность предстоявшаго сейма, убѣждали содѣйствовать на сеймикахъ ихъ планамъ: составлять инструкціи въ указанномъ духѣ, выбирать подходящихъ пословъ, а къ тѣмъ, которыхъ хотѣли видѣть послами, писали приглашенія быть кандидатами. Обыватели, занятые своими пирами и ссорами, мало думавшіе о политикѣ и землестроеніи, теперь какъ будто отъ сна пробуждались, стали читать газеты, слѣдить за ходомъ европейскихъ дѣлъ; въ ихъ обществѣ поднялись толки о судьбѣ отечества; полученные письма и брошюры отрывали имъ, что Польша находится въ такомъ положеніи, что ей приходится выбирать что-нибудь либо одно, либо другое: съ одной стороны, Россія, ведя вмѣстѣ съ Австріею войну противъ Турціи, приглашала Польшу къ союзу съ собою; съ другой—нѣсколько европейскихъ державъ вооружали Польшу противъ Россіи и приглашали къ союзу съ собою. Смотра по тому, отъ кого получались письма, къ кому имѣли читатели болѣе довѣрія, такъ и настраивались. Однихъ заставляли всего лучшаго ожидать отъ Россіи, другихъ увѣряли, что Россія есть древній врагъ Польши, хочетъ лишить ее независимости и даже уничтожить; что Польшѣ слѣдуетъ пользоваться временемъ и примкнуть къ европейской коалиціи противъ Россіи. Всѣ чувствовали себя накануне чего-то рѣшительнаго: предстоящему сейму заранѣе навязывали долгъ совершить великія перемѣны. Всѣ кричали объ улучшеніяхъ (porządach), но въ чемъ состояли эти улучшенія, это не сознавалось ясно и согласно; только сходились на томъ, что нужно умножить войско, ибо возникшая по сосѣдству

война требуетъ предосторожности, и опытъ перваго раздѣла научилъ поляковъ, что значитъ не имѣть войска. Вообще же и на этотъ разъ волненія умовъ носили характеръ прежней неопредѣленности и необдуманности. Оппозиція стекалась въ Куровъ къ братьямъ Потоцкимъ, и еще болѣе въ Пулавы къ Чарторымскимъ.

Козьмянъ оставилъ намъ любопытное описаніе, какъ составилась въ то время сеймика въ Люблинѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ, потому что оттуда вышли послы, отличавшіеся на сеймѣ дѣятельностью и прогрессивнымъ направленіемъ. Адамъ Чарторымскій съ своею супругою въ Пулавахъ задавали шумные и блестящіе пиры. Къ нимъ съѣзжались братья Потоцкіе—Игнатій и Станиславъ, Северинъ и Янъ Потоцкіе, Петръ Потоцкій, Длускій, Витославскій, Северинъ Ржевускій, множество обывателей и духовныхъ. Хотѣли заманить Щенскаго Потоцкаго: онъ былъ тогда въ апогее своей славы; онъ подарилъ Рѣчи-Посполитой 12 пушекъ, и обѣщалъ снарядить на свой счетъ цѣлый полкъ; вся Польша кричала, что онъ великій патріотъ. Въ честь его въ Пулавахъ приготовили театръ и хотѣли играть пьесу «Мать спартанка», но Щенсный не пріѣхалъ въ большой досадѣ всѣхъ гостей. Пропировавши и протанцовавши нѣсколько дней, обыватели, размягченные гостепріимствомъ хозяевъ, обѣщали выбрать Чарторымскаго посломъ. Гости, будучи навеселѣ, нѣсколько соблазнились тѣмъ, что онъ надѣлъ мундиръ австрійской службы, но панъ Витославскій объяснилъ, что Чарторымскій имѣетъ обычай нѣсколько разъ въ день наряжаться въ разные востюмы. Въ угоду гостямъ, Чарторымскій тотчасъ надѣлъ воеводскій мундиръ и выпилъ чашу венгерскаго за здоровье люблинскихъ обывателей. Послѣ обѣда и взаимныхъ объятій съ гостями, хозяинъ сталъ у камина, турокъ подаль ему трубку съ богато украшеннымъ длиннымъ чубукомъ и зажегъ вѣткою изъ алоэ. Тутъ ему подвернулся на глаза между обывателями нѣкто Янъ Дмоховскій, буянъ на сеймикахъ, королевскій пленнопотентъ. Князь, глянувъ на него, приказалъ подать себѣ кубокъ шампанскаго, выпилъ за здоровье пріятелей, и отдавая Дмоховскому, сказалъ: «панъ Дмоховскій, можетъ быть ты задумалъ стоять противъ меня на сеймикахъ? Смотри же, помни сударь, я не Дмоховскій». Это было предвѣстіемъ ссоры, но подбѣжала княгиня и сказала мужу: «иди спать, ты буянишь когда выпьешь», и вмѣстѣ съ тѣмъ приказала убрать бутылки и кубки. Князь разсмѣялся, наговорилъ всѣмъ вѣжливостей и ушелъ. Подпившіе гости у него въ домѣ ошачательно порѣшили, кого слѣдуетъ выбрать.

Настало время сеймиковъ. Козьмянъ рассказываетъ, какъ онъ пріѣзжалъ тогда на сеймики съ отцомъ своимъ. «Когда мы про-

ѣзжали черезъ люблинскую греблю—говорить онъ — насъ поразили огромный обозъ, словно татарское кочевье, на урочищѣ Татаряхъ, на правой сторонѣ отъ плотины. Мы увидали бѣлые шатры на жердяхъ, покрытые кусками матеріи, шалаши изъ хворосту; передъ нами пылали костры, рѣзали воловъ и пекли на рожняхъ огромные куски мяса; у столовъ и у стульевъ сидѣла кучами шляхта и пожирала кушанье; другіе припали къ бочкамъ съ пивомъ, медомъ, горѣлкою, черпали оттуда напитки стѣляницами, гарницами, жбанамъ и кричали: вивать! Иные сбились въ кружки, пробовали свои шалаши и рубились между собою. Табунъ лошадей паса между ними; нѣсколько сотъ подлясскихъ повозокъ въ одну лошадь, съ поднятыми въ верхъ оглоблями, окружали обозъ и образовали таборъ. «Что это такое?» спросилъ мой отецъ, встрѣтивъ нѣсколько шляхтичей на плотинѣ.—Это подлясская партія нашего князя, сказали ему. Мы поѣхали на предмѣстье къ доминиканамъ и встрѣчали по дорогѣ бродящія толпы шляхты, въ капотахъ и епанчахъ, съ саблями, и съ трудомъ могли добраться до каменнаго строенія. Едва мой отецъ успѣлъ переодѣнуть платье, какъ къ нему пришло нѣсколько обывателей, городскихъ и сельскихъ, съ жалобою, что нѣтъ никакой безопасности въ городѣ; головы нельзя высунуть на улицу — отрубятъ; въ городѣ и на Жидахъ (часть Люблина) заперли лавки; шляхта ихъ отбиваетъ и товары грабитъ. Пьяные напали на почтеннаго обывателя Янишевскаго и изранили его, вообразивъ, что это Дмоховскій, потому что онъ былъ рыжій и низкорослый, хотя одинъ изъ нихъ ходилъ прямо, а другой хромалъ; его, раненаго, чуть спасъ братъ и унесъ домой. На люблинскаго хорунжаго Понятовскаго напали на улицѣ и хотѣли сорвать съ него саблю съ богатою рукояткою; дошло до свалки, да отважный старикъ сталъ противъ нихъ смѣло и крѣпко; тутъ пріятели его прибѣжали и разогнали назойливую сволочь. Меценасу и осѣдлому въ городѣ обывателю выбили окна: онъ было сталъ имъ выговаривать, что непристойно шляхтѣ дѣлать насилія и грабежи; а они ему отвѣчали камнями и ранили его въ голову. Обыватели просили моего отца ходатайствовать у князя, чтобъ онъ приказалъ вывести изъ города эту полудикую орду, запретилъ поить ее и впускать въ городъ. Въ день сеймика всѣ пошли въ костелъ. Хотя въ то время и не ожидали буйства и все, казалось, должно было обойтись покойно, однако я увидѣлъ, что одинъ только Чарторыскій былъ въ парикѣ, въ шляпѣ и въ мундирѣ люблинскаго воеводства, а другіе паны, которыхъ выбирали въ послы: Станиславъ Потоцкій, Ржевускій, Сангушко, надѣли на голову шапки туго настегаанныя ватою и, вмѣсто

шпагъ, привѣсили палаши на перевязяхъ. Вся толпа не могла помѣститься въ костелъ, не малая часть шляхты оставалась на лугу надъ Быстрицею, у шатровъ и у бочекъ; другая наполняла корридоры и дворъ монастыря; ея хвостъ волочился по улицамъ. Сеймигъ окончился, однако, спокойно; единогласно выкрикнули всѣхъ кандидатовъ, и къ нимъ присоединился стольникъ Выбрановскій, сѣдой и почтенный обыватель люблинскаго воеводства; шляхта принесла его и другихъ передъ маршалскій столъ; князь въ короткихъ словахъ поблагодарилъ братію за выборъ. Тутъ я въ первый разъ услышалъ выразительную, произнесенную безъ подготовки, рѣчь Станислава Потоцкаго. По выходѣ изъ костела, всѣ обыватели отправились обѣдать къ князю. По приготовленіи *Laudum* (постановленія) и инструкціи для выбранныхъ пословъ, стали разѣзжаться и развозить шляхту; исчезъ таборъ съ луга, но еще цѣлую недѣлю послѣ того по городу шатались повѣсы съ саблями. На этомъ сеймигѣ, какъ обыкновенно бывало на каждомъ, два-три шляхтича опились, другіе, пьяные, слетѣли со второго яруса и убились или разшиблись.»

Эти краснорѣчивые факты показываютъ, что, для начала преобразованій, о которыхъ толковали, употребляли старые приемы. На этотъ сеймъ, послѣдній въ исторіи Рѣчи-Посполитой, составленный не по волѣ чужой власти, послы выбирались не по сознательной волѣ гражданъ, а посредствомъ подкупа и подпои шляхетской толпы, точно также, какъ и на всѣ предшествовавшіе сеймы въ теченіи вѣковъ. Это одно затрудняло и даже дѣлало почти невозможнымъ истинное возрожденіе націи. Инструкціи, опредѣлявшія дѣйствія пословъ, писались по волѣ могучихъ пановъ, какъ и прежде дѣлалось. Тогда какъ въ люблинскомъ воеводствѣ заправляли выборами паны прусской партіи, въ южно-русскихъ краяхъ подбирали партію Щенскій Потоцкій и Браницкій, и они также обсыпали золотомъ и опаивали виномъ шляхту, настраивая ее выбирать людей противнаго направленія.

Современникъ Охоцкій говоритъ, что, подъ вліяніемъ Щенскаго Потоцкаго, на брацлавскомъ сеймигѣ въ инструкціи посламъ были заявленія объ улучшеніи участи хлоповъ: вопросъ этотъ всегда обходило шляхетство, и только Щенскому, при его силѣ, возможно было произвести такое необычное дѣло. Самъ Щенскій руководился въ этомъ случаѣ вліяніемъ извѣстнаго тогда поэта Трембицкаго, который проживалъ у него.

Браницкій, черезъ посредство Потемкина, хлопоталъ у Екатерины, чтобъ ему было дозволено составить конфедераціи и потомъ соединить ихъ во единую. Въ этомъ духѣ Потемкинъ подавалъ государынѣ проектъ. Въ немъ доказывалось, что до-

зводить въ Варшавѣ составить конфедерацію опасно. Внушалось опасеніе, что въ конфедерацію, составленную такимъ образомъ послѣ стѣзды сеймовыхъ пословъ, войдутъ люди убѣжденные, противныхъ Россіи, и такая конфедерація не будетъ оставаться въ зависимости отъ русскаго двора, а подвергнется вліянію иностранныхъ министровъ, станетъ препятствовать военнымъ операціямъ Россіи и сдѣлается вообще болѣе вредною для ней, чѣмъ полезно: король не станетъ служить видамъ Россіи, а будетъ преслѣдовать свои собственные виды. Гораздо безопаснѣе составить конфедерацію изъ отдѣльныхъ лицъ, которые не посмѣютъ нарушать обязательствъ къ Россіи, изъ опасенія навлечь на себя страшный для нихъ ея гнѣвъ. Нужно при этомъ стараться, чтобъ въ конфедерацію не входили люди нерасположенные къ Россіи; для этого нужно собрать войско подъ начальствомъ Браницкаго и Потоцкаго, присоединить къ нему, для усиленія войска, часть русскаго и тогда составить конфедерацію изъ тѣхъ, на которыхъ можно понадѣяться, а для того, чтобъ купить такихъ людей, нужно получить отъ Россіи двѣсти тысячъ червонцевъ. Проектъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ дѣйствительно осуществился, но не теперь, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1792 г.; тарговицкая конфедерація существовала въ теоріи еще въ 1788 году: это показываетъ, что въ свое время она вытекала изъ необходимости и была неизбежна какъ явленіе, сложившееся прежними обстоятельствами. По плану Потемкина, конфедерація, составленная подъ принужденіемъ со стороны Россіи, заключила бы союзъ Польши съ Россіею и сдѣлала бы короля и все правительство орудіемъ Россіи; но тогда Браницкій, Ржевускій, Щенский Потоцкій, Велевскій и проч. правили бы всею Рѣчью-Посполитою, учредили бы свои суды, давали бы, кому хотѣли, должности, распоряжались бы произвольно казною и вообще поступали такъ, какъ только можно въ анархіи и какъ дѣлалось во время конфедерацій. Екатерина отвергла этотъ проектъ, потому что не видѣла необходимости въ то время возбуждать и поддерживать смуту въ Польшѣ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Потемкина императрица выразилась, что для Россіи нѣтъ пользы, чтобы Польша сдѣлалась активнѣе, и потому хотѣла, чтобъ дѣятельность предстоявшаго сейма ограничилась заключеніемъ союза съ Россіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она требовала, чтобы конституція, уже существовавшая, оставалась непоколебимою, ибо она была гарантирована императрицею. По ея соображеніямъ, эта конституція была достаточна для того, чтобъ въ Польшѣ могли происходить внутреннія улучшенія, не вредныя для Россіи. По плану Екатерины, слѣдовало собрать чрезвычайный сеймъ; этотъ сеймъ

долженъ конфедероваться, а потомъ изъ среды своей выбрать делегацію, которая была бы уполномочена заключить союзъ съ Россіею. «Составленіе въ Польшѣ конфедерацій по провинціямъ, говорила императрица, имѣетъ видъ бунта, и такой образъ дѣйствія можетъ прежде всего прусскому королю подать поводъ составить съ своей стороны другую конфедерацію, или по крайней мѣрѣ, поддерживать ту, которую устроятъ поляки. Подобныя внутренніе бунты должны будутъ отвлечь въ Польшу часть русскаго войска для ихъ усмиренія». Екатерина отдавала справедливость частнымъ лицамъ, о расположеніи которыхъ намекалось въ проектѣ, но замѣчала, что она не думаетъ, чтобъ король забылъ долгъ благодарности и собственную безопасность, и склонился бы къ видамъ, противнымъ Россіи. Поэтому Штакельбергъ получилъ предписаніе содѣйствовать тому, чтобъ сеймъ въ Варшавѣ сконфедеровался, чтобъ онъ также, какъ сеймъ, рѣшившій первый раздѣлъ, продолжался не болѣе шести недѣль и былъ лимитованъ (временно закрытъ), а потомъ возобновленъ по надобности для учрежденій.

Послы собрались въ октябрѣ 1788 года, и Штакельбергъ, до тѣхъ поръ считавшій Станислава Малаховскаго преданнымъ Россіи, увидалъ, что онъ заурядъ съ братьями Потоцкими чаеетъ спасенія отъ Пруссіи. Это парализировало русскаго посланника. Онъ хотѣлъ препятствовать избранію его въ маршалы, сталъ покровительствовать Щенскому Потоцкому, но уже было поздно. На первомъ засѣданіи, маршалъ предшествовавшаго сейма отлагалъ выборъ новаго маршала. Нѣсколько голосовъ изъ Литвы и Руси закричало: Щенскаго Потоцкаго! Но шестьдесятъ голосовъ королевской партіи въ свою очередь закричали: «Нѣтъ на то согласія. Пана Станислава Малаховскаго короннаго референдарія просимъ маршалкомъ!» За ними закричали: Малаховскаго! великополяне, а потомъ послы литовскіе и русскіе увлеклись въ пользу Малаховскаго и измѣнили Щенскому. Въ это время Петръ Потоцкій староста Щержецкій, какъ бы ради поддержанія чести рода Потоцкихъ, предложилъ себя въ кандидаты на маршальство. Но то была только комедія. Этому пану хотѣлось разыграть передъ всѣми великодушнаго и благороднаго человека. Онъ былъ панъ съ кредитомъ, а поэтому нашелъ кружокъ пановъ, преимущественно изъ Подляся. Они стали поддерживать его, измѣнивъ Малаховскому. Засѣданіе разстроилось. На другой день нужно было рѣшить споръ баллотировкою. Тогда Петръ Потоцкій объявилъ, что, изъ уваженія къ такой почтенной личности, какъ панъ Малаховскій, онъ отступаетъ отъ своей кандидатуры. Въ награду ему посыпались похвалы его аристидов-

своей доблести. Малаховскій единогласно сдѣлался маршаломъ. Щенскій, проглотивъ оскорбленіе, показывалъ видъ, что не чувствуетъ его и отправился въ Малаховскому съ поздравленіемъ. Маршаломъ литовскимъ или литовской конфедераціи на сеймѣ избранъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга.

III.

Открытіе сейма. — Прусскія внушенія. — Увеличеніе войска. — Уничтоженіе военнаго департамента. — Учрежденіе военной комиссіи.

По избраніи маршала, обѣ Избы: сенаторская и посольская, соединились въ одну сеймовую. Засѣданія съ 7-го октября стали отправляться въ большой залѣ, въ лѣвой сторонѣ варшавскаго замка (отъ главныхъ воротъ съ Краковскаго предмѣстья). Король приходилъ въ засѣданіе, торжественно предшествуемый четырьмя маршалами (двумя великими и двумя коронными) и окруженный сенаторами, и садился на тронѣ. Сенаторы засѣдали въ креслахъ, послы на лавкахъ. Въ залѣ, по бокамъ, за лавками и на хорахъ толпились арбитры, то-есть, посторонніе посѣтители; ихъ было очень много; тогда въ Варшаву наѣхали обыватели съ тѣмъ, чтобъ слѣдить за дѣлами сейма: это не были безгласные зрители; напротивъ, они своими знаками одобренія или порицанія, рукоплесканіями или шиканьями давали направленіе и перевѣсъ сеймовымъ преніямъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ публики были дамы, владѣвшія сердцами пословъ. Когда шла рѣчь о дѣлахъ иностранной политики, требующихъ секрета, арбитровъ удаляли, но они не всегда слушались. Въ важныхъ случаяхъ проекты разсматривались предварительно на провинціальныхъ засѣданіяхъ, которыя отправлялись коронными послами у сеймоваго маршала Малаховскаго, а литовскими — у Сапѣги или Радзивилла.

Намѣреніе короля было предложить сейму союзъ съ Россіею, но, при самомъ открытіи засѣданій, онъ нашелъ, что раздраженіе противъ Россіи уже сильно раздуто прусскою партіею, и прусскій министръ Бухгольцъ отъ 1 (12) октября подалъ ноту, которая, съ перваго раза, преградила возможность выступить съ проектомъ союза съ Россіею. Нота эта была такого содержанія:

«Въ концѣ августа текущаго года, графъ Штапельбергъ, русскій посланникъ, официально сообщилъ нижеподписавшемуся, что императрица русская вознамѣрилась на предстоящемъ сеймѣ предложить заключеніе союза съ королемъ и Рѣчью-Посполитою, котораго цѣлію будетъ безопасность и цѣлость Польши

и оборона противъ общаго непріятеля. Нижеподписавшійся доложилъ объ этомъ своему государю, и вслѣдствіе полученнаго привазанія отвѣчалъ графу Штакельбергу, что его величество, король его, также предлагаетъ возобновить издавна существующіе между Пруссіею и Польшею договоры, потому что выгоды этой сосѣдней націи интересуютъ его королевское величество не менѣе, какъ и другія государства. Такъ какъ предполагаемый между Польшею и Россіею союзъ имѣетъ главною цѣлю сохраненіе цѣлости Польши, то его величество прусскій король не видитъ ни пользы, ни нужды въ такомъ союзѣ, потому что цѣлость Польши достаточно обезпечена послѣдними договорами. Нельзя предполагать, чтобъ договоры эти могли быть нарушены російскою императрицею или римскимъ императоромъ. Съ своей стороны, его величество прусскій король приглашаетъ благomyслиющую часть польскаго народа засвидѣтельствовать о неизмѣнной его пріязни къ этому народу. Его величество прусскій король вынужденъ торжественно протестовать противъ намѣреній такого союза, если бы онъ былъ обращенъ противъ его королевскаго величества, и въ такомъ случаѣ не можетъ не видѣть, что онъ замышляется съ цѣлю разорвать доброе согласіе и доброе сосѣдство, утвержденное торжественными договорами между Пруссіею и Польшею. Если же этотъ союзъ можетъ быть направленъ противъ общаго врага, то-есть, противъ Оттоманской Порты, то этимъ нарушается карловицкій миръ, и каждый благоразумный полякъ легко пойметъ, какъ трудно было бы охранить отечество отъ близкаго, многочисленнаго и счастливаго въ войнѣ непріятеля. Поэтому онъ полагаетъ, что тѣ, которые бы старались о заключеніи союза противъ Порты, подобнымъ поступкомъ увольняли бы короля, по силѣ шестой статьи договора 1773 г., отъ гарантіи цѣлости областей Рѣчи-Посполитой, потому что въ этомъ договорѣ ясно исключенъ случай войны между Польшею и Портою. Его величество отнюдь не противится, чтобъ Рѣчь-Посполитая возвела свою военную силу на высшую степень значенія. Пруссскій король надѣется, что наияснѣйшіе чины Рѣчи-Посполитой, для блага своихъ владѣній, пожелаютъ не разрывать узы искреннѣйшей дружбы, постояннаго и вѣчнаго мира. Если жъ бы, вопреки ожиданію, пожелали приступить къ заключенію вышеупомянутаго союза, то, въ такомъ случаѣ, его величество прусскій король предлагаетъ наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой отъ себя такой же союзъ и возобновленіе существующихъ между Польшею и Пруссіею договоровъ. Его королевское величество считаетъ себя въ состояніи обезопасить собственность Рѣчи-Посполитой въ такой же степени, какъ и всякое другое государство.

Его величество прусскій король приглашаетъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ и добрыхъ обывателей польскихъ соединиться съ нимъ, въ видахъ отвращенія отъ Польши взаимными средствами тѣхъ великихъ несчастій и бѣдствій, которыя ей угрожаютъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество прусскій король обѣщаетъ дать имъ всякую помощь и дѣйствительнѣйшее пособіе въ видахъ поддержанія независимости, свободы и безопасности Польши.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бухгольцъ сообщилъ секретно ноту Оттоманской Порты. Въ ней, отъ имени султана, изъяснялась жалоба на Россію за то, что она не допускаетъ поляковъ устроить въ своемъ государствѣ перемѣны. Россія хочетъ держать поляковъ въ качествѣ своихъ невольниковъ. Неслыханное дѣло — было сказано въ турецкой нотѣ — чтобъ народъ народу препятствовалъ составлять планы для своего управленія. Вотъ несомнѣнное доказательство, что Россія хочетъ распространить свое могущество на всѣхъ своихъ сосѣдей; поэтому, если Польша станетъ просить для своего избавленія отъ притѣсненій Россіи помощи, то султанъ съ великимъ удовольствіемъ исполнить обязанности дружбы, существующей между Польшею и Портою, и покажетъ себя опорой слабыхъ и бичемъ высокомерныхъ, потому что Богъ далъ ему право охранять слабыхъ и вызывающихъ о помощи и защитѣ. Бухгольцъ добавлялъ словами то, что изложилъ въ своей нотѣ, и увѣрялъ пановъ, что Пруссія немедленно пошлетъ сотрокъ тысячъ войска для охраненія Польши, если только Россія вздумаетъ мстить ей за сверженіе съ себя зависимости. Англійскій и шведскій посланники также возстановляли поляковъ противъ Россіи. Въ такихъ обстоятельствахъ союзъ съ Россіею казался рѣшительно невозможнымъ дѣломъ. Заключить его — значило вооружить противъ себя Европу. Польша, казалось, должна была подвергнуть себя въ такомъ случаѣ немедленно вторженію непріязненныхъ войскъ. Турція, Швеція, а потомъ и Пруссія, послали бы противъ нея свои силы. Такимъ образомъ и тѣ, которые искренно желали этого союза, должны были пріостановиться и мало-по-малу склоняться къ инымъ убѣжденіямъ. Предложенія враговъ Россіи оказывались гораздо выгоднѣе и надежнѣе. Императрица хотѣла только союза, но не изъясляла желанія дозволить полякамъ производить перемѣны въ своемъ государствѣ, выходя изъ предѣловъ, данныхъ имъ въ основы правленія, тогда какъ Пруссія заохочивала ихъ къ кореннымъ преобразованіямъ, предоставляла имъ полную свободу дѣйствій, и пока не только ничего для себя не требовала, но еще безкорыстно обѣщала помощь. Число сторонниковъ Пруссіи возросло мгновенно. Нѣкоторые паны и послы, до сихъ поръ колебавшіеся,

открыто заявляли себя на сторонѣ Пруссіи. Въ числѣ ихъ былъ Радзивиллъ, Ranie Kochanku, который, по своему обычаю, вѣчно пьяный, сапалъ и дремалъ въ избѣ, сидя въ сенаторскомъ креслѣ, щеголяя краснымъ бархатнымъ кунтушемъ съ бриллиантовою застежкой, посреди которой сверкалъ крупный карбункулъ, богато оправленной корабелею, и большими усами. За нимъ его многочисленные кліенты, каждый день опивавшіеся у него въ палацѣ, стали превозносить Пруссію и бранить Россію.

При такомъ настроеніи, сеймъ далъ слѣдующій отвѣтъ прусскому министру чрезъ своихъ маршалковъ:

«Нижеподписавшіеся, по приказанію короля и чиновъ Рѣчи-Посполитой, въ настоящемъ конфедерованномъ сеймѣ, честь имѣютъ сообщить г. фонъ-Бухгольцу, послу е. в. короля прусскаго, отвѣтъ, сообразно чувствованіямъ его королевскаго величества прусскаго короля, изложеннымъ въ деклараціи отъ 12-го октября. По прочтеніи означенной деклараціи, все собраніе чиновъ прониклось чувствомъ живѣйшей и искреннѣйшей благодарности, подобающей великодушному образу мыслей короля, соуды и друга, который, охраняя цѣлость Польши, укрѣпляетъ особеннымъ увѣреніемъ прочность союза и утверждаетъ существующее въ народѣ мнѣніе о немъ, какъ о могущественнѣйшемъ и добродѣтельнѣйшемъ государѣ! Проектъ союза между Польшею и Россіею не находится въ совѣтѣ, не представленъ на сеймѣ сконфедерованнымъ чинамъ государства, не сдѣлался цѣлю настоящей конфедераціи, которая, сообразно всеобщей волѣ народа и поданнымъ отъ трона предложеніямъ, обратитъ всѣ труды свои и усилія къ увеличенію податей и умноженію войска Рѣчи-Посполитой, не съ наступательною, но съ оборонительною цѣлю, дабы Рѣчь-Посполитая могла защищать и поддерживать свое достоинство и свое свободное правительство. Если-жъ бы, въ ряду сеймовыхъ работъ для вышеозначенныхъ цѣлей, подано было предложеніе и проеетъ какого-либо союза, то Рѣчь-Посполитая, по существу сеймовыхъ занятій обязанная въ дѣйствіяхъ своихъ идти явными шагами, не можетъ и не желаетъ скрывать своего поведенія, всегда сообразуясь съ независимостію, приличною своей самостоятельности, съ указаніями публики и священнаго для ней права, съ правилами осторожности и должнаго вниманія къ дружескимъ чувствованіямъ его величества прусскаго короля; а такъ какъ народная воля, всегда справедливая и явная, руководитъ занятіями настоящаго сейма, то собранные чины Рѣчи-Посполитой нераздѣльно и единогласно приложить всяческое усиліе, чтобы въ мнѣніи его королевскаго величества заслужить лестное одобреніе своему просвѣщенному патріотизму.»

Король Станиславъ-Августъ предостерегалъ сеймъ, убѣждалъ не раздражать Россіи и не довѣрять Пруссіи. «Сосѣди наши заняты войной—говорилъ онъ—и вы хотите, слѣдуя сердечнымъ побужденіямъ, оскорблять Россію, которая совсѣмъ не хочетъ нашего уничтоженія; вы отдаетесь съ довѣріемъ державѣ, которая уклоняется отъ войны единственно съ желаніемъ собрать силы, чтобы, въ удобное время, сдѣлать насчетъ насъ новыя пріобрѣтенія. Мы можемъ надѣлать Россіи затрудненій, но это доведетъ ее до того, что она принуждена будетъ отдать насъ на жертву судьбѣ нашей, или принять отъ другихъ предложенную ей часть нашего отечества». Братъ короля, примасъ, говорилъ противъ Пруссіи еще рѣзче и вспоминалъ разныя несправедливости, испытанныя Польшею отъ этой сосѣдней державы. Противъ него сильно кричали, восхваляли Пруссію и бранили Россію Сухоржевскій, Суходольскій и Кублицкій, люди, всѣ, впослѣдствіи, служившіе Россіи. Бухгольцъ, услышавъ, что происходитъ на сеймѣ, написалъ ноту, гдѣ выразилъ надежду, что государственныя чины не увлекутся внушеніями духа пристрастія, надѣвающаго личину патріотизма съ цѣлю отвлечь Рѣчь-Посполитую отъ прусскаго короля, ея давняго и искреннаго союзника. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій министръ, отъ имени своего короля, побуждалъ сеймъ какъ можно дѣятельнѣе работать надъ реформой.

Первымъ дѣломъ было умноженіе войска. Лэнчицкій посолъ Ермановскій говорилъ: «Значеніе Польши упало въ ряду европейскихъ державъ съ тѣхъ поръ, какъ уменьшилось наше войско. Иноземныя войска проходили черезъ наши земли, назначали себѣ здѣсь стоянки; насъ никто не призывалъ на помощь, никто не дорожилъ союзомъ съ нами, упалъ духъ старопольскаго мужества, не стало охоты къ военному дѣлу. Поляки праздно и лѣнливо проводили время. Только обладаніе военною силою можетъ насъ поднять». Но другіе представляли неудобства проистекающія для страны отъ содержанія большого войска, вспоминали какъ въ старину реестровое войско возбуждало жалобы шляхетства, какъ жолнеры наѣзжали на шляхетскіе дома, брали подводы, не щадили ни шляхетскихъ, ни духовныхъ имѣній. Увеличеніе войска однако не производило слишкомъ горячихъ споровъ. Въ засѣданіе, 20-го октября, рѣшено было увеличить войско до ста тысячъ. Но такое число легко было только написать. Надобно было содержать это войско. Нужны были средства. До сихъ поръ на войско Рѣчи-Посполитой тратилось шесть милліоновъ злотыхъ, теперь по смѣтѣ находили, что нужно было сорокъ милліоновъ; слѣдовало отыскать недостающіе тридцать че-

тыре милліона. Не меньше того нужно было установить и правильное начальство надъ войскомъ. Сверхъ того, по обычнымъ понятіямъ, нужно было еще, чтобы войско не сдѣлалось опаснымъ орудіемъ для ограниченія свободы РѢчи-Посполитой. Прежнее уменьшеніе войска въ Польшѣ было слѣдствіемъ ревливой осторожности и боязни за шляхетскую свободу. Поляки издавна опасались, чтобы у королей не было въ распоряженіи военной силы; теперь повторялась таже извѣстная пѣсня. Прежде опасеніе оправдывалось тѣмъ, что польскіе короли были чужестранные принцы, не связанные съ Польшею ни происхожденіемъ, ни воспитаніемъ. Теперь, хотя на престолѣ царствовалъ природный полякъ, но его считали подручникомъ и орудіемъ Ека-терины. Когда запла рѣчь о начальствѣ, холмскій посоль Суходольскій предложилъ уничтожить военный департаментъ, установленный конституціею 1775 года, какъ отдѣлъ постоянного совѣта. Это было первое посягательство на конституцію, данную Россіею и гарантированную ею. Король былъ противъ. Еще смѣлость противъ Россіи не шагнула слишкомъ далеко; еще не всѣ были увѣрены, что Россія ослабѣвала. Когда начали собирать голоса, то шестьдесятъ голосовъ были съ королемъ за сохраненіе военнаго департамента. Но когда, потомъ, сдѣлана была секретная баллотировка, то число защитниковъ спало до семи. Очевидно, что многіе хотѣли того же, чего и другіе, да не были слишкомъ смѣлы. Эта двуличность такъ поразила короля, что онъ сдѣлался нездоровъ. Споръ о начальствѣ шелъ нѣсколько дней. Патріоты ни за что не хотѣли допустить ни короля, ни гетмановъ къ начальству надъ войскомъ, чтобы не было, какъ говорили они, государства въ государствахъ. Люблинскій посоль Станиславъ Потоцкій предложилъ учредить комиссію, которая зависѣла бы не отъ короля, а отъ сейма. Его единомышленники развивали мысль, чтобы въ этой комиссіи гражданское начало брало верхъ надъ военнымъ. Рѣзкимъ противникомъ ихъ былъ тогда черскій каштелянъ Островскій. Главнымъ неудобствомъ принять проектъ Потоцкаго онъ выставялъ то обстоятельство, что эта комиссія въ промежуткѣ отъ одного сейма до другого будетъ оставаться безъ всякаго надзора. Послѣ многихъ споровъ, 3-го ноября, большинствомъ восемнадцати голосовъ, рѣшено было подчинить военную силу верховной власти войсковой комиссіи. Въ случаѣ, еслибъ эта комиссія употребила во зло свою власть, она отвѣчала передъ сеймовымъ судомъ, который долженъ быть составленъ изъ шести сенаторовъ, четырехъ министровъ (маршала, гетмана, печатника и подскарбія) и двадцати четырехъ пословъ, по ровному числу выбранныхъ отъ каждой изъ трехъ

провинцій: малопольской, великопольской и литовской. Военный департаментъ уничтоженъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, русскій посланникъ Штапельбергъ представилъ, 5-го ноября, ноту на сеймъ такого содержания: «Нижеподписавшійся, чрезвычайный уполномоченный посолъ ея императорскаго величества императрицы всероссійской, хотѣлъ оставаться въ молчаніи и потому не дѣлалъ никакихъ съ своей стороны заявленій относительно учиненныхъ свѣтлѣйшими чинами Рѣчи-Посполитой постановленій, которыя, хотя и нарушили конституцію 1776 года, заключенную съ тремя дворами, но еще не разорвали прямо акта гарантіи 1775 года. Повелѣнія ея императорскаго величества всегда дышали чувствами дружбы къ народу польскому, такъ что нижеподписавшійся желалъ бы не быть приведеннымъ къ непріятной необходимости протестовать противъ нарушенія формы правленія, освященнаго торжественнымъ актомъ гарантіи 1775 года. Но мысль, заключающаяся въ разныхъ проектахъ, имѣющая цѣлью полное ниспроверженіе правительства, предписываетъ нижеподписавшемуся потребность объявить, что ея величество, съ сожалѣніемъ отказываясь отъ дружбы, которую питала къ королю и Рѣчи-Посполитой, не можетъ смотрѣть на малѣйшую отмѣну конституціи 1775 года иначе, какъ на нарушеніе дружелобныхъ отношеній и договора между Польшей и Россіей.»

Эта нота произвела взрывъ негодованія на сеймѣ. Тутъ встали были получены рапорты о дурномъ поведеніи квартировавшихъ въ Польшѣ русскихъ войскъ. Король сталъ опять говорить за Россію. «Не соблюдать—говорилъ онъ—трактатовъ, значитъ вызывать на себя и слѣдствія этого несоблюденія. Богатыри, которые нарушали трактаты, тогда только получали черезъ то славу и уваженіе, когда у нихъ было достаточно не только отваги, но и умѣнья и средствъ вести дѣло, и обстоятельства имъ благопріятствовали. У насъ же нѣтъ силъ сопротивляться и мы можемъ сдѣлаться добычею чуждыхъ интригъ. Нѣтъ государства, которому бы наши выгоды были менѣе противны, какъ Россіи, и если бы я не былъ королемъ, а только родился полякомъ, то и тогда, изъ любви къ отечеству, долженъ былъ бы желать и совѣтовать поступать осторожно и уважительно съ Россіей». Попытки соблюсти доброе согласіе съ Россією произвели такое смятеніе на сеймѣ, что нѣкоторые брались за сабли. Пруссійскій министръ, между тѣмъ, въ своихъ свиданіяхъ съ членами сейма, подстрекалъ ихъ выступать какъ можно энергичнѣе противъ Россіи, заявлять свою самостоятельность и рѣшительно потребовать выступленія русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ. Въ слу-

чаѣ мщенія со стороны Россіи, онъ снова ободрялъ ихъ надеждою, что прусскій король пришлетъ имъ войска, когда нужно.

10-го ноября, поданъ королю адресъ: требовалось продолжить сеймъ до 22-го ноября съ правомъ продолжить его и на дальнѣйшее время, до тѣхъ поръ, пока не окончатся всѣ занятія, лежавшія на обязанности сейма, не закрывать сеймовыхъ засѣданій безъ согласія членовъ и просить императрицу вывести русскія войска изъ Польши, а въ случаѣ отказа выгнать ихъ силою; для этого обратиться къ сосѣднимъ иностраннымъ державамъ съ жалобами на пребываніе иностранныхъ войскъ въ земляхъ Рѣчи-Посполитой и на угрозы русскаго посланника. Какъ ни горячились, однако отвѣтъ на ноту Штакельберга былъ написанъ княземъ Чарторыскимъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Рѣчь-Посполитая давала замѣтить, что она держава независимая и имѣетъ право распоряжаться своимъ внутреннимъ строемъ; изъяснялась надежда, что Россійская императрица окажетъ великодушіе и приобрѣтетъ право на благодарность польской націи: просили о выводѣ русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ.

24-го ноября, Штакельбергъ отвѣчалъ, что русскихъ войскъ нѣтъ въ Польшѣ; есть только незначительное число солдатъ, охраняющихъ магазины, которые, находясь въ Польшѣ, приносятъ жителямъ пользу, давая имъ возможность сбывать сельскія произведенія. Въ подобномъ же духѣ отвѣчалъ австрійскій уполномоченный нотою отъ 27-го ноября на словесное сообщеніе о нѣкоторыхъ оскорбленіяхъ, которыя причиняли австрійскіе солдаты польскимъ жителямъ.

Такимъ образомъ, прусская интрига устроила начало разрыва Польши съ Россіею. 19-го ноября, Бухгольцъ написалъ ноту, гдѣ еще разъ побуждалъ поляковъ къ произведенію реформъ въ своемъ государствѣ и обѣщалъ содѣйствіе своего короля въ случаѣ нужды. «Прускій король—говорилъ онъ—понимаетъ гарантію 1775 года не иначе, какъ въ смыслѣ огражденія независимости Рѣчи-Посполитой, а вовсе не такъ, чтобы эта гарантія давала право стѣснять свободу сужденій и вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны». Такое заявленіе подбодрило патріотовъ, усилило ненависть къ Россіи и преданность къ Пруссіи. Первой приписывались всякіе зловредные умыслы противъ Польши, второй всевозможнѣйшія доброжелательства. Сторонніе безпристрастные люди въ то самое время провидѣли, однако, что Пруссія играетъ Польшею. «Если Польшѣ—писалъ тогда саксонскій министръ Эссенъ—придется прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Россіи, не думаю, чтобы дворъ берлинскій сталъ тогда поддерживать польскій энтузіазмъ. Не можетъ же Пруссія вдругъ изъ-

мѣнить прежней политики и стремленій къ расширенію». По замѣчанію того же Эссена, между самими поляками были люди, которые сомнѣвались, чтобъ ихъ новые законодатели и землестроители оказались лучшими Ликургами и Солонами, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Польша опять сдѣлается театромъ раздоровъ и междоусобій и все кончится тѣмъ, что сосѣди согласятся установить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, и Польша сдѣлается добычею миротворцевъ. Немногіе такъ здраво судили. Патріоты добродушно довѣрялись ласковымъ выраженіямъ и, что всего было гибельнѣе, считали написанное ими на бумагѣ также твердымъ, какъ будто уже оно было приведено въ дѣйствіе.

29-го ноября, по предложенію Залѣскаго, принято было единогласно продолжить сконфедерованный сеймъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, этотъ сеймъ сдѣлался постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ.

Законъ объ умноженіи войска повлекъ ко многимъ проектамъ; недѣли проходили бесполезно, послы пускались въ мелочи, щеголяли краснорѣчіемъ, величались доблестями и сбивались съ прямой дороги, отелоняясь къ постороннимъ вопросамъ. Такимъ образомъ, толкуя о составѣ Войсковой Коммиссіи, свернули на вопросъ о взаимныхъ правахъ Польши и Литвы. Великопольскіе послы держались централизаціи, смотрѣли на Литву, какъ на страну совершенно единую съ Польшею и не хотѣли допустить въ устройствѣ Коммиссіи особенностей въ пользу автономіи Литвы. Литовскіе послы, напротивъ, добивались какихъ-нибудь, хотя формальныхъ, отличій. Ихъ сторону держали нѣкоторые послы изъ Малой Польши. Такъ, холмскій посолъ Суходольскій выразился, что унія Литвы и Польши есть дѣло священное, и онъ, какъ посолъ изъ Короны, долженъ стоять за преимущества Великаго литовскаго княжества. «Недостаточно-ли — возражали ему — сохранится унія Литвы съ Польшею уже и потому, что оба гетмана, коронный и литовскій, будутъ засѣдать въ Коммиссіи»? Подольскій посолъ Ржевускій предложилъ, чтобы, для угожденія національному самолюбію поляковъ и литовцевъ, Коммиссія производила четыре года свои дѣла въ Коронѣ, а два въ Литвѣ. Литовскіе послы, напротивъ, требовали, чтобы въ Коммиссіи половина членовъ была непременно изъ литовцевъ. «Но Литва — возражали имъ великополяне — не платитъ половины государственныхъ доходовъ въ казну, слѣдовательно нѣтъ основанія, чтобы въ Коммиссіи половина членовъ была непременно изъ литовцевъ». «Мы теряемъ напрасно время», сказали наконецъ нѣкоторые; и тогда прочіе, замѣтивши, что, въ самомъ дѣлѣ время теряется, торопливо принялись за дѣло и порѣшили, чтобы Коммиссія была

постоянно при сеймѣ, а въ промежуткѣ между сеймами, два года она должна находиться въ Польшѣ, а третій въ Литвѣ. Этимъ думали удовлетворить федеративной особенности Литвы; но представители послѣдней съ неохотою должны были признать первенство Польши, допустивъ для пребыванія Войсковой Коммиссіи въ Польшѣ два года, и только одинъ для пребыванія въ Литвѣ.

Споръ этотъ въ сущности не имѣлъ смысла: дворянство литовское, по языку, воспитанію и нравамъ, не отличалось отъ польскаго.

Нѣсколько засѣданій прошло въ толкахъ о томъ, какая одежда должна быть въ войскѣ. Подавали проектъ, чтобы мундиры были изъ туземнаго сукна; на это возражали, что польскія фабрики плохи и не въ силахъ доставить потребнаго количества одежды; да если бы такой законъ издать, то фабриканты будутъ дѣлать плохое сукно. «Прежде», сказалъ подольскій посолъ Красинскій, «выбьемся изъ неволи, возвратимъ Польшѣ независимость, уверенимъ воспитаніемъ въ юношествѣ чувства, которыми дышали предки, а потомъ уже будемъ разсуждать объ одеждѣ». 27 ноября рѣшено было, чтобы войска ходили въ польской одеждѣ. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, въ примѣръ другимъ, снялъ съ себя парикъ и европейскій кафтанъ и нарядился въ брошенную одежду предковъ. Она была ему очень къ лицу, когда онъ, выставя правую ногу впередъ и опершись лѣвою рукою на саблю, разсыпалъ перлы своего краснорѣчія. Затѣмъ, нѣкоторые другіе послы и литовскій гетманъ Огинскій надѣли старинный польскій костюмъ.

Занялись вопросомъ о средствахъ къ содержанію войска. Поляки охотно согласились, чтобы у нихъ было огромное войско, но платить на его содержаніе большой охоты не оказалось. Сухоржевскій предложилъ, чтобы владѣльцы и посессоры заплатили одно подымное, и чтобы, сверхъ того, была открыта подписка для добровольныхъ пожертвованій. Положили во всѣхъ городскихъ канцеляріяхъ, въ приходяхъ, въ судейскихъ канцеляріяхъ, въ ремесленныхъ цехахъ открыть добровольные сборы: всякій могъ вносить, сколько хотѣлъ; коматоры должны были собирать внесенное и доставлять въ скарбовыя коммиссіи—коронную и литовскую. Нѣкоторые богатые паны тотчасъ же показали свою тароватость. Канцлеръ Малаховскій пожертвовалъ двѣнадцать пушекъ. Волынский посолъ Гулевичъ обѣщалъ снарядить на свой счетъ эскадронъ изъ двухсотъ-пятидесяти человекъ. Разными приношеніями набрали до 80,000 злотыхъ. Дамы жертвовали свои брилліанты. Щенскій Потоцкій по этому поводу говорилъ о своей женѣ: «Вотъ гражданка, мать девяти дѣтей, хочетъ украшаться только однѣми добродѣтелями и лишаетъ себя драгоценностей

на пользу республики; эта гражданка — жена моя; цѣнность приносимыхъ ею пожертвованій равняется цѣнности десяти тысячъ ружей, которыя я самъ отъ себя сдамъ въ арсеналъ Рѣчи-Посполитой». Этотъ панъ, стараясь показать, что не имѣетъ предпочтенія ни къ Россіи, ни къ Пруссіи, взывалъ къ соотечественникамъ такъ: «Народъ нашъ ни на кого не долженъ надѣяться кромѣ самого себя, пока у него есть руки и металлъ, изъ котораго дѣлаютъ оружіе. Клянусь Богомъ, я никогда не буду служить чужимъ монархамъ; и если жестокая судьба и пороки Рѣчи-Посполитой погубятъ ее, если я буду такъ несчастливъ, что вмѣстѣ съ нею не похоронятъ и меня — я покину отечество и за морями, въ другомъ полушаріи, съ моими девятью дѣтьми пойду дышать вольнымъ воздухомъ. Разобьемъ наши оковы, забудемъ несогласія, возненавидимъ козни. Да погибнетъ память тѣхъ, которые призывали чужое войско для пролитія крови соотечественниковъ и открывали чужестранцамъ входъ въ Рѣчь-Посполитую». Эта рѣчь въ устахъ будущаго автора тарговицкой конфедераціи, главнаго разрушителя, съ чужестранною помощью, всѣхъ сеймовыхъ затѣй, многознаменательна, какъ образчикъ того, въ какой степени пышныя патріотическія фразы сходились съ поступками и насколько тогдашній полякъ могъ надѣяться самъ на себя. Нѣкоторые, не увлекаясь блескомъ фразъ, сопровождавшихъ пожертвованія, замѣчали, что стотысячное войско не можетъ сохраняться на счетъ дамскаго туалета.

Увлеченіе охладѣвало, когда надобно было толковать не о добровольныхъ жертвованіяхъ каждаго, а о наложеніи обязательныхъ податей въ пользу войска. Владѣльцы обширныхъ маєностей и посессоры королевщинъ старались, чтобы имъ пришлось платить какъ можно меньше. Англійскій министръ въ Польшѣ, Гэльсъ, писалъ въ отечество: «Нельзя не удивляться легкомыслію поляковъ: они рѣшились на увеличеніе войска, а содержать его нечѣмъ. Страна не имѣетъ ни торговли, ни промысловъ, народонаселеніе уменьшается; Польша не въ состояніи поднять издержекъ и на половину того количества войска, какое поляки признаютъ нужнымъ».

Проектъ о наложеніи подымнаго встрѣтилъ сопротивленіе. Виленскій посолъ Романовичъ кричалъ: «Мы еще не въ такой большой опасности, чтобы намъ отягощать шляхетскія имѣнія. Издержки на войско могутъ покрыться доходомъ съ поіезуитскихъ имѣній». Извѣстно, что доходы съ этихъ имѣній давно уже были обращены на народное воспитаніе. Брестскій посолъ Матушевичъ устранялъ на этотъ разъ совсѣмъ этотъ щекотливый вопросъ, доказывая, что прежде слѣдуетъ устроить прави-

тельство, а войско безъ твердаго правительства будетъ только на пагубу. Шенский Потоцкій, такъ щедро раздававшій на войско брилліанты жены своей, былъ противъ наложенія подымнаго, на томъ основаніи, что это только временная мѣра, а для содержанія войска нужны постоянныя средства. Этотъ панъ предложилъ еще на свой счетъ поставить тысячу человекъ. За нимъ Рanie Kochanku предложилъ отъ себя 600 человекъ; но оба хотѣли, чтобы власть надъ этимъ войскомъ оставалась за ними.

Но тутъ случились событія, которыя побудили Избу къ болѣе дѣятельности и рѣшимости. Получено извѣщеніе отъ командующаго польскимъ войскомъ въ Украинѣ, что русскіе не только не выводятъ войскъ изъ Польши, но еще три новые полка проходятъ черезъ Украину и вербуютъ людей. Это подало поводъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ Россіи.

Пруссійскій министръ послалъ 2 декабря на сеймъ еще одну одобрительную ноту, восхвалялъ поляковъ за ихъ смѣлость и увѣрялъ въ расположеніи прусскаго короля. Съ новыми надеждами на покровителя и благодѣтеля, сеймъ, въ своемъ отвѣтѣ прусскому министру, вознося до небесъ великодушіе и умѣренность прусскаго короля, жаловался на Россію, что она злоупотребляетъ правами гарантіи и просилъ Пруссію защищать Польшу отъ Россіи. Затѣмъ разнеслись слухи, что русскій народъ въ Украинѣ начинаетъ волноваться: это безъ дальнихъ размышленій приписали кознямъ москалей. Сухоржевскій, тотъ самый, который впослѣдствіи такъ усердно искалъ милости императрицы, теперь кричалъ на сеймѣ такъ: «наияснѣйшій король, если хочешь увидѣть поляковъ, готовыхъ умирать за достоинство твоего престола, — пусть они услышатъ изъ твоихъ устъ желанный голосъ: будемъ бить москалей! Наияснѣйшій король, если хочешь видѣть единодушное согласіе всего народа, произнеси одно слово: бить москалей!» Въ томъ же духѣ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, а подольскій посолъ Красинскій припоминалъ о неисчислимыхъ могилахъ Украины, свидѣтельствовавшихъ о старыхъ бунтахъ хлопскихъ, которые, по его мнѣнію, начиная отъ Хмельницкаго и до позднихъ временъ, всѣ были возбуждены москалями. Возбужденіе противъ Россіи имѣло за собою желаніе показать свѣту сознаніе самостоятельности и ниспровергнуть тѣ условія, которыя казались унижительными. До сихъ поръ Польша, по волѣ Россіи, не смѣла держать при иностранныхъ дворахъ своихъ посланниковъ.

9 декабря, брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій подаль проектъ объ учрежденіи Депутации иностранныхъ дѣлъ и о назначеніи къ иностраннымъ дворамъ посланниковъ. «Мы народъ

слабый — говорилъ онъ — народъ попираемый, презираемый, покрывшій себя стыдомъ; лучше намъ вовсе не существовать, чѣмъ питать гордость какого-нибудь чужого владыки». Проектъ его былъ принятъ, назначены были къ иностраннымъ дворамъ послы и учреждена Депутація иностранныхъ дѣлъ¹⁾.

Въ январѣ 1789 г. покусились на уничтоженіе постоянного совѣта. Этотъ совѣтъ былъ особенно ненавистенъ, тогда какъ нежеланіе выводить русскія войска изъ Польши чрезвычайно волновало умы, а въ предыдущіе годы дозволеніе на проходъ русскихъ войскъ черезъ Польшу давалось не сеймомъ, а Постояннымъ Совѣтомъ. Проектъ уничтоженія представленъ люблинскимъ посломъ Станиславомъ Потоцкимъ. Король, подъ страхомъ навлечь немилость Екатерины, сталъ было защищать Постоянный Совѣтъ. «Вотъ — говорилъ онъ — скоро четыре мѣсяца, какъ мы стараемся раздражить противъ себя императрицу; мы нарочно дѣлаемъ то, что ей противно, и умышленно не дѣлаемъ того, что ей угодно. Подумайте: уничтоженіе Постояннаго Совѣта будетъ конечнымъ нарушеніемъ мирнаго договора съ Россією». Но этого именно нарушенія и хотѣли патріоты: Постоянный Совѣтъ во многомъ былъ полезнымъ учрежденіемъ и давалъ хоть какой-нибудь порядокъ Польшѣ. Поляки порывались его уничтожить именно потому, что онъ созданъ былъ Россією. Удерживать его, казалось, значило бояться Россіи и повиноваться ей, а полякамъ хотѣлось показать всему свѣту и самимъ себѣ, что они болѣе не зависятъ отъ Россіи. «Если мы будемъ бояться Россіи, то лучше откажемся отъ званія свободныхъ людей и перестанемъ стыдиться называться рабами», говорили патріоты. Опасно было заикнуться за удержаніе Совѣта; зазорные прогрессисты готовы были пустить въ дѣло сабли. Сторонники прежняго порядка прибѣгли было къ хитрости; подъ видомъ еще крайнѣйшаго патріотизма они говорили: «Если уничтожать Постоянный Совѣтъ, такъ уничтожимъ же разомъ всѣ ненавистныя постановленія сейма 1775 года». Но у многихъ пановъ права собственности на имущество опирались на постановленія и приговоры именно этого сейма. Противники реформы, прикидываясь ея поборниками, хорошо понимали, что такого повального уничтоженія всѣхъ постанов-

¹⁾ Въ ней были надворный литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, кувяскій епископъ Рыбичій, бецкій каштелянъ Зелинскій, черниковскій посолъ Михаилъ Чацкій, сѣрадскій посолъ Любенскій, варшавскій посолъ Соболевскій, брестскій Матушевичъ и ливонскій Забѣлло. Къ иностраннымъ дворамъ назначали: въ Вѣну Войну, въ Берлинъ Чарторыскаго (но вмѣсто его посланъ былъ Яблоновскій), въ Лондонъ Букатого, въ Константинополь Маженскаго (посланъ былъ Петръ Потоцкій), въ Петербургъ хотѣли послать Щенснаго-Потоцкаго, но послали Деболи.

леній означеннаго сейма состояться не можетъ, и рассчитывали, что подобными заявленіями можно добиться до того, что патриоты охладѣютъ въ своемъ задорѣ и оставятъ въ покоѣ сеймъ 1775 года, а тѣмъ самымъ и учрежденный на немъ постоянный совѣтъ будетъ существовать. Но Казимиръ-Несторъ Сапѣга противопоставилъ этой уловкѣ другую, ей равную: онъ привелъ силу закона 1775 года, по которому не дозволялось на сеймъ вносить предложеній, заключающихъ нѣсколько предметовъ разомъ, а здѣсь представлялось разомъ множество вопросовъ: по силѣ приводимаго закона, ихъ слѣдовало раздѣлять особно. Онъ доказывалъ, что Постоянный Совѣтъ и безъ того уже лишился своего значенія, по уничтоженіи двухъ его департаментовъ и по замѣненіи ихъ Войсковою комиссіею и Депутаціею иностранныхъ дѣлъ; уничтожить остальное вовсе не такъ было важно, какъ казалось: дѣло состояло больше въ одномъ имени. Станиславъ Потоцкій сказалъ: «Выкинемъ самое имя Постояннаго Совѣта изъ нашихъ учреждений. Если мы не вычеркнемъ перомъ, то оно вычеркнется саблею». Предложили баллотировку. Примасть, нѣсколько сенаторовъ и тридцать пословъ объявили, что не участвуютъ въ баллотировкѣ; она тѣмъ не менѣе состоялась и Постоянный Совѣтъ, въ засѣданіи 19 января 1789 года, былъ уничтоженъ большинствомъ 122 голосовъ противъ 12.

Говорятъ, наканунѣ этого дня, Штакельбергъ видѣлся съ маршаломъ Малаховскимъ и замѣчалъ ему, что онъ не умѣетъ обуздывать многословія и увлеченія пословъ. «Я—сказалъ Малаховскій—свою обязанность знаю, нельзя зажать рта послу, если бы онъ позволилъ себѣ сказать даже что-нибудь и лишнее. Вѣдь онъ имѣетъ равное со мною достоинство». Это было сообщено нѣкоторымъ посламъ и побудило ихъ съ досады поспѣшить поступкомъ, который будетъ неприятенъ Россіи. «Черезъ-чуръ занесли поляки—сказалъ тогда Штакельбергъ—а вѣдь достаточно четырехъ православныхъ поповъ, чтобы сбить съ нихъ спѣсъ». Онъ намекалъ на крестьянскіе бунты православнаго народа, такъ часто пугавшіе и потрясавшіе шляхетскую республику. Штакельбергъ въ своихъ донесеніяхъ выражалъ полнѣйшее презрѣніе къ польской націи и называлъ сеймовую избу «роемъ дураковъ». Онъ зналъ, замѣчаетъ саксонскій министръ Эссенъ, что имперіалы и рубли все передѣлаютъ въ свое время. Впрочемъ, расходы на пенсіоны отъ Россіи въ это время были не велики и простирались до 41,638 червонцевъ. Намъ извѣстно, что Понинскій и Гуровскій получали по 2,400 червонцевъ, маршалъ Рачинскій и епископъ Коссаковский по 1,500, каштелянъ Островскій 2000, Мясковскій 4,000, пани Гумецкая 1,200, агентъ Боскампъ 500,

каштелянъ Лобачевскій 240 и. пр. Другіе, напр., полковникъ Островскій, Іозефовичъ и пр. получали по-мѣсячно червонцевъ по десяти. Нѣкоторые изъ пословъ получали отъ императрицы квартиру и содержаніе.

Поляки, чтобы показать свое геройство, тотчасъ сообщили объ уничтоженіи Постояннаго Совѣта всѣмъ дворамъ. Пруссія, Англія и Швеція восхваляли ихъ мужество и рѣшимость, но французскій министръ въ Польшѣ Оберъ сообщилъ имъ не совсѣмъ лестную отвѣтную ноту французскаго правительства. Въ ней, правда, говорилось о давней дружбѣ между Франціей и Польшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано: его величество французскій король надѣется на благоразуміе польскаго народа и полагаетъ, что, трудясь надъ устройствомъ управленія, поляки будутъ избѣгать всего того, что можетъ повести къ недоразумѣніямъ съ какимъ бы то ни было государствомъ, помня, что нельзя исправить въ нѣсколько мѣсяцевъ того, что нарушено и искажено вѣками, а потому взвѣшивать обстоятельства и сохранять умѣренность, дабы не сдѣлать изъ себя печальнаго зрѣлища разрушенія, въ надеждѣ возвратить отечеству прежнюю крѣпость и блескъ.

21-го января, прошелъ единогласно проектъ о денежномъ займѣ на 10 милліоновъ для Короны и на три для Литвы черезъ Геную и Голландію. Заемъ этотъ поручено было устроить Петру Потоцкому, заводившему тогда свой банкъ, и варшавскимъ банкирамъ Тепперу, Шульцу, Арнту, за что имъ дозволяли пріобрѣтать въ Польшѣ земскія имѣнія. Но заемъ этотъ могъ бы принести пользу тогда, когда бы дали денегъ тѣ, на кого надѣялись, а дать могли бы только тогда, когда бы имѣли довѣріе къ Польшѣ.

Для покрытія займа опять принялись за вопросъ о налогахъ и, 26-го января, рѣшили устроить особый налогъ двойного подымнаго подѣ названіемъ протунковой подати, т. е. временной—pro tunc, пока не установится постоянной. Сначала шляхетные послы хотѣли все свое сословіе освободить отъ этой тягости и навалить ее исключительно на жидовъ. Ливскій посолъ Кублицкій возсталъ противъ такой несправедливости надъ іудейскимъ племенемъ и доказывалъ, что несправедливо отягощать народъ, который не имѣетъ за себя представителей на сеймѣ. Порѣшили, чтобы всѣ дѣдичи (владѣльцы-собственники) поссессоры, чиншовники, духовныя имѣнія и пр. заплатили два раза за годъ подымное съ тѣмъ, чтобы разлагать его на дворы, а не на земледѣльцевъ. Освобождалась та шляхта, которая имѣла только по одному дому, а также бѣдные монастыри и священники. На евреевъ накладывалось двойное поголовное. Споры о средствахъ установленія прочныхъ постоянныхъ налоговъ шли около двухъ мѣсяцевъ, и только

24-го марта 1789 года сеймъ порѣшилъ это дѣло. Наслѣдственные дворянскія имѣнія должны были заплатить десять процентовъ со своего дохода, духовенство двадцать процентовъ, но тѣ изъ духовныхъ, которые получали дохода не свыше 2,000 злотыхъ, и монастыри, имѣвшіе школы съ тремя учителями подвергались платежу десяти процентовъ; тѣ же, которые получали не болѣе 500 зл. дохода вовсе не платили ничего. Король отъ своего дохода пожертвовалъ 80,000 злотыхъ. Тѣ же, которые владѣли королевщинами, должны были заплатить болѣе для образованія войска: старосты половину дохода, а владѣвшіе подъ другими наименованіями (экспектанты, амфитеуты)—болѣе. Такимъ образомъ, казна должна была получить 48½ миллионовъ злотыхъ. На евреевъ налагали разныя статьи акциза. Крестьяне исключались отъ этой подати. Налогъ этотъ назывался вѣчнымъ пожертвованіемъ (офиагa wieczysta). Для произведенія люстраціи доходовъ имѣній и сбора налога назначались коммиссіи по воеводствамъ изъ множества комиссаровъ. Они должны были истребовать отъ владѣльцевъ свѣдѣнія о доходахъ подъ присягою. Въ случаѣ же недоставки свѣдѣній или ихъ неправильности коммиссіи сами дѣлали изслѣдованія и назначали размѣръ налога. Установлена была штемпельная бумага для всякаго рода контрафтовъ и актовъ, съ тѣмъ, что съ этихъ поръ всякое владѣніе основанное не на документѣ, писанномъ на штемпельной бумагѣ, признавалось недѣйствительнымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ установлена плата за привилегіи, или грамоты на чины и достоинства.

Послѣ этого сеймъ шагнулъ далѣе, съ цѣлію задрать Россію. Негодованіе противъ нея съ каждымъ днемъ увеличивалось. Не довольствовались требованіемъ вывода русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ; потребовали отъ фельдмаршала Румянцева удалить отъ границъ РѢчи-Посполитой отряды, расположенные отъ границъ Молдавіи по кievской дорогѣ. Румянцовъ отвѣчалъ генералу артиллеріи Щенскому Потоцкому, что «такое требованіе оскорбительно для достоинства императрицы. Члены сейма люди умные и образованные: какъ они могли подумать, что я соглашусь исполнить такую претензію, противную моимъ обязанностямъ и чести русскаго оружія?» Такой отвѣтъ разпалилъ патріотовъ еще болѣе; повторили требованія Штакельбергу о выводѣ войскъ и снова давали знать, что Польша считаетъ себя независимою державою. Штакельбергъ отвѣчалъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. «Независимость и свобода наисвѣтлѣйшей РѢчи-Посполитой, — писалъ онъ, — такія несомнѣнныя истины, о которыхъ нечего напоминать. Они не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію.» вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ,

что просьба сейма будетъ послана императрицѣ. Ожидая отъ Россіи суроваго отвѣта, Депутація иностранныхъ дѣлъ обратилась къ ходатайству прусскаго и англійскаго министровъ, просила ихъ правительства заступиться за Польшу въ случаѣ угрозы отъ Россіи и постараться, съ своей стороны, чтобы русскія войска были выведены изъ Польши. 16-го февраля, было получена новая нота Штакельберга, умѣренная и кроткая. Онъ извѣщалъ, что императрица, по сосѣдству и дружбѣ, обращалась къ Рѣчи-Посполитой о проводѣ своихъ войскъ чрезъ польскія земли; что за все, нужное для этого войска, платились наличныя деньги; что присутствіе этихъ войскъ оберегаетъ Польшу отъ татаръ и турокъ; что эти войска выведутся, какъ только окончится война, а до того времени строжайше приказано, чтобы отъ русскихъ войскъ не было никакихъ оскорбленій польскимъ жителямъ. На счетъ уничтоженія Постояннаго Совѣта, какъ и на счетъ всѣхъ реформъ, предпринятыхъ вопреки видамъ Россіи, русскій посолъ не дѣлалъ никакихъ намековъ. Онъ и въ разговорахъ держалъ себя такъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, или какъ будто все совершающееся не касается до Россіи вовсе. Это ободрило поляковъ. Они начали думать, что Россія испугалась ихъ воинственной рѣшимости, что объявленіе о стотысячномъ войсѣ для Россіи не шутка, что, наконецъ, пришла пора Польшѣ раздѣлаться съ Россіею, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Польши будетъ Пруссія и Англія: Россіи не сдобровать. Но въ это время самоувѣренности на сеймъ повѣяло ужасомъ изъ Украины. Пролетѣли знакомые зловѣщіе слухи; южно-русскій народъ опять волнуется; схизматическіе попы поджигаютъ его; москаль посылаетъ къ народу своихъ эмиссаровъ¹⁾.

IV²⁾.

Архіерей Викторъ Садковскій.—Усиленіе православія.—Страхъ крестьянскихъ бунтовъ.—Казни и преслѣдованія.—Арестованіе Садковского.—Нота Штакельберга.

Прежде было показано, что русское народонаселеніе областей Рѣчи-Посполитой, при закоренѣлой ненависти къ ляхамъ, всегда обращалось къ Россіи и отъ нея надѣялось перемѣны. Эти надежды, приглушенныя суровостію, съ какою отнеслась Екатерина

¹⁾ См. Источники: №№ 21 (ч. 1-4) 15. 18. 12. 23. 49. 7. 8. 115. Также протоколы четырехлѣтняго сейма въ Лит. Метригѣ.

²⁾ См. Источн.: 4. 93. 2. 21 (ч. 4. 18. бум. Штакельберга) 80 (ч. 1. стр. 296—301) 25. (ч. 2. стр. 375). Рапорты сейму 1769 г. хран. въ Лит. Метригѣ.

къ эпохѣ Залізняка и Гонты, опять пробудились сообразно съ обстоятельствами, предшествовавшими сейму. На поприще церковной дѣятельности выступилъ энергическій человекъ, Викторъ Садеовскій. До 1783 г. онъ былъ священникомъ при посольствѣ въ Варшавѣ, а въ этотъ годъ, по протекціи Штакельберга, получилъ санъ архимандрита Слуцкаго монастыря. Владѣлецъ Слуцка Радзивиллъ—*Rapie Kochanku*—согласился на это. Послѣ перваго раздѣла, когда Бѣлоруссія отошла къ Россіи, православные, въ польскихъ владѣніяхъ, завися въ духовномъ отношеніи отъ русскаго синода, не имѣли у себя мѣстнаго архіерея. Неутоимимый въ ревности къ православію Конисскій, подавъ мысль назначить въ польскія области особаго епископа, который бы жилъ въ Слуцкѣ и былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слуцкимъ архимандритомъ. Санъ этотъ приличнѣе оказалось предоставить кievскому викарію, съ титуломъ переяславскаго епископа, на томъ основаніи, что кievскій митрополитъ, духовный начальникъ православной церкви въ Польшѣ, а переяславскій епископъ его намѣстникъ. Выборъ палъ на Садеовскаго, и 9-го іюня 1785 г. онъ былъ посвященъ въ Кіевѣ. Русское правительство положило ему содержаніе 5,900 руб.; онъ долженъ былъ зависѣть отъ верховной власти кievскаго митрополита и наравнѣ со всѣми епархіальными начальниками, подвѣдомственнымъ синоду, доставлять свѣдѣнія о числѣ и состояніи церквей, метрическія и исповѣдныя книги, вѣдомости о церковныхъ и экономическихъ доходахъ и проч. Кромѣ того, онъ долженъ былъ доставить вѣдомость о всѣхъ церквахъ, которыя послѣ 1717 года обращены изъ православія въ унию и которые, по силѣ трактатовъ 1768 и 1771 г., должны быть возвращены православію: для этой цѣли узаконялась особая коммиссія, которая должна была разсмотрѣть, какія изъ церквей слѣдуютъ къ отдачѣ, но эта коммиссія не приводилась въ дѣйствіе. Новому архіерею вмѣнялось не дѣлать никакихъ самовольныхъ присвоеній и дожидаться рѣшенія коммиссіи, въ случаѣ же оскорбленій со стороны католиковъ или унитовъ, обращаться къ русскому посланнику въ Варшавѣ. «Вы должны—писано ему въ указѣ св. синода—внушать своему духовенству, чтобъ оно всѣми мѣрами удерживалось отъ непристойныхъ поступковъ противъ католиковъ и унитовъ и не подавало ни малѣйшаго повода ко враждѣ и раздору, равно удалялось бы отъ неумѣстныхъ диспутовъ и старалось бы съ соотечественниками жить мирно, дабы черезъ то каждый могъ пользоваться свободою своего вѣроисповѣданія во всеобщемъ мирѣ». Ему приказано было обратить особое вниманіе на просвѣщеніе духовенства и вообще православныхъ людей, завести семинарію въ Слуцкѣ, на что ассигновалось ему

1,200 р. въ годъ, и также основать, по возможности, разныя школы при монастыряхъ и церквахъ. По вступленіи своемъ въ должность, уже въ концѣ 1785 г., Садковскій издалъ пастырское посланіе, извѣщая, что онъ сдѣлался пастыремъ въ польскомъ государствѣ по высочайшей волѣ ея императорскаго величества и давалъ своей паствѣ совѣты въ самомъ кроткомъ духѣ. «Мнѣ не безъизвѣстно—писалъ онъ—что вы живете въ утѣшеніи и озлобленіи отъ разновѣрцевъ, и я подаю вамъ спасительный совѣтъ, терпѣть всякое зло, вамъ причиняемое. Всѣмъ вѣдома сила любви и кротости, какъ равно и сила противленія и мести. Вражда возбуждаетъ вражду и одно подозрѣніе влечетъ за собою другое. Не такъ скоро охлаждается желѣзо, брошенное въ воду, какъ злобный человѣкъ, при встрѣчѣ съ кротою и долготерпѣливой душою». Но влоба противъ православія не могла остыть и отъ десятка такихъ миролюбивыхъ посланій. Новый архіерей слышалъ безпрестанно о насиліяхъ надъ православіемъ. По поводу предстоявшаго сейма, въ числѣ разныхъ соображеній, появилась брошюра подъ названіемъ «Голосъ обывателя», гдѣ авторъ требовалъ уничтоженія и истребленія не только православія, но и самаго униатства въ областяхъ Рѣчи-Посполитой. «Важныя причины побуждаютъ замѣнить совершенно русскій обрядъ латинскимъ, чтобъ русскаго въ нашемъ краѣ отнюдь не было». Такъ говорилъ этотъ голосъ. «О согласіи толковать нечего; знаемъ, какъ часто по поводу обрядовъ, бывали недоразумѣнія. Соблюденіе постовъ и праздниковъ причиняетъ теперь безпорядокъ. Извѣстно, что въ русскихъ воеводствахъ и повѣтахъ шляхта и паны по большей части обряда латинскаго, а ихъ крестьяне—русскаго. Шляхтичу и пану служатъ его подданные. Поварь, лакей, конюхъ, земледѣлецъ—русаки; у нихъ праздники и посты другіе, чѣмъ у пана, которому они служатъ. Какое же изъ этого происходитъ замѣшательство! У пана—пасха, а у слуги только масленица окончилась; у пана праздникъ, у слуги нѣтъ его; у пана постъ, — у слуги или у дворни *усядница*, и наоборотъ, у слуги великій четвергъ и пятокъ, — у пана вознесеніе, у дворни праздникъ и постъ, а у пана ни праздника, ни поста. Прибавимъ еще, что отъ множества праздниковъ русскаго обряда происходитъ бѣдность и обнищаніе народа. У русскихъ такъ много праздниковъ, что сами священники знать ихъ не могутъ: одинъ приказываетъ соблюдать, а другой не велитъ». Когда этотъ голосъ явился въ печати, Конисскій написалъ на него отвѣтъ и поручилъ Садковскому представить его лично на сеймѣ. Излагая въ немъ историческія права православія и защищая духовенство отъ преувеличенныхъ нападокъ, Конисскій сдѣлалъ автору «Голоса» такое

полновѣсное замѣчаніе: «Авторъ «Голоса» забываетъ два важныхъ обстоятельства, по поводу которыхъ слѣдовало бы дать совѣтъ почтеннымъ чинамъ государства: 1) по уничтоженіи унитовъ, что дѣлать съ неунитами и диссидентами, которые преобладаютъ подъ защитою сосѣдней сильной державы, любимой почти всею громадою народа русскаго, и какъ преградить этому народу путь къ возвращенію къ неуніи, когда онъ не захочетъ принять латинскаго обряда? 2) По уничтоженіи уніи и по обращеніи на священническіе фонды (римско-католическіе) имуществъ епископскихъ и митрополитическихъ, что надлежитъ дѣлать съ самими епископами и съ митрополитомъ, и куда ихъ дѣть, чтобъ они не искали нигдѣ такой протекціи, при помощи которой имъ могли быть возвращены ихъ каеэды?» Этими вопросами Конисскій напоминалъ, что латинская ревность безсильна предъ властію Россіи. Его отвѣтъ оканчивался воззваніемъ къ унитскому митрополиту, приглашеніемъ обратиться къ покровительству Россіи. «Вы думали — писалъ онъ — и были убѣждены, что вы составляете истинный образъ неразрывной вѣры и любви христіанской, соединенные во единое тѣло съ римскою церковью такъ, какъ было въ оныя святыя вѣка: посмотрите же, что замышляютъ надъ вами братья ваши римскіе католики. Мы увѣрены, что апостольская столица того не желаетъ, но если она не могла предотвратить вашего униженія, то навѣрно не спасетъ васъ отъ задуманнаго окончательнаго погубленія, которое если не теперь, то на будущее время постигнетъ васъ. Промышляйте же о себѣ заранее; поступите такъ, какъ сдѣлали неуниты и диссиденты: не въ силахъ будучи терпѣть невыносимаго и тяжелаго гоненія за вѣру, они искали у высокыхъ сосѣднихъ державъ обороны и защиты; а для нихъ тогда раздавался такой же роковой голосъ истребленія, какъ теперь для васъ: они чрезъ то не перестали быть добрыми гражданами Рѣчи-Посполитой и не признаются клятвопреступниками и невѣрными своему монарху и отечеству. И вамъ нечего бояться прослыть вѣроломными и измѣнниками отечества, если вы обратитесь къ высокому покровительству непобѣдимой всемилостивѣйшей императрицы всероссійской, которую наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая признала императрицею всей Руси, а слѣдовательно и всей Руси покровительницею. Предъ вами примѣръ вашего собрата архіепископа полоцкаго: онъ пользуется особымъ покровительствомъ всемилостивѣйшей государыни, и чрезъ то не нарушаетъ послушанія апостольской столицѣ, сообразно данной присягѣ! И вы, подъ высокою и кроткою защитою, можете остаться счастливо и невредимо, и покинувши внушенное вамъ, отъ вашихъ губителей, нерасположеніе къ неунитамъ и не-

правильное предубѣжденіе, можете содѣлаться орудіемъ и счастливымъ ~~средствомъ~~ для привлеченія ихъ къ той униі, которая утверждается на любви и мирѣ во Христѣ, о которой святая вселенская церковь римская и греческая ежедневно просить Бога.»

Изъ этого отвѣта могли видѣть всю близость опасности: православные признавали уже право русской императрицы быть покровительницею всей Руси вообще, православные склоняли униатовъ къ Россіи, и Садковскій, прибывши въ Варшаву, лѣтомъ 1785 года, жаловался на унитскаго митрополита, что онъ совращаетъ православныхъ въ унию, указывалъ что это противно трактату, жаловался на то, что католики называютъ православіе схизмою, обличалъ изданную въ Польшѣ географію, гдѣ восточная церковь названа схизмою. Не богословскіе догматы служили ему оружіемъ; онъ ссыался на трактатъ, по которому слѣдовало не дозволить такихъ презрительныхъ названій восточной церкви. Его приняли въ Варшавѣ очень холодно, какъ и слѣдовало ждать. Отъ него потребовали присяги на подданство Рѣчи-Посполитой. Какъ русскій подданный по рожденію, онъ не давалъ ее, безъ приказанія отъ своего правительства. Король, однако, все-таки выдалъ ему привилегію. Садковскій замѣтилъ въ своихъ донесеніяхъ, что она была писана еще прошлаго года и была измѣна — знавъ, что многимъ она была сообщаемая, съ цѣлію узнать о ней мнѣнія, и многіе читали ее прежде, чѣмъ тотъ, кому она назначалась. Продавши все лѣто послѣдней аудіенціи у короля и не дождавшись ее, Садковскій уѣхалъ изъ Варшавы въ октябрѣ 1786 года. Жалоба короля Потемкину на Садковского, будто онъ приневоливалъ раскольниковъ къ православію, едва ли не преувеличена. Достаточно было полякамъ видѣть въ этомъ человѣкѣ ревностнаго православнаго духовнаго и преданнаго Россіи, чтобы выдумать на него что-нибудь. Въ тогдашнихъ дѣлахъ мы не встрѣчаемъ ничего указывающаго на это обвиненіе. Присяга на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, произнесенная имъ въ Тульчинѣ, не только не связала, но скорѣе развязала его на первыхъ порахъ. Заручившись подданствомъ королю и Рѣчи-Посполитой, Садковскій выступилъ уже не какъ чужеземецъ, а какъ соотечественникъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой и сталъ смѣлѣе. Вслѣдъ затѣмъ онъ обозрѣлъ южныя провинціи своей епархіи и тамъ возникло поразительное стремленіе народа къ возвращенію отъ униі къ православію. По изысканіямъ депутаціи, назначенной впослѣдствіи, по дѣлу объ украинскихъ бунтахъ, оказалось, что въ короткое время, вмѣсто девяноста четырехъ приходоу, явилось триста; всѣ они перешли изъ униі. Мы на-

вѣрное не знаемъ, въ какой степени это явленіе было дѣломъ самого Садковскаго. Быть можетъ (и всего умѣстнѣе такъ предположить), если онъ и въ сильной степени этому событію способствовалъ, то все-таки не онъ произвелъ его. Для южно-русскаго народа не нужно было предвзятой пропаганды. Еще послѣ диссидентскаго сейма, мы видѣли, народъ бросился оставлять насильственно навязанную вѣру. Стремленіе его было приостановлено. Страшныя казни, произведенныя Стемковскимъ, на многія лѣта навели паническій страхъ на русскій народъ. Переходъ изъ уни въ православіе въ глазахъ поляковъ былъ преступленіемъ достойнымъ казни, а народъ былъ подъ произволомъ поляковъ и на Россію надежды было мало. Теперь народъ опять почувствовалъ со стороны Россіи благодатное вѣяніе. Путешествіе Екаторины ободрило его. Онъ могъ вблизи увидѣть ея величіе; онъ могъ узнать, какъ его король и могучіе паны-ляхи спѣшили на поклоненіе къ той царицѣ, которая была одной вѣры съ нимъ и имѣла достаточно силы покровительствовать этой вѣрѣ вездѣ. До него доходила вѣсть, что эта царица заступаетъ за своихъ единовѣрцевъ въ Турціи и ведетъ войну съ бусурманомъ; естественно рождалась надежда, что если ей Богъ поможетъ, то она заступится и за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, тѣмъ больше, что тамъ не только ея единовѣрцы, но еще и русскіе. Изъ писемъ Садковскаго, писанныхъ въ это время, видно, что въ южной Руси было тогда движеніе въ народѣ. Онъ писалъ, что во время его объѣзда украинскихъ монастырей и церквей, множество монаховъ и черницъ скрывалось въ чигиринскихъ, черкасскихъ и смиланскихъ лѣсахъ. Садковскій не думалъ потакать ничему такому, что бы клонилось къ возмущенію народа, которое такъ легко могло вспыхнуть въ этихъ странахъ. Онъ поручалъ губернаторамъ (управителямъ) ловить бродячихъ монаховъ и отправлять въ монастыри, а тѣмъ, которыхъ монастыри не захотятъ принимать, обривать бороды и обращать на общественныя работы. Но поляки не вѣрили искренности поступковъ схизматическаго архіерея. Привыкнуши считать русскій народъ безсмысленнымъ стадомъ скотовъ, они не допускали въ этомъ народѣ самобытныхъ побужденій, и когда замѣчали въ немъ признаки народнаго его самосознанія, то всегда искали поводовъ въ этому во внѣшнемъ подстрекательствѣ, либо отъ духовенства, либо отъ коварнаго москаля. Отпаденіе отъ уни русскихъ было невыносимо для поляковъ. Нѣсколько вѣковъ истрачено ими на то, чтобы истребить мерзостную схизму. Это стоило Польшѣ многихъ усилій, многихъ жертвованій, и плоды вѣковыхъ трудовъ, казалось, готовы были исчезнуть въ нѣсколько лѣтъ. Поляки уви-

дѣли, какъ они слабы тамъ, гдѣ казались сами для себя сильными. Отъ этого они до неистовства озлобились не только на православныхъ, но и на унитовъ, за то, что послѣдніе такъ легко оставляли унию. Вмѣстѣ съ этой злобою возникла боязнь, чтобъ не возвратились времена Залізняка и Гонты; тѣмъ болѣе, что передъ коливщиною происходило такое же обращеніе унитовъ въ православіе. Волынская, подольская и украинская шляхта, въ предупрежденіе бѣды на себя, сочла нужнымъ навести страхъ на русскій народъ.

Случилось происшествіе, какъ будто оправдывавшее такое опасеніе народнаго возстанія. Въ селѣ Невѣрковѣ на Волыни зарѣзали помѣщика Вылежинскаго, жену его и нѣсколько членовъ домашнихъ, всего, говорили, восемь особъ.

Вѣсть объ этомъ переполошила до того обывателей, что они начали бросать свои имѣнія и бѣжать въ города съ семьями. Впослѣдствіи, оказалось, что убійство совершено было злодѣями изъ-за денегъ, и невѣрковская громада вовсе была непричастна этому дѣлу. Но съ-горяча всѣ были увѣрены, что убійство Вылежинскихъ было починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Случилось другое происшествіе, надѣлавшее шуму. Въ селѣ Куриловѣ дубенскаго повѣта къ помѣщицѣ Прушинской на праздникъ Рождества Христова подъ окно пришла толпа сельской молодежи и, по обычаю, запѣла колядки. Пани Прушинская, уже настроенная слухами о томъ, что крестьяне хотятъ бунтовать, испугалась и приказала угостить колядниковъ палками вмѣсто пироговъ, которыхъ малороссы просятъ въ своихъ колядныхъ пѣсняхъ. Одинъ парубокъ, отвѣдавши на своей спинѣ панскаго угощенія, сказалъ: «какая же недобрая наша пани! Надобно на нее Гонтину сына, чтобъ научилъ ее по людски обращаться съ людьми!» Эти слова донесли господа. Прушинская приказала забить въ колоды нѣсколько десятковъ крестьянъ, всѣхъ кто только показался ей почему-нибудь подозрительнымъ, и отправила ихъ въ Дубно.

Въ это время русскіе покупали много хлѣба для своего войска; обывателямъ это было выгодно. Чтобъ соблюсти порядковъ и сохранить свои выгоды, они учредили изъ среды себя комиссію для установленія и поддержанія цѣнъ, для закупки и принятія отъ обывателей хлѣба и сѣна и доставки въ русскія руки, а равно и для полученія денегъ за доставленные запасы. Комиссія эта получила значеніе полицейской; самъ сеймъ поручилъ ей смотрѣть за спокойствіемъ края; но она присвоила себѣ еще и судебную власть. Комиссія эта разобрала и судила дѣло Прушинской. Нѣсколькимъ изъ присланныхъ ею крестьянъ отрубили го-

ловы, другихъ повѣсили, остальныхъ отпороли такъ больно, что они были чуть живы, и отправили въ Куриловку. Въ какой степени судъ комиссіи могъ быть справедливъ, можно видѣть изъ характеристики, какую даетъ членамъ комиссіи въ Дубно и Луцкѣ современникъ, бывшій самъ членомъ такой комиссіи ¹⁾. Одинъ изъ комиссаровъ, панъ Рогозинскій—помѣшанный, другой—панъ Требуховскій—спившійся съ кругу, третій—панъ Заленскій—разбойникъ, дѣлавшій наѣзды на сосѣднія имѣнія и убивавшій въ нихъ крестьянъ.

За расправою съ крестьянами Прушинской послѣдовала другая подобная, въ Луцкѣ. Въ имѣніи князя Воронцоваго, Любеть, былъ посессоръ Вильчинскій, утѣснявшій крестьянъ. Крестьяне жаловались на него владѣльцу. Князь Воронцовъ общалъ имъ свое покровительство, но посессора отъ нихъ не удалилъ. Начали ходить зловѣщія слухи о намѣреніи хлоповъ поднять бунтъ. Вильчинскій увидѣлъ удобный случай отомстить тѣмъ, которые на него жаловались. Онъ придрался къ нимъ, что у нихъ есть огнестрѣльное оружіе. Ихъ отправили въ комиссію въ Луцкѣ, а комиссія одного изъ нихъ повѣсила, другихъ отправила назадъ, распорядившись, чтобъ имъ на пути, въ каждомъ встрѣчающемся селеніи, давали по сту ударовъ. Такимъ образомъ, ихъ привезли домой чуть живыми, а одинъ изъ этихъ крестьянъ, восьмидесятилѣтній старикъ не вынесъ пытокъ и умеръ въ тюрьмѣ, въ колодѣ. Увѣрившись, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, обыватели стали думать о томъ, кто ихъ на это поджигаетъ, и дошли своимъ умомъ къ тому, что все это интриги Россіи и затѣмъ-то именно приходятъ въ польскія владѣнія великоруссы, которыхъ называли марейтантами. То были не что иное, какъ офени. Они издавна обыкли ѣздить по южной Руси и продавать полотно, ситецъ, мыло, платки, разную мелочь, женскія украшенія и хозяйственные орудія, въ томъ числѣ ножи. На нихъ прежде поляки не обращали вниманія, а теперь замѣтили, что ихъ стало ѣздить что-то много, вообразили, что они—тайные агенты Екатерины, и разѣзжаютъ затѣмъ, чтобъ возмущать хлоповъ противъ пановъ. Эти такъ-называемые марейтанта, странствуя по селамъ съ товарами, часто приставали къ священникамъ. Отсюда обыватели заключили и сообразили, что черезъ нихъ русскимъ попомъ передаются порученія поджигать хлоповъ къ бунту. Католики злились вообще на русскихъ священниковъ, не только на православныхъ, но и на унитскихъ: въ послѣднее время изъ нихъ такъ много перешло къ православію, что это побуждало считать ихъ

¹⁾ Въ запискахъ архипресвитера Бродовскаго въ книгѣ Widok przemocy.

всѣхъ способными въ отпаденію отъ уни, а затѣмъ и во всякаго рода поступкамъ, враждебнымъ Польшѣ и благопріятнымъ Россіи. Пошли ходить изъ устъ въ уста слухи, что у того или другого священника ночевали маркитанты, въ такомъ или другомъ селеніи у крестьянъ въ смирдахъ и стогахъ спрятаны большіе ножи, привезенные нарочно изъ Россіи. Иные говорили, что у великорусскихъ торговцевъ ножи и копы кладутся на исподъ въ возахъ, накладываются товаромъ, и такимъ образомъ, провозятся. Говорили, что они, кромѣ ножей и копей, привозятъ какія-то мучительныя орудія для вырванія тѣла и внутренностей. Говорили, что уже хлопцы, собираясь въ борчмахъ, нѣяные хвалятся, что у нихъ есть московскія деньги, что они только дожидаются, пока придетъ къ нимъ отъ царицы сынъ Гонты, и тогда они всѣ примутся за рѣзню. Такія вѣсти о маркитантахъ и извозчикахъ (zwyczajszukach) сильно всполошили всю шляхту на Украинѣ, Подоли и Волини: она съѣхалась въ Житомиръ, Луцкъ и Брацлавъ и совѣщалась, какъ ей защищаться. Она постановила составить милицію, куда должны были войти одни католики, а русскихъ отнюдь не слѣдовало допускать — не только православныхъ, но и унитовъ.

Коммиссіи, руководимыя ксендзами, налегли паче всего на духовенство: забытые, невѣжественные, по необходимости, ради насущнаго хлѣба, привыкшіе ползать передъ панами, унитскіе духовные достаточно заразились общею деморализаціею, и легко было ихъ запугать и найти между ними такихъ, которые, ради собственнаго спасенія, готовы были сдѣлаться покорнымъ орудіемъ шляхетской злобы. По малѣйшему подозрѣнію хватали поповъ, дьячковъ и тащили въ коммиссію. Такимъ образомъ, поймали и привезли въ Луцкъ русскаго священника Лукаевича. На него донесли, что онъ далъ у себя переночевать какому-то такъ-называемому маркитанту. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, Аксакъ, поѣхалъ за нимъ. Попъ этотъ оказался трусъ первой руки; онъ совершенно потерялся отъ страха и сталъ просить пана Аксака научить его, какъ обращаться и что говорить въ коммиссіи. «Не бойся, попъ, сказалъ ему Аксакъ, тебѣ ничего худого не будетъ; ты скажи, что у тебя былъ маркитантъ, подговаривалъ тебя къ бунту и показывалъ письмо отъ царицы, а ты на это не поддавался». — «Да этого, пане, совсѣмъ не было — сказалъ попъ — разговоръ у меня съ нимъ былъ о московской войнѣ, что гдѣ-то кто-то съ кѣмъ-то дерется; и о томъ была рѣчь, что поляки собираютъ войска, думаютъ можетъ быть съ кѣмъ-нибудь воевать, а больше ни о чемъ не говорили». — «А этого развѣ мало — сказалъ Аксакъ — маркитантъ говорилъ тебѣ, что москва хочетъ воевать

ПОЛЯКОВЪ, ТЫ САМЪ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ДОГАДАТЬСЯ, ЧТО ОНЪ ХОЧЕТЪ УГОВОРИТЬ ТЕБЯ ВЗБУНТОВАТЬ ХЛОПОВЪ ПРОТИВЪ НАСЪ. КАКЪ ПРИВЕЗУТЬ ТЕБЯ ВЪ КОММИССІЮ, ТЫ СКАЖИ, ЧТО ОНЪ ТЕБЯ ПОДГОВАРИВАЛЪ И ПОКАЗЫВАЛЪ ТЕБѢ МОСКОВСКОЕ ПИСАНІЕ; А НЕ ТО — ПРОПАДЕШЬ И ЖЕНУ И ДѢТЕЙ СВОИХЪ ПОГУБИШЬ: МНѢ ЖАЛЬ ТЕБЯ! НА, ВОЗЬМИ, ПОПЪ: ЭТО ТЕБѢ ПРИГОДИТСЯ НА ПРОЖИТІЕ ВЪ ЛУЦКѢ. ЕСЛИ ХОРОШО СДѢЛАЕШЬ ДѢЛО, ТАКЪ И БОЛЬШЕ ПОЛУЧИШЬ!» ОНЪ СУНУЛЪ ЕМУ ВЪ РУКУ ДВА ЧЕРВОНЦА. ИСПУГАННЫЙ И ВМѢСТѢ ОБРАДОВАННЫЙ ПОПЪ ОБНИМАЛЪ НОГИ СВОЕГО БЛАГОДѢТЕЛЯ. «А БУДУЩЪ Я НА ВОЛѢ?» СПРАШИВАЛЪ ОНЪ. «НЕ ТОЛЬКО БУДЕШЬ НА ВОЛѢ—ОТВѢЧАЛЪ АКСАКЪ—А ЕЩЕ ДАДУТЬ ТЕБѢ БОЛЬШОЕ НАГРАЖДЕНІЕ ЗА ВѢРНОСТЬ».

ПО ПРИѢЗДѢ ВЪ ЛУЦКЪ, АКСАКЪ ТОТЧАСЪ ОБЪЯВИЛЪ КОММИССІИ, ЧТО ТЕПЕРЬ УЖЕ ВСЕ ОТЕРЫТО. ПРИВЕЛИ ЛУКАЕВИЧА. СЪ КОММИССАРАМИ СИДѢЛИ ВСЕНДЪЗЫ. ЛУКАЕВИЧЪ, ПО НАУЧЕНІЮ АКСАКА, ОБЪЯВИЛЪ, ЧТО У НЕГО НОЧЕВАЛЪ МОСКАЛЬ МАРКИТАНТЪ, УГОВАРИВАЛЪ ПОПА ПОДУШАТЬ КЪ БУНТУ СВОИХЪ ПРИХОЖАНЪ И ПОКАЗАЛЪ ЕМУ КАКОЕ-ТО ПИСАНІЕ: ПРОЧИТАТЬ ОНЪ ЕГО НЕ МОГЪ, А ВИДѢЛЪ ТОЛЬКО, ЧТО ТАМЪ ПОДПИСАНО: *Екат...* «МАРКИТАНТЪ, ПОКАЗЫВАЛЪ ЛУКАЕВИЧЪ, ГОВОРИЛЪ, ЧТО ЦАРИЦА ТАКЪ ЖЕЛАЕТЪ, А КТО ЕЕ ПОСЛУШАЕТЪ, ТОТЪ БОЛЬШУЮ НАГРАДУ ПОЛУЧИТЬ!»

«ВОТЪ, НАКОНЕЦЪ-ТАКИ ПО НИТОЧЕѢ МЫ ДО КЛУБКА ДОШЛИ!» ВОСКЛИКНУЛИ ОБЫВАТЕЛИ И НАЧАЛИ ИЗО-ВСѢХЪ СИЛЬ БРАНІТЬ МОСКАЛЕЙ И ГРОЗИТЬ ИМЪ. «ПРИСЯГНИ—СКАЗАЛИ ПОПУ—ЧТО БЫЛО ВЪ САМОМЪ ДѢЛѢ ТАКЪ, КАКЪ ТЫ ГОВОРИШЬ!»

ПОПЪ СНАЧАЛА СМУТИЛСЯ, ИСПУГАЛСЯ, ЧТО ЕМУ ПРИХОДИТСЯ ПРИСЯГАТЬ ЛОЖНО, ОНЪ ПОГЛЯДЫВАЛЪ НА АКСАКА, А ТОТЪ ГРОЗНЫМЪ ВЗГЛЯДОМЪ ПОКАЗАЛЪ, ЧТО УЖЕ ТЕПЕРЬ ОТСТУПАТЬ НЕЛЬЗЯ. ТРУСОСТЬ ЗА ЖИЗНЬ ВЪЯЛА ВЕРХЪ НАДЪ СОВѢСТЬЮ; СВИЩЕННИКЪ ПРИСЯГНУЛЪ.

«ВОТЪ—ВОСКЛИЦАЛИ ПОЛЯКИ—НАШЕЛСЯ-ТАКИ ОДИНЪ ШЛЯХЕТНЫЙ ПОПЪ: ОТКРЫЛЪ ЗАГОВОРЪ, УСТРОЕННЫЙ НА НАШУ ПОГИБЕЛЬ. О, ЭТИ ПОПЫ ВСЕ ЗНАЮТЪ: И САМЪ ИХНІЙ ЕПИСКОПЪ ВѢРНО СЪ НИМИ ВЪ ЗАГОВОРѢ».

ПОПЪ, КАКЪ ГОВОРІТСЯ, ВОШЕЛЪ ВО ВКУСЪ, ПОНЯЛЪ, ЧТО ПАНАМЪ КОММИССАРАМЪ ТѢМЪ БУДЕТЪ ПРИЯТНѢ, ЧѢМЪ ОНЪ БОЛЬШЕ ИМЪ НАГОВОРІТЬ, И СКАЗАЛЪ:

«Я БЫЛО НЕ ХОТѢЛЪ ПУСКАТЬ НА НОЧЛЕГЪ ЭТОГО МАРКИТАНТА, ДА МАТЬ МОЯ СКАЗАЛА МНѢ: НЕУЖЕЛИ ЖИДЫ БУДУТЪ МИЛОСЕРДІЕ НАСЪ? ОНИ ДОЗВОЛЯЮТЪ У СЕБЯ НОЧЕВАТЬ ПРОХОЖИМЪ; ОТЪ ЧЕГО ЖЕ НАМЪ НЕЛЬЗЯ! МАРКИТАНТЪ МНѢ ТАКЪ ГОВОРИЛЪ: ПОЛЯКИ ХОТЯТЪ ВОЕВАТЬ СЪ МОСКАЛЯМИ, ДА НАША МАТУШКА ЦАРИЦА СЪУМѢЕТЪ ИХЪ УСМИРИТЬ; ВОТЪ ОНА СКОРО ПРИШЛЕТЪ ВАМЪ СЫНА ГОНТЫ; ТОТЪ ВЫБЕРЕТЪ КУКОЛЬ ИЗЪ ПШЕНИЦЫ, ВСѢХЪ СОБАКЪ-ЛЯХОВЪ ПЕРЕРѢЖЕТЪ, ЧТОБЪ НЕ БРЕХАЛИ! Я ЕМУ СКАЗАЛЪ: ЧѢМЪ ЖЕ ПОЛЯКИ ВИНОВАТЫ?»

А онъ мнѣ въ отвѣтъ: распустились какъ собаки; мясо въ постѣ жрутъ! Говорилъ онъ, что такихъ, какъ онъ, маркитантовъ и извощиковъ тысячи три бродить по Руси.»

Съ этихъ поръ на Волыни безцеремоннѣе стали хватать духовныхъ и мірянъ, и въ короткое время набрали въ Луцкѣ сто тридцать три человѣка, какъ значится въ рапортѣ, представленномъ комиссіею на сеймъ. Нѣкоторыхъ повѣсили, другихъ засаживали въ тюрьмы, иныхъ сбъкли нагайками, сперва по спинѣ, а потомъ, перевернувши навзничъ, по груди и животу, такъ что сбъченные распухали; иные отъ такой экзекуціи отдавали Богу душу. Какой-то полусумасшедшій нищій показывалъ, будто москали-маркитанты научали его носить въ разнымъ понамъ записки возмутительнаго содержанія. Онъ объявилъ, что нерозданныя еще имъ записки спрятаны въ селѣ Торчинѣ, въ соломенной кровлѣ хаты крестьянина, его родственника. Крестьянинъ, на котораго онъ показалъ, не призналъ его своимъ родственникомъ; разломали указанную соломенную кровлю — не нашли ничего: нищаго повѣсили, но, по его показанію, продолжали хватать и мучить духовныхъ и мірянъ, думая добаться и по этой нити до клубка.

Въ числѣ такимъ образомъ схваченныхъ былъ священникъ Рубиновичъ. Его подвелъ въ бѣду нѣкто Кржижановскій; рапортъ, посланный объ немъ на сеймъ, именуетъ его австрійскимъ дезертиромъ, а письмо очевидца (приводимое въ запискахъ Бродовскаго), говоритъ, что онъ былъ польскій солдатъ и нарочно сказывался дезертиромъ, чтобъ подвести священника. Пришедши къ нему ночью, онъ просилъ спрятать его и выдалъ себя за поповича, насильно взятаго въ службу и убѣжавшаго. Онъ говорилъ, что пойдетъ къ москалямъ, что москали, вмѣстѣ съ здѣшними русскими хлопами, будутъ рѣзать поляковъ; не худо — говорилъ онъ — зарѣзать вашего пана и взять его деньги, я знаю такое средство, что всѣ будутъ спать и не услышатъ, какъ къ нимъ подойдутъ. — Попъ былъ пьянъ и не противорѣчилъ. Потомъ Кржижановскаго какъ будто поймали въ качествѣ бѣглаго солдата. Тогда онъ оговорилъ попа, у котораго ночевалъ, и объявилъ, что попъ этотъ показывалъ ему бумагу за подписью русской императрицы, гдѣ попы приглашались возмутить крестьянъ и подвигать ихъ на рѣзню пановъ и жидовъ.

Арестованный по этому наговору попъ сталъ оговаривать другихъ, которыхъ за тѣмъ брали и допрашивали. Такимъ образомъ, по наговору, взяли попа изъ Рафаловицъ — имѣнія пана Олизара, и повели черезъ мѣстечко Чарторыскъ. Увидя толпу русскихъ людей, этотъ попъ закричалъ: «Гвалтъ! ратуйте! Ото

ляхи явѣ чорты берутъ мене». Это поставили ему въ преступленіе, достойное смерти. «Повѣсить! повѣсить!» кричалъ панъ Требуховскій, одинъ изъ комиссаровъ; и попа вѣрно повѣсили бы, еслибъ на ту пору не пришло отъ сейма запрещеніе комиссіямъ казнить смертію.

Не такъ отдѣлался схваченный тогда же великорусскій офеня, котораго оговорилъ Лузаевичъ. Отысканный и доставленный въ комиссію, онъ объяснилъ, что дѣйствительно показывалъ попу бумагу, но эта бумага была не иное что, какъ его паспортъ, и у него, при обыскѣ, не нашли никакой другой бумаги, кромѣ паспорта.

— «Мы — сказали комиссары — не будемъ тебя казнить, если ты добровольно сознаешься въ томъ, что императрица послала тебя подговаривать хлоповъ къ рѣзнѣ».

— «Я не куплю себѣ жизни клеветою на свою государыню», сказалъ великоруссъ.

Въ великую пятницу, его привели къ висѣлицѣ, сѣдой монахъ исповѣдывалъ его. Не давъ ему окончить обряда, фанатики закричали: «Пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ его исповѣдывать: онъ его подговариваетъ на рѣзню». Офеню повѣсили. «Напрасно погибаю!» было его послѣднее слово. Къ усугубленію смертной муки осужденныхъ, ихъ вѣшали такъ, что они долгое время томились и медленно удушались! Не умѣли вѣшать!

Въ разныхъ мѣстахъ, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновѣ, Владимірѣ, Хмельникѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и унитскими духовными, надъ русскими хлопами и російскими подданными. Шляхта, въ паническомъ страхѣ, ожидала повторенія приснопамятной для нея эпохи 1768 года и спѣшила мстить за новую рѣзню прежде, чѣмъ она началась. Особенно страхъ повсемѣстно обуялъ ее на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли по русскому календарю. Полякамъ представилось, что схизматики выберутъ именно праздникъ пасхи для своего дѣла. И вотъ, въ предотвращеніе ужаснаго событія, запретили въ русскихъ церквахъ отправлять обычныя ночныя богослуженія (послѣдованіе Господнихъ страстей и пасхальную заутреню). Въ великую субботу въ городахъ поднималась тревога, и составленная изъ шляхты милиція выѣзжала въ поле во всеоружіи мужественно встрѣчать ужасныхъ маркизантовъ и извожиковъ, которые съ грамотами царицы будутъ предводительствовать народомъ, собравшимся рѣзать ляховъ и жидовъ.

Сеймъ былъ заваленъ рапортами изъ разныхъ городовъ русскихъ земель; нѣкоторые были оригинальны до смѣшного. Такъ

напр., изъ Хмельника доносили, что какой-то слесарь дѣлаетъ копыя для хлоповъ, и пойманные хлопы сознались, что по Украинѣ ходятъ двѣсти поповъ и носятъ писаніе съ печатью, на которой вырѣзаны копыя, ножи и другія принадлежности рѣзни съ надписью: теперь часъ ляхівъ рѣзати! Это писаніе приписывалось русской государынѣ. Писали, что въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ остановили московскихъ маркитантовъ съ ножами. Присылались даже бумажныя выкройки ножей, которыми російская императрица жаловала русскій народъ для рѣзни ляховъ. Въ Варшавѣ подобныя донесенія принимались за справедливыя. Все общество проникнулось страхомъ. Сеймъ на нѣсколько дней оставилъ всякія другія занятія и обратился исключительно къ вопросу объ опасности со стороны русскихъ хлоповъ. Враги Россіи пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ возбуждать противъ нея умы. Послы въ столицѣ также легко повѣрили въ возможность того, чтобъ императрица посылала своихъ торговцевъ и извозчиковъ для возмущенія русскаго народа, какъ и пугливые волынскіе и украинскіе обыватели. Къ пущему раздраженію противъ Россіи, сеймъ получилъ тогда отъ Штакельберга ноту, гдѣ была жалоба на польскую команду, не пропустившую гренадерскаго прапорщика Вахая, который, черезъ земли Рѣчи-Посполитой ввелъ въ Россію семьдесятъ три турецкихъ плѣнныхъ. Штакельбергъ просилъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая дозволила по прежнему свободный проходъ русскихъ войскъ черезъ ея области и устройство въ этихъ областяхъ военныхъ магазиновъ. Тогда полились одна за другою враждебныя Россіи рѣчи, произносимыя преимущественно такими господами, которые, впослѣдствіи, заискивали у той же Россіи себѣ лично милостей. Кублицкій подалъ совѣтъ обратиться за покровительствомъ и вразумленіемъ къ сердечному другу Польши, прусскому королю, и также выслать къ другимъ иностраннымъ дворамъ посланниковъ съ заявленіемъ о томъ, что дѣлаетъ Россія. Сухоржевскій кричалъ, что дружба съ Москвою главная причина всѣхъ несчастій Польши. «У насъ несогласія — говорилъ онъ — дошли до того, что король не вѣритъ народу, народъ королю, отецъ сыну, сынъ отцу, братъ брату — всему этому причиной Россія. Неужели мы пропустимъ очевидно удобную пору для отмщенія оскорбленій, нанесенныхъ намъ Москвою, дозволивши московскимъ войскамъ проходить черезъ наши области, оскорбимъ расположеннаго къ намъ и всегда твердаго въ договорахъ турка, и тѣмъ заслужимъ вѣчное порицаніе историковъ? Возьмемъ примѣръ съ той печати, которую Москва вручила русинамъ на гибель нашу съ надписью: теперь часъ ляхівъ рѣзати! Издадимъ универсалъ, объ-

являющій войну Россіи, и припечатаетъ его печатью, на которой вырѣжетъ слова: «теперь время отмстить Россіи за ея обиды!» Я совѣтую не только выгнать немедленно всѣхъ москалей, какіе теперь у насъ найдутся, съ ихъ маревитантами, извошниками, филипонами, чернецами, но и назначить немедленно сборъ пожертвованій на военную экспедицію противъ Москвы. Теперь, повторяю, пришла пора раздѣлаться съ Москвою, и потому предлагаю выслать пана Штапельберга изъ Варшавы или, по крайней мѣрѣ, приставить къ его особѣ караулъ; это полезно и для его безопасности, потому что уже вездѣ говорятъ, что убьютъ его тотчасъ, какъ только услышатъ о рѣзнѣ, учиняемой надъ нашими кровными и пріятелями».

Послѣ задирательной рѣчи Сухоржевскаго, послы бросились толковать о скорѣйшемъ укомплектованіи войскъ въ видахъ объявленія войны Россіи. Одинъ голосъ замѣтилъ, при этомъ, что надобно прежде установить гражданско-военные суды, для огражденія обывателей отъ оскорбленій по поводу рекрутки.

«Не можетъ быть — сказалъ подольскій посолъ Красинскій — чтобъ у насъ въ странѣ нашелся командиръ, который бы въ такое несчастное время утѣснялъ обывателей!»

За нимъ поднялъ голосъ Суходольскій, произнесъ длинную напыщенную рѣчь, въ которой приглашалъ Избу женить постоянно на осторожности, а въ заключеніе, вооружился противъ тѣхъ, которые находили, что мѣстная шляхта, хватая безъ разбора подозрительныхъ людей и осуждая ихъ, можетъ, раздраживъ народъ, произвести болѣе опасности, чѣмъ самые поджигатели къ бунту. «Пусть кто хочетъ говорить — сказалъ онъ — что волынская коммиссія дурно поступила, что какого-нибудь бунтовщика казнила; я скажу: дурно она поступила, что мало ихъ казнила! Почему не поставила разомъ сто висѣлицъ для этихъ конкурентовъ? Шляхта дѣлаетъ свое дѣло: хватая подозрительныхъ, она охраняетъ страну свою и себя; кто боится шляхты, тотъ уже самъ пересталъ быть шляхтичемъ и полякомъ». Но Кублицкій доказывалъ, напротивъ, что коммиссія — мѣсто полицейское, неправильно присвоила себѣ судебную власть; довольно будетъ, если поймавши подозрительнаго человѣка, она отошлетъ его въ гродскій судъ. За Кублицкимъ въ такомъ же смыслѣ говорили гнѣзненскіе послы, и большинство Избы согласилось съ ними. Волынский посолъ Стройновскій упросилъ Избу, чтобъ, запретивши коммиссіямъ судить на будущее время, не ставить имъ въ преступленіе прежняго присвоенія судной власти.

Относительно отвѣта на ноту Штапельберга порѣшили прежде

сообщить объ этой нотѣ прусскому двору и испросить его со-
вѣта, а потомъ уже отвѣчать русскому посланнику.

Въ это время пришли новыя угрожающія вѣсти изъ Слѹцка. Нѣкто Гротусъ, писарь табачной таможни въ Слѹцкѣ, писалъ къ пану Выковскому контролеру, что дизунитскій епископъ Викторъ Садковскій созывалъ схизматическихъ поповъ, приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ и возбуждалъ ихъ къ мятежу. Другое донесеніе оттуда же сообщало діалогъ, происходившій между евреемъ и русскимъ хлопомъ. «Правда ли — спрашивалъ еврей — что въ вашей божницѣ присягали на вѣрность императрицѣ?» — Да, отвѣчалъ хлопъ — мы присягали передъ попами, а попы передъ епископомъ, въ Слѹцкѣ. — «А есть у васъ на готовѣ оружіе?» спросилъ еврей. — Пойдемъ всѣ съ чѣмъ попало — отвѣчалъ хлопъ, — кто съ косою, кто со списомъ, кто съ ружьемъ. — «А когда же начнется вашъ бунтъ?» — Если не на пасху, то въ маѣ, — отвѣчалъ хлопъ.

Все это была выдумка. Никакой присяги не происходило; Садковскій, напротивъ, по приказанію своего правительства, внушалъ своей паствѣ повиновеніе королю и Рѣчи-Посполитой. Это видно изъ тѣхъ же самыхъ бумагъ, которыя были собраны для его обвиненія. Но на сеймѣ, безъ всякой критики, признали полученныя донесенія вполнѣ заслуживающими вѣроятія. «И мнѣ — говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, — писалъ воевода виленскій Радзивиллъ, что русскій епископъ — главный зачинщикъ бунтовъ». Тогда Суходольскій предложилъ арестовать православнаго архіерея. Того же потребовалъ инфлянтскій посолъ Вейсенгофъ, и вся Изба согласилась на эту мѣру.

Отъ 18 апрѣля выданъ былъ универсалъ. «Король и конфедерованные чины Рѣчи-Посполитой — было въ немъ сказано — не могутъ хладнокровно смотрѣть на поведеніе схизматическихъ поповъ, которые проникаютъ въ Польшу, а равно и тѣхъ, которые подъ видомъ маркитантовъ, извозчиковъ, филипоновъ, чумаковъ, пробираясь въ государство наше подушаютъ польскихъ хлоповъ схизматической религіи къ бунту противъ католическаго дворянства, что несомнѣнно доказано военными рапортами и слѣдствіями, произведенными въ судахъ». Всѣмъ такимъ иностранцамъ, уличеннымъ, по рапортамъ военныхъ и судебныхъ властей, въ намѣреніяхъ возмущать народъ, велѣно въ теченіи двухъ недѣль оставить Польшу, а тѣ, которые не послушаются этого приказанія, должны быть арестованы, отправлены въ крѣпость и примѣрно наказаны.» Далѣе въ томъ же универсалѣ говорилось: «Такъ-какъ дошло до нашего свѣдѣнія что схизматическіе попы, имѣющіе постоянное жительство въ Польшѣ, до сихъ поръ не

присягнули на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и осмѣливаются молиться за иноземную власть, отвращая этимъ схизматическій народъ отъ вѣрности, покорности и повиновенія, то предписывается всѣмъ духовнымъ схизматической религіи, жителямъ въ Польшѣ и желающимъ пользоваться выгодами, сопряженными съ ихъ должностями, въ продолженіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, и отнюдь не упоминать въ своихъ молитвахъ иноземныхъ властей, а молиться за короля и за польскую Рѣчь-Посполитую. Кто же станетъ поступать вопреки этому повелѣнію, тотъ лишится своего мѣста и долженъ будетъ оставить Польшу.» Печатные экземпляры этого универсала разосланы по всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, а священникамъ велѣно ихъ читать въ церквахъ. Въ южнорусскій край отправлено войско для усиленія милиціи.

Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Санктпетербургѣ, Деболи, получилъ въ маѣ порученіе подать российскому двору ноту; тамъ излагалось, что злонамѣренные люди восточной вѣры поджигаютъ хлоповъ къ бунту, сорать деньгами, и увѣряютъ грубый, необразованный и склонный къ ослѣпленію народъ, что приходъ русскаго войска будетъ для нихъ сигналомъ всеобщаго возстанія. По этому Рѣчь-Посполитая просила государыню, чтобы она приказала своимъ войскамъ, когда они будутъ идти на войну противъ Турціи, обходить владѣнія Рѣчи-Посполитой, а въ случаѣ крайности, чтобы войско входило не иначе, какъ отрядами не болѣе, какъ въ пятьсотъ человекъ; каждый отрядъ могъ бы входить только по выходѣ другого и проходилъ бы черезъ владѣнія польскія въ сопровожденіи комиссара, да, чтобы согласно съ этимъ каждый разъ, когда придется такому отряду проходить, российский посланникъ испрашивалъ дозволенія, сообщая при этомъ: какіе именно офицеры будутъ находиться при отрядѣ и сколько дней такой отрядъ будетъ проходить; сверхъ того, чтобы такіе отряды шли не иначе, какъ по одному указанному пути; вслѣдъ за тѣмъ, военные магазины должны быть снесены, а впередъ, для заукупки припасовъ, могутъ существовать подрядные магазины. Такъ какъ сеймъ отправилъ ноту Пруссіи, гдѣ жаловался, на поступки Россіи, то прусскій уполномоченный при петербургскомъ дворѣ баронъ Келлеръ съ своей стороны поддерживалъ справедливость польскихъ требованій. Самыя эти требованія въ нотѣ, представленной Деболи, составлены были поляками, такъ сказать подъ диктовку прусскаго министра ¹⁾.

¹⁾ Нота прусскаго министра въ отвѣтъ на ноту, отъ имени сейма, поданную Чар-

Между тѣмъ новыя вѣсти изъ руссѣихъ земель съ каждою почтою продолжали еще нѣсколько времени пугать сеймъ. Прислали списокъ триста семидесяти особъ заговорщиковъ, съ обозначеніемъ, сколько ихъ въ какомъ селѣ, нѣкоторыхъ означали по именамъ и

торжескимъ, написана была такъ: «Его величество король прусскій, дружественно принимая къ сердцу судьбу Рѣчи-Посполитой, сосѣдней дружественной державы, съ собогѣтствованіемъ узнавъ, что чины означенной Рѣчи-Посполитой встревожены нотою, которую послалъ имъ руссійскій посланникъ отъ 6-го апрѣля, по поводу прохода руссійскихъ войскъ чрезъ польскія земли, вмѣстѣ съ тѣмъ пораженъ явными признаками возмущенія крестьянъ греческой религіи, которое легко можетъ вспыхнуть, по поводу прохожденія руссійскихъ войскъ.

«Съ чувствомъ принявъ это сообщеніе и довѣріе, которое оказываютъ ему чины Рѣчи-Посполитой, желая его совѣта и его мнѣнія въ такомъ критическомъ положеніи дѣла его величество не колеблется изложить свои мысли съ искренностью и откровенностью, какъ всегда считаетъ своею обязанностію поступать.

«Е. В. король прусскій убѣжденъ, что почтенный польскій народъ можетъ съ увѣренностію уповать на доброжелательство и великодушіе руссійской императрицы, что эта великая государыня не захочетъ учинить или дозволить произойти чему-нибудь такому, что могло бы нанести разореніе и бѣдствія государству свободному, дружелюбному и находящемуся въ мирѣ съ Россіею: пребываніе и постоянный неограниченный переходъ руссійскихъ войскъ чрезъ польскія земли, равно какъ и договоръ, который предлагалъ въ этихъ видахъ г. руссійскій посланникъ, могли бы произвести неудобства: именно, чрезъ это какъ бы нарушалась независимость и нейтральность Рѣчи-Посполитой, оттоманская Порта имѣла бы поводъ желать такой же льготы для своихъ войскъ, отсюда произошли бы отягощенія тѣмъ провинціямъ польскимъ, черезъ которыя проходили бы воюющія войска, и чрезъ то, наконецъ, поддерживался бы духъ мятежа у крестьянъ греческой религіи, живущихъ въ Польшѣ.

«Его величество прусскій король полагаетъ, что можно будетъ обоудно удалить эти неудобства и вредныя послѣдствія, если Рѣчь-Посполитая обратится къ ея величеству руссійской императрицѣ съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ ея великодушію, будетъ просить ее избавить польскій народъ отъ опасностей и отягощеній по поводу безпрестаннаго перехода войскъ, избравъ для этого нѣсколько окольный путь; если же случится неизбежная необходимость провести нѣкоторыя руссійскія войска черезъ Польшу, то чтобы они проходили малыми командами, и всякій разъ о томъ предвѣряла ихъ просьба руссійскаго посланника, а равно, чтобы императрица дозволила сопровождать руссійскія войска комиссарамъ Рѣчи-Посполитой, какъ это дѣлается въ областяхъ нѣмецкой имперіи даже и по отношенію къ имперскимъ войскамъ; наконецъ, предложить, чтобы руссійскій дворъ отнюдь не устраивалъ новыхъ магазиновъ въ Польшѣ, тѣмъ, которые уже устроены, должны оставаться подъ надзоромъ нѣсколькихъ комиссаровъ и небольшого числа людей вооруженныхъ особеннымъ образомъ, и Рѣчь-Посполитая могла бы охранять эту страну и магазины своими войсками. Такія мѣры предосторожности были бы достаточны для показанія и установленія нейтральности и независимости Рѣчи-Посполитой, для уменьшенія неудобствъ, происходящихъ отъ устройства магазиновъ и отъ перехода руссійскихъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ руссійскому двору даны будутъ доказательства истиннаго вниманія и доброжелательства Рѣчи-Посполитой къ руссійскимъ интересамъ, съ желаніемъ совѣстить ихъ съ благомъ Рѣчи-Посполитой. Его величество король льститъ себя надеждою, что если чины Рѣчи-Посполитой поручатъ сдѣлать руссійской императрицѣ такого рода предложенія, то пресвѣтлѣйшая государыня приметъ ихъ съ тѣмъ великодушіемъ,

указали даже сколько каждый изъ нихъ взялъ денегъ отъ Россіи. Назначали даже генеральнаго коменданта этого вымышленнаго заговора: то былъ какой-то попъ Карповецкій. Важнѣйшими заправщиками числились попъ въ Алибкахъ съ какимъ-то Милотою, взявшіе двѣ тысячи злотыхъ на пять сотъ человѣкъ, Василько Кушнировскій въ селѣ Кушнировеѣ, взявшій пять тысячъ злотыхъ на двѣ тысячи человѣкъ, попы въ Чаданцахъ и Роцѣ (w Rozsuzu), взявшіе первый три тысячи злотыхъ на 300 человѣкъ, второй тысячу злотыхъ на двѣсти человѣкъ, Шлецохъ въ селѣ Базасіи, взявшій шесть тысячъ злотыхъ на четыре тысячи человѣкъ, Яцко Швець съ братомъ въ селѣ Писановеѣ, взявшій двѣсти злотыхъ на шесть сотъ человѣкъ и т. д. Пинскій посолъ Бутримовичъ читалъ на сеймѣ вѣсти, которыя присылали ему земляки. Разсказывали, что передъ пасхою схизматики сходились ночью въ церквахъ для своего богослуженія (które się u nich pazywa Wsionoczna) и тамъ попы читали имъ письма отъ царицы, побуждающія рѣзать католиковъ и жидовъ; что пинскій игумень, прочитавши на такомъ богослуженіи подобное письмо, зазвалъ первѣйшихъ схизматиковъ къ себѣ и показалъ имъ орудія для рѣзни, привезенныя маркитантами и попами; въ городѣ Пинскѣ схватили двухъ москалей-маркитантовъ, продававшихъ десятка два-три ножей, эти ножи были обыкновенные, какіе употребляются въ хозяйствѣ, но ясно казалось, что москали привезли ихъ для рѣзни, потому что, пріѣхавши въ польскій край подъ предлогомъ торговли, не показали ихъ на таможенѣ, особенно, а они прошли заурядъ съ другимъ мелочнымъ товаромъ. Давая вѣру всему этому, Бутримовичъ говорилъ: «Послѣ такихъ извѣстій, полученныхъ изъ моего края, обильнаго лѣсами, неприступными болотами, представляющими пріютъ для злодѣевъ и наполненнаго *дизунією*, я требую и прошу наискрѣйшихъ чиновъ, чтобы безопасность нашего повѣта была ограждена не только войскомъ, но также скорѣйшею карою преступниковъ, осмотромъ оружія въ монастыряхъ и церквахъ, и отысканіемъ читаннаго попами писанія!» Красинскій подалъ проектъ не пускать схизматиковъ въ Кіевъ для поклоненія печерскимъ чудотворцамъ, но Чарторыскій отклонилъ этотъ проектъ. «Ихъ раздраженный фанатизмъ—говорилъ онъ—можетъ стать причиною большихъ мятежей и раздоровъ». За то было принято предложеніе Суходольскаго: онъ, подъ видомъ человѣколюбія, далъ мысль прощать тѣхъ,

зотораго она уже дала доводи, а его величество король равнымъ образомъ готовъ предложить ихъ російскому двору и поддерживать ихъ согласно его желанію охранять спокойствіе и благосостояніе польскаго королевства».

которые, обвинивъ самихъ себя и указавъ на тѣхъ, кто ихъ подущалъ, сами отступились отъ злого предпріятія. Его поддержалъ Станиславъ Потоцкій. «Я — говоритъ послѣдній — былъ недавно въ Дубно и видѣлъ, какъ тамъ казнили смертію нѣсколько десятковъ разомъ, а по правдѣ семерыхъ изъ нихъ слѣдовало бы успокоить только тѣлеснымъ наказаніемъ.» Средство, одобренное по проекту Суходольскаго, было ужасно: оно развязывало мѣстнымъ судамъ руки; поймавъ какого-нибудь несчастнаго попа или хлопа, объявляли ему, что онъ будетъ помилованъ, если сознается и на другихъ покажетъ; само собою разумѣется, что пойманный испушался, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Самъ сеймъ ободрилъ къ этому не только постановленіемъ, но и при-мѣромъ, наградивъ попа Лукаевича деньгами, медалью и грамотою отъ имени сейма. По такимъ ободреніямъ, въ Луцкѣ Глодовскій, священникъ села Хорупани, нагаль и на себя и на другихъ, будто онъ видалъ у другого попа консисторскій указъ объ избіеніи ляховъ. По этому дѣлу арестовали одного члена консисторіи, а за тѣмъ происходили казни и варварскія истязанія. Еще болѣе надѣлалъ зла на Подоли Кирилло Пундикъ: отъявленный мошенникъ, приговоренный къ наказанію за воровство, онъ, для избавленія себя отъ наказанія, взялся оговаривать русскій людъ. Множество священниковъ и еще болѣе крестьянъ было, по его указанію, схвачено. Расправа для нихъ была въ Кременцѣ. Ихъ сажали въ тюрьмы, на ночь замыкали нѣсколько человекъ въ одну общую колоду, такъ-что имъ нельзя было повернуться, и всю ночь они должны были лежать на одномъ боку. Кормили ихъ самою скверною пищею, и отъ этого иные заболѣли и умерли; нестерпимый смрадъ отъ нечистотъ, при большомъ на-вопленіи народа, душилъ ихъ; умываться имъ не давали и чужез-ядныя насѣкомыя покрывали не только людей, но землю и стѣны тюрьмы. Въ такомъ положеніи, совершенно невинные страдали многіе мѣсяцы, и когда, наконецъ, прочитывался имъ приговоръ, то тѣ, которыхъ ожидала казнь, слушали это съ истинною радостію; другіе осуждались на работу въ каменецкой крѣпости на нѣсколько лѣтъ. По какимъ поводамъ брали людей и сажали въ такого рода тюрьмы, можно видѣть изъ слѣдующаго приключе-нія. Въ село Кончу прибылъ какой-то переходной цыганъ-кузнецъ, и, какъ водится, разбилъ себѣ шатеръ и устроилъ въ немъ ку-зницу, куда приходили къ нему жители для поправки своихъ домашнихъ орудій. Священникъ того села, въ числѣ другихъ, но-силъ ему свои вещи, а между ними, два ножа. Пришелъ къ цы-гану, послѣ того, жолтиръ и заказывалъ себѣ ножъ. Мало-лѣт-

ная дочь цыгана сказала, что ея отецъ сдѣлалъ хорошій ножъ священнику. ~~Жолѣбрь~~ ~~сейчасъ~~ донесъ; схватили священника, нѣсколькихъ крестьянъ, которые заказывали себѣ у цыгана работу; самого кузнеца и всѣхъ продержали въ смрадной тюрьмѣ нѣсколько недѣль.

Кромѣ несправеднаго суда, русскіе люди терпѣли повсюду и отъ неудержимаго произвола поляковъ и евреевъ. Въ одномъ селѣ, на примѣръ, проѣзжали украинцы, продавшіе свое сало и ворожавшіеся домой. Заѣхали они въ жидовскую корчму, спросили водки и тарелку, на которой хотѣли разрѣзать оселедця (сеledку). Еврей не далъ имъ тарелки и еще обругалъ ихъ. Тогда украинецъ указалъ на столъ своему товарищу и сказалъ: отъ ту рѣжь! (вотъ здѣсь рѣжь!) Еврей заоралъ во все горло; сбѣжались его соотечественники; корчмарь кричалъ, что хлопы хотѣли рѣзать жидовъ. Хлоповъ связали, повели къ эконому, а тотъ влѣпилъ каждому по пятидесяти батоговъ. Онъ былъ, однако, изъ милосердыхъ, потому что, по крайней мѣрѣ, не отправилъ ихъ въ городъ, гдѣ бы имъ пришлось протомиться въ тюрьмѣ и можетъ быть даже пойти на висѣлицу; правилъ твердыхъ не было кого выпустить, кого повѣсить—все зависѣло отъ расположенія духа и отъ того, не замѣшивалась-ли тутъ личная вражда. Если кто съ кѣмъ поссорился и хотѣлъ почувствительнѣе насолить врагу, если кто хотѣлъ кого ограбить—оговоръ въ бунтѣ былъ лучшее средство. У священника яблонецкаго, на Волыни, по фамиліи Бубаловича, панъ Богуцкій отнялъ церковныя земли, но по приговору епископскаго суда долженъ былъ возвратить захваченное. Богуцкій оговорилъ священника. Нужны были свидѣтели, чтобъ подтвердить доносъ. Богуцкій пригласилъ къ себѣ пономаря Кабасюка, прочиталъ ему пункты обвиненія и требовалъ, чтобъ Кабасюкъ жесвидѣтельствовалъ противъ попа. Кабасюкъ сперва отказался, а потомъ согласился, послѣ того какъ Богуцкій завалялъ ему триста розогъ, и объявилъ, что засѣчетъ его до смерти, если онъ не станетъ свидѣтелемъ на попа. Потомъ созвали изъ сосѣднихъ селъ челоvѣкъ двѣнадцать крестьянъ, прочитали имъ обвинительные пункты на попа; Кабасюкъ подтвердилъ ихъ, и мужики поставлены были свидѣтелями, быть можетъ, сами не зная въ чемъ дѣло; священникъ просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ, а его дворъ, имущество забралъ Богуцкій, и въ добавокъ его попадю жестоко высѣли розгами.

Привыкнуши поступать по настроенію духа въ данную минуту, самые добродушные паны дѣлали варварства. Такъ одинъ изъ волынскихъ пановъ, ротмистръ народной кавалеріи, Пулавскій,

заступался за священниковъ въ судѣ, когда ясно видѣть, что они невинны, а въ Корцѣ, подгулявши, приказалъ къ себѣ доставить благочиннаго и его викарія, приложилъ благочинному къ груди пистолетъ и спрашивалъ: «когда у тебя въ приходѣ начнется рѣзня?» Священникъ отвѣчалъ: «на русское духовенство говорятъ напраслину». — «Бросить ихъ въ прудъ!» закричалъ Пулавскій. Панское приказаніе хотѣли исполнить, какъ вдругъ Пулавскій одумался и ограничился тѣмъ, что приказалъ отсчитать благочинному пятьдесятъ, а викарію тридцать ударовъ плашмя. На другой день, добросердечный Пулавскій, протрезвившись, пожалѣлъ о священникахъ и общалъ щедро наградить ихъ, какъ только сами они пожелаютъ.

Шляхта была въ непрерывномъ страхѣ, постоянно на готовѣ къ самооборонѣ; не сегодня—завтра, казалось ей, закипитъ народное возстаніе. По ея соображеніямъ, если схизматики не начали своего страшнаго дѣла на пасху, то, вѣроятно, начнутъ въ другой какой-нибудь праздникъ послѣ пасхи. Боялись — Оминой недѣли, Преполовенія, Вознесенія... Грозные дни проходили; опасеніе не сбывалось; Троицынъ день казался страшнѣе... И этотъ праздникъ наступилъ; схизматики не брались за роковые ножи, спрятанные, какъ воображала себѣ шляхта, въ скирдахъ и погребяхъ. Тогда распространилось, что схизматики поминаютъ царицу въ своихъ церквахъ: въ томъ удостовѣряли свидѣтели, слышавшіе это собственными ушами. Шляхта вскипѣла негодованіемъ; казалось, мало висѣлицы для такихъ неповорныхъ, которые, несмотря на поднятую противъ себя грозу, ругались надъ властію и силою шляхетской республики. Но скоро объяснилось, что схизматики въ своихъ церквахъ поминали царицу не російскую, а небесную, Матерь Божію ¹⁾. Послѣ Троицына дня, шляхта соображала, что вѣрно возстаніе отложено до Петрова дня. Но и этотъ праздникъ прошелъ. Тогда тревога стала уменьшаться; шляхта успокаивалась; рѣже и рѣже стали хватать по подозрѣнію въ намѣреніи производить рѣзню. Офени и чумаки перестали появляться тамъ, гдѣ имъ грозила бѣда. Къ осени все затихло. Русскій народъ вошелъ опять въ обычную колею терпѣливаго рабства.

Увѣренность въ томъ, что російская императрица подущаетъ, чрезъ своихъ москалей, хлоповъ къ бунту и хочетъ произвести рѣзню, была до того велика, что если бы кто и думалъ

¹⁾ Вѣроятно, этому подало поводъ пѣніе на Троицынъ день девятой вѣсьми канона пятидесятницы: Радуйся, царице, матеродѣственная славо!

иначе, то не смѣлъ заявить объ этомъ гласно, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія въ измѣнѣ шляхетскому дѣлу. Только Щенсный Потоцкій не побоялся высказывать правду. Подкомандные донесли ему, какъ генералу артиллеріи, что московскихъ *звочи-ковъ* въ Украинѣ стало больше чѣмъ воловъ, и просили дать приказаніе довить и выгонять за границу этихъ схизматиковъ. Онъ отвѣчалъ: «Не мудрено: на воловъ былъ падежъ, а на людей мора не было. Нельзя выгонять людей какой бы то ни было религіи: это причинило бы стыдъ нашему правительству; я не вижу въ этомъ обстоятельствѣ никакой опасности для нашего края. Знаю: распространяють слухи, будто Москва подстрекаетъ къ бунту нашихъ хлоповъ. Эти выдумки достойны презрѣнія и надобно убѣждать обывателей въ томъ, что все это ложь.»

Сеймъ, въ большинствѣ увѣренный въ томъ, что слухи о предстоящемъ бунтѣ основательны, вознегодовалъ на Щенснаго Потоцкаго. Суходольскій ставилъ ему въ вину и то, что онъ вѣжливо и дружелюбно сносился съ русскими командирами и называлъ такіе поступки заговоромъ противъ отечества, достойнымъ кары. Щенсный взялъ отставку отъ должности генерала артиллеріи. Замѣчательно, что на сеймѣ заступался за него человѣкъ совершенно противной партіи, Игнатій Потоцкій, который вообще, во время толковъ, происходившихъ въ Избѣ, о рѣзнѣ, почти не касался этого предмета. Впослѣдствіи, большинство поляковъ думало объ этомъ заговорѣ также, какъ и Щенсный Потоцкій.

Не было никакихъ существенныхъ признаковъ несомнѣнной опасности, тѣмъ не менѣе однако, нельзя сказать, чтобы страхъ поляковъ былъ лишенъ всякаго основанія. Если южнорусскій народъ учинилъ рѣзню въ 1768 г., то могъ сдѣлать тоже въ 1789 г. Преслѣдуя православную вѣру, предавая ее самому крайнему поруганію, поставивши себѣ задачею искоренить ее въ своихъ областяхъ, какъ гибельную заразу, поляки справедливо думали, что умноженіе православныхъ умножитъ число враговъ шляхетской республики. Православные должны будутъ, по единоувѣрію, обращаться сердцемъ къ Россіи; кромѣ того, православіе поддерживало русскую народность: въ польскихъ областяхъ кто былъ православнымъ, тотъ уже тѣмъ самымъ былъ русскій. Было вполне естественно русскому народу желать скорѣе присоединиться къ русскому, православному государству, чѣмъ оставаться подъ властію чужою, католическою, гдѣ, притомъ, онъ на каждомъ шагу слышалъ, что его вѣра — собачья вѣра, гдѣ, сверхъ того, лишенный гражданскихъ правъ, поработенный польскимъ

и, ополченнымъ дворянствомъ, онъ не пользовался ничѣмъ такимъ, ~~что бы его побуждало~~ быть вѣрнымъ существующей власти. Возвращеніе къ православію пробуждало въ немъ и воспоминаніе борьбы за православіе; несмотря на свою безграмотность, онъ изъ пѣсень и преданій, зналъ свою прошлую исторію настолько, чтобъ стремиться повторить то, что дѣлали дѣды, да и примѣровъ свѣжихъ, недавнихъ было не мало; еще многіе были живы изъ тѣхъ, которые выдали Гонту и Залізняка; даже зять Гонты, сельскій священникъ, былъ тогда живъ. Новая коліивщина была вполнѣ желаніемъ народа, и если поляки не ускорили ее своими преслѣдованіями и казнями, если она не вспыхнула, то причины этому были таковы: во-первыхъ, тогда уже не было Запорожья, которое въ 1768 году дало починъ народному дѣлу и поставило для него вооруженный контингентъ, къ которому могли примыкать громады возставшихъ хлоповъ; во-вторыхъ, народъ не смѣлъ уже такъ необдуманно понадѣяться на помощь русской царицы, какъ это дѣлалось прежде: теперь нужно было уже ясно видѣть, что она благопріятствуетъ возстанію; въ-третьихъ, за Днѣпромъ уже не было гетманщины и народъ видѣлъ, что его единоземцы подъ властію Россіи также осуждены работать панамъ, а слѣдовательно, его не могла питать надежда, чтобъ царица освободила его отъ панской власти; въ-четвертыхъ, православное духовенство, исключая, можетъ быть, какихъ-нибудь бродячихъ чернецовъ, вовсе не благословляло народа на кровавое дѣло и проповѣдывало ему терпѣніе. Архіерей Викторъ Садковскій болѣе всего давалъ ему миролюбивый тонъ, и ему много обязаны были поляки тѣмъ, что народъ, возвращаясь къ православію, не смѣлъ браться за ножи. Безъ этихъ счастливыхъ для поляковъ условий, народъ, безъ сомнѣнія, кинулся бы истреблять и выгонять изъ своей земли своихъ поработителей и передалъ бы, въ свое время, русскій край русской державѣ въ такомъ видѣ, что въ немъ, по выраженію народной пѣсни, не было бы уже *ни ляха, ни жида, ни уніи*.

И между тѣмъ однако, этого Садковского поляки считали величайшимъ врагомъ своимъ и главнымъ виновникомъ народнаго волненія. По приказанію сейма, его арестовали на дорогѣ. Офицеръ, который схватилъ его, въ своемъ рапортѣ донесъ, что при немъ найдена печатная книжка, гдѣ была напечатана форма присяги духовенства на вѣрность императрицѣ. «Можетъ ли быть, — говорилъ по этому поводу въ засѣданіи сейма Суходольскій — большаго доказательства его виновности? По его приказанію попы передъ пасхою исповѣдывали только такихъ, которые при-

годы оказывались для рѣзни: стариковъ, женщинъ и дѣтей отгоняли прочь. По этимъ несомнѣннымъ доводамъ, Садковскій не можетъ пользоваться закономъ: *neminem captivabimus*, будучи пойманъ на самомъ совершеніи преступленія». Между тѣмъ, найденная при Садковскомъ печатная книжка была не болѣе, какъ книга, изданная въ Россіи, и заключавшаяся въ ней форма присяги на вѣрность императрицѣ не считалась обязательною для паствы Садковского, тѣмъ болѣе, когда ему самому руссійское правительство уже велѣло присягнуть на вѣрность Рѣчи-Посполитой. Но большинство Избы раздѣляло сужденіе Суходольскаго. Преосвященнаго Виктора Садковского сначала привезли въ Несвижъ, въ оковахъ; отсюда онъ написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ о вѣрности королю и Рѣчи-Посполитой, приказывалъ молиться за короля и за благополучное окончаніе трудовъ сейма, завѣщалъ народу не только поступками, но даже и словами не оказывать противности правительству и своимъ панамъ, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, церковною клятвою и вѣчною мукою въ будущей жизни. «Во время нашего посѣщенія Украины — было сказано въ этомъ посланіи — и по возвращеніи въ Слущъ, мы неоднократно обращали къ своей паствѣ навазанія и напоминенія сохранять вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и повиноваться панамъ и владѣльцамъ своимъ, исполнять свою обязанность, не допускать къ себѣ мысли о сопротивленіи, а наипаче о мятежѣ, нарушающемъ общественное спокойствіе.»

Это не защитило православнаго архіерея. Его привезли въ Варшаву и засадили въ пороховомъ складѣ (*w prochownie*), съ нимъ были игуменъ Кипріанъ, слущей протопопъ, нѣсколько священниковъ, два дьячка и пѣвчіе. Нарядили депутацію для изслѣдованія дѣла объ обвиненіи въ бунтѣ, подъ предсѣдательствомъ маршаловъ сейма ¹⁾.

Когда православнымъ священникамъ велѣли присягнуть, нѣкоторые воспротивились и спасали себя бѣгствомъ. Завися, по прежнему порядку, отъ руссійскаго синода, они находили затруднительнымъ, сообразно приказанію сейма, не молиться за вла-

¹⁾ Членами были сенаторы: лудскій епископъ Турскій, каштеляны Пражновскій и Фелкерзамбъ, и послы, числомъ двѣнадцать, по четыре изъ каждой провинціи: малопольской (Кохановскій, Залѣскій, Длускій и Страшковскій), великопольской (Рожиновскій, Тимовскій, Маловѣйскій и Шимановскій), литовской (Грабовскій, Верновичъ, Залѣскій и Бутримовичъ). Черезъ годъ, въ 1790 г., они представили два напечатанныхъ тома своей реляціи, съ приложеніемъ актовъ, найденныхъ у Садковского: изъ этихъ книгъ, при всемъ стараніи натащить дѣло во вредъ православному владыкѣ, онъ вполнѣ оказывается невиннымъ предъ судомъ исторіи.

сти, находившіяся за предѣлами Рѣчи-Посполитой, когда въ Россіи находилось ихъ духовное начальство, а въ Польшѣ его не было вовсе. Такъ поступилъ, между другими, виленскій игумень Варлаамъ Шипацкій, тотъ самый, который, впослѣдствіи, будучи могилевскимъ архіепископомъ, молился за Наполеона въ 1812 году и за это былъ лишенъ сана. Въ 1789 г. онъ убѣждалъ въ Россію. Также убѣждалъ изъ Украины протопопъ Левандовскій, котораго приказано было схватить и привезти въ Варшаву. Игумень Медвѣдовскаго монастыря не успѣлъ убѣжать и былъ доставленъ въ столицу въ кандалахъ.

Такой образъ дѣйствій поляковъ, казалось, клонился къ тому, чтобъ раздражить русскую государыню и вызвать ее на рѣзкія заявленія. Въ противность тому, 4 іюня, Штакельбергъ подалъ сейму ноту, гдѣ извѣщалъ, что, сообразно желанію Рѣчи-Посполитой, императрица приказала своему фельдмаршалу распорядиться о перевозѣ своихъ магазиновъ на лѣвый берегъ Днѣпра, а впередъ доставка провіанта и военныхъ принадлежностей къ войску, воюющему въ Турціи, будетъ происходить иными путями, минуя территоріи Рѣчи-Посполитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялось желаніе, чтобы подданные Рѣчи-Посполитой дружественно помогли скорѣе и удобнѣе вывезти эти магазины изъ предѣловъ польскихъ.

Н. Костомаровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

БѢЛИНСКОМЪ

I.

Личное мое знакомство съ В. Г. Бѣлинскимъ началось въ Петербургѣ, лѣтомъ 1843-го года; но имя его стало мнѣ извѣстнымъ гораздо раньше. Вскорѣ послѣ появленія его первыхъ критическихъ статей въ «Молвѣ» и «Телескопѣ» (1836—1839), въ Петербургѣ начали ходить слухи о немъ, какъ о человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на «все» — на все въ литературномъ мірѣ, конечно. Другого рода критика была тогда немислима — въ печати. Многіе, даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ смѣлъ и далеко заносится; старинный антагонизмъ Петербурга и Москвы придавалъ еще болѣе рѣзкости тому недовѣрію, съ которымъ читатели на берегахъ Невы относились къ новому московскому свѣтилѣ. Притомъ, его плебейское происхожденіе (отецъ его былъ лекарь, а дѣдъ дяконъ) возмущало аристократическій духъ, установившійся въ нашей литературѣ съ Александровскихъ временъ, временъ «Арзамаса» и т. п. Въ тогдашнее, темное, подпольное время, сплетня играла большую роль во всѣхъ сужденіяхъ — литературныхъ и иныхъ.... Извѣстно, что сплетня и до сихъ поръ не совсѣмъ утратила свое значеніе; исчезнетъ она только въ лучахъ полной гласности и свободы. Цѣлая легенда тотчасъ сложилась и о Бѣлинскомъ. Говорили, что онъ недоучившійся ка-

женный студентъ, выгнанный изъ университета тогдашнимъ почителемъ Голохвастовымъ за развратное поведеніе... (Бѣлинскій — и развратное поведеніе!); увѣряли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то циникъ, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ; упорно, и какъ бы въ укоризну, называли его «Бѣлинскимъ». Слышались, правда, голоса и въ его пользу; помнится, издатель почти единственнаго тогдашняго толстаго журнала, отзывался о немъ, какъ о птичкѣ съ ногоукомъ, какъ о живчикѣ, котораго не худо бы завербовать — что, какъ извѣстно, и было впоследствии приведено въ исполненіе, къ великому преуспѣянію журнала и къ великой выгодѣ самого... издателя. Что касается до меня, то знакомство мое съ Бѣлинскимъ, какъ писателемъ, произошло слѣдующимъ образомъ.

II.

Стихотворенія Бенедиктова появились въ 1836 году маленькой книжечкой съ неизбѣжной виньеткой на заглавномъ листѣ — какъ теперь ее вижу, и привели въ восхищеніе все общество, всѣхъ литераторовъ, критиковъ — всю молодежь. И я, не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями, зналъ многія наизусть, восторгался «Утесомъ», «Горами», и даже «Матильдой» на жеребцѣ, гордившейся «усѣстомъ красивымъ и плотнымъ». Вотъ въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кандидерской Беранжѣ появился № «Телескопа» съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ «критиканъ» осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжѣ, прочелъ всю статью отъ доски до доски — и, разумѣется, такъ же воспылалъ негодованіемъ. Но — странное дѣло! и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми! Я стыдился этого уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ — въ кругу пріятелей я съ бѣльшей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что онъ былъ правъ... Прошло нѣсколько времени — и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же неизвѣстно теперь, что мнѣнія высказанныя тогда Бѣлинскимъ, мнѣнія, казавшіяся дерзкой новизною — стали всѣми принятымъ, общимъ мѣстомъ — «a truism», какъ выражаются англичане? Подъ *этой* приговоръ подписа-

весь потомство, какъ и подѣ многіе другіе, произнесенные тѣмъ же судьей. Имя Бѣлинскаго съ тѣхъ поръ уже не наглядилось изъ моей памяти, но личное наше знакомство началось позже.

III.

Когда появилась та небольшая поэма «Парапаша», о которой я говорилъ выше *), я въ самый день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получивъ майскую книжку «Отечественныхъ Записокъ», прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отзывался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не «могъ повѣрить», и когда въ Москвѣ покойный Кирѣевскій (И. В.) подошолъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказать отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель «Парапаша» не я. Возвратившись въ Петербургъ, я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву—жениться—а возвратившись оттуда, поселился на дачѣ въ Лѣсномъ. Я также нанялъ дачу въ первомъ Парголовѣ—и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. Я полюбилъ его искренно и глубоко; онъ благоволилъ ко мнѣ.

IV.

Опишу его наружность. Извѣстный литографическій—едва ли не единственный, портретъ его даетъ о немъ понятіе не вѣрное. Срисовывая его черты, художникъ почелъ за долгъ воспарить духомъ и украсить природу, и потому придалъ всей головѣ какое-то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что вовсе не соответствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго. Это былъ человѣкъ сред-

*) Въ первомъ отрывкѣ «Воспоминаній». Онъ будетъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими, напечатанъ въ первомъ томѣ новаго изданія сочиненій И. С. Тургенева, которое предпринято гг. Салаевыми. — *Ред.*

наго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурою головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки, весь такъ-называемый *habitus* этой злой болѣзни. При томъ же онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькіе, частые зубы, густые бѣловатые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе пріятливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою—но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, «упорствуя, волнуясь и спѣша» ¹⁾. Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ русскимъ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубенѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ, торопливой и неровной походкой, пробирался вдоль стѣны и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ—тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія, и я до нѣкоторой степени понимаю восклицаніе одного провинціала, которому его указали: «я только въ лѣсу такихъ волковъ видалъ, и то травленыхъ!» Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ обыкновенно носилъ сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно. Его выговоръ, манеры, тѣлодвиженія живо напоминали его происхожденіе; вся его повадка была чисто русская, московская; не даромъ въ жилахъ его текла непримѣтная кровь—принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько въ юзѣ недоступнаго вліянію иностранной породы.

¹⁾ Стихъ господина Некрасова.

V.

www.libtool.com.cn

Бѣлинскій былъ, что у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искреннѣйшій человѣкъ, способный къ увлеченію беззабѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно. Люди, которые, судя о немъ на-обумъ, приходили въ негодованіе отъ его «наглости», возмущались его «грубостью», писали на него доносы, распространяли про него клеветы—эти люди вѣроятно удивились бы, еслибъ узнали, что у этого циника душа была цѣломудренная до стыдливости, мягкая до нѣжности, честная до рыцарства; что велъ онъ жизнь чуть не монашескую, что вино не касалось его губъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не походилъ на тогдашнихъ москвичей. Невозможно себѣ представить, до какой степени Бѣлинскій былъ правдивъ съ другими и съ самимъ собою; онъ чувствовалъ, дѣйствовалъ, существовалъ только въ силу того, что онъ признавалъ за истину, въ силу своихъ принциповъ. Приведу одинъ примѣръ. Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ, его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философскіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по-французски читалъ съ великимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что могло бы удовлетворить его пылкость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разспросамъ; и онъ отдавался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей жаждавшей правды души. Такимъ именно путемъ онъ, еще въ Москвѣ, усвоилъ себѣ между прочимъ главные выводы и даже терминологию Гегелевской философіи, безпрекословно царившей тогда въ умахъ молодежи. Дѣло не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній, иногда даже комическихъ: друзья-наставники Бѣлинскаго, передававшіе ему всю суть и весь сокъ западной науки, часто сами плохо и поверхностно ее понимали¹⁾; но уже Гете сказалъ, что —

¹⁾ Много хлопотъ тогда надѣлало въ Москвѣ извѣстное изрѣченіе Гегеля: «что разумно—то дѣйствительно, что дѣйствительно—то разумно». Съ первой половиной изрѣченія всѣ соглашались, но какъ было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что тогда существовало въ Россіи, за разумное. Толковали, толковали и порѣшили: вторую половину изрѣченія *не допускать*. Еслибъ кто-нибудь слышалъ тогда

Ein guter Mann in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst... ¹⁾

www.libtool.com.cn

а Бѣлинскій былъ именно ein guter Mann, — былъ правдивый и честный человѣкъ. Къ тому же его въ этихъ случаяхъ выручалъ замѣчательный инстинктъ, которымъ онъ былъ одаренъ; но объ этомъ рѣчь впереди. — Итакъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнiя. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды: но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнiя его именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грозили и жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыть и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшенiемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленiе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу) тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бывшимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомыслие молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла, и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренiя, напоминала ему предписанiе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. — «Мы не рѣшили еще вопроса о существованiи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, а вы хотите ѣсть!»... Сознаюсь, что написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что онѣ могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если, при воспоминанiи объ *этой* правдивости, объ *этой* небоязни смѣшного, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ улыбка умиленiя и удивленiя...

Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время резуль-

молодымъ философамъ, что Гегель не все существующее признаетъ за дѣйствительное—много бы умственной работы и томительныхъ пренiй было сбережено; они увидели бы, что эта знаменитая формула, какъ и многiя другiя, есть простая тавтологiя и въ сущности значить только то, что opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva; т. е. опиумъ заставляетъ спать, по той причинѣ, что въ немъ есть снотворная сила (Мольеръ).

¹⁾ «Добрый человѣкъ и въ неясномъ своемъ стремленiи всегда имѣетъ сознание прямого пути».

тата, Бѣлинскій успокоился, и отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ. Со мной онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіи двухъ семестровъ занимался Гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самыя свѣжіе, послѣдніе выводы. Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтъ, кромѣ чистаго мышленія.

VI.

Свѣдѣнія Бѣлинскаго были не обширны; онъ зналъ мало и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ отсутствіи трудолюбія, въ лѣтніи даже враги не обвиняли его; но бѣдность, окружавшая его ссыздала, плохое воспитаніе, несчастныя обстоятельства, раннія болѣзни, а потомъ необходимость спѣшной работы изъ-за куска хлѣба, все это вмѣстѣ взятое помѣшало Бѣлинскому пріобрѣсти правильныя познанія, хотя, напр., русскую литературу, ея исторію, онъ изучилъ основательно. Но скажу болѣе: именно это недостаточное знаніе является въ этомъ случаѣ характеристическимъ признакомъ, почти необходимостью. Бѣлинскій былъ тѣмъ, что я позволю себѣ назвать *центральной натурой*; онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполне и съ хорошихъ, и съ дурныхъ его сторонъ. Ученый человѣкъ, не говорю: «образованный» — это другой вопросъ, но ученый человѣкъ, именно въ силу своей учености, не могъ бы быть въ сороковыхъ годахъ такой русской центральной натурой; онъ не вполне соответствовалъ бы той средѣ, на которую пришлось бы ему дѣйствовать; у него и у ней были бы различныя интересы; гармоніи бы не было, и вѣроятно не было бы обоюднаго пониманія. Вожди своихъ современниковъ въ дѣлѣ критики общественной, эстетической, въ дѣлѣ критическаго самосознанія (мнѣ кажется, что мое замѣчаніе имѣетъ примѣненіе общее, но на этотъ разъ я ограничусь одною *этой* стороной) вожди современниковъ, говорю я, должны конечно стоять выше ихъ, обладать болѣе нормально устроенной головою, болѣе яснымъ взглядомъ, болѣе твердостью характера; но между этими вождями и ихъ послѣдователями не должно быть бездны. Одно слово: послѣдователь уже предполагаетъ возможность шествія по одному

направленію, тѣсной связи. Вождь можетъ возбуждать негодованіе, досаду въ тѣхъ, которыхъ онъ тревожитъ, поднимаетъ смѣста, двигаетъ впередъ; проклинать они его могутъ, но понимать они должны его всегда. Онъ долженъ стоять выше ихъ, да, но и близко къ нимъ; онъ долженъ участвовать не въ однихъ ихъ качествахъ и свойствахъ, но и въ недостаткахъ ихъ: онъ тѣмъ самымъ глубже и больше чувствуетъ эти недостатки. Сенковскій былъ не въ примѣръ ученѣ, не говорю уже Бѣлинскаго, но и бѣльшей части своихъ русскихъ современниковъ; а какой слѣдъ оставилъ онъ? Мнѣ скажутъ, что его дѣятельность была безплодна и вредна не потому, что онъ былъ ученый, а потому, что у него не было убѣжденій, что онъ былъ намъ чужой, не понималъ насъ, не сочувствовалъ намъ; противъ этого я спорить не стану, но мнѣ кажется, что самый его скептицизмъ, его вычурность и гадливость, его презрительное глумленіе, педантизмъ, холодъ, всѣ его особенности отчасти происходили отъ того, что у него, какъ у человѣка ученаго, спеціалиста, и цѣли и симпатіи были другія, чѣмъ у массы общества. Сенковскій былъ не только ученъ, онъ былъ остроуменъ, игривъ, блестящъ; молодые чиновники и офицеры восхищались имъ, особенно въ провинціи; но не того было нужно массѣ читателей; а того, что было нужно: критическаго и общественнаго чутія, вкуса, пониманія насущныхъ потребностей эпохи и, главное, жара, любви къ меньшей, невѣжественной братіи у него и слѣда не замѣчалось. Онъ забавлялъ своихъ читателей, втайнѣ презирая ихъ, какъ неучей; и они забавлялись имъ и на грошъ ему не вѣрили. Смѣю надѣяться, что мнѣ не стануть приписывать желанія защищать и какъ бы рекомендовать невѣжество: я указываю только на фізіологическій фактъ въ развитіи нашего сознанія. Понятно, что какой-нибудь Лессингъ, для того, чтобы стать вождемъ своего поколѣнія, полнымъ представителемъ своей народности, долженъ былъ быть человѣкомъ почти всеобъемлющей учености; въ немъ отражалась, въ немъ находила свой голосъ, свою мысль Германія: онъ былъ *германской центральной натурой*. Но Бѣлинскій, который до нѣкоторой степени заслуживаетъ названіе русскаго Лессинга, Бѣлинскій, значеніе котораго, по смыслу и вліянію своему, дѣйствительно напоминаетъ значеніе великаго германскаго критика, могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и безъ большого запаса научныхъ познаній. Онъ смѣшивалъ старшаго Питта (лорда Чатама) съ его сыномъ, В. Питтомъ — что за бѣда! «Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»... Для того, что ему предстояло исполнить, онъ зналъ довольно. Откуда онъ бы взялъ тотъ жаръ и ту страсть, съ кото-

рыми онъ постоянно и всюду ратовалъ за просвѣщеніе, еслибъ онъ на самомъ себѣ не испыталъ всю горечь невѣжества? Нѣмецъ старается исправить недостатки своего народа, убѣдившись размышленіемъ въ ихъ вредѣ; русскій еще долго будетъ самъ болѣть ими.

VII.

Бѣлинскій, безспорно, обладалъ главными качествами великаго критика; и если въ дѣлѣ науки, знанія, ему приходилось заимствовать отъ товарищей, принимать ихъ слова на вѣру — въ дѣлѣ критики ему не у кого было спрашиваться; напротивъ, другіе слушались его; починъ оставался постоянно за нимъ. Эстетическое чутьѣ было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ. Бѣлинскій не обманывался внѣшностью, обстановкой — не подчинялся никакимъ вліяніямъ и вѣяніямъ; онъ сразу узнавалъ прекрасное и безобразное, истинное и ложное, и съ безтрепетной смѣлостью высказывалъ свой приговоръ — высказывалъ его вполне, безъ урѣзокъ, горячо и сильно, со всей стремительной увѣренностью убѣжденія. Кто бывалъ свидѣтелемъ критическихъ ошибокъ, въ которыя впадали даже замѣчательные умы — (стоитъ вспомнить хоть Пушкина, который въ «Марѣѣ Посадницѣ» г-на Погодина видѣлъ «что-то шекспировское!») тотъ не могъ не почувствовать уваженія передъ мѣткимъ сужденіемъ, вѣрнымъ вкусомъ и *инстинктомъ* Бѣлинскаго, передъ его умѣньемъ «читать между строками». Не говорю уже о статьяхъ, въ которыхъ онъ отводилъ подобающее имъ мѣсто прежнимъ дѣятелямъ нашей словесности; не говорю также и о тѣхъ статьяхъ, которыми опредѣлялось значеніе писателей еще живыхъ, подводился итогъ ихъ дѣятельности, итогъ принятый и скрѣпленный, какъ уже сказано выше, потомствомъ¹⁾; но при появленіи новаго дарованія, новаго романа, стихотворенія, повѣсти — никто, ни прежде Бѣлинскаго, ни лучше его, не произносилъ правильной оцѣнки, настоящаго, рѣшающаго слова. Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ — не онъ ли первый указалъ на нихъ, разъяснилъ ихъ значеніе? И сколько другихъ! Безъ невольнаго удивленія передъ критической діагностой Бѣлинскаго, нельзя прочесть, между прочимъ, ту небольшую выноску, сдѣланную имъ въ одномъ изъ своихъ годовичныхъ обзрѣній, въ которой онъ, по одной пѣсни о купцѣ Калашниковѣ,

¹⁾ См. статьи его о Марлинскомъ, Баратынскомъ, Загоскинѣ и т. п.

появившейся безъ подписи въ «Литературной Газетѣ», предрекали великую будущность автора. Подобныя черты встрѣчаются безпрестанно у Бѣлинскаго. Приведу одинъ примѣръ. Въ 1846 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась повѣсть г-на Григоровича подъ заглавіемъ: «Деревня», по времени первая попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ «деревенскихъ исторій» — *Dorfgeschichten*. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ — не безъ сентиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта — было несомнѣнно. Покойный И. И. Панаевъ, человѣкъ добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи верхушекъ, удѣлился за нѣкоторыя смѣшныя выраженія «Деревни», и обрадовавшись случаю поглумиться, сталъ поднимать на смѣхъ всю повѣсть, даже читалъ въ пріятельскихъ домахъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, самыя забавныя страницы. Но каково же было его изумленіе, каково недоумѣніе хохотавшихъ пріятелей, когда Бѣлинскій, прочтя повѣсть г-на Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательной, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности? Панаеву оставалось одно: продолжать читать отрывки изъ «Деревни»; но уже восхищаясь ими — что онъ и сдѣлалъ.

Не могу на этомъ мѣстѣ не упомянуть встати о мистификаціи, которой въ то время неоднократно подвергался одинъ издатель толстаго журнала, столь же одаренный практическими талантами, сколь обиженный природою на счетъ эстетическихъ способностей. Ему, напр., кто-нибудь изъ кружка Бѣлинскаго приносилъ новое стихотвореніе и принимался читать, не предваривъ своей жертвы ни однимъ словомъ, въ чемъ состояла суть стихотворенія и почему оно удостоивалось прочтенія. Тонъ сперва пускался въ ходъ ироническій; издатель, заключавшій изъ этого тона, что ему хотятъ представить обращеніе безвкусія или нелѣпости, начиналъ посмѣиваться, пожимать плечами; тогда чтець переводилъ понемногу тонъ изъ ироническаго въ серьезный, важный, восторженный; издатель, полагая, что онъ ошибся, не такъ понялъ, начиналъ одобрительно мычать, качать головою, иногда даже произносилъ: «недурно! хорошо!» Тогда чтець снова прибѣгалъ къ ироническимъ нотамъ и снова увлекалъ за собою слушателя, возвращался къ восторженному настроенію — и тотъ опять похваливалъ... Если стихотвореніе попадалось длинное, подобныя варіаціи, напоминающія игру въ головки изъ каучука, то и дѣло мѣняющія свое выраженіе подъ давленіемъ пальцевъ,

можно было совершить нѣсколько разъ. Кончалось тѣмъ, что несчастный издатель приходилъ въ совершенный тупикъ и уже не изображалъ на своемъ, впрочемъ весьма выразительномъ лицѣ ни сочувственнаго одобренія, ни сочувственнаго порицанія. У Бѣлинскаго нервы не были довольно крѣпки, самъ онъ не предавался подобнымъ упражненіямъ; да и правдивость его была слишкомъ велика — онъ не могъ измѣнить ей даже ради шутки, но смѣялся онъ до слезъ, когда ему сообщали подробности мистификаціи.

VIII.

Другое замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, было его пониманіе того, что именно стоитъ на очереди, что требуетъ немедленнаго разрѣшенія, въ чемъ сказывается «злоба дня». Не въ пору гость хуже татарина, гласить пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ. Бѣлинскій никогда бы не позволилъ себѣ той ошибки, въ которую впалъ даровитый Добролюбовъ; онъ не сталъ бы, напр., съ ожесточеніемъ бранить Кавура¹⁾, Пальмерстона, вообще парламентаризмъ, какъ неполную и потому невѣрную форму правленія. Даже, допустивъ справедливость упрековъ, заслуженныхъ Кавуромъ, онъ бы понялъ всю несвоевременность (у насъ, въ Россіи, въ 1862 году) — подобныхъ нападеній; онъ бы понялъ, какой партіи онѣ должны были оказать услугу, кто бы порадовался имъ! Бѣлинскій очень хорошо сознавалъ, что при обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствовалъ, ему не слѣдовало выходить изъ круга чисто-литературной критики. Во-первыхъ, при тогдашнихъ официальныхъ, житейскихъ, цензурныхъ условіяхъ иначе дѣйствовать было слишкомъ затруднительно; уже и такъ онъ едва могъ устоять противъ бури угрозъ и доносовъ, которую возбудило его отрицаніе нашихъ псевдо-классическихъ авторитетовъ; а во-вторыхъ, онъ очень ясно видѣлъ и понималъ, что въ развитіи каждаго народа литературная эпоха предшествуетъ другимъ; что не переживъ и не преодоливъ ея, нельзя двигаться впередъ, что критика, въ смыслѣ отрицанія фальши и лжи, должна сперва подвергнуть анализу явленія литературныя — и что именно въ этомъ

¹⁾ Пишущій эти строки своими ушами слышалъ, какъ одинъ молодой почитатель Добролюбова, за карточнымъ столомъ, желая упрекнуть своего партнера въ сдѣланной имъ грубой ошибкѣ, воскликнулъ: «Ну братъ, какой же ты Кавуръ!» Признаюсь, мнѣ стало грустно: не за Кавура, разумѣется!

и состояло его собственное призваніе. Его политическія, социальныя убѣжденія были очень сильны и опредѣлительно рѣзки; но онъ оставался въ сферѣ инстинктивныхъ симпатій и антипатій. Повторяю: Бѣлинскій зналъ, что нечего было думать примѣнять ихъ, проводить ихъ въ дѣйствительность; да еслибъ оно и стало возможнымъ—въ немъ самомъ не было ни достаточной подготовки, ни даже потребнаго на то темперамента, онъ и это зналъ — и, съ свойственнымъ ему практическимъ пониманіемъ своей роли, самъ ограничилъ кругъ своей дѣятельности, сжалъ ее въ извѣстные предѣлы. За то, какъ *литературный* критикъ, онъ былъ именно тѣмъ, что англичане называютъ — «the right man in the right place», «настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ», чего нельзя сказать объ его преемникахъ. Правда и то, что задача ихъ была труднѣе и сложнѣе. Незадолго до смерти, Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступало время сдѣлать новый шагъ, выйти изъ того тѣснаго круга; политико-экономическіе вопросы должны были смѣнить вопросы эстетическіе, литературные, но самъ онъ себя уже устранилъ и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника—на В. Н. Майкова, брата поэта; въ сожалѣнію, этотъ талантливый молодой человѣкъ погибъ въ самомъ началѣ своего поприща и точно такой же смертью, какой погибъ недавно другой многообѣщавшій юноша, Д. И. Писаревъ.

Имя Писарева напоминаетъ мнѣ слѣдующее: Весной 1867 года, во время моего проѣзда черезъ Петербургъ, онъ сдѣлалъ мнѣ честь—посѣтилъ меня. Я до тѣхъ поръ съ нимъ не встрѣчался, но читалъ его статьи съ интересомъ, хотя со многими положеніями въ нихъ, вообще съ ихъ направленіемъ, согласиться не могъ. Особенно возмутили меня его статьи о Пушкинѣ. Въ теченіи разговора, я откровенно высказался передъ нимъ. Писаревъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе человѣка честнаго и умнаго, которому не только можно, но и должно говорить правду. — «Вы — началъ я—втоптали въ грязь, между прочимъ, одно изъ самыхъ трогательныхъ стихотвореній Пушкина (обращеніе его къ послѣднему лицейскому товарищу, долженствующему остаться въ живыхъ: «Несчастный другъ» и т. д.). Вы увѣряете, что поэтъ совѣтуетъ своему пріятелю просто взять да съ горя нализаться. Эстетическое чувство въ васъ слишкомъ живо: вы не могли сказать это серьезно — вы это сказали нарочно, съ цѣлью. Посмотримъ, оправдываетъ ли васъ эта цѣль. Я понимаю преувеличеніе, я допускаю каррикатуру, — но преувеличеніе истины, каррикатуру въ дѣльномъ смыслѣ, въ настоящемъ направленіи. Еслибъ у насъ молодые люди теперь только

и дѣлали, что стихи писали, какъ въ блаженную эпоху альманаховъ, я бы понялъ, я бы, пожалуй, даже оправдалъ вашъ злобный уворъ, вашу насмѣшку; я бы подумалъ: несправедливо, но полезно! А то, помилуйте, въ кого вы стрѣляете? ужъ точно по воробьямъ изъ пушки! Всего-то у насъ осталось три-четыре человѣка, старички пятидесяти лѣтъ и выше, которые еще упражняются въ сочиненіи стиховъ;—стоитъ ли яряться противъ нихъ? Какъ будто нѣтъ тысячи другихъ, животрепещущихъ вопросовъ, на которые вы, какъ журналистъ, *обязанный* прежде всѣхъ ощущать, чутъ насущное, нужное, безотлагательное—*должны* обратить вниманіе публики? Походъ на стихотворцевъ въ 1866 году! Да это антиварская выходка, архаизмъ! Бѣлинскій — тотъ никогда бы не впалъ въ такой просакъ!» Не знаю, что подумалъ Писаревъ, но онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Вѣроятно, онъ не согласился со мною.

Само собою разумѣется, что пониманіе Бѣлинскимъ своего времени, своего назначенія, не мѣшало его задушевнымъ убѣжденіямъ ссозидать въ каждомъ словѣ его статей, тѣмъ болѣе, что его отрицательная дѣятельность на поприщѣ критики какъ нельзя лучше соотвѣтствовала той роли, которую онъ бы навѣрное выбралъ въ политическо-развитомъ обществѣ. Что онъ чувствовалъ и что онъ думалъ, про то вѣдалъ онъ одинъ, вѣдали и нѣкоторые изъ его друзей; но что онъ дѣлалъ, что онъ печаталъ — неуклонно и строго держалось литературной почвы и двигалось исключительно на ней. Только въ извѣстномъ одномъ письмѣ эта страсть, которую онъ —

«...во тьмѣ ночной,
Вскормилъ слезами и тоской»,

прорвалась наружу—какъ тотъ огонь, о которомъ говоритъ Лермонтовъ.

IX.

Я прошу у читателя позволенія привести на этомъ мѣстѣ отрывокъ изъ лекцій о Пушкинѣ, прочтенной мною въ 1859 г. передъ немногочисленнымъ обществомъ. Стараясь изобразить характеръ эпохи 30-хъ, 40-хъ годовъ, я долженъ былъ упомянуть о гоголевской сатирѣ, о лермонтовскомъ протестѣ, а потомъ и о значеніи критики Бѣлинскаго. Одно упоминовеніе этого имени возбудило негодованіе большей части моихъ слушателей. Вотъ этотъ отрывокъ. (Мнѣ придется начать нѣсколько издалека; но это неизбѣжно.)

«А между тѣмъ, какъ нашъ великій художникъ (Пушкинъ), отвернувшись отъ толпы и приблизившись, насколько могъ, къ народу, обдумывать свои заветныя творенія, пока по душѣ его проходили тѣ образы, изученіе которыхъ невольно заражаетъ въ насъ мысль, что онъ одинъ могъ бы подарить насъ и народной драмой, и народной эпопеей — въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ совершались, если не великія, то знаменательныя событія. Подъ вліяніемъ особенныхъ случайностей, особенныхъ обстоятельствъ тогдашней жизни Европы (съ 1830 по 1840 гѣдъ), у насъ понемногу сложилось убѣжденіе, конечно справедливое, но въ ту эпоху едва ли не рановременное: убѣжденіе въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы — великое, вполне овладѣвшее собою, незыблемо-твердое государство, и что художеству, что поэзіи предстоитъ быть достойными провозвѣстниками этого величія и этой силы. Одновременно съ распространеніемъ этого убѣжденія, и, быть можетъ, вызванная имъ, явилась цѣлая фаланга людей, безспорно даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ риторики, внѣшности, соотвѣтствующей той великой, но чисто-внѣшней силѣ, которой они служили отголоскомъ. Люди эти явились и въ поэзіи, и въ живописи, и въ журналистикѣ, и даже на театральной сценѣ. Нужно ли называть ихъ имена? Онѣ въ памяти у каждого — и стоить только вспомнить, кому рукоплескали, кого привѣтствовали въ то время, когда вокругъ умолкнувшаго Пушкина водворялась тишина ¹⁾. Это вторженіе въ общественную жизнь того, что мы рѣшили бы назвать *ложно-величавой школой* — продолжалось не долго, хотя отраженія ея въ сферахъ, менѣе подвергнутыхъ анализу критики, чѣмъ собственно-литературная, художественная сфера, не прекратилось до сихъ поръ. Оно продолжалось не долго — но что было шума и грома! Какъ широко разлилась тогда эта школа! Нѣкоторые изъ ея дѣятелей сами добродушно признавали себя за геніевъ. Совсѣмъ тѣмъ, что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось въ ней даже въ минуты ея кажущагося торжества — и ни одного живого, самобытнаго ума она себѣ не похорила безвозвратно. Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвальства, посвященные возвеличенію Россіи — въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно

¹⁾ Эти имена, которыя я тогда не рѣшился назвать, вѣроятно, приходятъ теперь на уста каждого читателя — имена Марлинскаго, Кукольника, Загоскина, Бенедиктова, Брылова, Каратыгина и др.

воздвигнутыя патриотами, незнавшими своей родины. Все это гремѣло, кичилось, все это считало себя достойнымъ украшеніемъ великаго государства и великаго народа, — а часть паденія приближался. Но не послѣднія, глубоко-художественныя произведенія Пушкина были причиною этого паденія. Если бы даже онѣ явились при его жизни — мы сомнѣваемся, оцѣнила ли бы ихъ тогда оглушенная, сбита съ толку публика. Онѣ не могли служить полемическимъ цѣлямъ; онѣ могли одержать и онѣ одержали побѣду своей собственной красотой, сопоставленіемъ этой красоты и силы съ безобразіемъ и слабостью того ложно-величаваго призрака; но въ первое время, именно для того, чтобы разоблачить этотъ призракъ во всей его пустотѣ, нужны были другія орудія, другія, болѣе пронзительныя силы — силы байроническаго лиризма, который уже являлся у насъ однажды, но поверхностно и не серьезно, силы критики, юмора. И онѣ не замедлили явиться. Въ сферѣ художества заговорилъ Гоголь, за нимъ Лермонтовъ; въ сферѣ критики, мысли — Бѣлинскій.

«.... Въ прошлой бесѣдѣ съ вами мы говорили о томъ значеніи, которое будущій историкъ нашей литературы придастъ появленію Пушкина; но, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе нашихъ Маколеевъ (если только намъ суждено имѣть Маколеевъ) и та минута, когда передъ раздувшимся и раздутымъ, какъ бы официальнымъ, великаномъ предстали — съ одной стороны гусарскій офицеръ, свѣтскій левъ, изъ устъ котораго общество услышало впервые невѣдомый ему прежде, безпощадный укоръ¹⁾, да темный малороссійскій учитель съ своей грозной комедіей, на челѣ которой стояло эпитафюмъ: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива»; — а съ другой стороны, такой же темный, недоучившійся студентъ, дерзнувшій провозгласить, что у насъ еще не было литературы, что Ломоносовъ не былъ поэтомъ, что не только Херасковъ и Петровъ, но и Державинъ и Дмитріевъ не могутъ намъ служить образцами, что и новѣйшіе великіе люди ничего не сдѣлали. Подъ совокупными усиліями этихъ трехъ, едва ли знакомыхъ другъ другу дѣятелей, рухнула не только та литературная школа, которую мы называли ложно-величавою — но и многое другое, устарѣлое и недостойное, обратилось въ развалины. Побѣда была рѣшена скоро. Въ то же время умалилось и поблекло вліяніе самого Пушкина,

¹⁾ Прошу позволенія привести слова одной тогдашней великосвѣтской барыни, встрѣтившей меня слѣдующимъ восклицаніемъ: *Avez-vous lu la «Douma?»* Qui pouvait s'attendre à cela de la part de Lermontoff! Lui qui venait de dire: «Я Матерь Божію люблю съ молитвой! C'est affreux!»

того Пушкина, имя котораго такъ было дорого самимъ нововводителямъ, которое они окружали такою полною любовью. Идеаль, которому они служили—сознательно или безсознательно (Гоголь, какъ извѣстно, до конца отъ него отчурался и отнѣживался)—идеаль этотъ не могъ ужиться съ пушкинскимъ идеаломъ, на зло имъ самимъ. Сила вещей сильнѣ всякой отдѣльной, личной силы — такъ же, какъ общее въ насъ сильнѣ нашихъ собственныхъ наклонностей. Время чистой поэзіи прошло такъ же, какъ и время ложно-величавой фразы; наступило время критики, полемики, сатиры. Вмѣсто слова: «наступило» — мы бы могли, вспомнивъ фонъ-Визина, Новикова, употребить слово: возвращалось. Подобные «возвратные» обороты бѣгущаго впередъ историческаго колеса извѣстны всѣмъ наблюдателямъ жизни народовъ. Общество, пораженное внезапнымъ сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, предчувствуя другія, еще болѣе горькія разочарованія въ будущемъ—которыя и сбылись ¹⁾ — съ жадностью обратило слухъ свой къ новымъ голосамъ и принимало только то, что отвѣчало его новымъ потребностямъ. «Торквато Тассо» Кувольника, «Рука Всевышняго» — исчезли, какъ мыльные пузыри; но и «Мѣднымъ Всадникомъ» нельзя было любоваться въ одно время съ «Шинелью».

Здѣсь слѣдовала довольно подробная характеристика Гоголя и Лермонтова, оканчивавшаяся слѣдующими словами:

«Сила независимой, критикующей, протестующей личности возстала противъ фальши, противъ пошлости — а на какой ступени общества тогда не царила пошлость? — противъ того ложно-общаго, несправедливо-узаконеннаго, что не имѣло разумныхъ правъ на подчиненіе себѣ личности»... И я продолжалъ такъ:

«Мы просимъ теперь у васъ позволенія остановиться на третьей личности, имя которой, мы это знаемъ, не совсѣмъ благозвучно въ вашихъ ушахъ. Мы говоримъ о Бѣлинскомъ. Съ этимъ именемъ сопряжено воспоминаніе о нѣкоторыхъ увлеченіяхъ, но смѣемъ думать, и о великихъ заслугахъ. Слово его живетъ до сихъ поръ, и мы не можемъ допустить, чтобы Россія, именно теперь ²⁾ съ жадностью его читающая, была совершенно неправа въ своей любви къ нему. Мы упомянули о немъ не потому, что были связаны съ нимъ личными, дружественными отношеніями; мы желаемъ обратить ваше вниманіе на самый принципъ его дѣятельности. Имя этому принципу — идеализмъ: Бѣ-

¹⁾ Трехъ лѣтъ еще не прошло съ парижскаго мира 1866 года, когда я читалъ эти лекціи.

²⁾ Тогда только-что вышли первые томы полнаго изданія его сочиненій.

линскій былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ немъ жили преданія того московскаго кружка, который существовалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и слѣды котораго такъ замѣтны еще донинѣ. Этотъ кружокъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ германской философской мысли (замѣчательна постоянная связь между этой мыслью и Мосеевою), заслуживаетъ особаго историка. Вотъ откуда Бѣлинскій вынесъ тѣ убѣжденія, которыя не покидали его до самой смерти — тотъ идеалъ, которому онъ служилъ. Во имя этого идеала провозглашалъ Бѣлинскій художественное значеніе Пушкина и указывалъ на недостатокъ въ немъ гражданскихъ началъ; во имя этого идеала привѣтствовалъ онъ и лермонтовскій протестъ и гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, наши такъ-называемыя славы, на которыя онъ нигдѣ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія»....

X.

Быть можетъ, нѣкоторые читатели удивятся слову: «идеалистъ», которымъ я почелъ за нужное охарактеризовать Бѣлинскаго. На это я замѣчу, что, во-первыхъ, въ 59-мъ году не было возможности называть многія вещи настоящими ихъ именами; а во-вторыхъ, мнѣ — признаюсь въ томъ — доставило не малое удовольствіе объявить Бѣлинскаго «идеалистомъ» передъ сборищемъ людей, которымъ имя его представлялось неразрывно связаннымъ съ понятіемъ о циникѣ, грубомъ матеріалистѣ, и т. п. Къ тому же и самое названіе шло къ нему. Бѣлинскій былъ настолько же идеалистъ, насколько отрицатель; онъ отрицалъ во имя идеала. Этотъ идеалъ былъ свойства весьма опредѣленнаго и однороднаго, хотя именовался и именуется доселѣ различно: наукой, прогрессомъ, гуманностью, цивилизаціей — Западомъ, наконецъ. Люди благонамѣренные, но недоброжелательные, употребляютъ даже слово: революція. Дѣло не въ имени, а въ сущности, которая до того ясна и несомнѣнна, что и распространяться о ней не стоитъ: недоразумѣнія тутъ немислимы. Бѣлинскій посвятилъ всего себя служенію этого идеала; всѣми своими симпатіями, всей своей дѣятельностью принадлежалъ онъ къ лагерю «западниковъ», какъ ихъ прозвали ихъ противники. Онъ былъ западникомъ не потому только, что признавалъ превосходство западной науки, западнаго искусства, западнаго общественного строя; но и потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости воспріятія Россіей всего выработаннаго Запа-

домъ для развитія собственныхъ ея силъ, собственнаго ея значенія. Онъ вѣрилъ, что намъ нѣтъ другого спасенія, какъ идти по пути, ~~указанному намъ~~ Петромъ Великимъ, на котораго славянофилы бросали тогда свои отборнѣйшіе перуны ¹⁾. Принимать результаты западной жизни, примѣнять ихъ къ нашей, соображаясь съ особенностями породы, исторіи, климата — впрочемъ, относиться и къ нимъ свободно, критически — вотъ какимъ образомъ могли мы, по его понятію, достигнуть наконецъ самобытности, которою онъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Бѣлинскій былъ вполне русскій человѣкъ, даже патріотъ — разумѣется не на ладъ М. Н. Загоскина; благо родины, ея величіе, ея слава возбуждали въ его сердцѣ глубокіе и сильные отзвѣвы. Да, Бѣлинскій любилъ Россію; но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы — вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился. Увѣрять, что онъ изъ одного раболѣпнаго и неосмысленнаго смиренія недоучки преклонялся предъ Западомъ — значило не знать его вовсе; къ тому же, не смиреніемъ грѣшатъ обыкновенно недоучки. Бѣлинскій еще потому благоговѣлъ передъ памятью Петра Великаго, и не обинуясь, признавалъ его нашимъ спасителемъ, что уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ въ нашемъ старомъ общественномъ и гражданскомъ строѣ находилъ несомнѣнные признаки разложенія — и слѣдовательно, не могъ вѣрить въ правильное и нормальное развитіе нашего организма, подобное тому, какимъ оно является на Западѣ. Дѣло Петра Великаго было, точно, насиліемъ, было тѣмъ, что въ новѣйшее время получило названіе: *coup d'état*; но только по милости цѣлаго ряда этихъ насильственныхъ, свыше исходящихъ мѣръ были мы втолкнуты въ семью европейскіхъ народовъ. Необходимость подобныхъ реформъ еще донинѣ не прекратилась. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы привести самыя недавніе примѣры. Какое мѣсто мы уже заняли въ той семьѣ — это покажетъ исторія; но несомнѣнно то, что мы шли до сихъ поръ, и ~~должны~~ были идти (съ чѣмъ господа славянофилы конечно не согласятся), должны были идти другими путями, чѣмъ болѣе или менѣе органически развивавшіеся западные народы.

¹⁾ Бѣлинскій часто читалъ между друзьями стихотворенія Льва Пушкина, брата поэта, и съ особеннымъ чувствомъ произносилъ стихи, въ которыхъ преобразователь представленъ быть властнѣйшимъ —

«Рядъ изумленныхъ поколѣній
«Рукой могучей за собой».

А что западническія убѣжденія Бѣлинскаго ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая была во всемъ его существѣ—тому доказательствомъ служить каждая его статья¹⁾. Да, онъ чувствовалъ русскую суть какъ никто. Не признавая нашихъ лже-классиковъ, лже-народныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ—онъ въ тоже время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого ухо не было болѣе чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонію и красоту нашего языка; поэтический эпитетъ, изящный оборотъ рѣчи поражали его мгновенно и слушать его простое, нѣсколько однообразное, но горячее и правдивое чтеніе какового-нибудь Пушкинскаго стихотворенія или Лермонтовскаго «Мцыри» было истиннымъ наслажденіемъ. Прозу, особенно любимаго своего Гоголя, онъ читалъ хуже; да и голосъ его скоро ослабѣвалъ.

XI.

Еще одно замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, состояло въ томъ, что онъ былъ всегда, какъ говорятъ англичане «in earnest»; онъ не шутилъ ни съ предметомъ своихъ разысканій, ни съ читателемъ, ни съ самимъ собою; а позднѣйшее, столь распространенное глумленіе онъ бы отвергнулъ какъ недостойное легкомысліе или трусость. Извѣстно, что глумящійся человѣкъ часто самъ хорошенько не даетъ себѣ отчета, надъ чѣмъ онъ трунить и иронизуешь; во всякомъ случаѣ, онъ можетъ воспользоваться этими ширмочками, чтобы скрыть за ними шаткость и неясность собственныхъ убѣжденій. Человѣкъ свиститъ, хохочетъ.... Поди, угадывай, разумѣй его рѣчь, куда онъ ее гнетъ? Быть можетъ, онъ смѣется надъ тѣмъ, что точно достойно смѣха, а быть можетъ и надъ собственнымъ смѣхомъ «зубы скалитъ». Мнѣ скажутъ, что бываютъ времена, когда можно только намекать на истину, и что смѣющимся устами легче высказывать ее... Да развѣ Бѣлинскій жилъ въ такое время, когда можно было все высказывать на чистоту? И однако же не прибѣгалъ онъ къ глумленію, къ «излюбленному» свистанію, къ зубоскальству. Со-

¹⁾ См. его статьи о Пушкинѣ, о Гоголѣ, о Кольцовѣ—и особенно его статьи о народныхъ гѣсахъ и былинахъ. При слабости и скудости тогдашнихъ филологическихъ и археологическихъ данныхъ,—онъ поражаетъ читателя глубокимъ и живымъ пониманіемъ народнаго духа и народнаго творчества.

чувственный смѣхъ, возбуждаемый въ извѣстной части публики тѣмъ «свистаніемъ» — не далеко ушолъ отъ того смѣха, которымъ встрѣчались безприветливыя выходки Сенцовскаго... И здѣсь и тамъ выпячивалась та же склонность къ грубой потѣхѣ, къ гаерству, склонность, къ сожалѣнію, свойственная русскому человѣку, и которую не слѣдовало бы полагать. Хохохъ невѣжества почти такъ же противенъ — такъ же и вреденъ — какъ его злоба. Впрочемъ, Бѣлинскій самъ про себя говорилъ, что онъ шутить не мастеръ, иронія его была очень вѣска и неповоротлива; она тотчасъ становилась сарказмомъ, била не въ бровь, а въ глазъ. И въ разговорѣ, такъ же какъ и съ перомъ въ рукѣ онъ не блистать остроуміемъ, не обладалъ тѣмъ, что французы называютъ esprit, не ослѣплялъ игрою искусной діалектики; но въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мысли, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ концовъ, увлекательно. При совершенномъ отсутствіи того, что обыкновенно величаютъ эловенціей — при явной неспособности и неохотѣ къ «уснащиванію», къ фразѣ — Бѣлинскій былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово: «краснорѣчіе» въ смыслѣ силы убѣжденія, той силы, которую, напр., афиняне признавали въ Периклѣ, говоря, что каждая рѣчь его оставляла жало въ душѣ каждаго слушателя.

ХІІ.

Бѣлинскій, какъ извѣстно, не былъ поклонникомъ принципа: искусства для искусства; — да оно и не могло быть иначе по всему складу его образа мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на — отсутствующаго разумѣется — Пушкина, за его два стиха въ: «Поэтъ и Чернь» —

«Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты дишу въ немъ себѣ варить!»

— «И конечно — твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ; — конечно дороже. — Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю — и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, — будь онъ распресидіасовскій Аполлонъ — мое право, моя обязанность накормить своихъ — и себя, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и виршоплѣтамъ!» — Но Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ — у него было слишкомъ много здраваго смысла, чтобы отрицать искусство, чтобы не понимать не только его важность и значе-

ніе, но и самую его естественность, его физиологическую необходимость. Бѣлинскій признавалъ въ искусствѣ одно изъ коренныхъ проявленій человѣческой личности — одинъ изъ законовъ нашей природы, указанныхъ намъ ежедневнымъ опытомъ. Онъ не допускалъ искусства для одного искусства, точно также, какъ бы онъ не допустилъ жизни для одной жизни; не даромъ же онъ былъ идеалистъ. Все должно было служить одному принципу, искусство — также какъ наука, но своимъ, особеннымъ, специальнымъ образомъ. Во истину дѣтское и къ тому же не новое, подогрѣтое объясненіе искусства подражаніемъ природѣ, не удостоилось бы отъ него ни возраженія, ни вниманія; а аргументъ о преимуществѣ настоящаго яблока передъ написаннымъ уже потому на него бы не подѣйствовалъ, что этотъ пресловутый аргументъ лишается всякой силы, — какъ только мы возьмемъ человѣка сытаго. Искусство, повторяю, было для Бѣлинскаго такой же узаконенной сферой человѣческой дѣятельности, какъ и наука, какъ общество, какъ государство... Но и отъ искусства, какъ и отъ всего человѣческаго, онъ требовалъ правды, живой, жизненной правды. Самъ онъ, впрочемъ, въ области искусства чувствовалъ себя дома только въ поэзіи, въ литературѣ. Живопись онъ не понималъ, и музыкѣ сочувствовалъ очень слабо. Онъ самъ очень хорошо сознавалъ свой недостатокъ, и ужъ и не совался туда, куда ему заказана была дорога. Статьи Гоголя объ Ивановѣ и Брюловѣ могутъ служить поучительнымъ примѣромъ, до какой уродливой фальши, до какого вычурнаго и лживаго пафоса можетъ завратиться человѣкъ, когда заберется не въ свою сферу. Хоръ чертей въ Робертѣ-Дьяволѣ было единственной мелодіей, затверженной Бѣлинскимъ; въ минуты отличнаго расположенія духа, онъ подвывалъ басомъ этотъ дьявольскій напѣвъ. Пѣніе Рубини потрясало его: но не музыкальное совершенство цѣнилъ онъ въ немъ, а патетическую, стремительную энергію, драматизмъ выраженія. Все драматическое, театральное глубоко проникало въ душу Бѣлинскаго, такъ и зажигало ее. Его статьи о Мочаловѣ, о Щепкинѣ, вообще о театрѣ, дышать страстью; надо было видѣть, какое впечатлѣніе производило на него одно воспоминаніе объ игрѣ Мочалова въ Гамлетѣ, о томъ, какъ онъ въ извѣстной сценѣ представленія трагедіи передъ преступнымъ королемъ, произносилъ, задыхаясь отъ восторга и ненависти:

«Оле́на рани́ли стрѣ́лой...»

Была одна причина, которая заставляла иногда Бѣлинскаго избѣгать разговоръ о театрѣ, о драматической литературѣ, особенно съ мало знакомыми людьми: онъ боялся, какъ бы не напомнили ему про его комедію: «Пятидесятилѣтній дядюшка», написанную имъ нѣкогда въ Москвѣ и напечатанную въ «Наблюдателѣ». Комедія эта, точно, весьма слабое произведеніе; она принадлежитъ къ худшему изъ родовъ — къ слезливо-правственному, сентиментально-добродѣтельному; въ ней выводится великодушный дядюшка, влюбленный въ свою племянницу и приносящій свою любовь въ жертву юному сопернику. Все это изложено пространно, натынутымъ, мертвеннымъ слогомъ... Бѣлинскій не имѣлъ никакого «творческаго» таланта. Эта комедія, да еще статья о Менцелѣ были ахиллесовой пятой Бѣлинскаго, и упомянуть о нихъ при немъ, значило оскорбить, огорчить его. Особенно статью о Менцелѣ онъ себѣ простить не могъ: комедію свою онъ признавалъ эстетической, литературной ошибкой, а въ той статьѣ онъ видѣлъ ошибку — гораздо худшаго свойства. Статью о Менцелѣ онъ написалъ подъ мгновеннымъ вліяніемъ нетерпѣнія, тоскливаго желанія изъ области недосыгаемыхъ идеаловъ перейти къ чему-нибудь положительному, реальному, какъ будто то, что существовало тогда, могло имѣть реальное значеніе, могло удовлетворить добросовѣстнаго человѣка! Бѣднѣйшій Бѣлинскій, конечно, не имѣлъ понятія, что за птица былъ господинъ Менцель — и взялся за это лицо чисто съ апіорической, отвлеченной точки зрѣнія... Въ этомъ случаѣ, недостаточное знаніе фактовъ сыграло съ нимъ злую шутку... Существовала еще статейка о Бородинской годовщинѣ. Я было какъ-то заговорилъ съ нимъ о ней... Онъ зажалъ себѣ уши, обѣими руками, и низко наклонясь впередъ и качаясь изъ стороны въ сторону, запагалъ по комнатѣ. Впрочемъ, онъ поболѣлъ кваснымъ патріотизмомъ недолго. Вообще, лучшія статьи Бѣлинскаго были написаны имъ въ началѣ и передъ концомъ его карьеры; въ серединѣ проскочила полоса, продолжавшаяся года два, въ теченіи которой онъ, начинившись гегелевской философіей и не переваривъ ея, всюду, съ лихорадочнымъ рвеніемъ пичкалъ ея аксіомы, ея извѣстные тезисы и термины, ея такъ-называемые Schlagwörter. Въ глазахъ рябило отъ множества любимыхъ тогдашнихъ оборотовъ и выраженій ¹⁾! Надо-жъ было и Бѣлинскому

¹⁾ Советую любопытному читателю, желающему наглядно убѣдиться, до чего могло

заплатить дань своему времени! Но эта волна скоро сбѣжала, оставивъ за собою только хорошія сѣмена, и снова явился во всей своей мужественной и безхитростной простотѣ русскій языкъ Бѣлинскаго, славный языкъ, ясный и здравый. Бѣлинскій, можно сказать, импровизировалъ свои статьи; писалъ онъ ихъ въ послѣдніе дни мѣсяца, стоя передъ конторкой, на отдѣльныхъ полулистахъ, безъ помарокъ, крупнымъ, круглымъ почеркомъ. Онъ не имѣлъ времени вычищать слогъ, взвѣшивать и обдумывать каждое выраженіе, и потому по неволѣ впадалъ въ нѣкоторую многоглаголивость; но до безграничной болтливости, которая, должно признаться, съ легкой руки покойнаго Писарева утвердилась у насъ въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ, онъ далеко не доходилъ; статьи его все-таки оставались литературнымъ произведеніемъ и не превращались въ дряблый разговоръ, въ пухлые варіаціи на избитыя тѣмы — варіаціи, отъ которыхъ, несмотря на весь ихъ задоръ, такъ и отдастъ ученической театрадью.

XIV.

Всѣмъ извѣстно, какую обузу наваливалъ на Бѣлинскаго разсчетливый издатель журнала, въ которомъ онъ участвовалъ. Какія сочиненія не приходилось ему разбирать — и сонники, и поваренныя, и математическія книги, въ которыхъ онъ ровно ничего не смыслилъ! За то, когда, послѣ аккуратнаго выхода журнала въ первое число мѣсяца, наступало нѣсколько дней отдыха, какъ онъ наслаждался имъ, какъ предавался удовольствію бездѣйствія, бесѣды съ пріятелями, а иногда и карточной игры въ копѣечный преферансъ! Игралъ онъ плохо, но съ тою же искренностью впечатлѣній, съ тою же страстностью, которая ему были присущи, что бы онъ ни дѣлалъ! Помнится, мы однажды играли съ нимъ, не въ деньги — а *такъ*; онъ выигрывалъ и торжествовалъ... но вдругъ обремизился, остался безъ четырехъ. Потемнѣлъ мой Бѣлинскій пуще осенней ночи, опустилъ голову какъ къ смерти приговоренный. Выраженіе страданія, отчаянія,

дойти тогдашнее философствованіе, отыскать въ смѣси одной изъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», за 40 или 41-й годъ, статейку, написанную, впрочемъ, не Бѣлинскимъ, а самимъ издателемъ — въ защиту выраженія, употребленнаго Искандеромъ, будто бы «Наполеонъ — къ верху ногами поставленный Карлъ Великій», выраженія, поднятаго на смѣхъ другимъ журналомъ. Комизмъ тутъ тѣмъ болѣе забавенъ, что весь проникнуть угрюмой важностью и даже не подозрѣваетъ, до какой степени онъ престегенъ!

такъ было искренне на его лицѣ, что я наконецъ не выдержалъ и воскликнулъ, что это уже ни на что не похоже; что если такъ огорчаться, такъ лучше совсѣмъ бросить карты! — «Нѣтъ — отвѣчалъ онъ глухо и взглянулъ на меня изъ подлобья — все кончено; я только до бубновой игры и жилъ!» — И въ это мгновеніе, я ручаюсь, онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что говорилъ.

XV.

Я часто ходилъ къ нему послѣ обѣда отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, на Фонтанѣ, недалеко отъ Аничкова моста, невеселая, довольно сырая комната. Не могу не повторить: тяжелыя тогда стояли времена, нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудитъ: утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть, тебѣ даже пришлось съѣздить къ цензору и представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ¹⁾... На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ, оборвалъ или, что еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятъ слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за-границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ-называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни! Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ и легче станетъ; предметы разговоровъ были большей частью нецензурнаго (въ тогдаш-

¹⁾ Особеннымъ яморомъ отличался при подобныхъ свиданіяхъ цензоръ Ф., тотъ самый, который говаривалъ: «Помилуйте—я всѣ буквы оставляю; только духъ повывтравлию.» — Онъ мнѣ сказалъ однажды, съ чувствомъ глядя мнѣ въ глаза:—«Вы хотите, чтобы я не вымаралъ. Но посудите сами: я не вымараю—и могу лишиться 3,000 рубл. въ годъ:—а вымараю—кому отъ этого какая печаль?—Были словечки, нѣтъ словечекъ—ну, а дальше?—Какъ же мнѣ не марать!? Богъ съ вами!»

немъ смыслъ) свойства, но собственно политическихъ преній не происходило: бесполезность ихъ слишкомъ явно была въ глаза всякому. Общій ~~кolorить нашихъ~~ бесѣдъ былъ философско-литературный, критическо-эстетическій и пожалуй социальный, рѣдко историческій. Иногда выходило очень интересно и даже сильно; иногда нѣсколько поверхностно и легковѣсно. При всей серьезности и дѣйствительной возвышенности своей натуры, Бѣлинскій поступалъ иногда какъ ребенокъ: услышитъ что-нибудь, что ему очень понравится, какое-нибудь мѣсто изъ Жоржъ-Занда или П. Леру — тогда онъ входилъ въ моду и объ немъ тайно (!) переписывались подъ именемъ *Петра Рыжаго* — услышитъ и тотчасъ попроситъ списать ему это мѣсто и нянчиться съ нимъ. Но все это шло къ нему; живой русскій человекъ сказывался и тутъ. Иногда бездѣлица его задѣвала. Однажды онъ цѣлыхъ шесть недѣль носилъ у себя въ карманѣ книжку Гётевскаго «Западно-Восточнаго Дивана» (*Westöstlicher Divan*) вотъ по какому поводу. Я ему какъ-то цитировалъ оттуда стихъ: «*Lebt man denn, wenn andre leben?* (Можно ль жить, когда живутъ другіе?) Онъ повторилъ этотъ стихъ въ укоръ эгоизму. Гёте передъ А. Н. С., нѣкогда извѣстнымъ переводчикомъ Гётевскихъ стихотвореній; тотъ усомнился въ точности цитаты и чуть ли не подтрунилъ надъ легковѣрностью Бѣлинскаго. Вотъ онъ и выпросилъ у меня экземпляръ «Дивана», и постоянно имѣлъ его съ собою, чтобъ при встрѣчѣ поразить С...; но встрѣчи этой, къ великой досадѣ Бѣлинскаго, не состоялось. Въ послѣдніе два года его жизни онъ, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивавшейся болѣзни, сталъ очень нервозенъ — и хандра на него находила.

XVI.

Я видѣлся съ Бѣлинскимъ въ теченіи четырехъ зимъ — съ 1843-го по 1846-й годъ, и особенно часто передъ январемъ 1847-го года, когда я отправился на долго за-границу и когда былъ основанъ «Современникъ», т. е. купленъ у покойнаго П. А. Плетнева. Исторія основанія этого журнала представляетъ много поучительнаго... Но изложить ее въ точности пока еще трудно: пришлось бы поднимать старыя дразги. Довольно сказать, что Бѣлинскій былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ приобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіи цѣлаго года капитальными статьями, приобретенными Бѣлинскимъ для боль-

шого затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для «Современника» разорвалъ связь съ «Отечественными Записками», а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ тоже мѣсто посторонняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ. У меня въ рукахъ находятся любопытныя письма Бѣлинскаго, относящіяся къ этому времени: небольшіе отрывки изъ нихъ читатели найдутъ ниже. Что касается собственно до меня, то должно сказать, что онъ, послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моею литературною дѣятельности, весьма скоро—и совершенно справедливо—охлаждѣлъ къ ней; не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбъ И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ номерѣ «Современника», я оставилъ ему очеркъ, озаглавленный «Хоръ и Калинычъ». (Слова: «Изъ записокъ охотника» были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ, съ цѣлю расположить читателя къ снисхожденію.) Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ. Но читатель увидитъ изъ тѣхъ же писемъ Бѣлинскаго, что онъ, хотя остался болѣе доволенъ моими прозаическими работами, однако особенныхъ надеждъ на меня не возлагалъ. Бѣлинскій съ добродушнымъ снисхожденіемъ, съ сочувственнымъ жаромъ поощрялъ начинавшихъ писателей, въ которыхъ признавалъ талантъ, поддерживалъ ихъ первые шаги; но онъ строго относился къ ихъ дальнѣйшимъ попыткамъ, безжалостно указывалъ на ихъ недостатки, порицалъ и хвалилъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ.—За то, на первыхъ порахъ, онъ иногда доходилъ до нѣжности, увлекался очень мило, почти трогательно, почти забавно.—Когда попались ему въ руки «Бѣдные люди» г-на Достоевскаго, — онъ приполъ въ совершенный восторгъ.—«Да, говорилъ онъ съ гордостью, словно самъ совершилъ величайшій подвигъ — да, батюшка, я вамъ доложу! — Не велика птичка — и тутъ онъ указывалъ рукою, чуть не на аршинъ отъ полу — не велика птичка — а ноготокъ востеръ!» — Каково же было мое удивленіе, когда встрѣтившись вскорѣ потомъ съ г-мъ Достоевскимъ — я увидалъ въ немъ человѣка, росту болѣе средняго — во всякомъ случаѣ выше самого Бѣлинскаго! — Но въ припадкѣ отеческой нѣжности къ ново-народившемуся таланту, Бѣлинскій относился къ нему какъ къ сыну, какъ къ

своему «дитятѣ»¹⁾. Точно такъ же онъ, лѣтомъ 1843 года, когда я съ нимъ познакомился—лѣгчалъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди господина Некрасова, который въ то время еще нуждался въ дружеской опорѣ, ибо еще не успѣлъ сдѣлаться ни тѣмъ богатымъ человѣкомъ, ни тѣмъ официальнымъ поэтомъ англійскаго клуба, какимъ онъ сталъ впоследствии.

XVII.

Какъ во всѣхъ людяхъ съ пылкой душою, во всѣхъ энтузіастахъ, въ Бѣлинскомъ была большая доля нетерпимости.— Онъ не признавалъ, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнѣніяхъ противника и отворачивался отъ нихъ съ тѣмъ же негодованіемъ, съ которымъ покидалъ собственные мнѣнія, когда находилъ ихъ ошибочными.— Но его можно было «прощибить», какъ я сказалъ ему однажды—и чему онъ много смѣялся;— истина была для него слишкомъ дорога; онъ не могъ окончательно упорствовать. Къ одной лишь московской партіи, въ славянофиламъ, онъ всю жизнь относился враждебно: очень они уже шли въ разрѣзъ всему тому, что онъ любилъ и во что онъ вѣрилъ. Вообще Бѣлинскій умѣлъ ненавидѣть—he was a good hater—и всей душой презиралъ достойное презрѣніе.— Лейбницъ гдѣ-то говоритъ, что онъ почти ничего не презираетъ, (je ne méprise presque rien).— Это понятно—и похвально—въ философѣ, постоянно живущемъ на высотахъ духовнаго созерцанія;—но нашъ братъ, человѣкъ обыкновенный, по землѣ ходящій, не въ силахъ возвыситься до этого безстрастнаго холода, до этой величавой тишины; чувство презрѣнія, которое внушаютъ намъ Оаддеи Булгарины да Эмили де-Жирандены, подтверждаетъ и крѣпитъ наше нравственное сознаніе, нашу совѣсть.— Въ собственныхъ промахахъ Бѣлинскій признавался безо всякой задней мысли: мелкаго самолюбія въ немъ и слѣда не было.— «Ну, враль же я чушь!» бывало, говаривалъ онъ съ улыбкой—и какая это въ немъ была хорошая черта!—Бѣлинскій былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, о сво-

¹⁾ Слѣшу предупредить читателя, который, пожалуй, на этомъ мѣстѣ можетъ подумать, что преувеличенный восторгъ, возбужденный въ Бѣлинскомъ «Бѣдными людьми»—не является подтвержденіемъ той непогрѣзительности критическаго чутія, о которой я говорилъ. Должно признаться, что прославленіе свѣже мѣры «Бѣдныхъ людей»—было однимъ изъ первыхъ промаховъ Бѣлинскаго и служило доказательствомъ уже начинавшагося ослабленія его организма. Впрочемъ—тутъ его подкупилъ теплая демократическая струйка.

ихъ способностяхъ. — Скромность его была непритворна и чистосердечна; слово: «скромность», впрочемъ тутъ не годится: ему вовсе не было приятно, что онъ, по его понятію, такой не-крупный человекъ; но вѣдь: «изъ своей кожи не выпрыгнешь!» За то ничего не было для него важнѣе и выше дѣла, за которое онъ стоялъ, мысль, которую онъ защищать и проводить: тутъ онъ на стѣну готовъ былъ лѣзть — и бѣда тому, кто ему попадался подъ руку! Тутъ и смѣлость являлась въ немъ — отвага отчаянная, на зло его физикѣ и нервамъ; тутъ онъ всѣмъ готовъ былъ жертвовать! При такой сильной раздражительности — такая слабая, личная обидчивость... Нѣтъ! подобнаго ему человека я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ.

XVIII.

Лѣтомъ 1847 года, Бѣлинскій попалъ, въ первый и послѣдній разъ, за границу. Я прожилъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Зальцбруннѣ, небольшомъ силезскомъ городѣ, славящемся своими водами, будто бы излечивающими чахотку... ему онѣ принесли мало пользы. Въ Зальцбруннѣ онъ, подъ вліяніемъ негодовація, возбужденнаго въ немъ извѣстной «Перепиской съ друзьями» Гоголя, написалъ ему письмо... Потомъ я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ. Тамъ онъ поступилъ въ лечебницу къ нѣвоему доктору, специалисту противъ чахотки, по имени Тиръ де Мальмору. Многіе считали его за шарлатана, но онъ совсѣмъ было поставилъ Бѣлинскаго на ноги. Кашель прекратился, съ лица сошла зелень... Слишкомъ скорое возвращеніе въ Петербургъ все уничтожило ¹⁾. Странное дѣло! Онъ изнывалъ за-границей отъ скуки; его такъ и тянуло назадъ въ Россію, и даже семейная его жизнь, въ которой мы всѣ, его пріятель, до тѣхъ поръ не видѣли ничего особенно привлекательнаго, даже та предстала ему въ радужныхъ краскахъ. Уже очень онъ былъ русскій человекъ, и въ Россіи замиралъ какъ рыба на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ площадь Согласія, и тотчасъ спросилъ меня: «Не правда ли? Вѣдь это одна

¹⁾ Вотъ еще примѣръ того, какъ Бѣлинскій юмористически относился къ самому себѣ (см. ниже). При отъѣздѣ изъ Парижа, ему дали провожатаго, который долженъ былъ сопутствовать ему до Берлина: но въ самую послѣднюю минуту вышло какое-то недоразумѣніе, и Бѣлинскій отправился одинъ. «Представьте мое положеніе — писалъ онъ одному пріятелю въ Парижъ — на бельгійской границѣ меня о чѣмъ-то спрашиваютъ, а я ничего не понимаю и только глазами хлопаю. Къ счастью, начальникъ таможни догадался должно быть, что я *лгу до святости* — и пропустилъ меня».

изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?» — И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: «Ну и отлично; такъ ужъ я и буду знать, — и въ сторону, и баста!» и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI, онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а! — и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ «Тарасѣ Бульбѣ». Историческія свѣдѣнія Бѣлинскаго были слишкомъ слабы: онъ не могъ особенно интересоваться мѣстами, гдѣ происходили великія событія европейской жизни; онъ не зналъ иностранныхъ языковъ и потому не могъ изучать тамошнихъ людей; а праздное любопытство, глазѣніе, badauderie, было не въ его характерѣ. Музыка и живопись его, какъ уже сказано, трогали мало; а тѣ, чѣмъ такъ сильно дѣйствуетъ Парижъ на многихъ нашихъ соотечественниковъ, возмущало его чистое, почти аскетическое нравственное чувство. Да и наконецъ, ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ... Онъ уже усталъ и охладѣлъ...

XIX.

Не знаю, говорить ли объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ женщинамъ? Самъ онъ почти никогда не касался этого деликатнаго вопроса. Онъ вообще неохотно распространялся о самомъ себѣ, о своемъ прошедшемъ, и т. п. Мнѣ много разъ случалось наводить его на этотъ разговоръ, но онъ всегда отклонялъ его; онъ словно стыдился, словно не понималъ, что за охота толковать о личныхъ дразгахъ, когда существуетъ столько предметовъ для бесѣды, болѣе важныхъ и полезныхъ! Если же онъ касался своего прошедшаго, то почти всегда съ юмористической точки зрѣнія: такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ будучи *удаленъ* изъ университета и не имѣя буквально чѣмъ жить, онъ взялся перевести романъ Поль-де-Кока за 25 руб. ассиг., и какихъ онъ понадѣлалъ промаховъ! Бѣдность онъ, очевидно, испытывалъ страшную, но никогда впослѣдствіи не улаждался ея расписываніемъ и размазываніемъ въ кругу друзей, какъ то дѣлаютъ весьма часто люди, прошедшіе эту тяжкую школу. Въ Бѣлинскомъ было слишкомъ много цѣломудреннаго достоинства для подобныхъ изліяній, а можетъ быть и слишкомъ много гордости... Гордость и самолюбіе — двѣ вещи весьма различныя.

По понятію Бѣлинскаго, его наружность была такого рода, что никакъ не могла нравиться женщинамъ; онъ былъ въ этомъ убѣжденъ до мозга костей, и конечно, это убѣжденіе еще уси-

ливалось его робость и дикость въ сношеніяхъ съ ними. Я имѣю причину предполагать, что Бѣлинскій, съ своимъ горячимъ и впечатлительнымъ сердцемъ, съ своей привязчивостью и страстностью, Бѣлинскій, все-таки одинъ изъ первыхъ людей своего времени, не былъ никогда любимымъ женщиной. Бракъ свой онъ заключилъ не по страсти. Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ одну барышню, дочь тверского помѣщика Б—на; это было существо поэтическое, но она любила другого и притомъ она скоро умерла. Произошла также въ жизни Бѣлинскаго довольно странная и грустная исторія съ дѣвушкой изъ простаго званія; помню его отрывчатый, сумрачный рассказъ о ней... онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе... но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Сердце его безмолвно и тихо истлѣло; онъ могъ воскликнуть словами поэта:

«О небо! Если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ...
И не томась, не мучась богъ,
Я просіялъ бы — и погасъ!»

Но мечты людскія несбыточны, а сожалѣнія — бесплодны. Кому не вынулъ хорошій нумеръ — щеголяй съ пустымъ, да и не сказывай никому.

Не могу однако не упомянуть здѣсь, хотя мелькомъ, о благородныхъ, честныхъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на женщинъ вообще, и въ особенности на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія, словомъ, на то, что теперь называютъ женскимъ вопросомъ. Уваженіе къ женщинамъ, признаніе ихъ свободы, ихъ не только семейнаго, но и общественнаго значенія, сказываются у него всюду, гдѣ только онъ касается того вопроса, — правда, безъ той вызывающей, крикливой бойкости, которая теперь въ такой модѣ.

XX.

Не разъ приходится слышать слова: такой-то во-время, встать умеръ... Но ни къ кому онъ такъ несомнѣнно не примѣняются, какъ къ Бѣлинскому. Да! Онъ умеръ встать и во-время! Передъ смертью (Бѣлинскій скончался въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года) онъ еще успѣлъ быть свидѣтелемъ торжества своихъ любимыхъ, задушевныхъ надеждъ, и не видѣлъ ихъ окончательнаго крушенія... А какія бѣды ожидали его, еслибъ онъ остался живъ! Извѣстно, что полиція ежедневно справлялась о состояніи его

здоровья, о ходѣ его агоніи... Отъ тяжелыхъ испытаній избавила его смерть. Притомъ же и физика его уже отказывалась дѣйствовать... Къ чему же было тянуть, медлить?

«A struggle more — and I am free!»¹⁾

Все такъ; но живой живое думаетъ, и нельзя подавить въ себѣ чувства сожалѣнія о томъ изъ насъ, кого уноситъ смерть въ невѣдомый край, откуда «не возвратился еще ни одинъ путешественникъ». Я иногда невольно задаю себѣ вопросъ, невольно представляю себѣ, что бы сказалъ, что бы почувствовалъ Бѣлинскій при видѣ великихъ реформъ, совершенныхъ нынѣшнимъ царствованіемъ — освобожденія крестьянъ, водворенія гласнаго суда и т. д.? Какой бы восторгъ возбудили въ немъ эти плодотворныя начинанія! Но онъ не дожилъ до нихъ... Не дожилъ онъ также до того, что также наполнило бы сладостью его сердце: не увидалъ онъ многого хорошаго, что совершилось послѣ него въ нашей литературѣ. Какъ бы порадовался онъ поэтическому дару Л. Н. Толстаго, силѣ Островскаго, юмору Писемскаго, сатиры Салтыкова, трезвой правдѣ Рѣшетникова! Кому бы, какъ не ему, слѣдовало быть свидѣтелемъ восхода тѣхъ сѣменъ, изъ которыхъ многія были посѣяны его рукою?... Но видно — не слѣдовало...

XXI.

Окончу мои воспоминанія о Бѣлинскомъ сообщеніемъ письма одной близкой ему дамы, которую я просилъ передать мнѣ подробности его кончины (я находился тогда за-границей въ Парижѣ), а также и нѣсколькихъ отрывковъ изъ его писемъ ко мнѣ.

Вотъ письмо дамы (отъ 23-го іюня 1848 года):

«Вы хотите знать что-нибудь о Бѣлинскомъ... Но я не умѣю порядочно рассказывать, да и нечего почти говорить о человѣкѣ, который все послѣднее время весь былъ истощенъ физическими страданіями. Не могу выразить вамъ, какъ тяжело, какъ больно было смотрѣть на медленное разрушеніе этого бѣднаго страдальца. Воротился онъ изъ Парижа въ такомъ хорошемъ состояніи духа и здоровья, что всѣ мы, не исключая даже доктора, получили надежду на его выздоровленіе. Тутъ провелъ онъ у насъ нѣсколько утръ и вечеровъ въ непрерывномъ, живомъ, энергическомъ разговорѣ, и всѣ съ радостью узнавали въ немъ преж-

¹⁾ Еще одно усиліе — и я свободенъ! (*Байронъ*).

няго, довольно еще здороваго Бѣлинскаго; но странно, что съ самаго ~~его возвращенія~~ изъ чужихъ краевъ, нравъ его чрезвычайно измѣнился: онъ сталъ мягче, кротче, и въ немъ стало гораздо болѣе терпимости нежели прежде, даже въ семейной жизни его нельзя было узнать, такъ онъ спокойно и повидимому, безъ борьбы, мирился со всѣмъ тѣмъ, что прежде такъ сильно его волновало. Здоровое состояніе его продолжалось недолго; онъ въ Петербургѣ скоро простудился, и тутъ съ каждымъ днемъ его положеніе становилось безнадежнѣе, при каждомъ свиданіи съ нимъ мы находили его страшно измѣнившимся, и казалось, что болѣе похудѣть ему уже нельзя, но увидавъ его опять, находили еще страшнѣе. Въ послѣдній разъ я была у него за недѣлю до его смерти; застали мы его полулежащимъ на креслѣ, лице у него было совершенно мертво, но глаза огромныя и блестящія; всякое дыханіе его было стонъ, и встрѣтилъ онъ насъ словами: «умираю, совсѣмъ умираю», но это слово было выговорено не съ убѣжденіемъ, не съ увѣренностью, а скорѣе съ желаніемъ, чтобъ его опровергли. Нечего вамъ говорить, какіе тяжелые два часа провели мы тогда у него; говорить онъ, разумѣется, не могъ, но его даже ужъ и не занимали и не могли расшевелить рассказы о тѣхъ предметахъ ¹⁾, которыми онъ прежде жилъ. Слегъ онъ въ постель дня за три до смерти, и кажется, надѣялся до тѣхъ поръ, пока жива была въ немъ память; наканунѣ онъ сталъ заговариваться, однако узналъ Грановскаго, пріѣхавшаго въ тотъ же день изъ Москвы. Передъ самой смертью онъ говорилъ два часа непереставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова, кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать; потомъ онъ вдругъ замолкъ и черезъ полчаса мучительной агоніи умеръ. Бѣдная жена... не отходила отъ него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его съ постели. Эта женщина... право заслуживаетъ всеобщее уваженіе; такъ усердно, съ такимъ терпѣніемъ, такъ безропотно ухаживала она за больнымъ мужемъ всю зиму...

Вотъ отрывки изъ писемъ Бѣлинскаго ко мнѣ:

С.-Пб. ^{19 февраля}
3 марта 1847.

«.... Когда вы собирались въ путь, я зналъ напередъ, чего лишаюсь въ васъ — но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что поте-

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

рять въ васъ больше нежели думаль... Послѣ васъ я отдался скукѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженіемъ и скучаль, какъ иногда въ жизни не скучаль. Ложусь въ 11, иногда даже въ 10 часовъ, засыпаю до 12, встаю въ 7, 8, или около 9—и цѣлый день—особенно цѣлый вечеръ—(съ послѣ обѣда)—дремлю—вотъ жизнь моя!

«... ** получилъ отъ К. ругательное письмо, но не показалъ ***. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мною, онъ былъ не хорошъ; кашлялъ, заикался, говорилъ что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснить, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ—и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ, и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки—видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ *преувеличеніи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно *переболтъ* внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ—а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню ***; и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ—а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

«... Скажу какъ новость; я, можетъ быть, буду въ Силезіи. Б. достаетъ мнѣ 2500 руб. асс. Я было начисто отказался—ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство.—а просить, чтобъ мнѣ выдавали жалованье за время отсутствія—мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненія съ *** я подумалъ, что церемониться глупо... Онъ былъ очень радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ къ Б., и теперь отвѣтъ его рѣшить дѣло.

«Вашъ «Каратаевъ» хорошъ, хотя и далеко ниже «Хоря и Калиныча»...

«... Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ—или очень мало—и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы «Ермолай и Мельничиха»—не Богъ знаетъ что, бездѣлка—а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслию. А въ «Бреттѣрѣ» — я увѣренъ, вы

творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто — въ этомъ все для человѣка, это для него значить сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призваніе — наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію... Только ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то ни сѣ; не то, чтобъ не хорошо, да и не то, чтобъ очень хорошо. Это страшно вредить тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе — лучшаго не придумалось). А «Хоръ» общается въ васъ замѣчательнаго писателя — въ будущемъ.

«... Гоголь сильно покаранъ общественнымъ мнѣніемъ и разруганъ во всѣхъ журналахъ; даже друзья его, московскіе славянофилы — и тѣ отступились, если не отъ него, то отъ гнусной его книги...

«Жена моя и всѣ мои домашніе, не исключая вашего крестника ¹⁾ — еланяются вамъ»...

С.-Пб. 1 (13 марта) 1847.

«... Скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе на счетъ источника извѣстныхъ поступковъ ***. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ — а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не доросъ — а приобрести его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности, и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу — изъ его примѣра — какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можетъ быть полезенъ для иныхъ натуръ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Гадки они — этотъ идеализмъ и романтизмъ; но что за дѣло человеку, что ему помогло дурное на вкусъ лекарство, даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертельной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже не смертельныя болѣзни; главное тутъ не то, что оно гадео, а то, что оно помогло»...

«Поѣздка моя въ Силезію рѣшена. Этимъ я обязанъ Б—ну. Онъ нашелъ средство и протолкалъ меня. Нѣтъ, никогда я не хлопоталъ и никогда не буду хлопотать такъ о себѣ, какъ онъ хлопоталъ обо мнѣ. Сколько писемъ написалъ онъ, по этому предмету, ко мнѣ, къ А — ву, къ Г — ну, къ брату своему, сколько разговоровъ, толковъ имѣлъ то съ тѣмъ, то съ другимъ! Недавно получилъ онъ отвѣтъ А—ва и прислалъ его мнѣ. А—въ даетъ мнѣ 400 франковъ. Вы знаете, что это человѣкъ поря-

¹⁾ Я былъ крестнымъ отцомъ его сына.

дочно обезпеченный, но отнюдь не богатъ — и по себѣ знаете, что за границей во всякое время 400 фр. — по крайней мѣрѣ — не лишнія деньги. Но это еще ничего — этого я всегда ожидать отъ А — ва, а вотъ что тронуло, ушибнуло меня за самое сердце: для меня, этотъ человѣкъ измѣняетъ планъ своего путешествія, не ѣдетъ въ Грецію и Константинополь — а ѣдетъ въ Силезію! Отъ этого, я вамъ скажу, можно даже сконфузиться — и еслибъ я не зналъ, не чувствовалъ глубоко, какъ сильно и много люблю я А — ва, мнѣ было бы досадно и непріятно такое происшествіе. Отправиться я думаю на первомъ пароходѣ...

С.-Пб. 12 (24 апрѣля) 1847.

«Пишу къ вамъ нѣсколько строкъ, мой любезный Т. Вскорѣ по полученіи вашего второго ко мнѣ письма, въ которомъ вы изъясняете свое удовольствіе о здоровьѣ моего сына — онъ умеръ. Это меня уходило страшно. Я не живу — а умираю медленною смертію. Но къ дѣлу. Я взялъ билетъ на Штеттинскій пароходъ; онъ отходитъ 4 (16) мая»...

9 (21) мая я свидѣлся съ Бѣлинскимъ въ Штеттинѣ, куда я выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Мнѣ писали изъ Петербурга, что смерть трехмѣсячнаго сына поразила его несказанно. Году не прошло, и онъ послѣдовалъ за нимъ въ могилу.

И вотъ уже двадцать лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ — и я вызвалъ его дорогую тѣнь... Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа; но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной, въ моемъ воспоминаніи...

«Человѣкъ онъ былъ»!

Ив. Тургеневъ.

РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ БЕНТАМА.

II ¹⁾.

Мысль Бентама обратиться къ императору Александру съ предложеніемъ своихъ трудовъ. — Его заботы объ успѣхѣ дѣла: Сперанскій, Новосильцовъ, Розенкампфъ. — Письмо къ Мордвинову (?) объ этомъ предметѣ, въ январѣ 1814. — Текстъ писемъ Бентама къ императору Александру и къ Чарторискому, и отвѣтъ императора, 1814—1815 г. — Разочарованіе Бентама. — Последнія письма къ Мордвинову.

Сношенія императора Александра съ Бентамомъ, къ которымъ мы теперь переходимъ, касались очень важнаго вопроса: дѣло шло объ изданіи новаго кодекса законовъ. Сношенія эти не повели за собой какого-нибудь фактическаго участія Бентама въ этомъ дѣлѣ; напротивъ, они ограничились, такъ сказать, однимъ предварительнымъ взаимнымъ освѣдомленіемъ, изъ котораго обнаружилось, что взгляды двухъ сторонъ были слишкомъ различны, чтобы для Бентама было возможно участвовать въ кодификаціонныхъ работахъ, совершавшихся въ Россіи. Несмотря, однако, на это отсутствіе дальнѣйшихъ фактическихъ результатовъ, переписка императора Александра съ Бентамомъ любопытна, какъ эпизодъ въ исторіи либеральныхъ тенденцій императора Александра: встрѣча съ идеями Бентама была нѣкоторой повѣркой силы этихъ тенденцій. Мы видѣли, какой приѣмъ нашли эти идеи въ первые годы царствованія: для многихъ мыслящихъ людей, желавшихъ общественнаго добра, идеи Бентама въ

¹⁾ См. выше, февр. 784 стр.

первый разъ давали твердую точку опоры и логическое доказательство, которымъ могъ поддержать себя новый образъ мыслей. Когда императоръ далъ повелѣніе объ изданіи сочиненій Бентама на русскомъ языкѣ, это дало идеямъ Бентама новую санкцію; и самъ императоръ вѣроятно раздѣлялъ до известной степени уваженіе къ этому авторитету. Начало прямыхъ сношеній его съ Бентамомъ, по вопросу о законодательствѣ, относится къ 1814 г., когда императоръ Александръ былъ въ Лондонѣ послѣ перваго пораженія Наполеона, когда онъ былъ въ періодѣ своей наибольшей славы—и наибольшихъ увлеченій. Для императора Александра недалеко было то время, когда онъ думалъ полу-дипломатическимъ, полу-пасторальнымъ образомъ ввести въ Европѣ сентиментальный, самодержавно-отеческій образъ правленія. Это настроеніе уже сильно подготавливалось въ немъ всѣми послѣдними событіями; и если потомъ изъ него выросла чистая реакція, то теперь, въ 1814, это была только сентиментальность, въ которой еще были цѣлы либеральныя возбужденія первыхъ годовъ царствованія.

Но сентиментальные идеалы рѣдко осуществляются въ жизни, и особенно сентиментальная постройка общественныхъ идеаловъ и предпріятій. Дѣло, въ которомъ считалось возможнымъ содѣйствіе Бентама, было слишкомъ серьезно, чтобы въ немъ можно было достигнуть самой цѣли одними идеальными мечтами, и Бентамъ всего меньше способенъ былъ удовлетворяться ими. Онъ понималъ вопросъ самымъ прямымъ реальнымъ образомъ, и высказалъ свой взглядъ на дѣло съ такою суровой искренностью, какою вѣроятно не ожидали. Въ его отвѣтъ оказалось, что для осуществленія идеальныхъ плановъ требуется не только глубокое убѣжденіе въ истинѣ дѣла и большія усилія при самомъ практическомъ исполненіи, но очень часто могутъ потребоваться и личныя усилія надъ самимъ собой, борьба съ собственными привычками и предубѣжденіями. По своему личному характеру и складу убѣжденій, Бентамъ былъ совершенно неспособенъ на мнимо-либеральныя компромиссы, и дѣлая всякія уступки даннымъ условіямъ и обстоятельствамъ, не могъ уступить ничего изъ сущности своихъ понятій о дѣлѣ. Въ концѣ концовъ, его понятія оказались совершенно непримѣнимыми въ приложеніи къ русскому законодательству.

Очевидно, что сношенія должны были остаться безъ результатовъ.

Это, конечно, можно было предвидѣть впередъ, и если этого не предвидѣли, вступая въ сношенія съ Бентамомъ, то въ самой

легкости отказа отъ его идей и обнаружилась та неустойчивость, которая отличаетъ сентиментальный либерализмъ.

Со стороны Бентама, этого предвидѣнія было всетаки гораздо больше. Какъ ни былъ онъ проникнутъ сильнымъ желаніемъ «кодифицировать»,—желаніемъ, столько страннымъ по понятіямъ нашего времени, и однакоже легко объяснимымъ въ то время, какъ увидимъ дальше, — его пылъ прошелъ уже скоро. Два письма его къ императору Александру раздѣлены были почти годовымъ промежуткомъ. Первое письмо было писано къ императору, въ которомъ Бентамъ видѣлъ сторонника либеральныхъ идей; когда писалось второе, Бентамъ предвидѣлъ или предчувствовалъ реакцію. Самый тонъ его послѣдняго, длиннаго письма къ императору Александру очевидно заставляетъ предполагать, что у него было уже мало надежды на то, чтобы его предложенія о наилучшемъ способѣ законодательства могли быть приняты. Этотъ тонъ, при всемъ уваженіи къ высокому лицу, къ которому онъ обращался, значительно суровый и категорическій. Въ этомъ письмѣ онъ ставитъ рѣшительную дилемму, и не дѣлаетъ въ ней никакихъ смягченій.

Эта суровость имѣла и другія, болѣе частныя причины. Бентамъ питалъ, какъ увидимъ, большое уваженіе къ Сперанскому, личность котораго, повидимому, въ особенности его интересовала. Сперанскій, конечно, привлекалъ его той стороною, которую Бентамъ долженъ былъ считать у него общей съ нимъ самимъ — стороною своей энергической дѣятельности, направленной къ усовершенствованію правительственныхъ формъ. Въ этомъ дѣлѣ Бентамъ долженъ былъ считать Сперанскаго человѣкомъ, близкимъ къ его собственнымъ идеямъ и желаніямъ. Онъ зналъ, что Сперанскому принадлежало прежде большое вліяніе и въ этой самой «кодификаціи». Но Сперанскаго уже не было теперь въ центрѣ правительственной дѣятельности. Напротивъ, лицо, руководившее теперь кодификаціей, извѣстный баронъ Розенкампфъ, вызывало всю желчь и раздраженіе Бентама. Имя барона Розенкампфа, смѣнившее собою имя Сперанскаго, казалось для Бентама самымъ дурнымъ предзнаменованіемъ о будущей судьбѣ законодательнаго предпріятія, порученнаго такимъ рукамъ, и конечно усиливало суровость его отношенія къ этому дѣлу. — Дальше мы укажемъ еще одно обстоятельство, ближайшимъ образомъ дѣйствовавшее на тогдашнее настроеніе Бентама, это—предчувствіе реакціи и тогдашнее положеніе польскихъ дѣлъ.

О томъ, при какихъ ближайшихъ обстоятельствахъ началась эта переписка Бентама съ императоромъ Александромъ, біографія Боуринга, къ сожалѣнію, представляетъ очень мало подроб-

ностей. Но этотъ пробѣлъ въ біографіи нѣсколько дополняется любопытными документами, находящимися въ рукописяхъ И. П. Библіотеки; указаніемъ на эти рукописи мы обязаны просвѣщенному вниманію барона М. А. Корфа, которому считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу признательность¹⁾.

Эти рукописи, переданныя въ Библіотеку барономъ Корфомъ при оставленіи имъ поста ея директора, представляютъ слѣдующіе матеріалы: 1) полную копію (французскаго) письма Сперанскаго къ Дюмону (1804 г.), откуда мы, въ первой нашей статьѣ, могли привести только отрывокъ, находящійся въ Боуринговой біографіи Бентама, — къ этому письму мы возвратимся еще разъ; 2) копію *перваго* (англійскаго) письма Бентама къ императору, или вѣрнѣе *проекта* этого письма, помѣченный здѣсь еще январемъ 1814 г., и какъ увидимъ далѣе, присланный Бентамомъ къ одному изъ его русскихъ друзей, съ желаніемъ знать его мнѣніе; — впрочемъ, *этотъ* экземпляръ не представляетъ разнорѣчій съ печатнымъ англійскимъ текстомъ, который мы приводимъ далѣе. Эти два документа были приложеніемъ къ 3) это — англійское письмо Бентама къ кому-то изъ его русскихъ друзей, котораго онъ называетъ «русскимъ государственнымъ человѣкомъ», — по всей вѣроятности, къ Н. С. Мордвинову. Письмо (какъ и упомянутые выше документы) писано не рукой Бентама, но заключаетъ и его собственныя приписки; и перемѣчено его же рукой по страницамъ (всего 15 стр.). Время написанія не отмѣчено и только на полѣ рукописи дата обозначена январемъ 1814 года.

¹⁾ Кромѣ этого указанія, баронъ Корфъ сообщилъ намъ нѣкоторыя замѣчанія относительно данныхъ, собранныхъ въ первой нашей статьѣ. Именно, онъ полагаетъ, что Саблуковъ, который переписывался съ Бентамомъ, былъ не тотъ А. А. Саблуковъ, о которомъ упоминается въ «Жизни Сперанскаго», а его сынъ, Ник. Ал. Саблуковъ. Первый, по словамъ барона М. А. Корфа, былъ дѣйствительно человѣкъ весьма почтенный, но стариннаго покроя и такого же воспитанія, не только не знавшій ни слова по-англійски, но и съ французскимъ языкомъ ознакомившійся кое-какъ, лишь подъ старость (онъ ум. въ 1828 г.). Поэтому съ Самуиломъ Бентамомъ могъ быть въ перепискѣ несомнѣнно только сынъ этого Саблукова, Николай Александровичъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Бывъ, при вступленіи на престолъ импер. Александра, полковникомъ конной гвардіи, онъ потомъ оставилъ службу и вступилъ въ нее снова не раньше 1812 года; по изгнаніи же французовъ изъ Россіи, опять вышелъ въ отставку, уже генераломъ, и съ тѣхъ поръ больше не служилъ. И прежде и послѣ, Н. А. Саблуковъ, превосходно знавшій иностранныя языки, въ томъ числѣ и англійскій, много странствовалъ по западной Европѣ, жилъ долго въ Лондонѣ, женился на англичанкѣ и умеръ въ 1848 отъ холеры. Отрывокъ изъ его мемуаровъ, писанныхъ на англійскомъ языкѣ, былъ напечатанъ.

Замѣчаніе барона Корфа о принадлежности писемъ этому послѣднему Саблукову, должно быть, конечно, совершенно справедливо.

Въ этихъ документахъ мы встрѣчаемъ данныя, не лишеныя интереса для занимающаго насъ вопроса.

Прежде всего письмо Сперанскаго. Любопытное само по себѣ, потому что въ немъ можно видѣть до нѣкоторой степени, какъ онъ думалъ о реформѣ, дѣлу которой онъ хотѣлъ служить, объ ея возможности и ея условіяхъ,—это письмо даетъ нѣкоторыя указанія и на ходъ мыслей Бентама о кодификаціонныхъ трудахъ для Россіи.

Послѣ того, нами уже приведеннаго мѣста, гдѣ Сперанскій пишетъ Дюмону объ успѣхѣ сочиненій Бентама, образчикъ которыхъ былъ напечатанъ въ «Спб. Журналѣ», онъ продолжаетъ:

«Для меня составляетъ истинное удовольствіе сообщить вамъ объ этомъ успѣхѣ, такъ какъ я убѣжденъ, что самое лестное вознагражденіе вашихъ трудовъ и единственное, достойное вашихъ дарованій, есть именно это распространеніе полезныхъ истинъ—въ странѣ, которая, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, быть можетъ, всего способнѣе принять хорошее законодательство (pays, le plus susceptible d'une bonne législation), — именно потому, что въ ней меньше приходится разсѣивать ложныхъ понятій, меньше приходится бороться противъ рутины, и больше можно встрѣтить послушной восприимчивости (docilité à recevoir) къ благотворнымъ дѣйствіямъ умнаго и разсудительнаго правительства».

Далѣе Сперанскій разсказываетъ объ учрежденіи извѣстной «Коммиссіи составленія законовъ». Ея учрежденіе или преобразование было одной изъ тѣхъ мѣръ, принятыхъ въ первые годы царствованія императора Александра, на которыя возлагались особенныя надежды. Эта коммиссія, ведущая начало еще со временъ Петра Великаго и съ тѣхъ поръ, въ разныхъ формахъ влчавшая въ теченіи цѣлаго столѣтія странное и безплодное существованіе, съ 21 октября 1803 г. передана была въ министерство юстиціи. Присутствіе ея составили министръ юстиціи кн. Лопухинъ и товарищъ его, Н. Новосильцовъ; секретаремъ присутствія назначенъ былъ, столь извѣстный впослѣдствіи, лифляндскій баронъ Густавъ Розенкампфъ. Въ началѣ слѣдующаго года министерство юстиціи представило докладъ о преобразованіи коммиссіи и объ устройствѣ ея на новыхъ основаніяхъ: съ утвержденіемъ этого доклада, 28 февраля 1804 г., коммиссія составленія законовъ составила цѣлое отдѣльное вѣдомство, съ своей іерархіей чиновниковъ; высшую власть, «присутствіе», составляли въ ней министръ и товарищъ министра юстиціи, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ сталъ Розенкампфъ, что продолжалось до на-

значенія въ члены присутствія Сперанскаго, въ августѣ 1808 года ¹⁾. www.libtool.com.cn

Въ это время, въ 1804 г., Сперанскій, состоявшій при Кочубеѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, еще не имѣлъ никакого отношенія къ комиссіи. Онъ пишетъ Дюмону слѣдующимъ образомъ объ этомъ предметѣ:

«Со времени вашего возвращенія въ Лондонъ, попеченія о лучшемъ устройствѣ законодательной части, которыя вы здѣсь видѣли, значительно увеличились. Различныя отрасли законодательства, разсѣянныя по разнымъ частямъ, теперь соединены и изъ нихъ составлено особое вѣдомство, подъ названіемъ комиссіи законовъ. Принятъ планъ редакціи, и по этому плану собираютъ и классифицируютъ необходимыя матеріалы. Эта комиссія состоитъ подъ спеціальнымъ управленіемъ г. Новосильцова. Не имѣя занятій по этой части и будучи почти чуждымъ тому роду свѣдѣній, какихъ она требуетъ, я не могу судить о степени дарованій, которыя она можетъ заключать въ своемъ составѣ ²⁾. Но я *убѣжденъ*, что *совѣты и взгляды такого человека, какъ г. Бентамъ, имѣли бы здѣсь существенную важность*. Его аналитическій и глубокій умъ долженъ имѣть высокое значеніе вездѣ, гдѣ идетъ дѣло объ установленіи законодательства, основаннаго на истинныхъ принципахъ пользы. *Я вполне раздѣляю съ вами убѣжденіе въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія порождаетъ эта идея*; но, не имѣя возможности дѣйствовать для ея принятія, я могу только питать желаніе, чтобы благія намѣренія правительства, тѣми или другими средствами, были исполнены наилучшимъ образомъ. Впрочемъ, г. Новосильцовъ находится теперь въ Лондонѣ ³⁾, и вы, быть можетъ, сами будете имѣть случай говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, истинно важномъ для человечества. Ваше свидѣтельство способно подтвердить *предложеніе этого рода* и доставить ему весь возможный авторитетъ».

Къ тому мѣсту письма, гдѣ говорится о Новосильцовѣ, сдѣлана сноска, написанная по-англійски, или Дюмономъ, или Бентамомъ; въ копіи П. Библіотеки она списана, кажется, той же рукой, какой написано и все письмо. Въ этой сноскѣ говорится слѣдующее: «Во всемъ, кромѣ благихъ намѣреній, полная

¹⁾ См. «Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи комиссіи составленія законовъ» и пр. Спб. 1804, и бар. Корфа, «Жизнь Сперанскаго», I, 146 и слѣд.

²⁾ Эти послѣднія слова въ письмѣ Сперанскаго приведены въ книгѣ барона Корфа, I, 154—155, прим.

³⁾ Ему былъ порученъ важный дипломатическій трудъ—привлечь Англію въ коалицію, которую императоръ Александръ составлялъ тогда противъ Наполеона.

неспособность достойнаго джентльмена (т. е. Новосильцова) къ какому-нибудь дѣлу подобнаго рода оказалась, съ перваго же раза, такъ велика, что всякій разговоръ съ нимъ объ этомъ предметѣ былъ бы совершенной потерей времени: это было очевидно. Поэтому, я старательно и положительно уклонялся отъ него. Идеи г. Н. были въ Петербургѣ, въ головѣ г. Р. (т. е. Розенкампа), а идеи Р. были въ облакахъ, — гдѣ, безъ сомнѣнія, пребываютъ и теперь» ¹⁾).

Такимъ образомъ, для Бентама уже съ этого времени становилось видно положеніе законодательнаго вопроса въ комиссіи законовъ. Впослѣдствіи назначеніе Сперанскаго въ члены присутствія въ комиссіи было, безъ сомнѣнія, пріятно для него, потому что Сперанскаго онъ очень уважалъ и считалъ его способнымъ къ этому дѣлу. Что касается до Розенкампа, Бентамъ не упускалъ его изъ виду. Мы еще встрѣтимъ его имя въ слѣдующемъ письмѣ Бентама, которое мы находимъ въ П. Библіотекѣ.

Это письмо (отъ января 1814 г.), адресованное, какъ мы полагаемъ, къ Мордвинову, занято уже именно планомъ Бентама обратиться къ императору Александру съ предложеніемъ своихъ трудовъ на пользу русской кодификаціи. Письмо, которое на самомъ дѣлѣ представлено было императору только въ маѣ 1814, было уже въ январѣ этого года прислано Бентамомъ къ своему корреспонденту, у котораго онъ проситъ совѣта и содѣйствія по этому предмету и которому онъ сообщаетъ свои предположенія о различныхъ шансахъ этого дѣла. Онъ разсчитываетъ разные обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, и исторія его письма къ императору, которую мы здѣсь отчасти видимъ, довольно показываетъ, до какой степени это дѣло дѣйствительно у него «лежало на душѣ», — мы увидимъ, почему его письмо къ императору Александру имѣло тотъ, а не другой характеръ. Мы приведемъ здѣсь существенные пункты его разсказа.

Начала письма, повидимому, недостаетъ; оно начинается такимъ образомъ:

....«Когда я такимъ образомъ представилъ вамъ лучшее доказательство, какое въ состояніи дать мои слабыя силы, — доказа-

¹⁾ Въ подлинникѣ: «In every thing but goodness of intention, the worthy gentleman's complete unfitness for any such business became immediately so prominent, that any conversation with him on the subject would (it was evident) be worse than labour lost. I accordingly kept carefully and effectually out of his way. Mr N.'s ideas were at Petersburg in the head of Mr R...; and Mr R.'s were (where they doubtless continue to be) in the clouds».

тельство той привязанности — — —, которой не может не требовать ваша дружба въ моему брату, позвольте мнѣ упомянуть вамъ объ одномъ дѣлѣ, на которое онъ меня побуждаетъ (хотя оно и безъ того достаточно лежитъ у меня на душѣ) и которое (я льщу себя этой мыслью) будетъ не совсѣмъ индифферентно для русскаго государственнаго человѣка, выразившаго такъ ясно свое одобреніе моихъ принциповъ и моихъ сочиненій, какъ я имѣлъ удовольствіе это видѣть.

«Я беру на себя смѣлость поручить вашей заботѣ прилагаемыя при этомъ два экземпляра письма, написаннаго мною въ вашему императору. Въ одномъ изъ нихъ *помѣщенъ* параграфъ, который въ другомъ экземплярѣ *опущенъ*: вотъ вся ихъ разница. То изъ этихъ писемъ, которое вы найдете наилучше соотвѣтствующимъ цѣли, я просилъ бы вашей благосклонности — переслать ему какимъ бы то ни было образомъ, который можетъ оказаться наиболѣе удобнымъ¹⁾. Разныя лица согласно увѣряютъ меня, что на *англійскомъ* языкѣ оно будетъ для него столько же понятно, какъ на *французскомъ*: и на англійскомъ языкѣ (какъ говорятъ иные) оно можетъ приобрѣсть болѣе благосклоннаго вниманія и дѣйствовать съ большимъ вѣсомъ, чѣмъ на менѣе дружественномъ и болѣе обыкновенномъ языкѣ.

«Я считалъ необходимымъ спросить мнѣнія разныхъ лицъ, больше или меньше имѣющихъ то знаніе людей и обстоятельствъ (въ Россіи), каковаго я не имѣю вовсе. Теперь это письмо имѣетъ не совсѣмъ тотъ видъ, въ какомъ оно въ первый разъ вышло изъ моихъ рукъ. Тогда я старался сколько возможно избѣгать того самовозвеличенія, котораго вы увидите теперь такое изобиліе. Но меня съ разныхъ сторонъ увѣряли, что — подъ опасеніемъ остаться непонятнымъ — я необходимо долженъ говорить такъ ясно и прямо, какъ только возможно, отдавая полное предпочтеніе понятности передъ скромностью.

«Въ томъ видѣ письма, каковой оно имѣетъ теперь, я самъ не нахожу ничего въ частности, что бы представляло опасность произвести неудовольствіе, или какимъ-нибудь образомъ мѣшать намѣренію. Но еслибы вы открыли въ немъ что-нибудь подобное, то съ вашей стороны было бы дѣломъ челоѣколюбія отдать переписать его, опустивъ осужденное мѣсто, и дать кому-нибудь подписать мое имя. И время и отдаленность вмѣстѣ за-прещаютъ пересылку письма взадъ и впередъ между Лондономъ

¹⁾ Мы замѣтили выше, что экземпляръ, находящійся при этомъ письмѣ въ П. Б-гѣ, совершенно сходенъ съ тѣмъ письмомъ, которое Бентамъ впоследствии напечаталъ и которое мы ниже помѣщаемъ въ переводѣ.

и Петербургомъ для такой (маловажной) цѣли. Вы—мой уполномоченный: — вы имѣете *carte blanche*.»

Онъ разбираетъ потомъ, имѣетъ ли право отягощать своего корреспондента заботами о письмѣ, и находитъ, что участіе этого корреспондента къ его предпріятію вѣроятно позволить ему разсчитывать на такое содѣйствіе. Переходя затѣмъ къ разсчетамъ о томъ, гдѣ онъ можетъ встрѣтить поддержку или оппозицію своему предпріятію, Бентамъ прежде всего вспоминаетъ о томъ же Розенкампфѣ и чтобы объяснить свои предположенія относительно его вѣроятнаго взгляда на это дѣло, приводитъ отрывокъ изъ одного письма, на которое мы уже указывали выше, въ первой статьѣ. Читатель припомнитъ письмо д'Ивернуа къ Дюмону (отъ 6 февр. 1813 г.), гдѣ говорится о томъ, какъ читаются сочиненія Бентама нѣкоторыми русскими государственными людьми. Въ нашей рукописи мы находимъ этотъ отрывокъ въ болѣе полномъ видѣ, и изъ него оказывается, что у д'Ивернуа шла рѣчь именно о Розенкампфѣ ¹⁾).

«Я не осмѣливаюсь ручаться, писалъ д'Ивернуа къ Дюмону, чтобы вашъ трудъ былъ понятъ однимъ *статскимъ совѣтникомъ*, котораго вы знаете и который возвратилъ мнѣ ваши два волюма (*Peines et Récompenses*) *въ 24 часа*, увѣряя меня, что онъ прочелъ ихъ и размышлялъ о нихъ цѣлую ночь. Его зовутъ Р... ²⁾), котораго его величество императоръ далъ мнѣ въ руководители ³⁾ и относительно котораго я могу похвалиться, что гораздо васъ скорѣе оцѣнилъ и его голову и его сердце».

Затѣмъ Бентамъ продолжаетъ:

«Не можетъ быть конечно рѣчи о какомъ-нибудь шансѣ принятія подобнаго предложенія (т. е. того, которое хотѣлъ сдѣлать Бентамъ императору) — какъ вы, безъ сомнѣнія, хорошо знаете,—если бы при всѣхъ усиліяхъ этого Р... онъ былъ въ силахъ остановить его. Все время, какъ Дюмонъ находился въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ *Traité de Législation*, Р... былъ какъ на иголкахъ: уловки и притворства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и волненіе, которое онъ обнаруживалъ, представляли тогда совершенную комедію: нѣкоторыя черты ея есть гдѣ-то у меня записанныя. Тоже заявленіе, что онъ провелъ цѣлую

¹⁾ Бентамъ говоритъ: „Я приведу отрывокъ изъ письма къ Дюмону, 6 февр. 1813 года, отъ одного его друга, *котораго вы угадаете*. По моему желанію, это письмо было оставлено имъ у меня, вскорѣ послѣ того, какъ оно сюда пришло. Ни тотъ, ни другой не знаютъ, что изъ письма сдѣлано будетъ *это* употребленіе; но если бы они и знали, то оба они (я надѣюсь) извинятъ меня.“

²⁾ На полѣ карандашомъ: Розенкампфъ.

³⁾ *Alas! poor Russia!*—прибавлено въ скобкахъ, конечно Бентамомъ

ночь или двѣ ночи въ чтеніи и размышленіи обо всей книгѣ; тоже рѣшительное нежеланіе слышать или сказать хоть слово о какой-нибудь одной особенной части.

«Все это совершенно естественно. Не въ природѣ вещей, чтобы по предмету законодательства *его* идеи и *мои* могли найти одобреніе въ одномъ и томъ же умѣ. Тотчасъ послѣ появленія моихъ (кажется въ 1807 г.), его идеи—если мои свѣдѣнія справедливы—были оцѣнены по ихъ настоящему достоинству. «Голова» и «сердце», о которыхъ идетъ рѣчь, были, какъ я предполагаю, въ числѣ тѣхъ, съ которыми *вамъ* приходилось имѣть дѣло. Относительно *настоящаго* положенія законовъ въ имперіи (судебнаго устройства и формъ судебной процедуры), я не удивился бы, впрочемъ, еслибы услышалъ, что его *голова* больше, чѣмъ всѣ другія, имѣетъ свѣдѣній (включая и *средства полученыя* этихъ свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ, откуда ихъ можно имѣть). Но, если говорить о содѣйствіи въ такомъ дѣлѣ, каково предлагаемое мной, есть ли какой-нибудь шансъ найти для него какое-нибудь побужденіе къ этому? — Если бы онъ дѣйствительно могъ быть удовлетворенъ на такихъ условіяхъ, что онъ на свою долю имѣлъ бы всю *награду* за то, что сдѣлано (предполагая всегда его способность доставлять самыя правильныя и полныя свѣдѣнія, какія можно имѣть), а я имѣлъ бы на свою долю *трудъ*, онъ и я были бы лучшими друзьями, какихъ только можно себя вообразить.

«Другая вещь, какую необходимо кажется помнить всякому лицу, которое имѣло бы наклонность дать свою поддержку моему предложенію (хотя для васъ это замѣчаніе можетъ быть совершенно излишне послѣ того, что вы вѣроятно слышали отъ моего брата), есть то, что еслибы *здѣшняя администрація* узнала объ этомъ дѣлѣ и если бы въ ея власти было помѣшать ему, она помѣшала бы навѣрное. Хотя я и былъ предметомъ публично заявленнаго уваженія, засвидѣтельствованнаго документально, предметомъ многократныхъ и не встрѣчавшихъ никогда противорѣчій похвалъ, высказанныхъ по разнымъ случаямъ и отъ различныхъ сторонъ парламента, въ палатѣ общинъ, но для нихъ (т. е. для администраціи) я тѣмъ не менѣе, или даже тѣмъ болѣе упорно служу предметомъ *отвращенія* и вмѣстѣ предметомъ *опасеній* (apprehension), насколько можетъ быть такимъ предметомъ одиноко стоящій человекъ, не принадлежащій ни къ какой партіи и не имѣющій никакихъ политическихъ плановъ»...

Этихъ своихъ непримиримыхъ враговъ Бентамъ указываетъ, не говоря о духовенствѣ, въ англійскихъ *законникахъ*, ненави-

дѣвшихъ его за то, что онъ открылъ тѣ недостатки и злоупотребленія, отъ которыхъ зависитъ и которыми соразмѣряется ихъ личное благополучіе. Онъ приводитъ примѣры и случаи, — какъ его величество Георгъ III сдѣлалъ ему честь, записавши его въ свою черную книгу, какъ парламентъ, зависящій отъ министерства, нарушилъ (съ ущербомъ для казны) свое обѣщаніе устроить тюремныя учрежденія по плану «Паноптикона», и т. д. Достаточно извѣстно, что Бентамъ дѣйствительно былъ предметомъ ненависти для всѣхъ консервативныхъ элементовъ англійскаго правительства, аристократіи, духовенства и юридическихъ казуистовъ; а эти элементы бывають обыкновенно въ огромномъ большинствѣ.

«При такихъ обстоятельствахъ, предположите, что (наприм. по внушенію вашего Р...) *нашему* посланнику при *вашемъ* дворѣ сдѣлають вопросъ, что онъ знаетъ обо мнѣ. Отвѣтъ, и вѣроятно справедливый, будетъ вѣроятно тотъ, что онъ никогда не слышалъ о такомъ человѣкѣ. Предположите, что такой же вопросъ будетъ обращенъ *вашимъ* посланникомъ здѣсь къ лорду Ливерпулю, лорду Батерсту, или лорду Кэстлри, отвѣтъ будетъ тотъ, что они никогда меня не видывали, но что я, хотя и благомыслящій человѣкъ, но человѣкъ умозрительный, фантазеръ, утопистъ, полный невозможныхъ плановъ преобразованій, и самъ человѣкъ невозможный (unpracticable), который надѣлалъ имъ порядочно хлопотъ.

«Если бы спросили *теперь* лорда С.-Эленса (нашего посланника при *вашемъ* дворѣ, если можете или не можете припомнить), *его* отвѣтъ былъ бы таковъ, что я не могу, оставаясь скромнымъ, дать вамъ о немъ понятія.

«Каковъ былъ бы отвѣтъ лорда Сидмута, я нѣсколько затрудняюсь придумать — — —

«Еслибы не цѣль, которую я имѣю въ виду, то была бы невыносима и десятая доля этихъ моихъ толковъ о самомъ себѣ», замѣчаетъ Бентамъ, и высказывая свое убѣжденіе въ томъ, что могъ бы принести пользу человѣчеству этими своими трудами, пользу, которой не приносилъ еще никто до тѣхъ поръ («потому что ни въ одномъ изъ кодексовъ, изданныхъ въ послѣднее время, не излагаются *основанія* — reasons — законовъ»), онъ выражаетъ надежду, что его не осудятъ за его способъ дѣйствій и заботу объ интересѣ своего дѣла.

Онъ обращаетъ вниманіе и на тотъ возможный шансъ, что его трудъ, достигши Петербурга, будетъ оставленъ безъ вниманія и безъ употребленія. Этотъ шансъ онъ не считаетъ невѣроятнымъ, но думаетъ, что если бы трудъ его былъ изданъ въ

Англіи, то самая исторія его совершенія обезпечила бы ему вниманіе, и этого было бы довольно. Онъ разумѣетъ здѣсь, относительно Англіи, не вниманіе немногихъ управляющихъ, а вниманіе многихъ управляемыхъ: о первыхъ онъ уже сказалъ, что для нихъ онъ составляетъ предметъ отвращенія, какъ и всякая мысль о реформѣ. При его жизни, имъ нечего отъ него бояться; но послѣ его смерти имъ надо будетъ бояться многого.

«Эта увѣренность и предвкушеніе уваженія отъ немногихъ людей признаннаго достоинства по ихъ талантамъ и общественной добродѣтели—и составляютъ мою награду.

«Если я не слишкомъ льщу себя—продолжаетъ Бентамъ,—я успѣлъ уже положить основаніе по крайней мѣрѣ небольшой школы, состоящей изъ людей даровитыхъ и дѣятельныхъ, которые, будучи вполнѣ проникнуты моими принципами, не будутъ имѣть недостатка ни въ охотѣ, ни въ способности идти впередъ и дополнить то, чтѣ останется у меня неконченнымъ: такъ-что, по моей смерти, — если тѣмъ временемъ будетъ сдѣлано какое-нибудь употребленіе изъ моего предложенія,—можно будетъ знать, гдѣ можно было бы получить содѣйствіе для продолженія дѣла».

Обращаясь потомъ къ своему личному труду, Бентамъ замѣчаетъ, что его дѣятельность, хотя еще не прекратилась, но уже приближается къ концу.

«Впрочемъ—говоритъ онъ—трудъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ бы для меня игрушкой въ сравненіи съ моими настоящими занятіями¹⁾: онъ былъ бы для меня своего рода отдохновеніемъ. Труды подобнаго рода составляютъ единственное, абсолютно единственное удовольствіе, какое въ послѣдніе годы осталось для меня. Я не *хожу* рѣшительно никуда. Я не *принимаю* никого, кромѣ немногихъ, отъ кого въ этихъ своихъ трудахъ я могу получить, или ожидаю получить поощреніе или помощь. Я уклонился отъ свиданія съ вашимъ Н.²⁾, который, хотя, какъ я слышалъ, есть человѣкъ почтенный и добронамѣренный, но обнаружилъ слишкомъ явную слабость довѣріемъ къ своему Р... Я не хотѣлъ также видѣть *Хитрово*, и адресовалъ его къ своему брату. «Г-жа Сталь (говоритъ мнѣ Дюмонъ) не хочетъ видѣть здѣсь никого, пока не увидитъ васъ»;—«въ такомъ случаѣ (говорю я) она не увидитъ здѣсь никого». Когда была здѣсь миссъ Эджвортъ, я также не хотѣлъ принять ее. Г-жа Сталь и въ печати и въ разговорахъ ругаетъ *принципы пользы*; миссъ Эджвортъ превозноситъ

¹⁾ Бентамъ разумѣлъ вообще теоретическій трудъ, разъясненіе принциповъ и основаній законовъ,—вещи, надъ которыми онъ именно трудился всю свою жизнь.

²⁾ Т. е. опять Новосильцовымъ.

его — *Миранду* я принималъ: еслибы онъ имѣлъ успѣхъ, я составилъ бы кодексъ для Венесуэлы, а потомъ, можетъ быть и для другихъ частей испанской Америки. Полковника Бурра (американца) я даже принималъ на нѣсколько времени въ свой домъ: я имѣлъ доказательства его уваженія къ моимъ трудамъ въ то время, когда онъ былъ на высотѣ своей славы и не могъ имѣть помысленія, что когда-нибудь меня увидитъ.

«Въ васъ я вижу просвѣщеннаго друга вашего отечества, и испытаннаго друга моего брата. Я не безъ нетерпѣнія жду того времени, когда я могу надѣяться пожать вамъ руку въ этомъ моемъ уединеніи».

Въ пост-скриптѣ Бентамъ спрашиваетъ: можно-ли было бы получить собственноручное письмо императора въ отвѣтъ на его предложеніе, и не произвело-ли бы подобное письмо больше впечатлѣнія, чѣмъ такое, которое было бы только подписано имъ? Потомъ, заговоривъ о Дюмонѣ, онъ вспоминаетъ о его пребываніи въ Петербургѣ:

«Когда онъ былъ въ Петербургѣ и былъ такъ хорошо принятъ нѣкоторыми членами администраціи вслѣдствіе изданія моего труда, онъ говорилъ такъ, что ему казалось весьма вѣроятнымъ получить приглашеніе: но не имѣя полномочія отъ меня, онъ не сдѣлалъ никакого предложенія отъ моего имени. Кочубей кажется былъ склоненъ къ этому, но не имѣлъ возможности: его вѣдомство было удобно для этого, но онъ оставлялъ его. Сперанскій, въ то время (я полагаю) состоявшій при Кочубей, кажется понималъ въ чемъ дѣло, и письмо его къ Дюмону, которое я видѣлъ въ то время, кажется выражало это. Онъ именно говорилъ съ Дюмономъ о русскомъ переводѣ, который (я полагаю) вы имѣете».

Въ концѣ письма сдѣлана самимъ Бентамомъ приписка. Онъ нашелъ у себя письмо Сперанскаго, о которомъ была рѣчь, и посылаетъ своему корреспонденту копію (конечно ту самую, которая находится въ рукописи Публичной Библіотеки): «изъ этой копіи вы можете видѣть, на какой почвѣ стояло въ то время законодательное дѣло, насколько оно касалось меня».

Наконецъ, онъ прибавляетъ еще нѣкоторыя соображенія по тому же предмету:

«Лордъ Кэстлри отправился въ свое посольство. Изъ сказаннаго выше вы увидите, какъ важно то, чтобы мое письмо не было представлено, пока лордъ Кэстлри не удалится отъ того лица, которому оно адресовано. Поццо ди-Борго (съ которымъ я никогда не имѣлъ никакихъ сношеній) считается Дюмономъ въ числѣ друзей этого дѣла. Такъ Дюмонъ увѣрялъ меня и со-

бирался писать ему объ этомъ предметѣ, чтобы извѣстить его, что такое предложеніе будетъ сдѣлано и, сообщая свое мнѣніе, говорилъ, что по его мнѣнію можетъ всего лучше доставить его содѣйствіе: о важности этого содѣйствія, вы, я полагаю, знаете все, а я конечно не знаю ничего.

«Разныя обстоятельства нѣсколько разъ подвергали это скучное письмо многимъ перемѣнамъ. Послѣдняя дата его здѣсь поставлена». — Въ концѣ извѣстіе о добромъ здоровьѣ Самуила Бентама.

Эта послѣдняя дата есть 28-е января 1814.

Мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, какъ потомъ шло дѣло объ этомъ первомъ письмѣ Бентама къ императору Александру. Оно было представлено въ маѣ 1814 и читатель увидить ниже объясненіе послѣдующихъ обстоятельствъ дѣла. Письмо, *представленное* Бентамомъ (какъ оно напечатано потомъ имъ самимъ) не разнится отъ той редакціи, какую мы находимъ въ рукописи Публичной Библіотеки.

Когда дѣло кончилось совсѣмъ — и кончилось неудачей, — Бентамъ издалъ самъ свою переписку съ императоромъ Александромъ въ «Papers relative to Codification and Public Instruction» (Лондонъ 1817) и въ «Supplement to Papers etc.», вышедшихъ въ томъ же году. Въ этомъ самомъ видѣ переписка вошла и въ собраніе его сочиненій, 1843 года¹⁾.

Въ переводѣ этихъ писемъ, мы старались быть сколько можно близкими къ подлиннику. Это не такъ легко, и быть можетъ не такъ удобно для читателя: языкъ Бентама вообще довольно тяжелъ, и о Бентамѣ даже просто говорятъ, что онъ «не умѣлъ писать», — но тѣмъ не менѣе мы желали сохранить особенности его стиля, потому что онѣ довольно характерны. Бентамъ дѣйствительно не заботился о гладкости фразы; онъ старался только о томъ, чтобы его мысль выражалась во фразѣ со всей точностью, со всѣми ея опредѣленіями; поэтому фраза обставлена обыкновенно множествомъ условныхъ, предположительныхъ, усиливающихъ или ослабляющихъ подробностей, которыхъ достаточно было бы, чтобы изъ одной этой фразы выстроить нѣсколько цѣлыхъ періодовъ. Понятно, какъ этотъ характеръ языка выражалъ самый характеръ ума Бентама, его строгую логическую послѣдовательность и юридическую точность. Этотъ языкъ самъ по себѣ есть историческая черта.

Переходимъ къ самымъ письмамъ.

¹⁾ Works, IV, 514—528. Ср. тамъ же, стр. 452, прим.

I. Письмо Иеремии Бентама къ императору всероссійскому.

www.libtool.com.cn

Queen-Square-Place, Westminster.

Лондонъ, мая 1814 г.

Цѣль этого письма состоитъ въ томъ, чтобы представить вниманію вашего величества предложеніе относительно области законодательства.

Мнѣ шестьдесятъ шесть лѣтъ. Изъ нихъ не много менѣе пятидесяти проведены были на этомъ поприщѣ безъ всякихъ порученій со стороны какого либо правительства. Я гордился бы посвятить остальные годы моей жизни, насколько это можетъ быть сдѣлано мною въ моемъ отечествѣ, трудамъ на улучшеніе состоянія этой отрасли управленія въ обширной имперіи вашего величества.

Въ 1802 году издано было въ Парижѣ г-мъ Дюмономъ (изъ Женевы) сочиненіе въ трехъ томахъ 8^о подъ названіемъ: *Traité de Législation Civile et Pénale etc.*, извлеченное, какъ упоминается въ немъ, изъ моихъ бумагъ.

Въ 1805 году переводъ этого сочиненія на русскій языкъ былъ изданъ въ С.-Петербургѣ по повелѣнію вашего величества (если мнѣ вѣрно сообщено объ этомъ).

Со времени появленія этого сочиненія Европа увидѣла два обширныхъ кодекса законовъ, обнародованныхъ въ ея предѣлахъ: одинъ французскимъ императоромъ, другой королемъ Баваріи. Тотъ и другой представляютъ собою единственные кодексы подобнаго обширнаго объема, какіе только появлялись въ послѣднее полу столѣтіе. Изъ законовъ, изданныхъ французскимъ императоромъ, одна часть заключаетъ въ себѣ полный уголовный кодексъ. Въ предисловіи къ этому авторитативному ¹⁾ труду, упоминается о моемъ не-авторитативномъ трудѣ съ почетнымъ отзывомъ; между умершими приводятъ имена *Монтескье, Беккариа и Блэкстона*, — между живыми (исключая только нѣкоторые фактическіе предметы) одно только мое имя. Въ баварскомъ кодексѣ, составленномъ г. *Бексономъ*, упоминается о моемъ сочиненіи гораздо подробнѣе и обширнѣе и расточается ему еще больше похвалъ.

Во Франціи подъ непосредственной волей Наполеона — въ Баваріи подъ вліяніемъ Наполеона, — это великодушіе, оказанное вниманіемъ къ

¹⁾ Бентамъ принимаетъ это слово въ слѣдующемъ смыслѣ: Книга, заключающая въ себѣ изложеніе и объясненіе законовъ, «называется авторитативною тогда, когда составлена человѣкомъ, который, представляя такое или другое состояніе закона, бываетъ виновникомъ этого состоянія, т. е. когда она составлена самимъ законодателемъ; она называется не-авторитативною, когда она есть произведеніе какого-нибудь другого лица вообще; другими словами: когда она имѣетъ юридическую силу закона, или не имѣетъ этой силы. Ср. Избр. Сочин. Бент. I, 301 — 302.

труду живого англичанина, не могло не вызвать съ моей стороны удивленія.

Похвала труду—одна вещь; *принятіе* его—другая. Имѣя передъ собою мой трудъ, оба эти новѣйшія произведенія приняли въ свое основаніе законодательство *древняго Рима*. Для Россіи во всякомъ случаѣ это было бы только лишней помѣхой.

Въ устройствѣ человѣческой природы есть фибры, которыя бываютъ однѣ и тѣ же во всякомъ *мѣстѣ* и во всякое *время*, и есть другія, которыя мѣняются по *мѣсту* и по *времени*. Эти-то послѣднія и были предметомъ моего постоянного и положительно заявленнаго вниманія, ихъ въ особенности я старался выяснить и о нихъ заботился. Объ особенностяхъ Россіи я имѣю нѣкоторое понятіе. Два года изъ тѣхъ лѣтъ моей жизни, которыя были наиболѣе богаты наблюденіями, были проведены въ предѣлахъ Россіи.

Кодексы по французскому образцу теперь уже у всѣхъ на виду. Скажите слово, Государь, и Россія представитъ свой собственный образецъ, и тогда пусть Европа судить.

Правда, для Россіи я чужой человѣкъ. Но для этой цѣли едва ли я болѣе чуждъ ей, чѣмъ *курляндецъ*, *ливонецъ* или *финляндецъ* ¹⁾. Что касается мѣстныхъ знаній, то для того, чтобы поставить меня на одинъ уровень съ уроженцемъ Россіи, разнаго рода свѣдѣнія будутъ конечно совершенно необходимы—для *меня* также какъ и для *нихъ*. И никто съ такой готовностью не могъ бы доставлять мнѣ такіа свѣдѣнія, съ какою я принялъ бы ихъ и воспользовался ими.

Въ моемъ вышеупомянутомъ трудѣ представленъ образецъ *уголовнаго кодекса*. Прежде всего, я почтительнѣйше предложилъ бы сдѣлать то, что остается еще недоудѣланнымъ для полноты этого труда. На это, я надѣюсь, потребовалось бы только нѣсколько мѣсяцевъ.

Государь и отецъ—въ этихъ двухъ качествахъ, ваше величество всегда желаете и находите удовольствіе являться передъ своимъ народомъ. Въ этихъ двухъ качествахъ, даже на суровомъ и тернистомъ пути уголовного закона—въ этихъ самыхъ, такъ счастливо сочетавшихся качествахъ, ваше величество могли бы также явиться предъ народомъ, обращаясь къ нему черезъ посредство моего пера. Государь—по своимъ *повелѣніямъ*, отецъ—по своимъ *наставленіямъ*; государь, столько же старающійся установить необходимыя обязательства, сколько отецъ старается сдѣлать эту необходимость очевидною, — очевидною для всѣхъ людей, — такъ что каждая мѣра, имъ предпринимаемая, оправдываетъ его въ ихъ глазахъ.

¹⁾ Это конечно намекаетъ между прочимъ и на Розенкампфа, или исключительно на него.

*Основанія*¹⁾—да, только съ помощію однихъ основаній и возможно выполнить трудъ столь благотворный и столь тяжелый, — *основанія*, связанныя непрерывной цѣпью ссылокъ, съ одной стороны съ *общими началами*, изъ которыхъ они были выведены, а съ другой—съ *различными положеніями и словами* въ текстѣ закона, для *оправданія* (justification) и вмѣстѣ для *разясненія* котораго они и были составлены. Принадлежность этого рода составила бы одну изъ особенностей моего кодекса; образчикъ этого сдѣланъ въ моихъ вышеупомянутыхъ *трактатахъ*.

Этотъ образчикъ былъ вызовомъ для законодателей: благонамѣренныя, но крѣпко скованные французы отступили отъ него со страхомъ. Какъ тонко они чувствовали пользу этой принадлежности закона, — какъ они желали и въ то же время боялись подвергнуть свои работы такому строгому *испытанію*,—съ какимъ трудомъ они старались придумать нѣкоторую *замѣну* этому—(я разумѣю массу неопредѣленныхъ общихъ фразъ плавающихъ по воздуху и лишенныхъ всякаго примѣненія къ частностямъ), — какъ печально несоотвѣтственна была эта *замѣна*, — какое извиненіе представляется для этого недостатка и какъ слабо это извиненіе, — все это можно видѣть въ ихъ книгахъ.

Общедоступность, точность, однообразіе, простота, — качества, соединеніе которыхъ такъ желательно и вмѣстѣ такъ трудно,—таковы, при выборѣ словъ, качества, которыхъ требуетъ, кажется, самая сущность дѣла. Сообщить эти качества труду и при томъ каждое въ высшей степени, какую допускаетъ необходимое вниманіе ко всему остальному, было бы, и въ этомъ случаѣ, какъ бывало и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, для моего ума предметомъ неослабной заботливости. Какой можетъ это обѣщать успѣхъ, пусть скажетъ вышеупомянутый образчикъ. Кто увидитъ эту *одну часть*, тотъ составитъ себѣ въ этомъ отношеніи понятіе о *цѣломъ*.

Въ разгарѣ войны, при непрерывныхъ успѣхахъ или трудностяхъ войны, одной или двухъ собственноручныхъ строкъ вашего величества было бы достаточно для того, чтобы положить начало этому труду, — этому труду, величайшему изъ всѣхъ трудовъ мира.

Что касается *вознагражденія*, то честь быть избраннымъ для такого труда и нераздѣльныя съ этой честью удовольствія составляютъ единственную награду, которая при моемъ положеніи становится необходимой, — единственную, которую мой образъ мыслей позволилъ бы мнѣ принять.

¹⁾ *Reasons*, т. е. объясненія основаній, на которыхъ постановляется тотъ или другой законъ. Бентамъ вообще настаиваетъ на томъ, чтобы законъ, при помощи подобныхъ объясненій, былъ понятенъ, чего не бываетъ очень часто, когда законъ имѣетъ форму категорическаго повелѣнія:—послѣднее требуетъ только повиновенія; первое предполагаетъ пониманіе закона. Одно дѣйствуетъ только силой, другое вмѣстѣ и разумомъ.

Со всеѣмъ уваженіемъ, о которомъ свойство этого письма свидѣтельствуеъ полнѣе, чѣмъ могла бы свидѣтельствовать какая-нибудь обычная форма словъ, мое стараніе заключалось бы въ томъ, чтобы оказать себя, государь, всегда вѣрнымъ слугою вашего императорскаго величества.

Іеремія Бентамъ.

2. Письмо Александра I, императора Всероссійскаго, къ Іереміи Бентаму въ Лондонъ, — написанное (по-французски) собственною рукою его величества въ отвѣтъ на предыдущее письмо.

М. Г.! Съ большимъ интересомъ я прочиталъ письмо, написанное вами ко мнѣ, и находящіяся въ немъ ваши предложенія содѣйствовать вашими познаніями законодательнымъ трудамъ, имѣющимъ цѣлью доставить моимъ подданнымъ новый кодексъ законовъ. Это дѣло слишкомъ близко моему сердцу, и я придаю ему такое, высокое значеніе, что не могу не желать воспользоваться, при его совершеніи, вашими знаніями и опытностью. Я предпшю комиссіи, на которую возложено исполненіе этого дѣла, прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами. Между тѣмъ примите мою искреннюю благодарность и предлагаемый при семъ подарокъ (souvenir), въ знакъ особеннаго уваженія которое я къ вамъ питаю.

Александръ.

Вѣна, 10/22 апрѣля 1815.

Къ этому письму Бентамъ сдѣлалъ въ своемъ изданіи 1817 года слѣдующее ниже примѣчаніе, гдѣ онъ объясняетъ нѣкоторыя обстоятельства этой переписки и дѣлаетъ обзоръ своего второго, обширнаго письма къ императору Александру, которое было напечатано имъ нѣсколько позднѣе, въ упомянутомъ «Supplement to Papers etc.», хотя въ томъ же 1817 году¹⁾. Хотя поэтому здѣсь и представится нѣкоторое повтореніе, мы предпочли помѣстить цѣликомъ и эту статью, какъ представляющую нѣсколько разъясненій того, почему мнѣнія Бентама о русскихъ дѣлахъ — какъ эти мнѣнія выразились въ его второмъ длинномъ письмѣ къ императору Александру и въ другой позднѣйшей его перепискѣ, — носятъ оттънокъ нѣкоторой скептической суровости и наконецъ ироніи. Читатель замѣтитъ здѣсь между прочимъ и взглядъ Бентама на тогдашнія польскія дѣла. Какъ тогда многіе въ Европѣ, онъ ожидалъ для Польши иного порядка вещей, чѣмъ тотъ, какой устроенъ былъ тогдашними событіями: самъ лично

¹⁾ При изданіи самыхъ «Papers» Бентамъ не помѣстилъ его по случайному недосмотру. Works, IV, 452.

онъ имѣлъ надежду «водифицировать» и для Польши, — предполагалось, что для нея нуженъ будетъ конституціонный кодексъ. Онъ былъ разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ (замѣтимъ между прочимъ, что такое же разочарованіе онъ встрѣчалъ между прочимъ въ Чичаговѣ, который въ то время выражалъ также рѣзкое недовольство) и предвидѣлъ еще больше разочарованій впослѣдствіи. Между письмомъ Бентама и отвѣтомъ императора Александра прошелъ почти годъ времени; когда Бентамъ писалъ второе письмо (въ іюль 1815), въ немъ являлись уже сомнѣнія относительно прежнихъ либеральныхъ плановъ императора; въ 1817, когда онъ писалъ слѣдующую сейчасъ замѣтку, священный союзъ успѣлъ уже заявить себя реакціей.

Замѣтка рассказываетъ слѣдующее:

«Этотъ подарокъ (*souvenir*, присланный при письмѣ императора Бентаму) — пишетъ Бентамъ — находился въ небольшомъ пакетѣ за императорской печатью. Въ письмѣ одного министра, находившагося въ свитѣ его величества, къ одному извѣстному русскому джентльмену, проживавшему въ то время въ Лондонѣ, говорится объ этомъ подаркѣ, что это — драгоценный перстень, «*une bague de prix*». Пакетъ этотъ былъ возвращенъ нераспечатаннымъ: основаніе къ тому здѣсь объясняется.

«Во время пребыванія императора въ Лондонѣ, князь Адамъ Чарторыскій, узнавъ о моей обычной затворнической жизни, на которую обрекли меня мои занятія, получилъ, черезъ посредство одного общаго знакомаго, увѣреніе, что дверь моего уединеннаго жилища будетъ для него открыта, такъ какъ онъ хотѣлъ просить меня принять участіе въ трудахъ по составленію кодекса законовъ, относительно дарованія котораго въ то время существовали извѣстныя ожиданія. Онъ явился и былъ принятъ съ почетомъ, подобавшимъ его извѣстности, и съ радушіемъ, которое вызывалось воспоминаніемъ о прежнемъ знакомствѣ. Чарторыскій въ то время постоянно находился при особѣ императора; уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ, и значительное время впослѣдствіи вообще думали, что онъ предназначенъ быть вице-королемъ предполагавшагося тогда будущаго королевства. Намѣренія его императорскаго величества относительно этого предмета или еще не вполне опредѣлились въ то время, или еще не совсѣмъ обнаружались; но, тѣмъ не менѣе, если не надежды, то во всякомъ случаѣ, желанія польской націи указывали на превосходный конституціонный кодексъ, — по крайней мѣрѣ сравнительно, если не абсолютно превосходный конституціонный кодексъ, который былъ составленъ въ царствованіе

благодушнаго, но несчастнаго Станислава подъ его покровительствомъ.

«Желаемое содѣйствіе (въ составленію кодекса) обѣщано было тотчасъ же, какъ было спрошено. Но такъ какъ все зависѣло отъ воли его императорскаго величества, можетъ быть еще неопредѣлившейся, и во всякомъ случаѣ, неизвѣстной и неудобной для вопросовъ (unscrutable), то всѣ разговоры по этому предмету, со стороны князя весьма естественно, а съ моей—весьма осторожно,—заключались только въ общихъ выраженіяхъ.

«Что касается императорскаго письма, то получивъ его въ іюнѣ 1815 г., я въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца послалъ довольно длинный отвѣтъ и въ то же время копію съ него сообщилъ Чарторыскому, который, сколько мнѣ было извѣстно, находился еще при особѣ императора.

«Относительно *перстня*, — то замѣтивъ, что собственноручное письмо его императорскаго величества отнимало цѣну у всѣхъ обыкновенныхъ знаковъ милости, какіе заключались, по словамъ письма, въ этомъ пакетѣ,—я просилъ позволенія обратить вниманіе его величества на самое письмо, вознагражденное такимъ образомъ, какъ на доказательство, что я неспособенъ принять что либо, имѣющее денежную цѣнность.

«Обращаясь затѣмъ къ *комиссіи законовъ*, я рѣшился объяснить, что рискую предсказывать, что изъ этой комиссіи мнѣ не будетъ адресовано ни такихъ, и никакихъ другихъ вопросовъ; что относительно лица, которому поручено управлять этимъ дѣломъ ¹⁾, я имѣлъ свѣдѣнія — частью изъ его произведеній, которыя я видѣлъ въ печати или въ рукописи, а частью изъ специальныхъ и независимыхъ одно отъ другого извѣстій различныхъ, знающихъ дѣло людей, — и довольно хорошо зналъ степень его способности къ этой, самой важнѣйшей изъ всѣхъ должностей: что я былъ вполне убѣжденъ въ его некомпетентности для каковаго либо болѣе серьезнаго труда, чѣмъ одно собраніе матеріаловъ; что онъ уже ознакомился съ моими сочиненіями гораздо больше, чѣмъ было для него пріятно, — что онъ перемѣнился бы въ лицѣ при одномъ упоминаніи моего имени, еслибы его величеству угодно было сдѣлать этотъ опытъ; что мнѣ сообщены полныя и подробныя свѣдѣнія о деньгахъ, которыя подъ видомъ *жалованья* употреблены были на *образованіе* этой комиссіи; что при такой некомпетентности главы этой комиссіи, результатъ былъ бы тотъ, что для всякой другой цѣли, кромѣ собранія матеріаловъ, всѣ деньги будутъ истрачены по напрасну, — что,

¹⁾ Т. е. Розенкамфа; онъ названъ здѣсь по-англійски «minister».

не говоря уже о другихъ примѣрахъ, публикѣ очень хорошо извѣстныхъ, назначеніе такого лица было само по себѣ слишкомъ убѣдительнымъ доказательствомъ плачевнаго недостатка въ этой обширной имперіи, если не лицъ дѣйствительно обладающихъ, то лицъ, которые до сихъ поръ извѣстны за обладающихъ способностями, необходимыми для подобнаго труда; что если такіе вопросы, какіе его величество могъ имѣть въ виду, будутъ обращены ко мнѣ, то единственной формой, въ которой я могъ бы дать отвѣтъ способный принести пользу, была бы форма полнаго Очерка (конспекта) кодекса законовъ, каковой я уже вызывался составить;—что еслибы его величеству угодно было возложить этотъ трудъ на меня и въ то же время пригласить всѣхъ желающихъ вообще, и своихъ собственныхъ подданныхъ обѣихъ націй въ особенности, представить свои сочиненія на конкурренцію съ моимъ, то такимъ образомъ онъ могъ бы не только увидѣть весь существующій запасъ нужныхъ талантовъ, но и положить начало безконечному умноженію ихъ, и этимъ способомъ, при незначительныхъ, или даже никакихъ, издержкахъ, онъ основалъ бы школу законодательства и тѣмъ приобрѣлъ бы наилучшій возможный запасъ для замѣщенія мѣстъ, принадлежащихъ къ этому вѣдомству, лицами, которыя представили самыя вѣрныя и положительныя доказательства способности къ отправленію этихъ должностей;—что первый опытъ этого способа можно было бы произвести въ Россіи, или въ Польшѣ, или же въ обѣихъ странахъ въ одно и то же время; и что относительно моего собственнаго дѣла, я былъ бы увѣренъ, что въ Польшѣ, въ рукахъ Чарторыскаго это дѣло не встрѣтило бы всѣхъ тѣхъ противодѣйствій интриги, которыя непременно встрѣтило бы въ другомъ случаѣ.

«Послѣ письма такого содержанія, какъ сейчасъ изложенное, легко можно представить себѣ, что мои ожиданія относительно Россіи не могли быть особенно пылкаго свойства, — но относительно Польши, то—въ предположеніи, что Чарторыскій будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ по всеобщему говору долженъ былъ сдѣлаться (т. е. вице-королемъ) — извѣстная кротость и мягкій характеръ его величества были таковы, что я могъ еще рассчитывать на благоприятный шансъ. Во всякомъ случаѣ я надѣялся получить отвѣтъ, скорѣе отъ Чарторыскаго, нежели отъ его величества, — какъ вдругъ, — живя въ то время вдали отъ центра новостей, — я узналъ изъ газетъ, что вице-королемъ надъ вновь организованными, или, вѣрнѣе сказать, надъ разорганизованными остатками нѣкогда республиканскаго королевства, назначено лицо, имени котораго я никогда не слыхалъ.

«Послѣ этого, распубликованные трактаты показали слишкомъ очевидно, что вмѣстѣ съ другими ожидаемыми конституціями, конституція *Polish* заняла свое мѣсто на одномъ облакѣ съ *Utopiey* и *Арматой*; что то, что оставалось отъ этой несчастной страны подъ ея собственнымъ именемъ, было окончательно поглощено бездной русскаго деспотизма, — однимъ словомъ, что обязательства считаются обязательствами только у тѣхъ, кто не можетъ нарушать ихъ безнаказанно; и что въ новѣйшемъ священномъ союзѣ, — который по своему духу такъ сходенъ съ первоначальнымъ, — основной принципъ былъ тотъ, что въ рукахъ *немногихъ властвующихъ и подвластвующихъ*, чѣмъ ближе состояніе *многихъ подданныхъ* доведено будетъ до состоянія дикихъ звѣрей, тѣмъ это будетъ лучше какъ для вѣчныхъ, такъ и для временныхъ интересовъ всѣхъ сторонъ».

Эти рѣзкія слова достаточно изображаютъ то настроеніе Бентама, о которомъ мы выше упоминали. Мы не будемъ останавливаться на мнѣніи Бентама о политическихъ событіяхъ того времени; намъ достаточно привести это мнѣніе какъ литературный фактъ. Относительно подарка прибавимъ еще, что Бентамъ долго не забывалъ объ немъ. Онъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ Джемсу Мадисону, бывшему президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (1817 г.), и впослѣдствіи, когда онъ былъ въ подобной перепискѣ съ королемъ Людвигомъ Баварскимъ (1828). Бентамъ предупреждаетъ, что ему не нужно никакихъ наградъ, и что все, чего онъ желаетъ, есть личный отвѣтъ короля. «Только въ этой формѣ я могу получить награду изъ рукъ монарховъ. Въ этой формѣ я получилъ свою достаточную награду отъ покойнаго императора Александра. Изъ моей переписки съ нимъ, напечатанной въ посылаемыхъ при семъ *Papers on Codification*, можно видѣть, что всякая услуга, какую только я въ силахъ принести коронованнымъ главамъ, бываетъ вполне ревностная, вѣчно совершенно искренняя, — хотя и будетъ, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, *даровая*» ¹⁾.

Вотъ наконецъ послѣднее его письмо къ императору Александру.

3. Письмо (второе) Іереміи Бентама къ императору Всероссийскому.

Лондонъ, іюнь 1816.

Государь, сію минуту я открылъ ваше собственноручное письмо, которымъ вашему величеству угодно было меня удостоить. Изъ другого источника я получаю толкованіе слова *souvenir* въ словахъ *bague de*

¹⁾ Works, IV, стр. 508, 581.

prix. Мои старанія быть понятнымъ по этому предмету, я боюсь, не были вполне успѣшны. Тотъ же пакетъ, который доставить вашему величеству это выраженіе моей признательности, будетъ также заключать и удостовѣреніе, что въ моихъ глазахъ, — когда я удостовѣрился въ томъ, что былъ довольно счастливъ приобрести хорошее мнѣніе вашего величества, — денежная цѣнность, какъ и самыя деньги, въ настоящемъ случаѣ, не имѣютъ значенія. Императорская печать будетъ найдена не вскрытою.

Желаніе вашего величества — воспользоваться моими скромными услугами тѣмъ или другимъ образомъ. Въ этихъ видахъ вашему величеству угодно было указать имъ особый *порядокъ* (*course*). Но если должно слѣдовать непремѣнно этому, а не другому *порядку*, то, по свойству настоящаго случая, нельзя ожидать, чтобы это *желаніе* возымѣло какое-нибудь дѣйствіе. Эта невозможность есть результатъ обстоятельствъ, которыя вашему величеству неизвѣстны, и которыя, поэтому, я считаю необходимымъ здѣсь представить; сдѣлавъ это, я позволю себѣ предложить *два порядка* (способа веденія дѣла), изъ которыхъ въ одномъ только мнѣніе, которое вашему величеству угодно было составить обо мнѣ, могло бы послужить для общаго блага.

Въ письмѣ вашего величества говорится: „Я предпишу комиссіи прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами“. Это *порядокъ* дѣла совершенно правильный, и ничего нѣтъ естественнѣе, если онъ былъ представленъ вашему величеству, или представился самъ собою. Но если все дѣло будетъ заключаться только въ этомъ, то намѣренія вашего величества, какъ это будетъ видно дальше, окажутся безплодными.

Предложеніе, которое я позволилъ себѣ сдѣлать въ первомъ письмѣ, заключалось въ томъ, чтобы я получилъ приказаніе вашего величества составить по моему собственному плану и представить вашему величеству *проектъ закона* (*projet de loi*), по какой либо значительной части того *полнаго* кодекса, составленіе котораго такъ долго обдумывалось: — и въ особенности по той части, которая составляетъ уголовную отрасль закона. Когда настоящій случай принудилъ меня обратить на этотъ предметъ болѣе пристальное вниманіе, я увидѣлъ, что если въ то время вышепомянутый *порядокъ* представлялся мнѣ просто какъ возможный для выбора, то теперь онъ представляется мнѣ *единственно* возможнымъ для выбора (*only eligible*).

Немного болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ тому назадъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что *уголовные законы* составляли тотъ отдѣлъ, въ которомъ въ то время, или нѣсколько ранѣе того времени, сдѣлано было всего больше успѣховъ. Предположимъ, что отъ помянутой комиссіи мнѣ присланы нѣкоторые вопросы, касающіеся этого отдѣла. Чтобы отвѣчать на эти вопросы съ какой-нибудь надеждой быть

полезнымъ, я могъ бы поступить только однимъ способомъ: — и именно составить, какъ выше было сказано, предложенный мною *проектъ закона* и переслать его *tout ensemble* (цѣликомъ). Да, Государь, — въ такомъ случаѣ, какъ настоящій, отъ этого *tout ensemble* зависить все. Пункты, въ которыхъ могли бы относиться вопросы, были бы только тѣ или другіе частные пункты. Я заранѣе знаю, что мнѣ придется отвѣчать въ подобномъ случаѣ. „Для меня будетъ невозможно (отвѣчалъ бы я) опредѣлить самому себѣ, что лучше всего сдѣлать относительно этихъ частныхъ пунктовъ, пока я не буду знать о томъ, что предположено сдѣлать относительно тѣхъ и тѣхъ другихъ пунктовъ, съ которыми эти имѣютъ тѣсную связь“.

Въ полномъ кодексѣ законовъ, каковъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуется, чтобы всякое положеніе было согласовано, а для этого слично одно съ другимъ. Я не могъ бы, и дѣйствительно никогда не могъ представить себѣ никакого другого способа начертать *проектъ кодекса*. Изъ этого слѣдуетъ, что если не въ первое же время, то послѣ, всѣ записки, посылаемыя мною въ видѣ отвѣтовъ, накопившись до извѣстнаго количества, приняли бы тотъ самый видъ, въ которомъ я осмѣливался предлагать ихъ въ самомъ началѣ, и въ которомъ порядокъ веденія дѣла (мною теперь разбираемый) не допускалъ ихъ представленія, а еслибы и допустилъ, то только послѣ неопредѣленно долгаго промежутка времени.

Въ такомъ предметѣ, какъ этотъ, человѣкъ бываетъ способенъ (*qualified*) предлагать вопросы другимъ только въ той мѣрѣ, въ какой самъ владѣетъ этимъ предметомъ. Въ такомъ предметѣ, какъ этотъ, и при томъ положеніи, какое занимаютъ упомянутыя лица, люди, совершенно способные предлагать вопросы другимъ, должны быть довольно способны вести это дѣло и не обращаясь съ вопросами къ другимъ; во всякомъ случаѣ если эти люди, по ихъ собственному мнѣнію, способны предлагать такіе вопросы, то по тому же ихъ мнѣнію, они едва ли признаютъ себя неспособными вести это дѣло, не предлагая другимъ какихъ-нибудь подобныхъ вопросовъ.

Но чѣмъ больше они сами считаютъ себя *способными* вести такое дѣло, и слѣдовательно предлагать вопросы объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ менѣе они будутъ чувствовать себя *расположенными* предлагать ихъ; и само собою разумѣется, что этихъ вопросовъ и не будетъ вовсе предложено до тѣхъ поръ, пока будетъ представляться какая-нибудь возможность избѣгнуть этой необходимости.

Положимъ, однако, что вопросы, предложенные упомянутыми лицами, все-таки будутъ *ихъ* вопросы. Относительно этихъ вопросовъ прежде ихъ отправленія будетъ уже принято извѣстное рѣшеніе, и принято тѣми самыми лицами, которыя ихъ составятъ.

Пересыла такихъ вопросовъ будетъ дѣломъ одной *формы*. Если

предположить, что будутъ отправлены и отвѣты, то принятіе этихъ отвѣтовъ также будетъ дѣломъ формы. Если можно будетъ уклониться отъ признанія, что они получены, то это уклоненіе будетъ сдѣлано.

Если же можно уклониться, то роль отвѣтовъ раздѣляется на двѣ части. Можетъ случиться, что въ той или другой части они будутъ согласоваться съ заранее сдѣланнымъ предрѣшеніемъ. И, конечно, въ этой части они окажутся ненужными — и слѣдовательно, бесполезными, или полезными только въ томъ смыслѣ, что будутъ свидѣтельствовать о той мудрости, съ какою сдѣлано ихъ предрѣшеніе; — что же касается до остальной части отвѣтовъ, несогласующейся съ предрѣшеніемъ, то эта часть, исходя отъ иностранца, который хотя и имѣетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ дѣлѣ вообще, но не знаетъ состоянія той особенной страны, гдѣ ведется дѣло, — окажется безъ всякаго сомнѣнія непри-
мѣнимою.

Государь, это не догадка или предположеніе, — это увѣренность, основанная на многократномъ опытѣ.

Такъ какъ, подъ правленіемъ вашего величества, дѣло это отдано, какъ отдаются подобныя дѣла и у насъ, по *формѣ* въ руки особой *коммисіи*, или, какъ у насъ говорится, совѣта (board), то письмо вашего величества не могло, при соблюденіи строгаго приличія, отзывать о немъ въ какихъ либо другихъ выраженіяхъ. Но относительно самаго веденія или авторства этого дѣла (penmanship), оно (это не тайна), какъ всякое подобное дѣло, при самомъ началѣ должно находиться, или, вѣрнѣе, не можетъ не находиться въ рукахъ одного и только одного лица. Это одно лицо вообще бываетъ извѣстно, прочія же лица, будучи *фигурантами*, остаются неизвѣстны никому за исключеніемъ читателей придворнаго календаря вашего величества. Объ этомъ одномъ лицѣ, и ни о комъ другомъ, я долженъ поэтому говорить, опасаясь, что иначе могу остаться не понятнымъ.

Хотя я провелъ во владѣніяхъ вашего величества почти два года (это было въ 1786 и 1787 годахъ), но не посѣтивъ ни той ни другой столицы, я этого человѣка лично вовсе не знаю. Но я знакомъ съ его сочиненіями гораздо больше, — и онъ знакомъ съ моими гораздо больше, чѣмъ пріятно было бы ему объ этомъ думать. Съ того самаго времени, какъ онъ началъ свою карьеру, мое имя было для него предметомъ ужаса: много разъ, и въ присутствіи многихъ разныхъ лицъ, въ немъ обнаруживалось волненіе, когда упоминалось мое имя; обнаруживалось такими симптомами, которые годились въ комедію. Ваше величество не имѣете времени заниматься анекдотами, иначе я могъ бы представить письменныя доказательства.

Государь, я скорѣе согласился бы посылать отвѣты мароккскому императору, чѣмъ въ комиссію подъ такимъ начальствомъ. Если у васъ явится расположеніе посмѣяться, то вамъ стоитъ только сказать

ему, что вы получили от меня нѣкоторыя статьи и что вы ими довольны. Но при этомъ не имѣаетъ имѣть подъ рукою мылочною соль или флаконъ съ духами сильной остроты.

Государь, я не оправдалъ бы хорошаго мнѣнія, какое имѣютъ обо мнѣ, еслибы поколебался назвать этого человѣка радикально неспособнымъ; и предполагая, что это правда, я—быть можетъ, единственный человѣкъ, отъ котораго ваше величество можете услышать эту правду, съ какими-нибудь шансомъ на хорошее дѣйствіе. Число лицъ, способныхъ вообще произнести сужденіе о предметѣ подобнаго рода, крайне ограничено; да и изъ этого ограниченаго числа, по всей вѣроятности, никто, какъ бы ни было глубоко его убѣжденіе, не осмѣлился бы признаться въ немъ вашему величеству; — развѣ за исключеніемъ, быть можетъ, какого-нибудь *соперника*, а его мнѣнія легко бы можно было приписать тому мотиву, который указывается его именемъ.

Между тѣмъ, отъ лица, о которомъ идетъ рѣчь, съ его сотрудниками и его сторонниками, ваше императорское величество будете получать увѣренія, что ни отъ меня, ни отъ всякаго другого иностранца не требуется никакой подобной помощи; что при такой ненадобности, она будетъ только помѣхой, потому что никакой иностранецъ не имѣетъ или не можетъ имѣть даже сноснаго знакомства съ этимъ дѣломъ, тогда какъ они стали полными знатоками его. Относительно этого обстоятельства я осмѣлюсь представить вашему императорскому величеству слѣдующія замѣчанія:—

Когда въ какой-нибудь странѣ готовится полный кодексъ законовъ,—какой, повидимому, предполагается въ Россіи,—или же готовится одинъ изъ обширнѣйшихъ его отдѣловъ, какъ-то: кодексъ уголовный, гражданскій или конституціонный, — то, относительно публичности, при веденіи этого дѣла нужно различать два способа: *негласный* или закрытый (*close*) и *гласный* или открытый (*open*).

При *закрытомъ* способѣ, дѣло обыкновенно ведется однимъ лицомъ, или небольшимъ числомъ лицъ, назначенныхъ государемъ, и не дѣлается гласнымъ до тѣхъ поръ, пока не явится въ свѣтъ *вооруженнымъ силою закона*.

При *открытомъ* способѣ, это произведеніе (кодексъ), до выхода въ свѣтъ во всеоружіи закона, дѣлается извѣстнымъ публикѣ, какъ вообще дѣлаются ей извѣстными литературныя произведенія; и это дѣлается съ цѣлью, — если не прямо заявленою, то подразумеваемою и всѣми вообще понимаемою, — вызвать замѣчанія, которыя всякое лицо (сдерживая, разумѣется, свои выраженія въ границахъ уваженія и приличія) пожелаетъ выразить также публичнымъ образомъ. Способъ веденія дѣла, который въ настоящемъ случаѣ предложить комиссія, будетъ негласный. Почему? Потому что при этомъ способѣ неспособность членовъ комиссіи, какъ бы ни была она велика, будетъ скрыта,—скрыта

до тѣхъ поръ, когда обнаруженіе ея окажется уже слишкомъ позднимъ для того, чтобы предупредить или отвратить вредъ, котораго она породитъ такъ много; между тѣмъ, какъ при *гласномъ* веденіи дѣла этотъ вредъ будетъ обнаруженъ во-время.

Относительно требованія предварительной публичности, настоящій случай совершенно отличается отъ *обыкновеннаго* законодательства, т. е. такого законодательства, которое ставитъ себѣ цѣлью подробности, по мѣрѣ того, какъ онѣ представляются сами. Въ *этомъ послѣднемъ* случаѣ дѣло ведется, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть ведено, и не можетъ иначе вестись, какъ *негласнымъ* способомъ. Такая негласность происходитъ изъ устройства правительства, какъ это устройство въ свою очередь происходитъ отъ обширности территоріи государства и отъ состоянія общества среди огромной массы народонаселенія. Уже одинъ недостатокъ времени, если не что-нибудь другое, дѣлаетъ въ этомъ случаѣ предварительную публичность вообще неудобноисполнимою. Такъ какъ потребность въ законѣ, въ этомъ случаѣ, бываетъ результатомъ внезапной необходимости, — то подобная необходимость должна удовлетворяться какъ скоро она встрѣтится и не теряя времени.

Настоящій случай, — вопросъ о *кодификации*, — представляется совсѣмъ въ *другомъ*, если не прямо въ *противоположномъ* видѣ: здѣсь, изъ всего поля закона, — а это поле, по обширности своей немного менѣе всего поля человѣческой дѣятельности, — какая-нибудь очень большая часть этого поля (третья, четвертая, пятая или что-нибудь подобное), которая такъ или иначе покрывается, и въ теченіе вѣковъ (въ томъ или другомъ видѣ, въ разные періоды времени, хотя до сихъ поръ очень часто въ весьма плохомъ видѣ) была покрыта закономъ, — должна немедленно получить совершенно новую покрывку. Такъ какъ это поле уже имѣетъ старую покрывку, то отсюда является *легкость* ожиданія (и при томъ безъ всякаго другого, кромѣ привычнаго неудобства) того свѣта, какой только можетъ быть собранъ для освѣщенія почвы, и который, въ теченіе какого угодно продолжительнаго времени, для столь важной цѣли могъ бы оказаться необходимымъ: я разумѣю *ожиданіе* до того времени, когда проектъ получить силу закона, — а въ теченіи всего этого времени происходило бы образованіе новой одежды для поля, если она еще не была образована, и испытаніе ея, если она уже образована. Но изъ какого бы рода матеріала ни была сдѣлана новая одежда для замѣны старой, одно дѣйствіе этой новой одежды будетъ несомнѣнно (исключая только тѣхъ случаевъ, гдѣ будутъ сдѣланы и объявлены какія-нибудь особенныя извѣстія) именно, старая одежда во всемъ своемъ объемѣ перестанетъ существовать. Отсюда, вмѣстѣ съ *легкостью* ожиданія является *потребность* въ извѣстной медленности, какъ предосторожности столь *необходимой* и вмѣстѣ столь *безопасной*.

Въ настоящемъ случаѣ, будутъ ли мои отвѣты приняты или не будутъ, положимъ, что кодексъ по повелѣнію вашего величества начертанный комиссіей, выйдетъ въ свѣтъ, то будетъ ли онъ вооруженъ силою закона? или онъ выйдетъ только въ видѣ *проекта закона* и останется въ этомъ положеніи на болѣе или менѣе продолжительное время, — съ тою цѣлью, чтобы въ теченіе этого времени, съ помощью этихъ средствъ, собрать въ томъ или другомъ видѣ мнѣнія о немъ публики вообще или какой-нибудь опредѣленной ея части?

При первомъ изъ этихъ плановъ, въ случаѣ, если законъ будетъ составленъ дурно, то вредъ отъ него начнется немедленно и притомъ безъ малѣйшихъ признаковъ возможности къ его предотвращенію.

Во второмъ случаѣ, эти признаки возможности къ предотвращенію вреда будутъ, но едва только признаки. Какое побужденіе можетъ найти посторонній человѣкъ къ тому, чтобы въ какихъ-нибудь частностяхъ подвергать сомнѣнію превосходство закона, уже объявленное болѣе или менѣе ясно (правительствомъ)? — Какой пользы можетъ ожидать этотъ человѣкъ для самого себя, или для службы вашего величества? При особѣ вашего величества стоитъ офиціальный совѣтникъ, пользующійся вашимъ вниманіемъ, — занимающій этотъ постъ двѣнадцать лѣтъ или около того, — онъ увѣритъ васъ, что замѣчанія ничего не стоятъ, и что авторъ ихъ просто наглій человѣкъ, отъ котораго нельзя ожидать никакой доброй услуги ни въ этомъ и ни въ какомъ другомъ видѣ.

Таково вознагражденіе, котораго могъ бы *ожидать* себѣ этотъ человѣкъ, и притомъ, это — единственное вознагражденіе, котораго можно было бы ожидать при *негласномъ* способѣ, — за какой-нибудь трудъ, который бы иначе онъ чувствовалъ расположеніе принести здѣсь на такомъ важномъ и обширномъ полѣ.

Ваше величество! Вредъ, которому подвергнется населеніе обширной имперіи вашего величества — отъ такого громаднаго по объему, и въ то же время новаго кодекса законовъ (*a body of law*), составленнаго такими руками, — этотъ вредъ таковъ, что я трепещу даже при одной мысли объ немъ.

Въ частностяхъ, значительная доля дурного законодательства (дѣла различныхъ руеъ, которыя всѣ весьма посредственно были къ нему способны) можетъ быть терпима, и вредъ, проистекающій отъ него, можетъ продолжаться и не быть особенно замѣчаемъ. Почему? Потому что такое законодательство составляется изъ прибавокъ, дѣлаемыхъ постепенно къ первобытному стволу, подъ вліяніемъ котораго каждый родился, — и когда болѣе или менѣе значительная часть вреда, проистекающаго отъ такого законодательства, будетъ рано или поздно замѣчена и наконецъ остановлена, то остальное приписывается несовершенствамъ, неразлучнымъ съ человѣческой природой.

Но когда дѣло идетъ о кодексахъ новыхъ законовъ, каковъ нынѣ предположенный, то, какъ выше было сказано, дѣйствіе его состоятъ, въ весьма значительной степени, въ томъ, что онъ уничтожаетъ все то (прежнее) сооруженіе, отъ котораго зависитъ все цѣнное и дорогое для человѣка: и когда пустота, сдѣланная такимъ образомъ въ старомъ матеріалѣ, наполняется новымъ, — тогда происходитъ то, что каждый недосмотръ, каждое незнаніе или плохое разсужденіе, которыхъ съ такой полной увѣренностью можно ожидать при этомъ *негласномъ* способѣ, — будутъ имѣть своимъ слишкомъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ разореніе для тысячъ и десятковъ тысячъ людей.

Въ тоже самое время будетъ извѣстно (потому что извѣстно уже теперь), — что труды одного англичанина — англичанина, труды котораго въ этой области одобрены не только другими правительствами, — баварскимъ, французскимъ, въ нѣсколько различныхъ періодовъ времени, но и вашимъ величествомъ, — и даже вашимъ величествомъ лично, — что эти труды, для этой самой цѣли, были въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ въ распоряженіи вашего величества, и что въ теченіе этого времени люди, которые съ этой стороны пользовались вниманіемъ вашего величества, имѣли успѣхъ въ своихъ стараніяхъ помѣшать появленію плоду этихъ трудовъ.

Въ письмахъ нѣсколькихъ различныхъ лицъ, — которыя всѣ отдѣльны одно отъ другаго, и всѣ занимали, въ разное время, каждый въ своемъ вѣдомствѣ важнѣйшіе посты въ службѣ вашего величества, — я могъ бы дать вашему величеству основанія увѣриться въ томъ, что мои занятія трудомъ подобнаго рода имѣли бы результатъ, въ немалой степени выгодный для имперіи вашего величества: — эти письма были въ нѣкоторыхъ случаяхъ адресованы ко мнѣ самому, въ нѣкоторыхъ къ другимъ людямъ. Если бы не было таково дѣйствительное убѣжденіе этихъ лицъ, то какое бы они могли имѣть побужденіе объявлять это мнѣ лично, или говорить это другимъ относительно иностранца, съ которымъ у нихъ нѣтъ связей и который въ большей части случаевъ имъ лично незнакомъ? Отчего, въ такомъ случаѣ, не сказать этого вашему величеству? Государь, они уже не были больше на службѣ ¹⁾: или, если и были, то это не было, или не было въ это время, въ точныхъ границахъ ихъ вѣдомства; или, если и было, то довѣріе, какъ показали событія, уже упало.

Тѣ разочарованія, которыя ваше величество уже испытали на этой самой почвѣ, не составляютъ тайны. Но какая же причина произвела эти разочарованія? Одно это обстоятельство — принятіе *негласнаго* способа, съ исключеніемъ *открытаго*; упущеніе воспользоваться тѣмъ свѣтомъ (lights), который былъ бы способенъ дать міръ вообще; не-

¹⁾ Можетъ быть, намекъ на Сперанскаго и на Мордвинова.

важнѣйшее довѣріе, отданное небольшому числу лицъ, или вѣрнѣе одному лицу, относительно способности котораго къ дѣлу не явилось никогда никакихъ доказательствъ, — къ тому дѣлу, въ которомъ заключается все поле правительственной дѣятельности, и для котораго не былъ бы слишкомъ великъ весь запасъ генія, знаній и таланта, какой представляетъ цивилизованный міръ.

Государь! Не существуетъ, даже въ Англіи, такого человѣка, или извѣстнаго числа людей, которые бы въ глазахъ публики, или даже въ ихъ собственныхъ глазахъ, были компетентны для такого дѣла, не получая всего того свѣта (lights), какой — послѣ публикаціи (проектированныхъ законовъ), сдѣланной съ этою заявленою цѣлью — была бы расположена доставить публика въ ея наибольшей полнотѣ. Возможно ли, чтобы ваше величество продолжали видѣть въ этой „комиссіи“ какое-нибудь безпримѣрное соединеніе генія, ума и мудрости — не говоря ничего о честности, — которое бы сдѣлало излишними, въ Россіи, тѣ предосторожности, которыя считаются такъ необходимы въ Англіи?

Что касается до *соревнованія*, — то понятно, что при негласномъ способѣ не можетъ быть ничего подобнаго: — я разумѣю соревнованіе, какое можетъ быть между двумя или больше цѣльными *начертаніями* (draughts), т. е. *проектированными кодексами*, — исходящими изъ разныхъ рукъ: соревнованіе могло бы быть развѣ только между однимъ членомъ и другимъ членомъ той же самой *комиссіи*; чего, въ настоящемъ случаѣ, я увѣренъ, ожидать нельзя. Можно бы конечно еще сохранить *открытый* способъ, не *допуская* соревнованія. Если бы былъ допущенъ одинъ трудъ, и не больше, то въ состояніи *проекта*, предварительно передъ вооруженіемъ его силой закона, такой трудъ могъ бы быть публикованъ, и всякимъ лицамъ вообще, или извѣстнымъ разрядамъ лицъ, можно бы было предоставить свободу дѣлать на него свои замѣчанія: — указывать какія-нибудь такіа частныя несовершенства, которыя могли бы показаться въ немъ несоответственными, но не предлагать вмѣсто него другого *проекта*, въ цѣломъ или въ частяхъ, — однимъ словомъ, указывать тамъ и сямъ симптомъ слабости, но не представлять ничего похожаго на общее и радикальное лекарство.

Но въ этомъ случаѣ, — если только этотъ способъ дѣйствій можетъ сколько-нибудь назваться *открытымъ*, — эта *открытость*, сравнительно говоря, принесетъ мало пользы. Положимъ, будетъ ясно показано, что единственное выставленное произведеніе — совсѣмъ плохо; другого, лучшаго, представлено не будетъ. Положимъ, будетъ показано, что болѣзнь — совершенно отчаянная; подъ рукой не будетъ никакого лекарства противъ нея. Самое большее благо, которое можетъ быть сдѣлано этимъ путемъ, это — совсѣмъ положить конецъ этому плану, показавъ неспособность рукъ, которымъ онъ былъ порученъ. Но какъ

ни отрицательно это благо и какъ оно ни единственно, — изъ него слишкомъ легко можетъ произойти великое зло. Въмѣсто неспособности работника, причину дурного исполненія будутъ пожалуй искать (и такъ какъ будутъ искать съ большой охотой, то и найдутъ) въ свойствѣ самаго рода работы, въ предполагаемой невозможности сдѣлать ее хорошо: и предположивъ, что негодность *индивидуальнаго* труда достаточно признана, это и будетъ естественно та гипотеза, которую неискусный работникъ приметъ защищать по всѣмъ побужденіямъ своего личнаго интереса.

Доселѣ была рѣчь о *немасномъ* способѣ. Перейдемъ теперь къ *открытому* способу, предполагая, что соревнованіе, какъ выше было говорено, допускается. Какія выгоды этого способа?

Во-первыхъ, вся та неисчислимая масса вреда, на которую мы сейчасъ указывали, избѣгается.

Во-вторыхъ, пріобрѣтается величайшая вѣроятность получить лучший возможный кодексъ: эта вѣроятность будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше число соревнователей съ одной стороны, и число критиковъ, въ качествѣ защитниковъ и судей, съ другой.

Въ-третьихъ, это будутъ тѣ чувства удовольствія и удовлетворенія, которыя не преминетъ доставить мыслящей части народа это, столь ясное доказательство самаго искренняго вниманія къ ихъ чувствамъ, ихъ желаніямъ, ихъ добродѣтели, ихъ прочному благосостоянію. Дать доказательство болѣе несомнительное, чѣмъ это, конечно невозможно государю. *Безъ* этого признака, — самый лучший возможный кодексъ, — предположимъ даже вполне совершенный, — далеко не произведетъ такого хорошаго дѣйствія, какое можетъ быть произведено трудомъ этого рода: съ этимъ, столь выразительнымъ знакомъ, всякое неудобство, какое, не смотря на всѣ старанія, можетъ произойти отъ этой перемены кодекса, получить не малое вознагражденіе, и вмѣстѣ облегченіе, отъ представляемаго кодексомъ доказательства благихъ намѣреній, которыя его породили.

Наконецъ, послѣдствіемъ всѣхъ этихъ различныхъ причинъ будетъ спокойствіе совѣсти для вашего величества. Подумайте, государь, о той отвѣтственности, — той страшной отвѣтственности, — которая легла бы на васъ, еслибы вы заставили судьбу сорока милліоновъ людей, такъ сказать, висѣть на ниткѣ на столь обширномъ трудѣ, составленномъ — а не могу не повторить этого — столь мало способными руками. Да, государь, это дѣйствительно была бы отвѣтственность. Слѣдуйте *открытому* способу, примите — не отъ моей только, но отъ всякой другой руки, какая можетъ сдѣлать подобное приношеніе, что бы ни приносила она — планъ для цѣлаго кодекса, планъ для той или другой части его — различныя отдѣльныя замѣчанія: — и тогда никакая тягость подобнаго рода не будетъ лежать на совѣсти вашего императорскаго ве-

личества. Тѣ совѣсти, на которыхъ будетъ лежать всякая тягость, какая есть, — будутъ, во-первыхъ, совѣсти самихъ добровольныхъ работниковъ; во-вторыхъ, *совѣсти мыслящей*, хотя и не *работающей*, части публики, собирать мнѣнія которой, по другому примѣненію того же всеохраняющаго принципа — *принципа гласности*, будетъ стараніемъ вашего величества. Если бы сужденія этого многочисленнаго трибунала оказывались болѣе или менѣе ошибочны, то все порицаніе за ошибку останется у дверей этого трибунала. Ваше императорское величество, сдѣлавши для избѣжанія ошибки все, что въ силахъ человѣка сдѣлать, будете свободны отъ всякихъ упрековъ самому себѣ, какъ и отъ всякихъ порицаній.

Ваше императорское величество видѣли, съ одной стороны, *негласный* способъ, съ его различнымъ вредомъ; съ другой стороны, *открытый* способъ, съ его выгодами. Пусть будетъ принятъ тотъ ходъ дѣла, который я осмѣлился указать сначала, — ваше императорское величество увидите, что весь этотъ вредъ будетъ избѣгнутъ, всѣ эти благотворные результаты будутъ обезпечены.

Въ моемъ предложеніи, высказанномъ выше, — самъ собою предполагается *открытый* способъ, со всѣми выгодами, естественно съ нимъ связанными, — *открытый* способъ съ выгодой *соревнованія*.

Мой *проектъ*, я въ томъ увѣренъ, былъ бы представленъ вашему императорскому величеству уже напечатаннымъ. Какъ скоро этотъ трудъ будетъ изданъ прежде, чѣмъ попалъ бы на глаза вашему императорскому величеству, то, какъ бы ни былъ этотъ трудъ непримѣнимъ, даже нецѣль, ваше императорское величество не подверглись бы изъ-за этого никакому нареканію. Единственнымъ источникомъ отвѣтственности могъ бы быть сдѣланный такимъ образомъ выборъ лица, которому было бы этимъ дано поощреніе: но можно надѣяться, что въ этомъ отношеніи ваше императорское величество достаточно изъятъ отъ нареканія въ непредусмотрительности — тѣми свидѣтельствами, которыя представлены были вниманію вашего императорскаго величества въ моемъ первомъ письмѣ.

Въ этомъ положеніи дѣла, предположимъ, что мой *проектъ* изданъ въ Петербургѣ. Не говоря о какомъ-нибудь особенномъ удобствѣ, какой могъ бы быть въ немъ найденъ, — теперь будутъ очевидны (я льщу себя этимъ) выгоды, происходящія изъ того обстоятельства, что проектъ исходитъ отъ чужой руки.

Цѣль всякой подобной публичности, даваемой труду, можетъ быть не иная, какъ получить отъ мыслящей части публики указаніе какихъ-нибудь несовершенствъ, какія можетъ быть въ силахъ найти какое-нибудь лицо, — съ указаніемъ или безъ указанія надлежащихъ или предполагаемыхъ исправленій: если только явной цѣлью этой публичности не будетъ принято то, чтобы въ окончательномъ результатѣ раз-

рѣшить и поощрить этихъ лицъ давать указанія подобнаго рода относительно всякаго кодекса вообще.

Въ этихъ видахъ, когда публикація объявляется, то объ этомъ, само собой разумѣется, должно быть сдѣлано *увѣдомленіе* для публики вообще,—увѣдомленіе, имѣющее цѣлью получить сообщенія упомянутаго сейчасъ рода отъ всѣхъ тѣхъ, кто, по ихъ собственному понятію, способенъ доставить ихъ.

Правда, публикація могла бы быть сдѣлана и безъ всякаго подобнаго увѣдомленія. Кромѣ того, когда дѣлается увѣдомленіе, то смыслъ его можетъ ограничиваться простымъ дозволеніемъ, безъ всякаго прямого и положительнаго приглашенія. Но — безъ положительнаго приглашенія и дѣйствіе увѣдомленія, въ качествѣ *поощренія*, будетъ весьма ограничено и даже сомнительно. Точно также, съ другой стороны, чѣмъ теплѣе приглашеніе, тѣмъ сильнѣе будетъ поощреніе; а чѣмъ сильнѣе поощреніе, тѣмъ больше будетъ вѣроятность достигнуть той цѣли, которая, какъ предполагается, имѣлась здѣсь въ виду.

Когда кому-нибудь случится найти въ предложенномъ кодексѣ какое-либо дѣйствительное или предполагаемое несовершенство, и въ этомъ несовершенствѣ увидѣть вѣроятную причину вреда для самаго этого лица, или для другого, или для многихъ другихъ лицъ, въ благосостояніи которыхъ оно заинтересовано, — въ такомъ случаѣ не можетъ быть недостатка въ *мотивахъ*, которые бы побуждали это лицо сдѣлать все возможное для того, чтобы указать такой вредъ тѣмъ, кто дѣйствительно, или только по его мнѣнію, властенъ исправить этотъ вредъ; и когда, слѣдовательно, въ мотивахъ недостатка не будетъ, то все, что будетъ здѣсь необходимо, заключается въ удаленіи *стѣсненій*. Выше предположенное приглашеніе, если не совсѣмъ устранить, то по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить эти стѣсненія; я говорю, *если не совсѣмъ устранить*, потому что, если лицо, вообще желающее сдѣлать какое-нибудь подобное сообщеніе, при самомъ фактѣ сообщенія найдетъ основаніе предположить злоупотребленіе въ рукахъ какихъ-нибудь подчиненныхъ, то въ такомъ случаѣ, для этого лица, приглашеніе, сдѣланное государемъ, необходимо не достигнетъ предполагаемой цѣли.

Но одни *мотивы*, какъ бы ни были они сами по себѣ достаточны, не могутъ быть дѣйствительны безъ достаточныхъ *средствъ*; и если бы не было недостатка въ средствахъ, чтобы дать такимъ образомъ публичность всѣмъ подобнымъ полезнымъ сообщеніямъ, какія могли бы быть доставлены, — то запасъ необходимыхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ, былъ бы (я положительно это предвижу) далеко недостаточенъ, еслибы само правительство не доставило для этого особенныхъ *облегченій* (facilities).

Если я не очень ошибаюсь, то слѣдующій весьма простой распоря-

документъ можетъ не только доставить облегченія, необходимыя для этой цѣли, но и доставить *поощреніе* тѣмъ единственнымъ путемъ, какинъ это можетъ быть необходимо или полезно для службы, и *притомъ* безъ всякихъ непродуманныхъ или излишнихъ издержекъ; и кромѣ того, — опять безъ всякихъ прибавочныхъ издержекъ, — можетъ образовать *школу законодательства*, изъ которой можно было бы выбирать, для занятія должностей по этому вѣдомству, людей, представившихъ наиболѣе убѣдительныя доказательства своей способности къ этому, — объ отсутствіи такихъ людей говорятъ лежащія передо мной, упомянутыя прежде, признанія ¹⁾: — а эти доказательства способности таковы, что по природѣ вещей они не могли бы быть представлены никакимъ инымъ образомъ.

Пусть авторъ каждаго подобнаго сообщенія получить пособіе, въ цѣломъ или частью, для издержекъ *печатанія*; кромѣ того пусть, въ цѣломъ или частью, будутъ облегчены ему издержки на *бумагу* для печатанія: я разумѣю, на извѣстное ограниченное число экземпляровъ, но съ позволеніемъ прибавить, на свой счетъ, бумаги на столько добавочныхъ экземпляровъ, сколько онъ самъ пожелаетъ; и точно также относительно *объявленій*: — деньги, выручаемыя за продажу, должны быть уплачены или всѣ автору, или всѣ въ казну, или, въ той или другой пропорціи, раздѣлены между этимъ частнымъ лицомъ и казною, смотря по обстоятельствамъ.

Но существенная предосторожность, безъ которой произойдетъ вредное самообольщеніе (*deserption*) вмѣсто полезнаго приобрѣтенія свѣдѣній, состоитъ здѣсь въ томъ, что это облегченіе должно быть безразлично даваемо всякому представляющему сообщенія. Если, во вниманіе того, что надо будетъ выбирать наиболѣе достойное, этотъ выборъ будетъ предоставленъ какому-нибудь одному человѣку или одному собранію людей, — то послѣдствіемъ этого будетъ то, что облегченіе (или пособіе) будетъ дано только тѣмъ сообщеніямъ, которыя будутъ соответствовать личнымъ цѣлямъ этихъ судей, кто бы они ни были; а во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, или въ содержаніи сообщенія, или въ его авторѣ, будетъ что либо не соответствующее этимъ личнымъ цѣлямъ судей, — почти навѣрное результатомъ будетъ не публикація, а задержка (*suppression*) сочиненія, каковы бы ни были его достоинства.

Кому же, поэтому, надо доставлять это облегченіе? Всякому предлагающему сообщенія, безъ различія, какъ скоро типографія не занята: тотъ, кто первый приноситъ, долженъ постоянно первый и получать.

Но предположимъ, что типографія такимъ образомъ занята совершенно, кто долженъ тогда рѣшать? — Я отвѣчаю, *Фортуна*. Фортуна не имѣетъ никакого вреднаго интереса; *люди*, въ подобномъ случаѣ,

¹⁾ Т. е. свидѣтельства русскихъ корреспондентовъ и друзей Бентама.

почти навѣрно будутъ имѣть такой интересъ и больше или меньше будутъ имъ управляться.

Самообогащеніе (desertion) — результатъ неполноты свѣдѣній — будетъ, однако, не единственный вредъ: тотъ, кто предлагаетъ сообщеніе — полезное само по себѣ, но непріятное для упомянутого судьи, или судей — вмѣсто награды получить, въ отплату за него, наказаніе. Столько времени, сколько только возможно, его будутъ держать въ состояніи ожиданія и опасенія, заставятъ дожидаться въ передней и заставлять его терять, быть можетъ, свои деньги, и, навѣрное, свое время; когда, наконецъ, его терпѣніе истощится, тогда онъ увидитъ, или даже не увидитъ, что у него не было шанса съ самаго начала.

Другой, совершенно естественный, результатъ будетъ тотъ, что лица, отъ которыхъ зависить рѣшеніе — а можетъ быть и другія лица, о которыхъ, хотя ошибочно, будутъ думать, что отъ нихъ зависить рѣшеніе — будутъ въ той или другой формѣ получать *взятки* (bribes); а кандидатами, съ которыхъ будутъ брать эти взятки, будутъ — какъ тѣ, кому впередъ рѣшено отказать въ пособіи, такъ и тѣ, кому впередъ рѣшено дать его.

Если бы даже издержки на эти пособія были обезпечены для наибольшаго количества просьбъ, то будутъ ли эти издержки такъ значительны, чтобы показаться бременемъ для казны вашего величества? Въ подобномъ случаѣ, это бремя конечно будетъ славно, и знавъ будетъ благоприятенъ.

Здѣсь будетъ ваша школа законодательства государь: и теперь я долженъ показать вамъ, что изъ числа учениковъ, такимъ образомъ проходящихъ свой курсъ въ этой школѣ — найдутся люди, гораздо болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, способные сдѣлать для васъ то, для чего, въ моемъ положеніи, не могла бы никому дать этой способности самая совершенная мудрость.

Мой предположенный кодексъ будетъ только *очеркомъ* (outline). Почему? Потому что самый совершенный талантъ не могъ бы представить ничего больше, и умѣренное благоразуміе не позволило бы человѣку сказать, что онъ можетъ представить больше.

Въ числѣ обстоятельствъ, производящихъ потребность въ законодательствѣ, нѣкоторыя бываютъ *всеобщаго* происхожденія, другія только *мѣстнаго* происхожденія: если бы чужая рука захотѣла доставить *in terminis* извѣстный запасъ законодательнаго матеріала, то онъ могъ бы внушать достаточное довѣріе только въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣютъ этотъ всеобщій характеръ. Потому въ очеркѣ предлагаемый кодексъ будетъ заключаться лишь настолько, насколько можетъ быть предложенъ въ этомъ смыслѣ. Съ какимъ бы величайшимъ возможнымъ искусствомъ этотъ очеркъ ни былъ написанъ, но для наполненія этого очерка, весь тотъ матеріалъ подробностей, примѣненныхъ къ обстоятельствамъ

мѣстнаго происхожденія, какой можетъ быть при этомъ необходимъ, долженъ быть приготовленъ какой-нибудь *туземной* рукой, — во всякомъ случаѣ, такимъ лицомъ, которому эти обстоятельства сдѣлались достаточно извѣстны по *жизни на мѣстѣ*.

Что касается до этихъ подробностей, то потребность въ нихъ будетъ произведена — во-первыхъ, значительно разнымъ состояніемъ различныхъ областей; во-вторыхъ, разнымъ состояніемъ разныхъ классовъ лицъ въ одной и той же области.

Между тѣмъ, даже относительно этихъ подробностей, что я могъ бы сдѣлать, что я привыкъ дѣлать и что въ предположенномъ кодексѣ я считалъ бы долгомъ сдѣлать, это — представить мысли, имѣющія цѣлю доставить *руководство* и *помощь* мѣстному писателю въ распредѣленіи подробностей; такимъ образомъ, что общіе принципы, выставленные и развитые въ *очеркѣ* — принципы, приименные къ обстоятельствамъ всеобщаго происхожденія и къ тѣмъ обстоятельствамъ мѣстнаго происхожденія, которыя общеизвѣстны, — эти общіе принципы могутъ точно также быть развиты и въ *наполненіи* кодекса (*filling up*, т. е. въ наполненіи всѣми частными его подробностями). Вслѣдствіе того — такъ какъ микроскопъ, въ этомъ предметѣ, знакомъ мнѣ не меньше чѣмъ телескопъ — я, этимъ способомъ, надѣялся бы также быть полезнымъ.

Для краткости, я сказалъ *наполненіе* (*filling up*); но я знаю въ тоже время, что для того, чтобы привести дѣло въ состояніе, годное къ употребленію, могутъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ необходимы не только *прибавки*, но *исключенія* и *замѣны*.

Теперь, государь, является великая польза — непосредственная практическая польза — школы законодательства вашего величества, образованной какъ выше сказано. Для наполненія начертаннаго такимъ образомъ *очерка*, моими ли собственными, или чьими-нибудь *чужими руками*, будетъ необходимъ упомянутый матеріалъ подробностей. Быть можетъ, я могъ бы прибавить даже *туземными руками*; потому что, въ обширной имперіи вашего величества различіе одной области отъ другой бываетъ часто такъ велико, что туземецъ одной области будетъ почти-что иностранцемъ въ другой. Кто же, въ такомъ случаѣ, долженъ будетъ исполнить это дѣло? Я отвѣчаю: какой-нибудь ученикъ или ученики этой школы, доказавшіе свою способность къ этому занятію, — доказавшіе это своими упражненіями, сдѣланными, какъ выше показано, въ этой школѣ: тотъ или тѣ, по преимуществу, кто — по наиболѣе основательному сужденію, какое можетъ быть составлено — доставилъ такимъ образомъ доказательства наибольшей способности. Но если изъ всѣхъ ихъ не нашлось ни одного, труды котораго представили бы достаточное доказательство достаточной степени этой способности? Если такъ, я по истинѣ опечаленъ этимъ: потому что, въ такомъ случаѣ, въ цѣлой обширной имперіи вашего величества не суще-

ствуетъ ни одного лица, достаточно способнаго къ этому дѣлу. Въ вѣстникѣ способности, то лицо, которое дало доказательство какой-нибудь способности, какъ бы ни была низка ея степень, во всякомъ случаѣ стоитъ выше всѣхъ тѣхъ, кто не далъ никакого подобнаго доказательства.

Но если возразить, что тѣ же самыя затрудненія, какія представляются, какъ выше упомянуто, при выборѣ сочиненій для публикаціи, представляются и при каждомъ выборѣ, какой надо будетъ дѣлать между авторами для упомянутаго замѣщенія должностей, *послѣ того*, какъ сочиненія будутъ изданы? Конечно нѣтъ, на это нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Потому что, когда дѣлается выборъ для публикаціи, слѣдствіемъ этого бываетъ то, что въ каждомъ не выбранномъ сочиненіи (исключая тѣхъ случаевъ, когда авторъ рѣшится публиковать его на собственный счетъ — случаи, которые, при такомъ недостаткѣ поощренія, не общаются быть очень многочисленными) публика несетъ потерю; и по этому плану, изъ числа людей, которые при открытомъ способѣ изложили бы свои мысли въ сочиненіяхъ, нѣкоторые, отчаяваясь въ принятіи ихъ сочиненій, были бы удержаны этимъ страхомъ отъ занятій этимъ предметомъ. Сочиненіе, уничтоженное такимъ образомъ въ самомъ своемъ зародышѣ, остается мертвымъ для какой бы ни было цѣли: между тѣмъ какъ сочиненіе, разъ вышедшее на свѣтъ черезъ посредство печати, остается на виду, и всегда можетъ быть сдѣлано предметомъ *апелляціи*, которою можетъ быть исправлена всякая несправедливость, дѣлаемая ему въ первомъ случаѣ.

Такимъ образомъ, какъ бы несчастны ни оказались въслѣдствіе сдѣланные выборы, все-таки одно будетъ видно — видно всѣмъ глазамъ, видно вашему величеству, вашимъ подданнымъ, иностраннымъ государямъ, иностраннымъ подданнымъ, — видно будетъ то, что эти выборы были не совсѣмъ неосновательны: что, напротивъ, для обезпеченія наилучшихъ возможныхъ выборовъ, употреблены были наиболѣе соотвѣтственные и наиболѣе общающіе мѣры.

Каждый такой сообщитель — предполагая вѣдь сомнѣнія подлинность сочиненія, то есть фактъ, что оно было написано тѣмъ самымъ лицомъ, чье имя носить — (потому что этого обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду) во всякомъ случаѣ доставитъ доказательство *симанія*, оказаннаго предмету: и это доказательство будетъ сильнѣе всякихъ другихъ.

Взгляните теперь на выгоды отъ того обстоятельства, что очеркъ кодекса былъ составленъ *иностранной* рукой: —

1. Никакихъ стѣсненій для свободы критики. Никакой человекъ не можетъ ни бояться, ни надѣяться чего-нибудь отъ руки, представляющей этотъ очеркъ. Все, что ни приходитъ отъ такой руки, есть *fair game*, какъ говорятъ охотники. Отъ этой охоты можно будетъ ждать

не неблагоклонности, а скорѣе благоклонности. Всякій туземный глазъ съ особенной ревностью будетъ искать здѣсь несовершенствъ, а не достоинствъ.

2. Предположимъ, что онъ введенъ въ употребленіе: — предположимъ, что въ окончательно освященный кодексъ войдетъ такая значительная доля этого очерка, какую только можетъ допустить свойство дѣла. Какъ чисто будетъ въ такомъ случаѣ удовлетвореніе общества! Здѣсь не можетъ быть никакого не должнаго пристрастія, — ничего похожего на *фаворитство*. Авторъ все время находится вдалекѣ, безъ связей, и — исключая того взаимно почетнаго вліянія, какое производится однимъ умомъ на другой, — совершенно *безъ вліянія*: государю неизвѣстна даже его личность, и все это извѣстно всѣмъ и каждому. При такихъ обстоятельствахъ, какая другая вообразимая причина можетъ произвести предпочтеніе этого труда передъ другими, кромѣ только *мнѣнія* — безпристрастнаго мнѣнія — объ его удовлетворительности для предполагаемой цѣли?

3. Кромѣ того, еслибы авторомъ былъ англичанинъ, то — какъ бы ни было это въ *другихъ* странахъ, чуждыхъ для Россіи — но въ Англіи въ такомъ случаѣ никогда не можетъ быть полнаго недостатка въ критикѣ. Я почти не сомнѣваюсь, что достаточно было бы простого приглашенія вашего величества, чтобы вызвать труды, предпріятыя именно для этой цѣли. Но во всякомъ случаѣ существуютъ *обозрѣнія* (reviews), изъ которыхъ ни одно не могло бы, не противорѣча своимъ интересамъ, пропустить безъ критики произведеніе, исполненное при такихъ обстоятельствахъ. И ваше величество можете быть вполне увѣрены, здѣсь не можетъ оказаться недостатка въ мотивахъ, чтобы открыть въ этомъ произведеніи несовершенства всякаго рода, дѣйствительныя и воображаемыя.

Сравните, государь, съ очерченной здѣсь школой законодательства или кодификаціи то, лишенное школы вѣдомство кодификаціи, какое существуетъ теперь или существовало недавно.

Передо мной лежитъ докладъ, представленный вашему величеству 28 февраля 1804. Каковъ бы ни былъ его характеръ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, — въ *историческомъ* отношеніи онъ имѣетъ не малую важность. Съ 1700 до 1804 — въ теченіе 104 лѣтъ — коммиссія за коммиссіей — вѣдомство за вѣдомствомъ — оклады за окладами — и все-таки ничего не сдѣлано. Затѣмъ, въ 1804 г., коммиссія въ новой формѣ: — еще одиннадцать лѣтъ, и опять ничего не сдѣлано. Почему? Потому что тотъ единственный родъ средствъ, которыми по самой природѣ предмета что нибудь могло быть сдѣлано — или по крайней мѣрѣ сносно сдѣлано — (я разумѣю выше указанныя средства) никогда не былъ употребленъ. *Такимъ образомъ только растрачивались деньги, хотя изъ этого ничего не выходило.* Что касается окладовъ, въ Россіи (я очень это подозреваю), и въ Англіи (я очень это вижу), всегда держались этого

принципа: слѣдствія — были тѣ, какія по природѣ вещей связаны съ такими принципами ¹⁾.

По словамъ этого доклада, во времена Екатерины II все поле законодательства было раздѣлено между пятнадцатью *коммиссіями*, которыя всѣ вмѣстѣ состояли не менѣе какъ изъ 128 членовъ. Каждая изъ этихъ коммиссій покрыла массу бумаги писанными буквами: ни одна изъ этихъ 15 массъ (стр. 12) не нашла удобнымъ появиться въ свѣтъ. Какъ это могло быть? Откуда каждый изъ этихъ законодателей могъ почерпнуть свое искусство? Какіе мотивы, какія средства они имѣли для его приобрѣтенія? Семь лѣтъ тяжелаго труда, дѣйствительнаго или предполагаемаго, со стороны этого собранія членовъ коммиссій (стр. 12), и затѣмъ, если я правильно понимаю дѣло, еще семь лѣтъ такого же труда со стороны другого собранія (стр. 13), и все-таки ничего не сдѣлано. Публичность, самая неограниченная публичность — единственное возможное средство сдѣлать что-нибудь, а на практикѣ все еще только самая закрытая секретность!

Всегда одна и таже неудача — всегда отъ тѣхъ же самыхъ причинъ — и до конца дѣло ведется тѣмъ же безнадежнымъ способомъ. Ахъ, государь, съ какими сожалѣніемъ я видѣлъ (это было въ докладѣ 28-го февраля 1804, стр. 35) длинный списокъ должностей съ денежными окладами, которые всѣ — (потому что можетъ ли быть иначе, по обыкновенному состраданію?) — продолжаютъ по жизни официальныхъ лицъ. Официальныхъ лицъ, 48; итогъ ежегодныхъ расходовъ — 100,000 рублей. Но въ этомъ жалованьи не было включено жалованье ни одной изъ двухъ особъ, — изъ которыхъ каждая даетъ свое имя, и ни одна не даетъ ничего больше, — *высокопревосходительныхъ* особъ, величину оклада которыхъ въ этомъ качествѣ, кажется, постыдились выставить въ этомъ списокѣ.

Какая часть изъ этой толпы получающихъ жалованье работниковъ сдѣлала что-нибудь? И тѣ изъ нихъ, кто сдѣлалъ что-нибудь, въ какомъ количествѣ и до какой цѣнности они сдѣлали въ этомъ дѣлѣ?

Нельзя отрицать конечно, что въ собраніи *матеріаловъ* и приве-

¹⁾ Бентамъ разумѣетъ здѣсь «Докладъ Министерства Юстиціи о преобразованіи Коммиссіи составленія законовъ, Высочайше утвержденный Его Имп. В-мъ и Выписки изъ поднесенныхъ Его Имп. В-у присутствіемъ Коммиссіи рапортовъ объ успѣхѣ трудовъ ея, по Высочайшему повелѣнію переведенныя на разныя языки. Часть I» Спб., въ тип. Шнора, 1804. 4^о, 87 стр. и три синопитическія таблицы.

Въ докладѣ сообщены, въ первомъ отдѣлѣ, историческія свѣдѣнія о началѣ и дѣяніяхъ Коммиссіи въ разныхъ ея видахъ со времени Петра В.; во второмъ отдѣленіи изложены мѣры, признанныя удобными для совершенія русскаго законодательства и устройство самой Коммиссіи. За докладомъ, получившимъ утвержденіе 28 февр. 1804, помѣщено «Главное расположеніе книги законовъ», конспектъ или оглавленіе цѣлаго кодекса; и наконецъ выписка изъ рапортовъ о занятіяхъ Коммиссіи въ первые шесть мѣсяцевъ ея существованія въ этой ея новой формѣ.

деніи ихъ въ порядокъ, и эта масса работниковъ могла быть и (на-сколько я не знаю противнаго) была употреблена съ пользою: на распре-дѣленіе по отдѣламъ матеріала, состоящаго изъ распоряженій существую-щаго закона. Быть можетъ, есть только немного случаевъ, гдѣ — для составленія достаточно основательнаго сужденія по вопросу: чтò, въ томъ или другомъ отдѣлѣ, *должно быть* закономъ, — не бываетъ не-обходимо знать, чтò дѣйствительно *есть* законъ. Поэтому указанія о томъ, чтò *есть* законъ, находятся между *материалами*, надъ которыми долженъ работать тотъ, кому принадлежитъ сказать, чтò *должно быть*, и слѣд., чтò *будетъ* закономъ. Но работникъ, который собираетъ ма-теріалы этого рода и сноситъ ихъ на мѣсто, есть только *носильщикъ*. А гдѣ же *архитекторы*, или даже *каменщики*?

Ни одинъ изъ тѣхъ *добровольныхъ* работниковъ, которыхъ я ста-рался выше ввести въ службу вашего величества — не получить ни ко-пѣйки, иначе какъ за дѣло, которое, хорошо или худо, но во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано; и ни въ какомъ иномъ *размѣрѣ*, какъ въ раз-мѣрѣ дѣйствительно сдѣланнаго: и въ числѣ этихъ работниковъ бу-дутъ — не только каменщики, но и младшіе архитекторы, — къ какой должности каждый изъ нихъ чувствуетъ или полагаетъ себя способнымъ. *Послѣ испытанія*, если тотъ или другой не окажется способнымъ, тѣмъ хуже: но только *при посредствѣ* испытанія работникъ можетъ имѣть много шансовъ *сдѣлаться* способнымъ, вообще получить шансъ *доказать* свою способность.

Гдѣ, за дѣло или безъ дѣла, получается жалованье, тамъ вы можете быть совершенно увѣрены — въ любви человѣка къ *жалованью*. Гдѣ, предлагаемымъ здѣсь способомъ, дѣло дѣлается безъ жалованья, или денежной выдачи въ какой-нибудь другой формѣ, — тамъ вы можете быть довольно хорошо увѣрены — въ любви человѣка къ *дѣлу*.

Правда, любовь сама по себѣ не есть еще *способность*: но, во всякомъ случаѣ, это — одна изъ причинъ способности, и въ настоящемъ случаѣ особенно не можетъ быть причины болѣе дѣйствительной, если не сказать, болѣе необходимой.

Между тѣмъ, если мои свѣдѣнія вѣрны, одинъ кодексъ по край-ней мѣрѣ — и *притомъ* изъ уголовной отрасли, — составленный оф-фициально, теперь, если уже не въ печати, то готовится болѣе или менѣе поспѣшно. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько предположеній: — 1) Онъ уже вышелъ; — 2) онъ еще не вышелъ, но выйдетъ раньше, чѣмъ ка-кой-нибудь мой *очеркъ* будетъ въ Петербургѣ; — 3) онъ выйдетъ, но не раньше того, какъ мой очеркъ уже былъ нѣсколько времени въ Петербургѣ; — 4) онъ совсѣмъ никогда не выходитъ. Въ этихъ раз-личныхъ случаяхъ, какого дѣйствія можно ожидать отъ моего труда? — отъ моего труда, включая *школу законодательства*, построенную на три-

буналъ свободной критики, что, какъ объяснено выше, я считаю принадлежностью этой школы или ея плодомъ.

Случай 1-й. Кодексъ уже вышелъ, но во всякомъ случаѣ еще не получивши силы закона: потому что, еслибы это было, я услышалъ бы объ этомъ. Я не ожидалъ бы видѣть, что это такъ, даже еслибы это было въ видѣ опыта (*in the probationary state*). Если такъ,—то, прежде чѣмъ кодексъ получитъ силу закона, вашему величеству останется опредѣлить, не долженъ ли будетъ тотъ *трибуналъ свободной критики*, который я выше предлагалъ для моего собственнаго труда оставить этотъ кодексъ въ покоѣ. Но, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, на который я не могу не разсчитывать, — въ такомъ случаѣ заявленіе вашего величества относительно этого пункта должно быть совершенно ясно — „*L'original est confirmé de la propre main de sa Majesté Impériale dans les termes suivans: ainsi soit fait*“. Такъ по-французски. По-англійски: *Woe to all gainsayers* (горе всѣмъ противорѣчащимъ!). Такова была эгида, которою сочли благоразумнымъ запастись авторы Доклада 28 февраля 1804 г. *Критика, будь безласна! Горе всѣмъ противорѣчащимъ!*

Во всякомъ случаѣ, если вашему величеству угодно было бы видѣть переслать мнѣ экземпляръ, то *замѣчанія* мои — или, съ дозволенія вашего величества (чтобы мой трудъ не останавливался), замѣчанія отъ нѣкоторыхъ моихъ друзей — были бы представлены вашему величеству со всей возможной скоростію. Затѣмъ, отъ благоизволенія вашего величества будетъ зависѣть назначить, и назначить ли вообще, срокъ для представленія моего труда, прежде, чѣмъ дано будетъ утвержденіе *этому* кодексу, или какому-нибудь другому.

Случай 2-й. Онъ еще не вышелъ, но выйдетъ раньше, чѣмъ какой-нибудь мой очеркъ будетъ въ Петербургъ. — Въ этотъ промежутокъ, времени, долженъ ли я буду остаться безполезенъ? Нѣтъ, государь, — хотя бы я спалъ все это время, я могъ бы принести вашему величеству полезную услугу. Все это время официальной рукъ (т. е. составляющей кодексъ) давала бы шпоры мысль о *трибуналѣ свободной критики*, который ожидаетъ этого произведенія; — и въ соединеніи съ этой мыслью, давала бы шпоры также мысль о соперничествующемъ трудѣ, принадлежащемъ той рукъ, тѣнь которой, какъ выше упомянуто, такъ часто изъ своего отдаленія приводила въ трепетъ официальную руку.

Случай 3-й. Мой очеркъ дошелъ въ Петербургъ, а официальная рука еще не представила никакого проекта, и проектъ выходитъ только постъ. — Официальныя способности будутъ теперь доведены до своего крайняго напряженія. Непріятеля — чужеземнаго неприятеля — уже видѣли въ полѣ. Для этого труда его будетъ, но крайней мѣрѣ, одинъ критикъ, который едва ли можетъ отвергнуть

представляющійся вызовъ. Что бы только возможно было сказать противъ труда незваного гостя — здѣсь есть, по крайней мѣрѣ, *одинъ* человекъ, а сзади его цѣлыя десятки другихъ, которые всѣ будутъ имѣть сильнѣйшій интересъ сказать все это.

И теперь, когда является новый предметъ, законодательная школа находитъ новый запасъ учениковъ — столькоихъ учениковъ, сколько ихъ можетъ увидѣть для себя хоть малѣйшій шансъ повышения, вследствие своихъ занятій въ этой школѣ.

Позвольте мнѣ не умолчать здѣсь признанія, которое, кажется, слѣдуетъ даже сдѣлать. То, чего я ожидаю встрѣтить отъ этой руки, есть — трудъ, не неподлежащій критикѣ, испытанію. Я предвижу въ этомъ трудѣ, гдѣ будутъ соблюдаться формы методы: въ немъ можно будетъ отличать отдѣльныя (*distinguishable*) части. Это я заключаю изъ того, что вижу въ упомянутомъ *Докладѣ*. Точка (говорятъ намъ математики) не имѣетъ частей; *хаосъ*, какъ онъ ни громаденъ, тоже не имѣетъ частей. Пятнадцать массъ предполагаемаго законодательнаго матеріала, о которыхъ говорится въ *Докладѣ*, не имѣли ни одна ничего похожаго на методу; — не имѣли никакихъ *отдѣльныхъ частей*; — я заключаю это изъ *Доклада*. Очеръ, сдѣланный въ этомъ самомъ *Докладѣ*; — и (какъ я предполагаю) другія вещи, представленныя послѣ того вашему величеству, — своей методичностью, я увѣренъ, отличаются отъ всего того, или стоятъ выше того, что было сдѣлано прежде. Это былъ одинъ шагъ къ той единственной вещи, какая нужна. Это (я предполагаю) и приобрѣло для автора благопріятное мнѣніе и согласіе вашего величества — и, въ извѣстномъ смыслѣ, къ тому были основанія, справедливость которыхъ не подлежитъ спору.

Совершенно не подлежатъ спору важность хорошаго распредѣленія въ законодательствѣ, и важность ряда *синоптическихъ таблицъ* — (*système figuré*, какъ говорили французскіе энциклопедисты) для хорошаго распредѣленія: хорошее распредѣленіе и хорошія таблицы въ одно и то же время — *дѣйствіе* и *причина*. Человекъ, который чувствуетъ ихъ необходимость и способенъ придумать орудіе этого рода, — несравненно больше годится для главной работы, чѣмъ тотъ, кто или остается слѣпъ къ пользѣ такой поруки хорошаго распредѣленія, или неспособенъ устроить ее.

Итакъ, это одинъ шагъ къ той единственной вещи, какая нужна: но *самый этотъ шагъ* не есть эта единственная нужная вещь. Это только *лапчики* или *ящички*. А *содержаніе*? — какое будетъ оно? Все зависитъ отъ содержанія: и ничто изъ того, что я когда-нибудь видѣлъ или слышалъ, не можетъ возбуждать во мнѣ никакого благопріятнаго ожиданія относительно того содержанія, которому предназначено наполнить эти самые ящички, — если только они чѣмъ-нибудь будутъ наполняться.

Ваше величество были весьма благоразумны, принимая эти услуги. Я не вижу, какимъ образомъ они могли бы быть отвергнуты. Но несчастьемъ было ~~liber~~ поддаться той безпокойной заботливости (anxiety), которое со стороны лица, находящагося въ этомъ положеніи, было вмѣстѣ такъ естественно, и такъ вредно: — заботливости о томъ, чтобы, по обычаю, лишить государя возможности получить откуда-нибудь съ другой стороны тѣ услуги, которыхъ не могъ бы доставить слишкомъ большого запаса весь цивилизованный міръ.

Случай 4-й. Наконецъ, предположимъ, что *несмотря на упомянутыя выше шпоры, прошло значительное время, и отъ официальной руки не появилось еще никакого труда*. Тогда будетъ очевидно, что внутреннее убѣжденіе въ достоинствѣ, по крайней мѣрѣ, сравнительномъ, уже изданнаго труда, собственное сознаніе въ неспособности сдѣлать лучше или даже сдѣлать что-нибудь, — таково будетъ состояніе ума, которое будетъ причиной этого молчанія. Между тѣмъ (какъ мы предполагали), здѣсь во всякомъ случаѣ будетъ нѣчто подъ рукой: я разумѣю мой собственный трудъ, какимъ бы его ни находили, — трудъ, который бы никогда не существовалъ безъ этого моего скромнаго предложенія.

Ваше величество видите довольно ясно, что я не безъ печали увидѣлъ бы какое-нибудь ограниченіе числа комментаторовъ, подъ увѣренностью, что тамъ, гдѣ авторъ есть неимѣющій связей иностранецъ, это будутъ комментаторы критическіе, — и слѣд. какое-нибудь ограниченіе числа добровольно являющихся судей, подъ увѣренностью, что это не будутъ пристрастно-благосклонные судьи.

Но я долженъ признаться, что относительно самаго рода труда, который будетъ предметомъ этой критики, я не опечалился бы, еслибы увидѣлъ требованіе *одного условія*, — каково бы ни было его дѣйствіе въ смыслѣ *ограниченія*.

Это условіе — то, чтобы къ каждой значительной массѣ матеріала, — мало того, даже къ каждому слову, гдѣ этого потребуетъ его важность, — постоянно были присоединяемы соображенія, предназначенныя служить въ качествѣ *основаній* или *объясненій* (reasons) и выставляемыя въ доказательство соотвѣтственности всего того, что такимъ образомъ предлагается для принятія въ кодексъ.

Этотъ предметъ былъ затронутъ въ моемъ прежнемъ письмѣ: — я самымъ усерднымъ образомъ просилъ бы ваше величество дать этому предмету ваше вниманіе.

Государь, только съ помощью *критеріума*, — только съ помощью *испытанія*, дѣлаемаго *такимъ* образомъ, можно отличить талантъ отъ глупости, удовлетворительныя знанія отъ невѣжества, честность отъ безчестности, человеколюбіе отъ деспотизма, здравый смыслъ отъ каприза, однимъ словомъ, способность, во всѣхъ ея видахъ, отъ неспособности.

Только въ этихъ *основаніяхъ* (reasons) одинъ умъ говорить къ другому. *Повелѣнія* (ordinances) безъ *основаній* составляютъ только обнаруженіе воли, воли сильнаго, который требуетъ повиновенія отъ безпомощнаго. Освободите его отъ этого состоянія, избавьте его отъ этого ущерба, — и тогда не только человѣкъ, который подаетъ вамъ кодексъ для подписи, — но и человѣкъ, который подаетъ вамъ рубашку, — будетъ въ силахъ составлять законы. Человѣкъ, который *подаетъ* рубашку? Да, государь, или женщина, которая *моетъ* ее.

Отбросьте это условіе (т. е. присоединеніе къ законамъ ихъ „основаній“), — и тогда одна Германія, о какомъ вамъ угодно предметѣ, доставитъ вамъ столько сотенъ кодексовъ, сколько вамъ угодно: — всѣ они будутъ вѣрно скопированы съ хаоса, который для другой части міра былъ собранъ двѣнадцать или тринадцать столѣтій назадъ¹⁾: — всѣ они будутъ составлены на самыхъ экономныхъ принципахъ, — всѣ написаны по столько-то страницъ въ часъ, — всѣ безъ малѣйшихъ издержекъ мысли.

Не надо основаній! Не надо основаній для вашихъ законовъ! восклицаетъ Фридрихъ Великій прусскій въ одной плохой статьѣ своей, написанной именно объ этомъ самомъ предметѣ. Почему же не надо основаній? Потому что (говоритъ онъ), если въ вашемъ законѣ будетъ какой-нибудь подобный привѣсокъ, то первый шальной законникъ (le premier brouillon d'avocat), который возьметъ его въ руки, опрокинетъ его. Да, довольно вѣроятно: такое злоключеніе можетъ произойти, если это будетъ такъ, что текстъ закона будетъ указывать одинъ путь, — а основаніе, стоящее вслѣдъ за нимъ, будетъ указывать другой, т. е., если или законъ, или основаніе построены до известной степени дурно. Но есть ли это хорошее основаніе противъ того, чтобы *приводить основанія*? Не больше, какъ и противъ того, чтобы *составлять законы*. Точно также можно бы сказать, *не надо дорожныхъ столбовъ!* Почему? Потому что, еслибы пришелъ къ дорожному столбу какой-нибудь *mauvais plaisant* и вздумалъ повернуть надпись такъ, чтобы она показывала на дурную дорогу, — то путешественникъ можетъ сбиться съ пути.

Предположимъ теперь кодексъ, составленный, по обыкновенію, безъ всякаго подобнаго постояннаго комментарія основаній, и который для формы и для большаго глубокомыслія снабженъ, какъ это не разъ дѣлалось, предисловіемъ изъ кучи неопредѣленныхъ и на дѣлѣ непримѣненныхъ, потому что непримѣнимыхъ, общихъ разсужденій, подъ именемъ *началъ*. Онъ можетъ быть одобренъ, восхваленъ и торжественно провозглашенъ. Но по какимъ причинамъ? Если относительно того или другого частнаго постановленія или распоряженія закона приводятся

¹⁾ Бентамъ разумѣетъ здѣсь Римское право.

какія-нибудь ясныя и вразумительныя *причины* (grounds) для одобрения, — то это и будутъ *основанія* (reasons). Почему же (можно бы сказать тогда начертателю), если вы знаете эти причины, почему — если только вы не стыдитесь ихъ — почему не явиться съ ними въ самомъ началѣ? — почему не распространить ихъ, за одинъ разъ, во всей публикѣ, — вмѣсто того, чтобы нашептывать ихъ, одинъ разъ одно, въ другой разъ другое, — тому или другому лицу, впередъ заинтересованному или впередъ увѣренному, въ качествѣ трубака? — Но, если нельзя привести никакихъ подобныхъ *причинъ*, то — есть, если вовсе нельзя привести никакихъ причинъ, то гдѣ же правдивость или цѣнность такого восхваленія?

Съ другой стороны, — предположимъ кодексъ, сопровождаемый, поддерживаемый и объясняемый, съ начала до конца, постояннымъ комментариемъ основаній; предположимъ, что всѣ эти основанія выводятся изъ одного истиннаго и единственнаго защитимаго начала — *начала общей пользы*, подъ которое, какъ будетъ показано, всѣ они подводятся. — Здѣсь, государь, *дѣйствительно* будетъ *новая эра*: — эра рациональнаго законодательства, — примѣръ для всѣхъ націй, — новое учрежденіе, — и ваше величество будете его основателемъ.

Я считалъ почти несомнѣннымъ, что всего естественнѣе слѣдовало бы начать съ *уголовной* отрасли закона, въ противоположность гражданской. Основанія для этого очевидны и, кажется, убѣдительны. Напримѣръ, въ уголовной отрасли вышеупомянутыя обстоятельства всеобщаго происхожденія имѣютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ въ гражданской. Поэтому, уголовная отрасль въ болѣе обширной степени находится въ границахъ компетентности иностранной руки. Кромѣ того, въ уголовной отрасли возможны, до извѣстной степени, перемѣны — и если только онѣ будутъ къ лучшему въ другихъ отношеніяхъ — эти перемѣны не произведутъ ни опасности, ни тревоги¹⁾.

Иначе это въ *гражданской* отрасли. Великая и преобладающая цѣль этой вѣтви — *не допускать перемѣны* — сколько возможно предупреждать тѣ *обманы ожиданія*, которые бывають результатомъ *настоящей* и *неожиданной* перемѣны, и ту *тревогу*, которая производится трепетнымъ *ожиданіемъ* перемѣны. Въ этомъ случаѣ, общая неизвѣстность о состояніи закона — этотъ постоянный источникъ неожиданныхъ перемѣнъ, въ частныхъ примѣрахъ доходящій до неизмѣримаго объема — есть великій источникъ зла; а неизвѣстность есть всегдашняя болѣзнь того жалкаго субститута закона, который называется *неписаннымъ* закономъ, и который, по настоящему, вовсе и не есть законъ. Единственное лекарство отъ этой болѣзни есть законъ *писанный* — единственный родъ закона, имѣющій не одно только метафизическое суще-

¹⁾ См. для объясненія этой терминологіи Избр. соч. Бента, I, 140, 159, 372, 484 и пр.

ствование. Наполеону принадлежит заслуга, что онъ далъ этого рода лекарство Франціи. Съ какой степенью искусства оно было составлено, я до сихъ поръ не нахождѣ никакой пользы это изслѣдовать. Но это лекарство должно было бы быть негодно-дурнымъ, еслибы оно все-таки не было гораздо лучше, чѣмъ ничего. Для человѣчества было бы счастьемъ, еслибы Наполеонъ только этимъ способомъ подавалъ примѣръ правителямъ этого человѣчества.

Мнѣ остается сказать о томъ способѣ, на который я намекалъ въ самомъ началѣ какъ на *другой* способъ, которымъ, при одобреніи вашего величества, могли бы быть сколько-нибудь употреблены въ дѣло тѣ услуги, какія было бы въ моихъ силахъ оказать; и которымъ въ нѣкоторой, хотя не равной, степени могли бы быть достигнуты цѣли, о которыхъ говорено было выше.

Видѣвъ съ письмомъ вашего величества я получилъ письмо отъ князя Адама Чарторьскаго. Въ письмѣ онъ напоминалъ мнѣ объ одномъ условномъ обѣщаніи, данномъ ему мною, и приглашалъ меня къ его исполненію. Понятно, что предметомъ обѣщанія была Польша. Ваше величество, быть можетъ, уже слышали отъ князя Чарторьскаго, что дало поводъ къ этому обѣщанію. Все, что мы говорили, ограничилось общими разговорами; въ то время вещи не созрѣли еще для того, чтобы можно было входить въ частности: намѣренія вашего величества не были достаточно извѣстны.

Но, по самой сущности дѣла, я долженъ былъ заключить, что относительно этой страны мои услуги имѣлись въ виду для *конституціонной* отрасли, — по крайней мѣрѣ предварительно передъ какой-нибудь другой. Но изъ всѣхъ отраслей закона конституціонная есть *та*, относительно которой, въ начертаніи общаго *очерка*, чужая рука кажется менѣе компетентна, чѣмъ относительно какой-нибудь другой отрасли. Почему? Потому что конституціонный законъ зависитъ вполне отъ *мѣстныхъ условій* (localities). Поэтому здѣсь упомянутый выше способъ — давать отвѣты на представляющіеся вопросы, есть единственный, который кажется соответствующимъ природѣ дѣла.

Я не хочу сказать, чтобы въ этомъ случаѣ, какъ и въ другомъ, была какая-нибудь польза посылать отвѣты, — если только въ томъ *лѣтѣ*, куда они посылаются, они не встрѣтятъ расположенія воспользоваться ими. Но если, въ настоящемъ случаѣ, будетъ какой-нибудь недочетъ въ этомъ отношеніи, то просьбы, столь обязательно повторяемыя мнѣ этимъ княземъ, будутъ дѣйствіемъ безъ причины.

Между тѣмъ, еслибы вашему величеству угодно было приказать мнѣ составить очеркъ уголовного и гражданскаго закона, и прежде уголовного, для Польши, — то, хотя бы поле моего труда и ограничивалось Польшей, я нашолъ бы для его совершенія вполне достаточные мотивы.

Мое намѣреніе такимъ образомъ удовлетворялось бы, но не то, ко-

торое я надѣялся бы видѣть и намѣреніемъ вашего величества. Для Россіи—нѣтъ соревнованія, нѣтъ трибунала свободной критики, нѣтъ школы законодательства, нѣтъ разсудника чиновниковъ для законодательнаго вѣдомства: нѣтъ ничего кромѣ слабого телескопическаго вида этихъ учрежденій въ Польшѣ. Судьба Россіи передана одной рукѣ—такой, которую все, мною видѣнное или слышанное, согласно вынуждаетъ меня считать недостаточной.

Ваше величество видите мою навязчивость? Но почему мнѣ стыдиться ея? Мнѣ не нужно ни денегъ, ни власти, ни высокаго сана, ни даже благосклонности:—мнѣ нуженъ только шансъ принести пользу:—пользу?—и кому пользу?

Не незначительны—и по объему, и по числу, и по важности—тѣ предметы размышленія, которыя я осмѣливаюсь здѣсь представить на рѣшеніе вашего величества. Но, насколько дѣло касается того, что могло бы быть сдѣлано мной, имѣютъ важность только немногіе пункты, въ которыхъ рѣшеніе можетъ быть вмѣстѣ—и просто, и легко, и безопасно.

Все, что было бы необходимо, для того, чтобы я приступилъ къ дѣлу, это—выраженіе желанія вашего величества въ этомъ смыслѣ. Я долженъ писать по-англійски. Поэтому мой трудъ и долженъ быть напечатанъ на первый разъ по-англійски. Но г. Дюмонъ, работающій на тѣхъ же условіяхъ какъ я, былъ бы—я увѣренъ въ этомъ такъ, какъ еслибы онъ былъ здѣсь и сказалъ мнѣ это,—Дюмонъ былъ бы счастливъ перевести его на французскій языкъ, листъ за листомъ, какъ только онъ будетъ появляться по-англійски: и въ этомъ случаѣ, французскій переводъ могъ бы быть отпечатанъ почти въ одно время съ подлинникомъ. Издержки англійскаго изданія были бы *моей* заботой: относительно французскаго, это было бы такъ, какъ угодно будетъ вашему величеству. Въ Петербургъ было бы прислано—на англійскомъ, на французскомъ, или на обоихъ языкахъ—столько экземпляровъ, сколько вашему величеству угодно будетъ приказать. Что сдѣлалось бы относительно ихъ *тамъ* (т. е. въ Петербургѣ), это, конечно, вполне зависитъ отъ воли вашего величества. Но, я надѣюсь, что ваше величество не имѣете никакихъ возраженій противъ того, чтобы дать мнѣ обѣщаніе, что когда они будутъ тамъ, то *они увидятъ свѣтъ*. Мой трудъ не будетъ пасквилемъ (а libel): и, если онъ не будетъ одобренъ—и неодобреніе будетъ объявлено, съ указаніемъ или безъ указанія основаній,—всякое подобное неодобреніе конечно не встрѣтитъ большого затрудненія къ тому, чтобы заставить уважать себя. Имѣю честь быть, государь, вашего императорскаго величества всегда вѣрнымъ слугой,

Иеремія Бентамъ.

4. Письмо Адама Чарторьскаго къ Бентаму ¹⁾.

www.libtool.com.cn

Вѣна, 25 апрѣля 1815.

М. г. Постоянныя путешествія, которыя дѣлалъ его величество послѣ того, какъ оставилъ Англію, и великіе интересы, занимавшіе его въ послѣднее время, только теперь позволили мнѣ представить его величеству письмо, вами ему адресованное. Я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу передать вамъ при семъ отвѣтъ его величества.

Примите также и съ моей стороны увѣреніе въ высокомъ уваженіи, которое я не перестану питать къ вамъ, и позвольте мнѣ впередъ льстить себя надеждой, что вы не откажетесь также и намъ ²⁾ дать ваши совѣты во всемъ томъ, что можетъ имѣть отношеніе къ законодательству, которое его императорское величество удостоитъ даровать Польшѣ. Когда придетъ время, я не премину обратиться къ вамъ и напомнить вамъ дружескія общанія, которыя вы были такъ добры дать мнѣ въ этомъ отношеніи.

Въ ожиданіи, я съ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ просить васъ принять увѣреніе въ моихъ чувствахъ и въ глубочайшемъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой,

[А. Чарторьскій.]

Изъ слѣдующаго отвѣтнаго письма Бентама къ Чарторьскому мы извлекаемъ только то, что имѣетъ отношеніе къ предыдущему письму Бентама о русскомъ кодексѣ къ императору Александру. Мы встрѣтимъ здѣсь еще нѣкоторыя объясненія этихъ отношеній Бентама къ императору. Остальная часть письма относится слишкомъ исключительно къ польскимъ дѣламъ и не входитъ въ цѣль нашей статьи.

5. Письмо Бентама къ князю Адаму Чарторьскому.

Queen-Square-Place, Вестминстеръ, іюнь 1815.

Я прежде всего долженъ просить извиненія его величества и вашего за одну вещь, именно за тотъ огромный промежутокъ времени (больше мѣсяца), который прошелъ между полученіемъ этихъ двухъ писемъ и отправленіемъ моихъ настоящихъ отвѣтовъ. Другая вещь, за которую

¹⁾ При этомъ письмѣ Чарторьскій официально передавалъ Бентаму помѣщенное выше письмо императора Александра, отъ 10 — 22 апрѣля 1815. Объ этомъ письмѣ Чарторьскаго Бентамъ упоминаетъ въ концѣ своего второго письма къ императору.

²⁾ То-есть, *также какъ Россіи*, къ которой одной относилось подразумеваемое здѣсь письмо. (Прим. англ. изд.).

я также долженъ просить вашего снисхожденія, это—что копія съ письма къ императору, которую я долженъ послать вамъ, слишкомъ дурно переписана. www.libtool.com.cn

Впрочемъ, оба эти проступка имѣютъ свой источникъ въ той неотложной работѣ, среди которой я получилъ эти письма....

Что касается до подлинника (письма къ императору Александру), то я боюсь, что и вы, и императоръ будете досадовать и скучать имъ, хотя бы за одну его длину. Впрочемъ мнѣ необходимо надо было высказаться: и я не видѣлъ надежды, что буду способенъ сдѣлать это, съ какой-нибудь пользой, въ меньшемъ объемѣ. Я слышу со всѣхъ сторонъ, что онъ—человѣкъ съ хорошимъ характеромъ (a good-natured man): то, что я говорю ему въ письмѣ, которое вы увидите, подвергается это его качество испытанію. Если у него достанетъ терпѣнія, онъ прочтетъ у меня то, чего, по самой природѣ вещей, онъ не прочтетъ и не услышитъ ни отъ какого человѣка, находящагося въ какомъ-нибудь иномъ положеніи.

Поязка на глазахъ, помочи на плечахъ—таковъ былъ до сихъ поръ его костюмъ въ этой части правительственной области. Моя цѣль—освободить его отъ этихъ принадлежностей; возможно ли, чтобы онъ простилъ мнѣ? Простить онъ мнѣ или нѣтъ, дѣло не въ томъ: единственное, что нужно, это то, чтобы онъ далъ освободить себя отъ нихъ:

Я надѣюсь, что это не вовлечетъ васъ ни въ какое затрудненіе, затрудненіе, которое съ вашей стороны было бы до такой степени совершенно незаслуженнымъ: потому что отъ васъ я никогда не слыхалъ ничего похожего на *a tale out of school*.

Если бы что-нибудь мной сказанное положило конецъ не только этой корреспонденціи, но и другой, которая для меня такъ лестна,—я былъ бы истинно опечаленъ. Но сдѣлать этотъ рискъ было необходимо: потому что вы вѣроятно согласитесь со мной, что, можно ли было бы съ нимъ сдѣлать что-нибудь или нѣтъ, но безъ него во всякомъ случаѣ невозможно было ничего сдѣлать.

На этомъ, сколько мы знаемъ, кончились отношенія между императоромъ Александромъ и Бентамомъ.

Какъ ни исключительны и единичны въ своемъ родѣ эти отношенія, они имѣютъ свой большой историческій смыслъ, какъ новая черта для характеристики импер. Александра и какъ примѣръ того отношенія, въ которомъ русская общественная жизнь или «политика» стояла къ европейскимъ идеямъ. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ сказать объ этомъ предметѣ еще нѣсколько словъ.

Въ наше время отношенія, подобныя изложеннымъ сейчасъ

отношениямъ императора Александра къ Бентаму, всего скорѣе подвергнутся порицанію; ихъ осудятъ какъ непрактическое увлеченіе, и особенно какъ увлеченіе чужимъ, иноземнымъ; мысль сноситься съ иностраннымъ юристомъ по вопросу о законодательствѣ для русскаго государства, покажется даже нарушеніемъ національнаго достоинства; людей, возмѣвшихъ ее, обвинятъ въ незнаніи русской жизни, въ необращеніи къ ея внутреннимъ силамъ, національнымъ идеямъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, здѣсь повторилось бы обвиненіе, которое уже высказалось въ нашей литературѣ противъ направленія и людей первыхъ годовъ царствованія Александра, — потому что рассказанныя нами обстоятельства были конечно продолженіемъ (хотя уже слабымъ и замирающимъ) именно тѣхъ возрѣній, которыя въ особенности отличали эти годы. Дѣателей того времени, и съ ними вмѣстѣ и императора Александра упрекаютъ обыкновенно въ томъ, что они, увлекаясь напр. Англіей, не знали русской жизни, и въ противоположность имъ выставляютъ «опытныхъ» людей стараго времени, хотя тутъ же оказывается, что эти «опытные» люди сами не могли придумать ничего лучшаго для исправленія тѣхъ золъ, противъ которыхъ и были направлены усилія новыхъ людей...

Намъ кажется, что въ этомъ смыслѣ такіа обвиненія очень несправедливы. Обращеніе къ европейскимъ идеямъ и образцамъ составляло слишкомъ серьезную потребность нашей образованности. Это была старая традиція, начатая Петромъ и продолжавшаяся въ разныхъ видахъ во все XVIII-е столѣтіе. Это увлеченіе иноземными идеями не менѣе сильно было и въ императрицѣ Екатеринѣ, напр. когда она писала свой «Наказъ» и наполняла его цѣлымъ рядомъ идей французской просвѣтительной философіи. Импер. Александръ, въ своихъ первыхъ стремленіяхъ, собственно говоря только продолжалъ эту традицію, въ которой укрѣпляла его сама императрица, выбравшая ему въ воспитатели республиканца-философа во вкусъ XVIII-го вѣка. Съ другой стороны, въ этихъ увлеченіяхъ была общая черта времени. Если философія XVIII-го вѣка требовала для общества новаго устройства и новыхъ идей, то теперь, послѣ революціонныхъ потрясеній, очень естественно приходила мысль, что надо дѣлать многое *сначала*—во Франціи это дѣйствительно было необходимо, потому что старинный порядокъ во многихъ отношеніяхъ былъ подорванъ безвозвратно,—и дѣлать на основаніи отвлеченныхъ положеній разума, которыя часто представлялись единственнымъ критеріумомъ. Этотъ разумъ указывалъ множество несовершенствъ, которыя надо было исправить, а между тѣмъ практическая жизнь общества еще не давала указаній для этого по-

правленія. Наши дѣатели приходили къ тѣмъ же отвѣченнымъ положеніямъ; имъ также казалось, что надо было дѣлать все или многое *сначала*, trancher dans le vif, tailler en plein drap, какъ выражался Сперанскій послѣ поѣздки въ Эрфуртъ, подъ вліяніемъ встрѣчи съ дѣтищемъ революціи Наполеономъ. Мы видѣли, какъ журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ наводилъ на вопросы о законодательствѣ, о свободѣ печати, о злоупотребленіи привилегій; въ литературѣ либеральныя идеи находили сильный отголосокъ; въ университетахъ и въ книгахъ съ великимъ интересомъ (хотя конечно въ большинствѣ случаевъ очень наивно) говорилось о «естественномъ правѣ» и т. п. Однимъ словомъ, собирая разнообразныя указанія о движеніи того времени, едва ли можно сомнѣваться, что «увлеченіе», стремленіе новыхъ правительственныхъ дѣателей создавать новыя формы юридическо-общественной жизни совершенно оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей — существованіемъ множества недостатковъ стараго порядка, требовавшихъ исправленія, улучшенія или уничтоженія — и ожиданіями лучшихъ людей общества...

Съ точки зрѣнія порицателей этого либеральнаго «увлеченія» императора Александра, какъ будто выходитъ, что гораздо лучше стало, когда всякія увлеченія были брошены, когда управленіе стало совершаться по старымъ преданіямъ, и либеральныхъ министровъ смѣнилъ «опытный» графъ Аракчеевъ.

По нашимъ понятіямъ, императоръ Александръ не дѣлалъ ошибки, когда одно время считалъ возможною дѣятельность Бентама для Россіи.

Бентамъ точно также не показывалъ какой-нибудь притязательности, когда обращался къ русскому императору съ своими предложеніями. Задолго передъ тѣмъ, онъ имѣлъ случай видѣть, что его мысли и книги находили много сочувствія между людьми, которые, безъ сомнѣнія, были въ числѣ лучшихъ людей тогдашняго русскаго общества (Сперанскій, Мордвиновъ, гр. А. Салтыковъ и проч.); и давно уже ему сообщали, что въ Петербургѣ имѣютъ желаніе обратиться къ нему за содѣйствіемъ и совѣтами въ кодификаціонныхъ трудахъ. Въ самомъ этомъ случаѣ Бентамъ написалъ свое (первое) письмо къ императору, повидимому, не безъ вызова и со стороны Чарторыскаго, лица, въ то время слишкомъ близкаго къ Александру. Наконецъ то, что говорилъ Бентамъ, было такъ справедливо, что его внимательство находятъ въ этомъ полное оправданіе.

Дѣйствительно, начать съ того, что Бентамъ въ самомъ дѣлѣ былъ чуждъ Россіи не больше чѣмъ курляндецъ, ливляндецъ или финляндецъ, если бы они, не зная русскаго языка, волелись управ-

дать Россіей и составлять для нея законы. Роль Розенкампа, изображенная отчасти въ книгѣ барона Корфа ¹⁾, можетъ служить достаточнымъ примѣромъ.

Далѣе, Бентамъ ни на минуту не думалъ стать настоящимъ законодателемъ. То, къ чему онъ стремился, было — проложить дорогу для открытаго законодательства, какъ онъ это называлъ, т. е. для гласнаго обсужденія законодательныхъ вопросовъ въ средѣ самого русскаго общества. Себѣ лично онъ позволялъ только одно желаніе — участвовать въ этомъ обсужденіи на раду съ какимъ угодно другимъ законовѣдомъ, участвовать открыто, на глазахъ каковой угодно критики: ему лично хотѣлось только дать тему, быть можетъ, поставить лучше другихъ вопросы, которые должны были подвергнуться обсужденію, высказать еще разъ — съ спеціальнымъ назначеніемъ для русскихъ условій — свои общіе принципы, составлявшіе трудъ его жизни. И замѣтимъ притомъ, что онъ позволялъ себѣ это желаніе уже *послѣ того*, какъ ему извѣстно было, что русскія правительственныя сферы обращались прежде ко многимъ другимъ иностранцамъ (которые не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ), слѣд. когда ему извѣстно было, что такого рода содѣйствіе считалось нужнымъ, и что его искали. Читая въ его письмѣ его настоятельныя убѣжденія къ императору, нельзя не почувствовать глубокаго уваженія къ этой горячей и безкорыстной ревности служить человѣческому благу.

Бентамъ представлялъ императору двѣ дороги: старая, которой и слѣдовали въ ту минуту, была много разъ испробована и достаточно выказала свои свойства въ исторіи множества «коммиссій» со временъ Петра Великаго; новая, которую онъ защищалъ, безъ сомнѣнія была лучшей дорогой, и къ устройству законодательства и къ общественному воспитанію. Бентамъ заботливо разъяснялъ возможность гласнаго обсужденія законодательства, стараясь сгладить путь этому нововведенію въ русской жизни. Собственно говоря, его отвлеченные абсолютныя принципы требовали далеко не этихъ умѣренныхъ пожеланій; но Бентамъ очень хорошо понималъ вопросъ о «значеніи мѣста и времени въ законодательствѣ», и потому онъ предлагаетъ наиболѣе мягкую, спокойную и вмѣстѣ наиболѣе воспитывающую форму для этого нововведенія, — форму, при которой уступка обществу была бы наименьшая, и слѣд. наиболѣе возможная со стороны правительственнаго авторитета (о которомъ въ концѣ концовъ и шла рѣчь).

Но это было бы непрактично, — могутъ сказать на это. Напротивъ, можно думать, что совѣтъ Бентама былъ самый благо-

¹⁾ Жизнь Спер. I, 146 и слѣд.

разумный, наеой можно было сдѣлать въ данномъ положеніи вещей, въ этомъ направленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если только шелъ вопросъ о новомъ характерѣ законодательства, о приближеніи его къ новымъ гражданскимъ потребностямъ и духу времени, о развитіи юридическаго сознанія въ обществѣ, то очевидно, что нужно было употребить какія-нибудь новыя средства, кромѣ тѣхъ, какія употреблялись по преданію. Старая машина приходила въ совершенную негодность; она жила одной рутинной, мало превышавшей простую привязанную рутину. Если самыя работы Сперанскаго въ комиссіи составленія законовъ (1808—1812) имѣли не мало недостатковъ; то гораздо больше странностей было сказано и сдѣлано со стороны его противниковъ, не исключая Карамзина. Баронъ Корфъ, котораго мудрено обвинить въ пристрастіи къ какой-либо изъ двухъ сторонъ, говоритъ въ своей книгѣ: «Юридическія наши свѣдѣнія, *даже у государственнхъ людей*, были въ то время, какъ горько и *справедливо* замѣтилъ Сперанскій, еще очень слабы и поверхностны... Законодѣніе считалось еще *тьмоу*, въ которую проникали лишь тагъ-называвшіеся тогда дѣльцы; для нихъ же все, чего они не могли найти буквально въ нашихъ указахъ, или что было выражено иными словами, назалось вредною или, по крайней мѣрѣ, бесполезною чужеземщиною» ¹⁾. При этомъ положеніи вещей, самымъ разумнымъ было бы то, что и предлагалъ Бентамъ: это было вызвать на дѣло новыя силы, которыя, конечно, были бы доставлены обществомъ, вызвать путемъ гласнаго обсужденія, которое не преминуло бы доставить важныя частныя данныя и вмѣстѣ указать людей способныхъ къ труду. Между тѣмъ, люди, возвращавшіеся въ Россію послѣ наполеоновскихъ войнъ, возвращались съ запасомъ новыхъ стремленій, которыя безъ сомнѣнія принесли бы много пользы оживленію всего общества, если бы руководители этого общества сѹмѣли понять ихъ и воспользоваться ими. Но этого сдѣлать тогда не сѹмѣли, и эта потребность дѣятельности для общественнаго блага не находила себѣ исхода въ дѣйствительной практической жизни. Потребность однакоже не исчезала, и выходъ для нея нашелся наконецъ въ «союзѣ благоденствія», который въ концѣ концовъ привелъ къ глубоо-печальнымъ событіямъ 14 декабря.

Можно сказать съ увѣренностію, что если бы и въ эти времена сохранились намѣренія и планы, которые составлялись въ началѣ царствованія, еслибы на нихъ положена была нужная твер-

¹⁾ Жизнь Спер., I, 164 прим.

дость убѣжденія и воли, то въ самой свѣжей, энергической и убѣжденной части общества, правительство нашло бы несомнѣнно самыхъ усердныхъ исполнителей; и тѣ силы, которыя пропадали даромъ или погибали трагически, были бы употреблены правильно и здорово для общественнаго организма. Дѣло шло бы и въ этомъ случаѣ, конечно, не безъ усилій, на которыя потребовалась бы правительственная энергія, — но гораздо лучше было употребить эту энергію сюда, чѣмъ на укрощеніе совершенно постороннихъ Россіи возстаній въ Европѣ, или на основаніе военныхъ поселеній дома.

Но Бентамъ напрасно предлагалъ свои мысли, — императоръ Александръ предпочелъ программу Меттерниха и Аравчеева.

Этимъ окончились отношенія, которыя начались въ 1802 г. такимъ успѣхомъ Бентама въ русскомъ обществѣ. Событія, послѣдовавшія за 1815 годомъ, и роль, принятая въ нихъ Россією, должны были еще сильнѣе охладить Бентама. Мы видѣли выше, какъ сильно было это охлажденіе уже въ 1817 г., когда онъ издавалъ свою переписку въ «Papers relative to Codification». Политика реставраціи возбуждала въ немъ самую глубокую вражду, и его политико-законодательныя идеи приобрѣтали еще бѣдшую суровость чѣмъ прежде, — какъ напр. въ его «Конституціонномъ Кодексѣ», надъ которымъ онъ работалъ именно въ это время. Вся его симпатія принадлежала либеральнымъ движеніямъ, наполняющимъ эту эпоху: либералы этого времени видѣли въ немъ великій нравственный авторитетъ ¹⁾. Его письма проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ дѣлу національной независимости и гражданской свободы, о которыхъ шла теперь борьба, и глубокой ненавистью къ политикѣ Меттерниха и реставраціи ²⁾.

Относительно своихъ кодификаціонныхъ трудовъ, онъ окончательно приходилъ къ убѣжденію, что въ извѣстныхъ государственныхъ устройствахъ они не могутъ имѣть мѣста ³⁾; но за то

¹⁾ См. объ его корреспонденціи за это время въ біографіи, Works X, и въ «Codification Proposal», т. IV, стр. 564 и слѣд. Здѣсь приведены письма и отзывы изъ Женевы, Испаніи, Португаліи, Франціи, Италіи, Соединенныхъ Штатовъ, Греціи, Южной Америки и пр.

²⁾ Вотъ напр. отрывокъ изъ письма его къ грекамъ, въ ноябрѣ 1828 г. (противъ избранія короля):

«So sure as you have a king, so sure has the Holy Alliance another member. And what is the Holy Alliance, but an alliance of all kings, against all those who are not kings. Were there no such alliance, remedy, under the most grievous tyranny, would be but too difficult: under the Holy Alliance, all remedy would be impossible» etc. (X, 539).

³⁾ Бюграфъ приводитъ между прочимъ изъ разсказовъ Бентама слѣдующее замѣчаніе: «Talleyrand said my law projects were work of genius, but not adapted for purposes of tyranny» (X, 571).

тѣмъ ревностию онъ привязывался къ своимъ идеямъ, развивая принципъ «наибольшаго возможнаго счастья» относительно политическихъ формъ и учреждений. Таковъ его «Конституціонный Кодексъ», одинъ изъ обширнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ трудовъ Бентама (напечатанный уже только по его смерти, въ изданіи Боуринга, т. II), — гдѣ Бентамъ самымъ рѣзкимъ образомъ отвергаетъ господствующую вообще въ Европѣ монархическую форму государственнаго устройства и, опредѣляя изъ своего принципа формы политическихъ учреждений и администраціи, лучшей формой политическаго устройства считаетъ представительную демократію. «Конституціонный Кодексъ» былъ конечно трактатъ чисто-теоретическій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это была и программа, по мнѣнію Бентама, удобопримѣнимая для всякаго народа, который бы захотѣлъ ею воспользоваться, какъ логическимъ развитіемъ его основной идеи въ области политики. Въ такомъ же смыслѣ онъ изложилъ въ то же время свои общія положенія относительно законодательства, которыя онъ именно предлагалъ «всѣмъ націямъ либеральнаго образа мыслей». Это — «Codification Proposal» ¹⁾, книга, любопытная для насъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, что здѣсь излагается теорія того взгляда на наилучшій процессъ законодательства, который Бентамъ излагалъ въ письмѣ къ императору Александру.

Таково было, говоря вообще, настроеніе Бентама и направленіе его трудовъ въ теченіе самаго горячаго періода реставраціи и гоненій противъ либерализма. Что онъ имѣлъ за это время нѣкоторыя сношенія съ своими русскими друзьями, — это можно заключать по указаніямъ въ его дальнѣйшей перепискѣ; но біографія не представляетъ относительно этого никакихъ ближайшихъ свѣдѣній. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва, новыя извѣстія о русскихъ сношеніяхъ Бентама мы находимъ въ біографіи уже только отъ 1823—1824 года, хотя въ письмѣ Бентама къ Мордвинову, которое мы здѣсь разумѣемъ, мы видимъ дружескія отношенія, кажется не прерывавшіяся. Въ это время Мордвиновъ, повидимому, самый ревностный изъ русскихъ почитателей Бентама, писалъ ему исполненное уваженія письмо, гдѣ между прочимъ говорилъ, что привыкъ ссылаться на авторитетъ Бентама и оправдывать имъ свои дѣйствія въ качествѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ.

¹⁾ «Codification Proposal, addressed by Jeremy Bentham to all nations professing liberal opinions; or Idea of a proposed all-comprehensive body of law, with an accompaniment of Reasons» etc. Издаю первоначально въ 1822 г.; см. Works, IV, 585 и слѣд.

Бентамъ отвѣчалъ Мордвинову довольно длиннымъ письмомъ. Оно отрывочно и писано отчасти тономъ шутки, но подъ этой шуткой взглядъ Бентама на русскія дѣла обнаруживаетъ довольно ясно то настроеніе его мыслей, о которомъ мы выше упоминали.

«Я доканчиваю теперь Конституціонный Кодексъ — пишетъ Бентамъ — имѣющій цѣлью исправить этотъ испорченный міръ, покрывъ его республиками. Я сообщаю вамъ это извѣстіе изъ чистаго великодушія, чтобы вы, по своему мѣсту, какъ *Président pour les affaires civiles et ecclésiastiques* — которое мнѣ пріятно видѣть занятымъ вами, хотя бы только для одной Россіи, — чтобы вы, въ этомъ качествѣ, могли заблаговременно устроить санитарный кордонъ вокругъ владѣній вашего повелителя, такой прочный, каковой найдетъ нужнымъ вашъ фельдмаршалъ...; впрочемъ, скажу вамъ по довѣренности, этотъ кордонъ будетъ совершенно бесполезенъ противъ экземпляровъ, которыми я начиню бомбы и буду стрѣлять черезъ этотъ кордонъ. Но отчего, любезный мой другъ, вы такъ жестоко запоздали извѣстить меня о томъ, что получили кучу всякой всячины (*quantity of stuff*), которую я вамъ послалъ? Я уже предполагалъ, что — или вы нашли для нея употребленіе въ вашей печкѣ (*peech*), или что васъ сослали въ Сибирь за то, что она была къ вамъ адресована.

«Это приводитъ меня къ Сперанскому, къ которому я въ то же время послалъ тѣже вещи. Онъ точно также имѣлъ варварство оставить меня въ томъ же невѣдѣніи. Правда, я никогда его не видалъ; но также правда и то, что его мнѣнія относительно моихъ вещей извѣстны мнѣ изъ его письма къ Дюмону, которое я храню какъ святыню и, когда бываю въ хвастливомъ расположеніи духа, показываю иногда нѣкоторымъ молодымъ друзьямъ: сюда прибавится теперь и ваше письмо.

«Я радъ слышать, что вы и Сперанскій въ хорошихъ отношеніяхъ между собой, чего не бываетъ обыкновенно (какъ я читалъ это въ какой-то книгѣ) между товарищами въ такихъ правленіяхъ какъ ваше, — не говоря о другихъ правленіяхъ.

«Я забылъ, кому изъ васъ я послалъ, вмѣстѣ съ своимъ хламомъ (*trash*), и свою покорнѣйшую просьбу прислать мнѣ экземпляръ того, что было у васъ официально опубликовано относительно состоянія законовъ, съ тѣхъ поръ какъ учреждено было вѣдомство для этой цѣли. Я полагаю, что два такихъ могущественныхъ человѣка, какъ вы и онъ, придумали бы между собой средство украсть для этой цѣли одинъ экземпляръ, не подвергая себя большой опасности быть высѣченнымъ. Или, что если великодушный будетъ на столько великодушенъ, что при-

имѣть мнѣ это? Я не возвратилъ бы ему этого, какъ возвратилъ перстень. Мнѣ неачѣтъ его перстней. Но мнѣ было бы для чего имѣть его законы. Что касается Розенкампа — онъ, какъ я слышу, is gone to the dogs. Я думаю, онъ не могъ найти лучшаго употребленія ¹⁾).

«Что касается до злоупотребленій, открытыхъ имъ — я разумѣю, Сперанскимъ, а не Розенкампомъ, — то конечно было бы весьма любопытно имѣть о нихъ какія-нибудь свѣдѣнія; хотя впрочемъ, если прискорбная польза составляетъ весь ихъ вредъ, я могъ бы прислать, взаимно, неоспоримо вѣрное указаніе въ двѣнадцать разъ болѣе прискорбной пользы, добытой въ то же количество времени здѣсь, хотя болѣе безопасными и непреодолимыми средствами. Но серьезно, я былъ бы въ совершенномъ отчаяніи, еслибы въ моемъ Конституціонномъ Кодексѣ не нашлось, въ томъ или другомъ мѣстѣ, мѣръ, примѣнимыхъ съ такой же выгодой въ вашей монархіи, какъ и въ моей Утопіи...

«Я посылаю вамъ, съ этимъ же случаемъ, небольшой республиканскій пасквиль (little Republican squib), *avant-courrier* моего Кодекса. Онъ можетъ послужить къ тому, чтобы развеселить глубокомысліе какого-нибудь изъ тѣхъ совѣтовъ, которые пользуются вашимъ предсѣдательствомъ. Я боюсь, что вашъ повелитель слишкомъ серьезенъ, чтобы смѣяться такимъ вещамъ. Онъ, быть можетъ, скорѣе склоненъ написать брату Георгю, чтобы тотъ остановилъ публикацію ²⁾).

Злоупотребленія, открытыя Сперанскимъ, о которыхъ говорить Бентамъ, относятся конечно къ отчету Сперанскаго по обзорѣнію Сибири. Этотъ отчетъ разсматривался по возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири особымъ комитетомъ, который вполне одобрилъ всѣ дѣйствія Сперанскаго, — вслѣдствіе чего извѣстный деспотъ Пестель былъ отставленъ отъ службы, грабитель Трескинъ и цѣлая шайка его подчиненныхъ грабителей были преданы суду и проч. ³⁾. Указъ объ этомъ предметѣ, излагавшій многое подлинными словами отчета Сперанскаго, былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе 26 января 1822 г., и объ немъ вѣроятно и идетъ рѣчь въ письмѣ Бентама.

Республиканскій «пасквиль» Бентама, упомянутый въ письмѣ, есть вѣроятно небольшое сочиненіе «Leading principles of a Constitutional Code for any state», напечатанное въ 1823 году ⁴⁾.

¹⁾ Эта фраза нѣсколько ужасна по своей нетерпимости; но она любопытна, какъ свидѣтельство, какую страстную энергію вносилъ уже 75-лѣтній Бентамъ въ интересы своего дѣла, даже относительно совѣтъ чужихъ ему странъ.

²⁾ Works X, 542—543.

³⁾ Корфъ, Жизнь Спер. II. 264 стр.

⁴⁾ Оно явилось первоначально въ Pamphleteer, № 24. 1823; Works, II. 269 стр.

Последнее письмо Бентама въ Россію, каковъ ми находитъ въ биографіи, адресовано къ тому же Мордвинову, въ 1830 году. Бентамъ рекомендовалъ Мордвинову генерала Сантандера, бывшаго президента южно-американской республики Венесуэла, — который долженъ былъ удалиться изъ Америки вслѣдствіе диктатуры извѣстнаго Боливара, путешествовалъ тогда по Европѣ и отправлялся въ Петербургъ. Сантандеръ былъ также партизаномъ Бентама, который подвергся изгнанію вмѣстѣ съ нимъ, — потому что Боливаръ, удаливъ Сантандера, въ то же время запретилъ въ своемъ государствѣ сочиненія Бентама.

«Любезный адмиралъ, — писалъ онъ къ Мордвинову, — я живу, хотя уже перешелъ за восемьдесятъ два года, все еще въ добромъ здоровьѣ и хорошемъ расположеніи духа, и кодифицирую какъ драгунъ. Я надѣюсь слышать тоже и объ васъ; но такъ какъ слышать это отъ васъ самихъ нѣтъ надежды, при множествѣ занятій, на которое вы жалуетесь, то я поручилъ моему другу, генералу Сантандеру, который (я надѣюсь) доставить вамъ это письмо, — постараться собрать удовлетворительныя доказательства факта — столько желательнаго для блага русской имперіи — и извѣстить меня объ этомъ».

Разсказавъ потомъ нѣсколько подробностей о самомъ Сантандерѣ, Бентамъ продолжаетъ въ томъ же шуточно-насмѣшливомъ тонѣ, который ми уже видѣли:

«Что касается цѣли Сантандера въ посѣщеніи вашей столицы, то, сколько я могу понимать, въ ней нѣтъ ничего политическаго. Нашей Темзы, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, онъ не поджигалъ, или (я положительно думаю) даже не пробовалъ этого: и я не полагаю, чтобы Нева могла отъ него опасаться чего-нибудь. Будучи хорошо обезпеченъ (тиранъ не осмѣлился конфисковать его собственности), онъ намѣренъ, я полагаю, ни больше ни меньше, какъ развлечься наблюденіемъ общества, представляющаго такой контрастъ съ тѣмъ, къ которому онъ всего больше привыкъ, — и путешествовать до тѣхъ поръ, пока придетъ извѣстіе, что тиранъ-узурпаторъ (т. е. Боливаръ) раздѣлилъ участь Итурбиде, псевдо-императорской памяти» ¹⁾.

Этимъ заканчиваются наши свѣдѣнія о русскихъ отношеніяхъ Бентама. Эти отношенія, какъ мы видѣли, не имѣли важныхъ, непосредственно-практическихъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе они не лишены своего любопытнаго историческаго значенія. Они бросаютъ свѣтъ на внутреннія, такъ сказать интимныя обстоятельства русскаго общественнаго развитія, какъ образчикъ тѣхъ

¹⁾ Works, XI, 33.

путей, какими проходила, въ отдѣльныхъ лучшихъ людяхъ, мысль объ общественныхъ улучшеніяхъ и реформахъ. Самое происхождение и судьба связей Бентама въ Россіи и его стремленіе служить Россіи своими кодификаціонными трудами отражали собой ходъ самого русскаго общества во времена императора Александра: изъ приведенныхъ данныхъ можно видѣть, что мысль Бентама обратиться къ императору съ предложеніемъ своихъ трудовъ, была, если не прямо вызвана, то сильно поддержана тѣмъ пріемомъ, какой встрѣтили въ образованнѣйшихъ людяхъ русскаго общества его труды, и живой его представитель Дюмонъ; неудача его предложеній совпадаетъ съ священнымъ союзомъ, положившимъ основаніе реакціи европейской и русской. Этотъ поворотъ событій отразился и на мнѣніяхъ Бентама о русскихъ дѣлахъ: у него уже нѣтъ идеально-филантропическихъ порывовъ, какъ прежде, и въ письмахъ проглядываетъ шутивая насмѣшка, или желчное осужденіе. И то и другое не было конечно только дѣломъ личнаго раздраженія: и то и другое обращалось на то, что совершенно противорѣчило всѣмъ понятіямъ Бентама, цѣлому порядку воззрѣній, котораго онъ былъ представителемъ. Наконецъ, въ тѣхъ идеяхъ, какія излагалъ Бентамъ въ своихъ предложеніяхъ императору Александру, мы съ интересомъ встрѣтимъ тѣ самыя стремленія, какія въ недавнее время одушевляли наше собственное общество. Идеи о гласномъ управленіи и законодательствѣ, о правахъ общественнаго мнѣнія и самостоятельной дѣятельности общества указывались Бентамомъ, какъ неизбѣжная потребность: она почувствовалась опять въ наше время, въ болѣе сильной степени, хотя все еще не понимается обществомъ въ ея истинномъ обширномъ смыслѣ. Прочитать письма Бентама не бесполезно и въ наше время.

А. Пыпинъ.

П Ъ С Н Я

0

ГАРАЛЬДЪ и ЯРОСЛАВНЪ.

1.

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Градъ Кіевъ покинулъ онъ славный,
Вдыхаетъ дорогою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

2.

Веселыхъ пировъ миновала пора!
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я!
Узнають-же вѣсь моего топора
Отъ края до края поморья!

3.

Въ печали оставилъ онъ Русь за собой,
Плыветъ онъ размыкивать горе
Туда, гдѣ аравы съ норманами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

www.libtool.com.cn

4.

Въ Сикиліи встрѣтилъ Гаральдъ ихъ напоръ,
Онъ рубить ихъ въ битвѣ неравной,
И громко взываетъ, подьема топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

5.

Онъ въ Африкѣ рубится въ страшномъ бою,
Пожога нигдѣ не находитъ,
Онъ на-морѣ бѣется, ладыя о ладью,
А мысль его въ Кіевѣ бродить.

6.

Летаетъ онъ по-морю сизымъ орломъ,
Онъ въ буряхъ и свѣчахъ пируетъ,
Трепчатъ корабли подъ его топоромъ,
А синее море бушуетъ.

7.

Веселая то, удалая пора!
Гаральдовой славѣ нѣтъ равной!
Поетъ онъ про берегъ цвѣтущій Днѣпра,
Поетъ про княжну Ярославну.

8.

На сѣверъ онъ бѣгъ повернулъ кораблей,
И Русь уже сердцемъ онъ чуетъ,
Поетъ съ удалю дружиной своей —
А синее море бушуетъ!

www.libtool.com.cn

9.

Онъ на-берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня,
Онъ ѣдетъ подъ сѣнью дубравной —
— Полюбишь-ли, дѣвица, нынѣ меня,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

10.

Онъ въ Кіевъ престольный вѣзжаешь, крестясь;
И гостя радушно встрѣчая,
Выходить изъ терема ласковый князь,
А съ нимъ и княжна молодая.

11.

— Здорово, Гаральдъ! Ты скажи: изъ какой
На Русь воротился ты дали?
Промѣшквалъ довольно въ землѣ ты чужой,
Давно мы тебя не видали!

12.

— Я, княже, уѣхалъ, любви не стаявъ,
Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный;
Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
Вернулся я въ славѣ побѣдной!

13.

Я городъ Палермо въ разоръ разорилъ,
Я грабилъ поморя Царьграда,
Ладьи жемчугомъ по-края нагрузилъ,
А тканей и мѣрить не надо!

www.libtool.com.cn

14.

— Я ужасомъ сталъ отдаленныхъ морей,
Нигдѣ моей славѣ нѣтъ равной!
Согласна-ли сдѣлаться нынѣ моей,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

15.

Въ Норвегiи праздниекъ веселый идетъ:
Весѣю, средь плеска народа,
Въ ту пору какъ алый шиповникъ цвѣтетъ,
Вернулся Гаральдъ изъ похода.

16.

Цвѣтами его корабли обвиты,
Отъ сѣчь отдыхаютъ варяги,
Червленые берегъ покрыли щиты
И съ черными вранами стяги.

17.

Въ ладьяхъ отовсюду въ шатрамъ парчевымъ
Приплыли норвежскiе свальды,
И славятъ на арфахъ, одинъ за другимъ,
Возвратъ удалого Гаральда.

18.

А самъ онъ у моря, съ веселымъ лицомъ,
Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королямъ,
Сидитъ на возвышенномъ тронѣ,

www.libtool.com.cn19.

Отборныхъ, и гридней, и отроковъ рой
Властителю служить уставно:
Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ влатой,
Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

20.

И въ ней обращаюсь, Гаральдъ говорить,
Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
— Все, что предъ тобою цвѣтеть и блестить,
И берегъ и синее море,

21.

Цвѣтами обвитые тѣ корабли,
И грозныя замковъ вершины,
Всѣ людныя веси норвежской земли,
Все то, чѣмъ владѣю я нынѣ,

22.

Вся слава, добытая въ долгой борьбѣ,
И самый вѣнецъ мой державный,
И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
Все то я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
Звѣзда ты моя, Ярославна!

Гр. А. К. Толстой.

РУССКІЕ ЗАКОНЫ

О

ПЕЧАТИ

Законъ 6 апрѣля 1865 г., измѣнившій положеніе нашей печати, имѣлъ съ самаго начала значеніе временной, переходной мѣры. «Желая дать отечественной печати возможные облегченія и удобства, — таковы первыя слова высочайшаго указа, при которомъ обнародованъ этотъ законъ — мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, *при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта*, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія». Со времени введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля прошло уже болѣе трехъ лѣтъ; переходное положеніе судебной части уступило мѣсто новому судебному устройству, одинаково прочному своею внутреннею силой и всеобщимъ уваженіемъ, которымъ оно пользуется; указаній опыта исторія печати за послѣдніе годы представляетъ весьма достаточно, и попытка сдѣлать изъ нихъ общій выводъ не можетъ казаться преждевременною. Условія, при которыхъ былъ изданъ законъ 6 апрѣля, измѣнились, и измѣнились весьма существенно; отсюда неизбежно возникаетъ вопросъ объ измѣненіи самаго закона.

До введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, наша литература была подчинена, вполне и безусловно, предварительной цензурѣ, усложненной во многихъ случаяхъ спеціальною цензурою отдѣльных вѣдомствъ. Неудобства и затрудненія, сопряженные съ этимъ порядкомъ вещей, слишкомъ извѣстны и очевидны; они

становились все тяжелѣе и тяжелѣе, по мѣрѣ того, какъ развивалась литература, какъ расширялись ея предѣлы и увеличивалось значеніе ея для общества. Необходимость реформы была сознава законодательною властью и выражена въ приведенныхъ нами словахъ высочайшаго указа 6 апрѣля. Но переходъ отъ одной системы къ другой, прямо противоположной, повзаялся, по всей вѣроятности, слишкомъ крутымъ, слишкомъ рѣзкимъ. Проступки печати не были подведены подъ дѣйствіе общаго закона, не были предоставлены исключительному вѣдѣнію судебной власти. Вся періодическая печать была подчинена администраціи, отъ которой зависить не только разрѣшать или не разрѣшать, по своему усмотрѣнію, изданіе новыхъ журналовъ, не только освобождать или не освобождать ихъ отъ предварительной цензуры ¹⁾, но и давать имъ—если они издаются безъ цензуры,—предостереженія, влекуція за собою временное или совершенное прекращеніе изданія. Такимъ образомъ, для однихъ періодическихъ изданій предварительная цензура не была уничтожена вовсе, для другихъ—замѣнена карательною властью администраціи, столь же безотчетною, какъ и цензура. Изъ числа другихъ изданій, отъ цензуры были освобождены только сочиненія извѣстнаго объема (оригинальныя сочиненія—при объемѣ въ десять, переводныя сочиненія—при объемѣ въ двадцать печатныхъ листовъ). Духовная цензура была удержана на прежнемъ основаніи; театральная цензура также оставлена въ силѣ. Дѣйствіе закона 6 апрѣля было ограничено С.-Петербургомъ и Москвою ²⁾. Постановленія о наказаніяхъ за проступки печати, какъ первый опытъ законодательства по этой части, были набросаны въ общихъ чертахъ и не исчерпали собою всю область правонарушеній, совершаемыхъ путемъ печати. Съ другой стороны, они ввели въ наше уголовное право нѣсколько понятій, до тѣхъ поръ ему совершенно чуждыхъ и не провѣренныхъ на практикѣ. Наконецъ, постановленія о судопроизводствѣ по дѣламъ печати, заключающіяся въ законѣ 6 апрѣля, потеряли свою силу со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. ³⁾. — Остановимся прежде всего на самой характеристической чертѣ закона 6 апрѣля—на системѣ административныхъ взысканій, по дѣламъ печати.

¹⁾ За исключеніемъ изданій, выходившихъ въ свѣтъ въ моментъ обнародованія закона 6 апрѣля: освобожденіе ихъ отъ цензуры зависѣло вполне отъ усмотрѣнія издателей.

²⁾ За исключеніемъ изданій правительственныхъ и т. п.

³⁾ Постановленія о типографіяхъ и о книжной торговлѣ не входятъ въ кругъ изслѣдованія, нами предпринятаго.

I.

www.libtool.com.cn

Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати, созданная во Франціи послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г., заимствованная оттуда, на короткое время, нѣсколькими европейскими государствами, (Пруссіей, Австріей, Турціей), но въ настоящее время, если мы не ошибаемся, существующая только въ одной Россіи, — представляется явнымъ отступленіемъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ, въ большей или меньшей степени, основанъ государственный бытъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что карательная власть должна принадлежать суду, а не администраціи; что никакое наказаніе не должно быть налагаемо безъ выслушанія оправданій обвиняемаго; что наказаніе должно падать *только* на виновнаго, должно имѣть по возможности личный характеръ; что извѣстное дѣйствіе наказуемо лишь тогда, когда оно запрещено уголовнымъ закономъ; что никто не можетъ быть въ одно и тоже время обвинителемъ и судьей, еще менѣе — судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Система административныхъ взысканій идетъ на-перекоръ всѣмъ этимъ началамъ. Она облачаетъ администрацію правомъ налагать наказанія безъ суда, собственной властью; вѣдь нельзя же отрицать, что временное или совершенное прекращеніе изданія есть наказаніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Административнымъ взысканіямъ не предшествуетъ истребованіе объясненій отъ обвиняемыхъ; они не допускаютъ ни защиты прѣжде приговора, ни жалобы на приговоръ. Они падаютъ съ одинаковою силою на виновныхъ, т. е. на автора статьи и на редактора журнала (если предположить, что послѣдній — дѣйствительно лице отвѣтственное за все помещаемое въ журналѣ), — и на невинныхъ, т. е. на издателей и сотрудниковъ журнала. Они не ограничиваются извѣстной, заранее определенной сферой правонарушеній; граница, за которою возникаетъ возможность отвѣтственности, измѣняется чуть ли не съ каждымъ днемъ, и никогда не бываетъ общою для всѣхъ періодическихъ изданій. Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда печать обсуждаетъ дѣйствія администраціи, послѣдняя является судьей оскорбленій, ей самой нанесенныхъ. Вотъ почему система административныхъ взысканій никогда и нигдѣ не была выставляема послѣднимъ словомъ законодательства по дѣламъ печати, нормальнымъ, прочнымъ регуляторомъ отношеній между правительствомъ и литературой. Самые ревностные защитники этой системы стремятся только къ тому, чтобы доказать ея не-

обходимость *из данную минуту*, впродъ до наступленія условій, болѣе благоприятныхъ. Они ссылаются, въ большей части случаевъ, на возбужденное состояніе общества, несовмѣстное съ спокойнымъ обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ; на существованіе партій, систематически враждебныхъ правительству; на недостаточность судебного преслѣдованія, безсильнаго противъ самыхъ вредныхъ ученій, если они проводятся незамѣтно, постепенно, въ осторожной формѣ, безъ прямого и явнаго столкновенія съ закономъ. У насъ въ Россіи къ этимъ обычнымъ аргументамъ можно было присоединить еще два: полное подчиненіе цензурѣ, въ которомъ находилась наша печать до 1865 г., и крайне неудовлетворительное положеніе нашихъ судовъ, которые, въ моментъ изданія закона 6 апрѣля, еще не были преобразованы на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ.

Объ исторіи нашей періодической прессы за послѣдніе три, четыре года можно судить весьма различно; но нѣто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы ей недоставало спокойствія и сдержанности. Затишье, господствующее въ обществѣ, отразилось и въ печати. Замолкли послѣдніе отголоски горячей борьбы, происходившей въ литературѣ лѣтъ десять тому назадъ; страстность уступила мѣсто значительной долѣ индифферентизма. Общество относится къ журналистикѣ съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, не ожидаетъ отъ нея болѣе непогрѣшимаго рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, не увлекается, какъ прежде, тѣмъ или другимъ представителемъ ея. Прошло то время, когда журнальная полемика была единственнымъ предметомъ, возбуждавшимъ живое вниманіе въ обществѣ; рядомъ съ нею или выше ея существуютъ теперь другіе серьезные интересы. Измѣнилось, однимъ словомъ, и положеніе общества, и положеніе литературы, — измѣнилось такъ глубоко, что нѣтъ ни малѣйшей причины опасаться раздражающаго вліянія послѣдней на первое. У насъ нѣтъ *старыхъ партій*, противъ которыхъ была преимущественно направлена система административныхъ взысканій во Франціи; у насъ нѣтъ той розни между правительствомъ и народомъ, которая вызвала въ Пруссіи королевскій указъ 1 іюня 1863 г.¹⁾; въ прошедшемъ нашего правительства нѣтъ того ряда неудачъ, внутреннихъ и вѣншихъ, подъ бременемъ которыхъ находилось австрійское правительство, когда прибѣгло, на короткое время, къ системѣ предостереженій. *Систематическая вражда* къ правительству, противъ которой Наполеонъ III считаетъ нужнымъ имѣть наготовѣ цѣлый арсеналъ самыхъ разнообразныхъ орудій —

¹⁾ Этотъ указъ, изданный собственно съ цѣлью обуздать оппозицію на время выборовъ, дѣйствовалъ не болѣе полугода.

явленіе совершенно чуждое нашей литературѣ. Околчались противъ нея, какъ противъ непріятеля, значить—объявлять осадное положеніе посреди глубокаго мира.

Въ концѣ пятидесятыхъ, даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ у насъ не было консервативныхъ журналовъ; всѣ періодическія изданія принадлежали къ оппозиціи, если разумѣть подъ этимъ словомъ желаніе реформъ, критическое отношеніе къ существующему порядку вещей. Различіе между журналами заключалось только въ большей или меньшей смѣлости, большей или меньшей радикальности преобразовательныхъ стремленій. Теперь у насъ есть журналы консервативные, даже ультра-консервативные и ретроградные. Въмѣсто пассивной поддержки цензоровъ, правительство располагаетъ теперь активной поддержкой журналистики—поддержкой иногда почти единодушной, иногда идущей только отъ нѣкоторыхъ органовъ печати, но никогда не измѣняющей ему совершенно. Отсюда возможность бороться съ оппозиціей ея же оружіемъ—возможность, очевидно позволяющая ограничить примѣненіе мѣръ репрессивныхъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящую минуту консервативныя газеты, по вліянію своему на большинство читателей, сильнѣе газетъ противоположнаго оттѣнка. Еслибы «Constitutionnel», «Reus», «Patrie» и другіе французскіе правительственные журналы, вмѣстѣ взятые, обладали вліяніемъ равносильнымъ вліянію «Московскихъ Вѣдомостей», то Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, согласился бы гораздо раньше на отмѣну декрета 17 февраля 1852 г. Еслибы гг. Герлахъ и Вагенеръ, редакторы прусской «Крестовой газеты», пользовались въ Пруссіи такою же популярностью, какою пользуются у насъ гг. Катковъ и Леонтьевъ, то г. Бисмарку не зачѣмъ было бы прибѣгать къ указу 1 іюня 1863 г. Всѣ французскія полу-официальныя газеты, вмѣстѣ взятая, не имѣютъ такого числа подписчиковъ, какимъ гордится «Siècle» или «Liberté». Въ Берлинѣ болѣе образованный классъ читателей подписывается на «National-Zeitung», органъ національно-либеральной партіи, на «Zukunft», органъ крайнихъ прогрессистовъ; классъ менѣе образованный—на демократическую «Volkszeitung»; «Крестовую Газету» читаютъ только не многіе высшіе чиновники, и такъ-называемые «юнкера» Помераніи и Бранденбурга. Нужно ли напоминать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ расходилась «Lanterne» въ Парижѣ, расходится «Kladderadatsch» въ Берлинѣ? Искать у насъ чего-нибудь подобнаго было бы совершенно напрасно. У насъ нѣтъ оппозиціонныхъ журналовъ, которые бы дѣйствовали на массу, которые проникали бы во всѣ слои общества, во всѣ углы го-

сударства. Самый характер нашей оппозиціи другой, чѣмъ въ Западной Европѣ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, она не идетъ дальше разномыслія по отдѣльнымъ вопросамъ законодательства и управленія, не угрожаетъ кореннымъ основамъ государственнаго и общественнаго устройства. Наша журналистика приняла, съ нѣкоторыхъ поръ, направленіе преимущественно дѣловое; отъ общихъ вопросовъ она перешла къ частнымъ, обсужденіе которыхъ, по самому ихъ свойству, не выходитъ изъ предѣловъ сравнительно тѣсныхъ. На этой почвѣ мало простора для увлеченій, обузданіе которыхъ служить главнымъ аргументомъ въ пользу системы административныхъ взысканій.

Одновременно съ консервативными и ультра-консервативными журналами въ нашей литературѣ появляется другой родъ изданій, прежде почти небывалый: появляются газеты, посвященныя преимущественно скандаламъ, сплетнямъ, дразгамъ всякаго рода, лишеныя не только серьезнаго направленія, но даже серьезнаго содержанія, рассчитывающія на тотъ видъ любопытства, который возбуждается въ праздныхъ прохожихъ какимъ-нибудь *назусомъ*, случившимся на улицѣ. Достаточно-ли будетъ одной карательной власти суда, чтобы удержать эти газеты въ границахъ приличія, чтобы оградить отъ ихъ нападеній доброе имя частныхъ лицъ? Можно-ли будетъ достигнуть этой цѣли безъ чрезвычайныхъ мѣръ взысканія, которыми располагаетъ администрація? Кто знакомъ хотя сколько-нибудь съ исторіей нашей журналистики, тотъ не колеблясь дастъ на эти вопросы отвѣтъ утвердительный. Онъ скажетъ, что литература скандаловъ, родившаяся подъ крыломъ предварительной цензуры, окрѣпла и процвѣла при дѣйствіи системы административныхъ взысканій; что первыя попытки пересадить ее на нашу почву, сдѣланныя въ концѣ пятидесятихъ годовъ («Весельчакъ», «Заноза» и т. п.), не удались только потому, что нравственный уровень журналистики стоялъ въ то время еще слишкомъ высоко; что въ продолженіе трехъ лѣтъ только *одна* газета изъ той категоріи, о которой идетъ рѣчь, получила два предостереженія; что всѣ рѣшительныя мѣры въ защиту частныхъ и даже должностныхъ лицъ отъ оскорбленій извѣстнаго рода были приняты именно судебною властью. Достаточно напомнить, что номеръ «Петербургской Газеты», въ которомъ была помѣщена неслыханная, по своей наглости, статья г. Звенигородскаго о судебныхъ слѣдователяхъ, лицахъ прокурорскаго надзора и членахъ окружнаго суда, свободно обращался въ публикѣ въ то самое время, когда наложенъ былъ арестъ на философскія сочиненія Герберта Спенсера и Дж. Ст. Милля.

Отстаивая необходимость системы административныхъ взысканій, защитники ея ссылаются чаще всего на невозможность замѣнить ее одною ответственностью передъ судомъ; они предполагаютъ, что судъ можетъ карать только отдѣльные, опредѣленные проступки, а не цѣлое направленіе журнала, въ особенности если оно замаскировано съ достаточнымъ искусствомъ. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Если бы судъ былъ стѣсненъ формальною теоріею доказательствъ, тогда, пожалуй, можно было бы утверждать, что подъ эту теорію не подойдетъ неуволимое понятіе о вредномъ направленіи журнала. Если бы при судѣ не было правильно-организованной обвинительной власти, тогда можно было бы утверждать, что кому-будетъ взять на себя наблюденіе за журналистикой, сопоставленіе статей, необходимое для опредѣленія общаго ихъ смысла. Если бы, наконецъ, судъ по дѣламъ печати принадлежалъ у насъ присяжнымъ, а не короннымъ судьямъ, тогда можно было бы утверждать, хотя и съ большою натяжкой, что присяжные, взятые изъ разныхъ слоевъ общества, незнакомые съ журналомъ, о которомъ имъ предстоитъ произнести приговоръ, выслушавшіе только одинъ разъ, во время засѣданія, содержаніе преслѣдуемыхъ статей, не будутъ въ состояніи усвоить себѣ предметъ обвиненія, раскрыть связь между статьями, напасть на слѣдъ мысли, въ нихъ проводимой. Но таково ли, въ настоящее время, положеніе судебной части у насъ въ Россіи? Сомнѣнія въ способности и добросовѣстности судей, существовавшія въ моментъ обнародованія закона 6 апрѣля 1865 г., давно устранены судебной реформой и ея блестящимъ успѣхомъ. Производство суда по дѣламъ печати предоставлено, по закону 12 декабря 1866 года, высшимъ судебнымъ установленіямъ: судебной палатѣ и уголовному кассационному департаменту сената, въ огромномъ большинствѣ случаевъ — безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Эти дѣла, какъ и всѣ другія, рѣшаются судьями по внутреннему убѣжденію и совѣсти, а не по формальной системѣ доказательствъ. Обвинительная власть, іерархически организованная, обязана начинать преслѣдованіе журнала или газеты, когда этого требуетъ Цензурный комитетъ или Главное управленіе по дѣламъ печати. Если прокуроръ встрѣтитъ при этомъ какія-нибудь затрудненія или сомнѣнія, то долженъ представить о нихъ министру юстиціи и затѣмъ дѣйствовать сообразно съ его разрѣшеніемъ. При такомъ порядкѣ вещей, судебное преслѣдованіе журнала за вредное направленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ статей, не представляетъ рѣшительно ничего невозможнаго или неудобнаго. Постановка обвиненія будетъ зависѣть отъ тѣхъ специальныхъ учреж-

дений, которыя приобрѣли уже достаточную опытность въ раскрытіи и преслѣдованіи вредныхъ направленій. Поддержка обвиненія передъ судомъ не будетъ заключать въ себѣ ничего несо- вѣстнаго съ обыкновенными приѣмами обвинительной власти; кто привыкъ выводить виновность обвиняемаго изъ совокупности уликъ, тотъ сумѣетъ доказать вредное направленіе журнала посредствомъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ него. Тоже умѣнье, по тѣмъ же самымъ причинамъ, слѣдуетъ предполагать и въ членахъ суда. Средства, съ помощью которыхъ опредѣляется направление журнала, одинаково доступны для цензоровъ, для прокуроровъ и для судей. Можно пользоваться этими средствами съ большимъ или меньшимъ усердіемъ, съ большимъ или меньшимъ разборомъ, — и мы, конечно, не утверждаемъ, что способъ пользования ими будетъ одинъ и тотъ же въ вѣдомствахъ цензурномъ и судебномъ; мы думаемъ только, что для общей оцѣнки дѣятельности журнала судебная палата компетентна отнюдь не меньше любого цензурнаго комитета. Мы можемъ доказать нашу мысль примѣромъ, какъ нельзя болѣе убѣдительнымъ. Въ рѣшеніи С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу о книгѣ г. Суворина: «Всякіе.—Очерки современной жизни», состоявшемся въ декабрѣ 1866 г., сказано между прочимъ: «Очень часто преступный характеръ сочиненія совершенно теряется, когда выпускается изъ вида цѣлое его содержаніе и обращается вниманіе на отдѣльные отрывки и мѣста книги, подобно тому, какъ и самая соблазнительная картина, нарисованная живописью, будучи разсматриваема по небольшимъ, отрѣзаннымъ отъ нея клочкамъ, можетъ не представлять ничего особенно предосудительнаго». Руководствуясь этою мыслию, судебная палата не ограничилась обсужденіемъ отдѣльныхъ мѣстъ книги г. Суворина, на которыхъ было основано обвиненіе, а разсмотрѣла книгу во всей ея цѣлости, и именно въ общемъ впечатлѣніи, ею производимомъ, нашла одобреніе дѣйствій, запрещенныхъ закономъ, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1035 Улож. о Наказ. Можно ли опасаться, послѣ того, что судебная власть не сумѣетъ или не захочетъ карать вредное направленіе журналовъ?

Противъ судебного преслѣдованія проступковъ печати приводится иногда еще одинъ аргументъ — медленность этого преслѣдованія, сравнительно съ административными взысканіями, которыя могутъ быть рѣшены и объявлены хотъ на другой день послѣ совершенія проступка. Но развѣ подобная быстрота безусловно необходима? Развѣ она не имѣетъ своихъ дурныхъ сторонъ, открывая слишкомъ большой просторъ первому впечатлѣнію, устраняя возможность всесторонняго, спокойнаго обсужде-

нія дѣла? Въ случаяхъ, особенно важныхъ, административная власть имѣетъ право наложить арестъ на преслѣдуемый номеръ газеты или журнала, и такимъ образомъ предупредить обращеніе его въ публикѣ до судебнаго приговора. Наконецъ, самое судебное производство по дѣламъ печати можетъ окончиваться въ весьма короткое время, такъ какъ по этимъ дѣламъ, въ болѣе части случаевъ, нѣтъ надобности ни въ предварительномъ слѣдствіи, ни въ процедурѣ преданія суду. Медленность, которою отличалось и отличается до сихъ поръ производство дѣлъ печати въ петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ, зависитъ отъ причинъ чисто случайныхъ, легко устранимыхъ; при томъ, какъ мы увидимъ ниже, отъ нея страдали только интересы частныхъ лицъ, а отнюдь не интересы администраціи.

Говоря, въ прошедшемъ году, о системѣ административныхъ взысканій во Франціи ¹⁾, мы имѣли уже случай замѣтить, что произвольная власть администраціи надъ печатью не укладывается въ строго-опредѣленные формы, чуждается всякихъ постоянныхъ правилъ и не считаетъ себя обязанною уважать границы, ею же установленныя. Французское правительство нѣсколько разъ объявляло, что предостереженіямъ должны подлежать исключительно статьи, направленные противъ династіи и всего существующаго порядка вещей — и никогда не оставалось вѣрнымъ этому объявленію. Тотъ же министръ, который пытался положить предѣлъ административному произволу, отрывалъ ему вновь широкую дорогу, какъ только появлялась статья, непріятная для администраціи. Предостереженіямъ подвергались даже такія газеты, какъ оффиціозная «France», даже такія статьи, какъ спокойный, чисто дѣловой обзоръ положенія французскихъ финансовъ. Исторія нашей печати съ 1865 года представляется, въ этомъ отношеніи, точнымъ снимкомъ съ исторіи французской печати 1852—1867 года. Въ хорошихъ намѣреніяхъ и у насъ не было недостатка, но послѣдовательности въ исполненіи ихъ не было, да и не могло быть, потому что она противна самому свойству административнаго полновластія въ дѣлахъ печати. Въ журналахъ комиссіи, приготовлявшей проектъ устава о книгопечатаніи, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующую фразу: «административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и почти *единственный* случай примѣненія, когда въ юридическомъ изданіи является такъ-называемое *редное направленіе*». При всей неопредѣленности этого выраженія, оно доказываетъ съ достаточною ясностью по крайней мѣрѣ одно, — что

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1868 г. № 4: «Новый законъ о печати во Франціи».

лица, вводившія у насъ систему административныхъ взысканій, считали несправедливымъ примѣненіе ея къ отдѣльнымъ проступкамъ печати, если они не состоятъ въ связи съ вреднымъ направленіемъ журнала. И что же? Первое предостереженіе, данное на основаніи закона 6-го апрѣля, постигло «С.-Петербургскія Вѣдомости» (въ сентябрѣ 1865 г.) не за цѣлый рядъ статей, опасныхъ для общества или для государства, а за отдѣльную статью по частному вопросу о продажѣ или залогѣ государственныхъ имуществъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много; но пойдемъ далѣе и посмотримъ, что разумѣлось у насъ подъ именемъ *вреднаго направленія* журнала. Понятіе о вредѣ — понятіе крайне относительное и эластичное; то, что сегодня кажется вреднымъ, завтра можетъ быть признано полезнымъ, и наоборотъ. Въ правильной общественной жизни, управляемой не произволомъ, а законами, не можетъ, поѣтому, быть и рѣчи о вредномъ направленіи журнала, а можетъ быть рѣчь только объ извѣстныхъ, опредѣленныхъ проступкахъ печати. Тамъ гдѣ еще не установилось такое простое, естественное отношеніе къ печати, понятіе о вредномъ направленіи журнала должно быть, по крайней мѣрѣ, заключено въ границы по возможности тѣсныя. Оно не должно быть распространяемо далѣе тенденцій, прямо угрожающихъ опасностью существующему порядку вещей. У насъ, напротивъ того, слишкомъ замѣтно желаніе расширить это понятіе до самыхъ крайнихъ его предѣловъ. Вреднымъ направленіемъ признается у насъ и стремленіе порицать дѣйствія правительства, хотя бы оно выходило изъ самыхъ лучшихъ побужденій (предостереженія, данныя газетѣ «Москва» 26-го марта 1867 и 28-го апрѣля 1868 г.), и «сопоставленіе земскихъ учрежденій съ правительственными властями, обвиняемыми въ произволѣ или неисполненіи закона» (предостереженіе, данное «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» 2-го марта 1867 г.), и «стремленіе изображать въ неблагоприятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ Россіи» (предостереженіе, данное «St.-Petersburger Zeitung» 29-го сентября 1868 г.), — признается или можетъ быть признано, однимъ словомъ, всякое направленіе, несогласное, въ данную минуту, съ тѣмъ или другимъ взглядомъ административной власти. Отсюда происходятъ явленія, надъ которыми призадумается будущій историкъ нашей печати. Ему трудно будетъ повѣрить, что при существованіи порядка, направленного лишь къ обузданію журналовъ вредныхъ или опасныхъ, могла быть запрещена на время такая газета, какъ «Московскія Вѣдомости», могла быть приостановлена три раза (въ продолженіе двухъ лѣтъ) такая газета, какъ «Москва». Въ дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей» никто,

вопечню, не найдеть и тѣни вражды къ правительству, къ основамъ нашего государственнаго и общественнаго устройства. Вредить правительству «Московскія Вѣдомости» могли развѣ излишнимъ усердіемъ своимъ, слишкомъ ревностнымъ стремленіемъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовало правительство; но не отъ администраціи же должна исходить кара за увлеченія этого рода. Еще менѣе сомнѣній, повидимому, могло возбуждать направленіе «Москвы». Ея девизомъ могли бы служить знаменитыя три слова, которыми опредѣлялось, лѣтъ двадцать тому назадъ, прошедшее, настоящее и будущее русскаго народа. Искренность ея чувствъ и убѣжденій признается даже самыми непримиримыми ея противниками. Внѣшняя форма ея статей можетъ показаться рѣзкою только по сравненію съ вынужденною сдержанностью подцензурной печати. Между тѣмъ, изъ всѣхъ органовъ нашей печати — кромѣ двухъ журналовъ, запрещенныхъ исключительнымъ путемъ и при исключительныхъ обстоятельствахъ, весною 1866 года, — ни одинъ не подвергался дѣйствию административныхъ взысканій въ такой мѣрѣ, какъ именно «Москва». Запрещенная 26-го марта 1867 г. (менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ ея основанія) на три мѣсяца, 29-го ноября этого же года — на четыре мѣсяца, она приостановлена 21-го октября 1868 г. на шесть мѣсяцевъ, и едва-ли поднимется послѣ этого послѣдняго удара. Предостереженія, данныя «Москвѣ», составляютъ такую поучительную страницу въ исторіи нашей печати, что мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ нѣсколько дольше.

Поводы къ предостереженіямъ, постигшимъ «Москву» были довольно разнообразны. Мы встрѣчаемъ между ними и «неточное и одностороннее толкованіе полицейскихъ распоряженій», и «рѣзкое порицаніе правительственныхъ мѣропріятій по важному предмету государственнаго правосудія (смертной казни)», и «сопоставленіе нѣкоторыхъ тарифныхъ статей о привозимыхъ припасахъ, очевидно неимѣющихъ никакого отношенія къ продовольственнымъ нуждамъ рабочаго населенія, съ преувеличеннымъ изображеніемъ этихъ нуждъ, по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая». Но главныхъ причинъ строгости мы находимъ три: неуваженіе къ закону о печати и основаннымъ на немъ распоряженіямъ, — возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой, — и рѣзкія или неправильныя сужденія о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и правительствомъ и между различными церквами. Но если «Москва» дѣйствительно отзывалась съ неуваженіемъ о законѣ или законныхъ распоряженіяхъ администраціи, то что же мѣшало начать противъ нея судебное преслѣдованіе по ст. 1035 Уложенія о

наказаніяхъ? Это имѣло бы по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что учрежденіе, завѣдующее примѣненіемъ закона о печати, не явилось бы судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, что оно отклонило бы отъ себя тяжелую обязанность самозащиты. Возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой также составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ (Улож. о Наказ. ст. 1036); и здѣсь, поэтому, трудно понять предпочтеніе, данное административному взысканію передъ судебнымъ. Что касается до самой сущности этого обвиненія, то оно основано, безъ сомнѣнія, на статьяхъ «Москвы», о такъ-называемомъ остзейскомъ вопросѣ. Допустимъ, что въ нихъ есть преувеличенія, односторонніе взгляды, даже фактическія ошибки; но гдѣ же опасность, которою онѣ угрожаютъ спокойствію государства, гдѣ же вредъ, который онѣ могутъ принести его интересамъ? Развѣ желаніе ускорить достиженіе цѣли, въ которой идетъ сама правительственная власть, заключаетъ въ себѣ что-нибудь предосудительное, преступное? Нетерпѣніе, въ подобныхъ случаяхъ, можетъ быть признано неблагоразумнымъ, непрактичнымъ; но противъ стремленій, только неблагоразумныхъ и непрактичныхъ, незачѣмъ прибѣгать къ мѣрамъ административныхъ взысканій. Конечно, когда въ одной изъ областей государства разноплеменные населенія, почти одинаковыя по численной силѣ, проникнуты вѣковой враждою, не разъ уже обращавшеюся въ открытую междоусобную распрю, тогда правительство обязано сдерживать законными средствами обѣ спорящія стороны, сдерживать ихъ даже въ словахъ, отъ которыхъ при такой обстановкѣ слишкомъ легко переходъ къ дѣлу; но таково-ли положеніе вещей въ остзейскихъ губерніяхъ? Русское населеніе ихъ — а къ нему только одному можетъ обращаться русская журналистика — слишкомъ незначительно, чтобы можно было опасаться столкновенія между нимъ и населеніемъ нѣмецкимъ. Данныхъ, матеріаловъ для такого столкновенія прошедшее не представляетъ; племенной ненависти между русскими и нѣмцами никогда не существовало.

По церковному вопросу, требованія «Москвы» касались преимущественно двухъ пунктовъ: болѣе независимости православной церкви отъ свѣтской власти и болѣе терпимости въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Исходя изъ другого источника, эти требованія, не смотря на всю ихъ умѣренность и справедливость, могли бы, пожалуй, показаться направленными противъ господствующаго положенія православной церкви; но въ данномъ случаѣ за отсутствіе такихъ намѣреній ручалось все прошедшее редактора «Москвы» и его литератур-

ной партіи. Изъ рядовъ этой партіи вышли Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Новиковъ (авторъ изслѣдованія о Гусѣ и Лютерѣ); въ ея средѣ православная церковь всегда находила не только пассивную преданность, но и активную поддержку. Для людей этой партіи большая независимость православной церкви отъ свѣтской власти означаетъ только устраненіе постороннихъ вліяній, мѣшающихъ иногда исполненію задачъ чисто религіозныхъ. Большая терпимость въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ представляется для нихъ только средствомъ возвысить достоинство православной церкви, не нуждающейся, по ихъ мнѣнію, въ искусственныхъ, вѣнскихъ подпорахъ. Итакъ, въ статьяхъ «Москвы» о церковномъ вопросѣ также не было ничего похожего на вредное направленіе, если даже и понимать эти слова въ самомъ официальномъ ихъ смыслѣ.

Въ чемъ же заключаются, наконецъ, тѣ тяжкіе проступки «Москвы», за которые она такъ много пострадала, которые сдѣлали невозможнымъ ея дальнѣйшее существованіе и обрекли на безмолвіе цѣлую литературную партію, лучшую представительницу русскаго консерватизма? Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что «Москва» повредилъ всего больше *тонъ* ея статей. Господство предварительной цензуры приучило нашу печать къ недоумолвкамъ и намекамъ, приучило ее выражать даже самыя смѣлыя мысли въ самой скромной формѣ, говорить шопотомъ даже тогда, когда это всего менѣе совмѣстно съ содержаніемъ рѣчи. Обычная осторожность печати нарушалась иногда при обсужденіи общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ — почти никогда при разборѣ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣръ. «Москва» пошла съ самаго начала другою дорогою; она заговорила громко, рѣшительно, называя вещи ихъ настоящими именами, не нарушая приличій, но и не останавливаясь на полусловѣ ¹⁾. Къ этому нужно прибавить, что она никогда не заботилась знать, какъ отнесется въ данную минуту къ тому или другому вопросу, то или другое изъ высшихъ должностныхъ лицъ; она старалась смотрѣть на все и на всѣхъ съ точки зрѣнія постоянныхъ правительственныхъ интересовъ, такъ или иначе ею понятыхъ, а не случайныхъ, временныхъ административныхъ тенденцій. Эти двѣ черты

¹⁾ Мы должны сдѣлать здѣсь необходимую оговорку. Если «Москва» высказывалась, по многимъ вопросамъ, громче и сильнѣе другихъ журналовъ, то это объясняется самымъ свойствомъ мнѣній, которыхъ она держится. Мы видимъ, къ чему привело «Москву» откровенное выраженіе даже этихъ мнѣній; судя по этому не трудно угадать, какаю участь постигла бы другіе журналы, еслибы они послѣдовали примѣру «Москвы». Итакъ, примѣръ «Москвы» не долженъ быть обращаемъ въ упрекъ противъ другихъ журналовъ.

встрѣчаются, хотя и въ измѣненномъ видѣ, и въ дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей». И «Московскія Вѣдомости» говорили иногда съ непривычною откровенностью о предметахъ, о лицахъ, еще недавно стоявшихъ внѣ сферы журнальной критики. Какъ и «Москвѣ», это не прошло имъ даромъ; но вслѣдствіе причинъ, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться, гроза разразилась надъ ними только однажды и миновала очень скоро. Какъ бы то ни было, судьба «Московскихъ Вѣдомостей» въ 1866, «Москвы» — въ 1867 и 68 г., служить живымъ доказательствомъ того, что нѣтъ такой благонамѣренности, нѣтъ такого патріотизма, которые бы гарантировали журналъ, сколько-нибудь независимый, противъ карательныхъ мѣръ административной власти. Повторяемъ, это отсутствіе гарантій зависитъ не отъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія по дѣламъ печати, а отъ самаго свойства системы административныхъ взысканій.

Въ концѣ 1867 г., въ «Сѣверной Почтѣ» появилась статья въ защиту закона 6 апрѣля. Доказывая справедливость и пользу административныхъ взысканій по дѣламъ печати, органъ министерства внутреннихъ дѣлъ утверждалъ, между прочимъ, что «ни одно изданіе не было приостановлено, на основаніи закона 6-го апрѣля, безъ собственной и очевидно настойчивой на то рѣшимости издателей. Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ или непринятіемъ его въ соображенію и руководству на будущее время. Въ первомъ случаѣ, предостереженіе не повторяется; въ послѣднемъ — оно не можетъ не повториться. Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность, не могутъ отзывать опытные въ дѣлѣ печати издатели. Этому незнанію можетъ вѣрить только читающая публика, менѣе опытная въ этомъ дѣлѣ. Издатели вѣрно цѣнятъ свои статьи и знаютъ, что и управленіе по дѣламъ печати ихъ оцѣнитъ вѣрно. Если въ этомъ отношеніи возникаютъ сомнѣнія, то источникъ ихъ болѣею частью заключается не въ вопросѣ: заслуживаетъ ли статья предостереженія или нѣтъ, а въ другомъ вопросѣ: насколько подлежащая власть, предварительно взвѣсивающая съ одной стороны поводы къ предостереженію, съ другой — неудобства, сопряженные съ принятіемъ этой мѣры и возбужденными ею толками, дастъ перевѣсъ, въ томъ или другомъ случаѣ, тому или другому ряду соображеній». Итакъ, если вѣрить «Сѣверной Почтѣ», всѣхъ невзгодъ, которымъ подвергались наши періодическія изданія со времени введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, были чѣмъ-то въ родѣ самоубійства, заранѣе обдуманнаго и приготовленнаго. «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ», «Мо-

своихъ Вѣдомости», «Москва» были приостановлены только потому, что сами того настойчиво хотѣли. Нашею печатью овладѣлъ внезапно духъ самоистребленія, подъ вліяніемъ котораго даже самые опытные издатели переставали думать о своихъ матеріальныхъ интересахъ. Нужно ли доказывать, что эта странная картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Нужно ли доказывать, что ни одинъ журналъ, существованіе котораго хотя сколько нибудь обезпечено, не идетъ добровольно на встрѣчу карательнымъ мѣрамъ, за которыя онъ можетъ такъ дорого заплатить? Безспорно, бываютъ случаи, когда редакторъ журнала, глубоко убѣжденный въ справедливости извѣстнаго мнѣнія, въ необходимости высказать его прямо и открыто, помѣщаетъ статью, за которою неизбѣжно должно слѣдовать предостереженіе; но это случаи рѣдкіе, исключительные, несовмѣстные съ тою осторожностію, въ которой издавна привыкли наши редакціи. *Возможность* предостереженія существуетъ, для каждаго независимаго журнала, въ каждую данную минуту; *вѣроятность* его не поддается никакимъ опредѣленіямъ и расчетамъ. Къ произволу, господствующему при раздачѣ предостереженій, нельзя примѣниться; изъ прежнихъ примѣровъ нельзя вывести никакого положительнаго правила, потому что между ними нѣтъ внутренней логической связи. Доказательство этому можно найти въ словахъ самой «Сѣверной Почты». Она признаетъ, что рѣшеніе административной власти обусловливается не только содержаніемъ статьи, но и неудобствами, съ которыми можетъ быть сопряжено предостереженіе, толками, которые оно можетъ вызвать. Положимъ, что соображенія послѣдняго рода одержали верхъ надъ первыми, и что административная власть рѣшилась оставить напечатаніе извѣстной статьи безъ послѣдствій, хотя и находила, что за нее слѣдовало бы дать предостереженіе. Мотивы этого рѣшенія остаются, конечно, тайной не только для другихъ редакцій, но и для той, которой угрожало административное взысканіе. Черезъ нѣсколько дней появляется новая статья въ томъ же направленіи и тонѣ, вызванная именно безнаказанностію первой статьи. На этотъ разъ административная власть не встрѣчаетъ, почему бы то ни было, никакихъ препятствій къ принятію строгой карательной мѣры, — и предостереженіе постигаетъ редакцію въ ту минуту, когда она всего меньше его ожидала. Противъ подобныхъ сюрпризовъ бессильна всякая опытность, всякая осторожность. Есть еще другая причина, по которой самое внимательное изученіе предостереженій, прежде данныхъ, оказывается бесполезнымъ для редакторовъ и издателей журналовъ: это — крайняя недостаточность и неопредѣленность мотивовъ, на

которыхъ основываются предостереженія. Положимъ, что газета получила предостереженіе за «*рѣзкое* порицаніе правительственнаго мѣропріятія» или за «*голословное* обвиненіе правительственныхъ властей въ произволъ или неисполненіи закона»; развѣ это предостереженіе поможетъ ей отличать, на будущее время, рѣзкую критику отъ мягкой, голословное обвиненіе отъ доказательнаго? Она не повторитъ, конечно, тѣхъ выраженій, тѣхъ нападокъ, которыя были непосредственнымъ поводомъ предостереженія, — если только въ немъ указанъ этотъ поводъ, т. е. приведены самыя слова, вызвавшія предостереженіе (что бываетъ далеко не всегда); но она останется по прежнему въ недоумѣніи на счетъ того, въ какой степени должно быть доказано обвиненіе, чтобы его не признали голословнымъ, ступежано порицаніе, чтобы его не признали рѣзкимъ. Полнота и ясность мотивовъ немислима тамъ, гдѣ нѣтъ ни защиты, ни апелляціи; незачѣмъ заботиться о подерѣвленіи того, чего опровергать никто не въ правѣ.

Въ статьѣ «Сѣверной Почты», о которой мы упомянули выше, выражена, между прочимъ, та мысль, что примѣненіе закона 6 апрѣля не нанесло ущерба нашей безцензурной печати, не приостановило ея постепеннаго развитія. Число изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, возросло въ теченіе двухъ лѣтъ съ 16 до 27. «Рядомъ съ бывшими случаями приостановленія изданій на извѣстные сроки — прибавляетъ officialная газета, — возникали ходатайства о разрѣшеніи новыхъ изданій. Въ этомъ простомъ фактѣ выражается убѣжденіе въ возможности періодической печати при законѣ 6-го апрѣля». *Возможность* существованія періодической печати при дѣйствіи системы административныхъ взысканій никто никогда и не отвергалъ; но всякій согласится съ тѣмъ, что одною возможностью существованія еще не исчерпываются законныя требованія печати и общества. Періодическая печать была возможна и при дѣйствіи предварительной цензуры; но мы не помнимъ, чтобы кто-нибудь ссыался на этотъ фактъ, какъ на доводъ противъ уничтоженія цензуры. Законъ о печати можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ только тогда, когда онъ обезпечиваетъ собою правильное, спокойное развитіе ея. Съ этой точки зрѣнія, увеличеніе числа періодическихъ изданій не служитъ еще, само по себѣ, доказательствомъ въ пользу закона 6-го апрѣля. Для общества важно не число журналовъ, а содержаніе и направленіе ихъ, возможно-полное и свободное обсужденіе ими всѣхъ вопросовъ, занимающихъ общество въ данную минуту. При дѣйствіи системы административныхъ взысканій, осуществленіе этой задачи затрудняется гораздо больше препятствіями завулканными,

всѣмѣтными для публики, чѣмъ являлись производственными администраціи. О силѣ гнета, тяготящаго надъ журналистикой, нельзя судить ни по числу предостереженій, ни по числу журналовъ, приостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ. Ни та, ни другая цифра не даетъ даже приблизительнаго понятія о числѣ статей, оставшихся ненапечатанными, мыслей, оставшихся невысказанными, о массѣ труда, потраченнаго понапрасну, о всемъ томъ, что могла бы сдѣлать журналистика на пользу общества, и чего она не сдѣлала изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ административной власти. Чтобы оцѣнить по достоинству эти невидимые, скрытые результаты системы административныхъ взысканій, стоитъ только припомнить, до чего она довела французскую журналистику въ періодъ времени между 1852 и 1867 годами.

Система административныхъ взысканій, какъ она ни тяжела для печати, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ предварительной цензурой. Несправедливо было бы утверждать, что положеніе нашей періодической литературы не измѣнилось къ лучшему, благодаря закону 6 апрѣля 1865 г. Было время, когда наша литература, несмотря на господство цензуры, пользовалась, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, болѣею свободою, чѣмъ въ 1865—68 г.; но это была, во-первыхъ, свобода въ высшей степени непрочная и эфемерная, во-вторыхъ — ограниченная сферой общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Уничтоженіе предварительной цензуры уменьшило зависимость печати отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ личнаго произвола, сдѣлало возможнымъ обсужденіе такихъ предметовъ, которые прежде были недоступны для литературы. Такъ, напримѣръ, русская исторія еще недавно останавливалась, для критики, на Екатеринѣ II или даже Петрѣ Великомъ; безпристрастное, научное изслѣдованіе позднѣйшихъ событій началось только послѣ изданія закона 6 апрѣля. Разборъ правительственныхъ распоряженій — и теперь задача нелегкая и небезопасная, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ печать не могла о немъ и думать. Опаса надъ печатью существуетъ, конечно, и теперь, но она потеряла свой мелочный, придирчивый характеръ; продолжая тяготѣть надъ мыслью, она не отражается, какъ прежде, на каждомъ отдѣльномъ словѣ. Авторъ статьи не рискуетъ болѣе увидѣть ее въ печати съ измѣненіями и дополненіями вовсе не литературнаго свойства. Шагъ впередъ сдѣланъ, однимъ словомъ, довольно большой; но порядокъ вещей, сносный сравнительно съ прошедшимъ, представляется тѣмъ же менѣе крайне ненормальнымъ. Окончательно оставить на немъ русскую печать, уничтожить слѣды ея долговременнаго рабства, возвысить ее на то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву

среди преобразованнаго русскаго общества, можетъ только подчиненіе ея исключительно общему закону и судебной власти. Мы знаемъ, что безусловно-исключительнымъ, по крайней мѣрѣ на первое время, это подчиненіе все-таки не будетъ, что случаи административныхъ взысканій будутъ встрѣчаться и послѣ уничтоженія, de jure, самой системы предостереженій. Но такое переходное положеніе дѣлъ не можетъ быть слишкомъ продолжительно; законъ всегда вступаетъ, мало-по-малу, во всѣ права свои, отступленія отъ него становятся все рѣже и рѣже; появляется убѣжденіе, что для охраны правительственныхъ интересовъ и общественнаго спокойствія нѣтъ надобности въ средствахъ экстра-легальныхъ. Вотъ почему мы думаемъ, что отмѣна системы административныхъ взысканій, оставляя въ рукахъ правительства болѣе чѣмъ достаточную власть надъ печатью, была бы для печати приобрѣтеніемъ въ высшей степени драгоцѣннымъ. Принять на себя всѣ тяжелыя послѣдствія отвѣтственности передъ судомъ наша печать согласилась бы, конечно, съ такою же радостью, съ какою она отказалась отъ безнаказанности, обусловленной подчиненіемъ цензурѣ.

О палліативныхъ мѣрахъ, которыми могла бы быть смягчена система административныхъ взысканій, мы не будемъ говорить подробно именно потому, что слишкомъ глубоко сознаемъ необходимость совершенной ея отмѣны; скажемъ только, что изъ числа этихъ мѣръ самую полезную и справедливою было бы *установленіе срока, по истеченіи котораго предостереженія теряли бы свою силу*. Въ настоящее время, два предостереженія, данныя журналу, могутъ повлечь за собою временное запрещеніе его, хотя бы между вторымъ и третьимъ предостереженіемъ прошло два, три, четыре года. Во Франціи, если мы не ошибаемся, для предостереженій дѣйствовала двухлѣтняя погашающая давность. Не менѣе полезно было бы установить для временнаго запрещенія журнала тотъ же порядокъ, какой существуетъ для совершеннаго прекращенія изданія, т. е. предоставить какъ то, такъ и другое первому департаменту правительствующаго сената.

Въ слѣдующей статьѣ мы рассмотримъ положеніе другихъ отдѣловъ нашей печати, уголовные законы о проступкахъ печати и судопроизводство по дѣламъ этого рода.

К. Арсеньевъ.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА XI *).

ВИНОГРАДЪ ЦВѢТЕТЬ И НАЛИВАЕТСЯ.

На виноградныхъ горахъ водворилось спокойствіе. Между зеленѣющими рядами лозъ, которые называютъ «стровами», не видно болѣе людей. Вѣтви, до сихъ поръ росшія по произволу, теперь тщательно подвязаны, чтобъ не опалъ съ нихъ цвѣтъ, едва замѣтный для глазъ, но распространяющій въ воздухѣ нѣжный ароматъ. Въ настоящій періодъ его произрастанія, винограду особенно нужны—днемъ яркое сіяніе солнца, ночью легкая прохлада. Цвѣту надлежитъ теперь превращаться въ плодъ, который своей полной зрѣлости, силы и сочности достигнетъ не прежде, какъ въ осенніе мѣсяцы. Но лишь только ягоды начнутъ наливаться—пустъ дуютъ вѣтры и гремятъ грома: виноградъ окрѣпъ и за будущность его болѣе нечего опасаться. Роландъ и Эрихъ рука объ руку бродили по окрестностямъ, не имѣя въ виду никакихъ посѣщеній или встрѣчъ. Въ городѣ царствовала такая же точно тишина, какъ и въ отдѣльно стоящихъ домахъ.

Белла, Клодвигъ и Пранкенъ уѣхали въ Гастейнъ, маіоръ

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225 стр.

въ Теплицъ, мировой судья съ женой и дочерью въ Киссингентъ. Одинъ докторъ оставался на своемъ посту, но и у того жена отправилась въ гости къ дочери и внукамъ. Еще о поѣздѣ на воды не было и рѣчи; Эриху и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ остаться съ глазу на глазъ съ Роландомъ, а онъ уже далъ себѣ слово избѣгать, въ первое время своего пребыванія на виллѣ, всякаго рода развлеченій. Онъ хотѣлъ исключительно и безпрепятственно посвятить себя Роланду и съ ранняго утра и до поздней ночи ни на минуту его не покидалъ.

Тому, кто живетъ въ тѣсной связи съ природой, удается до малѣйшаго оттѣнка изучить всѣ переливы свѣта и тѣней, какъ онѣ ложатся и играютъ на живописномъ ландшафтѣ. Такъ точно и человѣкъ, постоянно находящійся въ обществѣ другого человека привыкаетъ отличать малѣйшія движенія его души. Онъ видитъ, какъ въ немъ мгновенно вспыхиваетъ искра того или другого чувства, какъ она мало-по-малу разгорается, освѣщаетъ все его существо и набрасываетъ на него совершенно новый свѣтъ. Отъ вниманія Эриха не ускользнуло, что Роланда иногда тревожили воспоминанія объ удовольствіяхъ, которыхъ онъ лишился, отказавшись отъ поѣздки на воды. Но мальчикъ явно боролся съ собой и старался не выходить изъ круга своихъ обязанностей. Правда, это ему не всегда удавалось, и онъ по временамъ возмущался, но Эрихъ смотрѣлъ на подобнаго рода вспышки съ его стороны, какъ на послѣднія попытки взрослого на свободѣ коня освободиться отъ узды, которою онъ, немного спустя, самъ начнетъ щеголять.

Эрихъ внесъ въ занятія своего воспитанника три совершенно различные элемента. Онъ продолжалъ читать съ нимъ біографію Франклина, желая показать ему всего человека въ его постепенномъ развитіи. Они такимъ образомъ дошли до описанія общественной и политической дѣятельности Франклина, которая, конечно, не могла еще быть вполне понята и оцѣнена Роландомъ. Но Эрихъ желалъ, чтобъ мальчикъ теперь же о ней узналъ, въ убѣжденіи, что, даже на половину понятое молодымъ умомъ, непременно оставляетъ въ немъ слѣды. Бѣлый домикъ въ Вашингтонѣ занялъ въ воображеніи Роланда мѣсто на ряду съ афинскимъ Акрополемъ и римскимъ Капитоліемъ, и мальчикъ нерѣдко говорилъ о своемъ намѣреніи со временемъ съѣздить ему поклониться.

Но когда въ біографіи Франклина рѣчь зашла объ основаніи американской республики и о составленіи законовъ для управленія страной, Роландъ какъ будто началъ утомляться, и Эриху не малаго труда стоило поддержать въ немъ вниманіе. Для бо-

шими плантаціями, которыя воздѣлывались невольниками. Достаточно уже и того, что въ душѣ мальчика возникали вопросы.

Особенно пріятно и полезно было для Эриха и для Роланда то, что имъ вскорѣ представился случай вмѣстѣ учиться. Постройки въ замкѣ производились архитекторомъ весьма искуснымъ въ своемъ дѣлѣ и счастливымъ тѣмъ, что ему, не смотря на его молодость, поручили такую большую и интересную работу. Онъ отличался общительнымъ характеромъ и охотно дѣлился своими свѣдѣніями. Замокъ, подобно многимъ другимъ на Рейнѣ, былъ ровно за сто лѣтъ до французской революціи разрушенъ стоявшими въ то время въ Германіи войсками Людовика XIV. Въ одной башнѣ виднѣлись еще остатки римскихъ построекъ,—часть стѣны, которую архитекторъ называлъ литой стѣной.

— Что такое литая стѣна? спросилъ Роландъ.

Архитекторъ объяснилъ, что она состоитъ изъ двухъ рядовъ гладкихъ плитъ, между которыми безо всякой системы набросаны каменья, облитыя для связи между собой известковымъ растворомъ. Только въ одной трети башни виднѣлись отверстія и просвѣты, а двѣ другія ея трети представляли сплошную массу камня. На замокъ съ давнихъ поръ смотрѣли какъ на богатую каменоломню, вслѣдствіе чего особенно пострадали углы зданія, такъ какъ они были сложены изъ самаго лучшаго камня. Все вокругъ поросло кустарникомъ, жилая часть зданія совсѣмъ исчезла, а самая крѣпость римскаго происхожденія была перестроена во вкусъ десятого вѣка. Найденный въ архивѣ рисунокъ не представлялъ ничего болѣе характеристичнаго, чѣмъ можно было угадать изъ отдѣльныхъ камней и угловъ, по которымъ архитекторъ воспроизводилъ цѣлое зданіе. Онъ особенно радовался тому, что ему удалось найти источникъ.

Сношенія съ человѣкомъ, посвятившимъ себя спеціальной дѣятельности, имѣли на Роланда хорошее вліяніе. Онъ очень прилежно слѣдилъ за ходомъ построекъ и вмѣстѣ съ Эрихомъ пользовался объясненіями архитектора, въ видѣ награды за хорошо исполненный утренній трудъ, а иногда и самъ принималъ участіе въ работахъ. Онъ любилъ мечтать о томъ времени, когда станетъ жить одинъ въ этомъ самомъ замкѣ, и ему теперь пріятно было участвовать въ его построеніи.

Эрихъ и Роландъ постоянно каждую субботу присутствовали въ крѣпости при раздачѣ жалованья каменщикамъ и другимъ работникамъ. За часъ до этого работы прекращались, изъ сосѣдняго городка являлся цирюльникъ и брилъ каменщиковъ, которые вслѣдъ затѣмъ умывались въ источникѣ. Приходила еще

сюда булочница, и всѣ работники собирались подъ навѣсъ маленькаго домика, гдѣ жилъ управляющій. Роландъ нерѣдко находилъ тутъ же въ его комнатѣ, слышалъ слова: «тебѣ слѣдуетъ получить столько-то или столько-то», и видѣлъ грубыя, мозолистыя руки, принимавшія деньги. Иной разъ онъ оставался подъ навѣсомъ въ толпѣ работниковъ, или нѣсколько въ сторонѣ, наблюдая надъ ними. Особенно занимали его мальчики его лѣтъ, работавшіе изъ-за хлѣба, и онъ всегда очень привѣтливо отвѣчалъ на ихъ поклоны. Большая часть изъ нихъ уносили подъ мышкой завернутые въ платокъ хлѣба и весело расходились по своимъ деревнямъ. Иногда издали слышалось ихъ пѣніе.

Эрихъ зналъ, что это сближеніе Роланда съ жизнью, для него чуждой, противорѣчило взглядамъ и убѣжденіямъ Зоннен-кампа. Онъ слышалъ, какъ тотъ однажды говорилъ: «Кто строить себѣ замокъ, тому не слѣдъ знакомиться съ подробностями жизни извопиковъ». Но Эрихъ тѣмъ не менѣе считалъ себя не вправѣ мѣшать Роланду вступать въ сношеніе съ людьми, существованіе которыхъ не походило на его собственное. Онъ хорошо понималъ, что выражалось въ большихъ глазахъ мальчика, когда они однажды сидѣли вдвоемъ на одномъ изъ выступовъ крѣпости. То было воскресное утро, въ воздухѣ носился запахъ травы, а надъ горой и долиной гудѣлъ колоколь. Взоръ мальчика, устремленный на возвращавшихся изъ церкви работниковъ, мозолистыя руки которыхъ онъ видѣлъ не далѣе какъ наканунѣ, свидѣтельствовалъ о настроеніи духа, не допускающемъ чело-вѣка погружаться въ жестокое равнодушіе къ его ближнимъ. Эрихъ былъ счастливъ, видя, какъ мало-по-малу развивались нравственные и умственные силы его воспитанника. Онъ боялся помѣшать свободному всходу бросаемыхъ въ душу мальчика сѣменъ и всячески избѣгалъ преждевременно выводить ихъ на свѣтъ.

Однажды вечеромъ они снова сидѣли у крѣпости. Солнце уже зашло, но на горахъ еще покоились послѣдніе лучи вечерней зари, между тѣмъ какъ деревня, съ ея синеватыми шиферными кровлями и выходившими изъ трубъ тонкими струйками дыма, казалась подернутой туманомъ.

— Желалъ бы я знать, сказалъ Роландъ: — каково теперь въ Америкѣ? Вѣдь тамъ нѣтъ такихъ замковъ?

Эрихъ обрадовался случаю прочесть Роланду слѣдующіе стихи Гёте:

Amerika, du hast es besser,
Als unser Continent, das alte,
Hast keine verfallene Schlösser

Und keine Basalte.
 www.Dich störst nicht im Innere,
 Zu lebendiger Zeit
 Unnützes Erinnern
 Und vergeblicher Streit!
 • Benutzt die Gegenwart mit Glück!
 Und wenn nun Eure Kinder dichten,
 Bewahre sie ein gut Geschick
 Vor Ritter, Räuber und Gespenstergeschichten.

т. е.: «Америка, ты имѣешь преимущество надъ нашимъ древнимъ континентомъ. У тебя нѣтъ замковъ въ развалинахъ, нѣтъ базальтовыхъ столбовъ. Тебя, посреди твоей дѣятельности, не тревожатъ ни безплодныя воспоминанія, ни тщетныя споры. На-слаждайся настоящимъ! А если дѣти твои вздумаютъ писать стихи, то да избавить ихъ судьба отъ разсказовъ о рыцаряхъ, разбойникахъ и привидѣнιάхъ!»

Роландъ тутъ же выучилъ эти стихи наизусть и выразилъ желаніе узнать что-нибудь о Гёте. Эрихъ часто во время прогулокъ декламировалъ ему стихи этого поэта, въ которыхъ, какъ будто не человѣкъ рисуетъ природу, а она сама говоритъ отъ своего имени.

Такимъ образомъ, въ разумнымъ, спокойнымъ воззрѣніемъ на жизнь Веньямина Франклина, въ «Пѣснѣ о Гайаватѣ» и въ «Жизнеописанію Красса» присоединился еще могучій духъ Гёте. Роландъ охотно поддавался вліянію этихъ различныхъ геніевъ, посреди которыхъ онъ постоянно жилъ. Эрихъ вообще пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ приводить цитаты, какъ изъ древнихъ классическихъ, такъ и изъ своихъ отечественныхъ поэтовъ. Передъ Роландомъ, благодаря удивительной памяти его наставника, возникло какъ бы предчувствіе того, что всякая жизнь имѣетъ, такъ сказать, двойную почву, и въ немъ пробудилось стремленіе встать твердой ногой на ту изъ нихъ, которая окажется болѣе твердой.

Разъ какъ-то Эрихъ и Роландъ сидѣли въ полѣ. Неподалеку отъ нихъ заяцъ щипалъ траву, дѣлалъ нѣсколько прыжковъ въ сторону и опять принимался щипать.

— Какой заяцъ трусъ! замѣтилъ Роландъ; — да и не мудрено: у него нѣтъ никакихъ не только наступательныхъ, но и оборонительныхъ средствъ. Онъ можетъ спастись только бѣгствомъ.

Эрихъ утвердительно кивнулъ головой, а Роландъ продолжалъ:

— Почему собака врагъ зайца?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что если собака и лисица враги — это

понятно: и та другая кусаются. Но я рѣшительно не вижу причины, почему собака ненавидитъ зайца и преслѣдуетъ его, тогда какъ онъ только и умѣетъ что прыгать.

Вопросы Роланда, не смотря на всю ученость Эриха, иногда ставили его въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ выходилъ только съ помощью догадки или предположенія.

— Я полагаю, сказалъ онъ, что собака въ дикомъ состояніи, подобно лисицѣ, питалась преимущественно беззащитными животными. Собака, въ сущности, есть не что иное, какъ сдѣлавшаяся ручной сестра лисицы. Но нравы ея настолько смягчились, что она, убивая зайцевъ, уже болѣе не ѣстъ ихъ. Травоядные животные живутъ на открытомъ воздухѣ и не прячутся, а хищные звѣри скрываются въ норахъ.

Мальчикъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молчалъ, потомъ вдругъ воскликнулъ:

— Удивительно!

— Что такое удивительно?

— Ты будешь надо мной смѣяться, но мнѣ пришло въ голову... и лице мальчика освѣтилось прелестной улыбкой, а на щекахъ его и подбородкѣ заиграли ямочки: — у дивихъ звѣрей нѣтъ назначенныхъ часовъ для принятія пищи; они ѣдятъ цѣлый день, но мы, люди, приучили собакъ ѣсть только въ извѣстные часы дня.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Эрихъ: — у людей, съ переходомъ отъ дикаго состоянія къ цивилизованному, является и раздѣленіе времени на извѣстные, болѣе или менѣе длинные періоды.

И Эрихъ, по возможности кратко, опускаая всѣ излишнія подробности, объяснилъ своему воспитаннику, что значитъ измѣреніе времени и какъ для этого была извлечена изъ міра планетъ цѣлая система, которую и примѣнили въ человѣческой жизни.

Этотъ разговоръ повелъ между прочимъ къ тому, что Роландъ пожелалъ установить въ своихъ занятіяхъ строгій порядокъ. Онъ не хотѣлъ болѣе, чтобъ время его оставалось не распределеннымъ, и это было съ его стороны важнымъ шагомъ впередъ. То, что до сихъ поръ казалось ему тиранствомъ, превратилось теперь въ законъ, который онъ самъ себѣ предписалъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и Роландъ, по желанію Эриха, отказался отъ общества своихъ любимѣйшихъ товарищей. Въ ихъ прогулкахъ по полямъ и къ замку обыкновенно участвовали собаки. Эрихъ всегда охотно отвѣчалъ на всѣ распросы своего воспитанника, но тотъ не всегда съ одинаковымъ вниманіемъ

выслушивалъ его объясненія. Мальчикъ никакъ не могъ вполне сосредоточиться и взоръ его безпрестанно обращался къ собакамъ, которыя, то умильно на него поглядывали, стараясь привлечь на себя его вниманіе, то пускались бѣгать по полямъ. Эриху не малаго труда стоило убѣдить Роланда оставлять собакъ дома. Онъ не то, чтобъ приказалъ ему это, но нѣсколько разъ на вопросы Роланда отвѣчалъ, что не можетъ говорить съ тѣмъ, кто, то и дѣло, развлекается собаками, ихъ прыжками и лаемъ. Наконецъ, мальчикъ однажды рѣшился оставить ихъ дома. По готовности, съ какой Эрихъ тогда сталъ отвѣчать на его вопросы, Роландъ понялъ, что онъ былъ имъ доволенъ и хотѣлъ его вознаградить. Эрихъ въ своихъ объясненіяхъ касался почти всѣхъ отраслей науки, остерегаясь только предлагать своему воспитаннику слишкомъ много толкованій разомъ. А нѣкоторые вопросы онъ пока оставлялъ даже вовсе безъ отвѣта, откладывая разрѣшеніе ихъ до болѣе удобнаго времени. Онъ старался, чтобъ мальчикъ всегда самъ изъ всего выводилъ свои заключенія.

Вдали растилается поле, а за нимъ далеко тянутся виноградники. Разсѣянные въ воздухѣ и скрывающіяся въ землѣ силы, всѣ соединяются и превращаются въ соки, необходимые для питанія плода, а рѣка, спокойно катящая свои волны, придаетъ ему таинственную крѣпость и упоительный аромат. Виноградъ растетъ и съ каждымъ днемъ, съ каждою ночью приближается къ зрѣлости. Солнечное сіяніе, росистая прохлада, дождь и гроза быстро чередуются, а виноградъ растетъ себѣ да растетъ, и хотя не замѣтно для глаза, но неуклонно стремится къ цѣли, назначенной ему природой.

Кто можетъ сказать, что образуетъ и развиваетъ человѣческую душу? Есть ли возможность указать, что именно въ такой-то день и такой-то часъ было вызвано Эрихомъ въ Роландѣ? Жизнь складывается подъ вліяніемъ непрерывнаго ряда отерovenій, которыя незамѣтно, но неотразимо на нее дѣйствуютъ. Эрихъ и Роландъ каждое утро и каждый вечеръ присутствовали при орошеніи полей и при поливаніи цвѣтовъ и растений въ кадкахъ и горшкахъ. Иногда они сами помогали садовникамъ, и наблюдая надъ развитіемъ этой посторонней для нихъ жизни, чувствовали особаго рода удовольствіе. Имъ казалось, что они, содѣйствуя освѣженію цвѣтовъ и вустарниковъ, какъ бы совершаютъ доброе дѣло.

— Не можешь ли ты мнѣ сказать, робко спросилъ однажды Роландъ: — зачѣмъ розѣ даны шипы?

— Зачѣмъ? повторилъ Эрихъ, ужъ вѣчно не затѣмъ, чтобъ

они кололи людей. Бабочки и пчелы не терпятъ вреда ни отъ шиповъ розы, ни отъ иглъ репейника, а только пользуются ихъ пылью и сокомъ и составляютъ изъ нихъ медъ. Природа въ творествѣ своемъ не думаетъ примѣняться къ устройству человѣческихъ мускуловъ и вообще ни мало не заботится о человѣкѣ. Всякій предметъ, всякое явленіе существуютъ прежде всего для самихъ себя, а для насъ имѣютъ всего настолько значенія, насколько мы сами умѣемъ извлекать изъ нихъ пользы или удовольствія. Но Роландъ, — прибавилъ онъ, замѣчая что мальчикъ какъ будто не совсѣмъ его понялъ: ты дурно поставилъ вопросъ. Для чего? Почему? Такой вопросъ можетъ существовать для насъ съ тобой, но никакъ не для розы.

Паркъ и садъ зеленѣютъ и цвѣтутъ; все въ нихъ въ порядѣ и спокойно ожидаетъ возвращенія хозяина. Въ Роландѣ тоже разводился своего рода садъ. Но будутъ ли когда-нибудь цвѣты и плоды, которые теперь въ немъ такъ тщательно стараются взрастить, служить услadoй для его ближнихъ?

Соловьи въ паркѣ умоляли, избытокъ благоуханія отъ деревьевъ въ цвѣту разсѣялся; на всей окрестности лежала лѣтняя благодать и довольство.

Дни проходили въ оживленныхъ занятіяхъ, а по вечерамъ Эрихъ и Роландъ часто гуляли. Они обыкновенно избирали для прогулки дорогу, которая шла въ гору и любовались ландшафтомъ облитымъ луннымъ свѣтомъ. Мѣстами ложилась и рѣдко выдѣлялась тѣнь отъ холмовъ, внизу сверкала рѣка, а въ небѣ блистали звѣзды. Вся мѣстность была погружена въ невозмутимую тишину, и Эрихъ съ Роландомъ, наслаждаясь, вдыхали въ себя ночную прохладу. Они почти всегда совершали эти прогулки верхомъ и въ глубокомъ молчаніи. Въ такія минуты человѣкъ любить погружаться въ самого себя, онъ весь отдается мечтамъ и становится особенно чутокъ къ красотамъ природы.

Виноградъ вбираетъ въ себя сокъ изъ земли, пьетъ растворенную въ воздухѣ влагу, а въ душѣ мальчика, между тѣмъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ возникаютъ и зрѣютъ жизненные силы.

www.libtool.com ГЛАВА XII.

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ НА ОХОТѢ.

Эрихъ сильно заботился о томъ, чтобъ не развитъ въ смѣломъ и воспріимчивомъ мальчикѣ склонность къ мечтательности. Съ этою цѣлю онъ, серьезныя, умственные занятія всегда перемѣшивалъ съ движеніемъ на открытомъ воздухѣ и разнаго рода тѣлесными упражненіями. Роландъ фехтовалъ, ѣздилъ верхомъ, плавалъ, управлялъ лодкой, и Эрихъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ самъ его во всемъ этомъ руководить, не прибѣгая къ посторонней помощи. Такимъ образомъ, мальчикъ жилъ исключительно въ его обществѣ и онъ пріобрѣталъ надъ нимъ все болѣе и болѣе вліянія.

Однако онъ пригласилъ школьнаго учителя Фасбендера давать Роланду уроки въ межеваніи. Фасбендеръ былъ въ этомъ дѣлѣ очень свѣдущъ и искусенъ, но выводилъ Эриха изъ себя подобострастнымъ обращеніемъ съ Роландомъ. Однажды Фасбендеръ замѣтилъ, что расскажетъ своему другу Кнопфу о томъ, какъ теперь прилежно занимается его бывшій ученикъ. Роландъ отвѣчалъ нетерпѣливымъ движеніемъ головы. Онъ видимо ничего не хотѣлъ знать о Кнопфѣ. Съ именемъ послѣдняго у него какъ будто соединялось непріятное воспоминаніе, которое онъ не желалъ открывать Эриху.

Въ числѣ другихъ забавъ, Эрихъ не забылъ устроить для Роланда стрѣльбу въ цѣль. Вообще онъ не хотѣлъ лишать мальчика любимыхъ удовольствій на открытомъ воздухѣ, но только требовалъ, чтобъ они всегда слѣдовали за умственными занятіями, а не предшествовали имъ.

Не легкой задачей было умѣрить въ Роландѣ его страсть къ охотѣ, тѣмъ болѣе, что Эрихъ не хотѣлъ ее совсѣмъ въ немъ уничтожить, но только старался ввести ее въ надлежащія границы. Теперь, въ самый разгаръ лѣта, настала пора охотиться за дикими кроликами, о чемъ и объявилъ Роланду ловчій. Прже-ніе наставники мальчика всегда отпускали его одного съ Клаусомъ, но на этотъ разъ Эрихъ самъ съ нимъ отправился. Роландъ какъ бы вострепнулся и въ немъ закипѣла новая жизнь, когда они всѣ вмѣстѣ начали перебираться черезъ виноградныя горы.

Вниманіе Эриха было сильно возбуждено разсказомъ ловчаго о томъ, какъ Манна, будучи еще маленькой дѣвочкой, а потомъ и взрослой дѣвушкой, всегда сопровождала на охоту отца. Она

была отличная наѣздница и вообще славилась своей неустрашимостью. Собаки ея звали Роза и Репейникъ, и обѣ, услышавъ теперь какъ произносили имя Манны, наострили уши и стали тревожно оглядываться.

Эриху очень хотѣлось спросить, почему эта столь отважная дѣвушка, любившая охоту и верховую ѣзду, вдругъ удалась въ монастырь, гдѣ вела жизнь отшельницы. Воображеніе рисовало ему двѣ совершенно различныя картины. На одной онъ видѣлъ дѣвушку съ ружьемъ черезъ плечо, за которой шли слѣдомъ двѣ собаки, — на другой крылатое видѣніе, представшее ему въ монастырскомъ корридорѣ. Но онъ остерегался спрашивать Роланда, а теперь, слушая ловчаго, сдѣлалъ видъ, будто все это уже давно ему извѣстно.

Зонненкампъ, уѣзжая, оставилъ въ распоряженіи Роланда тѣхъ двухъ любимыхъ собакъ Манны. Собаки были небольшого роста, но съ крѣпкой грудью и необыкновенно развитымъ хребтомъ. Онѣ повидимому понимали похвалы, расточаемыя имъ Роландомъ. Та изъ нихъ, которая была поменьше, сама, съ красными губами и почти постоянно разодранной кожей на головѣ, умильно лизала ему руки, а когда ловчій упрекнулъ ее въ непослушаніи, она печально понурила голову. Другая собака, повыше ростомъ, самецъ, прозванный Репейникомъ, изрѣдко поглядывала на Роланда сверкающими глазами. Мальчикъ говорилъ, что Репейникъ слушается только тѣхъ приказаній, которыя произносятся на англійскомъ языкѣ. И дѣйствительно, когда онъ вслѣдъ затѣмъ крикнулъ собакъ: «назадъ!» та посмотрѣла на него, какъ будто была глуха. Но лишь только онъ закричалъ: «come back!» — Репейникъ мгновенно, ровно на футъ отступилъ назадъ и остановился.

Проходя мимо низенькаго дуба, Роландъ схватилъ одну изъ его вѣтокъ и качая ее, воскликнулъ: «hang!» Репейникъ сдѣлалъ быстрый прыжокъ, вцѣпился въ вѣтку зубами и оставался на ней висѣть, пока Роландъ не позволилъ ему выпустить вѣтку.

Роза повторила ту же штуку только еще съ большей ловкостью. Вися на вѣткѣ, она очертила въ воздухѣ нѣсколько круговъ, а опускаясь на землю, откусила эту самую вѣтку и принесла ее Роланду.

Мальчикъ и собаки, казалось, были очень довольны другъ другомъ.

Вскорѣ они достигли жилища ловчаго, захватили тамъ съ собой двухъ ручныхъ хорьковъ въ корзинкѣ и отправились далѣе. На опушкѣ лѣса Роландъ вынулъ изъ корзинки хорошенъ-

нихъ желтыхъ звѣрьковъ, которые двигались быстро, какъ змѣйки, надѣлъ на нихъ намордники и осыпалъ ихъ ласками и поцѣлуями. Углубившись далѣе въ лѣсъ, охотники набрали на множество маленькихъ норокъ. Тутъ они разставили сѣти и пустили въ нихъ принесенныхъ съ собою ручныхъ хорьковъ. Роландъ, съ любопытствомъ слѣдилъ за Эрихомъ, пока тотъ срѣзалъ съ дерева вѣтки и прикрѣплялъ ими сѣть. Вскорѣ послышался легкій шорохъ, и изъ норокъ, прямо въ сѣть, выскочило нѣсколько дивныхъ хорьковъ. Собаки быстро на нихъ бинулись и закусали ихъ до смерти. Затѣмъ ручные хорьки были вторично выпущены, охотники встали рядомъ и выстрѣлили. Роландъ сдѣлалъ промахъ, а Эрихъ попалъ прямо въ цѣль.

Эрихъ былъ далекъ отъ того, чтобъ раскрывать Роланду глаза на счетъ жестокости этой охоты, гдѣ собаки бросаются на выбивающихся изъ сѣтей хорьковъ, и до тѣхъ поръ ихъ кусаютъ, пока бѣдные звѣрки не издохнутъ въ ихъ зубахъ. Онъ самъ былъ настолько охотникъ, что не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, а ловчій придавалъ всей охотѣ еще болѣе жестокой характеръ бранью, которой немилосердно осыпалъ хорьковъ, называя ихъ чертенятами за то, что они роютъ и разоряютъ виноградники и хлѣбныя поля. Онъ забавно передразнивалъ мужика, который, думая попасть въ звѣрка, бьетъ палкой по землѣ и кричитъ: «ага, наконецъ-то я тебя поймалъ, проклятый!»

Они пошли далѣе. Вдругъ Роза быстро шмыгнула въ отверстіе довольно большой норы и скорѣ раздался ея лай изъ-подъ земли: она нашла лисицу. Охотники остановились и стали караулить, отправивъ вслѣдъ за Розой и Репейника, который тоже яростно залагалъ подъ землей. Но лисица, не показываясь, а вмѣсто нея изъ норы выскочила Роза съ ободранной спиной, взглянула на охотниковъ и снова скрылась. Изъ норы раздавался лай и визгъ, наконецъ изъ нея вышли собаки, обѣ окровавленные, но лисицы съ ними не было. Охотники еще нѣсколько времени тщетно прождали ее.

— Онѣ ее задушили, сказалъ ловчій: — мы ее ужъ не увидимъ.

Роландъ былъ очень озабоченъ плачевнымъ состояніемъ собакъ, но ловчій его успокоилъ, говоря что это ничего и онѣ скоро оправятся. Роландъ выразилъ тогда свое удивленіе, почему собаки могутъ до смерти закусать лисицу, у которой такіе же точно острые зубы, какъ и у нихъ. Ловчій въ отвѣтъ только пожалъ плечами, но Эрихъ сказалъ:

— Лисица кусаетъ больно, но не глубоко.

Роландъ бросилъ на Эриха изумленный взглядъ. Этотъ человѣкъ все знаетъ и всему можетъ его научить! Всѣ познанія Эриха, взятая вмѣстѣ, не производили на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ это простое замѣчаніе.

Хорьковъ еще разъ выпустили у входа въ новую норку. Оба въ нее вошли, но вернулся изъ нея только одинъ. Охотники долго ждали его, но онъ не показывался. Роландъ не могъ утѣшиться въ потерѣ хорошенкаго звѣрка, котораго онъ такъ счумѣлъ приучить къ себѣ. Когда же Эрихъ замѣтилъ, что хорьку предстоитъ умереть съ голоду, такъ какъ онъ скрылся съ намордникомъ, Роландъ вдругъ присмирѣлъ. Немного спустя, онъ вынулъ изъ корзинки другого звѣрка, выпустилъ его въ лѣсъ, прицѣлился и убилъ его на повалъ. Не говоря ни слова и не оглядываясь на убитаго хорька, онъ пошелъ далѣе, какъ-то странно поглядывая на ружье. Эрихъ подумалъ и не ошибся, что мальчикъ теперь не скоро рѣшится его зарядить.

Послѣ этой охоты Роландомъ овладѣла какая-то тоска и равнодушіе ко всему. Онъ сдѣлался раздражителенъ и холоденъ въ обращеніи и хотя не упрямылся, но все дѣлалъ неохотно, какъ бы съ усиліемъ. Эрихъ недоумѣвалъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней чувствовалъ себя вполне несчастнымъ. Онъ видѣлъ, что утратилъ въ глазахъ мальчика прелесть новизны, и что Роландъ снова сдѣлался жертвой недовольства, свойственнаго людямъ богатымъ, которыхъ никогда ничто долго не занимаетъ. Привычка къ частой перемѣнѣ мѣста, приобрѣтенная Роландомъ съ малыхъ лѣтъ, теперь тяжело на немъ отзывалась и заставляла его скучать. Эриху предстояло воспитать въ немъ любовь къ однообразію, такъ чтобъ онъ могъ съ радостью привѣтствовать каждый наступающій день, хотя бы тотъ ему не обѣщалъ ничего новаго, но точь-въ-точь походилъ на вчерашній.

Однажды къ Эриху пришелъ ловчій и отвелъ его въ сторону сказалъ:

- Я нашелъ хорька, который отъ насъ тогда убѣжалъ.
- Гдѣ?
- Въ лѣсу. Онъ тамъ лежитъ съ намордникомъ на рыльцѣ, до половины съѣденный муравьями.
- Не надо этого говорить Роланду.
- Ни подъ какимъ видомъ. А знаете ли вы, какъ звали хорька?
- Нѣтъ.
- Кнопфомъ. Роландъ только въ вашемъ присутствіи называлъ его просто магистромъ. Это прозвище меня самого не мало сердило. Господинъ Кнопфъ страшно суевѣренъ, но въ

сущности очень добрый и хорошій человекъ. Для него нѣтъ большаго удовольствія, какъ читать или рассказывать сказки о духахъ и привидѣнiяхъ. Онъ и Роланду набилъ голову этими пустяками. Недавно мнѣ мальчикъ подъ секретомъ сообщилъ, что въ ночь, которую онъ провелъ на открытомъ воздухѣ, отыскивая васъ, ему встрѣтилась сказочная принцесса — какъ ихъ называютъ глупые люди — а по нашему прелестная дѣвочка съ русыми локонами. Она говорила по-англійски... каково вамъ это кажется? теперь и духи говорятъ по-англійски... а явилась она ему рано утромъ въ лѣсу. Весь этотъ вздоръ ему натолковалъ никто иной какъ Кнопфъ. Я ничего не имѣю противъ господина Кнопфа. Нѣтъ, онъ добрый человекъ, даромъ училъ бѣдныхъ дѣтей и всегда съ ними ласково обращался. А вотъ только дались ему эти духи и вся эта дребедень! Развѣ вы не замѣтили, какъ измѣнился въ это послѣднее время Роландъ? Я увѣренъ, что причиной тому — его вѣра въ духовъ. Выгоните вы ее пожалуйста изъ него!

Эрихъ сомнѣвался, чтобъ это была настоящая причина дурного расположенiя духа Роланда. Но его, въ то же время, неприятно поразило, что мальчикъ рассказываетъ Клаусу вещи, которыя скрываетъ отъ него. Однако онъ не хотѣлъ ни навязываться своему воспитаннику, ни насильно требовать отъ него довѣрiя. Онъ предпочелъ спокойно выждать, чтобъ туча сама собой разсѣялась.

ГЛАВА XIII.

ОСВѢЖАЮЩІЙ НАПИТОКЪ, ПРЕКРАСНОЕ ПѢНІЕ И НОВАЯ СЛАВА.

Докторъ иногда заѣзжалъ на виллу Эдемъ, но всегда оставался тамъ не болѣе четверти часа. Онъ одобрялъ Эриха за то, что тотъ такъ исключительно посвятилъ себя Роланду и не хотѣлъ своимъ внимательствомъ нарушать гармонію установившихся между ними отношеній.

Въ слѣдующій его визитъ, однако, самъ Эрихъ его удержалъ и выразилъ свои опасенія насчетъ Роланда, блѣдность лица котораго возбуждала въ немъ сомнѣнiя относительно его здоровья.

— Вотъ какъ! воскликнулъ докторъ. Уже! Я очень радъ, что переломъ наступилъ такъ скоро.

— Вы рады? Чему? Что это такое?

— Совершенно нормальное явленіе. Оно въ сущности не опаснѣе насморка и я его называю майскимъ холодомъ. Но

будьте осторожны, любезный другъ! Роландъ, какъ мнѣ кажется, родился охотникомъ, а вы хотите изъ него сдѣлать собирателя камней и жуковъ. Я понимаю вашу мысль: вы стремитесь развить въ немъ болѣе серьезный взглядъ на жизнь, и вся бѣда въ томъ, что онъ начинаетъ смотрѣть на нее серьезно. Лучшее въ жизни — это принимать ее легко, безъ мудрствованій.

Эрихъ вполне согласился съ докторомъ и замѣтилъ, что ни чуть не желаетъ дѣлать изъ Роланда образцоваго юношу.

— Мальчикъ теперь страдаетъ, продолжалъ докторъ: именно отъ того, что я называю майскимъ холодомъ. Во всякомъ новомъ положеніи, порождаемомъ обстоятельствами, вслѣдствіе которыхъ человѣку приходится отрѣшиться отъ привычки дѣйствовать самостоятельно въ какой бы то ни было сферѣ, хотя бы это и совершалось съ его полного согласія, всегда наступаетъ періодъ времени, называемый мною майскимъ холодомъ. Онъ и въ природѣ и у человѣка всегда слѣдуетъ за порой цвѣтенія. Говорятъ, что этотъ холодъ есть слѣдствіе таянія альпійскихъ снѣговъ. Кто знаетъ, можетъ быть и въ человѣкѣ точно также таютъ ледяныя горы эгоизма. Какъ бы то ни было, передъ нами явно происходитъ повтореніе борьбы зимы съ лѣтомъ, эгоистическихъ стремленій съ вновь пробуждающимся чувствомъ любви къ людямъ вообще. Не тревожьтесь! Дайте юношѣ пережить этотъ возвратъ къ холоду и все опять пойдетъ хорошо. Оставьте ему только побольше свободы: въ немъ пробудилось также чувство стѣсненія. А я съ моей стороны пропишу Роланду лекарьство: пусть онъ думаетъ о себѣ, что не совсѣмъ здоровъ. Это облегчитъ и его, и васъ, потому что дастъ вамъ возможность быть къ нему снисходительнѣе. Больному позволительно капризничать и ему можно многое спускать, чего не спустишь здоровому.

Съ этого дня докторъ началъ пріѣзжать чаще. Онъ совѣтовалъ Эриху принять приглашеніе Вейдемана и вмѣстѣ съ Роландомъ погостить у него въ Маттенгеймѣ. Столкновеніе съ многосторонней дѣятельностью, которая тамъ кипѣла, должна была, по его мнѣнію, одинаково благотворно подѣйствовать и на учителя и на ученика. Но Эрихъ возразилъ на это, что не считаетъ себя въправѣ оставлять на нѣсколько дней ввѣренный его попеченію домъ. Докторъ съ нимъ согласился и прибавилъ, что въ концѣ концовъ Роланду все-таки лучше сначала обжиться въ своемъ собственномъ прирейнскомъ гнѣздѣ.

Эрихъ и Роландъ теперь часто сопровождали доктора въ его визитахъ къ больнымъ и, благодаря этимъ поѣздкамъ, все ближе и ближе знакомились съ жизнью, какую люди ведутъ на берегахъ Рейна. Докторъ объявилъ, что онъ не безъ цѣли ихъ съ

собою возить. Онъ считалъ вполне достойнымъ человека, напримеръ, посвятить свою жизнь приготовленію, по возможности, наилучшаго вина. Роландъ, по его мнѣнію, могъ и долженъ былъ этимъ заняться. Давать людямъ хорошее вино и дарить имъ произведенія искусства, говорилъ онъ, совершенно одно и то же. Первое не уступаетъ второму. Еслибъ Роландъ любилъ берега Рейна, изъ этого могло бы выйти много хорошаго, особенно въ случаѣ его сближенія съ семействомъ Вейдемана.

Докторъ былъ отличнымъ путеводителемъ. Его вездѣ съ радостью встрѣчали, и онъ въ каждомъ домѣ зналъ всѣхъ его жильцовъ. Сужденія его о людяхъ отличались строгимъ безпристрастіемъ, и онъ одинаково вѣрно изображалъ ихъ темныя и свѣтлыя стороны. Онъ вездѣ умѣлъ найти что-нибудь утѣшительное и въ каждомъ погребѣ непременно открывалъ хорошее вино.

— Теперь въ модѣ, говорилъ онъ, толки объ упадкѣ человѣческаго рода. Это продолжительная, но не опасная болѣзнь. Люди борются съ нуждой и напиваются до-пьяна виномъ: это всегда было и будетъ. Если солнце ярко свѣтитъ, — человеку жарко, и онъ вправѣ выпить, чтобъ освѣжиться. Если на дворѣ стоитъ ненастная, сырая погода, ему необходимо стаганомъ вина подержать въ себѣ веселое расположеніе духа.

Проходя однажды мимо дома съ изображеніемъ Богоматери, передъ которымъ висѣла лампада, докторъ сказалъ:

— Здѣсь пока еще можно достать вина безъ примѣси. Человѣкъ, живущій въ этомъ домѣ, поставляетъ вино на церковъ, для причастія и снабжаетъ имъ епископовъ. Вино это должно быть самое чистое. Отецъ владѣльца этого дома занимается приготовленіемъ рясъ и облаченій для духовенства, а братъ его пользуется репутаціей хорошаго художника по части церковной живописи. Люди, извлекающіе изъ религіи пользу, бываютъ ей всегда очень преданы. Все дѣло въ томъ, чтобъ не сомнѣваться въ искренности вѣрующихъ и не бросать въ нихъ камней, а они за то пусть въ насъ, невѣрующихъ, признаютъ нѣкоторую долю честности и правдивости.

Немного далѣе, у слѣдующаго дома, докторъ замѣтилъ:

— А тутъ жилъ забавный плутъ и чудакъ, по ремеслу каменщикъ. За нѣсколько времени до смерти, онъ заказалъ столяру ящикъ, а слесарю замокъ, потомъ вздумалъ заложить свой погребъ камнями, между которыми и спряталъ ящичекъ, предварительно привѣсивъ къ нему замокъ. Полагаютъ, что тамъ скрыты большія суммы денегъ, но никто не знаетъ этого на-вѣрное. А покойникъ былъ чудакъ и могъ замуравить пустой

ящикъ, съ цѣлью подшутить надъ своими наслѣдниками. Вотъ тѣ теперь и не знаютъ, что имъ дѣлать: искать ящика или нѣтъ? Пожалуй домъ сломаютъ, а ящикъ окажется пустымъ.

Докторъ всегда старался такъ направлять разговоръ, чтобъ Роландъ могъ изъ него извлекать пользу.

Они посѣтили еще надзирателя надъ мѣрами и вѣсами, который повелъ ихъ въ свой погребъ и угостилъ виномъ. Надзиратель любилъ рассказывать разные анекдоты, не всегда оказывавшіеся удобными для молодыхъ слушателей, и докторъ поспѣшилъ положить предѣлъ его болтливости.

Надзиратель всегда носилъ при себѣ бѣлый хлѣбецъ, который называлъ своей губкой. «Соломой — говорилъ онъ — предохраняютъ отъ порчи виноградъ, а я хлѣбомъ, выросшимъ на соломѣ, отнимаю у вина его излишнюю крѣпость.

Кто-то сказалъ надзирателю, что онъ въ теченіи своей жизни выпилъ семьдесятъ бочекъ вина. — «Нѣтъ — возразилъ онъ — вы слишкомъ снисходительны: не семьдесятъ, а гораздо болѣе».

Такимъ образомъ, Эрихъ и Роландъ все ближе и ближе знакомились съ бодрой, веселой, точно пропитанной винными парами прирейнской жизнью. Когда они снова возвращались къ своимъ занятіямъ, въ глубинѣ души ихъ оставалось пріятное ощущеніе отъ всего видѣннаго, и они были безотчетно счастливы тѣмъ, что живутъ въ такой прекрасной мѣстности, гдѣ жизнь течетъ такъ легко и спокойно.

Въ самой серединѣ лѣта выдалось нѣсколько пасмурныхъ, сырыхъ и холодныхъ дней, когда человѣкомъ невольно овладѣваетъ сомнѣніе на счетъ возврата хорошей погоды, а между тѣмъ нельзя же предполагать, что лѣту уже насталъ конецъ. Соловьи умолкли. Впрочемъ, они не вдругъ перестали пѣть и еще изрѣдка, какъ бы по воспоминанію, оглашали паркъ то отрывистымъ щелканьемъ, то коротенькой трелью или одиночнымъ свистомъ. За то теперь въ воздухѣ постоянно раздавались тоненькіе голоса коноплянокъ или пронзительные, громкіе возгласы черного дрозда. Лѣсъ достигъ полной своей зрѣлости; въ немъ тоже почти всѣ птицы умолкли, исключая сорокъ, которыя продолжали неутомимо трещать.

Эрихъ и Роландъ часто катались въ лодкѣ по Рейну и почти всегда въ этихъ случаяхъ пѣли.

— Да, говорилъ Роландъ: человѣкъ можетъ пѣть во всякое время года, лишь бы у него было легко и весело на душѣ.

Эрихъ кивнулъ въ отвѣтъ головой. Онъ видѣлъ, что въ Роландѣ начали пробуждаться вкусы къ искусству и сознаніе независимости человѣческаго духа. Ему казалось, что теперь не

лишнее было бы доставить Роланду случай на день или на два удалиться изъ дому. Онъ предложилъ мальчику на выборъ: ѣхать ли имъ къ Вейдеману, о которомъ всѣ такъ много говорятъ, или отправиться на приготовлявшееся въ сосѣднемъ городѣ большое музыкальное торжество. Мимо виллы уже начали мелькать украшенные флагами пароходы съ пѣвцами и пѣвицами, и ихъ почти во всякомъ мѣстечкѣ и городѣ встрѣчали ружейными выстрѣлами. Роландъ предпочелъ отправиться на музыкальный праздникъ и просилъ Эриха пройти часть дороги пѣшкомъ. Ему хотѣлось еще разъ, вмѣстѣ съ нимъ, взглянуть на мѣста, по которымъ онъ уже однажды шелъ ночью и одинъ.

Молодые люди весело отправились въ путь. Роландъ много болталъ, припоминая разныя подробности своего ночного странствія. При входѣ въ лѣсъ, онъ разсказалъ о томъ, какъ здѣсь спалъ подъ деревомъ и какой ему приснился чудный сонъ. Лице его при этомъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ, но Эрихъ его не спрашивалъ, что это былъ за сонъ. Роландъ замолчалъ, и они углубились далѣе въ лѣсъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! внезапно воскликнулъ мальчикъ. Мой портъ-монне нашелся! Ахъ, пойдемъ скорѣй въ деревню, гдѣ живетъ дворникъ, котораго я подозрѣвалъ въ покражѣ моихъ денегъ. Я ему ихъ всѣ отдамъ.

Но дворника уже не было въ деревнѣ. Онъ опредѣлился въ военную службу и никто не умѣлъ сказать, гдѣ онъ теперь былъ. Роландъ сильно этимъ опечалился и на всякій случай записалъ его имя въ свою карманную книжку.

Они продолжали идти далѣе, любясь на прелестный зеленѣющій ландшафтъ, вскорѣ очутились на желѣзной дорогѣ, сѣли въ вагонъ и быстро достигли цѣли своего путешествія. Весь городъ былъ украшенъ флагами и имѣлъ веселый, оживленный видъ. Сюда изъ всѣхъ окрестностей толпой стекались пѣвцы и пѣвицы. Нѣкоторые съ пѣснями прибывали на лодкахъ и пароходахъ, другіе пріѣзжали по желѣзной дорогѣ.

— Замѣть, говорилъ Эрихъ своему воспитаннику, что такого рода торжества принадлежать исключительно нашему времени и нашему народу. Ни греки, ни римляне ихъ у себя не имѣли, да и теперь ни одна нація, кромѣ нѣмцевъ, не устраиваетъ у себя ничего подобнаго.

Они здѣсь переночевали, а на слѣдующее утро сотни пѣвцовъ и пѣвицъ и огромное число слушателей, всѣ собрались въ большой залъ въ зданіи крѣпости. Вдругъ въ собраніи пронеслось печальное извѣстіе; между пѣвцами и пѣвицами послышались горестныя восклицанія, на ихъ лицахъ выразилась обма-

нутая надежда, публика засуеилась. Оказалось, что баритонъ, которому надлежало пѣть соло, внезапно заболѣлъ и не былъ въ состояніи выполнить своей партіи.

— Смотри, вдругъ замѣтилъ Роландъ: тамъ сидятъ монахини съ своими воспитанницами. Онѣ одѣты точь-въ-точь, какъ одѣваются въ монастырѣ Маннны. Ахъ, еслибъ и она здѣсь была!

Эрихъ, вмѣсто отвѣта, поспѣшно сказалъ Роланду:

— Останься здѣсь, а я пойду посмотрю, не могу ли имъ тамъ помочь. Я полагаюсь на тебя, что ты не сойдешь съ этого мѣста.

Эрихъ быстро направился къ возвышенію и обратясь къ капельмейстеру, живо съ нимъ заговорилъ. Толпа около нихъ заволновалась, въ публикѣ пронесся говоръ и всѣ взоры обратились на Эриха. Капельмейстеръ Фердинандъ ударилъ смычкомъ по цюпитру, въ залѣ мгновенно водворилась тишина.

— Нашъ баритонъ, съ улыбкой началъ капельмейстеръ, въ сожалѣнію захворалъ. Этотъ господинъ, который не желаетъ объявить своего имени, предлагаетъ его замѣнить и надѣется, что публика будетъ къ нему снисходительна, такъ какъ онъ ни разу не участвовалъ въ нашихъ репетиціяхъ.

Единодушные аплодисменты были отвѣтомъ на эти слова. Вслѣдъ затѣмъ началось дружное хоровое пѣніе, которое глубоко отозвалось въ душѣ Роланда. Но вотъ поднялся со своего мѣста Эрихъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его движеніями. Раздался первый звукъ его голоса, пѣвцы и пѣвицы съ изумленіемъ переглянулись, публика восторженно встрепенулась. У Эриха былъ сильный, звучный, до глубины души проникающій голосъ. Всѣ слушали его, притаивъ дыханіе, а когда онъ кончилъ, раздался громъ рукоплесканій, отъ которыхъ затряслись стѣны залы. Эрихъ сѣлъ, его замѣнили хоры, другіе солисты, затѣмъ вторично настала его очередь. Звуки его голоса лились чище, сильнѣе, свободнѣе, глубоко трогая своей задушевностью. Но никто изъ слушателей не былъ такъ пораженъ и взволнованъ, какъ Роландъ.

Хоръ какъ бы изображалъ бурное море, а Эрихъ точно плылъ на кораблѣ, надъ всѣмъ господствуя и всѣмъ управляя. Роландъ былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ испытывалъ то высокое, поэтическое наслажденіе, какое можетъ возбуждать только одна музыка. Ему казалось, что голосъ Эриха уноситъ его въ какой-то невѣдомый міръ, гдѣ все такъ свѣтло, такъ прекрасно! А тамъ опять гремѣли хоры и густой волной разливались подъ сводами залы.

Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: «Кто этотъ господинъ,

который такъ хорошо поетъ? Роландъ, было, хотѣлъ назвать его своему ближайшему сосѣду, но раздумалъ. «Нѣтъ», мелькнуло у него въ умѣ: «пустъ я одинъ знаю, кто онъ такой».

Взоръ мальчика вслѣдъ за тѣмъ снова обратился къ рядамъ однообразно одѣтыхъ въ голубыя платья монастыроекъ. Вдругъ лице его просіяло: «Да, это она! это Манна!»

Роландъ попросилъ своего сосѣда пропустить его къ сестрѣ. Ему хотѣлось сказать ей, что онъ знаетъ этого человѣка, который наполняетъ такимъ восторгомъ сердца своихъ слушателей. Но сосѣди пришли въ негодованіе на дерзкаго юношу, который нарушалъ спокойствіе и мѣшалъ имъ слушать. Нечего дѣлать, Роландъ остался на мѣстѣ, выжидая антракта, чтобы тогда, никого не беспокоя, пробраться къ Маннѣ.

Ораторія между тѣмъ была окончена, но восторгу зрителей не предвидѣлось конца. Со всѣхъ сторонъ выражалось желаніе узнать, кто этотъ незнакомецъ. «Его имя! его имя!» раздавалось по всей залѣ. Капельмейстеръ Фердинандъ снова ударилъ смычкомъ по пюпитру. «Тише!» пронеслось въ толпѣ и все смолкло. Эрихъ всталъ съ своего мѣста и очень спокойно сказалъ:

— Отъ души благодарю васъ. Я счастливъ тѣмъ, что могъ предстать передъ вами въ качествѣ служителя искусства и еслибъ не боялся нарушить гармонію настоящаго праздника совершенно чуждымъ вамъ именемъ, то съ самаго начала назвалъ бы вамъ себя.

— Имя, имя! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Меня зовутъ: Эрихъ Дорнэ!

— Тушъ, тушъ! раздалось опять въ толпѣ. Оркестръ трижды проигралъ тушъ при общихъ крикахъ:

— Ура, Эрихъ Дорнэ!

Эриха окружила густая толпа, и кто пожималъ ему руки, кто обнималъ его и цѣловалъ, такъ что у него заболѣли плечи. Въ числѣ публики оказались и такіе, которые были съ нимъ знакомы, но сначала его не узнали.

Наконецъ, собраніе мало-по-малу разошлось. Эрихъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Роланда, но мальчика исчезъ. Онъ искалъ его по всѣмъ угламъ, но напрасно. Въ залѣ между тѣмъ начали разставлять и накрывать столы для предстоящаго торжественнаго обѣда. Эрихъ рѣшился остаться тутъ и дожидать Роланда. Онъ былъ увѣренъ, что мальчика толпой вынесло изъ залы, но что онъ не замедлитъ вернуться.

И дѣйствительно, Роландъ вскорѣ вернулся. Глаза его сверкали, а на щекахъ игралъ румянецъ.

— Она здѣсь была! воскликнулъ онъ, завидѣвъ Эриха: я прово-

диль ее съ подругами на пароходъ. Онѣ ужъ уѣхали! О, Эрихъ, какъ это прекрасно вышло, что она прежде, чѣмъ познакомилась съ тобой, услышала твое пѣніе. Знаешь ли, она сказала, что человѣкъ, который умѣетъ такъ хорошо пѣть, не можетъ быть такимъ безбожникомъ, какимъ тебя выставляютъ. Мнѣ бы не слѣдовало тебѣ этого говорить, но я знаю, она плутовка и сказала все это съ цѣлью, чтобъ я тебѣ передалъ. Ахъ, Эрихъ! ты видѣлъ. Лина, дочь мирового судьи, и нашъ архитекторъ тоже были въ числѣ пѣвцовъ. Они шли подъ руку и тотчасъ же тебя узнали, но только не хотѣли тебя выдать. Какъ ты пѣлъ, Эрихъ! ахъ, какъ ты пѣлъ! Мнѣ все казалось, что ты, вотъ, вотъ распустишь крылья и улетишь, и мнѣ было такъ страшно!

Мальчикъ находился въ возбужденномъ состояніи.

Одинъ изъ распорядителей праздника подошелъ къ Эриху и пригласилъ его вмѣстѣ съ братомъ (Роланда здѣсь всѣ приняли за брата Эриха), остаться обѣдать, говоря, что ему назначаютъ за столомъ мѣсто рядомъ съ капельмейстеромъ. Къ этому распорядителю присоединились другіе участники торжества, желавшіе познакомиться съ Эрихомъ. Въ числѣ ихъ былъ фотографъ, который непременно хотѣлъ тутъ же снять съ него портретъ, говоря, что всѣ пѣвцы и пѣвицы непременно пожелаютъ имѣть у себя его изображеніе. Эрихъ учтиво, но рѣшительно отказался и съ слѣдующимъ пароходомъ отправился съ Роландомъ на виллу.

Роландъ сошелъ въ каюту, гдѣ вскорѣ заснулъ. Эрихъ остался одинъ на палубѣ и впалъ въ глубокое раздумье. Его мучило сомнѣніе, хорошо-ли онъ сдѣлалъ, выставивъ себя такимъ образомъ на показъ.

«Но, угѣшалъ онъ себя, въ жизни бываютъ такіа минуты, когда наши силы намъ какъ будто измѣняютъ и мы сами не можемъ съ точностью опредѣлить, чего желаемъ. Нѣтъ, думалъ онъ въ заключеніе, я сдѣлалъ только то, что слѣдовало».

Пароходъ причалилъ къ пристани. Роланда едва могли добудиться и почти на рукахъ перенесли въ лодку, имъ овладѣла сильная слабость и онъ едва сознавалъ, что вокругъ него дѣлалось. Выйдя на берегъ, онъ сказалъ:

— Эрихъ, я слышалъ, какъ ты всю дорогу пѣлъ одну мелодію изъ хора.

На виллѣ Эриха ожидали письма отъ матери, изъ университетскаго городка, и отъ Зонненкампа изъ Виши. Мать писала ему, чтобъ онъ не удивлялся, если услышитъ упреки себѣ въ томъ, что онъ такъ скоро, будто бы безъ всякой борьбы, отказался отъ своихъ идеаловъ и даже продалъ ихъ. Въ универси-

тетскомъ городкѣ, говорила она, всѣ были недовольны и, надо сознаться, не безъ основанія, тѣмъ, что онъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь. www.libtool.com.cn

Эрихъ улыбнулся. Онъ съ самаго начала очень хорошо зналъ, что надъ нимъ будутъ безпощадно смѣяться всѣ привычные по-сѣтители казино. Онъ живо представлялъ себѣ ихъ сидящими вокругъ грязнаго стола, прикрытаго клеенчатой скатертью, и ему даже казалось, что онъ слышитъ всѣ ихъ болѣе или менѣе остроумныя выходки на его счетъ. Такого рода вещи въ настоящій вечеръ не могли его смутить.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело на Эриха письмо Зонненкампа, который его уполномочивалъ, если онъ сочтетъ это удобнымъ, вмѣстѣ съ Роландомъ пріѣхать къ нему въ Біарицъ.

— Отецъ, безъ сомнѣнія, тоже останется доволенъ твоимъ сегодняшнимъ успѣхомъ, сказалъ Роландъ, ложась спать. Одна изъ монахинь, сопровождавшихъ Манну, правда, замѣтила, что врядъ ли это ему понравится, но откуда ей знать?

Эрихъ смутился. На него снова тяжелымъ камнемъ легло сознаніе своей зависимости. Поступивъ на службу къ Зонненкампу, онъ, такъ сказать, вполне отдался въ его распоряженіе и долженъ былъ при каждомъ своемъ поступкѣ, каждомъ шагѣ мысленно задавать себѣ вопросъ, будетъ ли это ему пріятно или нѣтъ.

Надъ Эрихомъ точно повисла темная туча, которая омрачила всѣ воспоминанія протекшаго дня. Отъ веселаго настроенія духа не осталось и слѣдовъ: оно уступило мѣсто тоскѣ.

ГЛАВА XIV.

ВЛИЖНІЙ.

Дни опять потекли своимъ чередомъ, спокойно и однообразно, посреди занятій и прогулокъ. Однажды на виллу пришелъ ловчій и обратился къ Роланду съ просьбой исполнить данное ему обѣщаніе и сверху до низу показать ему домъ.

— На что это вамъ? спросилъ Эрихъ.

— Мнѣ хотѣлось бы хоть мелькомъ взглянуть, какъ это живутъ богатые люди и что они могутъ себѣ достать за деньги.

Слова эти сопровождались плутовскимъ взглядомъ, но Эриху ничего больше не оставалось, какъ дать свое позволеніе. Онъ сначала думалъ послать съ ними слугу, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и самъ съ ними пошелъ. Онъ вообще не охотно ос-

тавляяъ Роланда одного съ Клаусомъ, боясь, чтобъ сужденія послѣдняго о бѣдныхъ и богатыхъ не произвели на мальчика вреднаго по своей преждевременности впечатлѣнія.

Они долго бродили по комнатамъ, переходя изъ этажа въ этажъ. Клаусъ едва осмѣливался ступать и то и дѣло приговаривалъ:

— Да, да, все это можно купить за деньги! Чего только съ ними не сдѣлаешь!

Въ большой концертной залѣ ловчій остановился на возвышеніи и закричалъ оттуда Эриху:

— Господинъ капитанъ, могу ли я вамъ сдѣлать вопросъ?

— Почему же нѣтъ, если я въ состояніи на него отвѣчать.

— Скажите мнѣ честно и откровенно, что сдѣлали бы вы, еслибъ.... я знаю, у васъ свободный образъ мыслей и вы любите людей.... что сдѣлали бы вы, еслибъ были владѣтелемъ этого дома и нѣсколькихъ милліоновъ?

Голосъ Клауса громко раздавался въ пустой залѣ, гдѣ его еще повторяло эхо, точно желая продолжить въ слушателяхъ непріятное ощущеніе.

— Да, что сдѣлали бы вы? повторилъ ловчій: или у васъ не имѣется на этотъ вопросъ отвѣта?

— Я считаю излишнимъ вамъ отвѣчать.

— Да и не надо; я самъ знаю!

Клаусъ сошелъ съ возвышенія и продолжалъ:

— Я, какъ вамъ извѣстно, полевой сторожъ, не сплю по ночамъ, а все брожу и терзаюсь мыслью, которая преслѣдуетъ меня, какъ злой духъ. Въ головѣ моей постоянно вертится вопросъ: что сдѣлалъ бы я, еслибъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько милліоновъ? Я просто одурѣлъ отъ усилій разрѣшить этотъ вопросъ и все напрасно. Но, какъ я вижу, и вы не дальше моего ушли.

— Вы такъ-таки совсѣмъ и не знаете, что сдѣлали бы съ богатствомъ? спросилъ Эрихъ.

— Еслибъ у меня было много денегъ, съ лукавой улыбкой возразилъ ловчій, я бы прежде всего хорошенько отколотилъ нашего ландрата, хотя бы мнѣ за это пришлось заплатить тысячу гульденовъ штрафу: онъ вполне стоитъ.

— А потомъ?

— Потомъ.... право не знаю.

Эрихъ взглянулъ на Роланда. Мальчикъ смотрѣлъ на него мутными глазами, былъ какъ-то блѣденъ и крѣпко сжалъ губы. Наивность богатства, о которой такъ много говорилъ Кнопфъ, казалось потерпѣла въ немъ сильный толчекъ. Возстановить ее

въ будущемъ не предвидѣлось возможности, а между тѣмъ Роландъ еще не успѣлъ достаточно созрѣть для того, чтобъ разомъ найти выходъ изъ сомнѣній, въ какія его повергли слова Клауса.

Эрихъ сказалъ Роланду по-англійски, что послѣ все ему объяснить, но теперь не можетъ этого сдѣлать въ присутствіи такого грубаго, необразованнаго человѣка, какъ ловчій.

— А вопросъ его развѣ былъ грубъ и неоснователенъ? спросилъ Роландъ на томъ же языкѣ. Эрихъ замолчалъ. Онъ считалъ себя не въ правѣ для собственнаго своего успокоенія и облегченія давать уму своего воспитанника ложное направленіе.

— Ха, ха, ха! язвительно смѣялся Клаусъ. Теперь моя очередь на васъ перейти. Куда бы вы ни пошли, что бы вы ни дѣлали, въ вашихъ ушахъ постоянно будетъ звучать вопросъ, который до сихъ поръ меня всюду преслѣдовалъ. Отлично! А когда вы найдете на него отвѣтъ, не забудьте подѣлиться имъ со мною.

Онъ надѣлъ шляпу и быстро удалился.

Въ этотъ день не было никакой возможности заставить Роланда чѣмъ-нибудь заняться. Онъ до самаго вечера просидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Ночью, послѣ того какъ Эрихъ уже успѣлъ заснуть, его вдругъ разбудилъ порошокъ въ смежной съ его комнатою библіотекѣ, и онъ увидѣлъ тамъ Роланда. Эрихъ не мѣшалъ ему, но когда мальчикъ вернулся въ свою комнату, онъ въ свою очередь вошелъ въ библіотеку посмотреть, какая книга вдругъ понадобилась его воспитаннику. Оказалось, что Роландъ приходилъ за Библіей. Ему, безъ сомнѣнія, захотѣлось прочесть главу о богатомъ юношѣ. Сѣмя, въ немъ долгое время дремавшее, начинало всходить.

До сихъ поръ Эрихъ одинъ дѣйствовалъ на Роланда, стараясь подготовить его къ принятію жизненныхъ истинъ, которыя въ послѣдствіи должны были передъ нимъ раскрыться. Но вотъ выдвинулась впередъ посторонняя сила, неправильная, непрошенная и грубо разбудила то, чему до поры до времени еще слѣдовало дремать. Что такое вся наша ученость и подготовка? Въ нравственномъ мірѣ все тоже, что и въ природѣ. Почки не замѣтно растутъ, наливаются, но вдругъ надъ ними грянетъ громъ и онѣ въ одну ночь распускаются. Теперь настала гроза для Роланда, и Эрихъ не могъ его отъ нея защитить.

На слѣдующее утро Роландъ очень рано вошелъ къ Эриху и сказалъ:

— У меня есть до тебя просьба.

— Говори, если думаешь, что я могу ее исполнить.

— Конечно можешь, забудемъ на сегодняшний день о книгахъ и пойдемъ въ крѣпость.

— Сейчасъ?

— Да. Я хочу это на самомъ себѣ испытать, хотя въ теченіи одного дня.

— Что такое?

— Я хочу поработать вмѣстѣ съ каменщиками, буду ѣсть и пить то, что они пьютъ и ѣдятъ и стану таскать одинаковыя съ ними тяжести.

Эрихъ отправился съ Роландомъ въ замку, и дорогой сказалъ ему:

— Роландъ, твое желаніе прекрасно, оно мнѣ нравится, но обдумалъ ли ты его хорошенько? Ты предпринимаешь не одинаковый съ каменщиками трудъ, а гораздо болѣе тяжкій, потому что ты къ нему не привыкъ. Этотъ день покажется тебѣ въдесятеро труднѣе, нежели имъ; ты до сихъ поръ жилъ въ совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ они. Что для нихъ вошло въ привычку, то для тебя усиленный трудъ, къ которому врядъ ли ты способенъ, такъ какъ силы твои до сихъ поръ не подвергались ничему подобному. Ты являешься въ крѣпость прямо изъ мягкой постели, о какой ни одинъ изъ этихъ работниковъ и понятія не имѣетъ; у тебя бѣлыя нѣжныя руки и вслѣдствіе всего этого ты не достаточно вооруженъ для такого рода труда. Ты и послѣ этого опыта не уяснишь себѣ, насколько дѣйствительно трудна жизнь бѣдняка, который, владея только данной ему самой природой силой, употребляетъ ее на добываніе себѣ хлѣба.

Роландъ остановился и въ словахъ, которыя онъ произнесъ, ясно отразилось вліяніе прочитанной ночью главы изъ Евангелія.

— Что же я долженъ сдѣлать, началъ онъ дрожащимъ голосомъ, чтобъ исполнѣ понять жизнь моихъ ближнихъ и встать на равную съ ними ногу.

Эрихъ былъ пораженъ и съ трудомъ удержался, чтобъ не выказать счастья, какое его внезапно охватило. Съ этой минуты онъ могъ быть спокоенъ: юноша, который носилъ въ себѣ такую мысль и желѣвалъ въ сердцѣ подобное желаніе, никогда болѣе не свернетъ съ истиннаго пути и не перестанетъ вѣрить въ равноправность людей.

Но Эриху удалось совладать собой и онъ совершенно спокойно сказалъ:

— Милый Роландъ, — онъ его въ первый разъ такъ называлъ — милый Роландъ, весь міръ есть не что иное, какъ обширная арена соединеннаго труда. Нельзя сказать, чтобъ на каждую

личность непременно выпадала одинаковая доля его, но несомненно то, что на каждом человеке лежат обязанности, не только в отношеніи къ самому себѣ, но и къ своимъ ближнимъ. Мы должны быть всегда готовы по мѣрѣ силъ оказывать помощь тому, кто въ ней нуждается. Тебѣ со временемъ предстоитъ совсѣмъ иной трудъ, чѣмъ тотъ, какой выпадаетъ на долю людей, таскающихъ камни и дѣйствующихъ молотомъ. Твои обязанности выше и въ тоже время отраднѣе. Пойдемъ. Тебѣ остается еще многому научиться и многое себѣ уяснить.

ГЛАВА XV.

МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЙ.

Библия повѣствуетъ о томъ, какъ Авраамъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Исаакомъ взбирались на гору для принесенія Богу жертвы. Мальчикъ шелъ молча, погруженный въ самого себя. «Но гдѣ же жертва?» спросилъ бы онъ наконецъ, не подозревая, что самъ онъ и есть эта жертва.

Такъ точно шелъ Роландъ возлѣ Эриха, раздумывая о всемъ только-что слышанномъ. Онъ хотѣлъ принести себя въ жертву, но она оказалась не нужной. Что же ему остается теперь дѣлать?

Они сѣли на одномъ изъ уступовъ горы, откуда растиался обширный видъ. Эрихъ взялъ за руку своего воспитанника и сказалъ:

— Итакъ, совершилось то, что я надѣялся случится съ тобой гораздо позже. Я желалъ бы, чтобъ ты еще долго не задавалъ себѣ подобнаго вопроса и во всякомъ случаѣ дошелъ бы до него совсѣмъ инымъ путемъ. Но пусть будетъ такъ. Скажи же мнѣ, знаешь ли ты, что такое богатство?

— Да. Богатство — это когда человекъ имѣетъ больше, чѣмъ ему нужно.

— А посредствомъ чего доходить онъ до этого большаго, до этого излишка?

— Посредствомъ наслѣдства и приобрѣтенія.

— А какъ ты полагаешь, животное можетъ быть богато?

— Не думаю.

— Конечно, нѣтъ. Каждое животное имѣетъ и сѣдаетъ столько, сколько съ искони вѣковъ имѣло и сѣдало всякое другое одной съ нимъ породы. Но можно ли тоже самое сказать

о людяхъ? Тѣ, которые живутъ теперь, не превосходятъ ли въ чемъ-нибудь своихъ предшественниковъ?

— Я думаю, что да.

— И ты полагаешь, что люди постоянно будутъ идти впередъ?

— Я надѣюсь.

— А что дѣлаетъ ихъ лучше?...

— Образование.

— Но возможно ли образованіе тамъ, гдѣ человѣкъ съ утра до ночи работаетъ исключительно для удовлетворенія своихъ необходимыхъ потребностей?

— Едва ли.

— Что же нужно человѣку для того, чтобъ онъ могъ съ успѣхомъ трудиться надъ развитіемъ самого себя и подобныхъ себѣ?

— Свободное время.

— А это свободное время, что другое можетъ ему его дать, кромѣ излишка рабочихъ силъ, или другими словами—богатства?

— Повидимому, ничто?

— Замѣть же себѣ хорошенько: богатство — это соединеніе силъ, которыя не требуютъ немедленнаго примѣненія къ дѣлу.

— Подожди минутку, остановилъ его Роландъ и погрузился въ размышленія. Глаза его были неподвижно устремлены вдаль.

— Да, такъ... теперь я понимаю. Продолжай пожалуйста.

— Что же по твоему, опять началъ Эрихъ: — долженъ дѣлать человѣкъ, обладающій такимъ количествомъ силъ, которое избавляетъ его отъ необходимости работать.

— Не знаю.

— Хорошо, я тебѣ скажу. Человѣкъ, имѣющій болѣе, чѣмъ то необходимо для его существованія, стремится къ украшенію и возвышенію жизни, къ искусству, къ наукѣ. Богатство такимъ образомъ даетъ человѣчеству возможность развиваться, идти впередъ. Уже одно то, что человѣкъ можетъ быть богатымъ, обусловливаетъ его высшее назначеніе; онъ живетъ на счетъ другихъ и для другихъ. Безъ излишка соединенныхъ силъ, безъ богатства, невозможно ни высшее пониманіе жизни, ни украшеніе ея, ни наука, ни искусство. Изъ всего этого слѣдуетъ, что задача богатства — хранить и умножать въ мірѣ высшія блага жизни.... Богатый человѣкъ богатъ не для себя: все, что онъ дѣлаетъ для науки, для искусства, для ремесла, съ цѣлью приобрѣсти какъ можно болѣе сверхъ необходимаго, — все это онъ дѣлаетъ съ содѣйствіемъ другихъ, для него работающихъ. Такъ что въ концѣ концовъ выходитъ, что богачъ богатъ не чрезъ

самого себя и не для себя. Онъ, въ сущности, ничто иное, какъ управляющій послѣдствіями, вытекающими изъ труда, и обязанность его обращать ихъ на благоустройство человѣчества.... Посмотри: вонъ тамъ разстилаются поля, возвышаются виноградныя горы, — чьи они? Тамъ стоятъ камни, обозначающіе границы между твоимъ и моимъ. Никто не смѣетъ переступить этихъ границъ и вторгаться въ чужія владѣнія. Эти отдѣльно стоящіе камни передъ глазами совѣсти соединяются въ одно и слагаются въ величавый храмъ законности, который служитъ оплотомъ человѣчеству. Не столь явны, но не менѣе прочны и тѣ камни, которые распредѣляютъ нравственные границы жизни. Ты не имѣешь права касаться того, что принадлежитъ другому, то-есть, ни развитія и хода его работы, ни его природныхъ силъ.... Смотри, вонъ тамъ внизу швейперъ стоитъ у руля, виноградарь взрываетъ землю, чтобъ корнямъ винограда легче было вбирать въ себя дождевую влагу; птица летаетъ надъ рѣкой, люди дѣйствуютъ веслами и лопатой, звѣри ходятъ и пресмыкаются, отыскивая себѣ пищу. Вдругъ передъ человѣкомъ является искушеніе и говоритъ ему: «Предоставь другимъ за тебя работать, а самъ питайся ихъ плодомъ. Не смотри на нихъ, а только собирай деньги за ихъ труды. Золото не плачетъ, не жалуется, а только блеститъ. Съ золотомъ ты можешь пѣть, плясать, пользоваться людьми и трудомъ ихъ израненныхъ рукъ. Не стыдись, не робѣй: міръ — это обширное поле для грабежа, гдѣ всякій хватается, что можетъ». Такъ говоритъ искушеніе, но съ другой стороны духъ истины шепчетъ: «Ты не болѣе того, что въ тебѣ заключается. То, чѣмъ ты владѣешь, конечно, твое, но оно не *ты*, не собственная твоя личность, и завтра же можетъ быть отъ тебя отнято. Но сегодня оно еще тебѣ принадлежитъ, и ты можешь употребить его на тысячи ладовъ, такъ, чтобъ и тебѣ и твоимъ близкимъ было отъ этого одинаково хорошо.... Ты не гений — постарайся развить въ себѣ мужество и образованіе: *это* ты можешь приобрести, завоевать, а съ ними и все то, чего дѣйствительно стоить желать. Слава и величіе прекрасны, но не всѣмъ доступны, тогда какъ быть счастливымъ, добрымъ и честнымъ можетъ всякій человѣкъ. Богатство — это орудіе, которое ко многому можно примѣнить, надо только знать, какъ имъ владѣть. Ты не въ состояніи уничтожить въ мірѣ зло, избавить людей отъ голода, болѣзни, пороковъ, но ты не долженъ пренебрегать силой, которую держишь въ своихъ рукахъ, — на тебѣ лежитъ великая обязанность, съ помощью этой силы поддерживать въ мірѣ прекрасное и великое... Радуйся же своему богатству: оно дастъ тебѣ возможность творить добро и доставлять

людямъ радости. Но прежде всего позаботься самъ достигнуть известной степени высоты, научись безъ многого обходиться, развей въ себѣ любовь къ дѣятельности и самостоятельности на тотъ случай, еслибъ ты вдругъ лишился всякой внѣшней опоры. Кто привыкъ въ трудныя минуты жизни всегда полагаться на какую-нибудь постороннюю силу, тотъ неизбежно падаетъ, лишь только у него не достаетъ этой силы. Держись крѣпко за самого себя, научись познавать самого себя и управлять собой, равно какъ и всѣмъ, что тебя окружаетъ... Ты еще имѣешь время приготовиться къ жизни, у тебя пока нѣтъ обязанностей въ отношеніи къ другимъ, но всѣ онѣ вертятся исключительно около тебя самого. Собирай всѣ свои силы и не трать ихъ понапрасну. Только тотъ, кто умѣетъ ими распоряжаться, можетъ быть по истинѣ названъ богатымъ. Въ противномъ случаѣ, ты, несмотря на обладаніе милліонами, всегда будешь бѣденъ. Итакъ, научись быть господиномъ самого себя, и ты станешь господиномъ своего богатства...

Послѣ этого они долго сидѣли молча. Почти никогда нельзя предвидѣть, какое направленіе приметъ брошенная въ молодой умъ мысль, во что она разовьется и къ чему приведетъ.

— Желалъ бы я знать, промолвилъ наконецъ Роландъ, что было во время открытія Америки.

Эрихъ яркими чертами изобразилъ своему воспитаннику волненіе умовъ, ознаменовавшее XVI-е столѣтіе, славное столькими важными открытіями. «Въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, говорилъ онъ, жилъ человѣкъ, утверждавшій, что земля, на которой мы живемъ, не есть неподвижная точка, но что она движется на своей оси и вокругъ солнца. Понятія, какихъ человѣчество придерживалось въ теченіе вѣковъ, должны были внезапно измѣниться. Оказалось, что люди живутъ на шарѣ, по немъ ходятъ и плаваютъ, воздвигаютъ себѣ на немъ зданія, а шаръ этотъ находится въ непрерывномъ движеніи. Люди, совершенно естественно, пришли въ ужасъ. Передъ ними исчезалъ небесный кровъ, оказывалось, что неба вовсе не было,—неба, на которое съ искони вѣковъ привыкли смотрѣть, какъ на жилище царя вселенной. Старое понятіе вытѣснялось, и мѣсто его занимало новое ученіе о пространствѣ, населенномъ звѣздами, которыя тоже двигаются и одна другую притягиваютъ и отталкиваютъ. Явился еще человѣкъ, и словомъ своимъ потрясъ авторитетъ возсѣдающаго на тронѣ первосвященника, который, называя себя представителемъ Вѣчнаго Духа на землѣ, предписываетъ людямъ, во что они должны вѣрить и на что надѣяться. Распалась церковь, а вмѣстѣ съ ней и весь образованный міръ. Въ то же время тре-

тѣмъ смѣлчакъ садился на ворабль, плыль въ западу и отрывалъ Новый Свѣтъ. Обитаемое нами жилище внезапно оказалось вдвое больше прежняго. Во вновь открытомъ полушаріи тоже жили люди, которые до тѣхъ поръ и не подозрѣвали о нашемъ существованіи. А тамъ, у нихъ, водились звѣри и растенія, текли рѣки, возвышались горы и лѣса, о которыхъ мы, въ свою очередь, ничего не знали. То, что Коперникъ, Лютеръ и Колумбъ, эти три великіе ума, совершили почти одновременно, непременно должно было сильно взволновать умы и произвести въ мірѣ великій переворотъ. Еслибъ въ наше время вдругъ явился кто-нибудь, кому удалось бы уничтожить всякую личную собственность, такъ что никто болѣе ничѣмъ не могъ бы владѣть исключительно для себя, врядъ ли волненіе умовъ достигло бы такихъ же размѣровъ, какъ тогда!»

Роландъ слушалъ молча, внутренне восхищаясь Эрихомъ, который умѣлъ раскрыть передъ нимъ столько новаго и великаго въ жизни. А Эрихъ, замѣтя, какое сильное впечатлѣніе произвели на мальчика его слова, не хотѣлъ болѣе ему ничего рассказывать или объяснять, изъ опасенія ослабить это впечатлѣніе. Но въ тоже время онъ съ безпокойствомъ задавалъ себѣ вопросъ: не рано-ли еще говорить съ Роландомъ о такихъ предметахъ, которые врядъ-ли могутъ быть имъ вполне понятны. Впрочемъ, онъ утѣшалъ себя мыслью, что церковь, ни мало не задумываясь, предлагаетъ молодымъ умамъ многое такое, въ чемъ они еще вовсе не чувствуютъ потребности и что никакимъ образомъ не можетъ быть имъ доступно. Отчего же и ему не дѣлать того же въ надеждѣ, что истины, раскрываемыя передъ мальчикомъ теперь, будутъ имъ усвоены въ болѣе зрѣломъ возрастѣ?

Размышленія обоихъ были прерваны архитекторомъ, пришедшимъ сообщить имъ новость. Работники отрыли въ развалинахъ крѣпости римскую гробницу, въ которой были найдены урна, цѣпь и скелетъ.

Эрихъ и Роландъ немедленно отправились взглянуть на эти вещи. Видъ скелета произвелъ на мальчика потрясающее впечатлѣніе.

Что такое міръ? что такое жизнь? Будущія поволенія отрываютъ въ землѣ скелетъ и равнодушно на него смотрятъ. Ихъ только интересуютъ находимыя при этомъ слѣды прежнихъ временъ, остатки древней промышленности... Да, что такое жизнь?

Роланда точно пробудили отъ сна слова Эриха, который говорилъ о томъ, какъ обрадуется этому открытію графъ Клодвигъ. Мальчикъ мало-по-малу оправился отъ тяжелаго ощуще-

нїя и вскорѣ вовсе его забылъ, заинтересованный тѣмъ, что около него дѣлалось и говорилось. Эрихъ не могъ достаточно налюбоваться на двойную способность юношескаго возраста сильно чувствовать и быстро переходить отъ одного впечатлѣнїя къ другому. Это въ одно и тоже время составляетъ легкость и трудность воспитанїя.

Роландъ изъявилъ желаніе тоже собирать древности. Эрихъ исполнивъ его одобрилъ и замѣтилъ при этомъ, что такого рода коллекціи лучше всего изображаютъ собой чистую идею собственности. Онѣ не принадлежать исключительно тому лицу, которое называетъ ихъ своими, но составляютъ достояніе всего міра, привлекающаго изъ нихъ свѣдѣнїя о временахъ давно прошедшихъ. Никто не долженъ одинъ владѣть подобными вещами: онѣ безспорно принадлежать всѣмъ и каждому.

Это маленькое событіе казалось успокоительно подѣйствовало на Роланда. Однако онъ дорогою опять обратился къ Эриху за разрѣшенїемъ того же вопроса.

— Эрихъ, началъ онъ: скажи же мнѣ наконецъ, что бы ты сдѣлалъ со всѣмъ этимъ богатствомъ, еслибы оно было твое? Есть ли у тебя на это готовый отвѣтъ?

— Не совсѣмъ. Но я полагаю, что много тратилъ бы на опыты и усилїя облегчать страждущихъ и неимущихъ. Этотъ вопросъ меня въ послѣднее время сильно занималъ. Я прежде всего постарался себѣ объяснить, что такое одинъ или нѣсколько милліоновъ? Что они означаютъ?

Эрихъ остановился, а Роландъ спросилъ:

— Ну, и ты нашелъ объясненіе? что же они означаютъ?

— Желая все это какъ можно яснѣе себѣ представить, я постарался опредѣлить, какое количество хлѣба можно приобрести на милліонъ, и съ помощью этого нѣсколько дѣтскаго вопроса, мнѣ удалось выбраться на дорогу, которую я и считаю настоящей.

— А именно?

— Я вслѣдъ за тѣмъ рассчиталъ существованіе сколькихъ семействъ изображаетъ милліонъ, то-есть, сколько семействъ могутъ жить на одинъ милліонъ? Вотъ путь, который я избралъ, но онъ еще далеко не довелъ меня до цѣли. Какъ бы то ни было, я повторяю тебѣ: намъ прежде всего слѣдуетъ воспитать въ себѣ желаніе, во всякое время и во всякомъ положенїи дѣйствовать согласно съ истиной и справедливостью. А что принесетъ съ собою время и въ какое оно поставитъ тебя положеніе, — этого никто не можетъ ни предвидѣть, ни опредѣлить.

— Не покидай меня, но оставайся всегда со мной и помо-

гай мнѣ! съ мольбой въ голосъ произнесъ Роландъ. Эрихъ взялъ его за руку и крѣпко ему ее пожалъ.

Черезъ нѣсколько времени они пришли на виллу.

ГЛАВА XVI.

У ДОБРАГО СОСѢДА.

Въ жизни встрѣчаются страннаго рода случайности. Въ крѣпости Эрихъ и Роландъ говорили о Клодвигѣ, а вернувшись домой, они нашли отъ него извѣстіе. Графъ съ женою возвратились изъ путешествія на-воды и предполагали на слѣдующій же день навѣстить Роланда и Эриха.

Клодвигъ сильно загорѣлъ, а Белла казалась очень веселой. Съ распущеннымъ шлейфомъ проходя по парку и роскошно убраннымъ комнатамъ виллы, она напоминала собою красиваго павлина. Роландъ не замедлилъ объявить о наканунѣ сдѣланномъ въ крѣпости открытіи. Лице его сіяло радостью, когда Клодвигъ предложилъ ему оставить найденныя вещи у себя и положить ими основаніе будущей коллекціи древностей. Опытъ, прибавилъ графъ, докажетъ ему со временемъ, что никакія радости въ мірѣ не могутъ сравниться съ тѣми, которыя доставляетъ наука. Роландъ въ отвѣтъ кивнулъ головой и взглянулъ на Эриха. Клодвигъ между прочимъ сообщилъ, что онъ приобрѣлъ въ путешествіи много разныхъ рѣдкостей, которыя будутъ ему въ скоромъ времени доставлены въ Вольфсгартенъ. Онъ встрѣтился на-водахъ и очень сблизился съ однимъ знаменитымъ антикваріемъ, который зналъ Эриха и даже нѣкогда былъ его профессоромъ.

Эрихъ извинился передъ Клодвигомъ въ томъ, что не могъ навѣстить его, когда тотъ приглашалъ его передъ своимъ отъѣздомъ изъ Вольфсгартена. Тутъ снова выказалась вся милая простота графа, въ которомъ не было ни малѣйшей склонности къ обидчивости. Доброта и сознаніе собственнаго достоинства заставляли его всегда снисходительно смотрѣть на маленькія упущенія и неловкости, какія могли быть сдѣланы въ отношеніи къ нему. Занимая высокое и прочное положеніе въ свѣтѣ, онъ былъ далекъ отъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ его добровольно оскорбить.

— Вы никогда не должны передо мной ни въ чемъ извиняться, сказалъ онъ Эриху и съ нѣжностью отца взялъ его за руку. Вы вылечили меня отъ эгоизма, котораго я никакъ не ожидалъ найти въ себѣ такой запасъ. Я теперь ясно вижу, лю-

безный другъ, что вамъ надо предоставить самому прокладывать себѣ путь въ жизни. И съ этихъ поръ я удовольствуюсь тѣмъ, что буду смотрѣть на васъ только какъ на добраго сосѣда. Пріятное сосѣдство, даже и у римлянъ, кромѣ политическаго, имѣло еще другое, болѣе общечеловѣческое значеніе.

Клодвигъ предложилъ тостъ за доброе сосѣдство и, опорожнивая свой стаканъ, ласково смотрѣлъ на Эриха.

Послѣ того графъ и его жена принялись наперерывъ другъ передъ другомъ рассказывать подробности своего свиданія съ матерью Эриха. Они нарочно заѣзжали въ университетскій городокъ и ночевали тамъ, чтобъ повидаться съ профессоршей. Клодвигъ однако вскорѣ оставилъ Беллу говорить одну, замѣтя, съ какимъ жаромъ и искренностью она осыпала похвалами благородную женщину, которую онъ самъ отъ души уважалъ.

Белла очень мило описала уголокъ близъ фортепіано, гдѣ обыкновенно сидѣла профессорша у окна, заставленнаго цвѣтами. Передъ ней, въ простѣвнѣ, висѣли портреты мужа и умершаго сына; нѣсколько ниже видѣлся въ рамѣ и подъ стекломъ бѣлокурый локонъ бабушки, а по бокамъ его пастельныя изображенія прадѣда и прабабушки. Но какъ въ лицѣ, такъ и во всей фигурѣ профессорши не было ничего печальнаго или угрюмаго, напротивъ того, она отличалась веселымъ, общительнымъ нравомъ и спокойнымъ взглядомъ на жизнь.

Графъ и графиня рассказывали о прогулкахъ по прелестной долинкѣ, о поѣздѣ къ знаменитой часовнѣ на горѣ, а Эриху казалось, что онъ слышитъ голосъ матери и видитъ ее сидящую рядомъ съ Клодвигомъ и его женой. Такимъ образомъ, прошло около часу въ бесѣдѣ, пріятной для Эриха и повидимому ни чуть не утомительной для Роланда, который вдругъ воскликнулъ съ блестящими глазами:

— А обо мнѣ она ничего не говорила?

— Напротивъ, очень много, даже почти больше чѣмъ о своемъ собственномъ сынѣ, отвѣчала Белла, снова обратясь къ Эриху. Какое умильное зрѣлище, продолжала она, все говоря о профессоршѣ, представляетъ эта благородная женщина, живущая вдали отъ свѣта, но заключающая цѣлый міръ въ самой себѣ, ни въ чемъ не нуждающаяся, а между тѣмъ такъ во многомъ себѣ отказывающая.

Клодвигъ, слушая жену, улыбнулся: она опять повторяла его слова, но вслѣдъ за тѣмъ однако успѣшила прибавить и свое.

— Знаете ли, капитанъ, сказала она, я васъ вполнѣ узнала только съ тѣхъ поръ, какъ имѣла счастье поближе познакомиться съ вашей матушкой. Мы съ ней между прочимъ условились время

отъ времени переписываться, не ставя этого однако себѣ въ непремѣнную обязанность.

Эриху становилось все пріятнѣе въ обществѣ Клодвигъ и Беллы: ихъ точно соединялъ духъ его матери, которая какъ будто невидимо между ними присутствовала.

— Намъ однако не слѣдуетъ забывать и тетюшку, замѣтилъ Клодвигъ. Онъ теперь возобновилъ съ ней знакомство, но хорошо помнилъ ее въ молодости, когда она, не смотря на свое мѣщанское происхожденіе, была представлена ко двору и принята въ лучшее общество, гдѣ сіяла рѣдкой красотой. Рассказывая все это, графъ умалчалъ о томъ, какъ ходили слухи о поэтической привязанности между ней и принцемъ Германомъ, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Многіе полагали, что любовь эта и была причиной того, что фрейленъ Дорнэ отказала многимъ весьма выгоднымъ женихамъ и навсегда осталась въ дѣвушкахъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились гулять въ садъ.

— Ваша молодость была очень счастлива, но вамъ недоставало одного — начала Белла.

— Чего?

— Сестры.

— Осмѣливаюсь думать, что я нашелъ ее въ васъ, тихо произнесъ Эрихъ.

Белла опустила глаза въ землю, а потомъ, завидѣвъ Роланда, позвала его и всѣ вмѣстѣ отправились въ крѣпость. Клодвигъ просилъ архитектора, чтобъ тотъ, имѣя въ виду интересы его молодого друга, Роланда, былъ очень осмотрителенъ въ производимыхъ имъ работахъ и не оставлялъ безъ вниманія ни малѣйшаго намека на присутствіе здѣсь еще другихъ древностей.

Общество помѣстилось на одномъ изъ уступовъ скалы, гдѣ маіоръ устроилъ для себя удобное сѣдалище. Но вскорѣ Клодвигъ ушелъ и взялъ съ собой Роланда. Белла осталась одна съ Эрихомъ. Она была идиллически настроена и громко порицала длинныя шлейфы и вообще роскошь въ нарядахъ, несмотря на то, что, проѣзжая теперь черезъ Парижъ, запаслась въ немъ послѣдними модами и навезла съ собой цѣлую кучу платьевъ. Безъ видимой на то причины, Белла пожаловалась, что ее почти никто не понимаетъ. Всѣ подозрѣваютъ въ ней любовь къ роскоши, тогда какъ на дѣлѣ ея всегдашней мечтой было жить въ какой-нибудь хижинѣ на Рейнѣ, гдѣ она имѣла бы всего одну уютную, но теплую комнату.

— А кто бы вамъ топилъ эту комнату? спросилъ Эрихъ.

Белла смутилась.

— Вы правы, сказала она: — мы не созданы для идилли.

Затѣмъ настало продолжительное молчаніе.

— Вы знаете мою мать, заговорилъ наконецъ Эрихъ: — но еслибъ вы были еще знакомы съ моимъ отцемъ, я увѣренъ, что вы нашли бы большое удовольствіе въ его обществѣ.

— Я и его тоже знала. Но благодарю васъ: я понимаю вашу мысль. Вы желали бы подѣлиться со мной всѣмъ, что вамъ принадлежитъ.

Въ тонѣ ея звучало искреннее чувство, въ глазахъ свѣтился огонь, на щекахъ игралъ яркій румянецъ. Она устремляла на него пристальный взоръ, передъ которымъ онъ потупился.

— Вамъ кажется страннымъ, что я на васъ такъ смотрю, снова заговорила она. — Но мнѣ хотѣлось бы исполнить одно желаніе Клодвигъ, если только это не будетъ выше моихъ силъ. Ему давно хочется, чтобъ я сдѣлала вашъ портретъ, и я вздумала теперь попробовать, хватитъ ли у меня на это умѣнья. Только вмѣстѣ съ вами надо нарисовать также и нашего молодого друга... Роландъ! закричала она приближавшемуся мальчику: — пойдите сюда!

Съ раскраснѣвшимся лицомъ объявила Белла о своемъ намѣреніи приготовить Клодвигу, во дню его рожденія, пріятный сюрпризъ. Но сохранить при этомъ тайну оказывалось невозможнымъ и она рѣшилась дѣйствовать открыто.

— Прошу васъ, Роландъ, продолжала она: — встаньте у капитана между колѣнами. Вотъ такъ... хорошо! Положите вашу правую руку ему на плечо... подвиньте ее немножко впередъ... Такъ!... а голову поверните налѣво. Пожалуйста, капитанъ, начните говорить съ Роландомъ, какъ будто вы ему что-нибудь объясняете.

— Но право мнѣ нечего сказать, съ улыбкой возразилъ Эрихъ.

— Довольно пока... я видѣла движеніе губъ. Изобразить ихъ въ этомъ видѣ не легко, но я надѣюсь совладать съ трудностью. Когда мы назначимъ первый сеансъ?

Клодвигъ былъ очень доволенъ мыслью своей жены и сказалъ, что вообще не любитъ сюрпризовъ. Онъ предпочитаетъ имѣть въ виду удовольствіе и въ ожиданіи его наслаждаться надеждой. Затѣмъ Клодвигъ пригласилъ Эриха и Роланда погостить у себя въ Вольфсгартенѣ, прося ихъ остаться тамъ до самаго возвращенія Зонненкампа. Но Эрихъ дружески, однако рѣшительно отказался, говоря, что не хочетъ нарушать порядка, наконецъ установившагося въ занятіяхъ его воспитанника. Клодвигъ съ нимъ вполне согласился и общался въ скоромъ вр

мени опять прїѣхать на виллу вмѣстѣ съ Беллой, которая тогда же займется и портретомъ. Белла хотѣла заказать съ Роланда и Эриха фотографію для того, чтобъ отчасти руководствоваться ею и постоянно имѣть передъ глазами положеніе, въ какомъ намѣревалась ихъ изобразить. Но Кловдигъ ей это отсовѣтовалъ, говоря, что портреты, дѣлаемые съ помощью фотографическихъ снимковъ, всегда имѣютъ въ себѣ что-то натянутое и неестественное. «Фотографія, прибавилъ онъ, передаетъ только внѣшній видъ, такъ сказать, архитектуру человѣка, да и то при ложныхъ условіяхъ».

Роландъ попросилъ, чтобъ въ картину она помѣстила также и Грейфа. Кловдигъ поддержалъ его, замѣтивъ, что собака очень хорошо займетъ мѣсто на первомъ планѣ.

Белла вдругъ сдѣлалась угрюма и молчалива. Она на водахъ привыкла съ утра до вечера находиться въ оживленномъ обществѣ и теперь ей, болѣе нежели когда-либо, казалась скучной жизнь въ уединеніи, посреди древностей, въ которыхъ она, можетъ быть, мысленно причисляла и своего мужа. Переселеніе на виллу Эриха и Роланда ей въ высшей степени улыбалось, но гордый капитанъ мгновенно разрушилъ всѣ ея надежды. Этотъ молодой, высокопарный ученый, для каждаго, самаго ничтожнаго шага, имѣлъ готовые правила, отъ которыхъ нивогда не отступалъ. А мужъ ея, съ слабостью и несостоятельностью, свойственными преклоннымъ лѣтамъ, всегда во всемъ съ нимъ соглашался. У него, повидимому, не было другихъ мыслей, кромѣ тѣхъ, какія предлагалъ ему капитанъ.

Даже лице Беллы какъ будто осунулось. Она замѣтила въ себѣ этотъ недостатокъ самообладанія и поспѣшила оправиться. Обращеніе ея съ Эрихомъ было въ высшей степени дружелюбно, и когда молодой человѣкъ на прощаньи нагнулся, чтобъ поцѣловать ей руку, она слегка прижала ее къ его губамъ. Или это ему только показалось, а можетъ быть было просто слѣдствіемъ неловкаго съ его стороны движенія? Его вывели изъ раздумья слова Роланда.

— Знаешь ли, говорилъ мальчикъ: — мнѣ было очень неловко все время, когда графиня насъ устанавливала для портрета. А тебѣ? Она какъ-то особенно странно на тебя смотрѣла.

— Глазами художницы, отвѣчалъ Эрихъ, съ трудомъ переводя духъ.

Кто знаетъ, насколько было истины въ его словахъ?

ГЛАВА XVII.

www.libtool.com.cn

ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ ФОРМИРОВАТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Маіоръ, возвратясь изъ своей поѣздки, явился на виллу, безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній о своемъ визитѣ. Со своими коротко остриженными, бѣлыми какъ снѣгъ волосами, съ краснымъ, сильно загорѣлымъ лицомъ, онъ казался совершенно новымъ человѣкомъ. Да и самъ онъ утверждалъ, что всякій разъ, какъ погружался въ теплые источники, ему какъ будто приходило на память ощущеніе, какое онъ испытывалъ, когда его купали въ первый разъ послѣ рожденія. Онъ бузвально воображалъ себя младенцемъ и чувствовалъ около себя присутствіе невидимой кормилицы, которая, надъ нимъ наклонясь, ему улыбается и его обливаетъ теплой струей.

Маіоръ по обыкновенію тоже улыбался деревьямъ, цвѣтамъ, крышамъ, стѣнамъ, и въ особенности, человѣческимъ лицамъ.

Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что Эрихъ, какъ онъ выражался, взялъ мальчика прочь изъ строя и заставлялъ его экзерцироваться въ одиночку.—Это гораздо лучше, говорилъ онъ: то, что прежде дѣлалось въ недѣлю, теперь можетъ быть совершенно въ одинъ день.

Маіоръ, между прочимъ, просилъ Эриха извиниться передъ фрейленъ Милье въ томъ, что онъ ни разу не навѣститъ ее во время ея одиночества. Кромѣ того, онъ выразилъ желаніе, чтобъ Эрихъ какъ можно скорѣе побывалъ у него въ гостяхъ, «пока еще старшина тутъ», прибавилъ онъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ, что маіоръ жилъ во флигелѣ большого дома, весьма живописно расположеннаго на половинѣ горы и ввѣреннаго его надзору. Маіоръ очень заботливо охранялъ свою самостоятельность и вель самый независимый образъ жизни. Въ отношеніи къ старшинѣ онъ однако чувствовалъ себя обязаннымъ и постоянно восхвалялъ его доброту, расположеніе къ людямъ, а въ особенности краснорѣчіе. Что бы съ нимъ ни случилось хорошаго или пріятнаго, маіоръ прежде всего искалъ случая подѣлиться своимъ счастьемъ со старшиной. Теперь въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоялъ Эрихъ.

Молодой человѣкъ въ первый же праздничный день отправился навѣстить маіора. Ему не стоило особаго труда примирить съ собой фрейленъ Милье, а маіоръ встрѣтилъ его такимъ запомъ хохота, что вслѣдъ затѣмъ съ нимъ сдѣлался припадокъ кашля, и фрейленъ Милье пришлось его колотить по спинѣ.

Дѣло въ томъ, что доброму маіору, противъ обыкновенія, удалось съострить, и это-то и было причиной его веселья. Эрихъ, говорилъ онъ, находился въ положеніи родильницы. Произведи на свѣтъ прекраснаго юношу, молодой человѣкъ въ теченіи шести недѣль не рѣшался выходить изъ дому.

Фрейленъ Милькъ разсказала о торжествѣ Эриха на музыкальномъ праздникѣ.

— Отлично! воскликнуть маіоръ. На нашихъ музыкальныхъ празднествахъ не рѣдко встрѣчаются великолѣпные голоса. А поете вы: «Въ этихъ священныхъ чертогахъ?»

Эрихъ отвѣчалъ, что эта прекрасная арія къ сожалѣнію ему не по голосу.

— Ну, такъ спойте что-нибудь другое. Фрейленъ Милькъ хочется васъ послушать.

Эриху не мало труда стоило отклонить отъ себя эту дружескую просьбу. Но фрейленъ Милькъ, поблагодаривъ маіора, поддерживала Эриха въ его отказѣ. Было рѣшено отложить пѣніе до болѣе удобнаго вечера.

Но если фрейленъ Милькъ отличалась ласковымъ и пріятнымъ обращеніемъ, за то старшина поражалъ своей угрюмостью. Только такой кроткой, довѣрчивый человѣкъ, какъ маіоръ, могъ ладить съ нимъ, не возмущаясь его самоувѣреннымъ и покровительственнымъ тономъ. Маіоръ всячески старался сблизить своихъ гостей, но это ему не удалось. Старшина обошелся съ Эрихомъ свысока; называлъ его не иначе, какъ: «молодой человѣкъ», и закидалъ его совѣтами и правоученіями, какъ будто тотъ и не былъ въправѣ ничего болѣе отъ него ожидать. Эриху понадобилось все его самообладаніе, и много такту, чтобъ доказать этому человѣку все неприличіе подобнаго обращенія. И это ему было тѣмъ труднѣе, что старшина не отличался ни наблюдательностью, ни сообразительностью. Онъ въ присутствіи Роланда то и дѣло говорилъ о неопытности молодого человѣка, пришедшаго, какъ онъ полагалъ, вопрошать его какъ оракула. И дѣйствительно, онъ самыя обыкновенныя рѣчи, самыя избитыя общія мѣста произносилъ съ важностью оракула, при чемъ дѣлалъ выразительный жестъ лѣвой рукой, какъ будто бросалъ въ землю сѣмена.

Впрочемъ эта въ своемъ родѣ замѣчательная личность до нѣкоторой степени даже забавляла Эриха. Онъ видѣлъ въ ней одинъ изъ разнообразныхъ типовъ человѣческой породы и терпѣливо слушалъ его наставленія, такъ что старшина остался имъ вполне доволенъ, и когда онъ вышелъ погулять, даже сказалъ маіору:

— У молодого человека водятся въ головѣ мысли.

А между тѣмъ Эриху едва ли удалось выразить при немъ хоть одну мысль. Но онъ за то внимательно слушалъ, что говорилъ старшина, и этимъ самымъ вполне заслужилъ его одобрение. Вообще, удостоиться столь лестнаго со стороны старшины отзыва было не шуточное дѣло. Онъ обыкновенно признавалъ мысли только за однимъ собой, и весь міръ долженъ былъ приходиться къ нему у него заимствовать.

Вернувшись съ прогулки, Эрихъ нашелъ у маіора посланнаго изъ виллы съ извѣстіемъ, что на слѣдующій день туда придутъ Клодвигъ, Белла и Пранкенъ. Роландъ съ фрейленъ Милькъ вышелъ на дворъ полюбоваться молоденькими утятами. Маіоръ освѣдомился, въ какихъ отношеніяхъ находится Эрихъ съ Пранкеномъ. Эрихъ отвѣчалъ, что Пранкенъ вообще относится къ нему весьма дружелюбно и съ большимъ тактомъ.

Маіоръ, въ качествѣ офицера, выслужившагося изъ солдатъ, много страдалъ отъ пренебреженія своихъ товарищей благороднаго происхожденія и поэтому былъ сильно предубѣжденъ противъ знати. Онъ предостерегалъ Эриха на счетъ Пранкена, котораго впрочемъ находилъ весьма вѣжливымъ и пріятнымъ молодымъ человекомъ. — Къ тому же, прибавлялъ онъ, Эрихъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ забывать, что обязанъ ему своимъ вступленіемъ въ домъ Зонненкампа и сближеніемъ съ такимъ человекомъ, какъ Клодвигъ.

На возвратномъ пути Эрихъ сказалъ Роланду:

— Ну, Роландъ, теперь намъ предстоитъ доказать, что ничто въ мірѣ не можетъ намъ помѣшать въ нашихъ занятіяхъ. Пусть пріѣзжаетъ, къ намъ кто хочетъ, а мы все-таки будемъ ихъ продолжать, отдавая обществу и друзьямъ одни только свободные часы. Въ этомъ, видишь ли, и состоитъ трудность жизни. Изъ боязни отступить отъ свѣтскихъ приличій, а также изъ желанія не показаться неблагодарнымъ въ отношеніи друзей, которые намъ оказываютъ вниманіе, люди часто измѣняютъ самимъ себѣ и своимъ правиламъ. Мы же съ тобой будемъ твердо держаться установившагося въ нашихъ занятіяхъ порядка. Прежде исполнимъ наши обязанности въ отношеніи къ самимъ себѣ, а потомъ уже отдадимся свѣту. Кто же этого не въ состояніи сдѣлать, тотъ принадлежитъ свѣту, но никакъ не самому себѣ.

Въ сознаніи исполненнаго долга Эрихъ почерпнулъ новую силу и позабылъ обо всемъ, что его смущало и тревожило.

www.libtool.com ГЛАВА XVIII.

ПОСТОРОННІЙ ГЛАЗЪ НАЧИНАЕТЪ ПОДМЫЧАТЬ.

На слѣдующій день гости явились, какъ обѣщали. Пранкенъ ѣхалъ верхомъ, рядомъ съ каретой, въ которой сидѣли Клодвигъ и Белла, и гдѣ на задней скамьѣ красовались обтянутая бумагой большая рама и прекрасный ящикъ, украшенный тонкой мозаичной работой, съ карандашами.

Эриху и Роланду доложили о прибытіи гостей. Эрихъ послалъ имъ сказать, что просить ихъ всѣмъ распорядиться какъ у себя дома; слугамъ уже отданы по этому случаю приказанія; а самъ онъ сойдетъ внизъ черезъ часъ, лишь только окончитъ свои занятія съ Роландомъ. Гости въ изумленіи переглянулись. Пранкенъ за это время сильно перемѣнился; лице его приняло серьезное выраженіе, онъ только пожалъ плечами и какъ-то двусмысленно засмѣялся. Белла нашла поступокъ Эриха въ высшей степени неловкимъ и черезъ-чуръ педантическимъ. Клодвигъ видѣлъ въ немъ прекрасную черту характера, а Пранкенъ окрестилъ его просто хвастливой выходкой. «Молодой человѣкъ, говорилъ онъ, произнося эти два слова точь-въ-точь какъ старшина: рисуется своей приверженностью къ долгу».

Но нечего было дѣлать, и гости расположились подождать хозяевъ. Впрочемъ Эрихъ, надо отдать ему справедливость, явно позаботился объ ихъ удобствахъ и между прочимъ украсилъ всѣ комнаты цвѣтами.

Часъ вскорѣ прошелъ и Эрихъ не замедлилъ явиться, бодрый и веселый, въ расположеніи духа, какое даетъ человѣку только сознаніе исполненнаго долга и одержанной надъ самимъ собой побѣды.

Онъ пригласилъ гостей въ изящно убранную комнату въ сѣверной части дома, и тамъ Белла, послѣ легкаго завтрака, принялась за портретъ.

Клодвигъ остался съ женой и съ Эрихомъ. Роландъ, который пока еще не былъ нуженъ для портрета, въ сопровожденіи Пранкена отправился на конюшни. Пранкенъ держалъ себя настоящимъ членомъ семьи Зонненкампа, считая себя во время его отсутствія прямымъ хозяиномъ всего находящагося на виллѣ. Онъ приказалъ выводить передъ собой для осмотра лошадей изъ конюшенъ, взглянулъ на работы въ саду и похвалилъ слугъ за исправность.

— У васъ сегодня такое серьезное и задумчивое выраженіе

лица, каковаго мнѣ еще не случалось у васъ видѣть, замѣтилъ Клод-вигъ, смотря на Эриха. И дѣйствительно, того сильно тревожила мысль, что теперь Пранкенъ толкуетъ наединѣ съ Роландомъ.

Что такое воспитаніе, старанія дать юношѣ то или другое направленіе, если нельзя ни минуты быть спокойнымъ на счетъ того, какъ на него подѣйствуютъ слова или примѣръ совершенно посторонняго человѣка? Остается только утѣшать себя мыслью, что не одинъ человѣкъ воспитываетъ другого, а цѣлое общество, весь міръ участвуютъ въ приготовленіи къ жизни отдѣльныхъ личностей. Эрихъ однакожь не могъ предвидѣть, о чемъ говорилъ Пранкенъ съ его воспитанникомъ.

А Пранкенъ спрашивалъ у Роланда, читаетъ ли онъ ежедневно назначенное число страницъ изъ книги, присланной ему Манной. Роландъ отвѣчалъ отрицательно и вслѣдъ затѣмъ совершенно естественно заговорилъ о Веньяминѣ Франклинѣ, о Гайаватѣ, о Крассѣ, о наблюденіяхъ надъ грозой въ телеграфной станціи, объ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Банкрофта. Пранкенъ спросилъ еще, часто ли Роландъ пишетъ Маннѣ, и на этотъ разъ получилъ утвердительный отвѣтъ. Тогда Пранкенъ разсказалъ ему, что купилъ бѣлую, венгерской породы лошадь, которую теперь обѣзжаетъ для Манны.

— Ты можешь, если хочешь, ей объ этомъ написать, сказалъ онъ въ заключеніе.

Пранкенъ очень хорошо зналъ, что Роландъ никакъ не забудетъ сообщить сестрѣ новость, касающуюся бѣлой лошади съ розовыми поздрами. Вдобавокъ онъ обѣщалъ мальчику позволить ему когда-нибудь на ней поѣздить.

— А у этой лошади уже есть имя? спросилъ Роландъ.

Пранкенъ улыбнулся. Онъ видѣлъ, что извѣстіе о лошади успѣло сильно заинтересовать мальчика.

— Да, отвѣчалъ онъ. Ее зовутъ Армидой.

Тутъ Роланда позвали, такъ какъ настала его очередь позировать для портрета. Белла, набросивъ на бумагу первый очеркъ его лица и фигуры, захотѣла немного отдохнуть.

Пранкенъ между тѣмъ, не то дружески, не то повелительно пригласилъ Эриха пойти съ нимъ прогуляться въ саду и завелъ рѣчь о воспитаніи Роланда. Тонъ его дышалъ теплотой и довѣріемъ. Тутъ Эрихъ въ первый разъ получилъ понятіе о религіозномъ настроеніи духа Пранкена. Неужели, думалъ онъ, все это дѣлается съ цѣлью вѣрнѣе овладѣть сердцемъ воспитывающейся въ монастырѣ богатой наслѣдницы? Но къ чему же было Пранкену въ такомъ случаѣ прикидываться благочестивымъ въ путешествіи и на водахъ, гдѣ за нимъ не могло наблюдать ни одно

изъ заинтересованныхъ лицъ? Нѣтъ, вѣроятно въ немъ дѣйствительно совершился переворотъ. Подобное явленіе—не рѣдкость у натуръ подобныхъ ему, и которыя, разъ ставъ на эту дорогу, всегда начинаютъ съ особеннымъ рвеніемъ придерживаться обрядной стороны религіи.

— Я считаю своимъ долгомъ, началъ Пранкенъ, внезапно переходя къ другому предмету: и полагаю, что вы меня поймете и вполне одобрите... Я, видите ли, хочу поговорить съ вами объ одномъ весьма деликатномъ вопросѣ.

— Если я могу вамъ при этомъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ, то сочту себя за честь ваше довѣріе. Въ противномъ же случаѣ оно меня самымъ бесполезнымъ образомъ стѣснить и затруднить.

Такая сдержанность удивила и почти разсердила Пранкена. Однако онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и спокойно продолжалъ:

— Вамъ извѣстно, что господинъ Зонненкампъ...

— Извините меня за то, что я васъ прерываю, но знаетъ ли господинъ Зонненкампъ о вашемъ намѣреніи сдѣлать меня повѣреннымъ...

— Послушайте! воскликнулъ Пранкенъ, но мгновенно опомнился и уже совсѣмъ другимъ тономъ прибавилъ:—впрочемъ, я васъ уважаю за эту осторожность, свойственную вашему положенію.

Затѣмъ настало минутное молчаніе. У Пранкена мелькнула мысль, не замѣнить ли ему одно свѣдѣніе другимъ и не предостеречь ли Эриха на счетъ слишкомъ короткаго сближенія съ Беллой? Но этимъ онъ могъ набросить тѣнь на сестру и потому остался при первоначальномъ намѣреніи.

— Я считаю себя вправѣ, сказалъ онъ, объявить вамъ о моемъ положеніи въ здѣшнемъ домѣ: я членъ этой семьи... фрейленъ Зонненкампъ почти моя неvěста...

— Если она похожа на своего брата, то мнѣ остается только васъ отъ души поздравить. Благодарю васъ за ваше необыкновенное и до сихъ поръ ничѣмъ мною незаслуженное дружеское довѣріе. Но, осмѣлюсь спросить, чему я обязанъ этой честью?

Внутри Пранкена все сильнѣе и сильнѣе кипѣла досада, но за то снаружи онъ становился все мягче и лѣстивѣе. Помахивая хлыстомъ и въ то же время любезно улыбаясь, онъ сказалъ:

— Я въ васъ не ошибся... затѣмъ, послѣ маленькой остановки, онъ прибавилъ:—ваша сдержанность мнѣ вполне понятна.

Но прямого отвѣта на вопросъ Эриха о причинѣ, побудившей Пранкена къ этой внезапной откровенности, тотъ все-таки не далъ. Къ тому же Роландъ вскорѣ позвалъ Эриха назадъ къ Беллѣ, которой онъ понадобился для портрета.

— Можно подумать, замѣтила графиня, смотря на него: что

прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вы отсюда ушли. Ваше лице въ этотъ короткий промежутокъ времени по крайней мѣрѣ десятию годами постарѣло.

Едва ли самъ Эрихъ былъ въ состояніи объяснить, что въ немъ происходило. Обращеніе съ нимъ Пранкена и его собственное положеніе въ отношеніи къ этому человѣку приводили его въ недоумѣніе. Онъ сидѣлъ спокойно, безъ малѣйшаго движенія, а въ душѣ его происходила жестокая борьба. Онъ чувствовалъ, что въ основаніи его сношеній съ Пранкеномъ лежала ложь, и что оба они очень хорошо это видѣли и понимали. Имъ бы слѣдовало быть врагами, или по крайней мѣрѣ совершенно равнодушными другъ другу людьми, а между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ таилось что-то такое, побуждавшее ихъ ко взаимнымъ любезностямъ.

Вся бѣда заключается въ неправдѣ. Еслибъ люди имѣли въ себѣ достаточно мужества для того, чтобы быть всегда искренними и не допускали въ своихъ поступкахъ противорѣчія съ тающимися внутри ихъ чувствами, еслибъ они вѣривъ и вѣось не ссылались на какія-то вымышленныя обязанности и не внимали голосу мнимаго благоразумія, который шепчетъ: «терпѣніе, погоди и все уляжется, опять пойдетъ по старому; не слѣдуетъ такъ принимать къ сердцу каждую бездѣлицу»,—еслибъ не все это, то многое бы на свѣтѣ шло иначе, и люди гораздо меньше бы страдали. Но они предпочитаютъ увлекаться изукрашенной ложью, усыпляющей ихъ совѣсть, подобно змію въ Библии, который, становясь въ разрѣзъ съ внутреннимъ сознаніемъ долга, говоритъ: «ѣшь, ты отъ этого не умрешь, а только сдѣлаешься умнѣе». Величайшее наказаніе, за отношенія, основанныя на лжи, заключается въ нихъ самихъ, въ томъ, что они постоянно требуютъ новой лжи, которая мало-по-малу превращается въ необходимость и, заимствуя у добродѣтели ея языкъ, льститъ благороднымъ стремленіямъ человѣческой души и говоритъ: «ты долженъ хранить вѣрность къ другу; ты такъ многое отъ него получалъ и въ свою очередь такъ многое ему давалъ. Разрывъ съ нимъ нанесъ бы жестокий ударъ тебѣ самому, лишилъ бы тебя лучшей части самого себя... Нѣтъ, вы должны теперь крѣпче нежели когда-либо держаться одинъ другого».

И въ жизнь такимъ образомъ, мало-по-малу, проникаетъ отрава. Всякое горе, несчастіе, измѣна, обманъ, все это — естественныя послѣдствія того, что человѣкъ не умѣетъ прежде всего воздать должнаго самому себѣ и остаться вѣренъ своимъ собственнымъ нравственнымъ интересамъ. Этимъ самымъ онъ какъ бы подготавливаетъ торжество демона лжи и пораженіе божества, которое въ основаніи своемъ есть не что иное, какъ идея чистой истины.

Все это проходило въ умѣ Эриха и волновало его, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ передъ Беллой, рисовавшей его портретъ. Еслибъ кто-нибудь могъ заглянуть ему въ душу, тотъ нашелъ бы тамъ большой беспорядокъ и смятеніе.

Наконецъ, Белла объявила, что она сегодня болѣе не можетъ рисовать, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и обѣдъ былъ готовъ.

За обѣдомъ, благодаря присутствію доктора, который какъ разъ къ нему подоспѣлъ, всѣ были веселы и оживлены. Вечеромъ устроилась прогулка въ лодкѣ по Рейну. Роландъ разсказалъ всѣмъ о томъ, какой у Эриха чудесный голосъ. Но Эрихъ остался непреклоннымъ и на всѣ просьбы, что-нибудь спѣть, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Его много дразнили по поводу овацій, предметомъ которыхъ онъ былъ на музыкальномъ торжествѣ. При этомъ шутки Пранкена особенно отличались дружескимъ тономъ, подъ которымъ скрывалась ѣдкая иронія.

Между тѣмъ смерклося. Въ паркѣ, наполненномъ ароматомъ цвѣтовъ, носились свѣтящіеся жучки. Эрихъ и Белла прогуливались по темнымъ аллеямъ, а Клодвигъ сидѣлъ въ залѣ съ балкономъ, перелистывая альбомъ съ фотографическими видами Рима. На многихъ изъ нихъ онъ подолгу останавливался и передъ нимъ возникали воспоминанія о быломъ. Роландъ и Пранкенъ тоже ходили въ саду и разговаривали о Маннѣ. Пранкенъ ловко настраивалъ мальчика на тонъ, въ которомъ тотъ долженъ былъ писать о немъ своей сестрѣ. По временамъ, встрѣчаясь съ Беллой и Эрихомъ, Пранкенъ не безъ удивленія замѣтилъ, что послѣдній велъ графиню подъ руку.

Подобно тому, какъ въ воздухѣ носились свѣтящіеся жучки, такъ точно въ разговорѣ Эриха съ Беллой безпрестанно перебивались остроты. А иногда въ словахъ ихъ звучала и болѣе серьезная нота.

Они говорили много, но голоса ихъ были едва слышны, а при встрѣчѣ съ Пранкеномъ и Роландомъ вовсе умолкали. Белла опять завела рѣчь о своемъ добромъ мужѣ, — она постоянно называла его добрымъ, — и распространилась на счетъ его привязанности къ Эриху. «Вы съ нимъ — прибавила она — не только другъ друга понимаете, но какъ будто даже сливаетесь сердцами».

Эрихъ въ свою очередь съ жаромъ заговорилъ о счастіи человѣка, на долю котораго выпало дѣйствительное обладаніе миромъ и красотой, а не одно безплодное стремленіе къ нимъ, какъ къ недостижимымъ идеаламъ. Какое отрадное чувство, говорилъ онъ, долженъ ощущать тотъ, кто можетъ идти съ ними рука объ руку и смотрѣть имъ прямо въ спокойные и свѣтлые глаза.

— Вы добрый и, я надѣюсь, честный человѣкъ, сказала

Белла, и снявъ перчатку, слегка дотронулась до руки Эриха. — Быть честнымъ не есть еще заслуга. Желала бы я обладать способностью, не то чтобъ быть совсѣмъ безчестной, а такъ... только не совсѣмъ искренней.

Отрадно было слушать, какъ глубоко Белла понимала и цѣнила значеніе честности въ жизни и въ человѣкѣ. Она съ легкой дрожью въ голосѣ рассказала, что еще въ ранней молодости могла бы завоевать себѣ блестящую будущность, еслибъ только въ ней была хоть малѣйшая склонность къ лести. Эрихъ не нашелся, что на это отвѣчать, и между ними настала одна изъ тѣхъ минутъ молчанія, которыя такъ непріятно поражали Пранкена, всякій разъ, когда онъ съ Роландомъ проходилъ мимо нихъ.

Белла вслѣдъ затѣмъ начала развивать мысль о томъ, какъ счастливы тѣ, которымъ приходится трудиться надъ устройствомъ благополучія чьей-нибудь жизни. Одному это удастся сдѣлать для человѣка едва начинающаго жить, — и она слегка наклонила голову къ Эриху, — другому, для человѣка уже обанчивающаго свое земное странствіе. Оба приносятъ жертву, непризнанную свѣтомъ, но заключающую въ самой себѣ великую награду.

При поворотѣ въ одну изъ боковыхъ аллей, двѣ гуляющія пары опять встрѣтились и соединились. Эрихъ пошелъ съ Роландомъ, а Пранкенъ съ своей сестрой. Роландъ успѣлъ приревновать Эриха къ Беллѣ. Онъ завидовалъ каждому его взгляду, каждому движенію, которые были не къ нему обращены и хотѣлъ имѣть своего наставника исключительно для себя.

Мальчикъ по-дѣтски излилъ передъ Эрихомъ свою печаль, и тотъ внезапно смутился. Онъ не только позволилъ себѣ забыть о Роландѣ, но чуть-ли не увлекся еще гораздо далѣе по ложному пути. Однако время еще не ушло, и пока есть возможность вернуться назадъ, надо ею воспользоваться. Эрихъ поспѣшилъ въ комнаты, къ Клодвигу, и почти обрадовался, узнавъ, что графъ уже легъ спать.

ГЛАВА XIX.

НЕОПРЕДѢЛЕННЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ.

Белла, взглянувъ утромъ на свою вчерашнюю работу, осталась ею очень недовольна. Все, надъ чѣмъ она наканунѣ такъ усердно трудилась, показалось ей теперь лишеннымъ всякой правды и художественности. Первые ея упали, и она хотѣла немедленно уничтожить портретъ, съ тѣмъ, чтобъ начать новый. Но Клодвигъ кротою ее остановилъ, съ большимъ тактомъ указавъ ей

на достоинства ея рисунка, и Белла успокоилась. Тѣмъ не менѣе, у нея вырвалось исполненное горечи замѣчаніе на счетъ того, что ей еще ни разу не удалось выполнить своей задачи такъ, чтобъ это вполне соответствовало ея желанію. Клодвигъ сталъ ей доказывать, что разочарованіе совершенно естественно должно слѣдовать за всякимъ новымъ движеніемъ творческой фантазіи, но замѣчаніе его почему-то снова раздражило Беллу. «Я не то, что я есть!» воскликнула она. Но причина дурного расположенія духа графини такъ и осталась невысказанной. Ясно только, что оно происходило не отъ одного художественнаго недовольства собой и не отъ одной досады на свое безсиліе.

Эриху однако пришлось нарушить строгій порядокъ, хотя онъ намѣревался ни на шагъ не отступать отъ него. Белла слѣдовала одному правилу, которое помогало ей всегда достигать желаемого. «Для этого, говорила она, стоитъ только оставлять мужчинъ въ убѣжденіи, будто они сами все придумываютъ и рѣшаютъ».

Роландъ вскорѣ завелъ рѣчь о томъ, что его болѣе всего занимало, чѣмъ онъ, такъ сказать, все это время жилъ, а именно о жизни Венъямина Франклина. Белла выразила желаніе тоже съ ней познакомиться. Клодвигъ поспѣшилъ ее удовлетворить, а затѣмъ предложилъ вслухъ читать далѣе съ тѣхъ поръ, на которомъ остановился Роландъ. Мальчикъ сидѣлъ съ Эрихомъ на небольшомъ возвышеніи, и оба внимательно слушали. По временамъ чтеніе прерывалось замѣчаніями и оживленнымъ разговоромъ по поводу прочитаннаго. Белла обладала способностью быстро схватывать сущность дѣла и довольно глубоко въ него вникать. Къ великому ужасу Эриха, она не замедлила открыть во Франклинѣ педанта, человѣка «въ высшей степени сухого», и съумѣла все это очень ловко и убѣдительно высказать. Эрихъ замѣтилъ, какъ стоявшій у него между волѣнными мальчикъ внезапно смутился.

Въ наше время едва ли можно долго сохранить нетронутымъ какой-бы то ни было идеалъ въ душѣ юноши, съ такимъ прошлымъ, какъ у Роланда, и съ такимъ настоящимъ, въ какомъ онъ теперь вращался. Въ сущности оно пожалуй и лучше, что ему теперь же пришлось выслушать нападки на свой идеалъ, надо только представить ихъ ему въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и помочь ему на нихъ взглянуть съ настоящей точки зрѣнія.

Эрихъ постарался какъ можно убѣдительнѣе доказать, что трудность задачи свободнаго человѣка преимущественно заключается въ томъ, что онъ, въ противоположность служителямъ церкви, не имѣетъ авторитета, изъ устъ котораго могъ бы постоянно слышать призывъ: «иди за мной». Мы, новые люди,

должны признавать въ исключительныхъ натурахъ все чистое и великое, несмотря на то, что оно въ нихъ ограничено временемъ и предѣлами, ими самими себѣ полагаемыми.

Пока онъ говорилъ, Белла какъ-то особенно торопливо рисовала и часто кивала головой. Когда же онъ кончилъ, она взглянула ему прямо въ лицо и проговорила:

— Вы лучшій изъ всѣхъ учителей, какихъ я только знала.

Она отвернулась. Въ глазахъ у нея былъ непривычный блескъ, а на щекахъ игралъ яркій румянецъ.

— Это во многомъ зависитъ и отъ ученика, отвѣчала Эрихъ, въ видѣ благодарности наклоняя голову.

— Я желала бы, начала Белла, и румянецъ на ея щекахъ вспыхнулъ еще сильнѣе: — я желала бы, чтобъ вы положили Роланду на голову вашу руку. Пожалуйста, сдѣлайте это: мнѣ именно въ такомъ положеніи и хочется васъ изобразить.

Эрихъ ей повиновался, но впрочемъ замѣтилъ, что ничуть не желаетъ въ этомъ видѣ перейти на портретъ. Надо, прибавилъ онъ, чтобъ Роландъ выучился прямо и свободно носить свою голову.

У Беллы вырвалось нетерпѣливое движеніе, и она быстро продолжала работать надъ фигурой Роланда, оставивъ Эриха въ сторонѣ.

— Навонецъ-то я нашла! внезапно воскликнула она. — Да, это такъ: вы похожи на св. Антонія у Мурильо!

— Вотъ видишь, я правду говорилъ! воскликнулъ вслѣдъ за ней и Роландъ. — Я тоже нашелъ въ тебѣ это сходство, и когда сказалъ объ этомъ Маннѣ на музыкальномъ праздникѣ, мнѣ сильно отъ нея досталось.

Клодвигъ тоже согласился съ мнѣніемъ жены на счетъ сходства Эриха съ изображеніемъ св. Антонія и сказалъ:

— Я очень люблю эту картину Мурильо и теперь какъ будто вижу ее передъ глазами. На первомъ планѣ ярко выдается колѣнопреклоненная фигура Антонія; возлѣ него лежитъ посохъ, а сзади разстилается только слегка обозначенный ландшафтъ. Около возвышается дерево и стелется по землѣ мелкій кустарникъ. Одинъ ангелъ перелистываетъ книгу, другой держитъ въ рукахъ выросшую на землѣ лилію и подаетъ ее третьему, парящему въ облакахъ. Эта лилія какъ бы служитъ связью между небомъ и землею; она представляетъ собой нѣчто небесное на землѣ.

Эрихъ окончательно смутился, когда Роландъ началъ рассказывать о томъ, какъ онъ заснулъ въ монастырской церкви, какъ былъ разбуженъ одѣтой въ черную рясу монахиней, и какія чув-

ства волновали его, когда онъ смотрѣлъ на висѣвшій передъ нимъ образъ св. Антонія.

Вслѣдъ затѣмъ Эрихъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ съ просьбой не продолжать болѣе чтенія Франклиновой біографіи.

— Мнѣ теперь ясно, говорилъ онъ, стараясь объяснить причину своей просьбы: — что человѣку невозможно сосредоточиться и вполне проникнуться той или другой мыслью, если тѣло его находится въ противорѣчащемъ съ ней, или по крайней мѣрѣ не зависящимъ отъ нея положеніи, которое онъ не долженъ или не смѣетъ перемѣнить. Есть какая-то непонятная связь, какое-то неизъяснимое соглашеніе между духовной и физической жизнью человѣка, между мыслью его и положеніемъ его тѣла.

Слова Эриха произвели на его слушателей различное впечатлѣніе. Прежде всего они въ немъ самомъ сильнѣе возбудили сознаніе его обязанностей, какъ наставника. Роландъ вспомнилъ о каменщикахъ, работавшихъ въ крѣпости и подумалъ, какія мысли должны посѣщать ихъ въ то время, когда они взбираются на подмости или ударяютъ молотомъ по камнямъ? Вѣроятно и Клодвигъ тоже что-нибудь задѣло за живое, если судить по тому, какъ онъ задумчиво покачалъ головой и крѣпко стиснулъ губы. Но болѣе всѣхъ была озадачена Белла. Руки ея внезапно опустились, и она выронила изъ нихъ карандашъ и кусочекъ хлѣба, которымъ по временамъ стирала въ рисунокъ ту, или другую, не вполне удовлетворявшую ее черту. Эрихъ проворно ихъ поднялъ и ей подаль. Она приняла его услугу, не поблагодаривъ, и продолжала пристально смотрѣть куда-то вдаль. Слова Эриха внезапно раскрыли передъ ней тайну ея супружеской жизни. Одна мелодія, такимъ образомъ, вызвала въ каждомъ изъ четырехъ собесѣдниковъ совершенно различныя ощущенія.

Вслѣдъ затѣмъ настало продолжительное молчаніе.

Пребываніе Клодвигъ и Беллы на виллѣ Эдемъ возбудило много толковъ въ окрестностяхъ. Домашній учитель, говорилось всюду, завоевываетъ себѣ совершенно исключительное положеніе. Но Пранкенъ смотрѣлъ на это совсѣмъ съ другой точки зрѣнія и, въ качествѣ будущаго члена семьи Зонненкампа, пригласилъ на виллу, только-что возвратившихся съ водъ, мирового судью, его жену и дочь.

Они пріѣхали, и Пранкенъ особенно ласково и дружелюбно обошелся съ Линой. Онъ гулялъ съ ней по саду и много разспрашивалъ ее о монастырской жизни. Лина принялась живо и забавно описывать настоятельницу, монахинь и подругъ, изображая ихъ всѣхъ съ смѣшной стороны. Ея собственное пребываніе въ монастырѣ ограничилось тщательнымъ изученіемъ ино-

странныхъ языковъ. Веселость и рѣзвость Лины вскорѣ разсѣяли мечтательное настроеніе духа Пранкена, въ которомъ даже пробудились всѣ его прежнія стремленія и воззрѣнія на жизнь. «Зачѣмъ, думалось ему, оставлять настоящее пустымъ и обнаженнымъ? Вѣдь Белла же забавляется, кокетничая съ капитаномъ, — отчего же и ему, съ своей стороны, не приволочнуться за Линой? Чтò предосудительнаго въ легкой шуткѣ, въ маленькомъ сердечномъ раздраженіи? Развѣ не въ его власти остановиться, когда онъ захочетъ и не доводить дѣла до крайностей?»

Прежній Пранкенъ, тотъ Пранкенъ, котораго мы знали до пріобрѣтенія имъ зеленой вѣтки, схватился обѣими руками за свою спасенную бороду и съ самодовольной улыбкой началъ ее подергивать.

Рѣшено: настоящая минута бездѣйствія и отдыха будетъ посвящена игрѣ съ Линой, дочерью мирового судьи. Это послѣднее волокитство легко можно будетъ отнести ко времени, предшествовавшему посѣщенію монастыря, и отчего не присоединить еще этой одной шалости къ тому, чтò Маниѣ придется забыть изъ его прошлой жизни?

Лина, между тѣмъ, повидимому, равнодушно принимала ухаживанье Пранкена и была одинаково мила и любезна, какъ съ нимъ, такъ и съ Эрихомъ. Послѣдняго она даже называла своимъ братомъ по пѣнію.

Вилла и паркъ огласились веселымъ говоромъ и смѣхомъ. Пранкенъ убѣдилъ своего зятя, пока Белла будетъ рисовать, устроить вмѣстѣ съ нимъ маленькую прогулку по водѣ для Лины. Онъ, въ принадлежъ великодушія, хотѣлъ даже взять съ собой и Роланда, съ цѣлью доставить сестрѣ случай остаться съ Эрихомъ наединѣ. Но Роландъ отказался ѣхать безъ своего наставника: онъ явно началъ чуждаться Пранкена.

Лина, во время прогулки, звонкимъ голосомъ распѣвала пѣсни, въ которыхъ все говорилось о любви. Въ пѣніи ея на этотъ разъ было столько чувства и выразительности, что Пранкенъ время отъ времени на нее съ удивленіемъ взглядывалъ и снова опускалъ глаза. Клодвигъ, по возвращеніи на виллу, объявилъ женѣ, что пѣніе Лины также свѣжо и прекрасно, какъ ароматъ полевого цвѣтка.

Белла просила мирового судью и судейшу отпустить Лину къ ней въ Вольфсгартенъ. Судья, было, слегка воспротивился этому, но жена его поспѣшила дать свое согласіе, и Лина, торжествуя, уѣхала въ каретѣ вмѣстѣ съ Клодвигомъ и Беллой. Пранкенъ сопровождалъ ихъ верхомъ.

Послѣ шума и оживленія, которые царствовали на виллѣ въ

эти послѣдніе дни, Эрихъ и Роландъ снова вернулись къ своему спокойному образу жизни. Только Эрихомъ втайнѣ овладѣло непривычное для него чувство тоски и утомленія, съ которымъ онъ тщетно боролся. Ему было несказанно тяжело, отрекаясь отъ собственной личности, исполнѣ отдавать себя другому, съ ранняго утра и до поздней ночи быть всегда на сторожѣ, зорко слѣдить за каждымъ движеніемъ души Роланда, ловить малѣйшее отступленіе отъ истины его, еще шаткаго ума и безпрестанно направлять его то въ ту, то въ другую сторону. Сердце Эриха постоянно рвалось къ Клодвигу, а еще болѣе — хотя онъ въ томъ и не хотѣлъ сознаться — къ Беллѣ. Въ ихъ обществѣ онъ находилъ много новаго, чего-то таковаго, что его оживляло и возбуждало. А теперь съ ихъ отъѣздомъ онъ почувствовалъ страшную пустоту. Тѣмъ не менѣе, онъ долго удерживалъ себя, и только по истеченіи нѣсколькихъ дней рѣшился, наконецъ, сдаться на просьбы Роланда и отправиться съ обѣщаннымъ визитомъ въ Вольфсгартенъ.

Эрихъ долго отговаривался тѣмъ, что считаетъ себя не вправе уѣхать изъ дому, который былъ ввѣренъ его попеченію. Но Пранкенъ устроилъ дѣло, взявъ на себя всю отвѣтственность, при чемъ не преминулъ кольнуть Эриха замѣчаніемъ:

— Вѣдь вы же ѣздили на музыкальный праздникъ, сказалъ онъ ему, и не побоялись тогда оставить слугъ единственными хранителями дома. Къ тому же, повторяю вамъ, я за все отвѣчаю.

ГЛАВА XX.

ВТОРЖЕНІЕ ВЪ ЧУЖІЯ ВЛАДѢНІЯ.

Прекрасное зрѣлище представляетъ долина, лежащая по берегу рѣки, волны которой быстро, но ровно, безъ шума и пѣны, стремятся впередъ. Онѣ сверкаютъ на солнцѣ, отражая въ себѣ небо со всѣми его видоизмѣненіями; по нимъ проворно скользятъ суда, а когда взойдетъ мѣсяцъ и все вокругъ замолкнетъ, окрестность оглашается ихъ тихимъ, мѣрнымъ плескомъ. Но не менѣе прекрасенъ и видъ, растилающійся съ горныхъ вершинъ. У подножія холма тянутся, теряясь вдали, поля, лѣса, виноградники, возвышаются селенія и города, а между ними нескончаемой лентой извивается рѣка.

Вольфсгартенъ внезапно ожилъ и повеселѣлъ. Портреты Эриха и Роланда были окончены. Эрихъ занимался приведеніемъ въ по-

рядомъ кабинета рѣдкостей Клодвига и мало-по-малу посвящали своего воспитанника въ тайнства науки о древностяхъ. Но кромѣ того, они много пѣли, смѣялись, гуляли цѣлномъ и верхомъ, дѣлали экскурсіи въ сосѣдніе лѣса, а по временамъ и разговаривали о серьезныхъ предметахъ.

Прогуливаясь съ Эрихомъ въ паркѣ, Белла часто брала съ собой попугая, который, сидя у нея на плечѣ, неблагосклонно поглядывалъ на молодого человѣка и постоянно его дразнилъ. Белла иногда отпускала попугая полетать на свободѣ, при чемъ говорила ему: — «Но, Коко, ты сегодня вечеромъ вернешься домой!» И Коко леталъ по лѣсу, отдыхалъ на деревьяхъ и вечеромъ непременно возвращался къ своей хозяйкѣ, которая его тогда называла своимъ вольноотпущеннымъ рабомъ.

Случилось, однако, что въ одинъ прекрасный вечеръ Коко не заблагоразсудилъ вернуться и пропадалъ цѣлыхъ два дня. Клодвигъ встревожился и просилъ всѣхъ и каждого отыскать попугая его жены, не замѣчая, какъ та спокойно переносила его продолжительное отсутствіе.

Во всѣхъ прогулкахъ по лѣсу какъ-то само собой устраивалось, что Белла всегда оставалась вдвоемъ съ Эрихомъ, а Роландъ съ Линой. Последняя была очень счастлива тѣмъ, что могла выходить по произволу, не подчиняясь никакому надзору.

Однажды утромъ въ Вольфсгартенъ пришло извѣстіе, подавшее поводъ ко многимъ толкамъ. Изящно-литографированный листокъ сообщалъ о помолвкѣ дочери «виннаго графа» съ сыномъ гофмаршала. Всѣ не могли надивиться тому, какъ могъ этотъ молодой человѣкъ, дни котораго были сочтены, помышлять о женитьбѣ. Съ другой стороны, еще болѣе странной казалась рѣшимость молодой и прекрасной дѣвушки выходить замужъ за человѣка, обреченнаго на вѣрную смерть. Но Лина, которая очень хорошо знала всю хронику страны, рассказала, что дочь «виннаго графа» не разъ выражала свое желаніе остаться молодой вдовой съ титуломъ баронессы. Белла какъ-то неопредѣленно, но съ большимъ чувствомъ выразила по этому поводу свое мнѣніе, обращаясь при этомъ почти исключительно къ Эриху, какъ-будто ему одному долженъ былъ быть вполнѣ понятенъ смыслъ ея словъ.

Пришли также газеты, а въ нихъ извѣстіе о возвращеніи изъ Америки брата герцога, для котораго онъ, между прочимъ, привезъ съ собой негра, бывшаго невольника.

Общество, собравшись вмѣстѣ, толковало о томъ, какое впечатлѣніе могла произвести американская республика на нѣмецкаго принца, какъ вдругъ въ комнату вбѣжалъ Роландъ, восклицавъ:

чая: «Я его поймалъ!» и дѣйствительно у него въ рукахъ былъ попугай.

— А, вотъ и ты, мой вольноотпущенный рабъ! привѣтствовала его Белла. Попугай вырвался изъ рукъ Роланда, полетѣлъ прямо къ своей госпожѣ, сѣлъ къ ней на плечо и злобно-закричалъ на Эриха.

Но Клодвигъ не такъ-то легко было отвлечь отъ разговора, который ему нравился. Всякій разъ, что онъ принимался излагать свои взгляды на жизнь, Белла непременно съ участіемъ присоединялась къ нему. Иногда ея замѣчанія, правда, казались Эриху очень поверхностными, но онъ всегда спѣшилъ оттолкнуть отъ себя эту мысль, находя ея неумѣстною и педантическою. Жизнь, проводимая почти исключительно за книгами, говорилъ онъ самому себѣ, сдѣлала его сухимъ, холоднымъ и нечувствительнымъ къ прелести легкаго, граціознаго разговора, а обязанности воспитателя черезъ-чуръ развили въ немъ стремленіе къ тому, что служить простымъ, безхитростнымъ выраженіемъ природы. Онъ, напротивъ, долженъ радоваться тому, что въ кругъ его обыденной, ежедневной жизни вступило существо съ такой богатой и живой натурой. Онъ говорилъ себѣ, что мотыльковая беззаботность и легкомысліе вѣроятно лежатъ въ основаніи всякаго женскаго характера и ума. До сихъ поръ онъ въ матери и въ теткѣ видѣлъ только одни серьезные качества, безграничную добросовѣстность и любовь къ труду. Теперь передъ нимъ выступало совершенно новое явленіе, легкое и граціозное, исполненное неуволимой прелести. Къ чему требовать отъ него еще чего-нибудь другого?

Эрихъ съ Беллой ушли въ паркъ, а Роландъ и Лина остались съ Клодвигомъ. Белла жаловалась Эриху на то, что ее нерѣдко посѣщаютъ религіозныя сомнѣнія, которыя она тщетно старается въ себѣ заглушить. А между тѣмъ, прибавила она, жизнь безъ вѣры въ будущее обновленное существованіе кажется такой страшной загадкой. Эрихъ, не желая въ ней окончательно уничтожать ея вѣрованій, старался ее утѣшить, указывая на размышленіе, какъ на единственный способъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ дойти до успокоенія. Но въ сердцахъ обоихъ таилось странное противорѣчіе съ произносимыми ими словами. Они чувствовали, что коснулись предмета, выступающаго за предѣлы человѣческой жизни и превышающаго ихъ понятія.

Вдругъ къ нимъ подскакалъ на измученной, взмыленной лошади Бертрамъ, который еще издали кричалъ:

— Господинъ Дорнэ, пожалуйста немедленно домой!

— Что случилось? спросилъ Эрихъ.

Къ нимъ присоединились Клодвигъ, Роландъ и Лина, а Пранкенъ, высунувшись изъ окна, повторилъ вопросъ Эриха:

— Что случилось?

— Воры! Разбойники! почти закричалъ имъ въ отвѣтъ Бертрамъ. Негодяи проникли въ комнату господина Зонненкампа, предварительно сломавъ у ней замокъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Эрихъ, Роландъ и Пранкенъ сидѣли въ каретѣ и быстро катились по направленію къ виллѣ. Пранкенъ былъ сильно раздосадованъ тѣмъ, что уговорилъ Эриха уѣхать изъ дому, и такимъ образомъ какъ бы взялъ на себя часть его отвѣтственности.

— А какъ ты полагаешь, Эрихъ, чтобы сказалъ или подумалъ Франклинъ по случаю этого воровства?

Пранкенъ рѣзко его остановилъ:

— Первымъ долгомъ сына было бы освѣдомиться, что скажетъ его отецъ, а ничуть не Франклинъ.

Эрихъ и Роландъ оба не возражали.

Они опять долго ѣхали молча. Эриха преслѣдовали мучительныя мысли. Онъ передъ судомъ своей совѣсти казался себѣ дважды воромъ. Тамъ кто-то ворвался на виллу и произвелъ грабежъ, — а самъ онъ что сдѣлалъ? Не только лишилъ своей заботливости вѣренную его попеченіямъ молодую душу, но еще, подъ прикрытіемъ дружбы, забывъ честь, пытался словомъ и взглядомъ отнять у другого то, что составляетъ его драгоценнѣйшую собственность — жену. Эрихъ держалъ руку на груди, какъ бы стараясь умирить біенія своего сердца. Тотъ, укравшій деньги, подлежитъ строгому взысканію со стороны закона, — а ты, чему подвергаешься? Онъ сидѣлъ совсѣмъ уничтоженный и всякій разъ, что на него взглядывалъ Роландъ, невольно опускалъ глаза въ землю.

Наконецъ, съ трудомъ совладавъ съ собой, Эрихъ дрожащимъ голосомъ сказалъ, что онъ одинъ долженъ отвѣчать передъ Зонненкампомъ за случившуюся въ его домѣ бѣду. Благодарный Пранкену за доброту, съ какою тотъ хотѣлъ взять на себя половину отвѣтственности, онъ однако сознаетъ невозможность его вмѣшательства въ это дѣло. Нѣтъ, виноватъ онъ одинъ, и пусть на него одного падутъ всѣ послѣдствія его вины.

Эрихъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ жестоко себя упрекалъ, что Пранкенъ и Роландъ съ изумленіемъ на него смотрѣли.

ГЛАВА XXI.

www.libtool.com.cn

НАУЧИСЬ ПОНИМАТЬ ЗЛО.

Вилла Эдемъ до сихъ поръ была окружена какою-то таинственностью. Злоба, зависть и страхъ распространили мнѣніе, что въ ней что-то не ладно, равно какъ и съ самимъ Зонненкампомъ, который всѣмъ и каждому показывался, и съ Церерой, которую мало кто видѣлъ. Прибитыя къ стѣнамъ доски съ угрозами и предостереженіями на счетъ самострѣловъ и капкановъ, внушали прохожимъ непреодолимый страхъ. Въ народѣ даже ходили слухи, будто Зонненкампъ намазывалъ искусно скрытыя въ зелени оружія такимъ ядомъ, отъ котораго не было спасенія. Прислуга на виллѣ тоже, подобно господамъ, отличалась сдержанностью и рѣдко съ кѣмъ вступала въ разговоры. На нее смотрѣли съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ и ей едва кланялись. Теперь же, благодаря воровству, неизвѣстно гдѣ скрывавшійся на виллѣ таинственный драконъ превратился въ воронье пугало. Съ великолѣпнаго бѣлаго дома былъ внезапно сорванъ покровъ, ставни и двери его сами собой раскрылись и повсюду разнесся слухъ, будто воровство совершилось съ помощью слугъ.

Прѣѣзжая по селамъ и вдоль большой дороги, Эрихъ, Роландъ и Пранкенъ были предметомъ всеобщаго любопытства. Нѣкоторые изъ прохожихъ и изъ поселянъ при встрѣчѣ съ ними слегка приподнимали шапки, а большинство провожало ихъ двусмысленной улыбкой и легкимъ пожатіемъ плечъ. Всѣ точно хотѣли сказать: «Теперь насталъ конецъ вашей таинственности, къ вамъ найдетъ судъ, и мы всѣ узнаемъ, что у васъ тамъ дѣлается».

На виллѣ все было въ безпорядкѣ и смятеніи. Кастелянъ утверждалъ, что воровство непременно должно быть совершено кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ. Всѣ ворота и двери были крѣпко замкнуты, ни одна изъ собакъ не лаяла. Воры, безъ сомнѣнія, хорошо знали мѣстность и успѣли приучить къ себѣ собакъ. Полиція уже успѣла пріѣхать на виллу. Замѣкъ отъ двери, ведущей въ кабинетъ Зонненкампа, былъ сломанъ, и тамъ не доставало многихъ вещей, между которыми особенно замѣчалось отсутствіе винжала съ брильянтомъ на рукоятѣ. Воры, по всему видно, старались также вскрыть несгораемый сундукъ, но не могли съ нимъ справиться. Изъ буфета въ столовой исчезли большіе серебряные и золотые кубки, а изъ Роландовой комнаты золотые часы, которые онъ, передъ отъѣздомъ въ Вольфсгартенъ,

положилъ на столѣ у кровати. Кромѣ того долго не могли найти подушки съ его постели. Она наконецъ оказалась на садовой стѣнѣ, прикрывая собой куски разбитаго стекла, разставленнаго тамъ именно съ цѣлью сдѣлать эту стѣну недоступной для воровъ. Но теперь подушка явно дала имъ возможность перелѣзть въ садъ безъ всякаго для нихъ вреда.

Въ паркѣ, за оранжереями, открылись слѣды ногъ, повидимому принадлежавшіе двумъ человѣкамъ. Въ углу, гдѣ лежала большая куча чернозема, одинъ изъ воровъ вѣроятно о нее споткнулся и упалъ, такъ какъ на ней оказалось углубленіе въ видѣ человѣческой формы. Тутъ же стояла пара старыхъ сапоговъ, которые по освидѣтельствованіи были признаны за собственность садовника, прозываемаго Гномомъ. Ихъ сравнили со слѣдами въ паркѣ и они какъ разъ въ нихъ пришлись. Это послужило указаніемъ, впрочемъ весьма ничтожнымъ. Между тѣмъ явился на работу и самъ садовникъ. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ рассказъ обо всемъ случившемся, а потомъ принялся за свое дѣло. Его никто пока не тревожилъ.

Въ большой залѣ съ балкономъ уже успѣли собраться судебный слѣдователь, бургомистръ изъ сосѣдней деревни и нѣсколько другихъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ лицъ. Роландъ стоялъ въ сторонѣ и съ выраженіемъ испуга на лицѣ пристально смотрѣлъ на подушку, съ помощью которой воры перебирались черезъ стѣну. Онъ былъ очень блѣденъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ, какъ слѣдователь спрашивалъ то того, то другого изъ слугъ, стараясь добиться истины и напасть на слѣдъ грабителей.

Между тѣмъ въ комнату вошелъ Гномъ и объявилъ, что у него тоже украли пару сапоговъ.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ ему слѣдователь:—и даже воровство здѣсь было произведено въ твоихъ сапогахъ.

Гномъ, повидимому, не могъ придти въ себя отъ изумленія. По лицу его даже можно было заключить, что онъ не вполне понималъ смыслъ словъ, произнесенныхъ слѣдователемъ, который вдобавокъ приказалъ его еще арестовать. Тутъ только садовникъ очнулся и началъ горько жаловаться на свою судьбу, говоря, что невиннымъ людямъ всегда приходится страдать. Роландъ былъ тронутъ отчаяніемъ бѣднаго малаго и просилъ его отпустить.

— Кто до меня дотронется, того я на мѣстѣ задушю! внезапно воскликнулъ Гномъ. Онъ теперь казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Слѣдователь сдѣлалъ знакъ двумъ полицейскимъ служителямъ, которые немедленно связали Гному руки.

Эрихъ увелъ Роланда. Зачѣмъ было мальчику присутствовать при такого рода зрѣлищѣ? Къ счастью, въ это время пріѣхалъ маіоръ, и Эрихъ поручилъ ему Роланда.

— Это для тебя хорошій урокъ, сказалъ маіоръ мальчику. У тебя все могутъ украсть, исключая богатствъ, заключающихся въ головѣ и въ сердцѣ: тѣ всегда при тебѣ останутся. Помни это!

Слѣдователь между тѣмъ призвалъ слугъ и спрашивалъ у нихъ, кого они въ послѣднее время видѣли на виллѣ? Они назвали многихъ, но показаніе кастеляна оказалось самымъ важнымъ.

— Капитанъ Дорнъ, сказалъ онъ, недавно водилъ по всему дому ловчаго, который, уходя отсюда, сказалъ мнѣ: ты охраняешь деньги и добро богатаго человѣка, а право, лучше бы было растворить всѣ двери этого дома настежь и разнести по свѣту все, что въ немъ заключается.

Эрихъ принужденъ былъ подтвердить справедливость показаній кастеляна: онъ дѣйствительно водилъ Клауса по дому, и тотъ при этомъ произносилъ странныя, безсвязныя рѣчи. Но въ то же время Эрихъ сказалъ, что готовъ поручиться за честность ловчаго, котораго хорошо знаетъ.

Слѣдователь ничего ему на это не отвѣчалъ и немедленно отправилъ къ Клаусу двухъ полицейскихъ съ тѣмъ, чтобы произвести у него обыскъ.

Клаусъ встрѣтилъ ихъ со смѣхомъ и пожимая плечами. Въ домѣ у него ничего не оказалось, но вниманіе полицейскихъ было привлечено собакой, которая, сидя на цѣпи въ своей конурѣ, все время страшно лаяла.

— Сними съ цѣпи эту собаку, сказалъ одинъ изъ нихъ ловчему, который, пока обыскивали его домъ, не переставалъ про себя что-то ворчать.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Я такъ хочу, и если ты немедленно не исполнишь моего приказанія, то я убью собаку.

Клаусъ отцѣпилъ собаку, а полицейскіе принялись шарить въ конурѣ и вскорѣ нашли въ соломѣ часы Роланда и кинжалъ съ брилліантомъ. Ловчій клялся, что не знаетъ, какъ они тамъ очутились, но его тѣмъ не менѣе арестовали и повели на виллу. Дорогой Клаусъ постоянно встряхивалъ цѣпями, воздѣвалъ руки къ небу и протягивалъ ихъ къ полямъ и виноградникамъ, точно призывая ихъ въ свидѣтели своего незаслуженнаго униженія: «Смотрите», казалось говорить онъ имъ: «смотрите, въ какомъ я видѣ!»

Послѣ этого приступили къ составленію протокола объ украденныхъ вещахъ, насколько это было возможно за отсутствіемъ

ихъ хозяина. Роландъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ подписать свое имя подъ судебнымъ актомъ.

Эрихъ сказалъ маіору:

— Трудно угадать, какое впечатлѣніе все это произведетъ на мальчика.

— Во всякомъ случаѣ не вредное, возразилъ маіоръ. У него здоровая голова, да къ тому же, говоритъ фрейленъ Милькъ, молодое сердце и молодой желудокъ чего не переварятъ!

Но на этотъ разъ фрейленъ Милькъ немного ошиблась. Когда Клауса въ цѣпяхъ вывели изъ комнаты, у Роланда вырвался громкій крикъ отчаянія.

Вскорѣ открылись новые слѣды воровства. Въ окрестностяхъ видѣли подкупленнаго Пранненомъ и прогнаннаго Зонненкампомъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ конюха, котораго узнали, не смотря на то, что онъ былъ искусно переодѣтъ. Тотчасъ полетѣли во всѣ стороны телеграммы съ предписаніемъ задержать предполагаемаго вора. Зонненкампу тоже отправили депешу.

Въ числѣ другихъ посѣтителей на виллу пришелъ также и патеръ. Кротоко высказавъ свое сожалѣніе по поводу случившейся бѣды, онъ обратился къ Эриху съ увѣщаніемъ, чтобъ тотъ не слишкомъ сильно принималъ ее къ сердцу. Уединенный образъ жизни, который Эрихъ до сихъ поръ велъ въ качествѣ ученаго, говорилъ онъ, совершенно естественно долженъ былъ оставить его въ невѣдѣніи на счетъ зла, существующаго въ мірѣ. Пусть же теперь, когда оно передъ нимъ разоблачится, онъ не слишкомъ удивляется и возмущается.

Эрихъ выслушалъ все это со смиреніемъ, источникъ котораго былъ неизвѣстенъ патеру. Ему пришла на память самоувѣренность, съ какою онъ еще такъ недавно проповѣдывалъ о томъ, какъ всякій желающій посвятить себя служенію идеи, долженъ отречься отъ всего остальнаго въ мірѣ. И что же: теперь передъ нимъ стоялъ человѣкъ, который по своему, въ теченіи цѣлой жизни слѣдовалъ этому правилу, а онъ, напротивъ, позволилъ себѣ увлечься соблазнительной игрой и такимъ образомъ какъ бы измѣнилъ самому себѣ.

Патеръ продолжалъ распространяться о томъ, какъ болѣзненно должно отзываться всякое зло въ сердцѣ человѣка, еще не успѣвшаго закалиться въ борьбѣ съ жизнью. Эрихъ, едва сознавая свой отвѣтъ, замѣтилъ, что онъ въ теченіи нѣкотораго времени былъ, по собственному желанію, прикомандированъ къ рабочему дому, гдѣ занимался обращеніемъ на истинный путь заключенныхъ тамъ преступниковъ. Патеръ выразилъ ему по этому поводу свое полное одобреніе и взглянулъ на Роланда, желая

видѣть, какое впечатлѣніе все это произвело на него. Эрихъ тоже съ безпокойствомъ смотрѣлъ на мальчика. А тотъ казался смущеннымъ и действительно былъ непріятно пораженъ. Мысль, что онъ находится въ рукахъ человѣка, нѣкогда служившаго при набочемъ домѣ, какъ будто унизила его въ собственныхъ глазахъ и повергла его въ уныніе. Цѣль, воодушевлявшая Эриха, вполнѣ отъ него ускользнула и онъ долго сидѣлъ, закрывъ лицо руками, погруженный въ глубокую задумчивость.

Патерь, замѣтя Роланда въ этомъ положеніи, подошелъ къ нему и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ не печалился о томъ, что произошло на виллѣ. Пусть это только послужитъ ему урокомъ и онъ разъ навсегда узнаетъ, какъ непрочно всѣ земныя блага и какъ вообще опасно слѣпо полагаться на людей. Въ мірѣ только и есть прочнаго, что вѣра въ Бога, который одинъ пребываетъ вѣчно неизмѣннымъ.

Когда Эрихъ и Роландъ остались одни, послѣдній еще долго сидѣлъ погруженный въ себя.

— Знаетъ отецъ, чѣмъ ты былъ прежде? спросилъ онъ наконецъ.

— Да.

— А почему ты мнѣ этого не сказалъ?

— Потому что я не имѣлъ причины ни срывать отъ тебя этого, ни объявлять тебѣ объ этомъ.

Мальчикъ опять закрылъ лица руками, а Эрихъ принялся ему объяснять, какъ онъ считаетъ своимъ долгомъ спасти несчастныхъ и помогать заблудшимъ выходить на истинный путь. Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ убѣдительно, что мальчикъ вскорѣ отнялъ отъ лица руки и протянувъ ему одну изъ нихъ, воскликнулъ:

— Прости меня! Ты лучше всѣхъ на свѣтѣ!

Это восклицаніе, какъ ножомъ, поразило Эриха въ самое сердце.

Судебный слѣдователь между тѣмъ уѣхалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полицейскіе служители. Пранкенъ вскорѣ тоже послѣдовалъ ихъ примѣру. Роландъ со страхомъ озирался вокругъ, какъ бы ежеминутно ожидая увидѣть привидѣніе или злого духа. Здѣсь, по этой лѣстницѣ, поднимались злодѣи и ломали эти двери и замки; весь домъ былъ оскверненъ ихъ ненавистнымъ присутствіемъ. Мальчикъ не столько сожалѣлъ объ украденныхъ вещахъ, сколько съ отвращеніемъ смотрѣлъ на оставшіяся, которыя такъ живо напоминали ему о ворахъ.

Роландъ просилъ Эриха ни на минуту не оставлять его одного. Онъ чувствовалъ невыразимый страхъ. Настала ночь, а

мальчикъ все еще не рѣшался лечь въ постель. Ему казалось невозможнымъ заснуть на кровати, съ которой у него воры похитили подушку. Однако Эриху удалось его успокоить обща-ніемъ, что онъ останется у него въ комнатѣ.

Когда Роландъ уже легъ, Эрихъ ему сказалъ:

— Я еще долженъ тебѣ отвѣчать на одинъ вопросъ. Ты спрашивалъ, чтобы сказалъ Францелинъ по поводу этого воровства, и я полагаю, что могу тебѣ отвѣчать за него. Онъ безъ сомнѣнія не имѣлъ бы состраданія къ ворами и отдалъ бы ихъ въ руки правосудія, но остался бы при убѣжденіи, что пороки отдѣльных личностей не должны потрясать въ людяхъ вѣры въ чело-вѣчество. Еслибъ воры могли отнять у насъ вѣру, они взяли бы у насъ гораздо болѣе, чѣмъ могли бы унести въ своихъ рукахъ.

Роландъ въ отвѣтъ только кивнулъ головой. Онъ уже давно спалъ, а Эрихъ все еще продолжалъ стоять у его изголовья, пронизанный сожалѣніемъ къ мальчику, которому пришлось все это такъ рано узнать. Къ чему ведутъ всѣ мудрствованія и усилія дать уму и сердцу юноши то или другое направленіе? Невидимая, непреодолимая сила событій, сама жизнь воспитываютъ человѣка, а не одна какая-нибудь личность.

Эрихъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на рѣку и виноградныя горы. Мы всѣ работаемъ по мѣрѣ нашихъ силъ, но то, что выходитъ изъ нашей работы,—зависитъ не отъ насъ, а отъ той всемогущей, всеобъемлющей силы, которую обыкновенно называютъ Богомъ.

Эрихъ былъ глубоко потрясенъ. Событія этого дня произвели на него даже болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на Роланда. Они, такъ сказать, остановили его на краю пропасти и избавили отъ гибели. Смотря изъ окна своей комнаты въ разстилавшуюся передъ нимъ даль, онъ принялъ твердую рѣшимость впередъ быть осторожнѣе.

Его позвали внизъ. Судебный слѣдователь прислалъ телеграмму, полученную отъ Зонненкампа. Въ ней говорилось:

«Отложилъ поѣздку къ морю, возвращаюсь домой. Отыщу воровъ, кто бы они ни были».

Б. АУЕРБАХЪ.

(Окончаніе пятой книги.)

ЛАМАРТИНЪ

(Биографическій очеркъ).

Въ нашъ вѣкъ, теченіе умственной жизни европейскаго общества такъ быстро, что представители отдѣльныхъ фазисовъ ея развитія почти всѣ переживаютъ себя; гораздо ранѣе, чѣмъ они успѣваютъ состарѣться, тотъ умственный моментъ, который выдвинулъ ихъ, которымъ запечатлѣна ихъ личность, заслоняется нѣсколькими послѣдующими моментами. За сочувствіемъ, восторгомъ, благодарностью, вызванными тѣмъ аккордомъ, какой образовался изъ шопота или крика общественной потребности слова или дѣла человѣка, выступившаго органомъ этой потребности, является отрицаніе, за отрицаніемъ равнодушіе, если не забвеніе. Та умственная потребность, тотъ принципъ, представителями котораго явились люди данной краткой эпохи, скоро отодвинется въ область обойденныхъ жизнью пунктовъ, представляется какъ ein überwundener Standpunkt. Въ нашъ вѣкъ не надо ждать новаго поколѣнія, чтобы для писателя, для общественнаго дѣятеля наступило потомство. То самое поколѣніе, въ которому принадлежитъ онъ по году рожденія, успѣваетъ измѣниться достаточно для того, чтобы, оборотаясь назадъ, на близкое прошлое, взглянуть на него едва ли не враждебно. А новыя, нарастающія поколѣнія такъ заняты собственными своими дѣлами, что для дѣятелей недавняго прошлаго періодъ полузабвенія наступаетъ ранѣе, чѣмъ періодъ безпристрастія.

Правда, писатель и общественный дѣятель, какъ личность принадлежащая своему времени, и самъ испытываетъ на себѣ перемѣны, чрезъ которыя проходитъ интеллектуальное движеніе современнаго ему общества. Но немногимъ изъ нихъ удастся быть истолкователемъ или первостепеннымъ дѣятелемъ, предста-

вители двухъ различныхъ періодовъ, двухъ послѣдующихъ теченій общественной мысли. Самыя заслуги, оказанныя первому, самый характеръ человѣка, какъ признаннаго представителя такой-то эпохи, уже стѣсняють его при обращеніи къ послѣдующимъ степенямъ общественнаго развитія. Какъ личность частная, онъ можетъ стать неизвѣстнымъ гражданиномъ новой эры, какъ типъ общественный, онъ остается представителемъ прошлаго, которому имя его служить паролемъ.

Едва ли какая-либо знаменитость нашего вѣка до такой степени пережила самоё себя, какъ Ламартинъ. Надъ тѣмъ періодомъ, тѣмъ настроеніемъ, которыхъ онъ былъ представителемъ, какъ поэтъ, образовалось уже нѣсколько пластовъ когда-то новыхъ, но давно постарѣвшихъ, движеній, преданій, ошибокъ и разочарованій. Въ памяти людей онъ давно лежалъ въ могилѣ, гробъ его глубоко опустился въ землю, подъ десяткомъ другихъ, давно оплаканныхъ, осужденныхъ и забытыхъ. Представитель реакціи противъ перваго Наполеона, онъ пережилъ десятокъ новыхъ реакцій, послѣдовавшихъ затѣмъ во Франціи, и умеръ теперь, когда началась замѣтная реакція противъ втораго Наполеона, реакція уже противъ того порядка, съ самымъ наступленіемъ котораго, Ламартинъ, уже старикъ, окончательно сошелъ съ общественной сцены.

Великое литературное движеніе начала и первой четверти нашего вѣка, позже всѣхъ охватило Францію. Въ этомъ движеніи, изъ котораго впослѣдствіи формулировался такъ-называемый романтизмъ, участвовало нѣсколько элементовъ, связанныхъ между собою скорѣе внѣшнею необходимостью обстоятельствъ времени, чѣмъ внутреннею логическою необходимостью. Подъ влияніемъ философскихъ системъ, въ которыя вылилась свободная спекуляція отвлеченнаго ума, человѣкъ не только углубился въ самого себя, сдѣлалъ свое я предметомъ философско-литературной обработки, но и сталъ глядѣть на себя въ связи со всею природою и съ исторіею человѣчества. Человѣка стала увлекать таинственность собственной его природы, и въ тоже время его стало тѣснить сознаніе бренности, ничтожности того личнаго существа, которое такъ высоко летало мыслью. Контрастъ между вѣчностью, правильностью внѣшней природы, и бренностью, самопротиворѣчіемъ природы человѣка сдѣлался любимой темой поэтовъ. Результаты, къ которымъ они приходили, были различны: фатализмъ, разочарованіе или покорность; но всѣ они истекали изъ одного источника — раздвоенія человѣческой природы, преувеличенныхъ, необузданныхъ стремленій къ идеально-великому

и могучему, и возмущенія или скорби надъ весьма простымъ фактомъ человѣческой слабости и недолговѣчности.

Но это было не все. Въ литературѣ того времени дѣйствовали не одни философскія побужденія, а также причины политическія. Вся Европа вела борьбу сперва съ французскою революціею, потомъ съ завоевательною диктатурою Наполеона. Борьба эта произвела такъ-называемый принципъ національностей, заставила покоренныя націи обратиться съ любовью къ ихъ исторіи, ко всему, что напоминало имъ народность и народную славу. Отсюда, въ Германіи и въ Италіи элементъ народности и пристрастія къ древней жизни націй, даже къ самой эпохѣ ихъ образованія, къ среднимъ вѣкамъ — запечатлѣли литературу совершенно-новымъ колоритомъ, дали ей реальное содержаніе въ дополненіе къ тому отвлеченному, философскому, скептически-безплодному направленію, которое уже отразилось на ней. Но какъ за идею освобожденія національностей шло возстановленіе старыхъ порядковъ, такъ за духомъ національныхъ преданій въ литературѣ явилась реакція въ смыслѣ религіи отцовъ и традицій феодализма. Романтизмъ въ смыслѣ народности въ литературѣ, разумѣется, долженъ былъ отразиться сильнѣе въ Германіи, гдѣ онъ вышелъ изъ національнаго движенія. Романтизмъ въ смыслѣ поэтизированія религіозныхъ преданій долженъ былъ ярче обозначиться во Франціи, гдѣ религія была ниспровергнута и преслѣдуема. Феодальныя преданія должны были проявиться сильнѣе и дольше держаться въ литературѣ Англіи и Германіи, которыя боролись съ революціею, чѣмъ въ литературѣ Франціи, гдѣ уже сама королевская власть, еще до своего паденія, окончательно стерла феодализмъ. За то во Франціи новое литературное движеніе должно было получить еще смыслъ революціи противъ произвольныхъ, устарѣлыхъ формъ классицизма, — революціи, которая въ Англіи и Германіи была начата гораздо раньше, именно еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и при самомъ началѣ нынѣшняго.

Опредѣлимъ теперь то мѣсто, которое занялъ, среди умственнаго теченія первой четверти вѣка, Ламартинъ, при первомъ выступленіи его на арену: трансцендентальное отношеніе къ своему я, *Grübeleien* надъ нимъ, доходившая почти до ребячества, скорбь надъ его брэнностью, увлеченіе его великою, но преходящею силою, внутренняя безотчетная необходимость вѣрить въ окончательную непреходимость его — качества, которыя совмѣщаются въ старомъ школьномъ словѣ *субъективность*; глубокое, но идеализированное чувство внѣшней природы, реакція въ смыслѣ религіи, какъ средства примиренія внутренняго разлада и вмѣстѣ

въ закрытію «зіявшей бездны революціи»; реставрація легитимно-королевской идеи во Франціи, впрочемъ, не иначе, какъ въ соглашеніи съ ~~укоренившимся~~ ~~служе~~ и въ обществѣ и въ умѣ поэта потребностью свободы; — вотъ настроеніе, направленіе, которыя отразились въ Ламартинѣ. Въ немъ мы видимъ достойнаго современника и «Чайльдъ-Гарольда», и «Вертера», и «Идеала и жизни», и религиозныхъ порывовъ Шиллера и Манзони, и рыцарскихъ сочувствій и антипатій Вальтеръ-Скотта. Но всѣ эти аспираціи времени сложились въ Ламартинѣ оригинальнымъ образомъ, такъ что образовали, вмѣстѣ съ личными его свойствами — чистотою, наивною душою и несравненною мелодичностью таланта — очень значительную и въ свое время глубоко сочувственную поэтическую личность.

Туманность, страсть къ многословію, самовлюбленность, отсутствіе всякаго самовоздержанія, критической трезвости — вотъ дѣйствительно присущія таланту Ламартина черты. И когда онъ пережилъ себя, когда давно миновало время, въ которое его нота звучала сочувственно общественному настроенію — эти-то слабыя черты Ламартина едва ли не единственные, по которымъ судить его строгая, холодная современность, видящая въ немъ совсѣмъ чужого, не имѣющая съ нимъ никакой солидарности, забывающая, что было время, котораго онъ былъ пророкомъ, и за ошибками, несообразностями политическаго человѣка не замѣчающая уже одного изъ чистосердечнѣйшихъ жрецовъ свободы.

Опредѣливъ личность Ламартина, какъ поэта общественныхъ настроеній данной эпохи, мы покажемъ ниже, какъ, по рожденію и воспитанію, онъ былъ прямо предназначенъ къ тому служенію, въ которомъ стяжалъ первую свою славу. Теперь же остановимся еще нѣсколько минутъ на особенностяхъ литературнаго поворота во Франціи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ и сталъ дѣятелемъ.

Наполеоновскій періодъ не могъ быть благопріятнымъ для литературы; это былъ періодъ преобладанія силы механической. «Дозволена, почитаема, покровительствуема, оплачиваема была только цифра — говоритъ Ламартинъ объ этомъ времени — и такъ какъ цифра не разсуждаетъ, такъ какъ она — отличное пассивное орудіе деспотизма, то военный владыка той эпохи не хотѣлъ иного миссіонера, иного помощника, и этотъ помощникъ служилъ ему вѣрно. Не было въ Европѣ идеи, которую бы онъ не задавилъ своей пятою, не было устъ, на которыя бы онъ не наложилъ свою свинцовую руку». Замѣчательно, что даже въ той мѣрѣ, въ какой Наполеонъ терпѣлъ литературу или покровительствовалъ ей, онъ оказывалъ на нее вліяніе именно въ смѣ-

слѣ реакціи въ пользу религіи и историческихъ преданій. Это было неизбежно. Конфисковавъ для своей личной пользы идею революціи, возстановивъ алтарь «для порядка» и престолъ для себя и своей династіи, цезарь долженъ былъ благопріятствовать тарквиніевскимъ преданіямъ, хотя и называлъ себя императоромъ, избранникомъ народа, не будучи легитимнымъ королемъ. Единоличная власть, заискиванье у старой аристократіи и созданіе аристократіи новой, союзъ съ духовенствомъ—все это должно было связать сына революціи съ до-революціоннымъ прошедшимъ. Шатобріанъ началъ уже, въ 1801 году, реставрацію религіознаго элемента въ литературѣ—своимъ «Духомъ христіанства». Наполеонъ рѣшительно склонился въ пользу возстановленія «благонадежныхъ» традицій прошлаго. «Прежде всего—говорилъ онъ въ 1812 году—дадимъ юношеству діету здороваго и укрѣпляющаго чтенія. Корнель, Боссюэтъ—вотъ пригодные для него учителя. Въ нихъ—величіе, возвышенность, а вмѣстѣ и правильность, спокойствіе, подчиненность. Да! Они не дѣлаютъ, не внушаютъ революцій. Они на всѣхъ парусахъ плывають въ установленный порядокъ своего времени; они укрѣпляютъ и украшаютъ его собою. Что за мастерское произведеніе этотъ «Цинна»! Какъ очевидно въ немъ, что Октавій, несмотря на кровавыя пятна триумвирата, необходимъ для имперіи, а имперія необходима для Рима!» Такъ передаетъ слова перваго Наполеона Вильменъ. Вотъ, во всей своей наивности, та самая мысль, которая изложена съ большою эрудиціею и осмотрительностью въ новѣйшей «Жизни Цезаря».

Наполеонъ поговаривалъ о построеніи церкви съ «придѣломъ покаянія» (*chapelle expiatoire*) въ память Людовика XVI и Маріи-Антуанеты. Придворные актеры его представляли «Храмовниковъ», «Смерть Генриха IV», «Карла IX», «Клодвита», «Карла Великаго» и т. п. «Бонапартъ какъ будто нарочно старался возобновить память о Бурбонахъ—говоритъ г. Микіельсъ ¹⁾—пробудить привязанность къ нимъ, обезпечить ихъ возвращеніе. Все, что предлагали читателямъ и зрителямъ, относилось къ біографіи Бурбоновъ, къ ихъ памятникамъ, ихъ качествамъ, ихъ поэтамъ, ихъ двору, ихъ привычкамъ. Когда звѣзда военнаго властителя померкла среди бури, когда онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, всѣ взоры обратились къ древней фамиліи королей. Онъ самъ указалъ имъ на этотъ путь; онъ самъ создалъ въ обществѣ сочувствіе къ Бурбонамъ и подготовилъ тронъ, на которомъ должны были воссѣсть они».

¹⁾ Histoire des Idées littéraires en France aux XIX siècle. II, p. Michiels.

Реакція религіозная и историческая развилась съ новою силою при реставраціи. Но такъ какъ съ этою эпохою совпало и освобожденіе слова, то въ литературномъ поворотѣ, характеризовавшемъ реставрацію, откликнулись вмѣстѣ всѣ мотивы, выработанные современностью: и сближеніе съ природою, и освобожденіе отъ обетшавшихъ узъ классицизма, и трансцендентный спиритуализмъ, и внутренний разладъ въ человѣкѣ, разладъ между высокими стремленіями, высренними притязаніями и реальною ничтожностью личности среди природы, непреложные законы которой въ однихъ энтузіастахъ того времени порождали фатализмъ и презрѣніе къ жизни, а въ другихъ еще болѣе возбуждали религіозное чувство, которымъ и безъ того была проникнута эпоха реставраціи.

Толкователемъ германской философіи явился Кузенъ, который первый во Франціи провозгласилъ и теорію «искусства для искусства». Толкователемъ исторіи явился Жозефъ де-Местръ. Поэтомъ всей субъективности того времени, но субъективности, въ которой нота религіознаго примиренія уже преобладала надъ такъ-называемымъ «демоническимъ» презрѣніемъ къ жизни, явился Ламартинъ. Общество, уставшее отъ сомнѣній, страдавшее отъ глубокихъ ранъ нанесенныхъ политическою борьбою, онъ увлекалъ въ безконечность, въ душу человѣка, въ созерцаніе будущей судьбы, въ картины природы, во храмъ всѣхъ нѣжнѣйшихъ чувствъ сердца. Заимствовавъ отъ старой школы классичность формы, онъ влилъ въ эту форму такое содержаніе, которое составило впослѣдствіи одну изъ существенныхъ частей романтизма. Онъ былъ и классикомъ и романтикомъ вмѣстѣ еще до начала ожесточенной борьбы между этими двумя школами, и при первомъ появленіи покори́лъ себя вдругъ вниманіе и Франціи, и Европы. Напомнимъ забытый фактъ, что у насъ «Méditations» Ламартина, вскорѣ послѣ появленія ихъ, а именно въ 1821 г., изданы были департаментомъ народнаго просвѣщенія, сошлемся и на такъ-называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ» — кому изъ нихъ Ламартинъ не былъ другомъ юности, дорогимъ уже и послѣ того, какъ его далеко опередило время?

Обратимся теперь къ происхожденію и воспитанію Ламартина; эти свѣдѣнія покажутъ намъ, какъ все приготовило его именно къ той роли, которая столь соотвѣтствовала настроенію времени реставраціи.

Альфонсъ де-Ламартинъ родился въ Мавонѣ 21-го октября 1792¹⁾, по другимъ свѣдѣніямъ 1791 и даже 1790 года²⁾. Дѣдъ

¹⁾ Nouvelle Biographie Générale publiée par MM. Firmin Didot frères, sous la direction de M. le Dr. Hoefer, 1859, T. 29.

²⁾ Vapereau, Dictionnaire des Contemporains, 1858.

и отецъ его — оба были канитаны королевской службы. Дѣдъ имѣлъ самъ большія помѣстья и женился на богатой наслѣдницѣ. Отецъ Альфонса былъ младшій сынъ въ семействѣ и для отличія носилъ имя одного изъ помѣстьевъ своего отца, именно замка Пра (Prât). Самъ Альфонсъ въ дѣтствѣ носилъ эту фамилію, пока настоящая фамилія его рода, именно Lamartine, не перешла въ нему по смерти того дяди, который носилъ ее. Отсюда сбивчивость въ показаніяхъ біографовъ. Нѣкоторые говорятъ, что настоящая фамилія поэта была de Prât, и имя de-Lamartine онъ принялъ самъ, отъ одного изъ дядей; иные прибавляютъ еще: со стороны матери ¹⁾. Но сомнѣніе тутъ невозможно потому, что самъ Ламартинъ ²⁾ называетъ своего отца постоянно *chevalier de Lamartine*, а въ другомъ мѣстѣ ³⁾ разъясняетъ все дѣло такимъ образомъ: «его полковые товарищи и люди общества звали кавалеромъ де-Ламартинъ; простолудины же и люди не-близко знакомые называли его г. де-Пра (*de-Prât*). Это было имя одного изъ нашихъ имѣній въ Франш-Конте, данное дѣдомъ отцу, для отличія отъ братьевъ. Мать мою звали всегда *M-me de-Prât*, и самъ я носилъ это имя до смерти старшаго изъ моихъ дядей».

Дѣдъ Ламартина былъ богатъ, но имѣнія его раздробились между шестью его дѣтьми, такъ-какъ майораты были уже уничтожены революціею. На долю отца Альфонса осталось немного, но онъ женился на Алисѣ де-Руа (*des Roys*), которой отецъ былъ генеральнымъ интендантомъ финансовъ герцога Орлеанскаго, и которая принесла ему въ приданое 3 тыс. ливровъ въ годъ. Послѣ женитьбы, онъ вышелъ въ отставку, но слухъ объ опасностяхъ, которымъ подвергалась королевская фамилія, заставилъ его возвратиться въ Парижъ, гдѣ онъ принялъ участіе въ извѣстной оборонѣ дворца швейцарцами, 10-го августа 1792, въ которомъ большая часть швейцарцевъ была перебита. Возвратясь въ Маконъ, капитанъ де-Ламартинъ, вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ, отцомъ, братьями и сестрами былъ арестованъ и привезенъ въ Отенъ (*Autun*); семейство было скоро освобождено, но капитанъ остался въ заключеніи, до самаго паденія Робеспьера, 9 термидора; тогда кавалеръ Ламартинъ поселился съ семействомъ въ деревнѣ Миллы, близъ Макона. Здѣсь семейство Ламартина жило въ положеніи обеспеченномъ, хотя и очень далекомъ отъ богатства.

¹⁾ *Männer der Zeit*, 642.

²⁾ *Confidences*, L. 1. IV.

³⁾ *Nouvelles Confidences*, V.

«Всѣмъ воспитаніемъ моимъ — говоритъ Ламартинъ ¹⁾ — управляли взоры моей матери и ея улыбка, ея взоры болѣе или менѣе ясные, улыбка болѣе или менѣе сердечная. Она распоряжалась моимъ сердцемъ. Она требовала отъ меня только правды и доброты: я былъ правдивъ и добръ безъ всякаго старанія. Въ отцѣ я видѣлъ примѣръ прамодушія, доходившаго до щепетильности; въ матери — примѣръ доброты до доблестнаго самоотверженія. Я дышалъ добротою и не могъ быть иначе, какъ добръ. Мнѣ никогда не предстояло *борьбы* ни съ самимъ собой, ни съ кѣмъ бы то ни было. Все привлекало, ничто не принуждало меня. Учили меня немного и то, чему учили, давалось мнѣ въ видѣ награды. Единственными учителями были мнѣ отецъ и мать; я видѣлъ, что они читали, и самъ захотѣлъ читать; они писали, и я просилъ ихъ научить меня буквамъ. Все это дѣлалось играючи, какъ бы между дѣломъ; учился я сидя на коленяхъ, въ саду, у камина въ гостиной, среди шутокъ, улыбокъ, ласкъ. Мнѣ нравилось учиться, я самъ старался вызывать эти короткіе и занимательные уроки. Такимъ-то образомъ, я научился всему, что слѣдовало знать, научился, правда, поздненько, но не помня когда что узналъ, и не выдавъ даже нахмуренныхъ бровей и воспитателей. Я шелъ впередъ, не сознавая своихъ шаговъ».

Чему же учился Ламартинъ-ребенокъ, кто открывалъ передъ нимъ свѣтъ, кто были первые, наиболѣе дѣятельные совѣтники и наставники его дѣтства: библія, басни Лафонтена, сочиненія г-жи Жанлисъ, Бербена, отрывки изъ Фенелона и Бернардена де-Сен-Пьерръ, «Освобожденный Іерусалимъ», «Робинзонъ», наконецъ — трагедіи Вольтера. Г-жа Ламартинъ почерпнула свои идеи о воспитаніи изъ Руссо и Бернардена де-С.-Пьерръ; она не торопилась образованіемъ ребенка. «Она справедливо полагала, что когда мои умственные силы разовьются годами и здоровьемъ тѣла и души, я такъ же легко, какъ всякій другой мальчикъ, усвою себѣ ту малую толику греческаго, латыни и цифры, изъ которыхъ состоитъ та тривіальная литературность, которую называютъ образованіемъ. Она думала только о томъ, чтобъ сдѣлать изъ меня счастливаго ребенка, здравый умъ и любящую душу, — созданіе божіе, а не игрушку людей».

На двѣнадцатомъ году его послали въ сосѣдному священнику учиться по-латыни, и такъ какъ священникъ оказался плохимъ учителемъ, то Ламартина отправили въ школу, въ Ліонъ, въ 1805 году. Но онъ не выдержалъ школьной жизни и выпросился домой. Потомъ онъ поступилъ въ славившееся въ то время учи-

¹⁾ Confidences, L. IV. VII.

лице, которое содержали іезуиты въ Беллеѣ на границѣ Савойи. Насколько Ламартинъ приобрѣлъ знакомства съ древними языками и древнимъ міромъ — онъ приобрѣлъ здѣсь. Оставилъ онъ училище въ 1809 году. Возвратясь въ Миланъ, юноша предался опять той мечтательной праздности, которая развивала въ его уже отъ рожденія впечатлительной природѣ страсть ко всему высокому (sublime) и увлеченіе сферами «возвышеннаго», какъ будто это были родныя его или предназначенныя для исключительнаго мѣстопробыванія его сферы.

Онъ читалъ и, разумѣется, читалъ съ жадностью тѣхъ поэтовъ, которые до того времени были ему недоступны. Іезуитское училище нисколько не укрѣпило его природы и не дало ему того свойства самоограниченія, самоповѣрки, которое бываетъ обыкновенно едва ли не лучшимъ приобретѣніемъ, выносимымъ изъ школьной общины. У іезуитовъ все велось почти также тихо и кротко, какъ въ домѣ его матери, и всего болѣе развивалась именно религіозная медитація, съ которой онъ уже свылся дома. «Все искусство ихъ — говорить Ламартинъ о своихъ учителяхъ, іезуитахъ — состояло въ томъ, чтобы заинтересовать насъ въ успѣхахъ училища, вести насъ собственной нашей волею и собственнымъ нашимъ энтузіазмомъ. Я подчинился безъ сопротивленія игу, которое отличные учителя умѣли сдѣлать мягкимъ и легкимъ. Казалось, одинъ божественный духъ вдохновлялъ и учителей, и учениковъ.... Тутъ-то я увидѣлъ, что можно дѣлать изъ людей, дѣйствуя на нихъ не принужденіемъ, а вдохновеніемъ. Религіозное чувство одушевляло насъ всѣхъ. Учителя умѣли сдѣлать это чувство любезнымъ и создать въ насъ страсть къ Богу ¹⁾ (la passion de Dieu ²⁾).» Еслибы воспитаніе юноши-Ламартина остановилось на этомъ періодѣ, когда онъ прокрадывался ночью въ церковь, цѣловалъ камни пола и терялся въ пламенномъ обожаніи, напоминающемъ экстазы св. Терезы, — то изъ него могло бы выйти нѣчто въ родѣ французскаго Клоппштова, таѣ какъ время требовало поэта въ этомъ родѣ. Но молодой Ламартинъ на этомъ не остановился. Темпераментъ его былъ слишкомъ пылокъ для того, чтобы онъ могъ ограничиться мистицизмомъ. Онъ въ то время еще не читалъ великихъ поэтовъ, воспріимавшихъ человѣческія страсти.

Теперь, на свободѣ, въ деревнѣ, семнадцатилѣтній мальчишъ изъ школы іезуитовъ пошелъ въ школу Данта, Петрарки, Шекс-

¹⁾ Confidences, L. VI. III.

²⁾ Впоследствии, вспоминая о своихъ учителяхъ-іезуитахъ, онъ сказалъ: «Не люблю имени, которое они носили; но почитаю ихъ добродѣтель»... *Nouvelles Confidences*, p. 3.

пира, Мильтона, Оссіана. Болѣе всѣхъ привлекъ его именно наиболѣе туманный, фантастичный Оссіанъ, бардъ спиритуалистическаго Сѣвера. Но всѣ они научили его мечтать о любви, и стремиться къ ней. Первый поэтический эпизодъ, въ который вставилъ себя Ламартинъ, имѣлъ предлогомъ именно Оссіана. Онъ нашелъ такое же сочувствіе къ нему, какого былъ исполненъ самъ, въ дочери одного сосѣднаго дворянина, Люціи. Повѣсть его объ этой ребяческой любви, о свиданіи у подножія башни, въ которой жила Люція, весь этотъ эпизодъ, окончившійся, разумѣется, выходомъ Люціи замужъ, принадлежитъ къ самымъ граціознымъ изъ разсказовъ Ламартина.

Легитимистскія антипатіи его отца и всѣхъ родственниковъ не позволяли ему вступить въ службу Наполеона, а другого занятія, для дворянина, хотя бы и либеральнаго образа мыслей, еще не было. Отсюда истекъ для Ламартина неопредѣленный періодъ праздности. Въ 1811 году, его послали, съ одной родственницей, въ Италію. Въ Тосканѣ онъ соскучился опекою родственницы, и ушелъ отъ нихъ, продолжать, безъ денегъ, и никого не зная, путешествіе по Италіи. Онъ путешествовалъ какъ настоящій поэтъ по странѣ поэзіи и жилъ съ артистами, съ которыми сводилъ его случай. Такъ на пути изъ Флоренціи въ Римъ, онъ познакомился съ однимъ очень пожилымъ человѣкомъ и сопровождавшимъ его молодымъ человѣкомъ. Старикъ этотъ оказался знаменитымъ теноромъ первой россійской школы. Это былъ Давидъ ¹⁾. Спутникъ его впоследствии оказался хорошенькой женщиной, которая познакомила Ламартина съ примѣчательностями Рима. Нѣкоторое время Ламартинъ жилъ съ однимъ живописцомъ, безъ денегъ и безъ труда. Наконецъ, онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ французскихъ друзей, который выручилъ его изъ безпомощнаго положенія. Они стали жить вмѣстѣ, вмѣстѣ гулять и мечтать.

Къ тому времени принадлежитъ поэтический эпизодъ въ жизни Ламартина—встрѣча съ Граціеллою. Граціелла была дочь рыбаковъ, жившихъ на берегу Марджеллины, у подножія Позилиппа, подъ гробницею Virgilіа. Ее хотѣли выдать за рыбака: она убѣждала и хотѣла сдѣлаться монахиней, ее перестали принуждать къ замужеству. Ламартинъ и другъ его Вирьё поселились въ

¹⁾ Ламартинъ говоритъ о немъ: «Это былъ человѣкъ уже очень зрѣлыхъ лѣтъ; онъ отправлялся въ Неаполь пѣть въ послѣдній разъ на театрѣ Сан-Карло». Ламартину было въ то время 18 лѣтъ; если Давидъ въ 1810 году былъ уже старикъ, то сколько же лѣтъ было бѣдному пѣвцу, когда онъ умеръ въ госпиталѣ, здѣсь въ Петербургѣ, въ половинѣ пятидесятихъ годовъ? Прибавимъ, что Давидъ женился въ Россіи лѣтъ за двадцать до смерти и имѣлъ сына.

рыбачкой деревнѣ и жили сами рыбаками. Везувій, острова Искія и Прочида, гробница Виргилія, маяки Неаполитанскаго залива, дальше, огни въ окнахъ палладовъ Неаполя, жизнь среди рыбаковъ, поэзія всѣхъ вѣковъ, согрѣтая восемнадцатилѣтнею кровью, любовь красивой дѣвушкой, съ наивною и страстью юга—вотъ слишкомъ достаточно данныхъ для очарованія. И Ламартинъ былъ очарованъ, но не болѣе какъ очарованъ; онъ сознается, что былъ еще слишкомъ неразвѣтъ, чтобы понять цѣну той безотчетной, даже робкой любви, какую предлагала ему Граціелла. Онъ думалъ, что любить ее, но когда, послѣ усиленныхъ приказаній изъ дому, за нимъ наконецъ пріѣхалъ другъ и потребовалъ отъ него жертвы именемъ матери,—онъ уѣхалъ, а Граціелла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла.

Никакое описаніе вымышленной любви не можетъ сравниться съ простымъ рассказомъ Ламартина о Граціеллѣ и изъ всѣхъ пѣсень любви, когда-либо сочиненныхъ, едва ли есть хоть одна болѣе глубокоотрогающая читателя, какъ знаменитая элегія: «le Premier Regret»:

Sur la plage sonore où la mer de Sorrente
Déroule ses flots bleus au pied de l'oranger,
Il est près du sentier, sous la haie odorante,
Une pierre petite, étroite, indifférente
Aux pieds distraits de l'étranger....

.....
Nul ne visite plus cette pierre effacée,
Nul n'y songe et n'y prie!... excepté ma pensée,
Quand, remontant le flot de mes jours révolus,
Je demande à mon coeur tous ceux qui ne sont plus,
Et que, les yeux flottants sur de chères empreintes,
Je pleure dans mon ciel tant d'étoiles éteintes!
Elle fut la première, et sa douce lueur
D'un jour pieux et tendre éclaire encore mon coeur.

Эпизодъ Граціеллы относится къ 1813 году.

Вскорѣ послѣ возвращенія молодого Ламартина въ домъ родителей, въ первый разъ палъ Наполеонъ. Въ томъ же 1814 году, Ламартинъ отправился въ Парижъ и поступилъ въ королевскую гвардію. Онъ былъ въ конвоѣ, провожавшемъ Бурбоновъ до границы, когда Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы. Ламартинъ не захотѣлъ служить имперіи и опять уѣхалъ за границу, въ Швейцарію и Савойю. При второй реставраціи, онъ опять поступилъ въ гвардію, но скоро жизнь гвардейскаго офицера въ Парижѣ насучила поэту и онъ удалился снова въ Савойю. Тамъ онъ познакомился съ графомъ де-Местромъ, и это знакомство не мало содѣйствовало къ укрѣпленію въ немъ началъ положительной

религіозности и легитимизма. Это было въ 1816 году. До тѣхъ поръ Ламартинъ, какъ онъ говоритъ «не написалъ еще двадцати стиховъ въ ряду», за исключеніемъ извѣстной пьесы «Сафо», которая была написана имъ именно для того, чтобы убѣдиться можетъ ли онъ произвести стихотвореніе сколько-нибудь значительное ¹⁾. Жизнь, какую оно велъ въ Парижѣ, очерчена коротко въ томъ же отрывкѣ, и оказывается, что главною страстью и главнымъ занятіемъ Ламартина, какъ и товарищей его по гвардіи, была бѣшеная игра.

Ему предстояла новая любовь, уже болѣе сознательная. Въ 1816 году, онъ встрѣтился въ Эксѣ (Aix) съ молодою креолкою, которая была замужемъ за старикомъ, извѣстнымъ ученымъ. Эта креолка и есть та женщина которая въ «Méditations» является подъ именемъ Эльвиры, и въ «Rafael» подъ именемъ Юліи. Прозваніе «пѣвица Эльвиры» упрочилось за Ламартиномъ, какъ за Петrarкомъ прозваніе «пѣвица Лауры.»

Въ 1817 году онъ возвратился въ Парижъ, потому именно, что хотѣлъ встрѣтить ее опять, и остановился у своего друга, графа Эмона де-Вирьё. Въ это время, влюбленный, онъ сталъ писать, и первая его поэзія была въ элегическомъ родѣ. «Онъ (Вирьё) ввелъ меня у г-жи де-Сент-Олеръ, своей кузины, г-жи де-Резнкуръ, г-жи де-ла-Тремуйль, герцогини де-Брольи. Г-жа Сент-Олеръ и подруга ея, герцогиня Брольи, были въ это время свѣтилами парижскаго свѣта, моды, политики и литературы. Въѣвъ литературный и философскій возрождался въ ихъ обществѣ въ лицѣ г. Вилльмена, г. Кузена, друзей г-жи Сталь, недавно похищенной у славы, всѣхъ ораторовъ, писателей, всѣхъ поэтовъ того времени. Тамъ-то я увидѣлъ впервые тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые должны были занять столь высокія мѣста въ исторіи своей страны: г. Гизо, г. де-Монморанси, г. де-Лафайетта, Сисмонди, Лебрёна, знаменитыхъ американцевъ и англичанъ, которые являлись на континентъ. Я самъ былъ, какъ бы чужимъ въ своей странѣ. Я смотрѣлъ, иногда самъ былъ предметомъ вниманія; говорилъ я мало, въ близкія отношенія не вступалъ ни съ кѣмъ. Раза два, три меня уговорили прочесть стихи. Ихъ одобрили, одобрили меня. Гласность моего имени началась устами этихъ двухъ, милыхъ женщинъ. Онѣ любезно и снисходительно представляли меня своимъ друзьямъ; но я постоянно ступевывался. Я погружался въ тѣнь, какъ только онѣ отнимали свой свѣтъ ²⁾.»

¹⁾ Nouvelles Méditations. Commentaire à Sapho.

²⁾ Nouvelles Méditations, 1-er Commentaire ou Passé.

Однако не одно одобреніе салоновъ, но и положительная нужда заставили его попробовать издать накопившіяся стихотворенія. Первый издатель, которому онъ предложилъ ихъ, посоветовалъ ему поучиться еще, не торопиться выступленіемъ передъ гласностью. Поэту предстояло еще одно испытаніе прежде, чѣмъ онъ былъ признанъ поэтомъ: Эльвира его умерла, какъ умерла Граціелла. Впослѣдствіи, онъ и ея смерти посвятилъ вдохновенную элегію, которая по поэтической прелести немного уступаетъ знаменитой пьесѣ «le Premier Regret», но по силѣ чувства значительно превосходитъ ее, такъ какъ эта любовь была уже гораздо болѣе зрѣлою.

Такъ какъ въ этомъ біографическомъ очеркѣ мы предпочитаемъ напомнить читателямъ о Ламартинѣ самимъ Ламартиномъ, то приведемъ еще нѣсколько стиховъ изъ этого великолѣпнаго гимна вѣры и любви. Онъ называется «le Crucifix» ¹⁾ и обращенъ къ тому кресту, съ которымъ умерла Эльвира и который былъ переданъ Ламартину:

O, dernier confident de l'âme qui s'envole,
Viens, reste sur mon coeur! parle encore et dis-moi
Ce qu'elle te disait, quand sa faible parole
N'arrivait plus qu'à toi.

Tu sais, tu sais mourir! et tes larmes divines,
Dans cette nuit terrible où tu prias en vain,
De l'olivier sacré baignèrent les racines
Du soir jusqu'au matin.

Au nom de cette mort, que ma faiblesse obtienne
De rendre sur ton sein ce douloureux soupir:
Quand mon heure viendra, souviens toi de la tienne,
O toi qui sais mourir!

Послѣ этой потери, Ламартинъ серьезно заболѣлъ. Жизнь и смерть, которую онъ такъ часто встрѣчалъ въ кругѣ наиболѣе дорогихъ ему существъ, болѣе и болѣе вырабатывали въ немъ религіозность. Религіозность эта приняла въ то время характеръ мрачный; мысль о скоротечности всего земного, такъ преобладающая въ Ламартинѣ, отразилась въ одномъ изъ лучшихъ первыхъ его стихотвореній: «le Lac» ²⁾, написанномъ при возвращеніи, въ 1817 году, въ Эжсъ, при видѣ Буржетскаго озера, свидѣтеля любви, а теперь свидѣтеля слезъ поэта. Укрѣпленію соб-

¹⁾ Помѣщенъ въ Nouv. Méditations, p. 142.

²⁾ Помѣщено въ Méditations, т. XI.

ственно легитимистскихъ идей въ Ламартинѣ въ это время содѣйствовало вообще сближеніе съ высшими легитимистскими кругами, съ фамиліями Рогановъ, Монморанси, Бродьи и т. д. Оглядываясь на это прошлое, въ предисловіи къ сочиненію, написанному лѣтъ тридцать позже, когда Ламартинъ уже провозглашалъ право народное, право естественное, онъ все-таки признается въ своей нѣжности или слабости въ пользу реставраціи... Это возстановленіе казалось возвращеніемъ монархіи исправленной изгнаніемъ и свободы очищенной искупленіемъ; это была эпоха мирнаго возрожденія умственной жизни и либерализма во Франціи ¹⁾.

Изъ представленнаго нами очерка видна личность Ламартина и мѣсто, какое онъ долженъ былъ занять въ литературѣ своего народа. Намъ остается теперь перечислить данныя его общественной дѣятельности, какъ писателя и политическаго чловека.

Méditations (первыя) Ламартинъ напечаталъ въ 1820 году; они были изданы неизвѣстнымъ книгопродавцемъ Николлемъ, который разбогатѣлъ на нихъ. Этотъ небольшой сборникъ религиозныхъ и любовныхъ мечтаній произвелъ огромное впечатлѣніе; субъективность, мечтательность, внутренній разладъ души и примиреніе его религіею—все это било прямо въ наиболѣе чувствительный нервъ современности. «Отчаяніе» и «Отвѣтъ Провидѣнія человѣку», «Озеро», «Лорду Байрону»—вотъ тѣ медитаціи, которыя стяжали наибольшую и мгновенную обще-европейскую славу. Извѣстный критикъ Сент-Бѣвъ называетъ «Озеро» «неожиданнымъ совершенствомъ, образомъ, который однажды найденный поэтомъ, былъ тотчасъ узнавъ всѣми сердцами» ²⁾.

До сихъ поръ мы еще не остановились на художественной формѣ Ламартина. Біографъ невѣрный и плохой мыслитель, извѣстный Жакъ, нашелъ для опредѣленія ея совершенно вѣрную фразу: «Никогда ни одинъ поэтъ не превосходилъ Ламартина въ сладости ритма и чистотѣ аккордовъ» ³⁾. Сент-Бѣвъ, съ собственнымъ ему остроуміемъ неразлучнымъ съ тонкою ироніею, сравниваетъ поэзію Ламартина съ «безконечнымъ горизонтомъ Тихаго океана; на океанѣ наступаетъ иногда скучный штиль, но какое великолѣпіе, даже тогда; какая прелесть картинъ, а при малѣйшемъ порывѣ вѣтра какое возстаніе волнъ могучихъ, но мягкихъ, гигантскихъ, но прекрасныхъ».

¹⁾ Histoire de la Restauration, 1851 T. I.

²⁾ Portraits Contemporains, T. I.

³⁾ Eugène de Mirecourt. Lamartine.

Плѣнительныя свойства ламартиновской поэзіи много утратили изъ дѣйствія своего даже на современниковъ отъ злоупотребленія «возвышенностью и сладостью». Мало того, громадное тщеславіе поэта, совершенно ослѣпившее его на счетъ того, какое впечатлѣніе должны были производить на людей постороннихъ его наивныя отзывы о самомъ себѣ и своей поэтической силѣ, побудило его написать комментаріи, въ которыхъ читатели положительно оскорбляютъ отсутствіе всякой деликатности въ отношеніи поэта и къ его горю и въ особенности, къ его личности. Ламартинъ въ своей прозѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ «Признаній») и въ жизни вѣчно позировалъ передъ публикою, и публикѣ это, наконецъ, до такой степени надоѣло, что и на самую поэзію Ламартина перешло нѣкоторое предубѣжденіе. Нѣчто подобное случилось и съ другимъ пѣвцомъ личныхъ страданій, съ Генрихомъ Гейне. Но Гейне, во первыхъ, выкупалъ саркастичностью монотонность жалобъ, и во-вторыхъ, далеко не такъ наивно предавался самообожанію, какъ Ламартинъ.

Послѣ этого примѣчанія, возвращаясь къ первымъ *Méditations* и къ *Nouvelles méditations*, изданнымъ въ 1823 году, мы должны признать, что этихъ двухъ книгъ достаточно для укрѣпленія за Ламартиномъ прочной славы одного изъ поэтовъ, принадлежащихъ всему человѣчеству и всѣмъ временамъ, хотя, конечно, онъ уже давно не имѣетъ того значенія и не возбуждаетъ того энтузіазма, какія были обусловлены особымъ характеромъ того времени, когда онъ явился органомъ общественнаго настроенія.

Правительство реставраціи поспѣшило признать пѣвца своей эпохи. Онъ получилъ лестное письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ, по приказанію короля, и мѣсто секретаря посольства въ Неаполь, тотчасъ послѣ изданія первыхъ *Méditations*. Въ Женевѣ онъ женился на богатой англичанкѣ Елизѣ Берчъ (*Birch*), съ которою познакомился за годъ передъ тѣмъ, и проведя года 1821 и 1822 въ Неаполѣ, обеспеченный и свободный, написалъ тѣ стихотворенія, которыя помѣщены въ *Nouvelles méditations*. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ сборникѣ — ода на смерть Бонапарта:

Ici gît... point de nom! demandez à la terre!
 Ce nom, il est inscrit en sanglant caractère
 Des bords du Tanais au sommet du Cédar,
 Sur le bronze et le marbre, et sur le sein des braves,
 Et jusque dans le coeur de ces troupeaux d'esclaves,
 Qu'il foulait tremblants sous son char.

.

Les dieux étaient tombés, les trônes étaient vides;
 La victoire te prit sur ses ailes rapides;
 D'un peuple de Brutus la gloire te fit roi.
 Ce siècle, dont l'écume entraînait dans sa course
 Les moeurs, les rois, les dieux.... refoulé vers sa source,
 Recula d'un pas devant toi.

Эта ода, въ которой проявилась энергія, несвойственная Ламартину, и которая, за исключеніемъ двухъ-трехъ строфъ, безспорно принадлежитъ къ образцовымъ отрывкамъ поэзіи, — уже сама обнаруживаетъ, до какой степени поэтъ былъ неспособенъ къ трезвому и логичному политическому мышленію. Упрекать Наполеона не за то, что онъ, консулъ республики, похитилъ въ ней верховную власть, а за то, что онъ не передалъ этой власти Бурбонамъ — слишкомъ нелѣпо. Кромѣ того, здѣсь проявляется то направленіе, котораго Ламартинъ постоянно держался и впослѣдствіи въ парламентской и государственной дѣятельности: Ламартинъ былъ — моралистъ въ политикѣ. На обстоятельства и людей онъ смотрѣлъ не съ точки зрѣнія потребностей страны и возможностей момента, а съ облачной высоты безусловной морали. Надо отдать ему справедливость: побужденія его всегда были чистыя, дѣйствія всегда безукоризненно-благородны, но результатомъ всего этого часто оказывались пустяки, потому что одного благородства и морали недостаточно даже, чтобъ хлѣбъ печь, а не только, чтобъ управлять страной.

Въ 1824 году, Ламартинъ былъ переведенъ секретаремъ посольства во Флоренцію. Здѣсь онъ напечаталъ свою «Послѣднюю пѣснь Чайльдъ-Гарольда», пьесу, которая не идетъ ни въ какое сравненіе съ могучимъ полетомъ англійскаго поэта. Нѣсколько стиховъ, упоминавшихъ о нравственномъ паденіи итальянскаго народа вызвали оскорбительное возраженіе въ печати, написанное полковникомъ Пепе, неаполитанскимъ эмигрантомъ. Ламартинъ былъ раненъ. Въ 1829 году, князь Полиньякъ призывалъ Ламартина въ Парижъ и предложилъ ему мѣсто генеральнаго секретаря (товарища) министра иностранныхъ дѣлъ; Ламартинъ не принималъ его потому, что не сочувствовалъ реакціоннымъ намѣреніямъ этого кабинета, погубившаго реставрацію. Ламартинъ держался въ то время одной линіи убѣжденій съ Шатобрианомъ.

«Les Harmonies Poétiques et Religieuses» появились въ 1830 году, вскорѣ послѣ избранія Ламартина членомъ французской академіи. «Les Harmonies» воспроизводятъ ту же религіозную ноту, которою запечатлѣны первыя «Méditations», но тотъ внутренній разладъ; тѣ страданія, которыя въ первыхъ стихотвореніяхъ Ла-

мартина, придаютъ характеръ болѣе свѣтскій, здѣсь чувствуются уже гораздо слабѣе. Религіозность въ «Harmonies» — за немногими исключеніями — имѣетъ характеръ строгій, почти церковный. Примиреніе бурь жизни религіею уже произошло окончательно. Многія изъ этихъ «Harmonies» — настоящіе псалмы. вмѣстѣ съ погруженіемъ поэта въ безусловный спиритуализмъ, и самое развитіе мысли его нѣсколько утратило опредѣленности, а форма — точности (которая и прежде не была преобладающей чертою въ ламартиновской поэзіи). Онъ самъ признаетъ это: «Прошу извинить несовершенства слога, которыя часто оскорбляютъ изысканный вкусъ. То, что чувствуется сильно, пишется скоро. Только гениямъ дано соединять два качества взаимно исключаютіяся — вдохновеніе и правильность ¹⁾. Къ «Harmonies» былъ приложенъ «отрывокъ библейской трагедіи смерть Іонаана, сына Саула.»

Ламартинъ получилъ постъ посланника къ принцу Леопольду, предназначенному въ королѣ Греціи, а когда принцъ (впослѣдствіи король бельгійцевъ) не принявъ этой короны, Ламартинъ отправился опять туристомъ въ Швейцарію, гдѣ его и застала іюльская революція. Онъ подалъ въ отставку и никогда не служилъ орлеанской монархіи.

Иные упрекаютъ Ламартина въ политическомъ непостоянствѣ за то, что онъ, легитимистъ, тотчасъ сталъ искать депутатства при іюльской монархіи и нерѣдко поддерживалъ министерство Людовика-Филиппа. На самомъ дѣлѣ никакого непостоянства тутъ не было. Вотъ прошеніе объ отставкѣ, поданное имъ королю чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ Молé: «Признавая фактъ и право совершившейся революціи, я готовъ служить моей странѣ въ палатахъ и во всякихъ избирательныхъ, неоплачиваемыхъ должностяхъ. Но хотя я не скрывалъ отъ себя ошибокъ павшей династіи, я служилъ ей и сожалѣю о ея несчастіяхъ. Я не хочу, оставаясь на службѣ вашего величества, имѣть видъ чловѣка, который передается отъ одного правительства другому, вмѣстѣ съ успѣхомъ. Я становлюсь не въ оппозицію, а просто въ независимое положеніе» ²⁾. Людовикъ-Филиппъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ по прежнему являлся ко двору, но онъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ, не принявъ и совѣтовъ Таллейрана, съ которымъ встрѣтился потомъ въ Лондонѣ — вступить снова на дипломатическую карьеру.

Избранія въ должность онъ добивался, но только для того,

¹⁾ Harmonies poétiques et religieuses. Avertissement.

²⁾ La Tribune de M. de Lamartine, 5, 1.

чтобы служить странѣ, а не съ цѣлью приобрести вліяніе на министерство и потомъ мѣсто — какъ то обыкновенно практиковалось въ царствованіе Людовика-Филиппа, періодъ безнравственный, который болѣе подкопалъ парламентаризмъ во Франціи, чѣмъ сколько могли бы сдѣлать знаменитыя Ordonances Карла X.

Слѣдуя своему убѣжденію:

Honte à qui peut chanter pendant que Rome brûle...

Ламартинъ явился кандидатомъ на избраніе, сперва въ Дюнкирхенъ, и неудачно. Онъ отправился на Востокъ, съ женою и дочерью. Это путешествіе на Востокъ было до крайности фантастично. Онъ поѣхалъ на собственномъ кораблѣ, а потомъ ѣхалъ цѣльнымъ караваномъ, съ многочисленной свитою. Деньги издерживалъ безъ счету. На Ливанѣ онъ посѣтилъ другую фантастическую путешественницу, племянницу Вильяма Питта, леди Эстеръ Стэнгопъ, которая жила тамъ въ то время въ построенномъ ею укрѣпленномъ замкѣ и считалась королевою мѣстныхъ арабскихъ племенъ (королевою Пальмиры). Леди Стэнгопъ вычитала Ламартину по звѣздамъ, что его ожидаетъ великая политическая задача, и Ламартинъ былъ именно такой ребенокъ, на котораго подобное предсказаніе могло, пожалуй, подѣйствовать, еслибы и прежде уже всѣ его мысли не были обращены къ политикѣ¹⁾.

Ламартинъ посѣтилъ Іерусалимъ въ октябрѣ 1832 года. Онъ поспѣшно выѣхалъ оттуда въ Бейрутъ, когда узналъ, что дочь его, Юлія, опасно заболѣла и засталъ ее уже при смерти. Въ то же время (въ началѣ 1833 года) онъ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи въ Бергъ (Bergues, départ. du Nord). Описаніе путешествія на Востокъ²⁾ есть, конечно, не что иное, какъ поэзія, но поѣздка эта получила и нѣкоторое политическое значеніе, въ томъ смыслѣ, что поэтъ свидѣтельствовалъ о жизненности и зрѣлости въ свободѣ христіанскихъ племенъ, подчиненныхъ Портѣ; слова его къ національному чувству сербовъ и болгаръ не остались безъ слѣда въ умахъ образованной славянскои молодежи.

Ламартинъ самъ необыкновенно удачно характеризуетъ положеніе, которое онъ занялъ въ палатѣ депутатовъ при вступ-

¹⁾ Леди Стэнгопъ и Ламартинъ имѣли сходную судьбу: обонхъ ихъ необузданная фантазія довела до разоренія и бѣдности.

²⁾ Souvenirs, Impressions, Pensées et Paysages pendant un voyage en Orient; вышло въ 1835 году.

леніи въ нее, въ 1834 году: «Продолжительное путешествіе сдѣлало меня еще болѣе безучастнымъ по отношенію къ партіямъ, которыя раздѣляли мою страну. Среди парламентскихъ кружковъ я былъ чужой; мнѣ не трудно было уединиться отъ нихъ.—Гдѣ вы сядете? спросилъ меня наканунѣ одинъ пріятель.—На потолкѣ, отвѣчалъ я ¹⁾». И въ самомъ дѣлѣ, во всей парламентской борьбѣ при Людовикѣ-Филиппѣ, Ламартинъ оставался именно «на потолкѣ». Это возвышенное мѣсто бесспорно принадлежало ему и по непрактичности, и по безпристрастію и по благородству его въ палатахъ время орлеанской монархіи. Но самъ онъ понималъ свое положеніе не совсѣмъ такъ, и когда вожди партій и ихъ клеветы заряжали свои пушки громкими словами патріотизма, интересовъ страны, чести и т. д. съ весьма практическою цѣлью сбивать противниковъ съ ихъ мѣстъ или обороняться въ лестныхъ и доходныхъ позиціяхъ, и пожимали плечами надъ наивными рѣчами Ламартина, который поддерживалъ то ту, то другую сторону, безкорыстно и по убѣжденію, хотя и не всегда дѣльно, и отсылали его «въ облака», «къ Эльвирѣ», то онъ пресерьезно обижался.

Такъ, несмотря на отказъ свой служить подъ начальствомъ графа Молё, онъ поддерживалъ его кабинетъ, хотя и признавалъ его слишкомъ консервативнымъ, несоотвѣтствующимъ программѣ революціи 1830 года. Онъ поддерживалъ его именно потому, что его, какъ моралиста, возмущала коалиція самыхъ несогласныхъ партій—Тьера, Беррье, Гизо, Барро, Дюфора, Гарнье-Пажеса, честолюбцевъ, легитимистовъ, доктринеровъ, республиканцевъ — противъ честно-консервативнаго министерства, въ 1838—39 г. Когда извѣстный въ исторіи французскаго парламентаризма кружокъ 221 депутатовъ, поддерживавшихъ Молё, собравшись на совѣщаніе, предложилъ Ламартину предсѣдательство въ немъ, онъ отказался, прямо сказавъ имъ, что онъ — не ихъ человѣкъ, что они — консерваторы, а онъ прогрессистъ, и поддерживая ихъ въ данномъ случаѣ, на другой же день разойдется съ ними. Когда министерство Молё потерпѣло пораженіе вслѣдствіе интриги, устроенной Тьеромъ, Ламартинъ совѣтовалъ министрамъ уважить рѣшеніе парламента и удалиться. Впослѣдствіи, въ 1840 году, онъ сильно возставалъ противъ политики Тьера по восточному вопросу и на этотъ разъ понималъ положеніе дѣлъ лучше Тьера и Гизо: онъ понималъ, что отдѣленіе Египта не могло удасться, потому что другія державы не могли

¹⁾ La Tribune, Préface.

согласиться на это начало раздѣла Турціи безъ ихъ участія ¹⁾. Но когда Тьеръ, послѣ жестокаго нравственнаго пораженія, нанесеннаго Франціи четвернымъ союзомъ державъ, о которомъ французское правительство ничего не знало по оплошности Гизо, въ то время посланника въ Лондонѣ, когда Тьеръ, говорятъ, удалился, чтобы спасти Францію отъ неравной борьбы, Ламартинъ почувствовалъ въ нему уваженіе. Оппозиція противъ Тьера сблизила его съ Гизо, но въ 1842 году, рѣшительно выступилъ противъ консервативнаго направленія, принятаго монархіею вышедшею изъ революціи. Въ этомъ случаѣ, какъ еще гораздо раньше, при обсужденіи, такъ-названныхъ «сентябрьскихъ законовъ», когда впервые начался поворотъ въ консерватизму, вслѣдствіе извѣстнаго дѣла Фіески, Ламартинъ упрекалъ новое правленіе въ томъ, что оно пользуется разными случаями, чтобы вдаться въ реакцію и сѣтовать надъ безнравственнымъ зрѣлищемъ людей, отвергающихъ самую причину своего возвышенія. Жалуясь на застой, которому обрекали политическое преобразование Франціи, онъ выставлялъ «развратительное зрѣлище тѣхъ партій, которыя самыми священными стремленіями человечества пользуются только для того, чтобы захватить въ свои руки политическое положеніе; которыя, разъ захвативъ правленіе, покрываютъ оскорбленіями то самое знамя, которое привело ихъ къ побѣдѣ, ругаютъ то, что обожаютъ, обожаютъ то, что сами сломали и даютъ поводъ народу, развращаемому такими примѣрами, думать, что нѣтъ ни истины, ни лжи, ни добродѣтели, ни преступленія въ политикѣ, и что міръ принадлежитъ наиболѣе ловкому и наиболѣе смѣлому» ²⁾.

Эта цитата достаточно характеризуетъ положеніе Ламартина въ палатѣ. Это былъ, повторяемъ, моралистъ въ политикѣ. Слово его не было лишено значенія, какъ не лишенъ значенія упрекъ совѣсти, даже и для интриганта; но оно было лишено *дѣйствія*. Это мы разумѣемъ собственно о его словѣ въ парламентѣ. Мы сейчасъ увидимъ, что Ламартиномъ въ печати было произнесено слово, которое не осталось безъ дѣйствія.

Въ 1836 году, Ламартинъ издалъ небольшую поэму «Jocelynъ», религіозно-романическую идиллію, въ которой выдѣлились и вся прелесть и всѣ недостатки его таланта. Недостатки уже преоб-

¹⁾ Ламартинъ самъ требовалъ раздѣла, но предлагалъ отдать Константинополь Россіи, Египетъ Англіи, а Сирію взять Франціи. Съ логичностью теоретика, онъ думалъ, что если ужъ дѣлить, такъ раздѣлить все.

²⁾ Discours du 22 aout 1835. Еще яснѣе онъ высказался въ рѣчи на обѣдѣ, данномъ ему въ Мавонѣ, см. Discours du 4 juin 1843.

ладають въ «la Chûte d'un ange» (1838) и въ «Recueils Poétiques» (1839). Здѣсь обычная роскошь эпитетовъ и картинность стиля доходитъ мѣстами до несносной напыщенности и вообще видно усиліе, неестественность, неопредѣленность мысли и фальшь въ изложеніи.

Продолжая безуспѣшно бороться въ палатѣ съ застоємъ іюльской монархіи и представителемъ этого застоя — Гизо, и потерявъ, наконецъ, надежду на возможность прогресса при правленіи, которое замкнулось въ личные интересы и подкапывало парламентаризмъ, обращая его въ нѣчто въ родѣ биржевой игры, поэтъ выступилъ въ 1847 году, какъ разъ послѣ того, какъ Гизо удалось эскамотировать новые выборы, благоприятные министерству, съ «Исторіею Жирондистовъ». Это первое историческое сочиненіе Ламартина, быть можетъ, менѣе всѣхъ послѣдующихъ, соблюдаетъ условія исторической вѣрности; авторъ позволилъ себѣ, иногда, даже нестрого сообразоваться съ хронологіею, для того, чтобы «группировать событія». Это сочиненіе — поэзія; но эта поэзія оказала дѣйствіе серьезнѣе всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ Ламартиномъ въ палатѣ депутатовъ — она популяризировала воспоминаніе о республикѣ, въ тотъ самый моментъ, когда Франціи надобѣ Гизо до невозможности и когда искусственный результатъ послѣднихъ выборовъ отстранилъ еще на нѣсколько лѣтъ самую надежду на возможность какой-либо переменѣ. Насчетъ огромнаго дѣйствія «Исторіи Жирондистовъ» на умы, и значенія этой книги въ подготовленіи вспышки 1848 г. согласны всѣ, отъ консерваторовъ, горько упрекавшихъ такое «злоупотребленіе талантомъ», до радикаловъ, которые, въ послѣдствіи, были недовольны апологіею жирондистовъ.

Въ ту минуту, когда Ламартинъ, 28 февраля 1848 года, вошелъ въ комнату, служившую кабинетомъ Гизо, на столѣ лежала замѣтка, писанная рукою Гизо: «чѣмъ болѣе я слышу Ламартина, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что намъ не понять другъ друга» ¹⁾.

Во время преній въ палатѣ, по отреченіи Людовика-Филиппа, когда нѣкоторые республиканцы, какъ Маррасть и Бастидъ, соглашались на регентство герцогини Орлеанской, Ламартинъ рѣшительно отвергнулъ всякое соглашеніе съ династіею и объявилъ себя въ пользу провозглашенія республики, вмѣстѣ съ Мари и Кремье. Когда Одилонъ-Барро сталъ говорить за регентство, Ламартинъ произнесъ рѣчь въ смыслѣ избранія времен-

¹⁾ Tribune, 21.

ного правленія. Все это происходило среди безпрестанныхъ вторженій вооруженнаго народа въ палату. Ламартинъ двинулся съ народомъ въ думѣ, гдѣ уже засталъ Гарнье-Пажеса. За Ламартиномъ скорѣй послѣдовали Ледрю-Ролленъ, Кремье, Мари, Араго.

Извѣстно мужество, съ какимъ Ламартинъ являлся въ эти дни передъ рьяными толпами. Но самое вступленіе Ламартина въ составъ временнаго правленія республики было большою ошибкою со стороны радикаловъ, которые его допустили. Дѣло въ томъ, что Ламартинъ вступилъ въ это правленіе, и самъ того не сознавая, въ качествѣ представителя испуганной буржуазіи, то есть въ качествѣ еще не сознавшей себя самоѣ, но тѣмъ не менѣе положительной реакціи противъ движенія одержавшаго на минуту верхъ. Мы не беремъ судить о томъ, что было лучше для Франціи—орлеанское правленіе или республика, но нельзя не признать, что вступленіе Ламартина въ составъ перваго правительства, созданнаго революціею, было во всякомъ случаѣ противорѣчіемъ этой революціи.

Ламартинъ былъ положительно неспособенъ къ той роли, которая ему выпала; онъ продолжалъ оставаться «на потолкѣ», противясь и консерваторамъ, и радикаламъ, и войнѣ, и диктатурѣ, и полному осуществленію республики¹⁾ и восстановленію монархіи. Онъ противился всѣмъ теченіямъ и защищалъ только одну мораль. Какъ моралистъ въ дѣйствиіи, онъ оказалъ важныя услуги поддержаніемъ порядка на улицахъ и отмѣною смертной казни. Но какъ политическій дѣятель, онъ не справился съ положеніемъ и скоро сошелъ со сцены, скомпрометировавшись сперва передъ консерваторами—союзомъ съ Ледрю Ролленомъ, потомъ и передъ радикалами—сближеніемъ съ генераломъ Кавеньякомъ, и непремѣнно долженъ былъ потерять всякое значеніе.

Много личнаго мужества показалъ онъ въ усмиреніи мятежа въ маѣ, много честности и самоотверженія; тѣмъ неменѣе онъ совершенно лишился популярности. Можно смѣло сказать, что Кавеньякъ, когда онъ разстрѣливалъ людей на улицѣ, безъ суда, въ іюнѣ 1848 года, былъ популярнѣе Ламартина, потому что Кавеньяку сочувствовала вся часть общества, испуганная возстаніемъ социалистовъ, а Ламартину не сочувствовалъ никто, за исключеніемъ развѣ Альфонса Карра, такого же политика «безпристрастной середины и возвышенной фантазіи».

¹⁾ См. Discours du 6 septembre 1848, sur le projet de Constitution.

Немудрено, что при выборах на президентство Ламартинъ получилъ всего 7910 голосовъ, а на выборахъ въ законодательное собраніе въ 1849 году, не поналъ и въ депутаты. Замѣчательно, что Ламартинъ, еще въ октябрѣ 1848 года, предсказалъ то, что случилось впоследствии: «Не колеблясь объявляю себя въ пользу того способа избранія, который кажется вамъ самымъ опаснымъ—всенароднаго избранія президента; да, хотя бы даже народъ избралъ *того*, чьего избранія я, быть можетъ и ошибочно, боюсь. Нечего дѣлать, пусть Провидѣніе и народъ рѣшаютъ!..... Если народъ самъ предастъ себя,.... если онъ произнесетъ роковое слово, захочетъ отречься отъ дѣла свободы и прогресса, и бросится за какимъ-то метеоромъ, который обожжетъ ему руки—пусть онъ это скажетъ! Но мы, граждане, по крайней мѣрѣ, не произнесемъ его раньше. Если это несчастіе сбудется, скажемъ себѣ, напротивъ, слово побѣжденныхъ при Фарсалѣ: *Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni!* И этотъ протестъ, противъ заблужденія или слабости народа, да будетъ обвиненіемъ его передъ нимъ самимъ и отпущеніемъ намъ передъ потомствомъ!»¹⁾ Удивительная мысль! Удивительный человѣкъ, который, видя опасность, тѣмъ не менѣе совѣтуетъ ей подвергнуться, заранѣе протестуя противъ явныхъ послѣдствій!

Ламартинъ былъ избранъ впоследствии въ законодательное собраніе, но не принималъ уже дѣятельнаго участія въ политическихъ событіяхъ, съ 1849 года. Онъ былъ главнымъ редакторомъ «*Revue*» до 1851 года. Послѣ декабрьскаго переворота, онъ совершенно устранился отъ политики и возвратился исключительно къ литературной работѣ, уже по той причинѣ, что ему, стоявшему недавно «во главѣ судебъ Франціи», стала грозить бѣдность. Онъ издавна издерживался, не справляясь со средствами; путешествіе на востокъ нанесло его финансамъ сильный ударъ, финансы его, не смотря на состояніе жены, наслѣдство полученное отъ дяди и большія деньги, полученные отъ издателей (особенно за «*Исторію Жирондистовъ*»), истощились и роскошью, въ которой онъ привыкъ, и баснословной его щедростью. Много есть анекдотовъ о щедрости и расточительности Ламартина. Однажды пріятель его Дарго, возмущенный нерасчетливостью Ламартина и его жены (совершенно похожей на мужа въ этомъ отношеніи), явился къ Ламартину и объявилъ, что будетъ его кассиромъ и унесъ ключъ отъ его комода. Вдругъ является дама просить на госпиталь: г-жа Ламартинъ велѣла сломать замокъ и отдала просительницѣ 800 франковъ, въ присутствіи своего

¹⁾ Discours du 6 octobre 1848, sur la présidence.

мужа, который нѣжно улыбался. Дарѣ, возвратясь, нашелъ что въ комодахъ не было *ничего*.

«*Confidences*», «*Nouvelles Confidences*», «*Raphael*» (1849—1851), «Очерки изъ жизни поэта» и «Исторія Реставраціи» (1851—1852) написаны еще спокойно и отлично обдѣланы: «Исторія Реставраціи», написанная въ духѣ либерализма, имѣетъ цѣну и какъ историческая работа, но особенно интересна, какъ галерея художественно-написанныхъ очерковъ людей того времени. «Исторія революціи 1848 года» (1849) есть не что иное, какъ автоапологія. Затѣмъ начинается работа сгѣшная, такъ сказать машинная, подъ гнетомъ нужды и долговъ: «*Histoire des Constituants*» (1854), «*Histoire de la Turquie*» (1855), «*Histoire de la Russie*» (1856). Ни эти сочиненія, ни періодическія изданія Ламартина: «*Le Conseiller du Peuple*» (1849—1852) «*Le Civilisateur*» (1852—1856), «*Cours familier de Litterature*» — популярно-литературныя очерки, въ которыхъ рѣчь идетъ немного обо всемъ, не поправили его дѣла. Національная подписка, на которую онъ рѣшился въ 1858 году, не имѣла успѣха. Сперва она приняла было характеръ протеста противъ имперіи, но императоръ поспѣшилъ внести свое имя въ списокъ. Поэтъ, доживъ до 75 лѣтъ, продолжалъ работать среди нужды и горя. Спекуляціи, которыми онъ думалъ поправить свои обстоятельства, не удавались и только поглощали плоды трудовъ старости. Новый ударъ нанесла ему смерть жены. Съ 1866 года, онъ жилъ пенсіею въ 25,000 франковъ, данныхъ ему наконецъ Франціею, которая издерживаетъ столько же на каждого изъ сенаторовъ Наполеона III.

Л. Полонскій.

КАССАЦИОННЫЕ ДЕПАРТАМЕНТЫ С Е Н А Т А

I.

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАКТИКА.

Почти три года прошло послѣ введенія судебной реформы. Этого времени, конечно, слишкомъ мало, чтобы произвести полное сужденіе объ общемъ характерѣ дѣятельности новыхъ судовъ. Но неоспоримы, по очевидности своей, нѣкоторыя явленія, бросающія свѣтъ и на будущее этихъ судовъ. Неоспоримо, что судебныя установленія, созданныя судебными уставами, сложились въ хорошія формы, представляютъ надежное ручательство неподкупности рѣшеній и общають постепенное развитіе самостоятельности суда. Неоспоримо, что новые суды представляютъ уже теперь такое учрежденіе, которое заключаетъ въ самомъ себѣ условія своеобразной жизни, которое растетъ, такъ сказать, изъ самого себя и развивается правильно, слѣдуя историческому закону, вопреки воздвигаемымъ ему, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, препятствіямъ. Несомнѣнно, что на сторонѣ новыхъ судовъ общее сочувствіе, размѣры котораго поглощаютъ въ себѣ одиночные протесты и вопли разношерстнаго, но немногочисленнаго кружка противниковъ и недоброжелателей судебной реформы.

Фактъ общаго сочувствія къ новымъ судамъ указываетъ на то, что строй ихъ соответствуетъ потребностямъ общества, что условія и порядокъ судебного дѣла, указанные въ судебныхъ уставахъ, доступны пониманію народа и не представляютъ для него значительныхъ затрудненій. Дѣйствительно, поверхностнаго наблюденія довольно, чтобы убѣдиться въ томъ, что народъ вообще свыкся съ новыми судебными порядками, что онъ довѣрчиво относится къ дѣятельности новыхъ су-

довъ, и что теперь уже суды эти занимаютъ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ въ народной жизни.

Одну изъ причинъ популярности новыхъ судебныхъ установлений составляетъ простота судебного разбирательства. Участвующія въ дѣлѣ лица, не видя стѣсненій формальностями, понимая непосредственное участіе суда въ разъясненіи дѣла и вѣря въ его безпристрастіе, до вѣрчиво идутъ сами въ судъ, не прибѣгая къ чужому посредничеству, и лично защищаютъ свои интересы. Не только въ мировыхъ судахъ, но и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ при производствѣ гражданскихъ дѣлъ стороны, весьма часто являются въ судъ лично. Нерѣдки случаи, что и въ спорномъ и сложномъ дѣлѣ вступаютъ въ состязаніе сами тяжущіеся, стараясь, по мѣрѣ силъ, убѣдить судъ въ справедливости своихъ требованій. Появленіе присяжнаго повѣреннаго въ залѣ засѣданія гражданского отдѣленія окружнаго суда въ качествѣ защитника, даже въ Петербургѣ и Москвѣ, далеко не общее правило. И это неудивительно. Порядокъ судопроизводства, введенный судебными уставами, основанъ на началахъ, дѣлающихъ его всѣмъ доступнымъ; правила его не представляютъ хитросплетеній, сложныхъ формъ и лабиринта условныхъ процессуальныхъ бумагъ. Все сводится къ словесному состязанію сторонъ предъ судомъ, на которомъ выясняется фактическая и правовая стороны дѣла.

Нельзя сказать, чтобы дѣятельность кассационныхъ департаментовъ сената усвоивалась также скоро народнымъ сознаніемъ. Понятіе о кассациі, взятое цѣликомъ изъ за-границы, само по себѣ нѣсколько темно и отвлеченно. Основныя начала кассационнаго производства не доступны пониманію не-юриста, а въ томъ видѣ, какъ онѣ проведены въ уставѣ гражданского судопроизводства, во многомъ подлежатъ критикѣ. Все это должно было отразиться въ практической жизни.

Огромное большинство поступающихъ въ сенатъ просьбъ и жалобъ доказываетъ полное непониманіе народомъ основныхъ началъ кассационнаго производства. Нерѣдко даже лица, юридически образованныя и сами должностныя лица судебного вѣдомства представляютъ примѣры неправильнаго пониманія значенія кассациі и формъ кассационнаго производства. Поэтому огромное большинство сенатскихъ рѣшеній заключаетъ въ себѣ указаніе просителямъ, не имѣющимъ законнаго повода ходатайствовать о кассациі, тѣхъ главныхъ началъ, которыми опредѣляется дѣятельность кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. За три года накопилось уже довольно матеріала, могущаго служить пособіемъ при изученіи немногихъ статей судебныхъ уставовъ, относящихся до кассационнаго производства, а также полезнымъ указаніемъ для практики на будущее время. Своевременнымъ представляется намъ обзрѣть многочисленныя и разнообразныя

рѣшенія кассационныхъ департаментовъ сената и свести ихъ къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ.

Облегченіе, для большинства, ознакомленія съ выводами кассационной практики тѣмъ болѣе необходимо, что, по разъясненію сената, рѣшенія его подлежатъ безусловно обязательному исполненію со стороны всѣхъ судебныхъ установленій.

Мы начнемъ наше обозрѣніе съ рѣшеній гражданского кассационнаго департамента по вопросамъ судопроизводства.

Опредѣляя *предѣлы своей компетенности*, сенатъ разъяснилъ прежде всего, что, по уставу гражданского судопроизводства, отмѣнѣ во всѣхъ видахъ, въ томъ числѣ и кассациі, могутъ подлежать только постановленія суда по существу дѣла, которымъ исключительно присвоено названіе *рѣшенія*, а не постановленія, относящіяся къ частнымъ изъ дѣла возникающимъ вопросамъ, которыя именуются *опредѣленіями*. На основаніи этого общаго правила масса кассационныхъ жалобъ, принесенныхъ сенату, оставлена безъ уваженія. Однако безусловность приведеннаго правила требовала нѣкоторыхъ исключеній.

Сенатъ усмотрѣлъ, что если постановленныя судомъ частныя опредѣленія такого рода, что имъ прекращается всякій дальнѣйшій ходъ дѣла, а за тѣмъ уже и не можетъ быть рѣшенія, которое подлежало бы обжалованію въ кассационномъ порядкѣ, и если при постановленіи этого опредѣленія допущено явное нарушеніе закона, тогда отказъ въ разсмотрѣніи жалобы, принесенной на такое опредѣленіе, по той единственно причинѣ, что эта жалоба принесена на частное опредѣленіе, былъ бы равносильенъ отказу въ правосудіи.

Кромѣ того сенатъ нашелъ, что если бы палата разрѣшила частнымъ опредѣленіемъ самое существо дѣла, то сторона, недовольная такимъ рѣшеніемъ, не могла бы быть лишена права жаловаться на него въ кассационномъ порядкѣ, такъ какъ допустить противное значило бы предоставить на произволъ палаты постановлять, въ видѣ частныхъ опредѣленій, окончательныя по дѣламъ рѣшенія и ставить права тяжущихся въ зависимость не отъ содержанія, но отъ формы ея постановленій.

Такимъ образомъ, разсматриваемый въ настоящее время вопросъ разрѣшенъ правительствующимъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, что обсужденію его въ кассационномъ порядкѣ могутъ, сверхъ рѣшеній по существу дѣлъ, подлежать судебныя опредѣленія въ двухъ случаяхъ: 1) если подъ видомъ частныхъ опредѣленій рѣшаются иски въ самомъ ихъ существѣ, и 2) если преграждается всякій дальнѣйшій ходъ дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, такъ, что дѣло иначе не можетъ дойти до сената, какъ путемъ частнаго обжалованія. Нельзя не при-

знать правильнымъ подобнаго вывода. Несправедливо было бы допустить, чтобы неправильныя дѣйствія судебныхъ установленій, обусловливаемые въ ~~большой части случаевъ~~ неточнымъ пониманіемъ закона, имѣли рѣшительное вліяніе на права частныхъ лицъ, закрывая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ обжалованію неправильныхъ дѣйствій въ кассационномъ порядкѣ сенату.

Другой вопросъ, выясненный сенатомъ *при опредѣленіи его компетенности*—есть вопросъ о томъ, можетъ ли подлежать разсмотрѣнію сената фактическая сторона дѣла. Общее правило, принятое сенатомъ въ этомъ отношеніи, есть то, что разсмотрѣнію его подлежитъ лишь примѣненіе закона къ выводамъ изъ обстоятельствъ дѣла, изъ чего прямо вытекаетъ, что гдѣ нѣтъ вопроса о примѣненіи закона, тамъ не можетъ быть и повода къ кассаци. На основаніи этого общаго правила, большинство жалобъ, приносимыхъ сенату, оставляется безъ уваженія, такъ какъ просителямъ очевидно трудно усвоить себѣ значеніе той демаркаціонной линіи, которая отдѣляетъ въ дѣлѣ фактическую его сторону отъ примѣненія законовъ къ фактамъ.

Дѣйствительно, чтобы повѣрить указаніе просителя на нарушение закона въ судебномъ рѣшеніи, нерѣдко представляется необходимымъ провѣрить не только выводы суда изъ смысла закона, но также приложеніе закона къ фактамъ; для этого необходимо уяснить себѣ фактическую сторону дѣла, а при разъясненіи фактовъ дѣла конечно можетъ встрѣтиться надобность войти въ обсужденіе самаго существа его.

Наибольшія затрудненія въ примѣненіи вышеуказаннаго общаго правила представляются по дѣламъ, возникшимъ изъ нарушенія договоровъ. Наши гражданскіе законы содержатъ въ себѣ, какъ извѣстно, правила о толкованіи договоровъ. Такъ, по статьѣ 1538-й гр. зак., при исполненіи договоры должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу. По статьѣ 1539-й, слова двусмысленныя должны быть изъясняемы въ разумѣ наиболѣе сообразномъ существу главнаго предмета въ договорѣ; не слѣдуетъ ставить въ вину, когда въ договорѣ упущено такое слово или выраженіе, которое вообще и обыкновенно въ договорахъ употребляется; когда выраженія въ договорѣ не опредѣляютъ предмета съ точностію, тогда принадлежности его должно изъяснять обычаемъ; въ случаѣ равнаго съ обѣихъ сторонъ недоумѣнія, силу договора слѣдуетъ изъяснять болѣе въ пользу того, кто обязался что либо отдать или исполнить. Нарушеніе подобныхъ правилъ нерѣдко указывается въ кассационныхъ жалобахъ. Между тѣмъ разрѣшеніе вопроса о правильномъ приложеніи къ данному договору одной изъ статей гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ способъ толкованія договоровъ, очевидно требуетъ прежде всего разъясненія, какой именно договоръ имѣлъ мѣсто въ данномъ дѣлѣ, т. е. обсужденіе фактической стороны дѣла.

Сенатская практика въ отношеніи къ вопросу о правѣ сената ехо-

дѣть въ разсмотрѣніе толкованія, даннаго договору въ судебномъ рѣшеніи, на которое принесена кассационная жалоба, еще не окончательно выяснилась. Сенатъ иногда вовсе не повѣряетъ правильности выводовъ судебной палаты и мирового съѣзда относительно смысла разсмотрѣнныхъ ими договоровъ. Если, по мнѣнію палаты или мирового съѣзда, договоръ ясенъ и долженъ быть истолкованъ согласно буквальному его смыслу, то жалоба на неправильность толкованія смысла договора часто оставляется сенатомъ безъ разсмотрѣнія. Равнымъ образомъ указаніе на то, что палата или съѣздъ неправильно признали смыслъ договора сомнительнымъ и примѣнили къ нему ст. 1539 гражд. зак., также нерѣдко признаваемо было неподлежащимъ разсмотрѣнію сената. Въ другихъ рѣшеніяхъ высказываются нѣкоторыя начала о компетентности сената по отношенію къ повѣркѣ толкованія въ судебныхъ рѣшеніяхъ смысла договоровъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ рѣшеній сената заключается изложеніе нѣсколькихъ общихъ соображеній, которыми сенатъ руководствуется въ дѣлахъ, возникшихъ изъ толкованія договоровъ. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ изъяснилъ, что нарушеніе законныхъ правилъ о толкованіи договоровъ можетъ быть признано дѣйствительнымъ, если обнаружится, что въ рѣшеніи палаты приведены такія слова договора, которыхъ въ договорѣ вовсе нѣтъ, или что словамъ договора данъ совершенно противный смыслъ, т. е. такой смыслъ, котораго они никакъ содержать въ себѣ не могутъ, или что рѣшеніе основано не на договорѣ, а на побочныхъ обстоятельствахъ; однимъ словомъ, если бы было указано на очевидное извращеніе точнаго разума и буквального смысла договора.

Нельзя не замѣтить, что приведенные выводы открываютъ сенату широкое поле для вышатательства въ разсмотрѣніе существа дѣла, въ особенности же тотъ выводъ, что приданіе словамъ договоровъ такого смысла, котораго они никакъ содержать въ себѣ не могутъ, относится къ числу поводовъ кассации рѣшеній. Руководствуясь подобнымъ выводомъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, рѣшить многія дѣла, уже бывшія въ разсмотрѣніи сената, иначе, чѣмъ они разрѣшены сенатомъ. Вообще мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ рѣшеніяхъ гражданского кассационнаго департамента сената обнаруживается какъ бы неодинаковость воззрѣній на вопросъ о правѣ сената входить въ обсужденіе правильности толкованія договоровъ въ рѣшеніяхъ палатъ и съѣздовъ. Въ большинствѣ рѣшеній сената проводятся начала, ограничивающія подобное право; нѣкоторыя рѣшенія, напротивъ того, стараются по возможности его расширить. Наше личное мнѣніе не въ пользу послѣдняго толкованія. Расширяя свою компетентность въ отношеніи къ дѣламъ, возникшимъ изъ договоровъ, сенатъ, мало-помалу, видоизмѣняетъ характеръ той дѣятельности, которая принадлежитъ ему по разуму судебной реформы. Входя въ разсмотрѣніе су-

щества дѣлъ, сенатъ выйдетъ изъ роли установленія, охраняющаго лишь правильность и единообразіе толкованія законовъ, и сдѣлается какъ бы **третьею инстанціею**.

Третій вопросъ, котораго слѣдуетъ коснуться, говоря объ опредѣленіи компетентности гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената есть вопросъ о томъ, нарушеніе какихъ именно формъ и обрядовъ судопроизводства составляетъ поводъ кассации. Предварительно необходимо выяснитъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ нарушеніемъ формъ и обрядовъ.

Правила, опредѣляющія порядокъ судопроизводства, имѣютъ не одинаково обязательный характеръ. Нѣкоторые судебныя дѣйствія обуславливаются усмотрѣніемъ суда, напр. назначеніе срока для объясненія обстоятельствъ существенныхъ для разрѣшенія дѣла, собраніе и повѣрка доказательствъ и проч. Подобныя дѣйствія суть только указанныя закономъ средства для разясненія дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію суда, дѣло не довольно выяснено. Очевидно, что неисполненіе этого рода судебныхъ дѣйствій означало бы лишь, что въ нихъ не представлялось необходимости, и оно не заключало бы никакого нарушенія формъ. Далѣе, нѣкоторые судебныя дѣйствія обуславливаются инициативою тяжущихся, такъ что исполненіе подобнаго дѣйствія судомъ зависитъ отъ своевременнаго заявленія требованій сторонъ во время хода процесса. Очевидно, что неисполненіе подобныхъ судебныхъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, когда не было своевременнаго заявленія тяжущихся о его исполненіи, также не можетъ заключать въ себѣ нарушенія формъ судопроизводства. Нарушеніемъ формы или обряда слѣдуетъ признавать неисполненіе лишь такого судопроизводственнаго дѣйствія, которое было обязательно для суда. Это *первое начало*, которое проводится постоянно въ сенатскихъ рѣшеніяхъ и непониманіе котораго имѣетъ послѣдствіемъ принесеніе сенату массы неосновательныхъ жалобъ.

Особенно часты жалобы на отказъ суда вызвать или допросить свидѣтелей, показанія которыхъ должны были разяснить дѣло, на то, что судъ не прибѣгнулъ къ повѣркѣ доказательствъ, не истребовалъ заключенія свѣдущихъ людей и пр. Сенату безпрестанно приходится разяснять, что допросъ свидѣтелей, объясненіе противорѣчій въ ихъ показаніяхъ посредствомъ очной ставки, истребованіе отъ свѣдущихъ людей заключенія и осмотръ на мѣстѣ указаны суду какъ средства къ открытію истины; что употребленіе этихъ средствъ не поставлено суду въ обязанность, но предоставлено обращаться къ нимъ тогда, когда они, по его усмотрѣнію, нужны; что судъ не обязанъ вызывать всѣхъ указываемыхъ тяжущимися свидѣтелей; что судъ не обязанъ допрашивать всѣхъ свидѣтелей объ обстоятельствахъ, ко-

торыя, по мнѣнію его, не могутъ имѣть вліянія на рѣшеніе дѣла и проч.

Другое начало, выработанное сенатомъ и составляющее основное правило кассационнаго производства, хотя оно не высказано въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, есть то, что лишь такое нарушеніе формъ можетъ быть обжаловано въ кассационномъ порядкѣ, которое осталось, какъ выразился сенатъ, непокрытымъ, т. е. такое нарушеніе, вліяніе котораго на исходъ процесса не уничтожилось вслѣдствіе дѣйствій той стороны, ко вреду которой оно клонилось. Напр., при производствѣ одного дѣла тяжущемуся не было послано повѣстки о явкѣ въ судъ, но онъ явился и былъ допущенъ къ словесному состязанію; въ этомъ случаѣ нарушеніе обряда, важность котораго очевидна, не могло тѣмъ не менѣе служить основаніемъ для кассациі рѣшенія, такъ какъ указанное нарушеніе потеряло всякую важность, коль скоро лицо, которому не было сдѣлано вызова, участвовало въ судебномъ засѣданіи, въ которомъ постановлено рѣшеніе по его дѣлу.

Третье начало, проводимое въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, относящихся до настоящаго вопроса, есть то, что нарушеніе такихъ лишь формъ и обрядовъ судопроизводства можетъ служить поводомъ къ кассациі, которыя имѣютъ существенное вліяніе на обнаруженіе истины и на огражденіе преподаннаго порядка для достиженія правосудія въ рѣшеніяхъ. Для разъясненія признаковъ, опредѣляющихъ существенность формъ, особенно важны рѣшенія сената, которыми просьбы объ отмѣнѣ оставлены безъ уваженія, не смотря на то, что нарушеніе обрядовъ дѣйствительно допущено было, т. е., которыми прямо указаны формы, не имѣющія существеннаго значенія. Сенатъ относитъ къ числу нарушеній несущественныхъ формъ и обрядовъ только весьма немногіе случаи. Нельзя не признать правильнымъ такого вывода. Правила судопроизводства, устанавлиющія формы и обряды, потеряли бы всякое практическое значеніе, если бы нарушеніе ихъ не имѣло послѣдствій. Или форма нужна, и тогда нарушеніе ея должно вліять на правильный исходъ дѣла, или же она излишня и тогда не представляется надобности сохранять въ силѣ правила, ее установившаго.

Мы говорили до сихъ поръ о двухъ поводахъ кассациі рѣшеній, именно: о *нарушеніи прямого смысла закона* и о *нарушеніи формъ и обрядовъ судопроизводства*. Законъ устанавливаетъ еще третій поводъ кассациі, именно *нарушеніе предѣловъ вѣдомства и власти*. Но относительно этого повода слѣдуетъ замѣтить, что сенатъ даетъ термину «нарушеніе предѣловъ вѣдомства и власти» широкое толкованіе, подводя подъ него такія дѣйствія судебныхъ установленій, которыя заключаютъ въ себѣ не болѣе какъ нарушеніе закона, или формъ судопроизводства. Нѣкоторыми рѣшеніями сената признаны нарушеніемъ

закона дѣйствія, однородныя съ тѣми, въ которыхъ сенатъ видѣлъ прежде превышеніе власти. Очевидно, что сенатъ не проводитъ строгаго различія между поводами кассациі и не останавливается на томъ, какой именно поводъ приведенъ въ просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія.

Кромѣ *кассационныхъ жалобъ* вѣдѣнію правительствующаго сената подлежатъ *просьбы о пересмотрѣ рѣшеній и просьбы лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ*. Кассационная практика представляетъ мало матеріала для разъясненія тѣхъ статей устава гражд. судопр., которыми опредѣляется порядокъ поступленія и рассмотрѣнія вышеозначенныхъ просьбъ. Можно сказать одно, что сенатъ весьма строгъ относительно требованій о пересмотрѣ рѣшеній вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ и по просьбамъ третьихъ лицъ.

Для лицъ, ходатайствующихъ о пересмотрѣ рѣшеній вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ, законъ ставитъ въ обязанность доказать, что указываемое обстоятельство дѣйствительно вновь открыто, и что со времени открытія не пропущенъ четырехъ-мѣсячный срокъ. Интересный вопросъ о томъ, насколько слѣдуетъ быть строгимъ при повѣрѣ доказательствъ относительно времени открытія новыхъ обстоятельствъ, окончательно не выясненъ сенатомъ. Въ одномъ рѣшеніи признано, что если обстоятельства дѣла не обнаруживаютъ, чтобы документъ, открытіе котораго выставляется поводомъ пересмотра, былъ извѣстенъ одному изъ тяжущихся, а другимъ существованіе его отвергалось, то просьба о пересмотрѣ можетъ быть признана заслуживающею уваженія. Тѣмъ же рѣшеніемъ допущенъ пересмотръ дѣла безъ истребованія доказательствъ о времени открытія новаго обстоятельства. Но въ другомъ рѣшеніи сенатъ прямо призналъ, что непредставленіе доказательствъ относительно своевременности подачи просьбы о пересмотрѣ рѣшенія должно имѣть послѣдствіемъ оставленіе просьбы безъ уваженія. Этимъ же рѣшеніемъ къ производству о пересмотрѣ дѣлъ вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ безусловно примѣнено общее правило о доказательствахъ, на основаніи котораго обстоятельство, служащее кому-либо основаніемъ права, должно быть доказано тою стороною, которая отыскиваетъ и защищаетъ это право, а не противною стороною.

Разъясненіе весьма спорныхъ вопросовъ, которые вытекаютъ изъ смысла законовъ, относящихся до отмѣны рѣшеній по просьбамъ лицъ не участвовавшихъ въ дѣлѣ, въ настоящее время также не можетъ имѣть мѣста. Нѣсколько лишь рѣшеній касаются примѣненія этихъ законовъ и изъ нихъ ни одно не имѣетъ крупнаго значенія.

Мы приводили до сих поръ тѣ важнѣйшія сенатскія рѣшенія, которыми опредѣляется *кругъ дѣятельности гражданскаго кассационнаго департамента сената*. Перейдемъ теперь къ другой группѣ рѣшеній, относящихся до *порядка судопроизводства* въ мировыхъ установле- нійхъ, окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ.

Въ самомъ началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ установлений возникъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ должны быть вѣдаемы ими дѣла по вексельнымъ взысканіямъ.

По закону, общими судами гражданскими на основаніи устава гражд. судопр. вѣдаются спорныя дѣла, относящіяся къ торговой подсудности въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя не простирается вѣ- домство суда коммерческаго. Такимъ образомъ законъ упоминалъ только о спорныхъ дѣлахъ, относящихся къ торговой подсудности. Между тѣмъ торговый уставъ различалъ спорныя дѣла о взысканіяхъ по векселямъ отъ безспорныхъ, къ которымъ относятся требованія, основанныя на протестованныхъ векселяхъ. На основаніи торгового устава, правила котораго не были измѣнены съ изданіемъ судебныхъ уставовъ, безспорныя вексельныя взысканія не подвѣдомы коммерче- скому суду, а подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установлений. Такъ какъ на основаніи ст. 77 высочайше утвержденнаго 19-го октября 1865 года положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, со дня введенія въ губерніи этихъ уставовъ никакое гражданское дѣло не могло быть начато ни въ полиціи, ни въ прежнихъ судахъ этой губерніи, то полицейскія мѣста встрѣтили затрудненіе къ продолженію взысканій по безспорнымъ векселямъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по- слѣдовало введеніе судебной реформы. Въ С.-Петербургѣ на первыхъ же дняхъ возникли пререканія между управою благочинія и окру- жнымъ судомъ. Пререканія эти были разрѣшены опредѣленіемъ общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ сената, которымъ признано, что, за введеніемъ въ С.-Петербургской губерніи судебныхъ уставовъ, въ здѣшнюю управу благочинія не должны поступать ни- какія гражданскія дѣла, не исключая и вексельныхъ взысканій, како- выя должны подлежать вѣдѣнію коммерческаго суда.

Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что указанное опредѣленіе сената до сих поръ не приведено въ исполненіе, такъ какъ для этого тре- буется увеличеніе штата коммерческихъ судовъ.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ судопроизводства есть *вопросъ объ обязанности доказыванія*. По закону (ст. 81 и 366 уст. гражд. судопр.) истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ же, возра- жающій противъ требованій истца, обязанъ доказать свои возраженія. Какъ ни просто это правило, но приложеніе его къ отдѣльнымъ част- нымъ случаямъ представляетъ нерѣдкія затрудненія. Необходимость разъясненія этихъ затрудненій обнаруживается изъ того, что для тя-

жущихся нерѣдко весьма важно при веденіи дѣла, на кого ляжетъ обязанность доказыванія фактовъ, имѣющихъ значеніе въ дѣлѣ. Повернуть дѣло въ каждомъ данномъ случаѣ такимъ образомъ, чтобы обязанность доказыванія всею тяжестью своею лежала на противникѣ, — обыкновенная цѣль дѣйствій опытнаго въ судебномъ дѣлѣ тяжущагося.

Въ сенатскихъ рѣшеніяхъ не заключается богатаго матеріала для разъясненія относящихся сюда вопросовъ. Замѣтимъ только, что содержаніе нѣкоторыхъ рѣшеній наводитъ на предположеніе, что сенатъ признаетъ возможнымъ вообще слагать съ истца обязанность доказыванія, когда послѣдуетъ собственное признаніе отвѣтчика, даже въ томъ случаѣ, если признаніе дано условно, т. е. заключается въ себѣ обстоятельства, уничтожающія право иска. Иначе сказать, по толкованію сената, отвѣтчикъ, признавшій въ судѣ справедливость главныхъ фактовъ, на которыхъ искъ основанъ, но отрицающій дѣйствительность фактовъ второстепенныхъ, долженъ доказать это заявленіе; истецъ же освобождается отъ обязанности доказывать свои требованія.

Сенатскими рѣшеніями установлено то общее правило, что отвѣтчикъ въ правѣ отказаться отъ представленія доказательствъ въ подтвержденіе своего возраженія противъ иска до тѣхъ поръ, пока доказательства не будутъ представлены истцемъ. Правило это весьма важно и значительно облегчаетъ судебное разбирательство въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ основанъ на бездоказательныхъ требованіяхъ, — случаяхъ столь обыкновенныхъ въ мировой судебной практикѣ. Слѣдуетъ добавить, что указанное сенатомъ общее правило распространяется какъ на случаи, гдѣ истцемъ не представлено вовсе никакихъ доказательствъ, такъ и на случаи, гдѣ представлены доказательства неимѣющія законной силы.

Вопросъ о законной силѣ доказательствъ, т. е. о томъ, какими именно доказательствами должно быть доказываемо каждое отдѣльное требованіе и въ какихъ случаяхъ судебное мѣсто обязано признавать доказательства, представленныя тяжущимися, достаточными, — вопросъ этотъ очевидно связанъ съ предыдущимъ вопросомъ и также имѣетъ существенное практическое значеніе. Укажемъ нѣкоторые выводы, которые выработаны сенатскою практикою относительно опредѣленія силы отдѣльныхъ доказательствъ.

По закону *признаніе* со стороны одного изъ тяжущихся дѣйствительности такого обстоятельства, которое служить къ утвержденію правъ его противника, имѣетъ послѣдствіемъ то, что обстоятельство это почитается не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, по смыслу закона судебное мѣсто обязано, въ случаѣ собственного признанія одной изъ сторонъ, основать свое рѣ-

шеніе на этомъ признаніи. Но сенатомъ выяснено, что въ каждомъ данномъ случаѣ отъ усмотрѣнія суда, рѣшающаго дѣло по существу, зависитъ ближайшее **опредѣленіе** доказанной силы признанія. Сенатъ объяснилъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ судебному мѣсту принадлежитъ разрѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно ли было сдѣлано признаніе или нѣтъ, т. е. слѣдуетъ ли изъ выраженій, употребленныхъ тяжущимся на судѣ или въ одной изъ бумагъ, на судѣ поданныхъ, заключить, что собственное сознаніе послѣдовало. Выводъ этотъ значительно ослабляетъ практическое значеніе для тяжущихся вышеуказаннаго общаго правила о доказательной силѣ признанія; толкованіе сената, которое мы признаемъ, впрочемъ, вполне правильнымъ, отнимаетъ даже у тяжущихся возможность въ большей части случаевъ просить о кассациі рѣшенія по случаю нарушенія судомъ вышеозначеннаго общаго правила.

Главнѣйшія постановленія закона *о силѣ письменныхъ доказательствъ* заключаются въ томъ, что ни одинъ изъ письменныхъ актовъ, представленныхъ въ судѣ, не можетъ быть отвергнутъ безъ разсмотрѣнія, что акты крѣпостные и явочные имѣютъ силу доказательства, что акты домашніе, признанные сторонами, имѣютъ силу крѣпостныхъ и явочныхъ актовъ, что акты крѣпостные и явочные имѣютъ преимущество передъ домашними и что опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ актовъ зависитъ отъ усмотрѣнія суда.

Право тяжущихся требовать разсмотрѣнія судомъ всякаго письменнаго акта ограничено тѣмъ, что сенатъ не вмѣняетъ судебному мѣсту въ обязанность излагать въ своемъ рѣшеніи тѣ соображенія, по которымъ каждый изъ представленныхъ въ судѣ актовъ признанъ не имѣющимъ доказательной силы. Сенатъ объяснилъ, что если документъ прописанъ въ рѣшеніи, то предполагается, что онъ былъ разсмотрѣнъ. Вся задача сената при обсужденіи кассационной жалобы на нарушеніе закона, которымъ установлено указанное выше право, состоитъ въ томъ, чтобы убѣдиться, былъ ли документъ въ разсмотрѣніи суда или нѣтъ; что же касается полноты и подробности самаго разсмотрѣнія, то повѣрка его выходитъ изъ круга дѣятельности сената.

Вопросъ *о доказательной силѣ крѣпостныхъ и явочныхъ документовъ*, относительно которыхъ въ законѣ нѣтъ прямого указанія, чтобы опредѣленіе силы этихъ документовъ зависѣло отъ усмотрѣнія суда, разрѣшается общимъ смысломъ сенатскихъ рѣшеній. Нарушеніе закона представилось бы только въ такомъ случаѣ, гдѣ судѣ прямо не призналъ за явочнымъ или крѣпостнымъ документомъ силы доказательства. Въ подобномъ случаѣ конечно могла бы имѣть мѣсто кассационная жалоба. Но если бы судѣ нашелъ, что по смыслу крѣпостнаго или явочнаго документа онъ не можетъ быть признаваемъ подтвержденіемъ тѣхъ требованій тяжущихся, которыя на немъ осно-

ванъ, — подобный выводъ суда не заключаетъ бы въ себѣ нарушенія закона и не могъ бы служить поводомъ къ принесенію кассационной жалобы. www.libtbol.com.cn

Вопросъ о силѣ домашнихъ актовъ, признанныхъ сторонами, разъясненъ сенатомъ въ отношеніи къ тому, распространяется ли на подобные акты законъ, по которому содержаніе документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ и засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей (ст. 410 уст. гражд. судопр.). По указанію сената, домашніе акты, хотя бы они были признаны тѣми противъ коихъ они представлены, вслѣдствіе составленія ихъ безъ участія общественной власти не пользуются правомъ, предоставленнымъ въ ст. 410 актамъ крѣпостнымъ и явочнымъ. Сенатъ объяснилъ, что для повѣрки достовѣрности этихъ актовъ и для разъясненія событій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ ихъ совершение, судъ имѣетъ право допустить, по ссылкѣ сторонъ, свидѣтельскія показанія.

Что касается правилъ о доказательной силѣ домашнихъ и другихъ не-формальныхъ актовъ, то въ отношеніи къ нимъ указанія закона вполнѣ ясны и рядомъ рѣшеній сената только подтверждено несомнѣнное правило, по которому опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ актовъ принадлежитъ усмотрѣнію суда.

Главнѣйшее постановленіе закона о *доказательствѣ черезъ свидѣтелей* состоитъ въ томъ, что свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія.

Вопросъ о томъ, какія именно событія требуютъ по закону письменнаго удостовѣренія есть вопросъ матеріальнаго права, о которомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь замѣтимъ лишь, что вышеприведенное постановленіе, весьма ограничивающее практическое значеніе доказательства черезъ свидѣтелей, практикою сената признано равно обязательнымъ для мировыхъ судебныхъ установленій, какъ для общихъ судебныхъ мѣстъ. Сенатъ нашелъ, что судебныя доказательства составляютъ предустановленные закономъ способы для тяжущихся къ подтвержденію или къ оспариванію предъявленныхъ на судъ требованій, а для судей къ убѣжденію въ истинѣ, чтобы путемъ ихъ придти къ правильному, основанному на законѣ рѣшенію. Поэтому сенатъ нашелъ, что правила, преподанныя уставомъ гражд. судопр. для достиженія въ судахъ для всѣхъ равной справедливости, должны быть одинаковы въ отношеніи дѣлъ, производящихся какъ въ мировыхъ установленіяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Нельзя не возразить противъ подобнаго вывода; особенность дѣлъ, производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ заключается именно въ томъ, что онѣ касаются претензій, не основанныхъ на до-

кументахъ, а возникающихъ изъ ежедневныхъ житейскихъ отношеній, не опредѣляемыхъ актами. Строгое примѣненіе правила, выраженнаго въ 409 ст. уст. гражд. суд., къ мировому судебному разбирательству, ставить и тяжущихся въ мировомъ судѣ и мировыхъ судей въ затруднительное положеніе. Къ событіямъ, въ которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе, сенатъ первоначально относилъ даже личный наемъ. Такимъ образомъ, при всякомъ спорѣ въ мировомъ судѣ между нанимателемъ и нанявшимся для личныхъ услугъ слѣдовало представлять письменное удостовѣреніе факта найма. Исполненіе этого требованія очевидно невозможно. Оно шло въ разрѣзъ со всѣми условіями нашей жизни и несовмѣстно съ самымъ характеромъ личнаго найма, который по большей части не представляетъ такого рода сложныхъ и постоянныхъ отношеній, для опредѣленія которыхъ нужно было бы прибѣгать къ заключенію письменнаго договора. Въ недавнее время сенатъ видоизмѣнилъ свою прежнюю практику по отношенію къ договору личнаго найма и призналъ, что договоры этого рода подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію суда, хотя бы были заключены словеснымъ порядкомъ, если не отвергаются сторонами и споръ происходитъ лишь о значеніи и силѣ этихъ договоровъ.

Обозрѣвъ рѣшенія, относящіеся къ вопросамъ *о предметахъ вѣдомства сената и о теоріи доказательствъ*, мы исчерпали, въ общихъ конечно чертахъ, почти всю кассационную практику по судопроизводственнымъ вопросамъ. Остается указать еще на нѣсколько рѣшеній, имѣющихъ самостоятельное значеніе и практическую важность.

Остановимся прежде всего на вопросѣ *объ условіяхъ, которыми должна удовлетворять апелляціонная жалоба* для того, чтобы быть принятою и получить движеніе въ установленномъ порядкѣ. Въ законѣ (ст. 745 уст. гражд. судопр.) точно указано, что именно должно заключаться въ апелляціонной жалобѣ. Затѣмъ указаны равнымъ образомъ тѣ случаи, въ которыхъ апелляціонная жалоба возвращается и оставляется безъ движенія. Если сравнить между собою случаи, перечисленные въ этихъ постановленіяхъ, то обнаруживается, что въ законѣ не указано послѣдствій нарушенія нѣкоторыхъ формъ, соблюденіе которыхъ требуется при подачѣ апелляціонныхъ жалобъ. На практикѣ возникали сомнѣнія, какъ надлежитъ суду поступать въ подобныхъ случаяхъ. Въ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстахъ принять былъ тотъ порядокъ, что жалоба, не соотвѣтствовавшая требованіямъ ст. 745 уст. гражд. судопр., признавалась не подлежащею разсмотрѣнію въ порядкѣ апелляціонномъ и потому оставлялась безъ разсмотрѣнія. Нѣкоторые мировыя судебныя установленія въ подобномъ же случаѣ, именно при подачѣ жалобъ, заключающихъ въ себѣ укорительныя вы-

раженія приняли систему возвращать ихъ, принимаясь къ 5 пунк. 266 ст. уст. гражд. судопр.

Сенатъ призналъ дѣйствія какъ тѣхъ, такъ и другихъ судебныхъ мѣстъ неправильными. Относительно перваго порядка, сенатъ нашелъ, что для сужденія о соблюденіи условій, исчисленныхъ въ ст. 745 необходимо войти въ разсмотрѣніе существа дѣла и что единственнымъ законнымъ послѣдствіемъ для апеллятора, не исполнившаго требованія закона и не воспользовавшагося предоставленнымъ ему правомъ защиты, можетъ быть только отказъ въ его просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія, но не признаніе его жалобы не-апелляціонною.

Въ отношеніи порядка возвращать жалобы вслѣдствіе укорительныхъ выраженій, сенатъ объяснилъ, что мировымъ судебнымъ установленіямъ надлежало, примѣняясь къ правиламъ, предписаннымъ для общихъ судебныхъ мѣстъ, принимать за руководство ст. 755 устава, которая указываетъ случаи возвращенія апелляціонныхъ жалобъ и въ которой, въ числѣ такихъ случаевъ, не упомянуто употребленіе въ жалобѣ укорительныхъ выраженій.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о разъясненіи сената по вопросу, касающемуся *порядка, установленнаго закономъ для охраненія имущества, оставшихся послѣ умершихъ.*

Въ ст. 1408 уст. гр. судопр. опредѣлено, что явившіеся по вызовамъ наслѣдники умершаго, если они считаютъ необходимымъ обратиться, для опредѣленія правъ ихъ на наслѣдство, къ содѣйствію суда, заявляютъ о томъ мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ, на основаніи общихъ законовъ о подсудности исковъ по роду и по цѣнѣ наслѣдственного имущества. По буквальному смыслу приведеннаго узаконенія, оно относится къ тѣмъ случаямъ, когда явится нѣсколько наслѣдниковъ и когда между ними возникнетъ споръ о правѣ на наслѣдство. Но въ законѣ не выражено, какъ слѣдуетъ поступать одному или нѣсколькимъ наслѣдникамъ, явившимся по вызовамъ, если, по ихъ мнѣнію, не представляется надобности обращаться къ содѣйствію суда для опредѣленія права на наслѣдство. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что по закону утвержденіе въ правахъ наслѣдства не обязательно, если нѣтъ въ виду спора о наслѣдствѣ.

Вопросъ о примѣненіи ст. 1408 уст. гражд. судопр. въ выше приведенныхъ случаяхъ разрѣшенъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, что явившіеся по вызовамъ наслѣдники умершаго должны непременно просить объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, и что послѣ принятія мировымъ судьей охранительныхъ мѣръ относительно открывшагося наслѣдства, оно можетъ быть передано явившимся наслѣдникамъ не иначе, какъ по постановленію подлежащаго суда, смотря по роду и цѣнѣ имущества.

Перейдемъ затѣмъ къ *вопросамъ матеріальнаго права*. Чаше другихъ были затрогиваемы сенатомъ вопросы договорнаго права. Наиболѣе крупный вопросъ есть *вопросъ о юридическомъ значеніи передачи акта*.

По толкованію сената передача акта лицомъ, совершившимъ его лицу, приобретающему право по акту, составляетъ моментъ, когда приводится въ дѣйствіе самая сдѣлка. До передачи акта договоръ не почитается вступившимъ въ силу, хотя бы актъ о договорѣ былъ уже выданъ лицу, предъявившему актъ для утвержденія или явки крѣпостнымъ дѣламъ, нотариусу или маклеру. Выдача акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ маклера или нотариуса, по объясненію сената, составляетъ не болѣе, какъ окончаніе обряда совершенія или явки акта.

Моментъ приобретенія права по договору всегда возбуждалъ недоумѣнія въ нашей судебной практикѣ. Сенатомъ впервые выяснено положительнымъ образомъ, какими началами надлежитъ руководствоваться по этому вопросу. Замѣтимъ, что рѣшеніе сената изложено въ безусловной общей формѣ и что поэтому оно должно быть примѣняемо ко всякаго рода актамъ, т. е. и къ актамъ увѣрленія права собственности на недвижимое имѣніе.

Практическое значеніе вывода, сдѣланнаго сенатомъ относительно времени приобретенія права по договору, очевидно. При переходѣ каковаго-либо права отъ одного лица къ другому необходимо прежде всего опредѣлить, когда именно передаваемое право перестало принадлежать прежнему обладателю и сдѣлалось собственностью приобретателя. Отъ опредѣленія этого момента зависитъ возможность цѣлаго ряда юридическихъ дѣйствій со стороны лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ. Укажемъ нѣкоторые важнѣйшія послѣдствія практическаго примѣненія тѣхъ началъ, которыя приняты сенатомъ.

Прямимъ послѣдствіемъ этихъ началъ должно быть признано то, что окончаніе обряда совершенія или явки акта не даетъ контрагентамъ никакихъ правъ, вытекающихъ изъ договора. Отсюда слѣдуетъ, что до передачи акта, уже окончательно совершеннаго, право, уступаемое по акту, должно быть признаваемо принадлежащимъ тому лицу, которымъ оно уступается. Вслѣдствіе сего отъ прежняго обладателя права вполне зависитъ, до передачи акта, отказаться отъ осуществленія сдѣлки, заявивъ лишь установленію, въ которомъ былъ совершенъ актъ, что актъ этотъ долженъ быть признанъ недействительнымъ и уничтоженъ. На этомъ именно основаніи сенатомъ признано, что для уничтоженія акта какъ несостоявшагося, необходимо кромѣ заявленія того лица, отъ имени котораго актъ выданъ, еще представленіе самаго акта. Дѣйствительно, если лицу, отъ имени котораго актъ совершенъ, до передачи акта принадлежитъ право требовать уничтоженія акта, то право это ограничивается тѣмъ, что одновременно съ заявленіемъ

требованія объ уничтоженіи акта должно быть доказано, что передача акта не имѣла мѣста. Такъ какъ естественнымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что передача акта не имѣла мѣста, служитъ нахождение акта въ рукахъ того лица, отъ имени котораго онъ выданъ, то очевидна необходимость для этого лица предъявить самый актъ, когда онъ требуетъ его уничтоженія.

Выводъ этотъ приводитъ еще къ двумъ послѣдствіямъ.

Если передача акта совершилась до истечения семидневнаго срока, въ теченіи котораго по закону актъ можетъ быть уничтоженъ въ нотаріальномъ порядкѣ, въ такомъ случаѣ лицо, которому актъ выданъ, не имѣетъ права требовать уничтоженія акта въ нотаріальномъ порядкѣ. Законъ, разрѣшающій уничтоженіе акта въ нотаріальномъ порядкѣ, т. е. по одному заявленію, что актъ не состоялся, предполагаетъ, что актъ находится еще въ рукахъ того лица, отъ имени котораго онъ выданъ, и слѣдовательно только ему предоставляетъ право требовать признанія акта несостоявшимся.

Другое послѣдствіе, о которомъ мы упомянули, состоитъ въ томъ, что если передачи акта не послѣдовало до истечения семидневнаго срока, въ такомъ случаѣ лицо, отъ имени котораго выданъ актъ, сохраняетъ право требовать признанія акта недѣйствительнымъ на томъ единственно основаніи, что онъ, проситель, не согласенъ на осуществленіе сдѣлки. Разница относительно заявленія подобнаго требованія будетъ состоять только въ томъ, что послѣ истечения семидневнаго срока актъ можетъ подлежать уничтоженію не въ нотаріальномъ, но въ судебномъ порядкѣ. Истеченіе семидневнаго срока не можетъ придать силы акту, дѣйствительность котораго обусловливается передачею. Истеченіе этого срока имѣетъ только одно послѣдствіе, именно, что актъ не можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ въ нотаріальномъ порядкѣ, но самыя условія недѣйствительности сохраняютъ свою силу.

Послѣдствіемъ принятаго сенатомъ начала, относительно юридическаго значенія передачи акта, слѣдуетъ признать еще то, что начало это исключаетъ возможность требованія о выдачѣ акта со стороны лица, приобретающаго по акту какое-либо право. Подобное требованіе очевидно клонится къ понужденію противной стороны осуществить сдѣлку. Понужденіе къ исполненію договора возможно лишь въ томъ случаѣ, если договоръ получилъ силу, т. е. осуществился. Между тѣмъ сущность принятаго сенатомъ начала состоитъ именно въ томъ, что дѣйствительность сдѣлки обусловливается передачею акта, а до передачи она не имѣетъ силы. Отсюда слѣдуетъ, что передача акта какъ дѣйствіе, зависящее отъ доброй воли лица, дающаго актъ, не можетъ быть предметомъ иска.

Укажемъ еще на то послѣдствіе принятаго сенатомъ начала, что въ случаѣ смерти одного изъ контрагентовъ до восполнѣдованія пере-

дачи акта договоръ не обязателенъ для наслѣдниковъ умершаго. До передачи акта договоръ не почитается приведеннымъ въ исполненіе; слѣдовательно смерть одного изъ контрагентовъ дѣлаетъ исполненіе договора физически невозможнымъ. Актъ о подобномъ договорѣ, въ случаѣ требованія объ уничтоженіи его въ судебномъ порядкѣ, долженъ быть признанъ недействительнымъ.

Мы сказали, что рассматриваемое сенатское рѣшеніе изложено въ безусловно общей формѣ и что поэтому оно должно быть примѣняемо ко всякаго рода актамъ, т. е. и къ актамъ укрѣпленія права собственности на недвижимое имѣніе. Вслѣдствіе того, по толкованію сената, договоръ купли и продажи недвижимаго имущества долженъ почитаться приведеннымъ въ дѣйствіе только съ момента передачи продавцомъ покупщику купчей крѣпости, и только съ момента передачи акта покупщикъ можетъ пользоваться правами собственника. Очевидно практическое значеніе факта владѣнія актомъ при подобномъ толкованіи.

Необходимо оговорить, что приведенное толкованіе сената можетъ быть примѣняемо только къ тѣмъ случаямъ, которые возникли до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. По буквальному смыслу статьи 1432 устава гражд. судопроизводства, отмѣченный въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ день ввода во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ считается началомъ дѣйствительной передачи и укрѣпленія права на имущество. Впрочемъ, примѣненіе начала, принятаго сенатомъ, къ порядку совершенія и утвержденія крѣпостныхъ актовъ, установленному положеніемъ о нотаріальной части, было бы невозможно. На основаніи нотаріальнаго положенія выписъ можетъ быть передана приобрѣтателю имѣнія до его утвержденія старшимъ нотаріусомъ; между тѣмъ немислимо, чтобы право собственности на недвижимость могло перейти къ другому лицу ранѣе, нежели будутъ исполнены установленные закономъ обряды для совершенія и утвержденія акта, служащаго доказательствомъ права собственности на имѣніе.

Упомянувъ о томъ, что по ст. 1432 уст. гражд. судопр. право собственности на недвижимость укрѣпляется вводомъ во владѣніе, нельзя не замѣтить, что при начертаніи судебныхъ уставовъ, кажется, было признано, относительно момента перехода права собственности на недвижимость при передачѣ его по акту, иное начало, нежели то, которое установлено въ настоящее время сенатомъ. При начертаніи ст. 1432 вовсе не было поднято вопроса объ измѣненіи въ чемъ-либо дѣйствующихъ узаконеній относительно укрѣпленія права собственности на недвижимость. Напротивъ, ст. 1432 какъ бы согласована съ ст. 707 гражд. зак., на которую и сдѣлана ссылка, между тѣмъ какъ именно въ приведенной статьѣ вводъ во владѣніе отнесенъ къ способамъ укрѣпленія правъ на имущество. Изъ этого можно заключить, что, по мнѣнію законодателя, наши гражданскіе законы признають моментомъ

перехода права собственности на недвижимость при передачѣ его по договору не время передачи акта о договорѣ приобрѣтателю имѣнія, а время ввода во владѣніе этимъ имѣніемъ.

Въ приведенныхъ соображеніяхъ заключается оправданіе почти повсемѣстно установившейся практики старшихъ нотаріусовъ, что они не иначе утверждали крѣпостные акты о передачѣ права собственности на недвижимость, какъ по представленіи собственникомъ доказательствъ ввода его во владѣніе передаваемымъ имѣніемъ. Въ виду возложенной на нихъ закономъ обязанности удостовѣряться при утвержденіи актовъ, что отчуждаемое имущество дѣйствительно принадлежитъ сторонѣ его отчуждающей, старшіе нотаріусы дѣйствительно не могли поступить иначе, какъ требуя представленія доказательствъ дѣйствительнаго укрѣпленія имущества за отчуждателемъ, согласно тѣмъ указаніямъ, которыя представляла ст. 1432 уст. гражд. судопр. Кассационная гражданская практика очевидно измѣняетъ указанную практику старшихъ нотаріусовъ, обязывая ихъ не признавать вводныхъ листовъ необходимыми доказательствами принадлежности отчуждаемаго имѣнія сторонѣ его отчуждающей. Этимъ, конечно, облегчится совершеніе сдѣлокъ о передачѣ права собственности на недвижимость, такъ какъ вводы во владѣніе, какъ извѣстно, почти вывелись изъ употребленія, и указанная выше практика старшихъ нотаріусовъ ставила большинство собственниковъ, неимѣющихъ вводныхъ листовъ, въ затруднительное положеніе. Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе нотаріальнаго положенія, окружные суды были завалены просьбами о вводѣ во владѣніе по актамъ укрѣпленія, относившимся къ весьма отдаленному времени. Руководство сенатскимъ рѣшеніемъ, разсматриваемымъ нами въ настоящее время, прекратить наплывъ подобныхъ дѣлъ въ окружные суды.

Говоря о принятомъ сенатомъ началѣ относительно юридическаго значенія передачи акта, нельзя не замѣтить, что, придавая такую важность передачѣ акта, сенатъ какъ бы приравниваетъ ее къ передачѣ отчуждаемаго движимаго имущества. Въ передачѣ акта сенатъ какъ будто видитъ символическую передачу самаго имѣнія подобную той, которая имѣетъ мѣсто при продажѣ движимыхъ вещей, передаваемыхъ изъ рукъ въ руки вслѣдъ за заключеніемъ сдѣлки о продажѣ. Но именно вслѣдствіе аналогіи между передачею проданныхъ движимыхъ вещей покупщику и передачею акта укрѣпленія права собственности на недвижимость, любопытно то заключеніе, къ которому сенатъ пришелъ по вопросу о времени, когда приобрѣтается право собственности на недвижимость при договорѣ купли-продажи.

По одному дѣлу сенату представилась необходимость дать опредѣленіе договору купли-продажи движимаго имущества. Опредѣленіе это выведено сенатомъ изъ ст. 1510 гражд. законовъ.

Въ ст. 1510 выражено слѣдующее: передача отъ продавца покупщику проданнаго движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику врученіемъ самаго имущества, или поступленіемъ онаго въ его распоряженіе.

Изъ неопредѣленныхъ указаній, заключающихся въ этомъ постановленіи, а также, очевидно, изъ общаго смысла послѣдующихъ узаконеній сенатъ вывелъ, что купля-продажа движимаго имущества составляетъ договоръ, въ силу котораго одна сторона; покупающая, — приобретаетъ право собственности на проданную вещь, а другая сторона, продавецъ — получаетъ за отчуждаемую собственность право на условленную съ покупщикомъ плату. Сущность этого опредѣленія заключается въ томъ, что на основаніи его договоръ купли-продажи движимаго имущества можетъ имѣть силу независимо отъ вослѣдованія передачи проданной вещи и уплаты условленныхъ за нее денегъ. Далѣе, сенатомъ прямо высказано, что право собственности на движимое имущество переходитъ къ приобретателю со времени совершения акта купли. Такимъ образомъ, по толкованію сената, какъ только заключена сдѣлка о куплѣ-продажѣ движимаго имущества — покупатель приобретаетъ на него право собственности, хотя бы не послѣдовало еще передачи проданной движимости; а такъ какъ договоръ купли-продажи движимости можетъ быть заключенъ и словеснымъ порядкомъ, то слѣдовательно достаточно удостовѣрить дѣйствительность словеснаго соглашенія между контрагентами о куплѣ-продажѣ движимаго имущества, чтобы осуществить право собственности покупателя на это имущество.

Такимъ образомъ, вопросъ о переходѣ права собственности на имущество по договору разрѣшается сенатомъ различно, смотря по тому, касается ли договоръ движимаго или недвижимаго имущества. Въ первомъ случаѣ моментомъ перехода права собственности признано время договорнаго соглашенія, во второмъ — время передачи акта о договорѣ.

Прибавимъ еще, что въ практическомъ отношеніи усвоеніе начала, принятаго сенатомъ относительно перехода права собственности на недвижимость по договору, представляетъ значительныя неудобства. Съ переходомъ права собственности отъ одного лица къ другому соединяются столь важныя юридическія послѣдствія, что моментъ осуществленія этого перехода необходимо приурочить къ такому дѣйствию, которое не представляло бы затрудненій относительно доказательствъ его совершенія. Этому условію едва ли соответствуетъ передача акта приобретателю имѣнія, такъ какъ она не всегда бываетъ обставлена такимъ образомъ, чтобы, на случай сомнѣній въ дѣйствительности ея совершенія, могли быть провѣрены показанія сторонъ по сему предмету.

Впрочемъ, тѣ неудобства и затрудненія, которыя должно встрѣтить указанное нами толкованіе сената, какъ вслѣдствіе несогласія

его съ началами, принятыми въ уставѣ гражд. судопр., такъ и по причинѣ сомнительности его по существу своему, должны устраниться съ введеніемъ въ дѣйствіе реформы, стоящей на очереди въ настоящее время, именно реформы ипотечной. Основныя начала ипотечной системы требуютъ возможно-большей огласки момента перехода права собственности на недвижимость отъ одного лица къ другому и вмѣстѣ съ тѣмъ приурочиваютъ всѣ юридическія послѣдствія приобрѣтенія правъ на недвижимость къ запискѣ ихъ въ ипотечныя книги. Согласно этимъ основнымъ началамъ, составителю ипотечнаго устава, по необходимости, придется коснуться вопроса объ опредѣленіи момента перехода права собственности на недвижимость по договору и разрѣшить вопросъ этотъ въ томъ смыслѣ, чтобы время отмітки въ ипотечной книгѣ о переходѣ права собственности на недвижимость признавалось временемъ дѣйствительнаго перехода и укрѣпленія этого права. Выстъ съ тѣмъ измѣнится и постановленіе ст. 1432 уст. гражд. судопроизводства.

Слѣдующій, по важности своей, затронутый сенатомъ вопросъ договорнаго права есть *вопросъ о формѣ договоровъ*, связанный съ вопросомъ о примѣненіи статьи 409 уст. гражд. суд., на который мы указывали въ началѣ настоящаго обзрѣнія.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ общаго правила о томъ, какіе договоры подлежатъ совершенію письменнымъ или словеснымъ порядкомъ. Въ примѣчаніи къ ст. 571 гражд. зак. выражено: «какіе именно договоры не могутъ быть совершаемы иначе, какъ на письмѣ, означено при каждомъ родѣ оныхъ въ особенности». Такимъ образомъ, правила для руководства относительно того, подлежитъ ли сдѣлка совершенію письменнымъ или словеснымъ порядкомъ, должно быть выведено изъ отдѣльных постановленій о формѣ различныхъ договоровъ и обязательствъ.

Начнемъ съ того, что сенатъ различаетъ письменную форму договора, какъ условіе дѣйствительности договора, входящее, такъ сказать, въ составъ корпуса сдѣлки, отъ письменной формы въ смыслѣ оставленія акта, какъ доказательства, имѣющаго процессуальное значеніе на случай спора. Положеніе это требуетъ поясненія.

Письменность договора не вытекаетъ сама собою изъ какого-либо особаго свойства его юридической природы, но составляетъ элементъ посторонній, приуроченный къ договору требованіемъ положительнаго закона вслѣдствіе необходимости оградить заключеніе нѣкоторыхъ болѣе важныхъ сдѣлокъ отъ неопредѣленности и злоупотребленій, возможныхъ при словесной формѣ. Такимъ образомъ и наши гражданскіе законы иногда признаютъ письменную форму безусловно обязательною для договора, подъ страхомъ его недѣйствительности, иногда прямо допускаютъ для нѣкоторыхъ договоровъ словесную форму, иногда

же, не требуя прямо письменной формы от договора, косвенно, такъ сказать, навязываютъ контрагентамъ эту форму. Стремленіе закона только понудить контрагентовъ къ заключенію договора на письмѣ выражается въ томъ, что законъ не поражаетъ недѣйствительностью сделки, заключенной словеснымъ порядкомъ, но затрудняетъ контрагентамъ доступъ къ суду на случай спора, не допуская въ подобныхъ случаяхъ иныхъ доказательствъ, кромѣ письменныхъ, такъ что контрагенты, не обезпечившіе себя письменнымъ актомъ, рискуютъ потерять возможность воспользоваться правами, вытекающими изъ договора.

Сенатомъ отнесены къ числу договоровъ, для которыхъ письменная форма безусловно обязательна, договоры залога, заклада, займа, запродажи, подряда; относительно же договоровъ поклада, личнаго найма и продажи движимаго имущества признано, что совершеніе этихъ договоровъ словесно не имѣетъ послѣдствіемъ признанія ихъ недѣйствительными. Въмѣстѣ съ тѣмъ, договоръ поклада отнесенъ сенатомъ къ числу тѣхъ договоровъ, для которыхъ, по закону, требуется письменное удостовѣреніе на случай спора, такъ что въ послѣднемъ случаѣ въ доказательство дѣйствительности совершенія этихъ договоровъ, согласно ст. 409 уст. гражд. судопроизводства, не могутъ служить свидѣтельскія показанія.

Вопросъ о формѣ договоровъ обнимаетъ собою также вопросъ о тѣхъ дополнительныхъ формальностяхъ, которымъ должно соответствовать заключеніе договора на письмѣ.

По закону, договоръ и обязательство или совершаются крѣпостнымъ порядкомъ, или являются для засвидѣтельствованія у крѣпостныхъ дѣлъ, или являются, также для засвидѣтельствованія, у дѣлъ маклерскихъ и въ мѣстахъ присутственныхъ, или, наконецъ, составляются въ домашнемъ порядкѣ. Закономъ точно опредѣлено, каковымъ порядкомъ актъ долженъ быть совершенъ въ каждомъ данномъ случаѣ, а также въ какой формѣ должно быть выражено его содержаніе. Отсюда возникаетъ вопросъ о силѣ неформальныхъ актовъ.

По толкованію сената, нарушеніе одной изъ формальностей, требуемыхъ закономъ при совершеніи акта, должно имѣть послѣдствіемъ признаніе акта о договорѣ недѣйствительнымъ.

Выводъ этотъ приводитъ къ двумъ вопросамъ: 1) нарушеніе формъ, установленныхъ для извѣстнаго рода актовъ, имѣетъ ли послѣдствіемъ признаніе акта потерявшимъ всякую силу, или же актъ этотъ можетъ сохранить силу простого обязательства, и 2) какъ согласить выводъ сената о послѣдствіяхъ нарушенія правилъ совершенія договоровъ съ постановленіемъ ст. 458 уст. гражд. суд., по которой не дѣлается различія между крѣпостными или явочными актами и актами домашними, если нѣтъ сомнѣнія въ ихъ подлинности.

Первый вопросъ разрѣшается сенатомъ въ томъ смыслѣ, что актъ не-формальный, теряя силу извѣстнаго рода акта, сохраняетъ значеніе простого обязательства. По объясненію сената, договоръ, не отрицаемый сторонами, признается недѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если предметъ обязательства, возникающаго изъ договора, противорѣчитъ закону и нравственности. На этомъ основаніи судебное мѣсто, признавъ, напримѣръ, что обязательство, не составляющее по формѣ и содержанію ни запродажной записи, ни задаточной росписки, подлежитъ исполненію на общемъ основаніи законовъ о договорахъ, не нарушило бы прямого смысла закона.

Второй вопросъ, по общему смыслу сенатскихъ разъясненій, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что статья 458 уст. гражд. суд. относится только до такого рода актовъ, которые, по юридическому своему значенію, опредѣленному гражданскими законами, могутъ имѣть обязательную силу. Согласно приведенному толкованію, весь смыслъ постановленія, заключающагося въ ст. 458, состоитъ въ томъ, что совершеніе акта домашнимъ порядкомъ, само по себѣ, не лишаетъ акта всякой доказательной силы, но что возможность имѣть доказательную силу не даетъ еще акту во всякомъ случаѣ обязательный характеръ. На этомъ основаніи искъ, напримѣръ, объ удовлетвореніи по договору заклада, совершенному безъ соблюденія установленной въ гражданскихъ законахъ формы, не можетъ подлежать удовлетворенію, хотя бы отвѣтчикъ не оспаривалъ подлинности самаго акта, и отказъ суда въ удовлетвореніи подобнаго иска не былъ бы нарушеніемъ ст. 458 уст. гражд. судопр.

Выше было упомянуто, что сенатъ признаетъ недѣйствительными лишь такіе договоры, которые клонятся къ достиженію цѣли, противной закону и нравственности. Въ ст. 1529 гражд. зак. заключается перечисленіе тѣхъ случаевъ, когда цѣль договора должна почитаться запрещенною закономъ. По поводу этого перечисленія на практикѣ неоднократно возникали вопросы о недѣйствительности договора въ такихъ случаяхъ, которыхъ нельзя подвести ни подъ одинъ изъ пунктовъ ст. 1529. Къ числу подобныхъ случаевъ относится одно дѣло, въ которомъ возникъ вопросъ о дѣйствительности договора, имѣющаго предметомъ содѣйствіе къ устройству брака за извѣстную плату. Въ разрѣшеніе общаго вопроса о значеніи ст. 1529 гражд. зак. сенатъ указалъ, что перечисленные закономъ случаи недѣйствительности договоровъ и обязательствъ не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ подобной недѣйствительности, и что исчисленіе, слѣдующее послѣ словъ: «какъ то», должно быть понимаемо, какъ указаніе примѣровъ толкованія предшествующаго выраженія: «достиженіе цѣли, законами запрещенной», по соображенію съ которыми слѣдуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшать вопросъ о незаконности цѣли договора или обязательства.

Конечно, подобное распространительное толкованіе ст. 1529 слѣдуетъ признать вполне [правильнымъ](http://www.liberalizm.ru).

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ договорнаго права слѣдуетъ признать *вопросъ о послѣдствіяхъ неисполненія договоровъ*.

Практическое значеніе этого вопроса очевидно. При заключеніи каждаго договора всегда предполагается возможность уклоненія контрагентовъ отъ исполненія условій договора; на этотъ случай обыкновенно включаются въ договоръ условія о неустойкѣ и о другихъ послѣдствіяхъ неисполненія договора. Но могутъ быть случаи, гдѣ самъ договоръ не указываетъ послѣдствій его нарушенія; въ другихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто именно нарушеніе договора въ тѣхъ его частяхъ, которыми опредѣляются послѣдствія неисполненія главнаго обязательства. На всѣ подобные случаи законъ не даетъ прямого отвѣта.

Сенатская практика представляетъ нѣсколько интересныхъ рѣшеній, относящихся къ толкованію 1547 ст. гр. зак., по которой, если сторона имѣющая по договору право требовать исполненія отступить добровольно отъ своего права, тогда дѣйствіе договора прекращается. Приведенная статья толковывалась нерѣдко въ томъ смыслѣ, что неисполненіе договора одною изъ сторонъ можетъ быть признано судомъ за выраженіе отреченія отъ правъ въ договорѣ. По поводу подобнаго толкованія сенатъ въ одномъ дѣлѣ поставилъ для разрѣшенія своего слѣдующій вопросъ: неисполненіе какого-либо условія по договору одною изъ сторонъ открываетъ ли для другой стороны право прекратить договоръ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ сенатомъ слѣдующимъ образомъ. По смыслу статей 569, 570, 574, 684, 1545 и 1585 гражд. зак. всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, возлагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія, открываютъ право требовать, отъ лица обязавшагося, удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорѣ постановлено, а также въ убыткахъ, понесенныхъ отъ нарушенія договора; прекращать же или уничтожать договоръ вступившія въ него лица могутъ не иначе, какъ по обоюдному согласію. Дѣйствительный смыслъ 1547 статьи, по объясненію сената, состоитъ въ томъ, что сторона можетъ отказаться отъ требованія того, что ей собственно принадлежитъ, но не можетъ освобождать себя отъ исполненія условленныхъ обязанностей въ отношеніи къ другой сторонѣ.

Въ другомъ рѣшеніи сенатъ прямо указалъ, что событіе односторонняго или обоюднаго отреченія отъ правъ, проистекающихъ изъ договора, облеченнаго въ форму письменнаго акта, должно быть выражено или письменнымъ же актомъ, или безмолвнымъ неосуществленіемъ своего права въ теченіи земской давности. Такимъ образомъ, сенатомъ придано ст. 1547 гражд. зак. весьма тѣсное значеніе.

При подобномъ толкованіи весьма любопытно, будетъ ли допущена сенатомъ возможность уничтоженія договора въ томъ случаѣ, когда одна изъ сторонъ, не отказываясь прямо отъ своего права въ договорѣ, допустить такое нарушеніе принятыхъ на себя по договору обязанностей, что дальнѣйшее существованіе договора сдѣлается невозможнымъ. Между тѣмъ въ практикѣ подобные случаи обыденны, и по всей вѣроятности сенату въ скоромъ времени придется отказаться отъ выработанной имъ строгой теоріи исполненія договоровъ.

Обозрѣвъ въ общихъ чертахъ главнѣйшія рѣшенія сената, касающіяся общей теоріи договоровъ, мы дополнимъ наше обозрѣніе указаніемъ на нѣкоторыя болѣе крупныя рѣшенія, относящіяся до другихъ областей права и представляющія практическій интересъ.

Къ подобнымъ рѣшеніямъ принадлежитъ, между прочимъ, рѣшеніе, которымъ разсмотрѣнъ *вопросъ объ обязательной силѣ аренднаго контракта, заключеннаго пожизненнымъ владѣльцемъ, для наследника*. Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, ограничиваясь однако предѣлами частнаго случая, подлежавшаго его разсмотрѣнію. Особенности этого случая состояли въ томъ, что духовнымъ завѣщаніемъ, которымъ пожизненное владѣніе было установлено, пожизненному владѣльцу не было предоставлено права заключать такіе договоры обимѣни, которые и послѣ прекращенія пожизненнаго владѣнія сохраняли бы свою силу. Отсюда слѣдуетъ, что по смыслу сенатской практики сила договоровъ, заключенныхъ пожизненнымъ владѣльцемъ, должна опредѣляться исключительно духовнымъ завѣщаніемъ, которымъ пожизненное владѣніе установлено.

За тѣмъ слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи, которымъ разъясненъ любопытный *вопросъ, относящійся до договора займа*. Сенатъ выразилъ, что хотя въ нашемъ законодательствѣ не установлено особой формы для передаточныхъ надписей на заемныхъ письмахъ въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе полученныхъ уплатъ передается не вся сумма, значущаяся въ обязательствѣ, а только часть оной, но изъ этого нельзя вывести заключенія, чтобы законъ уполномочивалъ займодавца, получивъ отъ должника уплату капитала или процентовъ подъ особныя платежныя росписки, выданныя имъ на основаніи 2054 ст. т. X ч. I, послѣ того передать кому-либо заемное обязательство съ умолчаніемъ о полученныхъ имъ платежахъ. Изъ буквального смысла законовъ, по мнѣнію сената, слѣдуетъ заключить, что какъ скоро передача сдѣлана безъ всякой оговорки о пространствѣ переуступаемаго права, то такая передача обнимаетъ все право на прописанную въ заемномъ письмѣ сумму. Но если займодавецъ, вслѣдствіе полученныхъ имъ платежей, не властенъ уже передать все право, то въ огражденіе себя

отъ всякой отвѣтственности и въ отвращеніе всякихъ недоразумѣній, онъ необходимо долженъ или передать заемное обязательство съ надписью о полученіи имъ платежа или уплатѣ, какъ того требуетъ 2,052 ст. т. X ч. I, или съ точностію опредѣлить количество суммы, остающейся въ долгу за заемщикомъ и за сего послѣдняго заплаченной, въ силу 2058 ст., приобрѣтателемъ заемнаго письма; если же ни того, ни другого не будетъ сдѣлано, то должникъ, не взирая на то, что имѣетъ въ своихъ рукахъ платежныя росписки, естественно будетъ поставленъ въ спорныя отношенія съ приобрѣтателемъ заемнаго письма, по упущенію займодавца.

Изъ приведенныхъ соображеній сената, съ правильностію которыхъ нельзя не согласиться, видно, что сенатъ избѣгалъ коснуться общаго вопроса о правахъ лица, которому передано заемное письмо послѣ полученія по немъ уплаты, на взысканіе по немъ вторично денегъ съ должника. Въ дѣлѣ, подлежащемъ разрѣшенію сената, имѣлъ мѣсто такого рода случай, что должникъ уплатилъ вдвойнѣ часть своего долга и за тѣмъ обсужденію судебныхъ мѣстъ, а также и сената подлежалъ лишь вопросъ объ отвѣтственности передъ должникомъ кредитора, совершившаго не правильную передачу оплаченнаго въ части заемнаго письма. Тѣмъ не менѣ приведенныя соображенія сената заключаютъ въ себѣ также интересныя и не лишенныя практической важности объясненія закона.

Указывая на важнѣйшія рѣшенія по вопросамъ матеріальнаго права нельзя обойти рѣшенія, въ которомъ заключается *толкованіе статей 397 и 399 гр. зак.*

Въ ст. 397 гражд. зак. указаны случаи, когда недвижимое имущество почитается благоприобрѣтеннымъ; ст. 399 указываетъ, какія имущества суть родовыя. Общаго опредѣленія понятій о благоприобрѣтенномъ и родовомъ имѣніи въ законахъ не заключается, тебду тѣмъ какъ перечисленіе, сдѣланное въ приведенныхъ статьяхъ, очевидно неполно. Отсюда возникаетъ вопросъ о томъ, родовымъ или благоприобрѣтеннымъ имуществомъ слѣдуетъ признавать такое имѣніе, которое не подходитъ ни подъ 397, ни подъ 399 ст. гражд. зак. Подобный вопросъ возникъ на практикѣ, а именно, какимъ должно быть признаваемо имущество, завѣщанное первымъ его приобрѣтателемъ такому родственному лицу, которое по смерти завѣщателя не было ближайшимъ его наслѣдникомъ по закону? Разрѣшая этотъ вопросъ, сенатъ, въ замѣчательномъ по изложенію своему рѣшеніи, разъяснилъ общій смыслъ ст. 397 и 399 гражд. зак. Соображенія сената заключаются въ слѣдующемъ. Общій смыслъ ст. 397 и 399 показываетъ, что въ нихъ не только опредѣляется, какія имущества признаются родовыми и какія благоприобрѣтенными, но вмѣстѣ съ тѣмъ, указываются и случаи, въ коихъ имущество благоприобрѣтенное можетъ сдѣлаться

родовымъ, и наоборотъ, — когда имущество родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ. Именно, благопріобрѣтенное имущество превращается въ родовое только въ одномъ случаѣ: когда оно переходитъ отъ одного лица къ другому того же рода въ порядкѣ наслѣдованія, и притомъ не только наслѣдствомъ по закону, но и наслѣдствомъ по завѣщанію, если только оно завѣщается именно тому лицу, которое и безъ завѣщанія должно бы было наслѣдовать въ немъ по закону. Напротивъ того, имѣніе родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ, когда оно по какому бы то ни было укрѣпленію, хотя бы и дарственному, переходитъ въ чужой родъ. Только въ этихъ двухъ случаяхъ, по смыслу дѣйствующихъ законовъ, имѣніе перемѣняетъ свое свойство, дѣлаясь изъ благопріобрѣтеннаго родовымъ, и обратно — изъ родового благопріобрѣтеннымъ. Слѣдовательно, въ этихъ двухъ случаяхъ, какимъ бы способомъ и къ кому бы имѣніе ни переходило, оно должно сохранять прежнее свое свойство, т. е. если оно было благопріобрѣтеннымъ, то и по переходѣ къ другому лицу остается таковымъ же, а если оно было родовымъ, то такимъ и остается.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи, въ которомъ высказано *нѣсколько общихъ положеній наслѣдственного права*. Въ рѣшеніи этомъ сенатъ указалъ, что отреченіе отъ наслѣдства законъ допускаетъ до осуществленія права наслѣдованія, а это право осуществляется не только вводомъ во владѣніе и передачею наслѣдственного имущества, но и чрезъ совершеніе наслѣдникомъ такихъ дѣйствій, которыя доказываютъ безмолвное, подразумѣваемое принятіе наслѣдства. По объясненію сената, событіе принятія наслѣдства обуславливается не только вводомъ во владѣніе, передачею имущества и пользованіемъ онымъ въ личную себѣ прибыль, но и исполненіемъ обязательствъ, какъ лежащихъ на наслѣдствѣ, такъ и установленныхъ умершимъ владѣльцемъ, доколѣ они не противорѣчатъ законамъ, такъ какъ въ силу ст. 1529, наслѣдство, открывшееся по установленному въ законѣ порядку, или по духовному завѣщанію, составляетъ не только совокупность правъ, но и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго владѣльца.

П. М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го апрѣля 1869.

Сессія дворянства Петербургской губерніи. — Вопросъ объ опекахъ. — Правительственный проектъ. — Всесословность и сословность. — Городской элементъ въ общей опекахъ. — Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 года. — Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. — Земледѣльческая ипотека и биржа. — Что такое почта? — Реформа во взглядѣ на умственное право общества. — Религіозныя разномыслія. — Дѣло Крынина. — Дѣло Большакова.

Всякій фактъ, въ которомъ проявляется общественная самодѣятельность, заслуживаетъ перваго мѣста въ хроникѣ, слѣдящей за нашей современной жизнью. Фактъ этотъ можетъ имѣть значеніе положительное или отрицательное, свидѣтельствовать объ успѣхѣхъ или паденіи, но каковъ бы ни былъ практическій смыслъ его для наблюдателя, который собираетъ данныя минуты, какъ признаки будущаго, онъ долженъ имѣть значеніе. Хотя бы фактъ этотъ самъ по себѣ былъ даже микроскопическій, — онъ можетъ быть важенъ для той анатоміи, которая дѣйствуетъ не надъ трупомъ, а надъ живымъ организмомъ, угадываетъ не минувшую, а возникающую жизнь, и не имѣетъ права сказать о себѣ *de minimis non curat*....

Сессія дворянскаго собранія Петербургской губерніи, само собою разумѣется, не должна была бы наводить насъ на подобнаго рода размышленія. Сословіе дворянства играло столь важную роль въ фазисахъ нашей исторіи, что уже, изъ-за одного прошлаго, не приходится пропускать безъ вниманія нынѣшняго положенія, въ какомъ оно себя чувствуетъ и въ какомъ выступаетъ.

Обращаемся къ той картинѣ современнаго положенія дворянства, которая довольно рельефно начерталась нынѣшнею его сессіею въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи, и прежде всякихъ выводовъ, къ практической сторонѣ его занятій. На ней лучше всего отразится и теоретическая сторона вопроса о современномъ значеніи дворянскихъ собраній, какъ представительства организованнаго и привилегированнаго сословія.

Въ нынѣшней сессіи, обсужденію дворянства представился одинъ новый, практическій вопросъ, именно вопросъ объ измѣненіи законодательства относительно опеки. Этотъ вопросъ былъ подвергнутъ правительствомъ тщательной обработкѣ.

Коммиссія для составленія новаго проекта положенія объ опекахъ была образована въ 1864 году, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; она составила историческій очеркъ русскаго законодательства по этому предмету и обзоръ главныхъ началъ, принятыхъ законодательствами другихъ странъ, собрала важнѣйшіе вопросы, возникавшіе изъ практики, и статистическія свѣдѣнія объ опекахъ, съ раздѣленіемъ на роды, наконецъ, составила проектъ. Коммиссія признаетъ, что существующая у насъ система правительственныхъ опекъ неудобна, особенно послѣ введенія судебной реформы, а преобразование системы правительственныхъ опекъ считаетъ неосуществимымъ потому, что потребовался бы новый расходъ, чтобы дать членамъ опекунскихъ учреждений хорошее содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, сумма, отпускаемая нынѣ на всѣ дворянскія опеки составляетъ всего 10,607 р. 32 к. въ годъ, что составляетъ около 20 рублей на каждую опеку. Возлагать новый значительный расходъ на государственное казначейство или на земство, коммиссія не считаетъ возможнымъ, а преобразовывать правительственныя опекунскія учрежденія только по виду, оставляя въ нихъ прежнее ничтожное вознагражденіе членовъ, было бы бесполезно. Такія соображенія привели коммиссію къ мысли «пріурочить учрежденіе опекунскаго управленія къ уѣзднымъ земскимъ управамъ». Такъ какъ дѣла общественнаго призрѣнія возложены на земство, то естественно, чтобы оно же заботилось и о призрѣніи сиротъ и вообще требующихъ попеченія.

Однако же коммиссія не находитъ возможнымъ просить предоставить завѣдываніе опеками земскимъ управамъ, такъ какъ у членовъ управъ и безъ того много дѣла, а предположила образовать особое опекунское учрежденіе, находящееся въ связи съ земствомъ тѣмъ, что въ немъ, кромѣ предводителя дворянства и городского головы, будутъ членами предсѣдатель и члены уѣздной земской управы, принадлежащіе къ дворянскому и городскому (но не инымъ) сословіямъ, согласно предположенію распространить дѣйствіе новаго устава объ опекахъ на дворянъ и на городскія общества, и именно только на эти два сословія, съ тѣмъ, чтобы опекунскія дѣла другихъ сословій вошли сюда уже впослѣдствіи. Коммиссія полагаетъ для опекунскаго управленія одну инстанцію, съ правомъ принесенія на нее жалобъ суду. Предсѣдательство въ новой опекѣ проектъ предназначаетъ уѣздному предводителю дворянства, какъ представителю образованнаго сословія. На содержаніе опекъ, проектъ признаетъ необходимымъ установить на всѣ безъ исключенія имущества, находящіяся въ опеку-

скомъ управленіи, сборъ въ формѣ 1% съ чистаго дохода по опекунствамъ попечительнымъ и 2% по опекунствамъ охранительнымъ.

Въ мотивахъ, которыми руководствовалась коммиссія, какъ они изложены въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» можно возразить, что между ними нѣтъ строгой логической связи. Главные мотивы—экономія и приданіе опеки характера земскаго. Земскій характеръ опеки, очевидно, представляетъ много преимуществъ передъ правительственнымъ, но едва ли въ числѣ ихъ главнымъ представляется именно экономія. Выхода изъ невозможности новой затраты на опекунскія учрежденія, проектъ оканчиваетъ все-таки предложеніемъ процентнаго сбора съ имущества, подлежащаго опеки. Сверхъ того, признавая, что члены земскихъ управъ слишкомъ обременены трудами, чтобы на нихъ возлагать еще непосредственное заведываніе опекунскою частью, проектъ предлагаетъ особое опекунское учрежденіе, состоящее изъ предводителя дворянства, городского головы, предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы отъ дворянства и городскихъ сословій, — то-есть все-таки возлагаетъ опекунское управленіе на лицъ, имѣющихъ постороннія занятія, или принадлежащихъ къ сословнымъ и земскому управленію. Между тѣмъ, возраженіе основано на томъ, что лица, «на которыхъ лежатъ инныя, трудныя обязанности», не могутъ нести «особой и постоянной попечительности о лицахъ и имуществахъ опекаемыхъ». Вотъ если бы проектъ предлагалъ составлять особое опекунское учрежденіе просто изъ лицъ по выбору земства, съ назначеніемъ имъ вознагражденія изъ процентнаго сбора, тогда это было бы дѣйствительно самостоятельное, и въ тоже время находящееся въ связи съ земствомъ учрежденіе. Между тѣмъ, проектъ предлагаетъ даже соединить канцелярію опеки съ канцелярією управы, что еще болѣе лишаетъ опекунское учрежденіе самостоятельности.

Но при обсужденіи правительственнаго проекта, дворянство занялось собственно одною только стороною дѣла, именно вопросомъ, желательно ли приданіе опекунскому управленію характера всесословнаго или земскаго, или же сохраненіе за дворянскою опекою ея сословнаго характера. Дворянство ходатайствовало о сообщеніи ему свѣдѣній относительно проекта, выработаннаго правительственною коммиссією, и правительство сообщило ему проектъ и предоставило дворянству представить свое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Тогда дворянство выбрало коммиссію, которой поручило разсмотрѣть правительственный проектъ, и эта коммиссія представляла свой докладъ, который и подалъ поводъ къ преніямъ. Пренія эти не представляютъ существенной важности, но интересны по своему характеру. Неопредѣленность положенія, скажемъ прямо, сознаніе слабости своего положенія въ смыслѣ учрежденія самостоятельнаго органа общественной силы, отразились въ этихъ преніяхъ рядомъ колебаній, которыя еще болѣе

нелогичны, тѣмъ мотивы, занесенные въ докладъ правительственной комиссіи.

Комиссія дворянскаго собранія высказалась въ пользу отгѣни опеки по сословіямъ; она объявляетъ, что дворянство признаетъ вообще свою пользу быть тѣсно связаннымъ съ пользами другихъ сословій, но тутъ же оговаривается: «дворянство, стоящее во главѣ земства»; она допускаетъ необходимость въ этомъ отношеніи слиться съ другими сословіями, и хотя употребляетъ слова: «приурочить сиротскіе суды къ дворянской опеке», но эти слова въ сущности значутъ немного, такъ какъ комиссія положительно высказывается въ пользу избранія членами въ это общее опекунское правленіе и дворянъ личныхъ, и потомственныхъ гражданъ, и купцовъ и мѣщанъ. Итакъ, относительно собственно принципа всесословности, комиссія дворянства стала на ту же точку, какъ и правительственная комиссія, именно допустила общность опеки для дворянъ и городскихъ обывателей и именно только для этихъ двухъ сословій.

Но дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ, что дворянство вовсе не безусловно раздѣляетъ воззрѣніе правительственной комиссіи относительно своевременности снятія съ опеки ея сословнаго характера. Въ дворянскомъ собраніи явились ораторы, возставшіе противъ преобразованія въ этомъ смыслѣ; собраніе въ конечномъ результатѣ отвергло принципъ его, значительнымъ большинствомъ высказавшись въ пользу удержанія сословной опеки, но и самая дворянская комиссія, какъ изъяснилъ на возраженія докладчикъ ея, князь Трубецкой, приняла правительственный проектъ за основаніе единственно потому, что считала «непрактичнымъ» неподчинить ему собственныя свои соображенія. «Правительственная комиссія обсуждала вопросъ втеченіи десяти лѣтъ, а ваша комиссія втеченіи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а потому ея соображенія не могутъ имѣть такого вѣса, какъ соображенія администраціи» — вотъ сущность одного изъ аргументовъ докладчика. Какъ будто нужно непременно заниматься вопросомъ десяти лѣтъ, чтобы «смѣть свое о немъ сужденіе имѣть!» Вѣдь по смыслу сообщенія, полученнаго дворянскимъ собраніемъ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, предоставлялось дворянству здѣшнему также какъ и дворянамъ иныхъ губерній передать свои заявленія и отзывы по этому вопросу въ комиссію. Ничто не препятствовало комиссіи петербургскаго дворянства предложить заявленіе именно въ смыслѣ оставленія въ силѣ сословнаго характера опеки, если таково было дѣйствительное ея убѣжденіе. Но комиссія дворянства, какъ оказывается изъ послѣдующихъ объясненій ея докладчика, стѣснилась той мыслью, что правительственный проектъ составленъ съ участіемъ разныхъ вѣдомствъ, даже совѣта министровъ (?), и уже подлежитъ внесенію въ государственный совѣтъ, а потому несогласіе петербургскаго дворянскаго собранія

съ основнымъ его принципомъ было бы «непрактично». Подобная же неувѣренность въ средѣ дворянства въ пользу даже заявленій съ его стороны высказалась и въ обсужденіи вопроса, не слѣдуетъ ли просить объ учрежденіи дворянскихъ комитетовъ для обсужденія тѣхъ послѣдствій, которыя должны истечь изъ наступленія новаго періода въ устройствѣ крестьянскаго дѣла, со срокомъ 19-го февраля 1870 года.

Объ этомъ предметѣ мы упомянемъ особо, а здѣсь поставимъ только общій выводъ, именно, что дворянство, сознавая внутренно, но не желая признать гласно бесполезность своей корпоративной организаціи, послѣ произведенныхъ реформъ, находится въ ложномъ положеніи того человѣка, который хочетъ констатировать свое право на участіе въ какомъ-либо дѣлѣ заявленіемъ, а между тѣмъ колеблется сдѣлать это заявленіе именно потому, что не увѣренъ въ серьезности предоставленнаго ему участія въ дѣлѣ.

По мнѣнію, которое намъ представляется неоспоримымъ, дворянству остается только откровенно слить свои отдѣльныя корпоративныя усилія съ дѣятельностью земства. Единственное значеніе, какое въ настоящее время имѣетъ представительство дворянства, единственное принадлежащее ему преимущество, это—право дѣлать правительству представленіе о *мѣстныхъ* нуждахъ дворянства. Но этимъ правомъ дворянство можетъ пользоваться и какъ составная часть земства, посредствомъ его органовъ.

Такое убѣжденіе не мѣшаетъ намъ, однако, признать, что ужъ если дворянство считаетъ нужнымъ выступать какъ отдѣльное сословіе и продолжаетъ интересоваться охраненіемъ немногихъ особенностей, которыя еще составляютъ на практикѣ его отдѣльность, то не зачѣмъ останавливаться на полпути, и останавливаться не по убѣжденію, а по соображенію «непрактичности». Вопросы о «непрактичности» не должно возникать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о болѣе или менѣе практичномъ рѣшеніи какого-либо общаго дѣла, а именно только о сохраненіи особенностей одного сословія. Нельзя не согласиться, что самое существованіе такой особенности въ настоящее время непрактично. Но если она признается нужною, то практичность состоитъ именно въ заботахъ объ охраненіи ея по мѣрѣ силъ, а не въ томъ, чтобы сходить съ тротуара передъ административною комиссіею потому только, что она работала десять лѣтъ, или потому, что администрація можетъ не обратить вниманія на заявленіе дворянскаго собранія.

Вотъ почему логикѣ почтеннаго предводителя дворянства здѣшняго уѣзда мы не можемъ не предпочесть логику одного изъ извѣстныхъ ораторовъ собранія, весьма рѣшительнаго въ своихъ заявленіяхъ — г. Безобразова, этого Катона отжившей нашей псевдо-патри-

ційской системы. Г. Безобразовъ протестовалъ противъ нерѣшительности комиссіи и опровергалъ проектъ администраціи въ его сущности, отстаивая сословный характеръ опеки. Онъ указалъ на ту слабую сторону доклада дворянской комиссіи, что она соглашается съ основами административнаго проекта потому собственно, что эти основы будто бы уже приняты правительствомъ, между тѣмъ, какъ пока проектъ остается проектомъ, нельзя сказать, что основы его получили обязательную силу и дворянству должна принадлежать полная свобода высказать свое мнѣніе о нихъ. Подвергая критикѣ самый проектъ дворянской комиссіи, основанный на мысли объ отнятіи отъ опеки характера учрежденія сословнаго, г. Безобразовъ замѣчалъ, что опека въ томъ видѣ, какъ ее предлагаютъ, переставъ быть сословною, не будетъ и земскою, такъ какъ отъ нея устранены сословія духовенства и сельскихъ обывателей; стало-быть, опека эта будетъ только двухсословная.

Логикѣ этихъ замѣчаній отрицать нельзя. Но г. Безобразовъ не ограничился ими. Придерживаясь своей логики, онъ отвергаетъ земскую опеку, даже если бы она и была всесословная. Онъ находитъ, что это поведетъ къ сліянію и самыхъ сословій, которое несогласно, будто бы, съ нашимъ государственнымъ (?) устройствомъ. Странно предвидѣть въ сліяніи опеки нѣчто ведущее къ несогласію съ нашимъ государственнымъ устройствомъ, особенно послѣ того, какъ въ отношеніяхъ между сословіями произошла такая значительная перемѣна, что одно сословіе перестало владѣть другимъ сословіемъ, не только не измѣнивъ государственнаго устройства, но и не оказавшись ни въ какой мѣрѣ ему опаснымъ. Логика г. Безобразова положительно сдѣлалась своеобразною, когда, доказывая, какъ нежелательно, чтобы опекунами дворянъ могли являться мѣщане, онъ въ видѣ аргумента сослался на фактъ, что и при нынѣшней системѣ опеки, какой-то малолѣтній дворянинъ, оставшись сиротою, былъ отданъ на воспитаніе кучеру. Противникамъ г. Безобразова легко было возразить на это, что образованный мѣщанинъ можетъ быть лучшимъ воспитателемъ, чѣмъ кучеръ, и сверхъ того, въ предполагаемой опекѣ дворянство все-таки будетъ имѣть участіе, даже преобладающее, стало-быть, будетъ имѣть возможность наблюдать, чтобы воспитаніе молодыхъ дворянъ не попадало въ руки кучеровъ. Нельзя не сочувствовать заявленію г. Безобразова, что онъ нисколько не жалѣетъ о правахъ, потерянныхъ дворянствомъ, а думаетъ, напротивъ, что само дворянство выиграло отъ уничтоженія крѣпостнаго права, и не желаетъ только упадка дворянства въ нравственномъ его значеніи. Нравственнаго упадка, какого бы то ни было сословія, никто желать не можетъ, хотя очень многіе могутъ не раздѣлять мысли почтеннаго оратора относительно нравственнаго значенія дворянства у насъ, какъ сословія; но во вся-

комъ случаѣ, сліяніе дворянскаго и городского сословія въ опеку едва ли можетъ угрожать даже и личности дворянства, какъ сословія, такъ какъ опекунами и попечителями всегда назначаются или ближайшіе родственники или, по крайней мѣрѣ, люди одного сословія съ подлежащимъ опеку. А что почетные граждане и мѣщане будутъ сидѣть въ общемъ опекуномъ учрежденіи, то это одно едва ли можетъ извратить въ дворянахъ, подлежащихъ опеку, не только нравственный, но даже и сословно-дворянскій смыслъ и духъ, если таковой только у насъ существуетъ или когда-либо существовалъ. Въдѣ сидятъ же они, эти почетные граждане и мѣщане, и на предсѣдательскихъ мѣстахъ въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитываются дворяне вмѣстѣ съ другими сословіями, и на начальническихъ мѣстахъ въ тѣхъ отрасляхъ службы, одну изъ которыхъ неизбежно изберутъ дворяне для того, чтобы получить въ обществѣ то значеніе, котораго они безъ чина и мундира, хотя бы со столѣтней грамотой, у насъ никогда не имѣли.

Рѣчь г. Безобразова убѣдила собраніе, и предложеніе комиссіи было устранено рѣшеніемъ предварительнаго вопроса: желаетъ ли дворянство сохранить сословную опеку? Значительнымъ большинствомъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу сословной опеки. Но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ собраніе рѣшило не смотрѣть на сообщеніе объ этомъ министру, какъ на ходатайство собранія о сохраненіи сословной опеки, то приведенное рѣшеніе это можетъ быть принято только какъ теоретическая резолюція, въ родѣ тѣхъ, какія постановляются на митингахъ.

Любопытно было предложеніе, внесенное въ дворянское собраніе г. Шарыгинымъ и поддержанное барономъ П. Корфомъ. Оно состояло изъ нѣсколькихъ пунктовъ, предложенныхъ въ видѣ вопросовъ и въ общей сложности заключало въ себѣ такой планъ: для улучшенія быта крестьянъ, въ виду приближенія 19 февраля 1870 года, т. е. въ виду того времени, когда крестьяне будутъ вольны уходить съ помѣщичьихъ земель,—испросить высочайшее разрѣшеніе на избраніе комитета изъ дворянъ-землевладѣльцевъ Петербургской губерніи, который обсудилъ бы мѣры, приличныя для огражденія интересовъ землевладѣльцевъ здѣшней губерніи, на предоставленіе другимъ губерніямъ избрать такіе же комитеты, на свободу обмѣна мнѣній между всѣми этими комитетами, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ихъ занятій составила особая центральная комиссія изъ выборныхъ отъ всѣхъ комитетовъ. При этомъ, по мысли автора предложенія, дворянство должно было повергнуть на усмотрѣніе правительства вопросъ: *насколько можетъ быть допущено участіе въ этихъ комитетахъ и другихъ членовъ земства, кромѣ дворянъ-землевладѣльцевъ?*

Вопросъ о послѣдствіяхъ 19 фев. 1870 г. въ нашемъ журналѣ былъ под-

вергнуть Н. П. Колупановымъ всестороннему разсмотрѣнію и съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ и съ точки зрѣнія охраненія свободы переселенія и отказа отъ земли для крестьянъ. Мы сознаемъ, что въ нынѣшнемъ положеніи есть нѣсколько неясностей, и признаемъ съ другой стороны естественнымъ, что землевладѣльцы озабочиваются той перемѣною, которая можетъ отразиться на ихъ хозяйствѣ. Но видѣ предложеніе г. Шарыгина, сперва столь сочувственно встрѣченное дворянскимъ собраніемъ, вело къ чему-то въ родѣ учрежденія новыхъ редакціонныхъ комиссій и притомъ изъ дворянъ, для обсужденія, съ цѣлью улучшенія быта крестьянъ, мѣръ, нужныхъ для огражденія помѣщичьихъ интересовъ. Едва ли тѣ неясности, какія замѣчаются въ Положеніяхъ 19 февраля, въ отношеніи къ праву отказа крестьянъ отъ земли и праву переселенія, могли бы наиболѣе удобно быть устранимы именно такимъ сословно-представительнымъ путемъ. Вмѣсто того, чтобы предоставлять администраціи рѣшеніе, въ какой мѣрѣ желательно участіе прочихъ членовъ земства въ обсужденіи этого дѣла, не проще и естественнѣе ли было бы просить о собраніи мѣстной объ этомъ вопросѣ отъ земства, съ тѣмъ, пожалуй, чтобы въ Петербургъ были присланы и по два депутата отъ земства каждой губерніи? Это было бы проще и правднѣе, чѣмъ то, что предлагалъ г. Шарыгинъ, и это едва ли не желательно въ самомъ дѣлѣ.

Комитеты изъ дворянъ, съ центральной комиссіей, да еще съ возможностью спроса крестьянскихъ обществъ, въ томъ или другомъ видѣ—это нѣчто искусственное, несуществующее и немогущее имѣть авторитета земскихъ собраній. Правда, въ земскихъ собраніяхъ участвуютъ и иныя сословія, кромѣ помѣщиковъ и крестьянъ. Но во-первыхъ, эти сословія служили бы посредническимъ звеномъ между дворянствомъ и крестьянствомъ, которыя, поставленные съ глазу на глазъ, едва ли когда пришли бы къ соглашенію. А во-вторыхъ, развѣ принадлежащіе къ городскому сословію фабриканты не заинтересованы въ вопросѣ о переселеніи? Да наконецъ, и всѣ городскія общества вообще заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, гдѣ одинъ изъ государственныхъ пунктовъ есть именно право приписки къ этимъ сословіямъ для крестьянъ.

Мы остановились на предложеніи г. Шарыгина нѣсколько болѣе, потому именно, что сходимся съ возбужденною имъ мыслью о собраніи мѣстной отъ сословій для отстраненія недоразумѣній, какія могутъ оказаться при наступленіи 19 февраля 1870 года; мы расходимся съ нимъ только въ выборѣ удобнѣйшихъ органовъ для полученія отзывовъ, въ самомъ дѣлѣ безпристрастныхъ и всестороннихъ.

Въ преніяхъ, происходившихъ по предложенію г. Шарыгина, отразилась опять та неопредѣленность, то какъ бы и желаніе и опасеніе пользоваться своими правами, во всемъ ихъ объемѣ, которыя харак-

теризовали всю нынѣшнюю сессію дворянскаго собранія. Мы уже сказали, что собраніе встрѣтило съ большимъ сочувствіемъ это предложеніе. Между тѣмъ, когда предсѣдатель замѣтилъ, что баллотировка нѣкоторыхъ пунктовъ этого предложенія допущена быть не можетъ, такъ какъ они относятся не къ мѣстнымъ интересамъ дворянства петербургской губерніи, — что было совершенно справедливо — то тотчасъ проявилось колебаніе, и когда перешли къ баллотировкѣ перваго пункта, то оказалось, что собраніе его не приняло. Между тѣмъ, принятіемъ этого пункта собраніе нисколько бы не превысило своей власти, такъ какъ въ немъ упоминалось только о комитетѣ для петербургской губерніи. А если бы дворянство петербургской губерніи получило то разрѣшеніе, о которомъ тутъ шла рѣчь, то нѣтъ сомнѣнія, что дворянскія собранія прочихъ губерній сами собою вошли бы съ такимъ же ходатайствомъ и получили бы такой же отвѣтъ, какой передъ тѣмъ получило бы дворянство петербургское. Итакъ, непринятіе собраніемъ перваго пункта, вслѣдствіе заявленія предсѣдателя, было просто отступленіемъ отъ мысли, которая сперва очень поправилась собранію.

Неопредѣленность — чтобы не сказать болѣе — положенія дворянскихъ собраній, которымъ, за произведенными реформами осталось почти только производить выборы своихъ должностныхъ лицъ и немногихъ членовъ въ нѣкоторыя учрежденія собраній, конимъ забываютъ даже — очевидно за ненадобностью — сообщать свѣдѣнія о государственной земской повинности, хотя по неотмѣненному еще закону они должны разсматривать ее — эта неопредѣленность положенія, говоримъ мы, отразилась и въ отказѣ всѣхъ кандидатовъ, имѣвшихся въ виду, на должность петербургскаго губернскаго предводителя принять эту должность. Дворянство, какъ видно, наиболѣе расположено было выбрать своимъ предводителемъ графа П. П. Шувалова, что было бы не лишено нѣкотораго значенія. Когда онъ отказался, въ числѣ другихъ кандидатовъ, то нынѣшній губернский предводитель, графъ Орловъ-Давыдовъ обратился къ нему съ заявленіемъ единогласнаго желанія дворянъ, чтобы онъ не отказывался, и члены собранія поспѣшили лично засвидѣтельствовать графу Шувалову это желаніе; но графъ положительно несогласился. Кончилось тѣмъ, что уже въ день, назначенный для закрытія сессіи, дворянству удалось убѣдить графа Бобринскаго согласиться на баллотировку, и благодарное собраніе избрало его губернскимъ предводителемъ единогласно, тѣмъ болѣе, что какое же могло быть разногласіе при такихъ обстоятельствахъ!?

Мы никакъ не думаемъ отрицать значеніе дворянства у насъ въ настоящее время въ смыслѣ простой совокупности значительнаго числа образованныхъ людей въ государствѣ. Но если разумѣть собственно организованную корпорацію дворянства, то есть составъ дво-

рянскихъ собраний, то едва ли можно съ увѣренностью приписывать ему по преимуществу даже значеніе «образованнѣйшаго въ государствѣ сословія». Дѣло въ томъ, что изъ числа окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, навѣрно, только небольшая часть—по абсолютной численности—принадлежитъ именно къ сословію крупныхъ землевладѣльцевъ, которое и составляетъ то, что у насъ нынѣ обыкновенно (даже специально-дворянскимъ органомъ) называется дворянствомъ. Это организованное въ собраніе сословіе само разумѣетъ себя именно въ смыслѣ сословія крупныхъ землевладѣльцевъ. Доказательствомъ тому можетъ служить одинъ изъ фактовъ нынѣшней сессіи петербургскаго дворянства. Въ засѣданіи 14 марта предложено было къ голосованію заявленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда, которые просили, чтобы всѣмъ дворянамъ, занесеннымъ въ родословную книгу и имѣющимъ цензъ по 73 статѣй, т. е. по прежнему исчисленію 5 душъ или 150 десятинъ удобной земли, было предоставлено въ дворянской избирательной дѣятельности участіе равное съ дворянами имѣющими, по прежнему исчисленію, 100 душъ и т. д. Просьба эта была совершенно логична съ точки зрѣнія «благороднаго происхожденія.» Кто въ настоящее время ратуетъ за преимущества дворянскихъ собраний, за вліяніе дворянства на земскую полицію, за предводительство дворянства въ дѣлахъ земства вообще, тотъ всегда ссылается на слѣдующіе доводы: 1) преимущественная образованность дворянскаго сословія, которое есть «образованнѣйшее сословіе въ государствѣ»; 2) благородное происхожденіе, которое само по себѣ обязываетъ человѣка къ нѣкоторому нравственному превосходству, что выражается извѣстнымъ девизомъ *noblesse oblige*; и 3) заслуги предковъ, оказанныя государству.

Всѣ эти обстоятельства рѣшительно благоприятствовали — въ теоріи — удовлетворенію домогательства мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда, занесенныхъ въ родословную книгу. Если дворянство есть сословіе образованное по преимуществу, то это конечно благодаря наслѣдственности его образованія, и въ этомъ смыслѣ дворянство болѣе древнѣе, унаслѣдовавшее свое образованіе отъ нѣсколькихъ поколѣній, должно быть образованнѣе дворянства новаго; хотя бы оно и было крупнымъ землевладѣніемъ. Благородство происхожденія, какъ извѣстно, измѣряется не числомъ десятинъ удобной земли, а числомъ предковъ. Наконецъ, относительно заслугъ оказанныхъ государству, дворянство мелкопомѣстное, но снабженное грамотами, ужъ навѣрное можетъ поспорить со случайнымъ и по большей части весьма недавнимъ по происхожденію классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ. А между тѣмъ, с.-петербургское дворянское собраніе постановило въ просьбѣ мелкопомѣстнымъ дворянамъ отказать. Спрашивается за тѣмъ, на какомъ основаніи оно само, какъ представительство крупнаго зем-

дѣлвладѣнія, могло бы требовать продолженія своего вліянія въ государствѣ, въ смыслѣ привилегированнаго сословія? Всѣ доводы, которые могутъ быть съ дворянской точки зрѣнія: *roy ne veut, prince ne doigne, Rohan suit*—приведены въ его пользу, и какъ дворянству, общи ему съ мелкопомѣстнымъ, но старымъ дворянствомъ, котораго просьбу объ уравниеніи въ правахъ нынѣ въ Петербургѣ отвергли. За симъ остается только значительность капитала. Но въ такомъ случаѣ перестаньте говорить о «noblesse oblige» и такъ далѣе, и уступите шагъ биржевымъ тузамъ, признайте скорѣе за ними право отдѣльнаго въ государствѣ предсѣдательства, ибо въ отношеніи капитала, чистаго, безъ долговъ, и легко реализуемаго, дворяне — предъ ними — пасть.

Такимъ образомъ, нынѣшняя сессія петербургскаго дворянства представила намъ въ видѣ преобладающей черты—неопредѣленность, неувѣренность въ самосознаніи дворянства относительно полезности и возможности (мы хотѣли сказать — серьезности) дальнѣйшаго своего существованія, какъ отдѣльной корпораціи въ государствѣ, съ представительствомъ, бюджетомъ (на содержаніе канцелярій и освѣщеніе залъ), правомъ запросовъ и представленій. Эта неопредѣленность, неувѣренность — признакъ времени и вмѣстѣ доводъ, что и въ дворянствѣ нашемъ преобладаетъ практической русскій смыслъ, вѣщающій: «что было, то не будетъ вновь.»

Мы упомянули выше о капиталѣ землевладѣнія. Самая основательная изъ всѣхъ жалобъ землевладѣльцевъ въ настоящее время безспорно та, что трудно найти капиталы, которые соглашались бы на помѣщеніе въ дѣло земледѣлія. Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія. Въ виду разстройства дѣлъ землевладѣнія, обусловленнаго частью неизбежною переменною системы хозяйства, частью неурожаями, которые означаютъ не столько стеченіе неблагоприятныхъ атмосферическихъ причинъ, сколько просто истощеніе почвы, необходимо обратить вниманіе на средства земледѣльческаго кредита. Средства эти въ настоящее время ничтожны. Казенный банкъ денегъ уже давно не даетъ подъ землю, а частный земледѣльческій кредитъ не устанавливается, отстаетъ отъ кредита городского, который приобрѣлъ уже нѣсколько успѣшно-дѣйствующихъ органовъ. А между тѣмъ въ русскомъ хозяйствѣ, съ его еще первоначальными приѣмами, представляется обширное поле для дѣятельности, богатая жатва для капиталовъ, которые вступили бы въ это дѣло умѣючи. Но нѣтъ, мы предпочитаемъ покупать на биржѣ акціи рязанской дороги, которыя обѣщаютъ 16 рублей дивиденда, а они стоятъ по 290 р., то-есть въ сущности обѣщаютъ не болѣе какихъ-нибудь шести процентовъ.

Вотъ почему съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы извѣстіе, что комиссія, учрежденная въ 1860 году для устройства земскихъ

банковъ, уже виработала проектъ ипотечнаго устава. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческій кредитъ преимущественно стѣснялся у насъ именно сложностью формальностей по взысканіямъ и вообще необезпеченностью подобнаго рода помѣщенія капиталовъ. Трудность займа денегъ, для владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній, обусловливается едва ли не болѣе всего именно неувѣренностью залогодателей въ обезпеченіи.

Улучшеніе законоположеній, приведеніе законодательства въ соотношеніе съ новыми потребностями государства и общества, наконецъ проведеніе въ законахъ принциповъ гуманности, гражданской равноправности, обезпеченности лицъ и имуществъ гражданъ—принциповъ не новыхъ, но въ новѣйшія времена получающихъ все большее значеніе въ сознаніи законодателей—все это еще не исчерпываетъ того многообразнаго дѣла, котораго совокупность разумѣется подъ общимъ названіемъ *реформы*. Существенная часть реформы, вызванной потребностью общества и стремленіемъ власти придать своимъ отправленіямъ болѣе строгую рациональность, должна заключаться въ томъ, чтобы органы власти проникались яснымъ сознаніемъ прямого своего назначенія, чтобы въ сложности государственнаго управленія и государственнаго хозяйства вполнѣ выяснилась цѣль каждаго учрежденія, истинное мѣсто и назначеніе его, какъ одной изъ функцій государственной системы.

Извѣстное изреченіе: «не общество существуетъ для администраціи, а администрація для общества», кажется намъ въ настоящее время вульгарнымъ. Но давно ли это такъ, далеко ли то время, догда эта, конечно весьма неоригинальная, мысль являлась у насъ еще въ качествѣ весьма смѣлаго, а старымъ, закоренѣвшимъ въ прежней системѣ бюрократамъ представлялась чуть ли не въ значеніи непозволительнаго вольномыслія? Что мысль эта была нова и бюрократіи неизвѣстна, доказательствомъ тому можно привести официальные документы, напр., приказы по полиціи, гдѣ она была буквально выражена.

По поводу вопіющей неисправности, какая оказалась въ началѣ нынѣшняго года въ разсылкѣ періодическихъ изданій по почтѣ, нельзя не обратить вниманія на то, какъ важна именно та сторона «реформы», на которую мы сейчасъ указали. Факты, которыхъ мы сдѣлались свидѣтелями и въ нѣкоторомъ смыслѣ жертвами, показали, что иногда самыя измѣненія положеній и порядковъ, съ цѣлью улучшенія ихъ не только не приносятъ пользы, но становятся даже источникомъ замѣшательства, если оставленъ безъ вниманія другой, существенный элементъ реформы, именно—правильное уясненіе каждымъ учрежденіемъ самому себѣ прямого, главнаго его назначенія, цѣли, съ которою оно первоначально создано и отъ которой оно иногда можетъ уклоняться, предпочитая другія, второстепенныя и несущественныя по смыслу самого учрежденія цѣли.

Управленіе почтъ, какъ всякое управленіе должно, конечно, заботиться о соблюденіи интересовъ казны; монополія почтъ приноситъ казнѣ доходъ и, само собой разумѣется, что управленіе почтъ должно желать скорѣе возвышенія этого государственнаго дохода, чѣмъ уменьшенія его. Но если бы почтовое управленіе продолжало, по прежнему, видѣть въ этомъ именно главное свое назначеніе, то оно держалось бы взгляда столь ошибочнаго, что никакія предпринятія имъ реформы не принесли бы государству пользу.

Всѣ вѣдомства, удовлетворяя извѣстной потребности, собираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какой либо государственный доходъ. Изъ числа ихъ мы не исключаемъ даже военное министерство, которое, выручая деньги отъ продажи негодныхъ вещей или подвергнутыхъ подмоукѣ продовольственныхъ припасовъ, усчитываетъ эти деньги тоже въ государственный доходъ. Но, что бы мы сказали о такой системѣ военнаго управленія, которая клонилась бы къ сокращенію сроковъ службы аммуниционныхъ вещей или къ пріобрѣтенію годового провіанта для того только, чтобы увеличить количество продаваемыхъ предметовъ и тѣмъ достигнуть возвышенія собираемаго имъ казеннаго дохода?

Это преувеличеніе, возразятъ намъ. Согласно, но преувеличеніемъ удобно выказать ложность той мысли, которая неправильна въ самой своей точкѣ отправленія. Возьмемъ другой примѣръ. Министерство путей сообщенія собираетъ съ желѣзныхъ дорогъ, шоссе и шлюзовъ весьма значительный доходъ. Но можно ли допустить мысль, чтобы главное его назначеніе заключалось именно въ собираніи и насильномъ увеличеніи этого дохода? Въ такомъ случаѣ, ему пришлось бы прежде всего возстать противъ системы желѣзныхъ дорогъ частныхъ, которыя требуютъ отъ правительства только пожертвованій, не принося ему дохода. Между тѣмъ, мы видимъ, что оно напротивъ благоприятствуетъ развитію частныхъ дорогъ и даже свои линіи передаетъ въ частныя руки.

Дѣло въ томъ, что недостаточно какому либо учрежденію соединить въ себѣ характеръ правительственнаго органа и сборщика дохода, и ставить это второе назначеніе на первый планъ, видѣть въ немъ главное свое назначеніе, которому должны подчиняться остальные. Есть учрежденія чисто камеральныя, финансовыя, напримѣръ: акцизное, горное, таможенное управленія. Конечно, и они также служатъ вмѣстѣ и отраслями полицейскаго (въ научномъ смыслѣ слова) управленія: акцизное и горное вѣдомство регулируютъ порядокъ частныхъ промысловъ и продажъ, таможенное вѣдомство—справедливо или нѣтъ, это особый вопросъ—смотреть на себя какъ на охрану внутренней производительности. Но всѣ они очевидно имѣютъ назначеніе преимущественно камеральное—сборъ и увеличеніе по возможности главныхъ государственныхъ доходовъ. Акцизное вѣдомство не можетъ смотрѣть

какъ на главную свою цѣль—на процвѣтаніе винокуренныхъ заводовъ или на доставленіе водѣй пріятнаго вкуса, а на судьбы государственнаго дохода взирать, какъ на нѣчто второстепенное. Такой правильный взглядъ устанавливается уже мало-по-малу и въ отношеніи таможеннаго учрежденія; хотя въ новомъ тарифѣ и сохранены еще покровительственныя цѣли, однако преобразованъ онъ былъ съ цѣлью именно камеральной.

Итакъ, изъ учреждений, которыя соединяють въ себѣ удовлетвореніе такой либо потребности общества и государства съ сборомъ государственнаго дохода, одни носятъ характеръ финансовыхъ, камеральныхъ, другія же относятся къ органамъ государственнаго благоустройства. Цѣлью послѣднихъ должно прежде всего служить—возможно полное, правильное и всегда своевременное удовлетвореніе той потребности государства и общества, для которой они созданы; попеченіе же о собираемомъ ими притомъ доходѣ для нихъ должно быть цѣлью побочною, второстепенною; забота о доставленіи государству выгоды финансовой въ ихъ дѣятельности должна быть подчинена той первой и главной заботѣ, которая вытекаетъ изъ самой цѣли ихъ образованія въ государствѣ и ихъ назначенія въ общей системѣ государственнаго механизма. Къ этой цѣли—учрежденія такого рода должны стремиться даже съ пожертвованіемъ ей, если нужно, самымъ собираемымъ доходомъ, какъ то видно въ приведенномъ выше примѣрѣ управленія желѣзными дорогами. Весь смыслъ почтоваго учрежденія указываетъ, что оно должно принадлежать къ этой второй категоріи государственныхъ установлений. Почта хотя и есть государственная монополія, но не регалія. Такойъ взглядъ на почту давно установился во всей Европѣ. Если гдѣ почта въ прежнее время и имѣла характеръ регаліи или откупа (въ видѣ исторически-установившейся турнъ-таксиской почтовой привилегіи въ Германіи), то характеръ этотъ или давно измѣненъ или измѣняется.

У насъ по бюджету почтоваго вѣдомства числится доходовъ около $15\frac{3}{4}$ милліоновъ рублей; расходовъ около $12\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей. Достаточно уже этого баланса, чтобы убѣдиться, что характеръ почтоваго учрежденія не финансовый, а общественный (относящійся къ области полиціи, въ научномъ смыслѣ слова, къ области благоустройства). Очевидно, что доходъ въ $3\frac{1}{2}$ мил. изъ бюджета, котораго итогъ доходить до $15\frac{3}{4}$ милл. не даетъ почтовому управленію характера управленія финансового. Еще болѣе ясно сдѣлается, что почтовое управленіе не имѣетъ характера камеральнаго, когда примемъ во вниманіе, что въ суммѣ его доходовъ, его средствъ, заключаются болѣе $7\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей земскаго сбора (съ небольшими суммами изъ капитала уральскаго казачьяго войска, башкирскихъ сборовъ и губернскаго земскаго сбора, всего болѣе 7 милліоновъ 593 тысячъ руб-

лей). Это, кажется, достаточно выясняетъ тотъ характеръ почтоваго управленія, который указанъ ему и назначеніемъ его, какъ оно определено закономъ, и самимъ характеромъ его денежныхъ средствъ.

Итакъ, почтовое вѣдомство, въ своей дѣятельности, должно бы имѣть въ виду прежде всего не увеличеніе относительно—весьма небольшого чистаго дохода, который оно доставляетъ государству, а прямое свое назначеніе—удовлетворять одной изъ самыхъ существенныхъ потребностей государства и общества. Самъ по себѣ бюджетъ почтоваго вѣдомства можетъ вызвать не мало разногласій со стороны безпристрастныхъ критиковъ. Всѣ они, въ виду неоспоримаго факта, что почтовый доходъ увеличивается съ году на годъ (въ нынѣшнемъ году исчислено доходу на 94¼ тысячи рублей болѣе противу прошлаго года), должны преклониться предъ фактомъ возвышенія государственнаго дохода. Но даже становясь на эту ложную точку зрѣнія, постороннюю главной цѣли почтоваго учрежденія, можно думать, что увеличеніе почтоваго дохода происходитъ не столько отъ радѣнія подлежащаго вѣдомства государственнымъ выгодамъ, сколько отъ естественнаго возрастанія сбора, сообразно съ увеличеніемъ сообщений. Вѣдь изъ самаго бюджета почтоваго вѣдомства видно, что отъ усиленія корреспонденціи ожидалось возрастанія дохода не только на 94¼ тысячи, а на 641 слишкомъ тысячу рублей (изъ какового излишка наибольшую часть, стало быть, поглотили новые расходы). Знаменитый президентъ почтоваго управленія въ Англіи, сэръ Роулэндъ Гилль тоже увеличилъ казенный доходъ отъ почтъ, но онъ съ умѣлъ достичь этого, удовлетворяя въ тоже время и главному назначенію своего управленія, именно онъ возвысилъ почтовый доходъ пониженіемъ пересылочной платы. Наше почтовое вѣдомство предпочитаетъ поддерживать прежній доходъ сохраненіемъ прежней таксы, и если предпринимаетъ что-нибудь для возвышенія этого дохода, то дѣлаетъ это въ весьма первоначальной формѣ: увеличиваетъ, напримѣръ, вдвое плату за пересылку мѣсячныхъ изданій.

Но увеличеніе казеннаго дохода, сказали мы, вовсе не должно быть главною проекупаціею почтоваго управленія, которое не есть отрасль управленія финансоваго. Предпринимая какое бы то ни было измѣненіе порядковъ, оно бы не должно было оправдываться само передъ собою цѣлью финансовою, а имѣть въ виду прежде всего прямую цѣль, указанную ему его учрежденіемъ: способствовать удобству сообщений, сдѣлать удобною и правильною пересылку, уменьшить число жалобъ, отнестись серьезно къ прекрасной своей роли посредника, хотя механически способствующаго размѣну мыслей и общенію Россіи въ умственной дѣятельности. Если же почтовое вѣдомство хотѣло обратить вниманіе преимущественно на финансовую сторону своего устройства, то оно могло съ успѣхомъ заняться болѣе

выгоднымъ распредѣленіемъ собственныхъ своихъ суммъ. Такъ, напримѣръ, на содержаніе центрального почтового управленія полагается болѣе 150 тысячъ рублей, да на «разные расходы» 150 тысячъ, между тѣмъ какъ на пріемъ и роздачу и пересылку почтовой корреспонденціи расходуется всего 2 милліона рублей. Первый расходъ едва ли не слишкомъ великъ въ сравненіи со вторымъ. Велика ли роль «центрального» управленія въ почтовомъ дѣлѣ? Въ этомъ дѣлѣ, кажется, менѣе чѣмъ въ какомъ либо требуется какая либо политика, какіе либо общіе взгляды, между тѣмъ какъ во второмъ расходѣ сосредоточивается вся сущность дѣла, особенно по мѣрѣ развитія желѣзныхъ дорогъ, которое будетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе освобождать почтовое вѣдомство отъ самаго значительнаго изъ его расхода — содержанія лошадей.

Повторяемъ, содѣйствіе общей благотворной реформы, совершающейся въ наши годы, должно состоять не только въ предложеніи полезныхъ измѣненій въ текстѣ законоположеній, но еще—и это весьма существенный пунктъ—въ правильномъ уясненіи себѣ и приложеніи къ дѣлу—истиннаго назначенія отраслей государственнаго управленія, содержащихся обществомъ, въ видѣ успѣшнаго дѣйствія ихъ самихъ и успѣшнаго удовлетворенія его потребностей.

Говоря о томъ, что существенную часть реформы, предпринятой государствомъ, послѣ долговременнаго застоя, для приведенія въ соглашеніе учреждений съ нуждами и духомъ современности, должно составлять, кромѣ измѣненія законоположеній и измѣненіе во взглядахъ правительственныхъ органовъ на ихъ назначеніе, мы неизбежно наталкиваемся на вопросъ о нашихъ старообрядцахъ. Фактъ существованія старообрядства и раскола въ народѣ, и не только существованія, но даже постояннаго развитія сектъ—одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые старая система администраціи думала уничтожить непризнаніемъ или преслѣдованіемъ. Между тѣмъ, расколъ не только не ослаблялся вслѣдствіе непризнанія и преслѣдованія, а напротивъ—ростъ, и къ сожалѣнію, въ томъ общемъ преслѣдованіи на бумагахъ и потворствѣ на дѣлѣ, какія были неразлучны съ прежнею системою, могла развиться секта противупообщественная, секта скопцовъ, внезапное открытіе которой, во всей ея силѣ и распространенности, поразило удивленіемъ общество, убавканное отрицательнымъ отношеніемъ прежней администраціи безразлично ко всѣмъ отраслямъ раскола:

Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ не только не несогласны съ существующимъ государственнымъ строемъ, но даже проявили на практикѣ особую приверженность къ государству и сами по себѣ, по нравственной сторонѣ своего ученія, далеко не заслуживаютъ гоненія. Пришла пора—если нынѣшнее время хочетъ быть логично въ своихъ реформистскихъ стремленіяхъ,—измѣнить взглядъ на расколъ, и допу-

стить членовъ безвредныхъ сектъ къ общенію гражданскихъ правъ. Въ наше время, когда государство поставило на первомъ планѣ своей дѣятельности благо общественное, нѣтъ никакого основанія преслѣдовать вѣрныхъ и почтенныхъ гражданъ за разномыслія обрядныя, до которыхъ государству нѣтъ никакого дѣла. Пора снять съ государственной дѣятельности все, что можетъ напоминать, хотя бы издали, мрачную, безнравственную и въ высшей степени неполитическую дѣятельность инквизиціи.

А между тѣмъ, передъ нами являются факты, которые самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчатъ гуманнымъ и практическимъ цѣлямъ нынѣшняго государственнаго направленія. Сошлемся на два недавніе примѣра. Ямщикъ рогожской ямской слободы, Дмитрій Крынинъ принадлежалъ къ старообрядцамъ рогожскаго кладбища и нѣсколько разъ въ своемъ обществѣ отправлялъ должность старосты. Не далѣе, какъ въ 1857 году, его, просто за принадлежность къ сектѣ выслали изъ Москвы. Малолѣтний сынъ его, его имущество—все осталось на произволъ судьбы. Двѣнадцать лѣтъ Крынинъ находился въ ссылкѣ. Онъ сидѣлъ и въ здѣшней Александроневской лаврѣ подѣ увѣщаніемъ духовныхъ особъ два года, но остался «непреклоненъ», и въ казематахъ Соловецкаго монастыря семь лѣтъ; наконецъ, подѣ вліяніемъ таковаго средства убѣжденія, присоединился къ православію, и, не смотря на обращеніе (просто по незанесенію факта обращенія въ вѣдомости)—жилъ въ Пензѣ подѣ надзоромъ полиціи. Въ Пензу онъ былъ посланъ по этапу и оставался тамъ безъ кормовыхъ денегъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. А между тѣмъ, само собою разумѣется, что оставленное имъ въ Москвѣ было отнято у него, поступило въ опеку, частью распродано и т. д. Наконецъ, когда въ дѣло его вступился адвокатъ Бенкендорфъ и предъявилъ его права на прежнее имущество, права, къ удовлетворенію которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ препятствія, — то неожиданное препятствіе встрѣтилось въ самомъ томъ обществѣ, къ которому прежде принадлежалъ Крынинъ, и его адвоката, явившагося на волостную сходку, съ непріятными требованіями о возстановленіи давно нарушенныхъ нравъ, едва не прибили, онъ насилу ушелъ оттуда цѣлый. Такія дѣла дѣлаются послѣ десятилѣтняго страданія человека; отрицаніе правъ его — хоть онъ нынѣ и православный—за то только, что нѣкогда онъ былъ старообрядцемъ, происходитъ въ 1867 году. Какъ согласить такіе факты со смысломъ общей реформы, съ которой Россія считаетъ свое возрожденіе, съ принципами гуманности и обезпеченности лица, если оно не обвиняется въ преступленіи требующемъ мѣръ чрезвычайныхъ?

Общественная совѣсть высказалась. Мы имѣемъ передъ глазами фактъ тоже недавній, который въ смыслъ общественнаго приговора

надъ устарѣлыми и непрактичными преданіями, рѣшаетъ и дѣло Крынина. Это дѣло Большакова. Московскій мѣщанинъ Большаковъ устроилъ въ избѣ, въ деревнѣ Заволеньѣ, моленную, въ которой онъ совершалъ религіозные обряды, по своему убѣжденію. Представьте себѣ общество вѣрующихъ — правильно или неправильно ихъ религіозное убѣжденіе, государству разбирать весьма трудно и едва ли необходимо, коль скоро они соблюдаютъ общіе законы — во время богослуженія, и станового, который во время этого богослуженія, входитъ съ шапкой на головѣ, въ алтарь, хлопаетъ священнодѣйствующаго по плечу и произноситъ: «Стой! не служи!» — «Погодите *баринъ*, дайте докончить службу», умоляетъ въ этомъ драгоцѣнно-наивномъ разговорѣ Большаковъ. Но *баринъ*-становой прерываетъ обрядъ, и смиряется только по распоряженію исправника, который выражаетъ мнѣніе, что «службу докончить можно».

Это возмутительное происшествіе можетъ еще быть объяснено невѣжествомъ становаго, и тѣмъ стыдъ такого случая въ 1867 году можетъ быть снятъ съ нашей общественной жизни. Но гораздо больнѣ слышать, что того же Большакова, самого его, а не становаго, обвиняютъ передъ новымъ судомъ, и обвиняютъ на основаніи положительной статьи закона, именно ст. 206 Уложенія о наказаніяхъ, которая «предусматриваетъ и наказуетъ» устройство моленной и совершеніе въ ней литургій по раскольническимъ обрядамъ.

Что значить оправданіе Большакова судомъ, не смотря на очевидныя улики и собственное его признаніе? Оно означаетъ, что общественная совѣсть протестуетъ и противъ законоположенія, уцѣлѣвшаго изъ старины, и противъ административнаго взгляда на дѣла совѣсти, уже несогласнаго со смысломъ общей гуманной реформы, которою гордится современная Россія. «Вольше свѣту, свѣту» — скажемъ мы, какъ умирающій поэтъ-философъ Германіи. Ограничивая, контролируя дѣйствія, которыя могутъ быть опасными государству, дайте свободу совѣсти, которая не можетъ быть опасна ничему, кромѣ застою среди признанныхъ установленій, и изувѣрства среди непризнанныхъ сектъ. Духъ времени говорить слишкомъ ясно, и великая реформа современности, послѣ эманципаціи труда, очевидно требуетъ эманципаціи совѣсти.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) апрѣля, 1869.

Французскій законодательный корпусъ. — Прусскіе парламенты. — Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. — Сѣверо-американскіе Штаты и избраніе новаго президента. — Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. — Жизнь Гранта и его политическія идеи. — Билль Гладстона объ ирландской церкви.

Въ ту минуту, когда въ Европѣ улаживается какое-нибудь важное затрудненіе и разрѣшается важный вопросъ, занимавшій въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ недѣль общественныя умы, мы можемъ быть увѣрены, что непремѣнно явится новое, на первый взглядъ незначительное, событіе, которое тѣмъ не менѣе не замедлитъ въ свою очередь превратиться въ вопросъ, сначала второстепенной, а потомъ и первостепенной важности. Вѣрный знакъ напряженнаго состоянія умовъ! Дѣйствительно, не успѣвъ улежаться восточный вопросъ, благодаря соединенію всѣхъ сильныхъ противъ одного слабаго, какъ изъ-за него показалось событіе совершенно ничтожное, о которомъ мы имѣли случай упомянуть мимоходомъ въ послѣднемъ иностранномъ обзорѣ. Это дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ и о передачѣ одной изъ главныхъ линій въ руки французской компаніи. Не успѣвъ выясниться вопросъ объ отношеніи между Франціею и Бельгіею въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ вокругъ него стали агитироваться самыя разнородныя предположенія и подыматься облака самаго безпокойнаго и опаснаго свойства. Нечего и говорить, что тотъ вопросъ получалъ важность вовсе не самъ по себѣ, а по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя при неблагоприятномъ вѣтрѣ онъ могъ повести за собою. Пруссія немедленно устремила свой взоръ на столкновеніе бельгійскаго министерства Фреръ-Орбана съ французскимъ правительствомъ, стараясь предупредить всякое попятное послѣдняго, прямое или косвенное, на независимость маленькой Бельгіи. «Маленькая Бельгія не слаба» — говорила Пруссія въ лицѣ своей официальной прессы, намекая на то, что она не оставитъ ее безъ помощи, если бы дѣло дошло до

чего-нибудь серьезнаго. Англія, съ своей стороны, убѣждаясь все болѣе и болѣе, какъ пагубно дѣйствуетъ ея политика невмѣшательства, и какъ невыгодно отзывается она на ея собственныхъ дѣлахъ, терпящихъ отъ постоянныхъ опасеній войны на континентѣ, одинаково поспѣшила вмѣшаться въ это дѣло, и, не подливая масла въ огонь, подобно Пруссіи, но колеблясь на обѣ стороны, она успѣла довести ихъ до соглашенія. Чѣмъ кончится этотъ франко-бельгійскій вопросъ — мы не будемъ имѣть смѣлости утверждать, хотя онъ и принялъ самый благопріятный оборотъ. Благодаря, какъ мы сказали, вліянію Англіи, бельгійское и французское правительства пришли къ чрезвычайно мирному рѣшенію назначить комиссію изъ бельгійскихъ и французскихъ представителей, которые бы и опредѣлили условія соглашенія. Франція воспользовалась представившимся ей случаемъ, и поставила на видъ бельгійскому правительству, какъ важно было бы не только улаженіе возникнущаго столкновенія, но и измѣненіе вообще нѣкоторыхъ пунктовъ, касающихся торговыхъ отношеній двухъ націй. Въ этомъ стремленіи осуществить между Бельгіею и Франціею тотъ самый таможенный союзъ, который связываетъ уже Сѣверную и Южную Германію, и лежитъ можетъ быть зародышъ всевозможныхъ затрудненій и столкновеній. Мы говоримъ «можетъ быть» потому, что при такомъ колеблющемся состояніи, среди котораго живетъ Западная Европа, нѣтъ ничего вѣрнаго и прочнаго. Какъ простой случай возбудилъ немедленно воинственное настроеніе, какъ счастливая случайность понизила высокій тонъ, такъ точно же и простой случай можетъ снова поднять его и привести къ той развязкѣ натянутого положенія Европы, которая ожидается съ фатальнаго дня битвы при Садовѣ. Бельгійскій вопросъ имѣетъ много сходства съ Люксембургскимъ, который два года назадъ едва было не привелъ Пруссію и Францію къ кровавому столкновенію; съ тѣхъ поръ взаимное отношеніе и взаимное чувство этихъ двухъ странъ нисколько не измѣнилось; напротивъ, правительства обѣихъ націй сдѣлали все, что могли, чтобы разжечь обоюдную неприязнь. Если случай, какъ выразился не такъ давно графъ Бисмаркъ, два раза избавилъ въ прошломъ году Европу отъ страшной рѣзни, то тотъ же случай можетъ на этотъ разъ оказать и плохую услугу.

Франко-бельгійскій вопросъ тѣмъ болѣе долженъ былъ встревожить Европу, что рядомъ съ нимъ въ закулисномъ дипломатическомъ мірѣ, такъ по крайней мѣрѣ догадывалось европейское общество, происходила какая-то тайная игра. Очень вѣроятно, что во всѣхъ разѣздахъ, пріѣздахъ, отѣздахъ, во всѣхъ странствованіяхъ дипломатовъ и привѣтствіяхъ, расточаемыхъ другъ другу различными властями, нѣтъ еще ничего опредѣленнаго и предзнаменовательнаго въ области воинственныхъ или мирныхъ предположеній. Но увѣренности, разумѣется, никто не можетъ имѣть, что всѣ подобныя передвиженія

не принесутъ никакого результата въ близкомъ будущемъ. Для чего, спрашиваютъ, отозванъ изъ Флоренціи прусскій посланникъ графъ Узедомъ, знаменитый переданною имъ Ламарморѣ депешей, въ которой развивался планъ послѣдовавшей атаки Австріи въ 1866 году, для чего итальянскій посланникъ при французскомъ дворѣ Нигра отправился во Флоренцію, для чего вернулся въ Парижъ изъ Вѣны французскій посолъ герцогъ Граммонъ; что означаютъ собою всѣ эти любезности, которыми обмѣниваются Францъ Іосифъ и Викторъ Эммануилъ, зачѣмъ австрійскій эрцъ-герцогъ обѣдаетъ въ Вѣнѣ у итальянскаго посланника маркиза Пеполи, и для чего итальянскій король посылаетъ одного изъ своихъ генераловъ съ цѣлою свитою привѣтствовать въ Триестѣ австрійскаго императора, для чего и зачѣмъ, зачѣмъ и для чего?—вотъ что слышится во всей европейской прессѣ, готовой видѣть въ каждомъ шагѣ любого посланника новый шагъ къ ожесточенной войнѣ. Кто можетъ винить прессу — это выраженіе общественнаго мнѣнія, за то, что вниманіе ея поглощается подобными вопросами, когда она не находитъ, и когда нѣтъ въ дѣйствительности болѣе разумныхъ основъ, по которымъ можно было бы судить о приближеніи или отдаленіи грознаго народнаго бича. Общество живетъ какъ въ туманѣ, оно идетъ и отыскиваетъ съ зажмуренными глазами всѣ тѣ внѣшніе признаки, за которые можетъ только ухватиться для опредѣленія предстоящей ему будущности. Оно не знаетъ, дѣлаются ли всѣ подобныя передвиженія спроста, или подъ ними скрывается зародышъ какого-нибудь наступательнаго и оборонительнаго союза. Отсюда и выходятъ именно всѣ слухи болѣе или менѣе достовѣрные, смущающіе покой европейскаго общества. Рѣдко слухъ былъ болѣе упоренъ, какъ слухъ о союзѣ Австріи, Италіи и Франціи въ виду войны между Пруссіею и Франціею, которая предсказывается уже болѣе двухъ лѣтъ, войны съ трепетомъ ожидаемой каждую весну, благодаря стараніямъ самихъ правительствъ, разоряющихъ народы содержаніемъ громаднхъ армій и громадными военными приготовленіями. До тѣхъ поръ общество должно будетъ заниматься переѣздами дипломатовъ, до тѣхъ поръ въ нихъ оно должно будетъ отыскивать признаки воинственнаго или мирнаго настроенія правительствъ, пока это священное право войны и мира будетъ находиться въ рукахъ однихъ Наполеоновъ, пока произволъ, руководящійся только мелкими династическими интересами, будетъ имѣть власть рѣшать судьбы народовъ, посылая на бойню или даруя жизнь сотнямъ тысячъ людей. Только тогда, когда вездѣ въ Европѣ личное начало будетъ замѣнено настоящимъ народнымъ представительствомъ и въ основаніи международныхъ отношеній будутъ лежать народныя выгоды, а не частныя расчеты, тогда только общество перестанетъ волноваться отъ

любого ничтожнаго повода, будетъ ли то передвиженіе какого-нибудь дипломата или таинственное слово, упавшее съ устъ Висмарка или Руэра.

При томъ значеніи, которое приобрѣла Франція въ дѣлахъ Европы, ея внутреннее состояніе представляетъ большую важность. А во Франціи, въ послѣднее время, нельзя не замѣтить поворота къ лучшему. Пробудившаяся жизнь тотчасъ же отразилась на самомъ правительствѣ, которое испытало въ послѣднее время одну неудачу за другою. Если въ послѣдній разъ мы говорили о неприятомъ сюрпризѣ, который устроилъ сенатъ, то въ этотъ разъ мы должны занести въ нашу хронику неудачу, постигнувшую правительство въ законодательномъ корпусѣ. Мы говоримъ о шумныхъ преніяхъ по поводу парижскаго бюджета, вызвавшихъ въ цѣлой Франціи громкое негодованіе противъ обвиненнаго правительства. Оно обвинялось въ цѣломъ рядѣ беззаконій, произвольныхъ дѣйствій, въ страшной затратѣ болѣе нежели 450 милліоновъ франковъ для украшенія города Парижа, колоссальной суммы занятой имъ у *Crédit foncier*, точно также виновнаго въ томъ, что онъ дѣлалъ ссуды, выговаривая себѣ незаконно выгодныя условія. Однимъ словомъ, это была минута расплаты правительства за его безцеремонное обращеніе съ общественными деньгами: подведены были счеты тому, что стоила передѣлка и украшеніе города, которымъ правительство постоянно хвасталось. Нападеніе на правительство было самое ожесточенное какъ со стороны всей оппозиціи, такъ и нѣкоторыхъ членовъ большинства; министры, защищавшіе правительство, не знали куда имъ дѣться, они терялись, краснѣли, чувствовали, что полъ проваливается подъ ногами отъ сильнаго натиска Тьера, Пикара и другихъ. Наконецъ, государственный министр Руэръ, видя, что дѣлать нечего, что баталія потеряна и что нужно только спасти отъ отвѣтственности и обвиненія въ беззаконіи главу государства, быстро перешелъ какъ бы на сторону оппозиціи, обвиняя въ свою очередь парижскаго префекта Гаусмана, какъ будто бы онъ одинъ былъ виновенъ во всѣхъ совершенныхъ беззаконіяхъ, и какъ будто бы правительство ничего подобнаго не подозрѣвало. Маневръ этотъ удался, благодаря тому, что «лежачаго не бьютъ», но тѣмъ не менѣе правительство еще разъ и очень сильно скомпрометировалось передъ цѣлою Франціей, потому что всякій хорошо понимаетъ, что произволъ Гаусмана есть только слѣдствіе произвола Наполеона, и что въ этомъ дѣлѣ не столько виновато отдѣльное лицо, сколько цѣлая система правительства. Сколько бы Руэръ ни обвинялъ Гаусмана, а общество переводитъ обвиненія на того, кто сдѣлалъ возможнымъ подобнаго префекта.

Но если въ одной странѣ произволъ началъ терять въ силѣ, за то въ другой онъ въ ней выигрываетъ, вѣроятно для того, чтобы равновѣсіе не очень нарушалось; такъ напр., въ той счастливой Прус-

сія, которая считаетъ себя первымъ государствомъ въ мірѣ, произвожь сдѣлать значительные успѣхи въ послѣдніе два-три года. Садова потребовала себѣ въ жертву не только всѣ вольности народа, но даже и часть его здраваго смысла. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какой бы то ни было парламентъ, даже совсѣмъ ничтожный по своему существу, лучше чѣмъ никакой, потому что изъ дурного можетъ образоваться мало-по-малу и хорошій, а изъ ничего и не можетъ выйти ничего. Но рядомъ съ этимъ нельзя не признать крайне грустнымъ явленіе, когда парламентъ, пользовавшійся прежде свободою въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, и умѣвшій съ честью бороться съ правительствомъ, когда оно посягало на народныя права, бывшій однимъ словомъ такимъ представительнымъ собраніемъ, къ которому само правительство относилось съ уваженіемъ, хотя часто и съ враждою, теперь является ничѣмъ инымъ, какъ безсловеснымъ орудіемъ въ рукахъ власти. Близкое къ этому случилось и съ прусскимъ парламентаризмомъ. До войны 1866 года, прусскій парламентъ жилъ въ постоянной ссорѣ съ правительствомъ, и далеко не безъ причины; оно постоянно стремилось нарушать конституцію, парламентъ сопротивлялся, нѣсколько разъ сраду его разгоняли, но, тѣмъ не менѣе, упорная оппозиція парламента удерживала нѣсколько правительство на его пути своеволія и произвола. Плоти́на прорвалась подъ напоромъ военной славы, которою покрылось прусское оружіе. Умъ нѣмцевъ отуманился, они пали ницъ передъ тѣми, противъ которыхъ такъ недавно еще вели ожесточенную борьбу. Свобода, право, законность потеряла для нихъ свой prestige — графъ Бисмаркъ и король Вильгельмъ сдѣлались полновластными властелинами, а парламентъ игрушкою въ ихъ рукахъ. Въ эти минуты они безнаказанно могли бы уничтожить всякій слѣдъ парламента, конституціи, но графъ Бисмаркъ поступилъ благоразумнѣе. Въмѣсто одного парламента онъ далъ своимъ пруссакамъ цѣлыхъ три: 1) прусскій, 2) федеральный и 3) таможенный,—можетъ быть, надѣясь, что благодаря такому обилію парламентовъ и почти непрерывающейся сессіи то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ, парламентаризмъ, который такъ хорошо понимали пруссаки до 66 года, пріѣтется и опротивитъ имъ. Едвали этотъ замѣчательный государственный человѣкъ не достигъ своей цѣли. Своимъ депутатамъ онъ не даетъ никакой пощады. Многіе изъ засѣдающихъ въ прусскомъ парламентѣ, засѣдаютъ также и въ парламентѣ Сѣверо-Германскаго Союза, а также и въ таможенномъ. Бисмаркъ не даетъ имъ ни одного дня, ни одной минуты отдыха, сегодня закрывается одинъ, завтра открывается другой и т. д.

Ничто не можетъ быть характеристичнѣе словъ, сказанныхъ графомъ Бисмаркомъ депутату Твестену, когда этотъ спросилъ, зачѣмъ правительство спѣшить созывать одинъ парламентъ за другимъ и не даетъ

депутатамъ хотя нѣсколько дней отдыха? «Вы слишкомъ любопытны», отвѣчалъ ему графъ Бисмаркъ съ легкой усмѣшкою, за которою послѣдовалъ **громкій хохотъ** большинства палаты. Когда министръ позволилъ себѣ такъ безцеремонно обращаться съ однимъ изъ народныхъ представителей, тогда разумѣется нечего ожидать, чтобы то или другое парламентское засѣданіе представляло собою большой интересъ. Одинъ парламентъ смѣняется другимъ, одна сессія будетъ слѣдовать за другою, правительство болѣе для формы будетъ представлять на обсужденіе парламента свой бюджетъ, принимаемыя имъ мѣры, различные проекты—впередъ можно быть увѣреннымъ, что всякое слово будетъ закономъ, но жизни въ этихъ собраніяхъ ожидать нечего. На дняхъ произошло закрытіе прусскаго парламента и открытіе федеральнаго; тому и другому предшествовали королевскія рѣчи, но ни объ этихъ рѣчахъ, ни о засѣданіяхъ, ни о цѣлой сессіи прусскаго парламента совершенно нечего говорить, все въ нихъ такъ безцвѣтно, такъ безжизненно.

Если впрочемъ правительство и его министры обращаются съ народными представителями такъ, а не иначе, то въ этомъ обращеніи, обращикъ котораго мы представили въ отвѣтѣ графа Бисмарка, нужно гораздо болѣе винить самихъ народныхъ представителей и большинство собраній, чѣмъ правительство и его министровъ. Вездѣ почти большинство является деспотическимъ, заносчивымъ, рѣзкимъ, не умѣющимъ относиться разумно къ представленіямъ, которыя дѣлаются меньшинствомъ; вотъ почему особенно пріятно видѣть, что въ Испаніи, на которую сыпались и продолжаютъ сыпаться такъ много грустныхъ предсказаній, большинство въ кортесахъ выказываетъ несравненно большую терпимость и уваженіе къ меньшинству, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, откуда шли дурныя пророчества. Одно изъ самыхъ главныхъ предложеній республиканскаго меньшинства было принято во вниманіе монархическимъ большинствомъ кортесовъ, и если это предложеніе не было осуществлено немедленно, то тѣмъ не менѣе было рѣшено дать силу закона предложенію меньшинства, начиная съ будущаго года. Мы говоримъ о требованіи уничтожить конскрипцію, и о замѣнѣ обязательно служащаго войска волонтерами. Нигдѣ эта мѣра не была бы такъ важна и такъ необходима, какъ въ Испаніи, видѣвшей и вынесшей столько военныхъ переворотовъ и такъ много пострадавшей отъ преобладанія военнаго элемента. Мѣрѣ этой должны были бы послѣдовать всѣ государства, которыя желаютъ избавиться отъ милитаризма, надъ нею хорошенько должна была бы подумать Пруссія и тѣ страны, для которыхъ прусскій духъ имѣетъ такую обаятельную силу. Замѣна обязательно служащаго войска волонтерами составляетъ первый и очень большой шагъ къ осуществленію самаго сильнаго изъ всѣхъ стремленій развитыхъ классовъ современнаго общества—къ уничтоженію постоян-

ныхъ армій. Только тогда, когда это стремленіе превратится въ дѣйствительность, западные государства освободятся, наконецъ, отъ того элемента, который всегда служилъ и продолжаетъ служить крѣпкимъ орудіемъ деспотизма. Въ этомъ году такимъ образомъ въ Испаніи будетъ сдѣланъ послѣдній рекрутскій наборъ въ 25,000 человекъ. Помимо этой важной и вполнѣ разумной мѣры, засѣданія кортесовъ ничѣмъ особенно не были ознаменованы, если не считать замѣчательнымъ то засѣданіе, въ которое довольно ярко обрисовалась политика министерства по отношенію избранія въ короли герцога Монпансье. Хотя никто не произнесъ этого имени, какъ кандидата на испанскій престолъ, тѣмъ не менѣе пренія, которыя возникли по поводу этого принца, и слова произнесенныя какъ маршаломъ Примомъ, такъ и адмираломъ Тонете, ясно обозначали, къ кому лежитъ сердце главныхъ членовъ министерства. Можно смѣло сказать, что это засѣданіе было свидѣтелемъ первой перестрѣлки въ кортесахъ между приверженцами республики и партизанами монархіи, составляющими значительное большинство, которому и будетъ принадлежать окончательная побѣда. Если маршалъ Серрано и остановилъ возникшій споръ о герцогѣ Монпансье, объявивъ преждевременными пренія о томъ, что должно восторжествовать въ Испаніи—монархія или республика, то онъ сдѣлалъ это единственно ради сохраненія формы, потому что всѣ, даже республиканцы, безъ сомнѣнія, хорошо сознаютъ, какой исходъ получить Сентябрьская революція. Если многіе въ Испаніи убѣждены въ томъ, что Орлеанскій принцъ вступить на несчастный престолъ Карла V и Филиппа II, то далеко не всѣ увѣрены, что новая династія составитъ счастье Испаніи. Время покажетъ, какая изъ двухъ партій была права, республиканская или монархическая, что выгоднѣе для Испаніи—монархія или республика; во всякомъ случаѣ, со вступленіемъ на престолъ Антонія I или кого-нибудь другого, нельзя еще будетъ поручиться, что періодъ испытаній навсегда окончился для Испаніи. Замѣна одной династіи другою не есть еще гарантія, что свобода упрочится въ этой странѣ; и если кортесы не выработаютъ такой гранитной конституціи, о которую разбивалась бы всякая попытка къ нарушенію народныхъ правъ, тогда, кто знаетъ, не увидимъ ли мы болѣе или менѣе въ близкомъ будущемъ снова той печальной картины, которую представляла собою Испанія въ мрачную эпоху Бурбоновъ. Правда, ходъ всей революціи до настоящей минуты, энергія, а вмѣстѣ умѣренность партій, не стѣснявшихъ свободы дѣйствія другъ друга, уважавшихъ представителя мнѣній, терпимость, обнаруженная почти всѣми, подсказываетъ намъ будто, что Испанія достаточно созрѣла, чтобы не допустить къ себѣ возвращенія дикаго деспотизма, господствовавшаго цѣлые вѣка; но твердая увѣренность въ томъ, что нація не предастъ себя

ни въ чье иго, можетъ быть только тамъ, гдѣ свобода вошла въ нравы, въ кровь и плоть народа.

Чтобы найти такую утѣшительную картину, мы должны оставить Испанію, оставить даже весь европейскій континентъ и отправиться искать ее среди той англо-саксонской расы, которая широко раскинулась по Старому и по Новому Свѣту. Англія и Соединенные-Штаты— вотъ двѣ страны, обладающія крѣпкимъ и здоровымъ политическимъ организмомъ, которымъ могутъ только завидовать всѣ остальные. Америка сразу, однимъ геройскимъ усиленіемъ, достигла и выработала себѣ ту форму правленія, къ которой Англія идетъ твердымъ, но осторожнымъ путемъ. Болѣе тяжелого испытанія для политическаго устройства Америки невозможно было придумать, какъ тѣ событія, которыя наполнили собою послѣднія восемь лѣтъ, составившія безсмертную эпоху американской исторіи. Можно смѣло сказать, что только теперь, только 4-го марта 1869 года окончился для американскаго народа этотъ тяжелый періодъ испытанія. Въ этотъ навсегда памятный день окончилось жалкое правленіе Джонсона, и генераль Грантъ сдѣлался президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Не столько можно радоваться вступленію въ должность президента генерала Гранта, который, выказавъ талантъ полководца, ничѣмъ однако не доказалъ еще своихъ способностей какъ государственный человѣкъ, сколько окончанію президентства Джонсона, оставившаго по себѣ такую сомнительную память. Впрочемъ, если даже генераль Грантъ и лишень замѣчательныхъ способностей государственнаго человѣка, то американская республика отъ этого мало что потеряетъ. Она поставлена въ такія условія, что вовсе не нуждается въ гениальности президента или кого-нибудь другого, все, что требуется отъ него—это честность, благоразуміе, здравый смыслъ и уваженіе къ закону. Если генераль Грантъ обладаетъ только этими одними качествами, чему онъ далъ уже доказательство на военномъ поприщѣ, то можно впередъ предсказать, что періодъ его президентства дастъ Америкѣ самые благодѣтельные результаты. Давно уже Соединенные-Штаты не пользовались внутреннимъ миромъ, водвориться которому поможетъ—они въ этомъ увѣрены—генераль Грантъ; и давно вмѣстѣ съ тѣмъ на президентское кресло не садился человѣкъ съ такою всесвѣтною славой, составленною Грантомъ во время кровавой гражданской войны.

Восемь лѣтъ тому назадъ во дворецъ президента, носящій скромное имя White house, вступалъ человѣкъ мало извѣстный, сопровождавшійся туда едва сдержаннымъ ропотомъ значительной части націи. Вскорѣ по его вступленіи, открылась страшная гражданская война, длившаяся четыре длинныхъ ужасныхъ года, полныхъ разоренія, опустошенія, цѣлаго моря крови и цѣлыхъ горъ человѣческихъ труповъ. Четыре года отчаянія, четыре года печали и всеобщаго траура. Мино-

всталась эта грозная эпоха и въ «Бѣлый домъ» снова вступаетъ тотъ же неизвѣстный человѣкъ, имя котораго четыре года назадъ напутствовало-
лось ропотомъ и глухимъ негодованіемъ. Теперь этотъ темный человѣкъ извѣстенъ цѣлому міру, имя его окружено всесвѣтлымъ почетомъ и уваженіемъ; на него смотритъ теперь его родина какъ на второго основателя республики—новый Вашингтонъ зовется Авраамомъ Линкольномъ. Но не прошло и нѣсколькихъ недѣль, что на Линкольна во второй разъ возложили званіе президента, какъ среди ярко освѣщенной театральной залы онъ падаетъ отъ руки убійцы. Впрочемъ, трагическая смерть, пролитая кровь этого «честнаго» человѣка закрѣпила только и утвердила то, чему онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни. Рабство было уничтожено, южные штаты не были отторгнуты отъ сѣверныхъ! Но если достигнута была главная цѣль, то впереди еще оставалось трудное дѣло умиротворенія, возстановленія и упроченія союза съ южными штатами, которые были побѣждены, но долго еще не должны были быть соединены съ сѣверными прежнею дружескою цѣпью; союзу былъ нанесенъ чуть не смертельный ударъ, а для того, чтобы уврачевать его необходима была твердая, но вполнѣ искусная и любящая рука Линкольна. Смерть вырвала у него это дѣло и бросила въ руки человѣка, сдѣлавшагося его случайнымъ преемникомъ.

Менѣе чѣмъ кто-нибудь, Андрей Джонсонъ способенъ былъ продолжать дѣло Линкольна. Вмѣсто того, чтобы строго, неотступно слѣдовать политикѣ своего предшественника, во всемъ ставя его себѣ примѣромъ, этотъ нечаянный президентъ воспользовался смертью Линкольна, чтобы начать новую политику, проводить другія начала и поступать въ противность тому, что онъ долженъ былъ дѣлать. Неприготовленному и мало способному для такого званія, какъ званіе президента, Джонсону захотѣлось играть роль, онъ сталъ претендовать на какую-то безграничную власть, и прикинулся вообще человекомъ, ниспосланнымъ тоже, должно быть, провидѣніемъ, предназначеннымъ поставить Америку на новую дорогу. Дорога, на которую онъ хотѣлъ бросить Соединенные-Штаты, была бы для нихъ дорогою паденія и общаго разоренія. Дѣло въ томъ, что Джонсону хотѣлось доставить торжество своимъ симпатіямъ; симпатіи же эти были на сторонѣ южныхъ штатовъ, а слѣдовательно и на сторонѣ рабства и расторженія союза. Но въ Америкѣ не такъ легко играть роль человѣка, брошеннаго на землю самымъ небомъ для спасенія людей — старая Европа продолжаетъ до сихъ поръ еще служить ареною для подобнаго рода героевъ, и Джонсону только хотѣлось попробовать, не поддастся ли этому и американская почва. Къ счастью, Америкѣ не нужно предназначенныхъ небомъ спасителей націй, вѣрная конституція замѣняетъ ихъ съ выгодой для народа. Джонсонъ, вѣроятно надѣясь, что конституція разслаблена гражданскою войной, захотѣлъ выйти изъ

области простого исполнителя закона, но на первомъ же шагѣ получилъ жестокий отпоръ. Законъ стоялъ непоколебимо на своемъ мѣстѣ, подъ самою бдительною стражею всего народа и его представителя — конгресса. Чтобы покачнуть этотъ законъ, случайному президенту нужно было покачнуть конгрессъ, но на это не хватило силъ у честолюбиваго Джонсона. Началась лютая вражда между президентомъ и конгрессомъ, которая весною прошлаго года привела къ тому, что президентъ Соединенныхъ-Штатовъ былъ отданъ подъ судъ. Хотя большинство и признало его виноватымъ, но такъ какъ для осужденія требовалось двѣ трети голосовъ, то Джонсонъ избѣгъ позора быть изгнаннымъ изъ «Бѣлаго дома», благодаря тому, что одинъ или два голоса изъ враждебной ему республиканской партіи вотировали за оправданіе. Безъ сомнѣнія, для всякаго другого такое оправданіе было бы хуже обвиненія, но онъ предпочелъ вынести на себѣ чуть не всеобщее презрѣніе, лишь бы не упустить изъ своихъ рукъ власти, столь пагубной для его репутаціи честнаго человека. Цѣлый годъ почти онъ оставался еще президентомъ въ то время, когда каждый лишній день его власти былъ вреденъ для союза, онъ поддерживалъ раздраженіе между сѣверными и южными штатами, и разумѣется, еслибы это было только въ его власти, онъ снова поднималъ бы югъ на сѣверъ, снова развилъ бы знамя и снова зажегъ бы гражданскую войну. Весь вредъ, который онъ могъ нанести республикѣ, онъ нанесъ. Онъ допустилъ, чтобы къ администраціи привился гной продажности и корыстолюбія, и такимъ образомъ сдѣлалъ задачу своего преемника несравненно труднѣе. Какъ Линкольнъ, сходя въ могилу, оставилъ Соединенные-Штаты хотя разслабленными четырехлѣтнею войною, но окруженными всеобщимъ уваженіемъ и какимъ-то благоговѣніемъ къ исполнцкой силѣ молодой республики, такъ Джонсонъ сдѣлалъ все, чтобы ослабить довѣріе къ могуществу страны. Самолюбивая и пагубная политика Джонсона, благодаря стойкости американскихъ учреждений, не только не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ, но не доставила президенту ни любви, ни уваженія, ни преданности даже той партіи сепаратистовъ-рабовладѣльцевъ, которой онъ служилъ съ такою преданностью и рвеніемъ. Онъ съ горечью долженъ былъ убѣдиться въ томъ, когда наступило время избранія новаго президента. Джонсонъ былъ покинутъ своими, и никому не пришлось въ голову выставить его имя какъ кандидата на новое четырехлѣтіе. Навлеченный имъ на себя позоръ былъ какъ нельзя болѣе заслуженъ имъ. 4-го ноября, сдѣлалось извѣстнымъ избраніе въ президенты генерала Гранта, и съ этихъ поръ началась, такъ сказать, послѣдняя агонія Джонсона. Даже въ это время онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы продолжать упорную, но безплодную войну съ конгрессомъ. Наконецъ, 4 марта окончился этотъ несчастный четырехлѣтній періодъ президентства

Джонсона, и лучшее, на что может надеяться человекъ, передъ которымъ лежала такая славная задача—быть продолжателемъ Линкольна и горячимъ поборникомъ возстановленія союза, но который употребилъ только во зло возложенное на него фатальнымъ случаемъ званіе,—это быть совершенно забытымъ и затертымъ исторіею, потеряннымъ между благоговѣніемъ, которое окружаетъ память его предшественника и уваженіемъ, пріобрѣтеннымъ его преемникомъ. Полное забвеніе — вотъ большая милость, которая можетъ выпасть на долю Джонсона. Если таковъ надъ нимъ судъ современниковъ, который, разумѣется, перейдетъ и въ потомство, то не таковъ судъ, который творитъ надъ собою самъ Джонсонъ. Его вѣра въ самого себя непоколебима, онъ правъ и всѣ остальные виноваты — вотъ что прямо вытекаетъ изъ послѣдняго прощальнаго слова, съ которымъ онъ обратился къ американскому народу. Онъ обращается къ главнымъ событіямъ, совершившимся въ теченіи четырехъ лѣтъ его президентства, и вездѣ ищетъ только одного обвиненія конгресса. Въ этой непогрѣшимости, которою онъ окружаетъ себя, видна какая-то злоба, упрямство и оскорбленное самолюбіе, прикрываемое безграничною любовію къ своей родинѣ и къ конституціи, которую онъ не разъ пытался нарушить: «Разсматривая съ спокойствіемъ — говоритъ Джонсонъ въ этомъ любопытномъ документѣ — всѣ дѣйствія моего управленія и проникаясь отвѣтственностью передъ Богомъ, я чувствую, что я добросовѣстно исполнилъ мою обязанность. Мнѣ не о чемъ сожалѣть. Событія доказали мудрость политики, которая выставлена была, какъ въ первомъ посланіи, такъ и въ послѣдующихъ». Да, въ самомъ дѣлѣ большая мудрость, которая, еслибы была предоставлена самой себѣ, то не замедлила бы привести республику на край гибели. Прощальное слово Джонсона занимаетъ нѣсколько столбцовъ газеты, въ немъ онъ явился тѣмъ же, чѣмъ во все время своей дѣятельности: страсть къ безконечнымъ рѣчамъ и страсть къ выказыванію себя составляли всегда его отличительныя качества. Полную противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ новый президентъ, генераль Грантъ, къ которому какъ нельзя болѣе идетъ эпитетъ: молчаливый. Только теперь на президентское кресло садится желаемый и дѣйствительно избранный народною волею преемникъ Линкольна. Ни о комъ нельзя сказать съ такою полною правдивостію, что онъ не искалъ почета, не искалъ популярности и не искалъ предложеннаго ему званія, какъ объ Улиссѣ Грантѣ. Скрывшись или почти скрывшись съ политической сцены послѣ окончанія гражданской войны, оставаясь, правда, главнокомандующимъ арміею, но не играя и не желая играть никакой роли лѣтомъ прошлаго года, Грантъ, или вѣрнѣе его имя, снова наполняетъ собою всѣ умы, всѣ разговоры, всю прессу. Онъ былъ избранъ республиканскою партіею въ кандидаты на должность президента, вы-

борьбы котораго должны были быть произведены въ ноябрѣ 68 года. Положеніе его было совершенно привилегированное; пользуясь огромною популярностью, оказывая республикѣ неоцѣненные услуги на военномъ поприщѣ, и имѣя все право на уваженіе, благодарность и извѣстную роль въ странѣ, онъ отошелъ въ тѣнь и держался болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и отъ ихъ борьбы между собою. Его имя было настолько нейтрально, что партія, которая носитъ не совсѣмъ соответствующее ей названіе демократической, одно время имѣла намѣреніе выставить Гранта, какъ своего кандидата. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Грантъ не пошелъ бы на подобное предложеніе, но оно показываетъ только, что если республиканская партія выбрала его своимъ кандидатомъ, то и противная ей партія смотритъ на его избраніе безъ всякаго неудовольствія. Подобное положеніе является совершенно исключительнымъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Избираемый при такихъ условіяхъ Грантъ могъ быть увѣренъ въ полной побѣдѣ, и всеобщія ожиданія оправдались какъ нельзя болѣе. Изъ тридцати семи штатовъ, составляющихъ союзъ, только тридцать четыре принимали участіе въ избраніи президента и вице-президента; три же остальные штата, не подчинившись до сихъ поръ законамъ перестройки союза, лишены въ немъ права голоса. Изъ тридцати же четырехъ во-тировавшихъ штатовъ двадцать пять произнесли за президента Гранта и вице-президента Кольфакса, остальные же девять штатовъ были въ пользу демократическихъ кандидатовъ Гораціо Симура и Влера. 4 ноября прекратилась борьба двухъ спорившихъ партій, и всѣ глаза устремились на счастливаго побѣдителя Ричмонда. Съ 4 ноября прошло цѣлое четыре мѣсяца, и во все это время Грантъ ни на минуту не измѣнилъ своему характеру; онъ тщательно укрывался отъ взоровъ всего общества, и до 4 марта, т. е. до дня вступленія въ «Бѣлый домъ», жилъ въ самомъ полномъ уединеніи.

Жизнь новаго президента, біографія его, не представляетъ собою ничего необыкновеннаго. Онъ родился 27 апрѣля 1822 года и въ дѣтствѣ совершенно не выказывалъ тѣхъ способностей, которыя впоследствии доставили ему такую большую военную славу. Рассказываютъ, что мать его, вмѣсто того, чтобы звать его Ulysses, называла его обыкновенно Useless, что значитъ бесполезный. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, онъ поступилъ въ одну изъ военныхъ американскихъ школъ, откуда вышелъ въ 1843 году, но не бросилъ военной карьеры, а поступилъ на службу и въ 1846 году участвовалъ въ мексиканской войнѣ, гдѣ и получилъ чинъ капитана. Въ 1854 году, онъ вышелъ въ отставку и сталъ управлять кожевеннымъ заводомъ, принадлежавшимъ его отцу, потомъ бросилъ это дѣло и занялся земледѣліемъ, сдѣлавшись фермеромъ въ окрестностяхъ Saint-Louis, гдѣ и застало его начало гражданской войны. На военномъ поприщѣ онъ

не былъ, слѣдовательно, новичкомъ, онъ былъ хорошо подготовленъ, къ нему, что, впрочемъ, скоро и доказалъ на дѣлѣ самымъ блистательнымъ образомъ. Войдя сначала въ ряды волонтеровъ и отличившись нѣсколькими удачными столкновеніями, онъ былъ назначенъ въ 1861 г. адъютантомъ къ главнокомандующему войсками, но не долго оставался на этомъ мѣстѣ; произведенный въ полковники арміи, онъ принялъ начальство надъ значительнымъ корпусомъ волонтеровъ, и тутъ, благодаря нѣсколькимъ счастливымъ операціямъ, успѣлъ приобрести себѣ славу скромнаго, рѣшительнаго и увѣреннаго въ себѣ полководца. Переходя быстро съ одного поста на другой и постоянно возвышаясь, онъ выказалъ при осадѣ Вicksburga, одного изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ сепаратистовъ, способности выходящаго изъ ряда генерала. Вскорѣ ему было поручено главное начальство надъ всѣми западными арміями, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1864 г., онъ былъ назначенъ Линкольномъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ союза. Онъ началъ гигантскія операціи въ Виргиніи, направивъ всѣ свои усилія противъ главнаго пункта, центра и сердца южной арміи—Ричмонда, и тутъ лицомъ къ лицу сталъ противъ смѣлаго и чрезвычайно-талантливаго генерала Ли—главнокомандующаго южныхъ войскъ. Послѣ лютой и упорной борьбы, въ которой оба главнокомандующіе выказали бездну таланта, энергіи, отваги, югъ началъ слабѣть. Въ осадѣ же Питерсбурга, въ осадѣ Ричмонда, Грантъ не зналъ усталости, и доказалъ всю свою непреодолимую стойкость и рѣшительность. Онъ преслѣдовалъ, тѣснилъ Ли все больше и больше, не давая ему ни одного дня, ни одного часа отдыха или перемирія. Нельзя не привести тутъ одной черты, которая хорошо обрисовываетъ характеръ новаго президента: когда Ли попросилъ нѣсколько часовъ перемирія, чтобы прибрать убитыхъ, Грантъ отвѣчалъ ему, что у него нѣтъ времени хоронить тѣла, которыя легли на полѣ брани. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ атакъ Ричмонда, послѣ долгаго времени Грантъ овладѣлъ Ричмондомъ и тѣмъ порѣшилъ поединокъ между сѣверомъ и югомъ. Южные штаты были побѣждены, и союзъ такимъ образомъ былъ восстановленъ, благодаря побѣдамъ молодого генерала. 3-го апрѣля 1865 года окончилась одна изъ самыхъ ужасныхъ гражданскихъ войнъ, когда либо вписанныхъ въ военныя лѣтописи, но сѣверъ не ликовалъ своей побѣдой, она досталась ему дорогою цѣною, и при томъ всякій зналъ, что побѣждены были родные братья, а при такой побѣдѣ чувство вражды быстро смѣняется чувствомъ сожалѣнія. Не прошло и нѣсколькихъ дней, что генералъ Ли сложилъ оружіе, какъ въ Вашингтонѣ разыгралась кровавая драма—Авраамъ Линкольнъ 14-го апрѣля палъ отъ руки убійцы. Въ это время генералъ Грантъ стоялъ во главѣ милліонной арміи, пользуясь громадною популярностью, громадною силою и властью. Пожелая онъ, послѣдовать примѣру европейскихъ побѣдоносныхъ генера-

ловъ, ему не было бы ничего легче, какъ бросить разслабленную гражданскою войною республику въ новую и можетъ быть болѣе страшную опасность; но въ этой пропитанной свободою странѣ уваженіе къ закону такъ велико, и вмѣстѣ честность генерала Гранта была такъ прочна, что ему ни на минуту не пришла въ голову мысль воспользоваться, благодаря своей арміи, тяжелыми обстоятельствами, въ которыя повергнута была республика смертію Линкольна. Напротивъ, въ эти трудныя минуты Грантъ подалъ всѣмъ гражданамъ примѣръ уваженія и подчиненія новому правительству. Какъ не сказать здѣсь объ одной характеристической чертѣ, выказывающей съ одной стороны силу американской конституціи, а съ другой, выставяющей Гранта какъ нельзя болѣе съ хорошей стороны. Не успѣлъ еще разсѣяться пороховой дымъ послѣдняго сраженія, какъ Грантъ, главнокомандующій всѣми войсками, употребляетъ самъ всѣ свои усилія, чтобы распустить эту миллионную армію, составлявшую его силу; лишь только дѣло это было окончено, какъ генералъ Грантъ сходитъ на задній планъ и занимаетъ самое скромное мѣсто, какъ будто бы въ погань его никогда не падали тысячи лавровыхъ вѣнковъ и какъ будто бы никогда онъ не былъ любимымъ народнымъ героемъ. Какъ до своего триумфа, такъ и послѣ онъ ни разу не отклонялся отъ самаго строгаго исполненія закона, сохраняя при этомъ самую полную личную независимость. Разумѣется, подобное поведеніе должно было возвысить его въ глазахъ народа и приобрести ему всеобщее уваженіе. Выборы 4-го ноября были краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ относятся американцы къ своему честному генералу. Вступленіе въ «Бѣлый домъ», было вознагражденіемъ и вмѣстѣ какъ бы благодарностію республики за славные и вполнѣ гражданское поведеніе Гранта во время кровопролитной войны. 4-го марта 1869 г. какъ бы заканчивается смутное время Соединенныхъ-Штатовъ и открывается новая эпоха для молодой еще республики.

Если справедливо, что только конецъ вѣнчаетъ дѣло, то важно также, чтобы и начало было счастливо, чтобы на первомъ шагѣ человѣкъ не оступился, а сталъ твердо на ноги. Такое начало сдѣлалъ именно генералъ Грантъ, и если на основаніи перваго впечатлѣнія можно судить о будущемъ, то смѣло можно предсказать, что на поприщѣ государственной дѣятельности онъ поддержитъ ту репутацію, которую приобрѣлъ на полѣ сраженія. Вступленіе его въ должность произошло безъ особеннаго торжества, и онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, чтобы отстранить помпу и блескъ. Онъ не желалъ ни баловъ, ни банкетовъ, и до самой минуты, когда онъ долженъ былъ приносить присягу въ качествѣ президента, онъ держалъ себя такъ какъ будто бы онъ никогда не долженъ былъ занять самаго важнаго поста въ республикѣ. Никакихъ рѣчей, никакихъ заяв-

леній, и только одинъ разъ онъ произнесъ нѣсколько словъ передъ тѣми, которые явились къ нему отъ имени конгресса, чтобы извѣстить его официально объ избраніи его въ президенты. Смыслъ этихъ нѣсколькихъ лаконическихъ словъ былъ тотъ, что онъ не желаетъ заранѣе объявлять, какія лица займутъ мѣста въ его кабинетѣ.

Въ день вступленія его въ должность президента онъ выпустилъ прокламацію къ народу, которая можетъ служить если не программой его будущей дѣятельности, то, что гораздо важнѣе, какъ profession de foi новаго президента, въ которомъ онъ ярко и вмѣстѣ сжато высказываетъ, какъ понимаетъ онъ свою обязанность и какъ онъ намѣренъ ее исполнять. Нельзя достаточно сосредоточиться на этомъ драгоценномъ документѣ, свидѣтельствующемъ, съ одной стороны, о могучемъ здравомъ смыслѣ новаго президента и о честности его убѣжденій, и съ другой, о величии политическаго устройства Америки. Въ этой прокламаціи нельзя не признать удивительнаго достоинства и простоты, и тѣмъ болѣе поражаешься ея силою, чѣмъ живѣе припоминаешь себѣ неискреннія, безцвѣтныя рѣчи и всевозможные манифесты Наполеоновъ. «Я понимаю, говоритъ онъ въ этой прокламаціи, всю отвѣтственность своего поста, но я принимаю ее безъ боязни. Поста, порученнаго мнѣ, прибавляетъ онъ съ гордостью, я не просилъ». Не желая претендовать на власть, которая ему не принадлежитъ по закону, онъ будетъ пользоваться тою, которая ему принадлежитъ. Онъ не отказывается отъ своего права veto, каждый разъ, что онъ несогласенъ съ чѣмъ-нибудь, но всѣ законы, общаетъ онъ, будутъ строго исполняться, получили ли они его одобреніе или нѣтъ. У него будетъ своя политика, которую онъ всегда будетъ указывать націи, но ея волѣ она никогда не будетъ противорѣчить. Въ его прокламаціи, какъ нельзя болѣе лаконической, обличающей человѣка не любящаго лишнихъ фразъ, говорящаго только то, что вошло въ его убѣжденіе, не привыкшаго къ ораторскимъ эффектамъ, есть двѣ мысли, облеченныя въ такую твердую форму, какъ будто бы они были вылиты изъ свинца: «Законы—говоритъ онъ—должны властвовать надъ всѣми; имъ должны подчиняться какъ тѣ, которые ихъ одобрили, такъ и тѣ, которые имъ враждебны. Я не знаю болѣе дѣйствительнаго способа обезпечить отиѣну вредныхъ законовъ, какъ ихъ строгое исполненіе». Разумѣется, мысли эти имѣютъ особенное значеніе только въ такой странѣ, гдѣ законы создаются не по произволу отдѣльнаго лица, а представителями народа, въ виду «наибольшаго блага наибольшаго числа», которое, по словамъ Гранта, должно быть цѣлю всѣхъ стремленій. Въ этомъ заключаются такъ сказать общія положенія, высказанныя новымъ президентомъ, относительно обязанностей человѣка поставленнаго во главѣ правительства. Переходя за тѣмъ къ главнымъ вопросамъ, интересующимъ народъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ

на все отвѣчаетъ прямо и рѣшительно. Вопросъ, болѣе всѣхъ возмущавшій враждебныя партіи, касался способа уплаты долга, заключеннаго во время гражданской войны. Демократическая партія тянула на сторону уплаты бумагами, республиканская золотомъ. «Для сохранения національной чести, высказывается Грантъ, каждый долларъ правительственнаго долга долженъ быть уплаченъ золотомъ, если только въ условіяхъ займа не было выражено иначе». Подобное заявленіе, сдѣланное новымъ президентомъ, имѣетъ только то значеніе, что оно еще болѣе укрѣпляетъ довѣріе къ Соединеннымъ-Штатамъ, и показываетъ, какъ будетъ смотрѣть генералъ Грантъ на всѣ подобныя дѣла. Безусловная законность и справедливость — вотъ кажется девизъ, который онъ избираетъ себѣ. Другой вопросъ, поглощающій все вниманіе Соединенныхъ-Штатовъ, и произвождающій сильное волненіе — это рѣшеніе, до какой степени должно быть распространено право голоса на тѣхъ, которые такъ недавно были лишены чуть не всѣхъ человѣческихъ правъ. Президентъ Грантъ и тутъ высказывается въ самомъ либеральномъ духѣ, и становится на сторону радикальной республиканской партіи, внесшей предложеніе, чтобы право голоса было предоставлено всякому американцу безъ различія расы и цвѣта кожи. Когда предложеніе это вошло въ сенатъ, тогда онъ большинствомъ сорока голосовъ противъ шестнадцати принялъ еще болѣе важное предложеніе, въ которомъ говорится, что никакой американскій гражданинъ не можетъ быть лишенъ права голоса или права занимать общественную должность на основаніи его расы, цвѣта, мѣста рожденія, состоянія, воспитанія или вѣрованій. Высказываясь въ главныхъ вопросахъ такъ, какъ сдѣлалъ то Грантъ, онъ удостовѣрилъ тѣмъ, что новый президентъ Штатовъ стоитъ на вышинѣ своего важнаго поста, что онъ не явится тормозомъ въ политическомъ развитіи Америки. Вотъ и всѣ внутренніе вопросы, по поводу которыхъ новый президентъ считалъ своимъ долгомъ высказаться съ самаго перваго дня своего вступленія въ должность. Обращаясь къ внѣшней политикѣ, Грантъ былъ также твердъ; онъ говорилъ и тутъ съ одинаковымъ достоинствомъ и прямою: «Я всегда буду уважать права всѣхъ націй и буду требовать, чтобы наши права были одинаково уважаемы. Если бы какая-нибудь страна позабыла свои обязанности въ сношеніяхъ съ нами, мы принудимъ ее уважать ихъ». Тутъ нѣтъ никакихъ намежовъ, никакихъ угрозъ, которыя многіе желали видѣть, но тутъ нѣтъ и никакихъ задатковъ для особенной податливости или мягкости. Президентъ Грантъ безъ сомнѣнія желаетъ мира своей странѣ, но для него вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хочетъ жертвовать достоинствомъ своей родины. Итакъ, въ его прокламаціи заключается вся будущая программа. Сохраненіе свободы въ самомъ широкомъ ея смыслѣ внутри страны и сохраненіе мира извнѣ — вотъ двѣ задачи, которыми задается новый

президентъ. Честность и здравый смыслъ — вотъ все, чего желаютъ Соединенные Штаты отъ своего президента, и они имѣютъ достаточное основаніе вѣрить, что ни въ томъ, ни въ другомъ не окажется недостатка у новаго президента, Улисса Гранта.

Единственная страна, которая могла бы встревожиться отъ словъ Гранта, касающихся внѣшней политики, и увидѣть въ нихъ нѣчто роковое, это Англія, которая не совсѣмъ еще покончила счеты съ Америкой за свое двусмысленное поведеніе во время гражданской войны, и въ нерѣшенномъ еще вопросѣ о вооруженномъ корсарѣ Алабата не можетъ не видѣть постоянной грозы надъ своей головой. Но прокламація генерала явилась въ Англію въ такую минуту, когда все ея вниманіе поглощено разрѣшеніемъ великаго внутренняго вопроса — уничтоженіемъ государственной церкви въ Ирландіи. Нѣтъ еще года, какъ Гладстонъ, тогда еще глава оппозиціи, внесъ въ парламентъ свои знаменитыя предложенія относительно Ирландіи. Въ принципѣ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ еще въ началѣ апрѣля 1868 года, когда большинство, 331 противъ 270, стало на сторону Гладстона. Министерство осталось въ меньшинствѣ, но оно вмѣсто того, чтобы немедленно сложить оружіе и подать въ отставку, предпочло держаться меньшинствомъ до декабря, когда старый парламентъ былъ распущенъ. Вопросъ объ Ирландіи былъ предоставленъ рѣшенію новаго парламента; народная воля должна была рѣшить что будетъ съ Ирландіею. Предложенія Гладстона были закрѣплены новыми выборами, давшими ему въ палатѣ значительное большинство. Результатъ былъ тотъ, что Гладстонъ сдѣлался первымъ министромъ. Съ этого времени вся Великобританія съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, когда Гладстонъ внесетъ свой проектъ на обсужденіе парламента. 1-го марта, болѣе нежели въ трехъ-часовой рѣчи, Гладстонъ съ удивительною ясностью, простотою, изложилъ свой планъ, осуществленіе котораго должно значительно примирить Ирландію съ ея давнишнимъ врагомъ. Принятіе билля Гладстона имѣетъ еще и другое болѣе общее значеніе, чѣмъ умпротвореніе Ирландіи. Онъ дѣлаетъ первый рѣшительный шагъ къ уничтоженію сліянія церкви съ государствомъ, сліянія, которое до сихъ поръ ничего не причинило Европѣ, кромѣ бѣдствій и вѣчныхъ раздоровъ. Мы указываемъ на универсальное значеніе этого вопроса, значеніе, скрывающееся за частными интересами страны, потому что совершенно убѣждены, что билль Гладстона имѣетъ значеніе не только для Великобританіи, но и для всей Европы, которая должна въ немъ увидѣть ударъ, наносимый не одному какому-нибудь частному случаю, но несправедливому принципу, смущавшему не разъ внутреннее спокойствіе государствъ.

www.libtool.com.cn

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

22-го марта 1869.

Когда ныне нетерпѣливые люди выражаютъ свое недовольство на слишкомъ медленное теченіе прогресса въ области политической и общественной жизни, то всегда находятся другіе, «благоразумные» люди, которые, подобно Панглосу у Вольтера, полагаютъ, что въ этомъ лучшемъ изъ міровъ все устроено наилучшимъ образомъ, и потому увѣряютъ нетерпѣливыхъ, что въ жизни націй десятки лѣтъ значатъ не больше дня или часа въ жизни отдѣльнаго человѣка. Объ этомъ утѣшеніи можно сказать словами Юніуса, примѣненными, впрочемъ, къ другому случаю, что оно есть не что иное, какъ «лицемѣрная выходка, изобрѣтенная безчестными и распространенная глупыми людьми.» Конечно, можно было бы примириться и съ этимъ мнѣніемъ, еслибы націи были какія-нибудь отвлеченныя существа, еслибы онѣ прозябали какъ растенія и еслибы главное назначеніе ихъ заключалось въ томъ, чтобы въ высохшемъ состояніи сберегаться въ гербаріумѣ исторіи. Но такъ какъ націи состоятъ изъ существъ живыхъ, чувствующихъ и мыслящихъ, изъ людей, которые ощущаютъ голодъ и жажду, холодъ и тепло, боль и наслажденіе, то и годы для нихъ имѣютъ вовсе не то значеніе, которое придаютъ имъ разныя мудрецы, понимающіе исторію лишь какъ рядъ крупныхъ государственныхъ явленій, и пренебрегающіе всѣмъ, что касается благосостоянія и благоденствія народовъ. Этотъ взглядъ, впрочемъ, уже исчезъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ учебниковъ исторіи, но въ практической политикѣ его вліяніе и теперь проявляется у насъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ.

До сихъ поръ я постоянно указывалъ на то обстоятельство, что въ нынѣшней Германіи всѣ сознаютъ необходимость широкихъ законодательныхъ преобразованій. Будъ я поэтому, я сталъ бы, можетъ быть, говорить о слухахъ, но и это сравненіе не вполне соответствовало бы сущности дѣла, такъ какъ народамъ почти никогда не приходится подходить къ желанной цѣли такъ близко, что вотъ еще одно усиліе—и плоды уже въ рукахъ; обыкновенно лакомые плоды отстоятъ отъ насъ на весьма почтительномъ разстояніи.

Новая исторія Пруссіи особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что королевское правительство точно поставило себѣ въ правило:—Я-молъ не стану безусловно сопротивляться, но—буду удовлетворять по возможности медленнѣе крайнюю потребность въ реформахъ, увеличивающуюся со дня на день все сильнѣе и сильнѣе. Съ 1806—7 годовъ,

когда требованія времени понуждали къ крупнымъ преобразованіямъ, прусское правительство ни разу не принимало на себя почина въ области внутреннего законодательства, а между тѣмъ прогрессивныя реформы есть такая же обязанность всякаго правительства, какъ и сдержаніе и умѣреніе всѣхъ слишкомъ бурныхъ порывовъ къ измѣненію существующаго порядка вещей.

Въ нынѣшней сессіи прусскаго парламента эта отсталость правительства проявилась самымъ очевиднымъ образомъ. Министръ народнаго просвѣщенія, напимѣръ, внесъ законъ о жалованьи народныхъ учителей, въ который вкралась многія принципиныя положенія, объ организациіи народнаго образованія вообще, долженствовавшіе войти въ составъ особаго закона о народномъ образованіи — закона давнымъ-давно обѣщаннаго конституціею, но до сихъ поръ остающагося въ портфель министра, вмѣстѣ съ многими другими, тоже обѣщанными, законами великой важности. Коммиссія палаты депутатовъ, занимавшаяся предварительнымъ обсужденіемъ представленнаго закона, попросила министра народнаго просвѣщенія обнародовать всѣ матеріалы, собранныя въ министерствѣ по этому вопросу съ 1817 года, когда впервые обѣщано было изданіе особаго закона о народномъ образованіи. Послѣ нѣкотораго колебанія и многихъ отнѣживаній, министръ, наконецъ, согласился обнародовать требуемые матеріалы, но и послѣ положительнаго обѣщанія прошло еще не мало недѣль, пока любопытные члены коммиссіи, а вмѣстѣ съ ними и публика, получили наконецъ толстый томъ интересныхъ правительственныхъ документовъ ¹⁾. Содержаніе ихъ объяснило вполнѣ причины, побуждавшія министерство медлить обнародованіемъ этихъ документовъ, такъ какъ въ нихъ мы находимъ тотъ поразительный и постыдный фактъ, что первый проектъ закона о народномъ образованіи, выработанный въ 1817—18 годахъ во время министерства Альтенштейна, далеко оставляетъ за собою всѣ остальные, слѣдовавшія за нимъ попытки учрежденія народнаго образованія на разумныхъ началахъ. Официальная газета «Provincial-Correspondenz» постаралась было ослабить впечатлѣніе отъ этого изумительнаго открытія, и въ особой статьѣ объ этихъ документахъ, написанной въ самомъ умильномъ тонѣ, скромно замѣтила, что «для окончательнаго заключенія этого вопроса, глубоко затрагивающаго умственную жизнь, *не потребуется новыхъ пятидесяти лѣтъ*». Ужъ не пронія ли это? Нѣтъ, официальная газета говоритъ всегда совершенно серьезно. Если появленіе закона состоится черезъ 49 лѣтъ, то прусскому народу останется только радоваться своему счастью, но если пройдутъ и еще пятьдесятъ лѣтъ, а закона все еще не

¹⁾ Die Gesetzgebung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen. Vom Jahre 1817—1868. Berlin.

будетъ, то «Провинціальная Корреспонденція» 1919 года выразитъ, вѣроятно, надежду, что для окончательнаго исполненія этого обѣщанія не потребуются еще одной сотни лѣтъ.

Всматриваясь въ обнародованный томъ документовъ попристальнѣе, и изучая ихъ съ достаточнымъ вниманіемъ, вы легко убѣждаетесь въ томъ, что министерству нельзя было не медлить обнародовать ихъ. Эти документы раскрываютъ передъ вами, съ безпощадною откровенностью, какъ далеко отошла Пруссія отъ принциповъ того великаго времени. 3-го ноября 1817 года, король Фридрихъ-Вильгельмъ III издалъ высочайшій указъ объ учрежденіи особой комиссіи для составленія «общихъ постановленій о школахъ» (Schul-Verordnung), или, говоря нынѣшнимъ конституціоннымъ языкомъ, «закона о народномъ образованіи (Unterrichtsgesetz). Въ составъ этой комиссіи входили не только члены министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго былъ *Амтенишгеймъ*, но также представители всѣхъ остальныхъ отраслей управленія, находившихся въ какой-либо связи съ учебнымъ вѣдомствомъ: министерство финансовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, министерство юстиціи и даже министерство военныхъ дѣлъ; вопросъ, слѣдовательно, предполагалось обсудить и рассмотреть съ высшихъ и общихъ политическихъ точекъ зрѣнія. Комиссія окончила свой трудъ въ 1819 году. Онъ состоитъ изъ вводнаго меморандума, написаннаго членомъ государственнаго совѣта (Staatsrath) Зюверномъ (Süvern) въ 1817 году, и доказывающаго королю необходимость общаго законодательства въ дѣлѣ народнаго образованія, — изъ проекта самого закона, и изъ объясненій. Во всѣхъ трехъ отдѣлахъ отражается, какъ въ зеркалѣ, духъ того величаваго времени, — духъ Штейновскаго періода великихъ реформъ, духъ войны за освобожденіе. Въ вводномъ меморандумѣ Зюверна, составляющемъ дѣйствительную душу трудовъ комиссіи, сказано, что законъ долженъ быть «чуждъ цѣлей какого бы то ни было односторонняго механическаго понужденія и дрессировки (Einzwängung und Abrichtung), что онъ долженъ, напротивъ, «имѣть въ виду свободное развитіе національныхъ силъ, которыя суть не что иное, какъ тѣ же общечеловѣческія силы, но только въ образѣ національности»; второй параграфъ проекта закона ставилъ поэтому цѣлью: «основать воспитаніе юношества въ гражданскомъ отношеніи по возможности на общечеловѣческомъ образованіи». Какъ въ прочихъ (позднихъ) проектахъ, такъ и въ этомъ, рѣшительнымъ пунктомъ является отношеніе церкви къ школѣ, — отношеніе, тѣмъ труднѣе опредѣлимое, что въ Пруссіи, при 15-ти милліонахъ жителей евангелическаго вѣроисповѣданія, существуетъ почти 8 милліоновъ римско-католиковъ (въ 1819 году это численное отношеніе было еще болѣе въ пользу католиковъ), и всѣ они пользуются совершенно одинаковыми правами. Какъ бы то ни было, полстолѣтія тому назадъ оба

вѣроисповѣданія были одушевлены большою терпимостью другъ къ другу, чѣмъ теперь, и самый вопросъ объ отношеніи церкви къ школамъ рѣшался, поэтому, гораздо легче и проще. Разбираемый нами проектъ не имѣлъ надобности, ни отказывать церкви въ исполненіи ея слишкомъ далекихъ притязаній, ни дѣлать ей опасныхъ для государственной пользы уступокъ;—онъ могъ рассчитывать на плодотворную дружественную дѣятельность государства, церкви и общества на поприщѣ школьнаго образованія, и излагать поэтому вопросъ отношенія церкви къ школамъ съ тою свободою и откровенностью, какую допускалъ либерализмъ того времени; но во всѣхъ позднѣйшихъ проектахъ сдѣлалось замѣтно трусливое отношеніе къ усилившимся противогосударственнымъ элементамъ.

Во всякомъ случаѣ, введеніе закона въ жизнь не состоялось исключительно вслѣдствіе политической реакціи, начавшейся съ 23-го марта 1819 года, когда въ Мангеймѣ, подъ кинжаломъ Занда, палъ Коцебу; этотъ фактъ былъ какъ бы сигналомъ ко всякимъ репрессивнымъ мѣрамъ, тяготѣвшимъ надъ Германіею въ продолженіи тридцати лѣтъ сряду. Въ мемуарахъ Варнгагена мы находимъ слѣдующее, весьма живое описаніе впечатлѣнія, произведеннаго убійствомъ Коцебу: — «Первый ужасъ, распространенный этимъ страшнымъ злодѣйствомъ, смутилъ всѣ умы. Но когда общественное сознаніе мало-по-малу пришло въ себя, оно сопровождалось чувствомъ ненависти, мести, стремленія задать все, что находилось хотя въ слабѣйшей связи съ такимъ дѣломъ. Теперь уже не было больше рѣчи ни о прогрессѣ, ни объ уступкахъ духу времени, ни объ исполненіи народныхъ желаній; теперь укрѣпились, напротивъ, въ своемъ грубомъ стремленіи истребить всѣ либеральныя побужденія, и употребляли всѣ усилія для того, чтобы не допускать въ народѣ развитія чувствъ самостоятельности. Дѣло Занда явилось въ Германіи поворотнымъ пунктомъ въ развитіи ея внутреннихъ отношеній. Въ Берлинѣ чувствовали себя неспокойно, точно на подрытой почвѣ; вездѣ видѣлись старогерманскіе костюмы, общества гимнастовъ и буршей распространились по всей странѣ; знали, что гдѣ-то существуютъ тайныя общества заговорщиковъ и вѣрили, что эти заговоры могущественны и ужасны. Подъ вліяніемъ страха, какъ говорить пословица, муха кажется слономъ. Чѣмъ сильнѣе становился страхъ передъ невидимыми опасностями, тѣмъ болѣе пробуждалось мужество для того, чтобы дать имъ отпоръ. Государственный канцлеръ (Гарденбергъ) не раздѣлялъ, однако, ни этого настроенія, ни этихъ тревогъ; онъ со смѣхомъ слушалъ про всѣ ужасы, которыми ему грозили. Но онъ принужденъ былъ согласиться на то, чтобы какъ высшія, такъ и низшія государственныя инстанціи напрягли всѣ усилія съ цѣлью раскрыть и наказать опасныя для государствъ дѣла». Пруссія стала съ тѣхъ поръ во главѣ всѣхъ реакціонныхъ стремленій. Пер-

вымъ шагомъ реакціи было закрытіе гимнастическихъ залъ, на всемъ пространствѣ прусской монархіи. Основанная въ томъ же году, съ 1-го января, «Государственная Газета» (Staats-Zeitung) доносила о существованіи какихъ-то демагогическихъ происковъ. Между тѣмъ назначили специальную слѣдственную комиссію по политическимъ дѣламъ, во главѣ которой дѣйствовалъ Кампцъ (Kamptz) и князь Витгенштейнъ (Wittgenstein), единоплеменникъ Меттерниха. Одной изъ первыхъ жертвъ комиссіи былъ вождь гимнастическаго движенія въ Германіи, любимецъ нѣмецкой молодежи, Янъ (Jahn). Захваченный у смертнаго одра своего ребенка, онъ попалъ сперва въ казематы крѣпости Шпандау, а оттуда его перевезли въ Кюстринъ, гдѣ на него наложили цѣпи. Комиссія нисколько не сомнѣвалась, что Янъ именно и былъ зачинщикъ всѣхъ противугосударственныхъ замысловъ и интригъ, такъ какъ онъ первый провозгласилъ мысль о необходимости гимнастическихъ обществъ. Противъ него сочинили цѣлую массу доносовъ, одинъ другого ужаснѣе, и только въ 1825 году состоялось освобожденіе Яна по приговору суда второй инстанціи, который обѣщалъ ему, сверхъ того, вознагражденіе за напрасное заключеніе въ крѣпости. Однако это вознагражденіе состояло лишь въ томъ, что ему возвратили его пенсію въ 1,000 талеровъ, запретили жить въ Берлинѣ и во всѣхъ университетскихъ и гимназическихъ городахъ или подъѣзжать къ нимъ ближе десятимильного разстоянія, и отдали подъ надзоръ полиціи, подъ которымъ онъ и находился до вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV. Гнейзенау, сотоварищъ Блюхера по оружію но человѣкъ до того гибкаго характера, что его прозвали въ шутку маршаломъ «Зейтвертсъ» (т. е. «въ стороны»; Блюхера звали маршаломъ «Форвертсъ» — т. е. «впередъ»), а также Штейнъ и Шлейермахеръ были окружены шпионами.

6-го августа, въ Карльсбадѣ собралась извѣстная конференція министровъ, прославившаяся такъ-называемыми «карльсбадскими заключеніями», которыя состояли въ томъ, чтобы ввести по всей Германіи предварительную цензуру, учредить въ Майнцѣ центральную слѣдственную комиссію противъ демагогическихъ происковъ, и подвергнуть пересмотру 13-ю статью союзнаго уложенія, обѣщавшую одно общее уложеніе для всѣхъ нѣмецкихъ земель. Министры Гумбольдтъ, Войенъ и Вейме (Voegen, Weime) серьезно и энергически протестовали, въ государственномъ совѣтѣ, противъ карльсбадскихъ заключеній и сильно порицали поведеніе прусскаго уполномоченнаго, графа Бернсторфа. Они изложили свое порицаніе въ особомъ отчетѣ королю, и утверждали, что Пруссія имѣетъ право отказаться отъ исполненія карльсбадской программы, клонящейся къ уничтоженію самостоятельности прусскаго государства. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны короля, какъ имъ, такъ и генералу Грольманну дали отставку, между

тѣмъ какъ князь Гарденбергъ (государственный канцлеръ) успѣлъ уже исполнѣть перейти въ лагерь реакціонерной партіи. Все это случилось въ послѣднихъ числахъ декабря; передъ тѣмъ союзное собраніе въ Франкфуртѣ успѣло уже (20 сентября) принять рѣшеніе карльсбадской конференціи, и 25 ноября состоялась въ Вѣнѣ вторая конференція уполномоченныхъ всей Германіи. Эта конференція засѣдала въ продолженіи шести мѣсяцевъ и выработала такъ-называемыя «вѣнскія заключительныя статьи» (Schlussacte), которыя должны были довершить уложеніе Германскаго Союза, и удалить изъ него всѣ либеральныя и конституціонныя начала.

Толчекъ, данный карльсбадскими заключеніями реакціонному движенію въ Германіи, отозвался всего сильнѣе въ Пруссіи и имѣлъ тамъ самыя пагубныя послѣдствія. Со времени эпохи падающаго Рима, міръ никогда, быть можетъ, не видѣлъ столь широкаго развитія политической инсинуаціи и шпіонства, какъ во время этого такъ-называемаго «преслѣдованія демагоговъ» (Demagogen-Verfolgung). Кипа за кипой разныхъ указовъ выходили изъ канцеляріи слѣдственной коммиссіи и возбуждали плачь и стоны по всему государству. Цѣлыми днями длились допросы какимъ-нибудь гимназистамъ и другимъ молодымъ людямъ. Самымъ простодушнымъ, невиннымъ заявленіямъ ученые судьи слѣдственной коммиссіи придавали серьезное значеніе, какъ-будто судьбы цѣлаго государства находятся въ зависимости отъ всякаго слова. Тюрьмы изъ году въ годъ наполнялись все болѣе и болѣе, а шпіонская профессія становилась все прибыльнѣе. Захватъ и вскрытіе писемъ въ почтовыхъ конторахъ стали въ Германіи столь обычнымъ явленіемъ и производились, особенно въ Берлинѣ, столь безцеремоннымъ образомъ, что каждый сколько-нибудь извѣстный въ политическомъ мірѣ человѣкъ никогда не посылалъ своихъ писемъ по почтѣ, если въ нихъ заключались даже самыя ничтожныя политическія выраженія.

Во всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ было не мало и смѣшного; это смѣшное, впрочемъ, имѣло весьма печальныя послѣдствія для тѣхъ, кому приходилось служить орудіемъ глупыхъ и потѣшныхъ недоразумѣній. Весьма забавенъ случай съ знаменитымъ поэтомъ Арндтомъ, котораго долго допрашивали по поводу нѣсколькихъ выраженій, найденныхъ у него въ бумагахъ и истолкованныхъ въ томъ смыслѣ, что Арндтъ будто бы призываетъ къ тайному избіенію всего духовенства. Слѣдствіе надъ поэтомъ длилось бы безъ конца, еслибы не было доказано, что подозрительныя выраженія были собственноручныя замѣтки самого короля Фридриха-Вильгельма III, начертанныя имъ на поляхъ одного дриказа объ организаціи ландштурма, и оттуда списанныя Арндтомъ.

Въ политическихъ дѣлахъ не слѣдуетъ быть чрезчуръ чувстви-

тальннѣ. Какъ ни много печалей и бѣдъ принесли тѣ преслѣдованія, особенно молодымъ людямъ, имѣвшимъ несчастье быть жертвою общей паники, — благоразумный человѣкъ не сталъ бы возставать противъ этого, еслибы всѣ эти преслѣдованія были дѣйствительно необходимы. Между тѣмъ, въ настоящее время никто уже не споритъ противъ того факта, что всѣ эти громадныя и жестокия гоненія совершались безъ всякихъ справедливыхъ поводовъ. Майнская слѣдственная коммиссія должна была сама сознаться, въ обнародованномъ ею (въ 1821 году) отчетѣ, что заговора никакого не было, и что результатомъ ея работы вполнѣ доказано, «что отъ глупыхъ студентскихъ продѣлокъ и сердечныхъ изліаній аптекарскихъ учениковъ и другихъ юныхъ буршей нечего ожидать какихъ-либо опасностей для государствъ Союза.»

Какъ бы то ни было, реакціонерной партіи удалось только замедлить прогрессъ, но не остановить его; въ дѣлѣ народнаго образованія ей почти не удалось повернуть назадъ. Государственный канцлеръ Гарденбергъ, хотя и присоединился къ реакціонерамъ, пребывалъ однако либераломъ; Альтенштейнъ (министръ народнаго просвѣщенія) былъ еще либеральнѣе, — такимъ же было и громадное большинство чиновниковъ, оказывавшихъ господствующей системѣ весьма сильное пассивное сопротивленіе. Всего важнѣе было то, что въ тѣ времена непримиримый антагонизмъ либеральнаго принципа къ консервативному опредѣлялся въ умахъ далеко не такъ ясно, какъ теперь послѣ всѣхъ событій послѣднихъ двадцати лѣтъ. Реакціонеры и либералы стараго времени одинаково вѣрили въ необходимость образованія, и всякій считалъ хорошую школу чѣмъ-то весьма хорошимъ не только для учащихся, но для всего государства, и Пруссія въ продолженіи двухъ десятилѣтій слыла, по выраженію Кузена, классическою страной школъ и казармъ. Среди реакціонернаго движенія былъ основанъ университетъ въ Боннѣ, и Гегель вызванъ въ Берлинъ. Правда что Гегель находился съ правительствомъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, и что его философія долго считалась прусскою государственною философіею, но въ дѣйствительности строгій порядокъ его ученія успѣлъ образовать отличное поколѣніе людей, пропитанныхъ либеральными стремленіями. Но долго лучшею рекомендаціею для поступленія въ государственную службу считалось въ Пруссіи быть ученикомъ Гегеля.

Только во время революціи вкусили наконецъ плоды съ древа познанія, и Шталь серьезно заговорилъ, что науку слѣдуетъ перевернуть верхъ дномъ! Раумеръ, министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Мантейфеля, сталъ больше заботиться о томъ, чтобы какъ учителя, такъ и ученики выучивались не по возможности больше, но по возможности меньше. При Фридрихъ-Вильгельмъ III просвѣщенная бюрократія старалась, насколько хватало у нея силъ и умѣнья, способствовать умственному образованію среднихъ и низшихъ классовъ,—

она основывала реальные школы, учреждала элементарныя и бюргерскія училища и учительскія семинаріи вездѣ, гдѣ въ нихъ нуждались, и ввела обязательное для всѣхъ обученіе—этотъ важнѣйшій элементъ общаго народнаго образованія (каждое дитя, съ шестилѣтняго возраста и до конфирмаціи, должно быть посылаемо своими родителями или опекунами въ школу, и ни одно изъ нихъ не должно быть конфирмовано, если не приобрѣло, по крайней мѣрѣ, самыхъ необходимыхъ школьныхъ познаній). Наблюденіе за народными школами было поручено *ревизорамъ* изъ мѣстнаго духовенства и училищнымъ совѣтамъ, которые *избирались самими общинами*. Народныя школы цѣлой епархіи подлежали контролю суперинтендентовъ въ лютеранскихъ мѣстностяхъ, и протоіереевъ (Ezrpriester) въ католическихъ округахъ; эти лица исполняли обязанности инспекторовъ. Благодаря тому, что духовные люди того времени, почти всѣ или въ огромномъ большинствѣ, были рационалисты, церковный надзоръ нисколько не мѣшалъ успѣхамъ образованія, и *просвѣщеніе* было и оставалось высшею цѣлью всякой учебной дѣятельности.

Основаніе къ перемѣнѣ этихъ отношеній между церковью и школою положилъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, поощряя главнымъ образомъ тѣ религіозныя направленія, которыя казались наиболѣе энергическими противниками всего революціоннаго; такими считались ортодоксы и піетисты въ евангелической церкви, и паписты (теперешніе ультрамонтаны) въ католической. До царствованія этого короля, Пруссія всегда служила оплотомъ и защитницею нѣмецкаго протестантизма, хотя и католическіе подданные не могли жаловаться на дурное съ ними обращеніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ къ Пруссіи присоединились Рейнскія провинціи, оба вѣроисповѣданія: католическое и лютеранское, стали, по численности своихъ членовъ, почти на равную ногу, и правительство положило въ основу своей церковной политики полное равенство обѣихъ религій. Фридрихъ Вильгельмъ III сочувствовалъ болѣе консервативному направленію католической церкви, чѣмъ либеральному началу, господствующему въ протестантскомъ вѣроисповѣданіи. Свое недовольство противъ этого либеральнаго начала король довелъ до того, что запретилъ, въ одномъ изъ высочайшихъ приказовъ, самое имя «протестантизмъ», которое напоминало всѣмъ о великомъ историческомъ разладѣ съ Римомъ, замѣстивъ его исключительнымъ употребленіемъ выраженія: «евангелическая церковь». Въ то время, какъ часть католиковъ проявляла наклонность исполнить отрѣшиться отъ Рима, уничтожить безбрачіе духовенства и учредить національную католическую церковь въ Германіи, прусское правительство вело переговоры съ папою, и Риму удалось одержать блестящую побѣду надъ Пруссією, благодаря неспособности прусскаго уполномоченнаго, знаменитаго впрочемъ историка Нибура. Договоръ, за-

ключенный при посредствѣ этого человѣка, не умѣвшаго согласить свои теоріи съ практикою, доставилъ Риму такое громадное вліяніе надъ католиками, ~~подданными~~ Пруссіи, какимъ никогда не обладало папство ни въ одномъ изъ не-католическихъ государствъ; уступки короля изумили самого папу, папа не могъ не похвалить Фридриха-Вильгельма III за такую чудесную поддержку римскихъ желаній.

Слѣдствія договора съ Римомъ не заставили себя долго ждать. Ультрамонтанская партія, ловко руководимая іезуитами, снова прокраившимися въ Рейнскія провинціи, скоро проявила искусство, которое позже было направлено противъ Россіи княземъ Шварценбергомъ, искусство быть *неблагодарными*. Эта партія поддерживала оппозицію въ Рейнскихъ провинціяхъ и старалась вызвать недовольство къ прусскому владычеству. Когда, въ 1835 году, скончался кроткій и либеральный архіепископъ кельнскій, графъ Шпигель, мѣсто его занялъ фанатикъ, баронъ Дросте-Вишерингъ (Vischering), и повелъ дѣла церкви столь произвольнымъ и упорнымъ противъ правительства образомъ, что оно нашло себя вынужденнымъ захватить архіепископа (1837) и отвезти въ крѣпость Минденъ. Папа, однако, рѣшительно одобрилъ поведеніе архіепископа и жаловался на прусское правительство, будто оно затоптало ногами права римско-католической церкви; вся партія папистовъ подняла страшный крикъ противъ Пруссіи. Фанатическое возбужденіе дошло до такихъ размѣровъ, что на Рейнѣ произошли беспорядки, для подавленія которыхъ пришлось прибѣгнуть къ помощи оружія. Вскорѣ (1838) нашелся подражатель кельнскому архіепископу, архіепископъ познанскій и гнезненскій, Мартинъ Дунинъ. Противно условіямъ заключеннаго съ Римомъ договора, и своимъ собственнымъ обѣщаніямъ въ особомъ пасторскомъ посланіи Дунинъ отрекался благословлять всѣ смѣшанные браки, въ которыхъ женихъ и невѣста не общали воспитывать своихъ будущихъ дѣтей въ правилахъ католической религіи. Дунина призвали къ уголовному суду и присудили къ шестимѣсячному тюремному заключенію, послѣ котораго, при возобновившемся съ его стороны сопротивленіи, онъ былъ отправленъ въ крѣпость Кольбергъ. Но съ тѣхъ поръ ультрамонтанская партія пріобрѣтала въ католицизмѣ все болѣе могущества и вліянія, такъ что въ настоящее время всѣ скромные, примирительные голоса приведены въ полное молчаніе.

Примѣръ католической церкви заразилъ фанатическимъ упорствомъ и евангелическую. Между тѣмъ, какъ въ вѣкъ просвѣщенія, нравственность стояла на первомъ планѣ, теперь на нее не обращаютъ почти никакого вниманія. Тамъ, гдѣ прежде царилъ гуманизмъ, сталъ господствовать мрачный, фанатическій духъ. Эта перемѣна, по моему мнѣнію, описана всего талантливѣе и блистательнѣе въ знаменитомъ: *«Pétition pour les villageois qu'on empêche de danser»* (прошеніе сель-

скихъ жителей, которымъ препятствуютъ танцовать) замѣчательнаго французскаго писателя Поля-Люи Куррье. Сочиненіе Куррье касается, правда, католическихъ порядковъ во Франціи, но всѣ его разсужденія прямо приложимы къ церковнымъ порядкамъ и въ Германіи. Онъ описываетъ въ этой петиціи почтеннаго старика, приходскаго священника въ Веретцѣ: «Это былъ человѣкъ умный, образованный, около восьмидесяти лѣтъ отъ роду, но другъ молодежи, настолько разсудительный, что не имѣлъ желанія преобразовать ее по образцу прежнихъ вѣковъ или управлять ею по предписаніямъ буллъ Бонифація или Гильдебранда. Танцовали передъ его дверями, и всего чаще передъ нимъ самимъ. Вовсе не порицая этой забавы, которая, кромѣ самаго невиннаго, ничего въ себѣ не заключаетъ, онъ присутствовалъ при танцахъ и полагалъ, что дѣлаетъ доброе дѣло, придавая имъ своимъ присутствіемъ и уваженіемъ, которое къ нему всѣ питали, новую степень благопристойности и порядочности. Этотъ мудрый и по истинѣ благочестивый пасторъ служилъ утѣшеніемъ для бѣдныхъ, назиданіемъ ближнему и радостью для всей общины, въ которой его благоразуміе сохраняло миръ, спокойствіе, единство, согласіе». Рядомъ съ этимъ почтеннымъ старцемъ Куррье изобразилъ молодого фанатика, «кипящаго рвеніемъ, едва вышедшаго изъ семинаріи, рекрута воинствующей церкви, нетерпѣливо стремящагося къ отличію». Опираясь на жандармовъ, эти новые проповѣдники возстаютъ противъ танцевъ, противъ пѣсней, противъ всѣхъ невинныхъ удовольствій міра сего, и пользуются исповѣдальнею для того, чтобы вынудить отъ молодыхъ дѣвушекъ обѣтъ отреченія отъ всѣхъ радостей и забавъ, и вообще имѣютъ, повидимому, намѣреніе, обратить весь міръ въ одинъ громадный монастырь трапистовъ.

Петиція Куррье появилась въ 1820 г., что доказываетъ, что церковная реакція наступила во Франціи и въ Германіи одновременно. Для исторіи этого періода и особенно распри между Пруссіею и римскимъ дворомъ весьма интересны сообщенія оставлены Бунзеномъ, бывшимъ представителемъ Пруссіи въ Римѣ съ 1824 по 1858 годъ, отчасти въ его мемуарахъ, отчасти въ оставшихся послѣ него запискахъ. Бунзень, преемникъ и въ научномъ отношеніи ученикъ Нибура, отличался всегда проницательнымъ взглядомъ на признаки своего времени, и хотя онъ постоянно подавалъ берлинскому двору совѣтъ отказать отъ всего въ видахъ разрѣшенія всѣхъ споровъ въ смыслъ требованій католической церкви, и хотя онъ самъ держался того же принципа, тѣмъ не менѣе отъ его безпристрастныхъ взоровъ не скрылись и темныя стороны дѣла. Положеніе вещей было крайне запутанное. Со времени вступленія Григорія XVI на папскій престолъ, папство стало рѣшительнымъ орудіемъ іезуитизма и знать не хотѣло ни о какихъ уступкахъ. «Теорія учить,—писалъ Бунзень въ одномъ

нѣхъ посланныхъ имъ въ Берлинъ отчетовъ объ утомительныхъ и безплодныхъ переговорахъ, — что папы всякій разъ, когда ихъ господству и могуществу угрожаетъ опасность, ссылаются всегда на свое духовное могущество и на строгую церковную дисциплину. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что несчастьемъ вызывается сочувствіе, а сочувствіемъ пріобрѣтается чувство власти надъ умами. Наконецъ, бельгійская революція и современный взглядъ (пріобрѣтающій все большее число приверженцевъ въ средѣ различныхъ партій) на дарованіе церкви независимаго отъ государства положенія, придали римскому двору совершенно незамѣтнымъ образомъ нѣчто такое, что даетъ ему возможность быть менѣе уступчивымъ передъ свѣтскою властью, и особенно передъ протестантскими правительствами». Нѣкоторые католическіе епископы въ Пруссіи, какъ напримѣръ, уже упомянутый архіепископъ кельнскій графъ Шпигель, оставались добрыми прусскими патріотами и искренно держали сторону прусскаго государства. На этихъ людей весьма косо смотрѣли въ Мюнхенѣ, гдѣ образовалось главное гнѣздо ультрамонтанской партіи, и на нихъ постоянно писали доносы въ Римъ. Этого мало, — главный руководитель католическими дѣлами въ Берлинѣ, совѣтникъ Шмеддингъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, которому поручено было вести всѣ переговоры между правительствомъ и епископами (такъ какъ переговоры съ папою не двигались съ мѣста), былъ ярый приверженецъ іезуитизма и, какъ оказалось впоследствии, предавалъ правительство римскому двору. Наконецъ, вся правительственная дѣятельность въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ пришла въ полный застой. Много говорили объ ядовитыхъ описаніяхъ Варягагена, но мнѣніе Бунзена о томъ времени еще рѣзче осуждаетъ его, а вѣдь Бунзенъ былъ искренній другъ Фридриха-Вильгельма III и Фридриха-Вильгельма IV. Тогдашнее положеніе вещей въ Берлинѣ Бунзенъ описываетъ весьма темными красками. Король имѣлъ всегда въ виду всѣ упомянутыя обстоятельства и часто напоминалъ о нихъ министрамъ, но безуспѣшно; министръ духовныхъ дѣлъ, Альтенштейнъ, изложилъ въ длинномъ отчетѣ всѣ способы, какими можно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, и всѣ сомнѣнія, возникающія противъ каждаго способа; графъ Витгенштейнъ смотрѣлъ на все севозъ пальцы, считая религіозный элементъ въ государствѣ слишкомъ ничтожною силою; самъ государственный канцлеръ Гарденбергъ держался того правила, что *es micht besser nichts zahlen* — драгоценное правило для правительственныхъ дѣятелей! А общественное мнѣніе? Оно — говорю словами самого Бунзена — оно по понятнымъ причинамъ вовсе не имѣло своего органа, да и гдѣ было найти то ухо, которое пожелало бы его выслушать? Развѣ въ Берлинѣ не знали, что папскія *breve* вызвали энергическую реакцію патеровъ въ Баваріи? Однако тамъ и въ голову

не приходило, что со времени вступленія Льва на престолъ, на бѣлый свѣтъ смѣло выступило паписто-католическое чувство, которое все глубже проникало въ сердца народовъ и проявлялось по всему міру лишь въ формѣ церковной реакціи. Всѣ рады были, что покончили благополучно съ июльской революціею, съ Бельгіею и Мекленбургомъ, а съ нѣсколькими упорными патерами сладить не трудно! Патерамъ много помогло и то обстоятельство, что всякое смѣлое выраженіе о какомъ бы то ни было государственномъ предметѣ пахло въ то время чѣмъ-то демагогическимъ. Къ числу «благонамѣренныхъ правилъ» того періода принадлежала и необходимость *не относиться неодобрительно* ни о чемъ такомъ, что *исходило или не исходило* отъ правительства, то-есть, отъ министровъ. Таковъ былъ общій элементъ душевой атмосферы того времени, столь похожей на ту нравственную атмосферу, отъ которой не могъ не содрогаться человѣкъ, въ продолженіи двадцати лѣтъ пребывавшій при дворѣ Фридриха II,—атмосферы *мертвой, недоверчивой, лицемерной и рабской*. Такъ говоритъ Бунзенъ.

Прусскіе законы даровали католической церкви столь широкую свободу, какою она не пользовалась даже въ Австріи. Двѣнадцатая статья церковнаго уложенія опредѣляетъ напимѣръ: «признается свобода религіозной совѣсти, учрежденіе религіозныхъ обществъ и общаго домашняго и публичнаго отправленія религіозныхъ требъ. Пользованіе гражданскими и государственными правами становится независимымъ отъ религіозной совѣсти». Далѣе, статья 15-я: «евангелическая церковь и римско-католическая, а также всѣ другія религіозныя корпораціи распоряжаются и управляютъ всѣми своими дѣлами самостоятельно и удерживаютъ въ своемъ владѣніи и пользованіи всѣ учрежденія и заведенія, основанныя для ихъ религіозныхъ образовательныхъ и благотворительныхъ цѣлей». Наконецъ, статья 16-я: «сношенія религіозныхъ корпорацій съ ихъ начальствомъ совершаются безъ всякихъ препятствій».

Эти въ высшей степени либеральныя постановленія были употреблены ультрамонтанскою партіею для укрѣпленія и расширенія своего могущества. Въ палатахъ образовалась «ультрамонтанская» или «католическая» партія, которая подчиняла всѣ политическіе интересы церковнымъ, и дѣйствовала за-одно то съ правительствомъ, то съ крайнею оппозиціею, смотря потому, которая изъ этихъ силъ сулила большія выгоды церковнымъ интересамъ. Изъ года въ годъ въ самой католической церкви духъ нетерпимости становился все могущественнѣе, пока наконецъ не достигъ своей высшей точки развитія въ знаменитомъ «Силлабусѣ». Суровая, нетерпимая партія въ евангелической церкви сопутствовала этимъ наклонностямъ въ католической. Изъ устъ Штала и его приверженцевъ, до самой послѣдней поры, постоянно исходилъ ихъ любимый девизъ, утверждающій, что вѣрующій като-

ликъ, даже вѣрующій еврей ближе къ евангелической церкви, чѣмъ индифферентный протестантъ. Какъ бывало съ фанатизмомъ и нетерпимостью во всѣ времена, такъ случилось и теперь: мнимое презрѣніе къ міру повело за собою цѣлую массу разныхъ пороковъ. Самонадѣянное высокомеріе, эгоизмъ и погоня за властью скрывались подъ личиною смиренія; тайные грѣшки принимали часто весьма отвратительныя формы. Все это достигло такихъ широкихъ и замѣтныхъ размѣровъ, что даже нынѣшній король, принявъ регентство въ 1858-году, высказался самымъ рѣзкимъ образомъ въ своей знаменитой программѣ, преподанной министрамъ, противъ *remisioso ministeria*, обративъ при этомъ прекрасное, гуманное слово, что истинная гуманность проявляется во всемъ поведеніи человѣка. Однако этотъ поворотъ къ лучшему продолжался недолго. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ уничтожающихъ, справедливыхъ выраженій регента, какъ уже клерикалы снова подняли свои головы. Они ревностно стали на сторону министровъ, которые не могли, да и не хотѣли, отказаться отъ этой само-напрашивающейся помощи; вмѣстѣ съ тѣмъ клерикалы быстро достигли полнаго господства. Скоро обнаружались и злыя послѣдствія ихъ вліянія. Первымъ дѣломъ, познакомившимъ общество съ духомъ, одушевлявшимъ эту клику людей, былъ пресловутый романъ одного изъ отчаянныхъ ревнителей, пастора Стеффанна: «Leokadie», жалкое произведение, полное самыхъ грязныхъ выходокъ, зависти и ненависти къ товарищамъ автора по службѣ, и даже клеветъ и доносовъ противъ высокоуважаемыхъ фамилій. Затѣмъ послѣдовала знаменитая исторія съ пасторомъ Кнакомъ, который утверждалъ, что библія учитъ, что не земля вращается вокругъ солнца, а солнце вокругъ земли. Но самый громадный скандалъ состоялся съ гимназическимъ учителемъ, докторомъ Прейссомъ (Preuss). Этотъ господинъ написалъ книгу: «Оправданіе грѣшника передъ Богомъ», въ которой высказалъ взглядъ самаго мрачнаго фанатизма. «Крестовая Газета» расхвалила книгу до *pes plus ultra*. Это обратило на себя вниманіе либеральныхъ изданій, и вотъ во всѣхъ газетахъ появились отрывки изъ нея, въ которыхъ воззрѣнія мрачнѣйшаго періода среднихъ вѣковъ проповѣдывались самымъ грубымъ образомъ. Прочитавъ всѣ эти безумныя разглагольствованія, вся образованная публика подняла разомъ крикъ изумленія и негодованія, и всякій спрашивалъ самъ себя и другихъ: «возможно ли поручить такому человѣку образованіе юношества въ гимназіи»? Само собою разумѣется, что тотчасъ же начали заниматься всею личною жизнью доктора Прейсса, и открыли замѣчательныя вещи. Этотъ столь набожный и столь образцовый консервативный докторъ оказался виновнымъ въ тѣхъ извѣстныхъ порочныхъ наклонностяхъ къ юношамъ, которыя названы еще древними греками весьма энергическимъ именемъ, и онъ проявлялъ эти наклонности столь неосторожно, что объ этомъ зналъ

самъ ректоръ гимназій, Ранке, тоже изъ набожныхъ и смиренныхъ; ректоръ не разъ предостерегалъ Прейсса, но безуспѣшно. Такъ какъ шумъ, возбужденный этимъ фактомъ, становился съ каждымъ днемъ все сильнѣе, то Прейссъ нашелъ необходимымъ тайно уѣхать въ Америку, получивъ необходимыя для того денежные средства отъ своихъ религіозныхъ и политическихъ единомышленниковъ, во главѣ которыхъ находится теперь крайній консерваторъ, пасторъ Генгстенбергъ. Бѣгству Прейсса не препятствовало ни одно вѣдомство, хотя существовала дѣйствительная необходимость предать его суду и убѣдиться въ его виновности или невинности. Едва стихъ шумъ прейссовскаго дѣла, какъ на очередь явилось новое. Одинъ изъ здѣшнихъ старѣйшихъ и самыхъ видныхъ священниковъ, обер-консисторіальный совѣтникъ Фурніе (Fournier), позволилъ себѣ, во время вѣнчанія, дать оплеуху невѣстѣ за то, что она, находясь уже въ интересномъ положеніи, надѣла миртовый вѣнокъ—этотъ символъ дѣвической невинности. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ очевидцы этого происшествія. Однако Фурніе открыто протестовалъ противъ этого факта. Женихъ же продолжаетъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, вести процессъ противъ пастора, и во время этого процесса свидѣтели постоянно подтверждали свои первыя показанія. Не менѣе сильно проявляется фанатическій духъ господствующей системы въ евангелической церкви въ такъ-называемомъ спорѣ изъ-за книги церковныхъ пѣсней. Книги этого рода, изданныя въ XVI и XVII вѣкахъ, содержали въ себѣ значительное число гимновъ, тонъ и языкъ которыхъ не могли удовлетворять потребностей болѣе образованнаго времени; эти гимны поэтому, въ вѣкъ просвѣщенія, мало-по-малу исчезли изъ новыхъ собраній церковныхъ пѣсней. Съ тѣхъ поръ, какъ началась описываемая мною реакція, духовные люди начали жаловаться на эту «порчу» церковныхъ книгъ и требовать замѣны «водянистыхъ» пѣсенъ новѣйшихъ собраній «коренными гимнами» древнихъ. Къ сожалѣнію, я не могу представить вамъ ни одного образца этой поэзіи; такъ какъ весь свойственный имъ ароматъ погибнетъ въ переводѣ. Кое-гдѣ провинціальныя духовныя вѣдомства ввели въ употребленіе новыя книги съ старыми церковными пѣснями; въ нѣкоторыхъ общинахъ, особенно въ Силезіи, гдѣ прихожане отличаются независимостью въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, эта произвольная замѣна новыхъ гимновъ старыми вызвала сопротивленіе и окончилась весьма бурными со стороны прихожанъ заявленіями. Все это доказываетъ, какъ глубоко проникаетъ недовольство настоящимъ положеніемъ вещей.

Особеннымъ нерасположеніемъ общества пользуется министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, фонъ-Мюлеръ (Mühler), этотъ передовой и вліятельный представитель господствующей системы. Всѣ нападенія, которымъ подвергался этотъ министръ въ па-

затѣ депутатовъ, остались безуспѣшны, и война противъ него перешла въ печать, гдѣ она проявляется разными насмѣшками. Вамъ извѣстно, что Мюлеръ былъ въ свое время весьма лихимъ студентомъ, въ которомъ никакъ нельзя было предугадать будущаго министра, и пока не изведутся въ Германіи кутили-студенты, охотники до пѣсенъ, до тѣхъ поръ мюлерова пѣсенка: «Grade aus dem Wirthshaus komm ich heraus!» ¹⁾ будетъ раздаваться повсюду. Обращеніе министра на истинный путь совершилось не вслѣдствіе весьма обычной перемены взглядовъ въ старости, но благодаря усиліямъ супруги министра, урожденной фонъ-Гослеръ. Эта фамилія прославилась своими крайне консервативными въ религіозной области воззрѣніями, склонными перейти въ католицизмъ. Теперь уже ни для кого не тайна, что *фрау Адельгейдъ* фонъ-Мюлеръ знакома съ дѣлами своего мужа также хорошо, какъ онъ самъ, и многіе серьезно рассказываютъ и вѣрятъ, что всякій разъ, когда самъ Мюлеръ бываетъ боленъ, подвѣдомственные ему чиновники принимаютъ его супругою. Недавно во дворцѣ какой-то злой путникъ пустилъ слѣдующую шараду, весьма понравившуюся, какъ говорятъ, самому королю (который, какъ извѣстно, питаетъ антипатію ко всему, что хоть чѣмъ-нибудь напоминаетъ женское вліяніе): «мои первые два (то-есть, слога) могутъ быть пожалованы ²⁾, мой третій слогъ — министръ финансовъ, — а подъ дудку цѣлаго пляшетъ все министерство духовныхъ дѣлъ». Первые два — *Adel* (дворянство), третье — *Heydt* (фамилія нынѣшняго министра финансовъ), а цѣлое, конечно, *Adelheid*. Шарада эта не особенно остроумна, но за то она такъ хорошо соотвѣтствуетъ общественному настроенію, что успѣхъ ея въ публикѣ изумительный, небывалый, — фрау Адельгейдъ стала теперь самою популярною дамою въ Пруссіи. И «Kladderadatsch» посвятилъ ей одну изъ своихъ классическихъ одъ, какія можетъ писать только такой знатокъ литературы и великій мастеръ, какъ Домъ (Dohm). Нашлись путники, дерзнувшіе въ ночное время пропѣть подъ окнами министра бетговенскую чудную «Аделайду». Само собою разумѣется, что всѣ эти вещи нисколько не усиливаютъ авторитета правительства, но правительство рѣшилось однажды не дѣлать уступокъ общественному мнѣнію, и вотъ Мюлеръ остается себѣ спокойно въ министерствѣ, не смотря на то, что палата депутатовъ наноситъ ему пораженіе за пораженіемъ, и не смотря на то, что ясно, какъ день, что его церковная политика никогда не встрѣтитъ одобренія со стороны прусскаго представительнаго собранія. Последнее крупное пораженіе потерпѣлъ Мюлеръ 28 февраля, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты депутатовъ, когда зашла рѣчь о прошеніи бреславль-

¹⁾ Эта пѣсня помѣщена въ «Вѣстникѣ Европы», за февраль 1869, стр. 893.

²⁾ По-нѣмцки: *verliehen*, что значитъ: и пожаловать, и ссудить.

ской городской думы дозволить ей учрежденіе двухъ не-конфессіональныхъ школъ ¹⁾, одной гимназій и одной реальной школы. Министръ духовныхъ дѣлъ рѣшительно отказался удовлетворить справедливой просьбѣ думы, и вышелъ въ своихъ объясненіяхъ по этому дѣлу такъ далеко, что сталъ утверждать (не смотря на горячія возраженія со стороны большинства членовъ палаты), будто органы городскихъ общинъ, имѣвшіе право постановлять рѣшенія только по общиннымъ дѣламъ, а не по такимъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о *будущности и судьбѣ дѣтей*; такой *государственной власти* государство не желало давать общинамъ, да и не дастъ никогда. Депутатъ Веренфеннигъ доказалъ министру, въ томъ же засѣданіи, что въ Пруссіи государство основало и содержитъ только 72 высшихъ училища, между тѣмъ какъ общины основали и содержатъ ихъ 95, да 67 училищъ получаютъ свое содержаніе изъ обоихъ источниковъ. Съ каждымъ годомъ это отношеніе между государствомъ и общинами становится менѣе благопріятнымъ для государства, такъ какъ постоянно возрастающіе расходы на содержаніе арміи и на уплату государственныхъ долговъ препятствуютъ государству содержать на свой счетъ весьма дорогія высшія учебныя заведенія. Города, напротивъ, отлично понимаютъ, какую замѣчательную пользу приносятъ образованіе, и что самое производительное употребленіе городскихъ капиталовъ состоитъ въ распространеніи образованія; поэтому, всѣ думы никогда не перестанутъ заботиться объ основаніи все новыхъ учебныхъ заведеній и о снабженіи ихъ всѣми учебными средствами. Жители Бреславля рѣшились, впрочемъ, оставить пока оба новыя зданія *пустыми* и ждать уступки со стороны министра. Во время преній обнаружались весьма интересные статистическіе факты. Приведу здѣсь только одинъ. Въ 1864 году, на 243 души евангелическаго населенія приходился *одинъ* воспитанникъ въ высшемъ учебномъ заведеніи; въ католическомъ населеніи онъ приходился на 462 души, а въ еврейскомъ—на 53. Такимъ образомъ оказалось, что еврейское населеніе пользуется высшими учебными заведеніями въ пять разъ больше евангелическаго, и въ девять разъ больше католическаго, что указываетъ не только на зажиточность евреевъ, но и на сильнѣйшее стремленіе къ высшему образованію.

До какой отчаянной дерзости доходитъ теперь реакціонерная партія, можно видѣть изъ слѣдующаго, хотя ничтожнаго, но весьма характеристичнаго случая. Въ одномъ изъ городскихъ приходскихъ училищъ, клерикаль-учитель сталъ объяснять дѣтямъ, что міровая система Коперника—система ложная, и что библейское сказаніе о томъ, будто солнце движется вокругъ земли, совершенно справедливо. Одинъ

¹⁾ Объ этомъ спорѣ я уже говорилъ въ моемъ письмѣ отъ 21 декабря прошлаго года. См. «Вѣстникъ Европы» въ январской книжкѣ нынѣшняго года, стр. 471.

изъ школьниковаго разсказа все это дома, и отецъ его, хотя простой багшачникъ, но умный и начитанный человекъ, тотчасъ же обратился въ училищной комиссіи (Schul-Deputation), которая заведуетъ городскими школами, и просилъ ее обратить вниманіе на ложь, проповѣдуемую въ ея школахъ. Предсѣдатель комиссіи поблагодарилъ отца въ вѣжливомъ письмѣ и обѣщалъ ему, что указанный учитель лишится возможности преподавать столь извращенныя понятія. Консерваторы подняли противъ этого страшный крикъ. «Смотрите—говорили они—что разумѣютъ эти либералы подъ своею свободою! это явная тираннія! Какое право имѣютъ они запретить учителю преподаваніе того, что онъ принимаетъ за истину?» Обличать эту софистику не стоитъ труда. Если школьный учитель имѣетъ право преподавать свою собственную астрономію, то придется допустить, что онъ имѣетъ право сочинить и новую таблицу умноженія, гдѣ дважды два станутъ пять. Если учитель пожелаетъ вести такую проповѣдь на свой собственный страхъ и счетъ, то пусть себѣ проповѣдываетъ: противъ этого никто спорить не будетъ; но дозволить подобное удовольствіе на счетъ государства или города—дѣло, какъ хотите, неподходящее.

Послѣдняя сессія прусскаго парламента, закрытая 6 марта, носитъ на себѣ отпечатокъ этихъ ненормальныхъ отношеній между обществомъ и правительствомъ. Хотя обсужденію подлежало громадное число законовъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ великаго принципіальнаго значенія. Нѣкоторые, впрочемъ, законы весьма полезны и отчасти способствуютъ движенію прогресса,—таковъ, напримѣръ, законъ объ уничтоженіи платы доносчикамъ, или законъ объ отмѣнѣ запрещенія лицамъ благороднаго сословія вступать въ бракъ съ лицами низшаго сословія, или законъ объ отмѣнѣ особой присяги для евреевъ, весьма унижительной для еврейскаго населенія, или, наконецъ, законъ объ увеличеніи пенсіи вдовамъ и сиротамъ народныхъ учителей. Для торговли имѣютъ важность новый уставъ объ аукціонной продажѣ и нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ о конкурсахъ. Всѣ эти законы проведены черезъ парламентъ лишь благодаря сильному давленію министерства на палату господъ, которая постоянно противится всякимъ преобразованіямъ, идущимъ изъ палаты депутатовъ. Палата господъ была весьма недовольна давленіемъ министровъ, и это недовольство заявлено было въ нѣсколькихъ сильныхъ выраженіяхъ, нашедшихъ отголосокъ въ весьма отдаленныхъ сферахъ. Сначала тамъ произошло сильное столкновеніе съ министромъ юстиціи. Правительство внесло (тогда уже принятый) законъ объ отмѣнѣ духовныхъ судовъ по брачнымъ дѣламъ въ провинціи Ганноверѣ, гдѣ они все еще оставались по прежнему; палата депутатовъ приняла этотъ законъ, но въ палатѣ господъ противъ него составила энергическая оппозиція, во

главѣ которой стоялъ предсѣдатель и вице-предсѣдатель верховнаго суда, обнаружившіе такимъ образомъ, какимъ духомъ пропитанъ этотъ изъ реакціонеровъ составленный верховный судъ. Во время преній, происшедшихъ по этому поводу, министръ юстиціи крикнулъ на нихъ: «вамъ не удастся отодвинуть законодательство на дѣльные полѣвка назадъ!»—эти слова съ поразительною рѣзкостью характеризуютъ стремленія правой стороны палаты господъ. Во время преній по поводу новаго закона объ охотѣ, измѣненнаго палатою господъ въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отвергнутаго палатою депутатовъ почти безъ преній, графъ Брюль (Brühl), внукъ извѣстнаго государственнаго министра саксонскаго курфирста Августа II, жаловался на то, что судъ по дѣламъ охоты (Jagdvorstände), «разрѣшающій всѣ споры между землевладѣльцами и лицами, имѣющими право охоты, состоитъ изъ жидовъ, лавочниковъ и писцовъ, съ которыми порядочный человѣкъ стыдится начать дѣло»;—это выраженіе стало теперь общимъ мѣстомъ сатирической литературы, и графъ подвергся самымъ ядовитымъ намекамъ въ печати. Но пальму первенства въ этомъ отношеніи приобрѣли бароны: Зенфть-Пильзахъ и Валдовъ-Стейнгёвель. Первый вошелъ въ ярость во время преній о наложеніи секвестра на имущество короля Георга и, стараясь доказать, что съ этимъ королевемъ поступили слишкомъ снисходительно, напомнилъ палатѣ, что «потомки древнихъ ирландскихъ царей свиней пасли»; баронъ Валдовъ воскликнулъ во время преній о законѣ, увеличивающемъ пенсіи вдовамъ народныхъ учителей до 50 талеровъ (минимумъ) ежегодно: «я требую прежде, чтобы мнѣ показали хотя одну съ голоду погибшую вдову школьнаго учителя!» Эти грубости были до того очевидны каждому, что даже политическіе друзья ораторовъ заявили свой протестъ въ палатѣ господъ. Вънцомъ выходомъ было желаніе этихъ грубыхъ обскурантовъ не допустить эти выраженія въ публику или, по крайней мѣрѣ, исправить ихъ;—такъ, Зенфть-Пильзахъ совершенно зачеркнулъ свое знаменитое историческое напоминаніе, а Валдовъ замѣстилъ выраженіе: съ голоду погибшую, словомъ «голодающую», но этимъ эстетическая сторона дѣла не только не исправлена, но еще ухудшилась.

Оффиціозные органы поютъ, правда, хвалебные гимны о великихъ результатахъ послѣдней сессіи и не знаютъ предѣловъ прославленія мудрости министровъ въ томъ, что они успѣли, въ столь многихъ столкновеніяхъ обѣихъ палатъ парламента, примирить оба крайне противоположные лагери. Какое блестящее торжество празднуетъ теперь графъ Бисмаркъ, который, еще при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе государствомъ, заявилъ, что вся конституціонная жизнь состоитъ «изъ ряда компромиссовъ»! Но въ дѣйствительности въ этомъ восклицаніи нѣтъ ни на волосъ правды. Государство, живущее нор-

нальной жизнью, можетъ имѣть только одинъ центръ тяжести. Иосифъ Геладъ, одинъ изъ проникательнѣйшихъ новѣйшихъ исследователей государственнаго права, высказывается объ этомъ предметѣ весьма справедливо въ своихъ «Основанiяхъ общаго государственнаго права» (*Grundzüge des Allgemeinen Staatsrechts*): «Конституціонный органъ государствъ долженъ самъ быть *единствомъ*, а слѣдовательно и подчиняться принципу *большинства*. При двупалатной системѣ необходимое единство обѣихъ палатъ должно, потому, обуславливаться или фактическимъ неравенствомъ, образующимся вопреки ихъ юридическому равенству, то-есть, *превосходствомъ силъ одной палаты надъ другою*, или *какою либо иною дѣятельностью политическихъ силъ*». Такъ оно и есть въ Англіи, гдѣ уже со временъ великой революціи центръ тяжести перешелъ въ палату общинъ, такъ оно и въ Пруссіи, гдѣ этотъ центръ тяжести находится въ рукахъ правительства, которое можетъ, по собственному произволу, и проводить либеральныя мѣры, оказывая давленіе на палату господъ, и задерживать ихъ, предоставляя палату господъ ея обычной жизни. Говоря снисходительно, прусская конституція оказывается *фикцією*, которая окончательно разрушаетъ взгляды прежнихъ нѣмецкихъ конституціонныхъ теоретиковъ, славившихъ выше всякой мѣры двупалатную систему.

Сѣверо-германскій парламентъ тоже началъ свои дѣла сильнымъ диссонансомъ. Такъ какъ прусская палата господъ отвергла проектъ такого измѣненія 24-й статьи конституціи, которое уничтожило бы всѣ толкованія въ пользу преслѣдованія членовъ палаты депутатовъ за ихъ парламентскія рѣчи, то вождь либерально-національной партіи Ласкеръ внесъ въ сѣверо-германскій парламентъ, какъ и въ прошломъ году, особый законъ объ этомъ предметѣ. Въ прошломъ году рейхстагъ принялъ проектъ такого закона (имѣющаго въ виду обезпечить свободу рѣчи во всѣхъ парламентахъ Союза) 119 голосами противъ 65; но союзный совѣтъ отвергъ его на томъ основаніи, что многіе члены нашли рейхстагъ лицомъ некомпетентнымъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Графъ Бисмаркъ заявилъ тогда, что онъ употребитъ все свое вліяніе съ цѣлью провести подобный законъ въ Пруссіи (въ чемъ собственно и заключается все дѣло), однако ему не удалось побѣдить сопротивленіе палаты господъ. Въ нынѣшній разъ тотъ же проектъ закона принять 140 голосами противъ 51; число тѣхъ депутатовъ, которые подавали свои голоса за предложеніе союзнаго канцлера, уменьшилось, а число его противниковъ увеличилось. Не смотря на то, канцлеръ остается при своемъ противорѣчii, прѣ чемъ, само собою разумѣется, онъ только отвращаетъ отъ себя довѣріе рейхстага. Между тѣмъ, хаотическое состояніе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ только увеличиваетъ заботы о вооруженіи арміи и флота, возбуждаетъ духъ и рвеніе въ изгнанныхъ августѣйшихъ особахъ и ихъ

приверженцахъ, а также въ южногерманскихъ партикуляристахъ, которые договариваются, въ своемъ поношеніи всего прусскаго, до невыгодныхъ вещей. Чтобы меня не упрекнули въ пессимизмъ, замѣчу теперь же, что по моему твердому убѣжденію, иностранная война, начатая теперь противъ Пруссіи, вызвала бы, не смотря на всѣ распри и недовольства, не меньшее одушевленіе и готовность націи, какъ и въ 1866 году.

Среди литературныхъ явленій послѣдняго времени первое мѣсто безспорно занимаетъ новый трудъ Гнейста ¹⁾, служащій, по всей вѣроятности, заключеніемъ всѣхъ работъ этого ученаго въ области англійской конституціи, такъ какъ въ этомъ сочиненіи Гнейстъ уже пытается приложить результаты своихъ изслѣдованій къ Германіи. Страшно длинное заглавіе должно предупредить читателя, что въ эту святиню слѣдуетъ вступать не легкомысленно, но съ нѣкоторымъ трепетомъ. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ требуетъ отъ читателя ни болѣе ни менѣе, какъ предварительнаго основательнаго знакомства съ его прежними сочиненіями объ англійскихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ и правахъ, иначе нечего и думать объ успѣшномъ изученіи этого толстаго тома въ 600 страницъ. Во всякомъ случаѣ, новое сочиненіе Гнейста написано не педантическимъ, понятнымъ языкомъ, но въ немъ скучена такая масса матеріаловъ, и онъ столь обилеенъ разными воззрѣніями, что серьезному читателю необходимо запастись чрезвычайнымъ терпѣніемъ и усидчивостью. Гнейстъ держится того мнѣнія, что на материкѣ Европы вовсе не имѣютъ понятія о дѣйствительной сущности самоуправленія. Со временъ Монтескье европейскіе ученые знали и изучали только англійскій парламентъ, но все то, что связано съ парламентомъ, все такъ-называемое «право правленія» (Verwaltungs Recht), заритое въ парламентскихъ бумагахъ, которыхъ накопилось теперь до 2.000 томовъ *in-folio*,—всего этого вовсе не знали. Вотъ гдѣ причины тому, что наши конституціонныя теоріи лишены правомѣрныхъ основъ гражданской свободы. Представительное уложеніе соединяетъ государство и общество въ дружномъ взаимодействіи по опредѣленнымъ законами формамъ, но въ Англіи, какъ во Франціи, оказалось невозможнымъ принять подобное уложеніе прямо въ живой организмъ общества. Общественные интересы, за исключеніемъ краткихъ мгновеній одушевленія, никогда не могли пожертвовать ближайшими выгодами своего собственнаго могущества высшимъ требованіямъ государства. Только самоуправленіе (selfgovernment) въ состояніи превозмочь эти противодѣйствія общественнаго строя и дать мѣру и цѣль

¹⁾ Verwaltung, Justiz, Rechtsweg, Staatsverwaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen mit besonderer Rücksicht auf Verwaltungs Reformen und Kreisordnungen in Preussen. Von Dr. Rudolf Gneist. Berlin 1869. Verlag von Julius Springer.

ихъ колебаніямъ въ ту и другую сторону. Но самоуправленіе (*Selbstverwaltung*) основано на правѣ правленія, о которомъ на матеріи ничего не знаютъ. Поэтому, говоритъ Гнейстъ съ неподдѣльною проницательностью, «всѣ главныя общественныя группы приобрѣтаютъ свободное поле опредѣлять сущность самоуправленія какъ кому угодно. Крупное землевладѣніе высказалось за самоуправленіе, но понимало подъ нимъ лишь окружныя и провинціальныя *чины* (*Kreisstände und Provinzialstände*), то-есть прямо противоположное дѣйствительному *selfgovernment*. Движимая собственность тоже заявила себя въ пользу самоуправленія, разумѣя подъ нимъ окружныя и деревенскіе *парламенты* (*Kreisparlamente und Dorfparlamente*), то-есть прямо противоположное дѣйствительному *selfgovernment*. Бюрократія, этотъ до сихъ поръ правяствующій классъ, тоже полюбила самоуправленіе, но думала лишь о французскихъ *conseils* и бургомистерствахъ, то-есть о прямо противоположномъ дѣйствительному *selfgovernment*. Связывать представленіе о государственной власти съ понятіемъ о томъ или другомъ общественномъ словѣ — дѣло, до того обычное нашему уму, что каждый классъ населенія разумѣетъ подъ именемъ самоуправленія не что иное, какъ свою собственную автономію, къ которой онъ охотно стремится. Безнадежное противорѣчіе подобныхъ стремленій въ современномъ государствѣ скрывается потому подъ многозначительнымъ словомъ: «самоуправленіе», превосходство котораго никто не оспариваетъ.»

Я ограничилъ бы Гнейстомъ литературную часть своей корреспонденціи, еслибы не считалъ своимъ долгомъ указать вамъ на интересную писательницу, Марію Росковскую. Съ нѣкоторыхъ поръ, имя ея весьма часто встрѣчалось въ фельетонахъ разныхъ демократическихъ газетъ, и ея повѣсти быстро стали любимымъ чтеніемъ многочисленной публики. Въ настоящее время всѣ эти повѣсти появились въ отдѣльномъ изданіи ¹⁾. Въ нихъ нѣтъ, впрочемъ, ничего особеннаго. Но интересна сама писательница, какъ первая женщина, подвергшаяся преслѣдованіямъ суда по дѣламъ печати. Ее привлекли къ суду за поношеніе государственныхъ учреждений. Я полагалъ, что законодатели, не давая женщинѣ политическихъ правъ, не должны признавать за нею и политическихъ преступленій, но судьи руководствовались иными соображеніями и присудили Росковскую къ четырехнедѣльному тюремному заключенію, — при этомъ они оказались до того деликатными кавалерами, что разсыпались передъ осужденною въ самыхъ тонкихъ комплиментахъ на счетъ ея беллетристическаго таланта. И повѣсти Росковской дѣйствительно хорошо написаны, чѣмъ и объясняется, конечно, особенное вниманіе властей. Всѣ эти повѣсти пропитаны большою ненавистью къ господствующей въ школахъ и администраціи системѣ,

¹⁾ Unpolitische Geschichten. Von Marie von Roskowska. Berlin. 1869. Franz Duncker.

и авторъ превосходно проводитъ политическія тенденціи въ формѣ романа. Такъ, напримѣръ, въ ея разсказѣ: «Странствующій учитель» (то-есть такой, который не имѣетъ *одного* постоянного мѣста, но долженъ посѣщать многія мѣстности), изображена несчастная судьба учителя деревенской народной школы, трудящагося изъ-за скуднаго куса хлѣба и наконецъ погибающаго за то только, что на выборахъ онъ не подалъ своего голоса за кандидата правительственной партіи, извѣстнаго игрока и пьяницу. Почтенная писательница умѣетъ, сверхъ того, выводить подъ самымъ прозрачнымъ покрываломъ извѣстныхъ личности и рисуетъ ихъ нельзя сказать чтобы очень лестно. Но судъ не нашелъ подсудимую виновною въ пасквилѣ.

Въ театрѣ дѣла идутъ плохо. Извѣстная пѣвица Лукка прибыла сюда изъ Петербурга больная и должна была подвергнуться операциі вырѣзыванія миндалевидныхъ желѣзъ. Эта операція, произведенная знаменитымъ профессоромъ Брунсомъ въ Тюбингенѣ, удалась вполне. Теперь Лукка вернулась въ Берлинъ и появилась на сценѣ, — оперный театръ, поэтому, снова даетъ полный сборъ. Въ драматическомъ театрѣ, напротивъ, блистательно провалились одна за другою всѣ новыя піесы. Теперь ни для кого не тайна, что искусство на берлинской сценѣ глубоко пало. Не удостоилась одобренія публики и новая піеса прусскаго принца Георга, первое произведеніе котораго «Фебра» имѣла, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, *«succès d'estime»*, какъ говорятъ французы. Сюжетъ нынѣшняго произведенія принца Георга заимствованъ изъ извѣстнаго разсказа Вольтера объ отравительницѣ Катеринѣ Вуазенъ, которая долго наводила ужасъ на парижскую знать и вызвала своимъ примѣромъ настоящую эпидемію отравленій.

Важнѣйшимъ событіемъ въ области искусства была въ послѣднее время картина Ганса Макарта: «Моръ во Флоренціи» или «Семь смертныхъ грѣховъ». Не всѣ, впрочемъ, придерживаются этого мнѣнія; иные находятъ болѣе важнымъ выставку проектовъ для постройки собора возлѣ королевскаго дворца. На эти обѣ выставки публики собирается весьма много; залы наполняются иногда до того, что пробраться въ нихъ нѣтъ возможности. Несомнѣнно, что архитектурные проекты весьма интересны, и такъ какъ проекты присланы сюда отовсюду, со всѣхъ концовъ міра, то я могъ бы написать цѣлый трактатъ о всевозможныхъ стиляхъ, но такими разсужденіями можно лишь наскучить читателю, тѣмъ болѣе, что замѣчательнаго во всѣхъ этихъ проектахъ было лишь то, что всѣ прусскіе архитекторы постарались превзойти другъ друга высотой: чѣмъ какой архитекторъ патріотичнѣе, тѣмъ проектированный соборъ выше. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть выше всѣхъ христіанскихъ соборовъ, даже выше св. Петра въ Римѣ.

Картина Макарта, выставленная здѣсь въ продолженіи нѣсколькихъ

подѣлъ, замѣчательна по своей исторіи. Гансъ Макартъ, совершенно молодой человѣкъ и ученикъ мюнхенскаго художника Пилоти, до сихъ поръ не произвелъ ничего замѣчательнаго. Подъ вдохновеніемъ генія нарисовалъ онъ картину, самъ не зная, какъ ее назвать. Картина выставлена въ Мюнхенѣ и возбуждаетъ неудовольствіе въ клерикальной партіи. Возникаетъ горячій споръ,—картина переѣзжаетъ въ Вѣну, споръ разгорается еще съ болѣе ожесточеніемъ. Въ Вѣнѣ ее покупаетъ какой-то торговецъ художественными вещами, съ цѣлью возить ее по всему міру и вездѣ выставлять на показъ за деньги. Теперь она привезена въ Берлинъ, оказываетъ здѣсь весьма сильное вліяніе и приводитъ въ движеніе всѣ критическія и эстетическія перья.

Картина распростерта въ продольномъ направленіи и распадается на три части, отдѣленные другъ отъ друга рамами; но всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ одно цѣлое. На первой, лѣвой картинѣ видѣнъ портикъ дворца, убранный въ богатѣйшемъ стилѣ *renaissance*. Входятъ старыя и молодыя люди, разряженные, полуобнаженные женщины. У столовъ сидятъ мѣнялы, собирающіе золото; знатные кавалеры толпятся вокругъ нихъ. Нищіе и больные пробрались сюда, чтобы сбирать крохи, падающія со стола грѣха. Вправо занавѣска скрываетъ на-половину уже вовсе не двусмысленную сцену. Средняя картина представляетъ мраморную ванну съ купающимися женщинами, въ разныхъ позахъ: нѣкоторыя стоятъ, другія лежатъ, сидятъ. Въ срединѣ, въ самой срединѣ всей картины стоитъ нагая женщина — онѣ, впрочемъ, всѣ болѣе или менѣе нагія—голландской красоты, столь замѣчательно блестящей, что кажется, будто она освѣщаетъ всю картину. Эта фигура обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, и на нее — то обрушилась цѣлая масса насмѣшекъ. Остроумный Глассбренверъ сказалъ, что она похожа на морскую льдину, умный Френцель находить, что она страдаетъ водобоязнью, — самъ художникъ употребилъ на нее такъ мало краски, что кое-гдѣ проглядываетъ полотно. Вправо отъ этой женщины стоитъ другая, въ тяжеломъ красномъ бархатномъ платьѣ, и смотритъ въ зеркало. Третій отдѣлъ картины изображаетъ вакханалію, особенно на лѣвой сторонѣ, гдѣ происходитъ страшная оргія; направо идетъ игра и убійство.

Въ концѣ всѣхъ концовъ, картину Макарта нельзя не признатъ произведеніемъ замѣчательнаго таланта; это признаютъ даже противники художника. Создалъ ли художникъ въ этой картинѣ свое лучшее или единственное произведеніе—объ этомъ разсуждать я не дерзую. Изъ красивѣйшихъ цвѣтовъ не всегда образуются самыя сочныя плоды.

Е.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

М А Р Т Ъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Признаки времени и письма о провинции.
М. Салтыкова (Щедрина). Спб. 1869 г.

Имя г. Щедрина принадлежать къ именамъ настолько талантливымъ современной русской литературы, что, безъ сомнѣнія, займетъ въ исторіи ея видное мѣсто. Начавъ свою дѣятельность губернскими очерками, онъ породилъ цѣлую обличительную литературу, на поприще которой вышло вслѣдъ за нимъ многое множество писателей бездарныхъ и нѣсколько талантливыхъ. Одно время журналы только и питали свой беллетристическій отдѣлъ, что этою литературою; читатели бросались на нее съ жадностью, находя въ ней источникъ для благороднаго негодованія и для содержанія себя на высотѣ современныхъ требованій; но такъ какъ современныя требованія росли, а обличительная литература оставалась на точкѣ отправленія, выработавшись въ своего рода искусство съ особыми формами, приемами, красками, съ извѣстными восклицаніями и умолчаніями, то въ читателяхъ замѣтно стало являться къ ней равнодушіе; все безталанное тотчасъ исчезло, талантливое, но не умѣвшее хорошо оглядѣться вокругъ и найти точки опоры въ болѣе широкихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя требовались для бичеванія исправниковъ и становыхъ, тоже умолкло или при-

стало для своихъ питаній болѣе подходящія сюжеты. Если репутація г. Щедрина не только не упала во время этого крушенія обличительной литературы, но еще окрѣпла, значитъ въ его талантѣ была дѣйствительная сила, способная не на одно воспроизведеніе отживающихъ формъ жизни и на преданіе ихъ позору; сила эта заключалась въ воспримчивости къ новымъ идеямъ и требованіямъ, въ бойкомъ, нѣсколько грубомъ юморѣ и въ извѣстной долѣ художественности.

Можно быть почти увѣреннымъ, что сравненіе г. Щедрина съ Кантемиромъ многіе найдутъ слишкомъ смѣлымъ, и смѣлымъ — совершенно несправедливо — но въ пользу г. Щедрина, на томъ единственномъ основаніи, что г. Щедринъ не успѣлъ еще обратиться въ классика; но намъ это сравненіе кажется весьма естественнымъ и даже необходимымъ для указанія того мѣста, которое должно принадлежать г. Щедрину въ исторіи русской литературы. Въ характерѣ дѣятельности того и другого писателя и въ ихъ положеніи относительно современниковъ много общаго, какъ много общаго между нашей эпохой и той, которая порождена была реформами Петра. Мы не думаемъ проводить пространной параллели, а только напомнимъ главнѣйшія черты сходства и несходства. Общественныя силы,

какъ тогда, такъ и теперь, дѣлились на два лагерь, весьма отличныхъ другъ отъ друга и другъ съ другомъ боровшихся то явно, то тайно: лагерь сочувствующихъ реформамъ и вліяніямъ новой жизни и лагерь противниковъ ихъ; каждый лагерь, конечно, состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, отличавшихся другъ отъ друга не столько родовыми, сколько видовыми признаками. Типическое воспроизведеніе этихъ двухъ сторонъ общества съ ихъ видоизмѣненіями составляло задачу Кантемира, бѣднаго повѣстическимъ талантомъ, но богатаго образованіемъ и извѣстными твердыми, хотя и нѣсколько узкими даже для того времени идеалами; ту же задачу взялъ на себя и г. Щедринъ, богатый юморомъ и довольно бѣдный сколько-нибудь опредѣленными идеалами. Перечитывая г. Щедрина, трудно составить себѣ точное понятіе о его философіи, о его положительныхъ стремленіяхъ, о той обработанной и непоколебимой почвѣ, на которой казалось бы слѣдовало стоять беллетристу-исследователю, каковы онъ является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, и юмористу-сатирику, каковы онъ является въ послѣднихъ. Оба, Кантемиръ и Щедринъ, каратели „глуповцевъ“, оба—произведенія своей эпохи, но одинъ приступаетъ къ своимъ глуповцамъ съ яснымъ міровоззрѣніемъ, съ готовыми формами для мысли и образовъ, даже съ опредѣленной дозой одушевленія и негодованія; другой обладаетъ одушевленіемъ, заостреннымъ бойкимъ юморомъ, а потому болѣе сильнымъ, но безъ установившагося, глубоко продуманнаго политическаго или соціальнаго ученія. Направляя стрѣлы своего остроумія и юмора преимущественно на бюрократію, онъ почти также безъ почвы, какъ и она; сознавая ея положеніе, онъ проникается къ ней тѣмъ большею злостью, что чувствуетъ самъ въ себѣ ту же безпочвенность. Кантемиръ вѣрно и здравомысленно судитъ своихъ современниковъ, стрѣляя изъ своей крѣпости не торопливо, усердно и долго прицѣливаясь, тщательно взвѣсивая каждый зарядъ пороха и словно боясь, что лишній золотникъ поведетъ къ разрыву орудія; онъ чувствуетъ подъ собою твердую землю и дѣйствуетъ, какъ исправный артиллеристъ, увѣренный въ своихъ познаніяхъ, но не совсѣмъ увѣренный въ своемъ талантѣ; у г. Щедрина больше таланта, больше вдохновенія, но онъ

дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты, извѣстныхъ обстоятельствъ, даже личнаго раздраженія и увлеченія, и не жалѣетъ пороха для своихъ глуповцевъ, особенно, если убѣжденъ, что стрѣльба совершенно безопасна для самого артиллериста. Увлекаясь и раздражаясь, онъ иногда стрѣляетъ по пустому пространству, иногда принимаетъ за грознаго непріятеля невинныхъ овецъ, какъ принялъ ихъ за такового недавно одинъ изъ нашихъ генераловъ «что-то покорившихъ», иногда преслѣдуетъ бѣгущихъ непріятелей съ неудержимой злобой и хохотомъ, не проникаясь ни малѣйшею жалостью къ побѣжденнымъ; но чаще выстрѣлы его дѣйствительны и мѣтко попадая въ одну и ту же толпу, производятъ въ ней уронъ и нѣкоторое смятеніе. Холостные заряды, однако, оправдываются смѣлѣющими обстоятельствами: артиллеристъ не полный хозяинъ своей батареей и принужденъ иногда, скрѣпя сердце, наводить орудія вовсе не въ ту сторону, гдѣ стоитъ дѣйствительный непріятель. Онъ и махнулъ бы по немъ, махнулъ бы вѣрно и мѣтко, да заслоняетъ его нѣчто въ родѣ того облака, которое заслоняло іудеевъ отъ фараона. Все сказанное нами легко было бы подтвердить цитатами изъ книги, заглавіе которой выписано и которая заключаетъ въ себѣ послѣднія произведенія сатирика. Книгу эту можно считать квинтэссенціей щедринскаго юмора и сатиры; авторъ повторилъ въ ней себя самого, переложилъ прежніе образы въ разсужденія, кое-что объяснилъ глубже, кое-что добавилъ, примѣняясь къ росту общества. Съ этой книгою въ рукахъ можно приступить къ г. Щедрину, какъ съ гидомъ, уразумѣть его враговъ и даже опредѣлить, конечно отчасти только, его міровоззрѣніе.

Въ самомъ началѣ «Признаковъ времени и писемъ о провинціи» есть фраза бабушки Татьяны Юрьевны, обращенная къ внуку Николашенкѣ: «попомни ты, свѣтъ, рѣчь мою великую: не молви ты слова, языка твое напередъ не прикусивши»; въ другомъ мѣстѣ той же книги есть другая фраза, произносимая г. Щедринымъ отъ своего лица: «бываютъ положенія, къ которымъ нельзя относиться, по произволу, такъ или иначе, но въ виду которыхъ дѣлается обязательнымъ именно то, а не иное отношеніе». Эти прекрасныя правила можно было бы посовѣтовать всѣмъ нашимъ сатири-

нимъ особенно твердо намѣтовать; г. Щедринъ имъ тѣмъ менѣе можемъ исключить, что онъ вовсе не привыкъ обуздывать своего юмора. Юморъ — одно изъ самыхъ капризныхъ свойствъ писателя; онъ можетъ быть глубокъ и мелокъ, мѣткъ и поверхностенъ; достоинства его настолько цѣнны, симпатичны и живучи, насколько широко и живуче развитіе самого писателя; великія способности художественныя могутъ подсказать часто то, что не даетъ никакое развитіе, но сравнительно небольшія художественныя способности требуютъ осмотрительности и вдумчивости. Въ жизни бездна комическаго: почти всякое явленіе можно разсматривать съ этой стороны, но «можно» не значитъ «должно». Въ книгѣ г. Щедрина есть одинъ рассказъ, который всего больше заставляетъ вспомнить слова Татьяны Юрьевны: «не молви ты слова, языка твоего не прикусивши». Рассказъ этотъ — «Новый Нарцисъ или влюбленный въ себя», возбуждѣвшій при самомъ своемъ появленіи неблагоприятныя для автора толки. Нашлись люди, которые позволили себѣ прямо упрекнуть автора въ впаденіи бюрократіи. Упрекъ этотъ очевидно нелѣпъ въ отношеніи къ писателю, положившему лучшія силы свои отнюдь не въ курильницу съ ладавомъ; но упрекъ былъ заслуженъ, потому что авторъ направилъ свой юморъ на такое явленіе, которое показало признаки разложенія и нѣкоторую несостоятельность не вслѣдствіе внутреннего своего безсилія и лжи, а вслѣдствіе такихъ же обстоятельствъ, которыя ставятъ, напримѣръ, современнаго сатирика въ положеніе довольно комическое и безпомощное. «Съятеліи и дѣятеліи», какъ зло обозвалъ г. Щедринъ земскихъ людей, имѣли такое же право глубоко и основательно оскорбиться, какое имѣли бы современный сатирикъ, еслибъ сказали ему, что онъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ и говорить тоже о своего рода «попкахъ, мостахъ и о найдешевѣйшемъ способѣ изготовленія нижняго бѣлья». При помощи юмора не совсѣмъ трудно сатиру самого г. Щедрина свести именно къ такимъ остроумнымъ предметамъ, хотя такое отношеніе къ дѣятельности даровитаго писателя заслужило бы со стороны безпристрастнаго мыслителя строгій, но справедливый приговоръ. Все дѣло вовсе не въ томъ, что сатирикъ хотѣлъ будто бы кому-то курить, а въ томъ, что юморъ его на

этотъ разъ былъ направленъ не въ ту сторону, въ какую слѣдовало его направить, и притомъ направленъ въ такое время, когда было вовсе не до смѣху. Никакого умисла у г. Щедрина не было и даже не могло быть потому, что онъ человѣкъ искренній и честный; честность и искренность — тѣ качества, которыя замѣняютъ ему отчасти не совсѣмъ определенную политическую и социальную почву и съ которыхъ онъ никогда не сбивается; встречающаяся иногда поверхностность и неглубина его юмора легко объясняется отчасти незначительною долею другихъ качествъ, на которыя мы указали и которыя совершенно необходимы для того, чтобы никогда не сходить съ извѣстной высоты, отчасти обстоятельствами внѣшними, совершенно независимыми отъ автора. Оставляя эти послѣднія въ сторонѣ, мы укажемъ еще на одинъ признакъ, характеризующій первыя.

Въ настоящей книгѣ г. Щедрина то и дѣло изъ области образовъ переходитъ на почву размышленій; пока онъ рисуетъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, признаки какого-нибудь существующаго явленія, вы чувствуете его силу; но иногда ему кажется этого мало, и онъ уходитъ въ глубь явленія, стараясь отыскать и объяснить породившія его причины: тутъ онъ и скрывается въ непроницаемой тѣмѣ, уразумѣть которую можно только развѣ при помощи особеннаго словаря и особенныхъ примѣчалъ! столь же длинныхъ, какъ и самое разсужденіе. Тоже самое приходится сказать и о нѣкоторыхъ картинахъ дѣйствительности, напр. объ очеркѣ «Легковѣсныя», въ которомъ самое лучшее — заглавіе. Происходитъ ли это въ первомъ случаѣ оттого, что причины явленія ускользаютъ отъ самого сатирика, способнаго схватывать ярко только результаты, а во второмъ отъ привычки къ умолчаніямъ, намекамъ и аллегоріямъ, — разбирать не станемъ: для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ фактъ, который отрицать невозможно, и фактъ такого рода, что онъ черезъ десять лѣтъ сдѣлаетъ чтеніе нѣкоторыхъ очерковъ и разсужденій г. Щедрина столь же затруднительнымъ, какъ чтеніе іероглифовъ или по меньшей мѣрѣ сочиненій нашихъ мистиковъ и масоновъ. Трудно ожидать, чтобы нашлись особые специалисты, которые взяли бы на себя трудъ объяснить намеки и аллегорію, но еслибъ не на-

знаешь они, потомуто едва ли что-нибудь потеряетъ. Значеніе г. Щедрина вовсе не въ этомъ туманѣ и въ претензіяхъ на глубину: туманъ останется туманомъ, а въ глубинѣ своей же въ остояніи скусаться и выходить изъ нея неперемидимыми и цѣлыми. Значеніе г. Щедрина—въ искренности, въ яснотѣ, образныхъ фигурахъ и юморѣ. При этомъ, однако, нельзя не замѣтить, что, несмотря на продолжительную дѣятельность нашего писателя, онъ не далъ намъ ни одного яркаго, законченнаго образа, который былъ бы настолько значущъ, что представлялъ бы собою цѣлую страничку изъ современной исторіи и настолько цѣленъ, что обращалъ бы въ нарицательное имя. Образы, творимые г. Щедринымъ, обыкновенно какъ-то скоро блекнутъ и не засѣдаютъ въ головахъ на всю жизнь. Мы опять не станемъ разбирать, отчего это происходитъ—отъ недостатка ли художественныхъ силъ, или отъ того, что самая среда, изъ которой преимущественно черпаетъ свой матеріалъ писатель, слишкомъ машинообразна и слишкомъ безцвѣтна, или оттого, наконецъ, что писатель, набрасывая свои очерки, постоянно старается вывести новыя лица, которыя въ сущности отличаются отъ прежнихъ только видовыми, а не родовыми признаками. Впрочемъ, послѣднее замѣчаніе говорить въ пользу того, что г. Щедринъ не достаточно обладаетъ способностью въ концепціи характеровъ.

Мы должны поставить г. Щедрина на видъ еще одинъ недостатокъ его очерковъ—ихъ растянутасть, многорѣчивость, которая положительно мѣшаетъ цѣльному впечатлѣнію. Укажемъ для примѣра на статью «Хищники»; это едва ли не лучше всего, что есть въ настоящей книгѣ, и даже одинъ этотъ очеркъ, по глубинѣ и вѣрности мысли, стоить всѣхъ «Признаковъ времени» взятыхъ вмѣстѣ. Подъ именемъ хищничества сатирикъ разумѣетъ одно изъ насгѣдѣй крѣпостнаго права, выражающееся въ произволѣ однихъ надъ другими, въ преклоненіи передъ грубою силою. Это, по его словамъ, «стихія, которая движетъ вами, передъ которою мы пресмыкаемся и рабобѣстствуемъ, которую мы во всякую минуту готовы обоже- ствить... Это единственная сила, притягивающая къ себѣ современнаго человѣка, одно единственное понятіе, на счетъ котораго не существуетъ разногласія... Хищничество не вы-

маетъ и не убѣждаетъ, но раздражаетъ и въ- ступаетъ... хищничество идетъ дальше какого-нибудь пресрѣннаго Картуша; оно грабитъ, разоряетъ и уязвляетъ, и въ это же время находитъ справедливымъ, чтобъ въ уязвляемомъ судьбой играло сердце. Оно любитъ видѣть лица довольными, и если факты не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ, то укоряетъ въ неблагодарности и нераскаянности. — «Представьте себѣ, вѣдь еще вздумалъ унизиться, гадина! говорилъ однажды нѣкоторый молодой хищникъ, рассказывая мнѣ исторію одной расправы съ какою-то очень ничтожною и безъизвѣстною козавкою: мы его, знаете ли, за волосы, — такъ нѣтъ! корчаться вѣдуемъ... клопъ постельный!»... Я взглянулъ хищнику въ лицо: оно пылало такимъ искреннимъ негодованіемъ, что мнѣ сдѣлалось жутко. — «И онъ васъ очень больно укусилъ... этотъ клопъ?» спросилъ я не безъ волненія. — «Кто укусилъ? кого укусилъ? кто вамъ говорить, что укусилъ? напустился онъ на меня: развѣ эта мерзость кусаетъ? ее нужно истреблять... потому... потому»... Онъ не могъ докончить, потому что негодованіе сковывало его мысль, сдвигивало горло и задерживало тамъ приличныя случаю выраженія. Очеркъ этотъ написанъ съ страстнымъ одушевленіемъ, и всякая строка его понятна безъ всякихъ объясненій; но авторъ нашелъ нужнымъ руководить читателя и даже предостеречь его, чтобъ онъ не примѣнялъ написаннаго къ той или другой общественной сферѣ, къ тому или другому общественному классу. Предосторожность, по нашему мнѣнію, совершенно напрасная и только ослабившая разными вводными подробностями и повтореніями цѣлостность очерка.

Тоже самое должны мы сказать и о «Письмахъ о провинціи», которыхъ семь, но которыя легко могли бы уміститься въ три. Превосходныя характеристики нѣсколько разжижены и тутъ лишнимъ многословіемъ и даже повтореніемъ давнымъ давно сказаннаго самимъ г. Щедринымъ нисколько не хуже, если не лучше, чѣмъ теперь. Главный интересъ этихъ писемъ сосредоточенъ на анализѣ трехъ группъ провинціаловъ, которыя г. Щедринъ называетъ «исторіографами», «піонерами» и «складными думами». Впослѣдствіи онъ прибавляетъ еще четвертую группу подъ име-

нать «ненавистничества», но въ сущности это тѣ же исторіографы, помянутое только исключительно по отношенію къ одному факту, именно къ 19 февраля 1861 года. Раздѣленіе провинціаловъ на эти группы произошло вслѣдствіе наплыва лицъ судебного вѣдомства, «піонеровъ», которые отличаются дѣловитостью, скромностью и независимостью убѣжденій, качествами прежде не встрѣчавшимися, по крайней мѣрѣ, въ такой законченности, въ провинціи. «Исторіографы» — это тѣ, которые издавна привыкли понимать себя прирожденными исторіографами Россіи и зиждателями ея судебъ, и вдругъ это ихъ мнимое право оспаривается. Исторіографы, не обладающіе ни образованіемъ, ни начитанностью, никакими видными качествами, поднимаются именно во имя своего ничтожества и зависти и начинаютъ дѣйствовать, «отчасти глупѣе, отчасти клеветой». «Піонеры» — постепеновцы, то-есть люди, вѣрующіе и совершенно рationally въ преуспѣяніе отечества путемъ постепенныхъ реформъ, и такихъ-то людей «исторіографы» обвиняютъ въ нигилизмѣ, коммунизмѣ, въ стремленіи произвести революцію даже внѣшними формами, гуманнымъ обхожденіемъ, скромнымъ образомъ жизни, отсутствіемъ стремленія «бить подсудимыхъ по скуламъ и сгибать ихъ въ бараній рогъ». Но главное страшилище ихъ, представляемое піонерами, это — законность, «тотъ многоглавый минотавръ, съ которымъ сей новый Тезей искони ведетъ неустанную борьбу, и ведетъ далеко не безуспѣшно»... Ненавистники, какъ мы уже сказали, только видоизмѣненіе исторіографа, жалкое, почти помѣшанное отъ злобы существо на великую крестьянскую реформу. «Она всякую народную бѣду готовъ приурочить къ 19-му февраля, потому что въ дурацкой его головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной ему этимъ ужаснымъ для него числомъ... Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрежещутъ зубами втихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дня и на всѣхъ діалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опасаясь ни отпора, ни возраженій, сулятъ окончить въ самомъ ближайшемъ времени съ тѣмъ, что они называютъ «гнусною завыскою нигилизма и демагогіи», и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистникамъ нѣтъ никакого

дѣла, а преобразованія послѣдняго времени. Это явленіе замѣчается, какъ извѣстно, и въ столицѣ, на него обращала вниманіе вся журналистика, но г. Щедринъ охарактеризовалъ его такими крупными, такими безподобными чертами, что послѣ него сказать нечего. Резюмируя всѣ толки о пьянствѣ, исходящіе отъ исторіографовъ, г. Щедринъ говоритъ: «Представьте себѣ страну, которой жители поголовно пьяны, въ которой господа съ утра до ночи пьютъ мадеру, а рабочій и прочій «подлый» народъ сивуху — какое будущее можетъ ожидать такую страну? Представьте себѣ: въ этой странѣ есть правосудіе, но оно отирается въ пьяномъ видѣ; есть армія, но она защищаетъ отечество въ пьяномъ видѣ; есть администрація, но она распоряжается въ пьяномъ видѣ; есть, наконецъ, административные, но они повинуются въ пьяномъ видѣ... Вы, конечно, скажете, что все это не больше, какъ плоская и невѣроятная шутка, что это нелѣпо-волшебное представленіе, въ которомъ неожиданности и сверхестественности превращеній дозволено замѣнить здравый смыслъ, — да, это такъ, это дѣйствительно наглая и смѣшная достойная шутка; но таковы именно фонъ той картины, которую вслѣсть рисуютъ передъ нами губернскіе исторіографы».

«Письма о провинціи» имѣютъ еще одно достоинство по отношенію къ характеристикѣ самого писателя. Мы сказали вначалѣ, что невозможно уловить у г. Щедрина опредѣленнаго мировоззрѣнія: только что успѣешь подумать, что онъ вотъ что, какъ, черезъ нѣсколько страницъ, приходишь къ убѣжденію, что ошибся. Въ «Письмахъ о провинціи», подписанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ они первоначально были напечатаны, псевдонимомъ «Гуринъ», напротивъ, возрѣнія г. Щедрина являющіяся въ довольно опредѣленномъ видѣ: тутъ онъ просто защитникъ реформъ, ихъ сущности и широкаго примѣненія къ жизни, и во имя одного этого принципа онъ бьетъ исторіографовъ, ненавистниковъ и складныхъ души (подъ этимъ терминомъ онъ разумѣетъ людей безъ убѣжденія, перебѣгающихъ отъ піонеровъ къ исторіографамъ и на оборотъ, и кончающихъ тѣмъ, что оба лагеря ихъ отвергаютъ). Намъ кажется, что тутъ-то именно и скрывается настоящій, искренній Щедринъ. Если же въ другихъ произ-

ваденіяхъ онъ является съ фантомою мѣнѣ опредѣленною, то это происходитъ отъ большого запаса юмора, который не сдерживается вѣдѣтнѣ чистаго чувства противъ реакціонныхъ замашекъ и бьетъ иногда, не достаточно разбирая кого. Но неопредѣленность все-таки существуетъ и все-таки мѣшаетъ сатиру быть совершенно ясною; легкій скептицизмъ, не совсѣмъ удобный въ наше всенизмѣряющее и извѣбливающее время, старается замаскироваться въ нѣчто такое, что будто бы весьма далеко идетъ, дальше, чѣмъ всѣ другіе, и не замѣчаетъ, что производитъ карикатуру и шаржъ, даже фельетонъ, дѣйствіе которыхъ скоропреходяще, какъ веселость послѣ хорошаго обѣда.

Сочиненія и переводы А. Н. Баженова. Съ портретомъ автора. Москва. 1869. XIII и 814 стр.

Многіе могутъ спросить, за чѣмъ собраны и изданы статьи, статейки и замѣтки покойнаго Баженова, писателя весьма мало замѣчательнаго и совсѣмъ неизвѣстнаго? Наша критика любитъ ставить такіе вопросы, потому что на нихъ очень легко отвѣчать съ юморомъ и злостью и совсѣмъ забыть маленькаго писателя. За чѣмъ онъ явился, кто его просилъ, кто требовалъ? Пусть бы забавлялся себѣ съ маленькимъ талантомъ своимъ и маленькими идейками въ летучихъ листахъ. Рецензенты простираютъ иногда заботливость свою до того, что начинаютъ жалѣть бумагу и наборъ и принимаются высчитывать напрасно затраченный капиталъ, какъ будто онъ похищенъ изъ собственнаго ихъ кармана или употребленъ въ самомъ дѣлѣ на позорное дѣло. Намъ кажется, что напрасны подобныя сожалѣнія и тупы стрѣлы, направленныя въ тѣхъ, которые и безъ того малы: въ каждомъ человѣкѣ, особенно такомъ, которому кажется, что жизнь онъ прожилъ не даромъ, весьма естественно желаніе услышать судъ современниковъ и оставить послѣ себя частицу своей личности въ написанномъ. Добросовѣстное отношеніе къ такимъ писателямъ тѣмъ болѣе необходимо, что не требуется ни особеннаго ума, ни особеннаго таланта для того, чтобы «сказннить» ихъ, и «сказннить» безъ всякой пользы для современниковъ и потомства, иногда единственно для того, чтобы показать свое

дешевое остроуміе. Критика должна опредѣлять только значеніе писателя и не задаваться вопросами ея неблаговѣстности.

Сочиненія Баженова изданы его родственниками и составляютъ три большихъ тома. Главная дѣятельность его посвящена была театру, но онъ упражнялся также и въ другихъ родахъ литературы, перевелъ стихами всего Анакреона, нѣсколько пьесъ «Нибелунговъ» и двѣ комедіи Аристофана «Осы» и «Птицы». О московскомъ театрѣ сталъ онъ писать съ 1859 г. и продолжалъ почти непрерывно до самой своей смерти, въ 1867 г., преимущественно въ основанной имъ газетѣ «Антрактъ». Не обладая талантомъ, Баженовъ притворялся въ дѣятельности театральнаго рецензента весьма добросовѣстно, много читалъ объ искусствѣ, даже изучалъ все то, что написано было объ этомъ на нѣмецкомъ языкѣ, и никогда не вносилъ въ свои отзывы ни пристрастія, ни дружескихъ отношеній. По эрудиціи это былъ едва ли не самый сильный изъ всѣхъ нашихъ театальныхъ рецензентовъ, бывшихъ и настоящихъ, а потому чтеніе его не бесполезно для нашихъ сценическихъ дѣятелей, обыкновенно не руководящихся ничѣмъ, кромѣ своего собственнаго, за-частую весьма жалкаго вдохновенія. Какъ человекъ, однако, безъ таланта, онъ впадалъ иногда въ крайнюю односторонность, какъ при разборѣ театальныхъ пьесъ, такъ и въ сужденіяхъ своихъ о значеніи сцены вообще. Исходя изъ довольно узкихъ нравственныхъ и социальныхъ доктринъ, онъ съ необыкновенной настойчивостью требовалъ классическаго репертуара и, благодаря его настояніямъ, московская сцена одно время была запружена Мольеромъ, Кальдерономъ и проч. Онъ стоялъ также за русскія классическія пьесы и написалъ хорошую статью о необходимости обновленія сценической постановки «Горе отъ ума». Безусловный поклонникъ Шекспира, онъ говорилъ: «пустъ пьесы его исполняются на нашей сценѣ не совсѣмъ удачно, пусть разучиваются даже по переводамъ Кетчера, но пусть только исполняются и разучиваются. Покойный Линкольнъ, страстно любившій англійскаго поэта, говаривалъ: «Мнѣ дѣла нѣтъ, хорошо или дурно разыгрываютъ Шекспира: у него мысль замѣняетъ все остальное». Кромѣ значенія матерьяла для исторіи московскаго театра и небезполезнаго чтенія для актеровъ, первый

томъ представлять нѣсколько фактовъ для характеристичной общественной жизни. Такъ напр., въ концѣ 1864 г. *Баженъ* спомѣстилъ въ «Антрактѣ» разборъ спектакля, даннаго въ пользу Симбирска нѣкоторыми лицами высшаго московскаго общества. Рецензія была написана съ большою сдержанностью и въ формахъ вполне приличныхъ, и однако вызвала въ благотворителяхъ негодованіе, дошедшее до крайняго комизма. «Какъ—разсуждали дамы высшаго общества—мы удостоиваемъ общество чести публично показывать себя и дочерей нашихъ съ эстрады и вѣсто того, чтобъ падать ницъ предъ нашею condescendence, находятся люди, дерзающіе разбирать наши gestes et paroles, хвалить одно, хулить другое». Дѣло не кончилось домашними пересудами и перешло въ печать. Князь Кугушевъ счелъ своею обязанностью написать возраженіе, въ которомъ находятся между прочимъ слѣдующія строки: «Какъ я не могу себя представить кого либо выше Садовскаго въ Расплюевѣ, такъ я не могу себя вообразить любительницы-артистки изящнѣе г-жи Мясоѣдовой. Княжна Трубецкая, не будучи артисткой, ни по рожденію, ни по призванію, *согласилась въ пользу погорѣвшихъ показать себя съ эстрады*: тутъ, какъ и въ жизни, она была княжной Трубецкой. Честь ей и слава за это!.. Г. Кислинскій былъ вполне прекрасенъ, еслибъ неумѣстное и странное щелканье не мѣшало его игрѣ. *Согласиться щелкать можно только въ пользу погорѣвшихъ*“...

Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 годахъ. Составилъ по документамъ А. Подвысоцкій. Спб. 1869.

«Записки» эти даютъ нѣкоторое понятіе о состояніи Варшавы и польскаго общества передъ началомъ возстанія. Заключая въ себѣ нѣсколько официальныхъ документовъ, онѣ могутъ служить историческимъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, авторъ не чуждъ того полицейско-патріотическаго отношенія къ полякамъ, которое можетъ быть понятно во время возстанія, но совершенно неумѣстно, когда страсти улегаются. Это странное отношеніе заставляетъ даже русскаго читателя осторожно относиться къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Подвысоцкимъ, а о полякахъ, конечно, и говорить нечего. Впрочемъ, этого ингредиента у г. Подвысоцкаго мало сравнительно, напримѣръ, съ такими историка-

ми, какъ гг. Ратчъ и Гогель, которые воображали, что историческіе факты суть не что иное, какъ приговоръ негласной слѣдственной коммисіи, а историческая критика есть не иное что, какъ наборъ словословія въ пользу однихъ и наборъ проклятія на голову другихъ. Побѣдителямъ прилично держать себя спокойно и не ронять напрасно своего достоинства тѣмъ гнѣвомъ, который также мало походитъ на гнѣвъ Зевса, какъ гнѣвъ полицейскаго служителя. Читая записки г. Подвысоцкаго, невольно сравниваешь теперешнее положеніе царства польскаго съ положеніемъ его передъ возстаніемъ. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, пріѣздъ архіепископа Фелинскаго въ Варшаву въ январѣ 1862. Распорядившись открытіемъ костеловъ, закрытыхъ передъ тѣмъ его предшественникомъ, какъ поруганныя будто бы военной силою, позволившей себѣ вступить въ храмъ, Фелинскій произнесъ въ кафедральномъ соборѣ рѣчь, навлекшую ему открытыя преслѣдованія со стороны поляковъ. Чтожъ было чрезъвычайнаго въ этой рѣчи? Въчрезвычайно мягкихъ выраженіяхъ касаясь пѣнія революціонныхъ гимновъ въ храмахъ, Фелинскій говорилъ: «Эти пѣсни были хороши, потому что выразили властямъ чего мы желаемъ. Теперь же начальство познало эти наши желанія. Я именно являюсь объявить и сообщить вамъ пріятную надежду, что монархъ желаетъ удовлетворить нужды нашего края. Я говорилъ съ монархомъ и говорилъ долго. Онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ лишить насъ ни народности нашей, ни религіи, что исполнитъ общанія, предоставитъ все, чего желаемъ; но при этомъ поставилъ одно условіе, чтобы край успокоился, чтобы прекратилось пѣніе запрещенныхъ гимновъ. Поэтому, братья, заклинаю васъ и прошу во имя Бога, во имя спокойствія отчизны, воздержитесь на нѣкоторое время отъ пѣнія этихъ гимновъ. Вы скажете, быть можетъ, что общанія, дававшіяся вамъ монархомъ, иногда не были исполнены. На это скажу вамъ: имѣю слово монарха, что теперь они будутъ исполнены». Выражаться свободнѣе съ церковной кафедры кажется трудно, а между тѣмъ рѣчь произвела неудовольствіе: такъ настроено было общество предводителями возстанія. Извѣстно, что наше правительство дѣйствительно готово было на уступки и дѣлало ихъ; уступки эти резюмируются такъ въ корреспонденціи изъ Варшавы въ одну

нѣмецкую газету, корреспонденціи, которая перепечатана была въ «Варшавскомъ Дневникѣ» на видномъ мѣстѣ: «Польша два года тому назадъ была немного болѣе русской области; теперь она автономическое, какъ бы личнымъ союзомъ соединенное съ Россіей королевство. Въ главѣ управленія находится младшій братъ императора, а при немъ находится способнѣйшій мужъ Польши нынѣшняго времени (маркизъ Велепольскій). Совѣтъ управленія, въ прежнее время составленный изъ русскихъ, нынѣ состоитъ почти исключительно изъ поляковъ и мужей возвысившихся заслугой. Государственный совѣтъ, составленный почти изъ однихъ поляковъ, извѣстныхъ опытностью, любящихъ свой край патриотовъ, представляетъ собою дѣятельный органъ потребностей края. Всѣ высшія должности замѣщены почти исключительно поляками. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ чиновниковъ края нѣтъ и ста русскихъ, да и тѣ болѣею частью знаютъ польскій языкъ. Провинціи царства имѣютъ законно-установленные, хоть еще и не созданные губернскіе совѣты, а уѣзды—уѣздные совѣты. Во всѣхъ большихъ городахъ уже введены городскіе совѣты на выборномъ началѣ, и проч. Изъ этого видно, что провинція Россійской имперіи въ другой разъ со временъ Александра I начинала приобирать то, чего не имѣла сама имперія. При открытіи государственнаго совѣта въ сентябрѣ 1862 г., великій князь намѣстникъ говоритъ рѣчи на польскомъ языкѣ; упомянувъ о томъ, что городскіе выборные совѣты трудятся съ пользою, онъ продолжаетъ такъ: «полученныя нынѣ просьбы отъ 17 городовъ объ учрежденіи въ нихъ также совѣтовъ, служатъ новымъ доказательствомъ сознанія въ краѣ этой инстигуции. Одновременно съ вашими совѣщаніями, открывается университетъ, политехническій институтъ и другія учебныя заведенія въ краѣ, организація которыхъ одобрена въ прошедшихъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, при обсужденіи проекта закона о народномъ образованіи. Благодаря отеческой заботливости государя императора, самоуправленіе царства польскаго получило новое подтвержденіе, отдѣленіемъ отъ главныхъ управленій въ имперіи еще нѣкоторыхъ отраслей службы въ царствѣ, какъ-то: почтъ, путей сообщенія и другихъ». Въ заключеніе рѣчи великій князь намѣстникъ говоритъ о проектахъ законовъ, доказывающихъ

желаніе правительства дать Польшѣ протрескивающія преобразованія. И все это было такъ недавно, какихъ-нибудь шесть лѣтъ назадъ, и все это однако кажется дѣломъ столь давнимъ, что чтеніе этихъ документовъ производитъ, при настоящемъ положеніи царства польскаго, впечатлѣніе, въ которомъ трудно отдать себѣ обстоятельный отчетъ. Рѣчь объ автономіи царства не раздается болѣе изъ правительственныхъ сферъ, но объ ней молчатъ даже и печать, какъ о дѣлѣ несбыточномъ и невозможномъ. Восстаніе произвело коренной переворотъ во мнѣніи правительства и въ общественномъ мнѣніи.

Виленьскій Сборникъ. Издавъ В. Кулинъ. І. Вильно. 1869.

Г. Кулинъ издавъ этотъ сборникъ, руководствуясь желаніемъ „распространить въ русскомъ обществѣ полезныя свѣдѣнія о сѣверо-западныхъ губерніяхъ“. Желаніе совершенно похвальное. «Не могу, однако, не выразить сожалѣнія—говоритъ онъ—что по обстоятельствамъ, какъ Записки Добрынина, такъ и большая часть и другихъ статей, не могли быть напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были написаны». Тѣ обстоятельства, о которыхъ говоритъ г. Кулинъ,—цензура. Г. Кулинъ человекъ благонамѣренный и патриотъ, сборникъ составленъ въ благонамѣренномъ и патристическомъ духѣ; значить, цензура преслѣдуетъ этотъ духъ? Судя по статьямъ сборника, этого предположить невозможно: во-первыхъ потому, что нѣкоторые изъ нихъ написаны даже въ чрезмѣрно-полюемическомъ тонѣ противъ всендзовъ и пановъ, а во-вторыхъ потому, что самъ г. Кулинъ ставитъ русскому чиновнику XVIII вѣка, Добрынину, въ вину такое чувство, какъ «гуманность», «которая, продолжаетъ г. Кулинъ, укрѣпляла врожденную его наблюдательность, но сама по себѣ не могла дать автору ясныхъ политическихъ воззрѣній и научить его понимать проходившія передъ его глазами явленія политической жизни—недостатокъ, отъ котораго впрочемъ начали освобождаться образованные русскіе люди». Понятно, что человекъ, ставящій въ вину русскому «гуманность», не можетъ допустить въ свой сборникъ ничего такого, что было бы гуманно и, стало быть, не совсѣмъ благонамѣренно. Если онъ допустилъ записки Добрынина, то единственно по-

тому, что „въ Добрынинѣ этотъ недостатокъ (гуманность) не былъ слишкомъ силенъ“. Строгость цензуры, значить, слѣдуетъ искать въ чемъ-нибудь другомъ. Записки Добрынина даютъ намъ матеріалъ для сужденія: только одна часть этихъ записокъ, именно нашествіе французовъ, явилась въ полномъ видѣ, остальное, гдѣ онъ рассказываетъ свое служебное поприще, свои сношенія съ генералъ-губернаторомъ Пассекомъ, который постоянно заставлялъ его исполнять свои частныя порученія, ѣздить изъ Могилева въ Москву, Тамбовъ, Пензу, Таганрогъ, причѣмъ Добрынинъ видѣлъ «разнаго званія людей» (отъ Державина до подрядчиковъ)—обо всемъ этомъ передано либо въ отрывкахъ, либо въ перифразѣ. Такимъ образомъ, мы можемъ заключить, что виленская цензура не могла помириться съ откровенностью Добрынина, какъ относительно Державина, такъ и могилевскихъ чиновниковъ XVIII вѣка.

Сборникъ состоитъ изъ матеріала этнографическаго, между которымъ можно указать на статью г. Крачковскаго «Очерки быта западно-русскаго крестьянина», составленные на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ сельскими учителями, и матеріала историческаго. Изъ послѣдняго стоило печатать только записки Добрынина, заключающія въ себѣ не мало интересныхъ подробностей мѣстнаго быта и живое описаніе нашествія французовъ, пребыванія Наполеона въ Витебскѣ, грабежи французскихъ солдатъ и бѣдствія населенія, которое умирало съ голоду, такъ какъ цѣна хлѣба за фунтъ поднялась до 1 р. 50 коп. (рубль былъ серебряный и считался въ 450 коп.). Добрынинъ зналъ и встрѣчалъ многихъ дѣятелей, графа З. Г. Чернышева, тогдашняго бѣлорусскаго главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Вязмитинова, Пассека, бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Александра Виртембергскаго, императоровъ Іосифа и Наполеона и императрицу Екатерину. Іосифа и Екатерину онъ видѣлъ въ Могилевѣ, но любопытнаго сообщилъ объ нихъ только то, что «великимъ людямъ потребны великіе замыслы», или: «не разсуждая полнымъ смысломъ о качествахъ и жребіи царей, разсуждалъ я тогда по своему: возможно ли, думалъ я, что встрѣтятся съ нимъ (съ Іосифомъ, гулявшимъ инкогнито по Могилеву) можно было замѣтить, что онъ глава 26-ти милліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ

нѣмецкаго народа»? О лицахъ менѣе высокосоставленныхъ Добрынинъ сохранилъ болѣе яркія черты. Первое значительное лицо, которое встрѣчаемъ мы у Добрынина, витебскій землевладѣлецъ, генералъ Боборыкинъ. Онъ принималъ Добрынина, лежа въ банѣ и полку безъ одѣянія. Уже и это оригинально, но генералъ былъ еще оригинальнѣе, когда находился въ чинѣ майора. Узнавъ, что единственный сынъ его убитъ на сраженіи, онъ позвалъ полковую музыку, назвалъ гостей пировать цѣлыя сутки. Екатерина обратила вниманіе на этотъ пиръ, и когда ей объяснили его значеніе, она сказала: «видно, старикъ припалъ сердечный смѣхъ».—Нѣтъ, отвѣтствовали ей, и въ такомъ присутствіи духа жандому въ слезахъ говорить: «для благороднаго чловека нѣтъ славнѣе мѣста умереть, какъ сражаясь за отечество». Монархія оцѣнила Боборыкина по достоинству, «пріемля на себѣ попеченіе помогать и награждать его потерю всѣхъ остатковъ дней своихъ». Когда послѣ того умерла жена его, то онъ два года въ церковь не ходилъ и не хотѣлъ признавать ничего святого. Но это горе было уврачевано великимъ торжествомъ, полученнымъ имъ въ Москвѣ. Причина торжества заключалась въ томъ, что Боборыкинъ не отказывалъ въ просьбахъ маленькимъ, тетушкамъ и бабушкамъ, когда они просили его о производствѣ въ унтеръ-офицеры и сержанты «россійскаго благороднаго юношества». Майоръ это дѣлалъ не за деньги какъ другіе, а единственно по добротѣ сердечной, юношество же радовалось тѣмъ болѣе, что изъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ выпускалось поручиками и капитанами. Пріѣхалъ майоръ въ Москву, пошелъ въ театръ и сѣлъ въ партеръ. «Черезъ минуту, рассказывалъ онъ Добрынину, по всему театру пошелъ гулъ, — далъ больше, далъ больше и вдругъ въ ложахъ и въ партерѣ ударили въ ладоши и закричали Петръ Ивановичъ Боборыкинъ! П. И. Б! а г-жи княгини, графини и другихъ знатныхъ фамилій, будучи бабушки, тетушки, матушки, сестрицы, во всю мочь кричать со всѣхъ мѣстъ дайте намъ Боборыкина! покажите намъ благодѣтеля нашихъ дѣтей! нашихъ внуковъ! нашихъ братьевъ! племянниковъ! Иныя вскакиваютъ на стулы, на парашетъ и кричатъ: ну руки его! на руки его!..»

Торжество, какъ видно, доставалось тогда

не особенно трудно, и торжественность вообще любили. Графъ Г. З. Чернышевъ, напр., учредилъ въ Могилевѣ такой церемоніалъ: когда онъ самъ посѣщалъ намістническое правленіе, то на небольшомъ разстояніи предъ крыльцомъ правленія ожидали его придверники или швейцары отъ намістн. правленія, отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа общественнаго призрѣнія и отъ обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда по одному. Они были въ перевезяхъ, малиноваго цвѣта, по мундиру синяго цвѣта и, держа передъ собою мѣдныя булавы, предходили штату государева намістника до дверей намістническаго правленія. Такая же почестъ дѣлалась губернатору въ небытность въ губерніи генераль-губернатора. Этотъ порядокъ очень нравился Добрынину и, когда въ 1797 г. его отмінили, онъ замѣчаетъ: «мнѣ, будучи уже совѣтникомъ, часто случалось всходить на лѣстницу въ присутствіе, смѣшавшимся вмѣстѣ съ заслуженными инвалидами, съ криминальными преступниками, сопровождаемыми блестящими тесаками. Меня эта пестрота и равенство всегда забавляли; но порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не кстати». И этого-то Добрынина г. Кулинь упрекаетъ въ гуманности! Странные взгляды на гуманность существуютъ въ Вильнѣ.

Чиновничій бытъ характеризуется рассказомъ о «масоніи», которую учредилъ начальникъ губернаторской канцеляріи, Алѣевцевъ. «Масонія» состояла въ томъ, что Алѣевцевъ напаивалъ канцеляристовъ и другихъ своихъ гостей шампанскимъ, которое стоило тогда въ Могилевѣ 1 р. 60 к. за бутылку и среди пиррушки вскрикивалъ: «мы здѣсь всѣ братья, масоны!» Остальные гости вторятъ крикомъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе!» и, по указанію Алѣевцева, бросаются на казого-нибудь «благороднаго канцеляриста», который въ чемъ-нибудь провинился, напр., не сойдитъ въ канцелярію, не хорошо пудрился, носилъ грязное бѣлье и проч. Виноваго раздѣвали и клали на скамейку, крича «безпрерывно во всю мочь: «любезный братъ, прими отъ насъ лобзаніе» и напештываютъ, что, по правиламъ масонства, надо испытать сго твердость духа—тѣмъ для него хуже, если онъ не белааетъ. Затѣмъ притоготвленные пука два льника начинаютъ свое дѣло. Кричи сколько какъ ему угодно, его никто не слышитъ по-

тому, что всѣ безпрерывно кричатъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе!» а другіе, сидя спокойно по мѣстамъ, воспеваютъ: «ельникъ мой ельникъ, частый мой березникъ» и прочія простонародныя пѣсни». Этой забавѣ очень сильно предасть былъ Алѣевцевъ. Дошло до губернатора, что Алѣевцевъ завелъ масонію. — «Какую ты масонію завелъ?» спросилъ его встревоженный губернаторъ, и очень смѣлся узнать въ чемъ дѣло. Когда образовалось намістничество, его перевели ассессоромъ въ казенную палату. Добрынинъ очень симпатизируетъ этому горю и, будучи, по вилеискимъ понятіямъ, гуманнымъ человекомъ, замѣчаетъ: «его всѣ почитали и желали имѣть въ немъ надобность, но онъ, будучи обезкураженъ незavidною для него вакансією, и находясь на свободѣ, не могъ самъ собою управлять, отолстѣлъ и вскорѣ умеръ».

Не считая Добрынина особенно гуманнымъ человекомъ, мы тѣмъ не менѣе жалѣемъ, что записки его не явились цѣликомъ: онъ вполнѣ бы того заслуживалъ не только по содержанию, но даже по изложенію, которое мѣстами обнаруживаетъ въ авторѣ литературный талантъ.

А. С.—нѣ.

Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Вазунова, съ указаніемъ 20,000 критическихъ статей, рецензій и библиографическихъ замѣтокъ, изъ всѣхъ період. изд. и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 до 1869 года, и 400 переводовъ русск. сочиненій на иностранные языки, въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Состав. В. И. Межовъ. Спб. 1869. Стр. 995. Ц. 2 р. 25 к.; съ перес. 2 р. 75 к.

Заглавіе книги ясно говоритъ и о ея назначеніи и объ объемѣ самаго труда, вмѣстившаго въ себѣ до 12,000 заглавій, изъ которыхъ 7,200 сопровождаются критическими и библиографическими указаніями. Предисловіе г. Межова предупреждаетъ всѣ строгія требованія, которыя обыкновенно предъявляются въ виду подобныхъ сложныхъ и кропотливыхъ трудовъ, хотя и при своихъ недостаткахъ подобныя изданія остаются величайшею заслугою предъ литературой и наукой. Въ заключеніе предисловія, авторъ проситъ всѣхъ, кто откроетъ недостатки и просмотры въ отдѣльныхъ случаяхъ, сообщать о томъ составителю

для исправленія въ слѣдующемъ изданіи, и остается только пожелать, чтобы каждый, въ вопросѣ лично его интересующемъ, оказалъ такое легкое содѣйствіе составителю каталога. Самый каталогъ раздѣленъ по наукамъ на 16 отдѣловъ, съ двумя дополненіями къ нимъ, и съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ, составителей, критиковъ и рецензентовъ. „Каталогъ“ обнимаетъ собою почти пятидесятилѣтніе нашей литературы и науки, представляя собою такъ сказать статистику нашего умственного труда; потому мы видимъ въ этомъ каталогѣ болѣе нежели справочную книгу; это—лучшее руководство для тѣхъ, кто захотѣлъ бы представить обзоръ успѣховъ нашей умственной жизни за послѣднее пятидесятилѣтіе.

Особенную цѣну приобрѣтаетъ каталогъ указаніемъ критикъ и рецензій слишкомъ на половину изданныхъ книгъ, и для будущаго историка нашей литературы эти указанія драгоценны, представляя ему готовый матеріалъ, который пришлось бы каждому отыскивать съ величайшимъ трудомъ.

Такъ какъ предпринимаетъ А. Θ. Базуновымъ изданіе будетъ имѣть продолженіе—по крайней мѣрѣ этого нужно желать—то мы посоветовали бы почтенному издателю съ нынѣшняго

года издавать подобный каталогъ по годамъ начиная съ текущаго, и потомъ на основаніи такихъ ежегодныхъ каталоговъ, въ каждомъ десятилѣтіи возобновлять свой систематическій каталогъ, сдѣлавъ въ немъ исправленія и дополненія. Составленіе ежегоднаго каталога несравненно легче и удобнѣе, а въ послѣдствіи такіе ежегодные каталоги составятъ готовый матеріалъ для каталога періодическаго. При такой системѣ мы получимъ самый полный и исправный каталогъ, напр., къ 1875 году когда исполнится первое пятидесятилѣтіе, послѣдовавшее за Александровскою эпохою нашей литературы, и за тѣмъ изданіе возобновится черезъ 10 лѣтъ и т. д. Самое трудное начало—сдѣлано, и было бы достойно сожалѣнія, если бы мы и остались при одномъ началѣ, заслуживающемъ впрочемъ по себѣ полную признательность всѣхъ любителей отечественной литературы и науки.

Мы слышали, что А. Θ. Базуновъ готовитъ такое же изданіе для обзора всѣхъ статей вошедшихъ въ наши журналы. Это было бы не менѣе важною заслугою, такъ какъ у насъ весьма часто литература почти цѣликомъ уходила въ журналы, и подобный указатель и служилъ бы огромнымъ дополненіемъ къ вышедшему нынѣ „Каталогу книгъ“.

Отвѣтъ на рецензію, напечатанную въ № 2 «Вѣстника Европы» за 1869 г. по поводу историческаго учебника г. Шуфа *).

Въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1869 годъ была напечатана рецензія, и по поводу моего учебника, и я отвѣчаю на нее единственно на основаніи слѣдующаго соображенія: не вся читающая публика имѣетъ время и возможность сличить замѣчанія о моихъ книгѣ, высказанныя въ той рецензіи, съ самою книгою, и въ моемъ молчаніи многіе могутъ видѣть невольное согласіе съ мнѣніями рецензента журнала. Рецензентъ говоритъ: «Уже изъ предисловія видно, что г. Шуфъ боится всякой самостоятельности; высказывая самыя обыкновенныя, общепринятыя мысли о преподаваніи исторіи, онъ считаетъ своею обязанностию ссылаться на Шульгина, Кампе, Овсянникова, Шварца, Петера и проч.».

Мысли о томъ, что гимназическій курсъ исторіи слѣдуетъ раздѣлять на przygotowительный и систематическій, что przygotowительный или элементарный курсъ исторіи, долженъ состоять изъ біографій, что на первой ступени обученія исторію должно излагать въ формѣ эпизодической и монографической, что въ этотъ курсъ исторіи должно ввести для наглядности обзоръ

*) Отвѣтъ автора могъ бы быть принятъ интересующимися его дѣломъ за рекламу, потому что сочинъ полезенъ для автора и его труда—въ выносахъ, при каждомъ пунктѣ, помѣстить объясненія нашего рецензента, которыя послужатъ доказательствомъ, что высказанное нами мнѣніе о труду г. Шуфа было вызвано необходимою данію истинное понятіе объ учебникѣ, независимо отъ того что думаетъ самъ авторъ о собственномъ произведеніи. — *Ред.*

не художественныхъ памятниковъ, что курсъ исторіи должно начинать съ исторіи извѣстной мѣстности (напр. исторіи *Москвы*), что методъ преподаванія исторіи долженъ быть *эвристическій* т. е., всѣ эти мысли, которыя я высказываю въ предисловіи къ моей книгѣ (см. предисловіе — X), считать *общепринятыми* и *обыкновенными* значитъ ровно ничего не знать обо всемъ этомъ. Пусть укажетъ мнѣ критикъ хотя одно заведеніе, гдѣ принято преподаваніе исторіи на такихъ началахъ, пусть укажетъ мнѣ хотя *одинъ учебникъ* не только Русской Исторіи, но и Всеобщей, составленной на основаніи этихъ началъ! Всѣ эти мысли не только не считаются очень *обыкновенными* и *общепринятыми*, но онѣ служатъ предметомъ жаркихъ споровъ между педагогами. Критикъ называетъ ихъ пренаивно общепринятыми! Я ссылаюсь, напримеръ, на Петера, который желаетъ между прочимъ замѣнить *обыкновенное* и *общепринятое* преподаваніе Исторіи чтеніемъ историческихъ сочиненій съ учениками, а критикъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ этомъ вопросѣ, думаетъ, что все это—дѣло самое обыкновенное и главное — *общепринятое*. Позволительно критику не имѣть понятія о вопросахъ преподаванія исторіи, но *благородно-ли* судить о томъ чего мы не знаемъ и не понимаемъ? Но говоря, что въ моихъ мнѣніяхъ о преподаваніи исторіи нѣтъ самостоятельности, критикъ нагѣренно умалчиваетъ о IX и X страницахъ моего предисловія, гдѣ я говорю о сократическомъ преподаваніи исторіи. Пусть онъ мнѣ укажетъ, гдѣ заимствовалъ я этотъ способъ преподаванія исторіи?)

Вотъ и другія мѣста, которыя мы не можемъ оставить безъ опроверженія:

1) Рецензентъ говоритъ: «домовому — (т. е. посвящено въ моемъ учебникѣ) 4 страницъ, русалкамъ — еще больше». Между тѣмъ въ моемъ учебникѣ *всѣ* религіозныя вѣрованія языческихъ Славянъ излагаются на *одной* страницѣ (3 страница) ³⁾. Сверхъ того, авторъ рецензіи читаетъ этотъ предметъ *неважнымъ* и обвиняетъ меня въ томъ, что «выборъ матеріала у меня совершенно случайный». Неужели говорить о религіозныхъ вѣрованіяхъ — значитъ выбирать матеріалъ совершенно случайно? Вотъ образецъ возвышенныхъ взглядовъ критика наобытія, а онъ говоритъ, что я не отличаюсь такими возвышенными взглядами ⁴⁾.

2) Критикъ говоритъ, что въ моемъ учебникѣ «*объ уложеніи* Алексѣя Михайловича — ни слова»; но на страницѣ 78 моей книги читатель можетъ прочесть слѣдующее: «Въ 1649 году царь издалъ *Уложеніе*, т. е. Сборникъ законовъ. Уложеніе предписываетъ судьямъ «судить правду, и ни въ чемъ *другу не дружите* а не *другу не мстите*» и т. д. ⁵⁾.

¹⁾ Мы не можемъ воспользоваться позволеніемъ г. Шуфа, — не имѣть понятія о вопросахъ преподаванія исторіи», и согласимся разѣ съ тѣмъ, что это понятіе необходимо не одному критику, но и автору учебника. Во всемъ же сказанномъ до сихъ поръ, г. Шуфъ опровергаетъ самого себя, не насъ. Мы говорили, что г. Шуфъ считаетъ необходимымъ ссылаться на Шульгина, Овсянникова т. е. даже и тогда, когда онъ высказываетъ самыя обыкновенныя, общепринятыя мысли; а г. Шуфъ возражаетъ намъ такъ, какъ будто мы утверждали, что мысли о наглядномъ обученіи, о началѣ исторіи съ извѣстной мѣстности и т. д. суть мысли общепринятыя. Немного логики, — и г. Шуфъ сдѣлалъ бы намъ возраженія.

Ред.

²⁾ Еще разъ повторяемъ, что мы не имѣли въ виду оповѣщать объ изобрѣтеніи г. Шуфомъ сократическаго преподаванія исторіи, а только указали, какъ выше сказано нами, на забавный приемъ автора ссылаться, при высказываніи самыхъ обыкновенныхъ мыслей, на авторитеты г. Шульгина и другіе.

Ред.

³⁾ Если выше автору могла бы оказать услугу логика, то въ этомъ случаѣ онъ слишкомъ потопился отвѣтомъ: авторъ возражаетъ на опечатку, указанную нами еще прежде въ мартовской книгѣ.

Ред.

⁴⁾ Опять борьба съ собственнымъ мнѣніемъ: мы говорили, что «авторъ не отличается ни талантомъ изложенія, ни самостоятельностью, ни способностью отличать важное отъ неважнаго» и т. д.; авторъ увѣряетъ, что мы считаемъ религіозные предметы неважнымъ дѣломъ. Уча другіхъ добросовѣстности, надобно быть и самому добросовѣстнымъ.

Ред.

⁵⁾ Въ поправкахъ мартовской книги мы уже возвестили о находкѣ нами «Уложенія» въ учебникѣ г. Шуфа, и потому его притязанія опоздали.

Ред.

3) Авторъ рецензіи говоритъ: «въ біографіи Алексѣя Михайловича говорится *гораздо больше* о жизни Никона, чѣмъ о самомъ героѣ. Это также несправедливо, ибо объ Алексѣѣ Михайловичѣ у меня говорится на четырехъ (4) страницахъ (77, 78, 79, 80), а о Никонѣ только на двухъ, 81, 82, что же больше: 4 страницы или 2? Сверхъ того объ Алексѣѣ Михайловичѣ у меня говорится также и въ біографіи Никона, и въ біографіи Б. Хмельницкаго».

4) Онъ говоритъ: «Исторіи Западной Руси посвящено всего *нѣсколько строкъ*». У менѣ объ этомъ говорится на слѣдующихъ страницахъ: 83, 84 и 85, да сверхъ того въ біографіи Б. Хмельницкаго идетъ рѣчь о томъ же предметѣ! Значить ли это нѣсколько строкъ? Кажется я сдѣлалъ довольно извлеченій изъ этой рецензіи, чтобы читатель могъ составить себѣ о ней ясное понятіе ¹⁾).

«Руководящею нитью для своихъ разсказовъ — говоритъ рецензентъ — авторъ избралъ «Краткіе очерки русской Исторіи» г. Иловайскаго и «Учебную книгу русской Исторіи» г. Соловьева, *не упомянувъ* однако *въ числѣ источниковъ*, которыми пользовался, этихъ книгъ. Я пользовался сочиненіемъ г. Соловьева «Исторія Россіи» и указалъ это сочиненіе въ числѣ источниковъ въ своемъ предисловіи; *каждый специалистъ* знаетъ, что, пользуясь «Исторіею Россіи», лишнее пользоваться «Учебною книгою русской исторіи» того же автора, а также «Краткими Очерками» г. Иловайскаго. Въ доказательство своего мнѣнія рецензентъ говоритъ «Краткіе очерки Иловайскаго начинаются такъ: «Восточная половина Европы имѣетъ видъ сплошной однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями тремя горными хребтами». Разсказы г. Шуфа начинаются такъ: «Восточная Европа имѣетъ видъ обширной равнины, которая простирается отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Уральскихъ горъ». Заимствованіе поразительное! Критикъ торжествуетъ. Но я позволю себѣ спросить автора рецензіи: почему онъ знаетъ, что я заимствовалъ эту фразу изъ учебника г. Иловайскаго? Вѣдь образованному человѣку извѣстно, что «Исторія Россіи» Соловьева начинается такъ: «Предъ нами *обширная равнина* на огромномъ разстояніи отъ *Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго...*» (Исторія Россіи, томъ I, стр. 1) ²⁾

Другой примѣръ: «*перефразируя характеристику* славянъ изъ Иловайскаго, г. Шуфъ говоритъ: «погребеніе у славянъ совершалось слѣдующимъ образомъ: родственники сожигали мертвеца на кострѣ, собирали его пепель въ сосудъ и ставили оный на столбѣ, подлѣ дороги». У г. Иловайскаго: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца сожигали на кострѣ; пепель его собирали въ сосудъ и ставили на столбѣ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ». Критикъ нашелъ нужнымъ *опустить характеристику* славянъ у меня и у г. Иловайскаго, потому что это не подходитъ къ его цѣли и остановился на сравненіи описанія *только одного* обычая погребенія; но это описаніе я заимствовалъ не у г. Иловайскаго, а *перевелъ* почти *буквально* слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи Нестора: «по семъ творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу мертвеца сожъжашу — родственники сожигали мертвеца на кострѣ (у меня); а по семъ собравше кости, вложашу въ судину малу — собирали его пепель въ сосудъ; и поставишу на столпѣ на путехъ» — и ставили оный на столбѣ подлѣ дороги ³⁾).

¹⁾ Мы не понимаемъ такого примѣненія арифметики къ исторіи. Конечно, 4 больше 2; но изъ 4 страницъ статьи объ Алексѣѣ Михайловичѣ посвятить двѣ — на жизнь Никона, это значить очень мало сказать объ избранномъ предметѣ — вотъ все, что мы хотѣли сказать, и что совершенно справедливо.

Рец.

²⁾ Но авторъ болѣе даетъ понятіе о себѣ, ограничиваясь придирами къ выраженіямъ, чтобы глѣзбавить себя отъ спора о существенномъ. Его 83, 84, 85 стр., сравнительно съ важностью предмета, все же, составляютъ нѣсколько строкъ.

Рец.

³⁾ Вотъ случай, гдѣ намъ приходится извиниться предъ авторомъ: онъ долженъ лучше насъ знать у кого онъ вынималъ фразы, и если нынѣшній разъ онъ воспользовался г. Соловьевымъ, а не г. Иловайскимъ, то мы по неволѣ должны согласиться съ нимъ, а онъ за то согласится съ сущностью нашей мысли, а именно, что онъ занимаетъ у другихъ не только мысли, но и слова, и этимъ дѣлается имъ иногда въ ущербъ мысли.

Рец.

⁴⁾ Если бы мы допустили, что г. Шуфъ писалъ свой трудъ по непосредственнымъ источникамъ

Третій примѣръ еще болѣе наивный и забавный: «перефразируя г. Иловайскаго, г. Шуфъ говоритъ, что «Хмельницкій получилъ отличное образованіе», между тѣмъ какъ у г. Иловайскаго *эта фраза* выражена гораздо точнѣе, именно: «отличное *по тому времени* образованіе». Прошу открыть сочиненіе Костомарова: «Богданъ Хмельницкій», гдѣ на 43 стр. авторъ говоритъ о Хмельницкомъ: «получилъ отличное воспитаніе». Г. Костомаровъ выражается не какъ точно, какъ г. Иловайскій вѣроятно потому, что сочиненіе свое онъ издалъ въ 1869 г. (сдѣловательно не могъ поучиться точности выраженій у г. Иловайскаго!!¹⁰⁾).

Стоитъ ли послѣ этого говорить объ остальномъ въ этой рецензій? Впрочемъ вотъ замѣчательныя мѣста: 1) «выборъ матеріала для біографій совершенно случайный, о чемъ можно судить потому что.... о такихъ личностяхъ какъ Ломоносовъ ни слова (т. е. въ моей книгѣ)»; не говорю о Ломоносовѣ точно также, какъ и о Державинѣ, Пушкинѣ и пр. писателяхъ, потому что все это относится къ *исторіи литературы*, а проходить ону въ III классѣ имѣвша я не считаю возможнымъ. Какъ же изъ этого могъ заключить критикъ, что у меня выборъ матеріала случайный? Вѣдь въ руководствѣ г. Иловайскаго говорится объ этихъ писателяхъ; если я заимствовалъ *содержаніе* учебника, и *планъ* его у г. Иловайскаго, то почему бы мнѣ не сказать о Ломоносовѣ¹¹⁾! Критикъ желаетъ какъ видно проходить Исторію Русской Литературы съ учениками III класса! 2) Рецензентъ приводитъ мѣсто моего учебника, гдѣ я излагаю содержаніе знаменитаго наказа Екатерины II: «далѣе она говоритъ, что пытка при судебныхъ дѣлахъ не можетъ служить средствомъ узнать истину, потому что человекъ, имѣющій слабое сложеніе (*а сильное?* спрашиваетъ критикъ) не въ силахъ выносить страданій и т. д.» Какъ это мило, читатель! Я привожу слова Наказа: «пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго *слабое сложеніе*....», а критикъ наивно ставить вопросъ: «а сильное?» Не могу же я передѣлывать наказъ Екатерины¹²⁾! Не считаю нужнымъ говорить болѣе о другихъ ошибкахъ, которыми переполнена рецензія, ибо разсмотрѣннаго вполне достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о рецензій.

А. Шуфъ.

о и въ такомъ случаѣ его обвиняемъ въ неумѣньи ими пользоваться. Несторъ говоритъ не о всѣхъ славянахъ, а у г. Шуфа говорится о потребеніи вообще у всѣхъ славянъ. Мы и предложили ему вопросъ (у всѣхъ?); но на это отвѣчать автору показалось менѣе удобно, и онъ избралъ потому другую тему.

Рес.

¹⁰⁾ Н. И. Костомаровъ, говоря о *воспитаніи* выразился совершенно точно; но у г. Шуфа дѣло идетъ объ *образованіи* Хмельницкаго, и потому очевидно, г. Шуфъ, какъ то мы доказывали, почерпнулъ свои свѣдѣнія, или лучше сказать, слова и фразы у г. Иловайскаго, который также говоритъ объ образованіи Хмельницкаго, но выражается точнѣе. И такъ третій примѣръ «наивенъ и забавенъ», но не по отношенію насъ.

Рес.

¹¹⁾ Но въ томъ то и дѣло, что заимствованіе сдѣлано неудовлетворительно, о чемъ мы постоянно и говорили.

Рес.

¹²⁾ По всему видно, что автору учебника неизвѣстно правило помѣщать чужія слова въ кавычкахъ. То, что въ Наказѣ составляетъ историческую черту, характеризующую составителя, въ школьномъ учебникѣ естественно вызываетъ сдѣланную нами замѣтку, которая относилась, конечно, не къ Наказу, а къ автору, не умѣющему обращаться съ источниками.

Рес.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1869.

Книга третья. — Мартъ.

	Стр.
Оврывъ. — Романъ. — Часть третья. — I-XXIII. — И. А. ГОНЧАРОВА	5
Последние годы Речи Посполитой. — IV. Избрание Станислава Понятовскаго; диссидентское дѣло; Барская конфедерація; покушеніе на короля; первый раздѣлъ Польши. — V. Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи; ходъ воспитанія; неудачный проектъ Андрея Замойскаго; оппозиція противъ короля. — VI. Процессъ Угромовой; сеймъ 1786 года. — Н. И. КОСТОМАРОВА	154
Дача на Рейна. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть вторая. — Книга пятая. — I-X. (Переводъ съ рукописи)	225
Эпидемія пьянства и воровъ съ нею въ Америка и въ Европѣ. — Л. А.—ВЪ	279
Никонтъ. — Трагикомедія К. Гупкова. — Отъ переводчика. — Картина первая и вторая. — В. П. БУРЕНИНА	304
Критика. — Задачи исторіи цивилизации. — Гонетгера, Исторія культуры девятнадцатаго вѣка. — А. Н.—ВЪ	330
Иностранная Литература. — Декабрьскій переворотъ во Франціи. — E. Ténor, Ch. Dupouey, Al. Kinglake, L. Véron, Granier de Cassagnac, L. Blanc, J. P. Proudhon. — I-VI. — И. Н.	352
Наши гимназій и ихъ двойной классицизмъ. — Изъ Харькова. — Е. Г. С. ГОРДѢЕНКО	400
Государственный бюджетъ на 1869 годъ. — Статья вторая. — Л. П.	409
Внутреннее Овозрѣніе. — Юбилей петербургскаго университета. — Высочайшій рескриптъ. — Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. — Экономическіе результаты. — Желѣзнодорожная политика. — Элементы стратегическій и экономическій. — Восемь предложенныхъ линій. — Дороги безъ гарантіи. — Новая концессія. — Моршанское дѣло. — Расколъ и школы. — Московское земство и народныя школы. — Вопросъ объ учителяхъ. — Проектъ учительской семинаріи	424
Иностранное Овозрѣніе. — Заключеніе парижской конференціи. — Декларация. — Торжество Турціи. — Смерть Фуадъ-паши. — Политическая карьера въ Турціи. — Графъ Бисмаркъ и конфискаціи. — Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Кортесы и рѣчь маршала Серрано. — Тронная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента. — Рѣчь Гладстона объ Ирландіи	441
Наблюденія и Замѣтки. — Хроника общественной жизни. — о —	455
Театры. — Современныя условія русской сцены. — Новая комедія А. Н. Острогскаго: «Горячее сердце». — Е. У.	467
Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». — А.	485
Почтовая Замѣтка для иногороднихъ подписчиковъ	489

Литературныя Извѣстія. — Февраль. — Русская литература: О сельскомъ бытѣ ливонскихъ крестьянъ. Изсл. Ф. Юнгъ-Штиллинга. — Безъ вины виноватые. Разск. А. К. Владиміровой. — Очерки Японіи, М. Венюкова. — Орывки изъ путешествій по восточн. областямъ Европ. Турція, П. Мосолова. — За Байкаломъ и на Амурѣ, Д. И. Стахѣва. — Драматическія сочиненія Д. И. Стахѣва. — Рабочій вопросъ, Эрн. Бехера. Перев. П. Н. Ткачева. — Русскіе сказки, Н. Ахшарумова. — Новыя сказки Эд. Лабуле. — Дѣти капитана Гранта, Ж. Верна. Пер. Вовчка. — Очеркъ практич. педагогіи, Ф. Диттеса. Пер. Паульсона. — А. С.	491
---	-----

Книга четвертая. — Апрель.

Орывѣ. — Романъ. — Часть четвертая. — I—XIV. — И. А. ГОНЧАРОВА	523
Последніе годы Речи Посполитой. — 1787-1795 гг. — Глава первая. — I. Путешествіе Екатерины на югъ; свиданіе Станислава-Августа съ Екатериною и Іосифомъ; проектъ союза Польши съ Россією. — II. Положеніе и виды Пруссіи; партія въ Польшѣ; движеніе умовъ; приготовленіе къ сейму; избраніе маршала. — III. Открытіе сейма; прусскія внушенія; увеличеніе войска; уничтоженіе военнаго департамента; учрежденіе военной комиссіи. — IV. Арх. Викторъ Садковский усиленіе православія; страхъ крестьянскихъ бунтовъ; казни и преслѣдованія; арестъ Садковского; нота Штапельберга. — Н. И. КОСТОМАРОВА	618
Воспоминанія о Вѣлинскомъ. — I—XXI. — И. С. ТУРГЕНЕВА.	695
Русскія отношенія Бентама. — II. — А. Н. ПЫПИНА	730
Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ. — Стих. гр. А. К. ТОЛСТАГО	789
Русскіе законы о печати. — I. — К. К. АРСЕНЬЕВА	794
Дача на Рийнѣ. — Романъ В. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть вторая. — Книга пятая. — XI—XXI. (Переводъ съ рукописи)	812
Ламартина. — Біографическій очеркъ. — Л. А. ПОЛОНСКАГО.	871
Кассационные Департаменты Сената. — I. — Гражданская практика. — П. М.	895
Внутреннее Овозрѣніе. — Сессія дворянства Петербургской губерніи. — Вопросъ объ опекахъ. — Правительственный проектъ. — Всесословность и сословность. — Городской элементъ въ общей опеке. — Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 г. — Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. — Земледѣльческая нишета и банки. — Что такое почта? — Реформа во взглядъ на умственное право общества. — Религіозныя разномыслія. — Дѣло Крынина. — Дѣло Большакова	921
Иностранное Овозрѣніе. — Французскій законодательный корпусъ. — Прусскіе парламенты. — Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. — Сѣверо-американскіе Штаты и избраніе новаго президента. — Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. — Жизнь Гранта и его политическія идеи. — Билль Гладстона объ ирландской церкви	939
Корреспонденція изъ Берлина. — Министерство народнаго просвѣщенія и церковь въ Пруссіи. — К.	956
Литературныя Извѣстія. — Мартъ. — Русская литература: Признаки времени и письма о провинціи. М. Салтыкова (Щедрина). — Сочиненія и переводы А. Н. Важенова. — Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 62 гг. Соч. А. Подвысоцкаго. — Виленскій сборникъ, В. Кулина. — А. С—НѢ. — Систематическій каталогъ русскихъ книгъ въ кн. маг. А. Ѳ. Базунова. Состав. В. И. Межовъ. — Отвѣтъ г. Шуфа, по поводу рецензіи его историческаго учебника	979

История политических учений. Соч. Б. Чичерина.
М. 1869. Стр. 444. Ц. 3 руб.

При тѣсной связи исторіи политическихъ учений съ практическимъ развитіемъ государственныхъ учрежденій и съ успѣхами политическаго образованія, понятно, что сочиненіе г. Чичерина можетъ возбудить большой интересъ, и мы надѣемся ближе познакомить читателей съ этимъ трудомъ. Заключивъ общія понятія о своемъ предметѣ въ краткомъ введеніи, авторъ представляетъ довольно полную характеристику древнихъ политическихъ учений Платона, Аристотеля, Полибія и Цицерона. Далѣе, авторъ останавливается на отахъ церкви и средневѣковой схоластики; ученіе эпохи реформаціонной, Томасъ Моръ, Макіавелли и, наконецъ, Боденъ, занимаваютъ первый томъ труда г. Чичерина, составляющій начало курса, читаннаго имъ въ Москвѣ, и обработаннаго, какъ говоритъ авторъ, «въ деревенской тиши, гдѣ успокоилось чувство, возмущенное человѣческою неправдою». Вообще, въ изученіи прошедшаго есть всегда много утѣшительнаго, хотя авторъ вѣроятно согласится съ нами, что утѣшеніе прошедшимъ само по себѣ уже не утѣшительно, и принадлежить, конечно, къ числу самыхъ послѣднихъ утѣшеній.

Уральское горное хозяйство, и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ. Исслѣдов. В. П. Безобразова. Сиб. 1869. Стр. 343, съ прилож. и статистич. таблицами. Цѣна (?)

Въ 1867 г., коммиссія, учрежденная для пересмотра системы податей и сборовъ, составила проектъ правилъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки. Но, чтобы продать, необходимо имѣть ближайшія свѣдѣнія о настоящемъ хозяйственномъ положеніи горныхъ заводовъ, на что отвѣчаетъ весьма подробно и обстоятельно изслѣдованіе В. П. Безобразова, изучившаго свой предметъ на мѣстѣ. Къ результатамъ своихъ наблюденій авторъ присоединяетъ и мѣстное общественное мнѣніе: «продажа казенныхъ заводовъ ожидается на Уралѣ съ радостными надеждами, во всѣхъ слояхъ народонаселенія, даже въ кругу образованнѣйшихъ горныхъ инженеровъ, для которыхъ нынѣшнее несостоятельное и во всѣхъ отношеніяхъ обидное положеніе этихъ заводовъ въ высшей степени тягостно». Авторъ не скрываетъ, что эти надежды омрачаются преданіями о подобной попыткѣ въ XVIII столѣтіи; «но—прибавляетъ оны—привилегированный характеръ этой мѣры, которую тогда пользовались высокопоставленныя лица съ цѣлями личнаго обогащенія при продажѣ казенныхъ заводовъ, не имѣетъ ничего общаго съ современною государственною задачею». Такіе труды, какъ этотъ трудъ г. Безобразова, служатъ

къ просвѣщенію общественнаго мнѣнія, и потому заслуживаютъ полнаго вниманія публики.

Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые. Собр. и изд. Т. Юзефовичъ. Сиб. 1869. Стр. 894. Ц. 1 р. 50 к.

При томъ интересѣ, который по временамъ возбуждается восточнымъ вопросомъ, документальное изданіе договоровъ съ нашими восточными сосѣдями, появляющееся въ первый разъ въ изданіи г. Юзефовича, удовлетворить потребности многихъ, слѣдящихъ за политикою. Предложивъ историческій обзоръ сношеній Россіи съ Востокомъ, издатель помѣщаетъ 20 договоровъ съ Турціею, отъ 1700 г. 1856 г.; 6 договоровъ съ Персіею, отъ 1723 до 1828 г.; 8—съ Китаемъ, отъ 1669 г. до 1862 г. и 3—съ Японіею, въ 1855, 58 и 67 гг. Авторъ говоритъ вообще, что нѣкоторые изъ договоровъ были помѣщены въ иностранныхъ изданіяхъ, а нѣкоторые нигдѣ еще не напечатаны; но слѣдовало бы при каждомъ договорѣ указать на текстъ, которымъ руководился собиратель, такъ какъ его изданіе, будучи частнымъ, не представляетъ никакихъ гарантій въ отношеніи аутентичности.

Руководство къ исторіи искусства, Франца Куглера, обработан. В. Любее. Перев. съ нѣм. Е. Коринъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ч. I. Съ 320 рисун. М. 1869. Стр. 610. Ц. 5 руб.

Фр. Куглеръ первый въ наше время замыслилъ обзоръ въ системѣ послѣдовательное развитіе искусства отъ первыхъ попытокъ до позднѣйшихъ твореній гениальныхъ художниковъ. Отсутствие русскаго перевода классическаго труда Куглера было весьма чувствительно; но его и трудно было ожидать, такъ какъ подобное изданіе по стоимости своей требуетъ большихъ затратъ, чтобы быть достойнымъ подлинника. Въ этомъ отношеніи, изданіе Куглера Т. И. Солдатенковымъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: переводъ какъ нельзя болѣе удовлетворителенъ; многочисленные рисунки выполнены превосходно. При относительно дешевой цѣнѣ, это лучший подарокъ, какой можно сдѣлать нашимъ любителямъ художествъ.

Письма о Греціи, въ 1865-67 гг. С. Н. Сиб. 1869. Стр. 212. Ц. 1 р.

Автору писемъ случилось въ 1866 г. провести нѣсколько педѣль въ Аѣнахъ и Корфу; въ свои письма онъ заносилъ безъ особыхъ претензій всѣ свои личныя впечатлѣнія, какъ туристъ, изъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ отъ лицъ, встрѣчавшихся на прогулкахъ, въ пути и т. п.; безъ сомнѣнія, кратковременность путешествія принудила автора писемъ ограничиться наблюденіями надъ одною поверхностною стороною жизни края, на столько же интересною для насъ, на сколько мало знакомо намъ современное состояніе его культуры.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“.

1. Подписка принимается только на годъ (допущенная въ началѣ года полугодовая подписка прекращается съ 1-го апрѣля; но подписавшіеся на первое полугодіе удерживаютъ за собою право возобновить въ іюніѣ подписку на второе полугодіе):
1) *безъ доставки*—14 руб.;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москву чрезъ кн. мѣл. Н. Г. Соловьева*—15 руб.;—3) *съ пересылкою въ губерніи и въ Москву по почтѣ*—17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырванный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получить безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москву*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; желающіе получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *мѣста той Почтовой Конторы*, съ указаніемъ ея губерніи и уѣзда, (ею она не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда позлагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб., въ Контору городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Германія*—18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція и Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія*—21 руб.; *Швейцарія*—22 руб.; *Италія и Римъ*—23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ представляетъ прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея итмпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сдѣлаться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворить только по полученіи вѣста по дѣлей.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для городскихъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца.

8. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ безъ адресовъ; иногороднымъ въ такой же обложкѣ съ адресами; иностраннымъ — въ бароляхъ съ адресами.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА
Невскій просп., 30.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи Почтамту.

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

www.libtool.com.cn

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

